

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

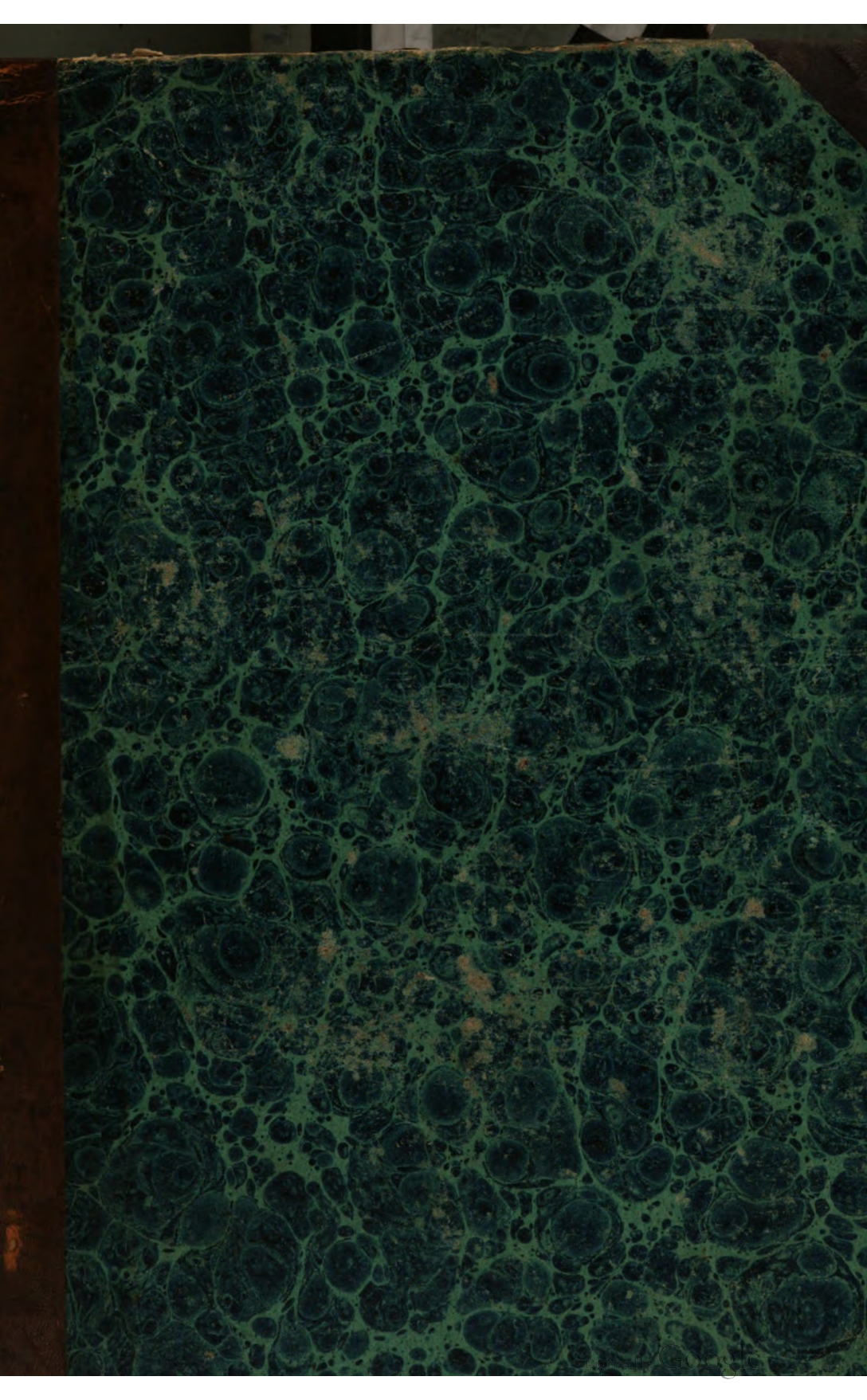
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Р. 236. 4 (1871 / 11)

ПРОБЕЖЕНО
1940 г.

Июл 1941

ПРОБЕЖЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Д Ъ Л О

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. ЛЪСЪ РУБЯТЬ — ЩЕПКИ ЛЕТЯТЬ. Ром.
Часть четвертая и послѣдняя. (Гл. I—IV) А. МИХАЙЛОВА.
- II. ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ. Ст. третья . . . Н. В. ШЕЛГУНОВА.
- III. ЕЪ СЕВЪ. Стихотвореніе Леопарди. . . Л. П. ГРАВЕ.
- IV. ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ. Ст. первая . . . С. П.
- V. ВРИЛЛАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЪЕ. Романъ.
(Гл. VI—XI) АНТОНИ ТРОЛЛОПА.
- VI. НЕУДАВШИЙСЯ ДЪЛЕЖЪ. Стихотворе-
ніе Д. Д. МИНАЕВА.
- VII. ЭМИГРАЦІЯ ВЪ СВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ Б. П. ОНГИРСКАГО.
- VIII. ЖИВАЯ СИЛА. Романъ въ трехъ кни-
гахъ. (Гл. XXVII—XXX). ФР. ГЕРШТЕНКЕРА.
- IX. ДАРЫ ВЕСНЫ. Стихотвореніе. Д. Д. МИНАЕВА.
- X. НОВОСТИ ЖЕНСКАГО ДЪЛА С. С. ШАШКОВА.
- XI. НА ПОЖАРИЩЪ. (Изъ Гейне). Стихотво-
реніе Д. М.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ СЕРАФИНИ.

Новорожденные—«Гражданинъ» и «Азіятскій Вѣстникъ»; живые—«Вѣстникъ Европы»; больные—«Заря»; умирающие—«Знаніе».

XIII. ОБЪЯСНЕНІЯ СЪ РЕДАКЦІЕЙ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ» по поводу Дарвина. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.

XIV. НОВЫЯ КНИГИ.

Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Спб. 1871. — **Исторія кусочка угля.** Эдгара Эмана. Переводъ съ французскаго. Спб. 1871. — **Исторія солнечнаго луча.** Общепонятное изложеніе ученія о свѣтѣ. Перев. съ франц. Спб. 1871. — **Путешествіе по сѣверо-восточной Африкѣ** или по странамъ, подвластнымъ Египту: Судану, Нубіи, Сеннару, Россересу и Кордофану, д-ра Эдмунда Брэма, члена леопольдино каролинской академіи и д-ра ученыхъ обществъ. Со втораго изданія. Части I и II. Изданіе В. О. Ковалевскаго. Спб. 1869—1871. — **Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ.** Выпускъ третій. Москва. 1871.

XV. РУССКІЙ ТЕАТРЪ П. Д. БОБОРЫКИНА

XVI. НЕВИННЫЯ ЗАМѢТКИ L'homme qui rit.

Сближеніе петербургскихъ пессимистовъ съ провинціальными оптимистами.—Мечты о славномъ будущемъ.—Общественный раздоръ, возбуждаемый катковскими органами.—Фамильное происхожденіе двухъ новыхъ романовъ «Русскаго Вѣстника» и новый приѣмъ, съ которымъ нужно читать ихъ.—Набѣги и «сарынь на кичку!» «Московскихъ Вѣдомостей».—Опыты преслѣдованія Шекспира за нигилизмъ, а поэта Фета за пасквиль.—Наши Маниловы и ихъ гоньба за «свѣтлыми явленіями».—Примирительное слово современнаго оптимиста.—Статистика Японіи и выводы одного московскаго чудака.—Нѣчто о «незнакомцахъ» русской печати.—Мы открываемъ новую Америку!... — Возведеніе въ культъ древнихъ обычаевъ московскими публицистами и адвокатами.—Отрывокъ изъ русской «Иліады».—Кто лучше: наши драматурги или артисты петербургскаго театра?

XVII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Мирно-совершившійся государственный переворотъ въ Японіи.—Даймюсы и самуры безъ протеста отказываются отъ своихъ феодальныхъ правъ.—Ненависть китайцевъ къ католическимъ миссіонерамъ.—Президентъ Грантъ рѣшается преслѣдовать мормоновъ подъ предлогомъ существованія у нихъ полигаміи.—Петиція мормонскихъ женщинъ.—Признаки разложенія мормонства.—Сіонская церковь.—Ужасные пожары въ Соединенныхъ Штатахъ.—Громадное число жертвъ пожаровъ.—Находчивость и энергическая дѣятельность мэра въ г. Чикаго. — Сравненіе англичанъ и американцевъ относительно способности къ самоуправленію. — Въ Бразиліи болѣе не будутъ рождаться рабы. — Германскій запасной военный капиталъ. — Увольненіе графа Гогенварта.—Назначеніе Коллера богемскимъ губерна-

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ф Л Р“

въ 1872 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1872 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія пять лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“—(адресъ ея извѣстенъ почтамту). Въ книжный магазинъ ДЛЯ ИНОГОРОДШИХЪ (на Невскомъ просп. противъ Думы, д. № 36). Въ Москвѣ: въ книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева) и М. М. Черемна (на Рождественкѣ въ д. Торлецкаго).

Редакція, доводя до свѣденія гг. подписчиковъ на журналъ „ДЪЛО“ нижеслѣдующее заявленіе Почтоваго Департамента, просить ихъ обратить вниманіе на это заявленіе.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА. Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности удовлетворять жалобы подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо номера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ просить редакціи періодическихъ изданій довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ чрезъ напечатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо номера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т. е. не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера, подобно тому, какъ это установлено для заявленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ.

Послѣ такого заявленія, при всемъ желаніи редакціи удовлетворять жалобы своихъ подписчиковъ, поступающія позже вышеозначеннаго срока жалобы эти будутъ оставаться безъ послѣдствій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе заявленія бузулукскаго Головы о бѣдственномъ положеніи пострадавшихъ отъ пожара жителей города Бузулука Самарской губерніи, въ Редакцію «ДѢЛА» поступили слѣдующія пожертвованія:

Отъ г. В. Касира 15 р.—Отъ жителей с. Поповки 11 р.—Отъ г. Физельдекъ 2 р.—Отъ г. Фастовича 1 р.—Отъ неизвѣстныхъ 18 р.—Отъ неизвѣстныхъ 10 р.—Отъ неизвѣстнаго 5 р.—Отъ неизвѣстнаго 6 р.—Отъ неизвѣстной 4 р.—Отъ г. Добровольскаго 1 р.—Отъ г. Салтанова 50 к. Всего 73 р. 50 к. А съ прежними, объявленными при 10-мъ №—рѣ «ДѢЛА» всего 136 р. 50 к.

Деньги эти отправлены по назначенію, и редакція проситъ г. бузулукскаго Голову объявить о полученіи денегъ въ одной изъ нашихъ газетъ.

Въ пользу французскихъ семействъ, раззоренныхъ войною, получено Редакціей 3 руб. отъ г. Родзевича.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ИМВ. № 24457

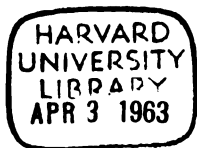
№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1871.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

Δ
Psa - 236.4 ($\frac{1871}{11}$)

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 ноября 1871 года.

ЛѢСЪ РУБЯТЪ — ЩЕПКИ ЛЕТАЮТЪ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

ДОВРНЫЙ РОДСТВЕННИКЪ.

Стояли теплыя, долгіе лѣтніе дни. Солнце золотило каждую травку, его лучи прокрадывались въ каждую щелку. Все въ природѣ разцвѣтало, распускалась каждая цвѣточная почка, щебетала въ лѣсу каждая птица. Въ эту пору и людямъ живется лучше и привольнѣе, чѣмъ зимою. Но, можетъ быть, никому не жилось такъ хорошо въ это лѣто, какъ Катеринѣ Александровнѣ и Александру Прохорову. Они ловили дни отдыха и дни любви. Оба эти человѣка не считали отдыха и любви цѣлью своей жизни, но, какъ рабочій народъ, наработавшись до поту лица, они сознавали, что и отдыхъ, и любовь были лучшею наградою за дни труда, за дни будничныхъ столкновеній съ чужими людьми, за дни мелкихъ жизненныхъ дразгъ. Послѣ мѣсяца полной, беззаботной свободы, молодые люди готовились снова приняться за свои обычныя занятія съ новыми силами, съ новой энергіей и спокойной душою. Даже Марья Дмитріевна, хлопотавшая по хозяйству и не безъ сердечнаго удовольствія, хотя и жалобнымъ тономъ, учившая „свою кухарку“, какъ нужно служить „благород-
«Дѣло», № 11.

нимъ господамъ“, была, повидимому, спокойнѣе обыкновеннаго и, казалось, не мучилась никакими мрачными предчувствіями. Ее веселило присутствіе всѣхъ ея дѣтей и дѣтей Данилы Захаровича въ ея домѣ, и если какая-нибудь забота волновала ее, такъ это забота о какихъ-нибудь пирожкахъ для дѣтей. За дѣтьми Данила Захаровича она ухаживала почти больше, чѣмъ за своими дѣтьми, постоянно говоря имъ: „Не взныщите, кушайте, дѣточки, что Богъ послалъ. Вѣдь вы къ сладенькому куску привыкли у папаши!“ И дѣти любили добрую и простенькую „тетю“ гораздо болѣе, чѣмъ свою мать. Они были очень рады, что Катерина Александровна рѣшилась сойтись съ Павлой Абрамовной. Первый шагъ къ сближенію съ Павлой Абрамовной Катерина Александровна сдѣлала черезъ силу, и сдѣлала его только ради Леонида и Лидіи. Она боялась, что Павла Абрамовна не станетъ отпускать дѣтей гостить къ ней. Но, противъ ея ожиданія, Павла Абрамовна очень обрадовалась возможности „освободиться“ отъ дѣтей и очень откровенно замѣтила, что они „надоѣли ей, какъ горькая рѣдька“. Павла Абрамовна была женщина откровенная. Изъ вѣжливости Катерина Александровна пригласила къ себѣ и Павлу Абрамовну, но та сказала, что она никуда не выѣзжаетъ и, конечно, только обрадовала этимъ племянницу своего мужа. Дѣла, такимъ образомъ, устроились къ общему удовольствію: Леонидъ и Лидія пріѣзжали на дачу на три, на четыре дня; Павла Абрамовна разѣзжалась куда-то съ Карломъ Карловичемъ; Антонъ и Миша радовались присутствію въ ихъ домѣ двоюродныхъ брата и сестры, а взрослые члены семьи могли не опасаться за внезапное появленіе въ ихъ домѣ никѣмъ не любимой матери этихъ дѣтей. Попрежнему печально влачилъ свою жизнь только Данило Захаровичъ, все еще содержавшійся подъ арестомъ. Но и у него уже явились кое-какія надежды на освобожденіе, хотя онъ и не могъ сказать навѣрное, когда онъ осуществятся.

Такъ жилось кружку нашихъ героевъ въ это лѣто и нечего говорить, что все-таки счастливѣе всѣхъ его членовъ были Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ. Она попрежнему читала и училась; онъ напечаталъ и подготавливалъ рядъ статей о воспитаніи вообще и о воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ особенности. И ея ученье, и его литературные

труды шли довольно удачно подъ вліяніемъ полнаго душевнаго спокойствія и свѣтлаго счастья. Онъ уже сдѣлалъ себѣ имя въ литературѣ, хотя не очень громкое, но честное и вполне достойное уваженія. Катерина Александровна гордилась его успѣхами на этомъ поприщѣ. Ни одна черная мысль, ни одно робкое опасеніе за будущее не смутили въ это время ихъ счастья.

— Милая, какъ это ты рѣшаешься теперь входить въ мою комнату безъ тѣлохранителей? шутилъ однажды Александръ Прохоровъ, встрѣчая Катерину Александровну въ своей комнатѣ въ мезонинѣ дачи.

— Хочешь, я ихъ позову сейчасъ? Антонъ, Ми... начала Катерина Александровна звать братьевъ.

— Тссъ! зажалъ ей рукою ротъ Александръ.—Теперь поздно! Не извольте распорядиться въ моей комнатѣ.

— Ага, испугался! засмѣялась она.—Да вѣдь ихъ и не докличешься, они въ лѣсъ ушли... Вотъ развѣ маму позвать?..

— Ну, полно, полно, намъ хорошо и однимъ...

— Да, хорошо! прижалась къ нему Катерина Александровна.—Знаешь-ли, что мнѣ иногда думается? Мнѣ кажется, что я лучшей жизни не желала-бы. Пусть-бы всегда, всегда такъ жилось...

— Вѣчно-бы было лѣто, вѣчно были-бы мы вдвоемъ, какъ Павелъ и Виргинія? смѣялся Александръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! поторопилась возразить Катерина Александровна.—Я хотѣла-бы работать, много работать, жить въ шумномъ обществѣ, среди тревогъ, волненій и, пожалуй, непріятностей, жить такъ до усталости, до того, чтобы душа запросила отдыха и любви, твоей любви, твоихъ ласкъ, несмущаемыхъ ничѣмъ.

— А, такъ ты вотъ какъ! Ты меня считаешь чѣмъ-то въ родѣ сладкаго третьяго блюда въ праздникѣ, смѣялся Александръ.

— А развѣ ты не считаешь нашей любви, нашего отдыха тѣмъ-же? Ужь въ самомъ дѣлѣ не хочешь-ли ты самъ увести меня куда-нибудь на необитаемый островъ Тихаго океана, чтобы вѣчно, вѣчно отдыхать и наслаждаться одною любовью?...

— Нѣтъ, нѣтъ, одно сладкое вредно...

— И наскучить, перестанетъ казаться сладкимъ... Помнишь пословицу: не узнаешь горькаго, не узнаешь и сладкаго...

— Оттого-то намъ и живется такъ хорошо теперь, что мы уже вкусили очень много горькаго...

— Да, милый, милый, сколько пережито... Порой все прошлое мнѣ кажется сновидѣніемъ... Иногда я сама не знаю, какъ я могла пережить все это, когда начну вспоминать день за днемъ прошлую жизнь... Подвалъ, голодъ, глупая школа, пьяный отецъ, беспомощная мать, вымалыванье куска хлѣба, поиски за мѣстомъ, оскорбленія со стороны разныхъ Зубовыхъ, скорбь за бѣдныхъ дѣтей, разлука съ тобою... А та минута, когда я думала, что ты убитъ... Одной ея довольно, чтобы сойдти съ ума... Вѣдь я уже тогда вѣрила въ твою любовь, знала, что только съ тобою я дойду до цѣли...

Александръ молча цѣловалъ ея руки. Катерина Александровна сидѣла около него неподвижно, въ раздумьи о быломъ.

— Мнѣ вспомнилось, тихо заговорила она, что я гдѣ-то читала, будто все, „что пройдетъ, то будетъ мило“. Это неправда, это, вѣроятно, написалъ человѣкъ, неиспытавшій того горя, которое губить безвозвратно. Какъ можетъ быть мило мнѣ мое прошлое, тебѣ твое прошлое?... Мило намъ теперь въ немъ то, что было мило и тогда... Но могутъ-ли быть милы тѣ страданья, которыя губили здоровье, которыя отнимали безъ пользы лучшіе годы жизни?... Я понимаю, что и тяжелый трудъ и непріятности прошлаго могутъ быть милы, если мы сами для какой-нибудь благой цѣли взяли на себя крестъ и вышли, не смотря на его тяжесть, побѣдителями изъ борьбы. Но вѣдь эти страданья милы намъ не потому, что они прошли... Своего-же прошлаго, если-бы на мнѣ даже не осталось не одинаго грустнаго слѣда отъ него, я все-таки не полюблю уже просто потому, что въ его тѣмѣ я вижу нѣсколько могилъ. Отецъ, Даша, твой братъ—этихъ именъ вѣдь не вычеркнешь изъ памяти...

Катерина Александровна на минуту умолкла.

— Вотъ тоже на дняхъ я встрѣтила въ городѣ Свворцову, начала Катерина Александровна. — Совсѣмъ погибла! Ёдетъ на дрожкахъ съ какимъ-то старикашкой. Похудѣла, лицо какое-то помятое... Пошла по мытарствамъ!... Вѣдь это тоже одна изъ тѣней прошлаго.

Молодая дѣвушка встала и заходила по комнатѣ. Ея лицо было взволновано и горѣло яркимъ румянцемъ.

— Полно, Катя! ласково промолвилъ Александръ. — Скажи еще спасибо, что это прошлое не убило и насъ ни физически, ни нравственно. Много людей гибнетъ отъ подобной жизни: одни сходятъ въ могилу, другіе черствѣютъ, гибнуть нравственно... А намъ счастливый случай помогъ и уцѣлѣть и сохранить въ себѣ любовь ко всѣмъ...

— Да, кстати замѣтила Катерина Александровна. — Меня не на шутку беспокоитъ участь дѣтей дяди. Что съ ними будетъ? Ихъ совершенно загубить ихъ семья. Я, кажется, все сдѣлала-бы, чтобы спасти ихъ; но если дядю сошлютъ, то Павла Абрамовна никакъ не согласится отдать ихъ на мое попеченіе и не пуститъ ихъ съ нимъ. Если-же они останутся съ нею, то нечего ждать хорошаго.

— Кажется, дѣло обойдется. Я слышалъ мелькомъ, что Данилу Захаровича только отставляютъ отъ службы, промолвилъ Александръ. — Впрочемъ, и это будетъ не особеннымъ счастьемъ для дѣтей... Примѣръ-то все-таки будетъ передъ глазами печальный. Вотъ Леонидъ и теперь не уважаетъ ни отца, ни мать. Правда, отца онъ еще жалѣетъ, а къ ней относится ужъ со всѣмъ враждебно.

— Хорошо еще, что онъ насъ такъ полюбилъ, а то съ его характеромъ ему не избѣжать-бы постоянныхъ семейныхъ сценъ, которыя кончились-бы не добромъ... Павла Абрамовна и то жалуется, что онъ ей ни слова не уступаетъ... „Что это за дѣти нынче растутъ, жаловалась она мнѣ недавно, совсѣмъ отъ рукъ отбились! Умнѣе старшихъ хотятъ быть...“ Я ничего не могла ей отвѣтить. Вѣдь не объяснять-же, что дѣти-то тутъ не причемъ, что она сама виновата... Но ты не повѣришь, какъ тяжело смотрѣть на этотъ внутренній семейный разладъ: жить въ подобныхъ отношеніяхъ со своею семьею—это просто пытка.

— И хуже всего то, что эта пытка губить именно тѣ неокрѣвшія молодя силы, предъ которыми стоитъ еще цѣлая жизнь... Мы переживаемъ именно тотъ періодъ нашей жизни, когда люди разныхъ убѣжденій, люди разныхъ поколѣній должны столкнуться на практической почвѣ. Сколько-бы ни было и теперь пустого фразерства, но такъ или иначе рядомъ съ нимъ кипитъ

и новая практическая дѣятельность. Столкновения на этой почвѣ неизбѣжны, неизбѣжно и критическое отношеніе однихъ членовъ общества къ дѣятельности другихъ.

— Но чѣмъ это все кончится, чѣмъ кончится! вздохнула Катерина Александровна.

— Конечно, хорошимъ! Одной крестьянской реформы довольно, чтобы назвать наше время — хорошимъ временемъ. Разумѣется, много будетъ увлеченій, много промаховъ, но потерпятъ отдѣльныя единицы, отдѣльныя личности, общее-же дѣло все-таки сдѣлаетъ поворотъ къ лучшему.

Катерина Александровна задумалась. Слова о гибели отдѣльныхъ личностей опять воскресили въ ея воспоминаніи тѣни любимыхъ ею погибшихъ людей и ей стало тяжело. Ей почему-то невольно вспомнились чудныя слова поэта про „бѣдныхъ матерей“:

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей нивѣ
Своихъ понижувшихъ вѣтвей...

И она невольно вздрогнула.

— О, если-бы нашимъ дѣтямъ удалось подрастать въ ту пору, когда совершится все, начинаемое теперь, и когда всѣ люди братски протянутъ другъ другу руки! промолвила она. — Миѣ кажется, что въ такую пору, какую переживаемъ мы, нельзя вполнѣ развиваться, нельзя основательно чему-нибудь научиться... Тутъ хватаешься за все, вездѣ видишь прорѣхи, все хочешь передѣлать, учишься урывками... Миѣ кажется, что теперь положеніе многихъ людей похоже на мое: я должна была и добывать хлѣбъ, и устривать семью, и готовить себя для обезпеченія своего будущаго, и пріютъ волновалъ и беспокоилъ меня своими неурядицами... Поневоѣ приходилось дѣлать промахи, подготавливаться кое-какъ, улаживать дѣло на живую нитку и иногда мучаться, что не было силъ предусмотрѣть то или другое... Наша жизнь — жизнь благихъ стремленій и жалкихъ ошибокъ...

Александръ Прохоровъ ласково привлекъ ее къ себѣ и горячо поцѣловалъ ея раскраснѣвшееся личико.

— Добрая моя, тебѣ все хочется побѣды, безъ ошибокъ и безъ падшихъ людей, нѣжно промолвилъ онъ. — Этого или не бываетъ, или бываетъ очень рѣдко.

Въ эту минуту дверь въ его комнату незамѣтно отворилась и на порогѣ показалась Марья Дмитріевна. Она въ недоумѣніи остановилась въ дверяхъ и смотрѣла нѣсколько испуганными глазами на дочь и на Прохорова. Видя, что ее не замѣчаютъ, она кашлянула. Молодые люди обернулись.

— Обѣдъ поданъ, проговорила она. — Я тебя искала, искала...

— Сейчасъ идемъ, мама, отвѣтила Катерина Александровна.

Марья Дмитріевна какъ-то подозрительно смотрѣла на молодыхъ людей.

— Тамъ гость у насъ, произнесла она.

— Кто, мама?

— Данило Захаровичъ.

— Какъ? На свободѣ? радостно воскликнула Катерина Александровна и хотѣла выбѣжать изъ комнаты.

— Постой, постой! удержала ее Марья Дмитріевна и тихо шепнула ей на ухо:— ты освѣжись немного... лицо-то вонъ у тебя какъ горить...

— Жарко, мама, простодушно отвѣтила Катерина Александровна.

Марья Дмитріевна покачала головой.

— Не хорошо, Катюша! Мало-ли что подумать могутъ!

Катерина Александровна съ удивленіемъ посмотрѣла на мать.

— Вѣдь вотъ спросятъ: гдѣ была?.. Не скроешь...

— Мама, да я и не желаю ничего скрывать. Миѣ нечего скрывать! съ особеннымъ удареніемъ отвѣтила Катерина Александровна, нахмутивъ брови.

Марья Дмитріевна какъ будто испугалась чего-то и послѣпно проговорила пониженнымъ тономъ:

— Знаю, знаю, Катюша, что нечего. Ты у меня умница!.. Да вѣдь на чужой ротокъ не накинешь платокъ... Люди-то что...

— Подите вы съ вашими людьми! рѣзко отвѣтила Катерина Александровна. — У меня своя голова!

Она быстро вышла изъ комнаты и спустилась внизъ. Марья Дмитріевна, вздыхая и крестясь, поплелась за нею. Александръ Прохоровъ обогналъ ее на лѣстницѣ, она отсторонилась отъ него и посмотрѣла ему вслѣдъ какимъ-то недобрымъ взглядомъ.

Катерина Александровна сошла внизъ и радушно протянула руку Данилѣ Захаровичу. Онъ и штабсъ-капитанъ сидѣли на террасѣ и смотрѣли въ разныя стороны. Лицо Данилы Захаровича обрюзгло и пожелтѣло, въ глазахъ было какое-то недоброе выраженіе.

— Какъ я рада, что вижу васъ на свободѣ, проговорила Катерина Александровна. — Надѣюсь, что ваше дѣло кончилось счастливо.

Данило Захаровичъ вздохнулъ.

— Отставленъ безъ пенсіи, проговорилъ онъ. — Нищимъ остался... Конечно, я долженъ благодарить моего благодѣтеля Александра Николаевича Свицова. Не забудь, похлопоталь... Безъ него могло-бы хуже кончиться... Чтожъ, стану теперь работать, куда нибудь въ переписчики, въ конторщики пойду... Мы, люди маленькіе, ни на что негодные, должны изъ-за куска хлѣба работать... Проживемъ какъ нибудь!

— Не унывайте, дядя! Зачѣмъ падать духомъ? Все еще уладится.

— Нѣтъ, племянница, не уладится! еще разъ вздохнулъ Данило Захаровичъ. — Что я теперь? Нуль, червякъ пресмыкающійся. Меня въ моемъ собственномъ домѣ никто не уважаетъ... Жена, дѣти,— всѣ отъ рувъ отбились... Дома адъ какой-то; не ласку я тамъ встрѣтилъ, а попреки... Конечно, я молчать долженъ я на женины деньги долженъ жить...

Данило Захаровичъ говорилъ со вздохами, приниженнымъ тономъ, скорбно покачивая головой, но въ лицѣ, въ его голосѣ, въ его рѣчахъ слышалась не одна скорбь, не одна приниженность, въ нихъ замѣчалась и частичка желчи и злобы, той шипящей злобы, которая нерѣдко прикрывается слабодушными людьми маской смиренія и покорности, но въ глубинѣ души подталкиваетъ ихъ на разныя интриги и ковы. Катеринѣ Александровнѣ было тяжело слушать дядю.

— Какъ-же вы думаете устроить дѣтей? спросила она.

— Благодѣтель нашъ Александръ Николаевичъ Свицовъ обѣщался платить за Леню; Лидію обѣщали въ институтъ устроить... Я теперь не могу самъ своихъ дѣтей поднять на ноги... Я отецъ и не могу ихъ поднять на ноги!.. Обидно!.. Если добрые люди не помогутъ, то придется имъ неучами расти... Конечно, дѣти

это понимаютъ, знаютъ, что имъ отецъ ничего дать не можетъ: ну и плюютъ на отца. Что онъ для нихъ? Ненужный старикашка, пустой ворчунъ...

— Полноте, дядя! Леонидъ и Лидія такъ любятъ васъ!

— Любить! съ горечью усмѣхнулся Данило Захаровичъ.— Знаю я эту любовь! Конечно, я не могу пожаловаться на нихъ. Ласкаются они!.. Да вѣдь не изъ любви это дѣлается. Ласкаются изъ жалости къ убитому старивашкѣ... Ласкаются потому, что имъ стыдно вдругъ отвернуться отъ меня... Ласкаются потому, что не хотятъ, чтобы я ворчалъ на нихъ... Малы еще куда, а подростутъ, такъ и совсѣмъ отвернутся отъ меня!

Штабсъ-капитанъ, хранившій глубокое молчаніе, началъ нетерпѣливо постукивать костылемъ.

— Грѣхъ вамъ, дядя, такъ думать! сказала Катерина Александровна.— Вы глубоко ошибаетесь въ нихъ...

— Да, племянница, можетъ быть, и ошибаюсь... Я вѣдь теперь во всемъ ошибаюсь, во всемъ виноватъ... Вотъ Павла Абрамовна съ утра и до ночи только считаетъ мои провинности... Самъ Александръ Николаевичъ Свищовъ попрекнулъ меня, что я не познакомилъ его съ вами, что я не хотѣлъ васъ знать... Конечно, вы могли ему сказать это, жаловаться на меня...

— Я, дядя, не жаловалась ему и не пожалуюсь. Напрасно вы меня упрекаете!

— Я упрекаю! Сохрани меня Богъ! Да развѣ я не знаю, что я кругомъ виноватъ?.. Прошу объ одномъ, племянница, не говорите Александру Николаевичу Свищову, что я проболтался объ этомъ... Я вѣдь знаю, онъ въ васъ души не слышетъ, онъ готовъ все по вашему слову сдѣлать...

Катерина Александровна усмѣхнулась.

— Напрасно вы опасаетесь, дядя, я совсѣмъ не вижу съ Александромъ Николаевичемъ.

— Какъ-же не видите? Мнѣ Архипушка говорилъ...

— Архипушка? спросила Катерина Александровна, услышавъ незнакомое ей имя.

— Да, камердинеръ его... Онъ говорилъ, что вы иногда по два раза въ недѣлю къ Александру Николаевичу ѣздите... Вотъ я и хотѣлъ васъ просить замолвить ему словечко за моихъ дѣтей, напомнить... Моя стариковская просьба меньше, конечно, значить...

Штабсъ-капитанъ началъ еще усиленнѣе стучать костью и издавалъ какіе-то сердитые звуки. Катерина Александровна вся раскраснѣлась.

— Если я ѣздила, дядя, въ Свищову, то ѣздила только по пріютскимъ да по вашимъ дѣламъ, внушительнымъ тономъ произнесла она.—Но теперь, когда въ пріютѣ дѣла перемѣнились, когда вы на свободѣ, мнѣ не для чего ѣздить къ этому господину. О дѣтахъ вы можете просить сами и онъ исполнитъ вашу просьбу.

Данило Захаровичъ глубоко вздохнулъ.

— Такъ-то всѣ теперь говорятъ: вланыйтесь сами, а мы за васъ хлопотать не хотимъ.

Штабсъ-капитанъ, повидимому, окончательно потерялъ терпѣніе и раздражительно и торопливо забормоталъ что-то.

— Мнѣ, кажется, изволите говорить? спросилъ Данило Захаровичъ, обращаясь къ нему.

— Нѣтъ, Флегонтъ Матвѣевичъ со мною говоритъ, сухо отвѣтила Катерина Александровна, очень хорошо понимая, что старикъ безцеремонно ругаетъ гостя. Ея лобъ нахмурился, но она удержалась отъ рѣзкаго возраженія, вспомнивъ, что ссора съ дядей, можетъ отнять у нея возможность видѣться съ его дѣтьми. Она очень обрадовалась появленію Марьи Дмитріевны, возвѣстившей съ поклонами, что давно подано кушать. Всѣ пошли въ комнату.

— Какъ хорошо вы обставились, со вздохомъ произнесъ Данило Захаровичъ, осматривая комнату.—Кто могъ думать, что судьба-то такъ перемѣнится. Не дожиль братъ до этого счастья.

— Все имъ обязаны, батюшка, имъ однимъ! своимъ занескивающимъ тономъ произнесла Марья Дмитріевна, указывая на Александра Прохорова, стоявшаго съ Антономъ и Мишей у стола.

Данило Захаровичъ вопросительно взглянулъ на Прохорова.

— Да, я и забыла отрекомендовать его, поспѣшила сказать Катерина Александровна.—Это мой женихъ, Александръ Флегонтовичъ Прохоровъ.

— Же-нихъ, протянулъ Данило Захаровичъ и подаль руку молодому Прохорову.—Очень пріятно познакомиться... очень пріятно... Дай Богъ, дай Богъ...

Онъ не кончилъ и только вздохнулъ.

Всѣ сѣли за столъ.

— Скоро думаете свадебку сыграть? спросилъ Боголюбовъ.

— Не знаю еще, просто отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

— Какія-же обстоятельства? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это такой праздникъ, котораго молодые люди не любятъ откладывать.

— Вотъ, батюшка, въ одно слово со мною! произнесла Марья Дмитріевна, обрадованная новымъ союзникомъ.

— Намъ спѣшить некуда, холодно замѣтила Катерина Александровна.— Чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ серьезнѣе нужно его обдумать...

— Такъ, такъ, промолвилъ Данило Захаровичъ.— Только какъ-же это ждать-то? Нѣтъ, Марья Дмитріевна, какъ посмотрю я на нашу молодежь, такъ и вижу, что совсѣмъ она измѣнилась. Свадьба, видите-ли, у нихъ дѣло, да еще такое дѣло, которое серьезно обдумать надо!.. Да кровь-то, батюшка, обратился онъ къ Александру Прохорову,—кровь-то развѣ не говоритъ? Въ наше время ждали, не дождались дня свадьбы! Бывало, родители на день отлежать свадьбу, такъ женихъ и невѣста ночь не спятъ, мучаются... А вы говорите: торопиться некуда! Нѣтъ-съ, тутъ-то и торопиться: сегодня любите, а завтра, можетъ быть, остынете...

Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна не могли удержаться отъ улыбки.

— Времена другія, другіе и взгляды! уклончиво отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Какіе, батюшка, тутъ взгляды! Тутъ страсть, понимаете: страсть, огонь! промолвилъ Данило Захаровичъ.

— Огонь огню рознь, засмѣялся Александръ Прохоровъ.— Одинъ горитъ минуту, другой не погасаетъ въ теченіе долгихъ лѣтъ.

— Можетъ быть-съ, можетъ быть, вздохнулъ Данило Захаровичъ.— Только я въ старые годы, право, и недѣли не прожилъ-бы съ невѣстою подъ одной кровлей, не повѣнчавшись. Нѣтъ-съ. Видно, нашъ-то огонь, можетъ быть, и скорѣе стораль, только горѣлъ-то сильнѣе.

— Можетъ быть, холодно согласился Александръ Прохоровъ, очевидно не желая спорить и убѣждать противника.

Разговоръ оборвался. Данило Захаровичъ былъ обиженъ, что съ нимъ не хотѣтъ спорить. Всѣ были какъ будто недовольны чѣмъ-то и совершенно притихли. Въ комнатѣ слышалось только, какъ гремѣли вилкою и ножомъ выпедшія изъ повиновенія руки штабсъ-капитана, да раздавался заунывный голосъ Марьи Дмитріевны, угощавшей „дорогого гостя“ такимъ тономъ, какъ будто она, оплакивая, откармливала идущаго на смерть человѣка. Вообще Марья Дмитріевна въ большинствѣ случаевъ говорила такимъ тономъ, что какой-нибудь иностранецъ, незнающій русскаго языка, непременно заподозрилъ-бы, что эта женщина повторяетъ одну и ту-же фразу: „всѣ мы смертны и всѣ мы померемъ“. Общество было очень радо и вздохнуло свободно, когда кончился обѣдъ и всѣ собесѣдники получили право хотя на нѣсколько шаговъ отойти другъ отъ друга.

— Батюшка, отдохнуть не хотите-ли въ моей комнатѣ, промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Данилѣ Захаровичу.

— Не до отдыховъ намъ теперь! вздохнулъ онъ.—И ночей-то не спишь, а ужъ не то что днемъ валяться...

— Да вы немножко...

— Я, пожалуй, готовъ удалиться... Только спать я не буду... Не до сна мнѣ... Гдѣ-же вы помѣщаетесь? спросилъ Данило Захаровичъ.—Покажите, пожалуй, свою келью... Какъ-то васъ дѣточки пріютили...

Марья Дмитріевна засуетилась.

— Я вотъ тутъ, съ Мишурой вдвоемъ, батюшка, вдвоемъ, говорила она, указывая протянутою рукою дорогому родственнику на дверь въ свою спальню и спѣша за нимъ.

Такимъ образомъ руководимый и въ то-же время провожаемый Марьею Дмитріевной, Данило Захаровичъ прошелъ въ ея комнату.

— Вотъ, батюшка, вотъ здѣсь, говорила Прилежаева.—Дочка покоить, на ея счетъ живу...

— Недурно, недурно, одобрилъ Данило Захаровичъ, чувствовалъ, что даже и теперь, во времена своего паденія, онъ стоитъ все-таки выше Марьи Дмитріевны.—Хорошо-бы, Марья Дмитріевна, если-бы только это все поскорѣе сдѣлалось дѣйствительно вашимъ.

— То-есть какъ это, батюшка? растерялась Марья Дмитріевна.— Извините, въ толкъ не возьму...

— Я говорю о томъ, что хорошо-бы было, если-бы племянница поскорѣе замужъ вышла, пояснилъ Данило Захаровичъ.— Вѣдь это на *его* деньги все...

— На его, батюшка, на его...

— Ну, а знаете, нынче не такія времена, чтобы кто-нибудь даромъ давалъ.

— Что вы, батюшка! Моя Катюша...

— Не такія времена, Марья Дмитріевна, перебилъ ее Данило Захаровичъ внушительнымъ тономъ.— Но такія времена! Я нинѣшнюю молодежь знаю! Не въ деревнѣ жилъ, слава Богу! Насмотрѣлся и на родственниковъ Гиреевой и Бѣлокопытова молодого знаю. Да что о нихъ говорить! Я самъ, самъ-съ отогрѣлъ на своей груди одного проходимца. А чѣмъ онъ мнѣ отплатилъ? Э-эхъ! Говорить-то тошно! Нынче каждый старается яму другому вырыть, ногу подставить. Вы думаете, кто-нибудь станетъ даромъ благодѣтельствовать? Какъ-же! Нѣтъ-съ, отплаты потребуетъ, проценты сдеретъ! Вотъ какая теперь молодежь!

Марья Дмитріевна совсѣмъ растерялась.

— Да вѣдь мы, батюшка, за „ихъ“ папенькой ходили, ровно родные, начала она.

— Родные! Да родные теперь хуже чужихъ, перебилъ ее Данило Захаровичъ.— Вѣдь у меня тоже дѣти. А чего я отъ нихъ жду? Только горя, одного горя!.. Нѣтъ, нынче никому довѣрять нельзя!.. Погубять, погубять отца родного, ни за грошъ, ни за денежку... А послѣ что? Люди-то что станутъ толковать?.. Вотъ вы сидите тутъ, въ своей коморѣ, посадили васъ въ нее, заставили хозяйничать, чтобы вы людей-то не видали, а люди-то васъ видятъ, толкуютъ про васъ: „какая, молъ, она мать, если не видитъ, что дочь дѣлаетъ“! Вѣдь отъ людей ничего не скроешь...

— Да, батюшка, что же мнѣ дѣлать? Вѣдь они женихъ съ невѣстой, они повѣнчались вотъ, почти плакала Марья Дмитріевна.

— Торопите свадьбу! Не зѣвайте! Не то, помяните мое слово, поздно будетъ!

Данило Захаровичъ еще долго давалъ наставленія Марьѣ Дми-

тріевнѣ и успѣлъ растрогать ее до слезъ. Благодаря хорошаго родственника за хорошіе совѣты, она побѣжала наконецъ распорядиться на счетъ кофе и оставила его „соснуть“ на полчаса. Отъ вниманія Катерины Александровны, Александра Прохорова и Флегонта Матвѣевича не ускользнуло плаксивое выраженіе лица Марьи Дмитріевны и они словно сговорившись, замѣтили:

— Вотъ ужъ правда, что непрощенный гость хуже татарина!

Флегонтъ Матвѣевичъ, по своей старой привычкѣ, не ограничился этою короткой фразой и сказалъ какую-то страстную и длинную рѣчь противъ Боголюбова; всѣ слушатели, конечно, не поняли и половины этой рѣчи и потому были глубоко потрясены ею и безусловно согласились съ мнѣніемъ оратора. Наконецъ подали и кофе, въ столовую комнату снова появился Данило Захаровичъ; его изъ приличія спросили, хорошо-ли онъ отдохнулъ; онъ, согласно съ своимъ положеніемъ „удрученнаго горемъ человѣка“, объявилъ, что „ужъ гдѣ ему отдыхать“, что „ложится онъ теперь въ постель, какъ въ могилу, чтобы на минуту забыться“, что „напрасно всѣ и на цыпочкахъ ходили и шопотомъ говорили, такъ какъ на него теперь нечего обращать вниманія, такъ какъ долженъ онъ привыкать и при шумѣ спать“, и прочее и прочее, все въ томъ-же родѣ. Въ концѣ концовъ слушатели поняли только одно, что онъ горько упрекалъ ихъ за то, что они его уложили спать и сохраняли тишину, такъ какъ его, бѣднаго и угнетеннаго человѣка, теперь нужно отучать отъ сна и пріучать ко всевозможнымъ неудобствамъ.

— Вѣдь если я спать буду, такъ хлѣбъ-то самъ ко мнѣ не придетъ! За меня работать никто не станетъ. Здѣсь вотъ вы говорить не смѣли, пока я лежалъ, а въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть, нарочно мелотками стучать стануть, когда я лягу, говорилъ онъ и даже пробудилъ въ душѣ Марьи Дмитріевны нѣчто въ родѣ угрызений совѣсти за то, что она не сумѣла угодить, какъ слѣдуетъ, дорогому родственнику.

Все общество выглядѣло такъ уныло и тоскливо, какъ будто въ теченіе цѣлаго дня его угощали только чѣмъ-то очень кислымъ. Наконецъ Данило Захаровичъ сталъ собираться, всѣ съ особенной радостью успѣли предложить ему себя въ проводники до дилижанса. „Хороши родственники, такъ и обрадовались, что я

ухожу“, съ горечью подумалъ Данило Захаровичъ и отказался на отрѣзъ отъ предложенія, объявивъ, что ему теперь нужно привыкать самому отыскивать дороги. Всѣ, такъ-же радуясь въ душѣ, хотя и съ печальными лицами, согласились и на это. Наступила минута прощанія, наступила минута разлуки,—все въздыхнуло свободно.

— Свѣтертью дорога! махнулъ рукою Антонъ, когда фигура дяди скрылась за первымъ поворотомъ.

— Точно гора съ плечъ свалилась! промолвилъ Александръ Прохоровъ,—Вѣдь уродятся-же такіе несносные люди.

— Ахъ, батюшка, да когда-же бываютъ не несносными бѣдные люди! вздохнула Марья Дмитріевна.—Ужь ихъ участь такая, что все ими гнушаются.

— Помилуйте, Марья Дмитріевна, началъ Александръ Прохоровъ и умолкъ, въ изумленіи увидавъ передъ собою слонообразную фигуру Данилы Захаровича.

— Нѣтъ, видно еще не привыкъ гранить мостовую, жалобно произнесъ Данило Захаровичъ. — Шель, шель и заплутался... Голова-то, видно, не о томъ думала!... Ну, ужъ и дачу каняли!.. И людей-то здѣсь нѣтъ, никого не встрѣтишь, спросить не у кого, только изъ-за полисадниковъ собаки лаятъ... Все противъ бѣднаго человѣка защитники, чтобы онъ и къ воротамъ подойти не смѣлъ!.. Ужь я попрошу кого-нибудь проводить меня...

Все снова изъявили готовность проводить Данилу Захаровича. Онъ отказался отъ услугъ *естхз*, тогда ему предложили въ проводники Антона, но онъ выразилъ сомнѣніе въ знаніи Антономъ дороги; это заставило Марью Дмитріевну вызваться съ предложеніемъ своихъ услугъ, но Данило Захаровичъ опять уперся, такъ какъ онъ не могъ допустить, чтобы въ такой глуши Марья Дмитріевна возвращалась домой одна; оставался на очереди Александръ Прохоровъ, но Данилу Захаровичу „было совѣстно безпокоить совѣтъ еще незнакомаго ему человѣка“. Богъ знаетъ, чѣмъ-бы кончилась эта сцена, если-бы все не рѣшились идти провожать гостя насильно, что заставило его стѣсняться и жаловаться всю дорогу.

Только усадивъ его въ дилижансъ и дождавшись отъѣзда дилижанса, семья Прилежаевыхъ повѣрила, что дорогой родственникъ наконецъ уѣхалъ и не вернется болѣе по крайней мѣрѣ въ этотъ день, хотя Антонъ, возвратившись въ садикъ прилежаев-

ской дачи, и увѣрялъ, что „подъ этикъ слономъ рессоры лопнуть и его приведуть къ нимъ обратно“. Молодежь, какъ это всегда бываетъ послѣ долгаго стѣсненія, развеселилась, шутила и дурачилась. Кто-то, кажется, Миша предложилъ играть „въ пятнашки“ и „запятналъ“ Катерину Александровну. Она погналась за Антономъ и игра началась. Въ саду раздавались крики и хохотъ. Флегонтъ Матвѣевичъ, сидя на терассѣ, гдѣ былъ по условію играющихъ „домъ“, стучалъ костьюлемъ, прогоняя играющихъ, пробовавшихъ забѣжать въ „домъ“ и укрыться отъ преслѣдованій „пятнашки“. Игра была въ полномъ разгарѣ, когда Марья Дмитриевна позвала изъ комнаты Катерину Александровну.

— Что вамъ, мама? спросила раскраснѣвшаяся молодая дѣвушка, вбѣгая въ комнату.

— Ты бы, Катюша, не играла, посовѣтовала Марья Дмитриевна.— Вотъ сосѣдскія барышни гуляютъ у себя въ саду. Я зашла прибрать въ комнатѣ Александра Флегонтовича, а сверху-то мнѣ ихъ и видно... Осудятъ еще...

— Вотъ выдумали! засмѣялась Катерина Александровна.— Развѣ мы въ первый разъ играемъ?.. Да и что мнѣ до нихъ за дѣло?.. Впрочемъ, онѣ и сами часто играютъ...

Катерина Александровна хотѣла выйти.

— Да вѣдь онѣ между собой играютъ, проговорила Марья Дмитриевна.— А ты вотъ съ чужимъ мужчиной.. Не хорошо...

Катерина Александровна пожала плечами и вышла въ садъ. Ее тотчасъ-же „запятнали“ и волей-неволей ей пришлось бѣгать. Но ея искренняя веселость пропала и она послѣдила отговориться отъ игры подѣ предлогомъ усталости. Она присѣла на ступеньку къ костылямъ Флегонта Матвѣевича и задумалась. Играющіе побѣгали еще немного и тоже усѣлись на ступени! Минуть черезъ десять всѣхъ позвали къ чаю и день окончился мирно и тихо, какъ обыкновенно кончались дни въ этой семьѣ. Катерина Александровна почти уже забыла о словахъ матери и спокойно легла спать, но она еще не успѣла заснуть, когда въ ея комнату появилась Марья Дмитриевна. Она подошла къ постели дочери и спросила спитъ-ли та. Катерина Александровна отвѣчала: „не сплю“?

— Мнѣ поговорить съ тобою, Катюша, надо, замѣтила Марья

Дмитріевна и присѣла на постель.—Не губи ты себя, Катюша. Отъ людей-то вѣдь ничего не скроешь, слезливо начала она объясненіе.

— Я, мама, ничего и не скрываю, отвѣтила Катерина Александровна, изумленная этиѣмъ вступленіемъ.

— Ты вотъ невѣстой Александра Флегонтовича слывешь, а люди-то развѣ повѣрятъ, что ты невѣста?.. Любовницей его назовутъ.

— Да пусть называютъ; мнѣ-то что до этого за дѣло!

— Ай, Катюша, какъ тебѣ не стыдно! Честное-то имя должно быть для дѣвушки дороже всего... Потеряешь его разъ, такъ ужъ никогда не воротишь... И какіе люди-то нынче? Каждый обмануть наровить, насмѣяться хочеть надъ бѣднѣмъ человѣкомъ... Вертопрахи нынче молодѣе-то люди, поиграють и бросять...

— Это вы кого-же, мама, вертопрахомъ-то считаете? Не Александра-ли? спросила Катерина Александровна, смотря прямо въ глаза матери.—И не стыдно вамъ, и не грѣшно вамъ? Вѣрите-ли вы сами въ то, о чемъ говорите? Стыдитесь!

Марья Дмитріевна смутилась: въ глубинѣ души она все еще любила Александра Прохорова и вѣрила въ его доброе сердце. Она хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе, но Катерина Александровна предупредила ее.

— Вы, мама, начала она, — не отъ себя это говорите, вы чужія слова говорите!

Марья Дмитріевна обидѣлась.

— Ужъ извѣстно, что у меня и своихъ словъ нѣтъ! Глупая я! Гдѣ мнѣ что нибудь свое выдумать!.. Я...

— Не то, мама, совсѣмъ не то! перебила ее дочь.—Есть у васъ и свой умъ и свое сердце, только характеръ у васъ слабѣй. Не подумаете и не сдѣлаете вы дурно, когда по своему разуму поступаете, а какъ настроять васъ другіе, вы и кажетесь и не доброю и не разсудительною... Поступайте, лучше, какъ Богъ на душу положитъ, да людей поменьше слушайте, вотъ и будетъ хорошо, и не станете вы вертопрахами называть такихъ людей, какъ Александръ.

Катерина Александровна говорила ласковымъ, мягкимъ тономъ,

не раздражалась и не сердлась на мать. Марья Дмитріевна въ душѣ уже почти соглашалась съ дочерью, но изъ ея ума еще не вышли слова Даниила Захаровича о ея слабости и она рѣшилась быть твердою и продолжать разговоръ.

— Ужь ты такъ и думаешь, что я ничего не вижу сама-то, покачала она головой. — Вонъ и сегодня вошла я къ нему въ комнату, цѣлуетъ онъ тебѣ... До чего дошли! Не поженились, а цѣлуетесь!.. Развѣ это хорошо?

Катерина Александровна вспыхнула.

— Хорошо или нѣтъ—это мое дѣло, рѣзко отвѣтила она.

— Да вѣдь ты пойми: я мать! внушала Марья Дмитріевна. — Ты еще дитя, неопытная ты. Тебѣ кажется, что все ничего, а я то знаю, куда эти поцѣлуи ведутъ.

— Мама, серьезно и отчетливо заговорила Катерина Александровна, приподнявшись на локтѣ въ своей постели, — опять вы не свои слова говорите. Не дитя я и не неопытная. Было время, когда я, точно, была довѣрчивсю и неопытною дѣвочкою, и именно въ эти-то годы вы не слѣдили и не могли слѣдить за мною. Одна я ходила по городу, приносила вамъ кусокъ хлѣба, приносила одежду и деньги, — вы не спрашивали, откуда, вы не знали, правду-ли я говорила, когда рассказывала, гдѣ я взяла все это. Въ тѣ годы, мама, я могла погибнуть и не разъ представлялся мнѣ случай добыть кусокъ хлѣба цѣною своей чести. Вы взяли-бы этотъ кусокъ и даже не подумали-бы, какъ онъ добытъ... Но я не погибла тогда, а теперь-то, когда я и старше стала, и на жизнь насмотрѣлась, ужъ вѣрно съумѣю спасти себя отъ гибели. Можетъ быть и дѣйствительно было-бы лучше, если-бы дѣла сложились иначе, — но если они не могли сложиться иначе, то тутъ и толковать нечего. Я хорошо знаю и себя, и Сашу, и не боюсь ничего. Предоставьте-же мнѣ право жить своимъ умомъ, какъ я жила въ дѣтствѣ.

— Такъ что-жъ ты, Катюша, мать-то ужъ ни за что считаешь? жалобно и съ упрекомъ произнесла Марья Дмитріевна. — Ты думаешь, что матери такъ и должны махнуть рукой на дѣтей: пусть, молю, хоть на головѣ ходятъ?

— И матери матерямъ рознь и дѣти не одинаковы бываютъ, отвѣтила Катерина Александровна. — Однѣхъ матерей нужно на помочахъ водить, а другихъ дѣтей нужно самимъ себѣ предо-

ставить... Одно говорю вамъ: не смотрѣли за мной прежде, такъ теперь поздно смотрѣть...

— Ну, спасибо, Катюша, спасибо, дочка! прослезилась Марья Дмитриевна. — Мать-то, значить, для тебя все равно, что служанка. Не смѣетъ она въ твои дѣла вмѣшиваться, не смѣетъ совѣта дочери дать... Богъ съ тобой! Сама когда-нибудь будешь матерью, узнаешь, какъ материнское-то сердце болить за дѣтей...

— Мама, что вы это все жалкія слова-то говорите! раздражилась Катерина Александровна. — О чемъ вы плачете, о чемъ болить ваше сердце? Болѣло развѣ оно вчера, третьяго дня, годъ тому назадъ отъ того, что я любила Александра? Вѣдь вы знали это — я ни отъ кого не скрывала этого. Что-же вы дѣлали? Вы только радовались, только старались оставить насъ вдвоемъ, говорили, что мы, какъ голубки, вореемъ. Откуда-же вдругъ явилась эта печаль? Дядя нашепталь?

— Безъ него я говорила тебѣ, Катюша, безъ него говорила, что надо торопиться свадьбою, что не хорошо...

— И сами потомъ согласились, что у меня есть причины отложить свадьбу, перебила ее Катерина Александровна. — Поймите вы, что я должна еще пробыть въ пріютѣ, пока тамъ все устроится окончательно; должна я еще послужить, чтобы не сидѣть этотъ годъ совсѣмъ на шеѣ Александра. Дайте ему самому встать на ноги, дайте мнѣ время подготовиться къ новому труду... Мы и безъ того на его счетъ живемъ.

— Не сладко, Катюша, не сладко жить на его счетъ, какъ знаешь, за что онъ даетъ эти деньги...

— А тогда сладко-бы было, если-бы онъ женился и, какъ батракъ, одинъ работаль-бы на насъ?

— Кто-же, матушка, и долженъ работать, какъ не мужъ? И твой отецъ, когда былъ молодецъ, работаль на семью...

— Ну, вы знаете, до чего отецъ-то доработался, а я хочу, чтобы мой мужъ не одинъ работаль... Впрочемъ, это мое дѣло... Васъ-же я попрошу только никого не слушать, ничьихъ совѣтовъ не принимать... Вотъ вы мнѣ цѣлую ночь отравили, вы у меня сонъ и спокойствіе сегодня отняли, а изъ-за кого, подъ вліяніемъ чьихъ совѣтовъ? Это вамъ дядя нашепталь, — тотъ самый дядя, который знать насъ не хотѣлъ, который жилъ воровствомъ и подлостью, который не могъ сдѣлать своей соб-

ственной жены честною женщиною, котораго не уважаютъ даже его дѣти, который былъ-бы радъ, если-бы я продалась Свищову и благодѣтельствовала-бы изъ денегъ этого старика своей роднѣ? И ради этого-то человѣка вы встревожили меня! Его-то словамъ вы придаете болѣе значенія, чѣмъ моимъ. Стыдитесь, мама! Или не любите вы меня, или не умѣете вы любить... Богъ вамъ судья!..

Катерина Александровна отвернулась къ стѣнѣ.

— Катюша, Катюша, голубушка! заговорила испуганная и взволнованная Марья Дмитриевна. — Не сердись ты на меня, на глупую!.. Ну, не буду, не буду... Вѣдь мать я, мать!..

— Ступайте, тихо проговорила Катерина Александровна. — Ступайте!

— Да ты хоть поцѣлуй меня, родная! хныкала Марья Дмитриевна.

Катерина Александровна пожала плечами и холодно поцѣловала мать. Она понимала, что между ею и матерью лежала непроходимая пропасть взаимнаго непониманія. Мать не понимала „умныхъ“, какъ она выражалась, словъ дочери; дочь не трогала „жалкія“ слова матери. Мать думала, что каждое примиреніе выражается поцѣлуями и чувствительными сценами; дочь ненавидѣла эти сцены и сознавала, что примиреніе только тогда дѣйствительно, когда мы убѣдимъ противника въ справедливости своихъ убѣжденій. А пропасть, лежавшая теперь между этими двумя женщинами, должна была дѣлаться все шире и шире. Если явятся очевидные признаки тѣсной связи Катерины Александровны и Александра Прохорова, — что скажетъ мать? Если придется вести борьбу съ дядей за его дѣтей, — на чьей сторонѣ станетъ мать? Если нужно будетъ рѣшиться на какое-нибудь опасное дѣло, — какъ отнесется къ этому мать? Не будетъ-ли она всегда и вездѣ тормозомъ для семьи? И гдѣ-же тѣ слова, гдѣ тѣ убѣжденія, гдѣ тѣ силы, которыя заставили-бы Марью Дмитриевну согласиться съ мнѣніемъ дочери? Катерина Александровна невольно вспомнила утренній разговоръ съ Александромъ Прохоровымъ о необходимости разлада между людьми разныхъ поколѣній, разныхъ степеней развитія. „Неужели-же мнѣ когда-нибудь придется пожертвовать матерью ради того или другого убѣжденія?“ думалось Катеринѣ Александровнѣ. „Нѣтъ, я слишкомъ сильно люблю ее, слабую, безпомощную, жалкую. Развѣ она ви-

новата, что она не понимает меня? Развѣ я могу быть причиною ея мученій? Гдѣ у меня эти силы? Мое сердце облилось бы кровью, если-бы мнѣ пришлось купить хоть что-нибудь цѣною ея счастья... Но если нельзя будетъ иначе сдѣлать? Если придется поставить на карту ея счастье и хорошее дѣло? Что тогда? Отступить или перешагнуть черезъ преграду?" Катерина Александровна взялась за голову. „Боже мой, Боже мой, зачѣмъ это вѣчно приходится или ломать себя, или шагать къ своей цѣли черезъ людей!... Не оттого-ли такъ трудно идти къ цѣли, что на дорогѣ иногда являются преградою дорогіе намъ личности?.. Я, не смущалась, боролась съ Зубовой и Постниковой, я сама врывалась имъ яму и моя совѣсть спокойна... Но мать, мать, которая лелѣяла меня въ дѣтствѣ, которая, по своему разумѣнію, положила за меня свою душу... Нѣтъ, никогда не хватитъ у меня силъ перешагнуть черезъ нее... Я буду ее убѣждать, буду ее просить, но больше ничего не могу я сдѣлать“...

Катерина Александровна заснула только подъ утро тяжелымъ и тревожнымъ сномъ. Что-то недоброе чуяло ея сердце.

II.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАДЪ.

Быстро пролетѣлъ свободный мѣсяцъ Катерины Александровны; пролетѣло и лѣто. Опять начался трудъ послѣ отдыха, начались будни послѣ праздниковъ. Сталъ ходить въ гимназію Антонъ, уѣхалъ въ училище Миша, все вошло въ старую колею и, по-видимому, новый учебный и трудовой годъ долженъ былъ походить, какъ двѣ капли воды, на старый.

Въ пріютѣ шла дѣятельная новая жизнь: почти всѣ проекты Софьи Андреевны были приняты и приводились въ исполненіе. Осенью назначалась выставка дѣтскихъ работъ, зимой предполагался балъ въ пользу пріюта и устраивалась лотерея. Всѣ спѣшили готовить работы къ выставкѣ, всѣ торопились шить новые наряды для невесты молодого графа Вѣлокопштова. Софья Андреевна и Катерина Александровна носились изъ конца въ конецъ по пріюту, поощряли дѣтей и хотѣли блеснуть успѣхами

дѣвочекъ и доказать пользу нововведеній, чтобы эти нововведенія наконецъ вошли въ уставъ пріюта. Катерина Александровна сознавала, что послѣднее важнѣе всего, что самая малѣйшая неудача нововведеній опасна именно теперь, покуда эти нововведенія существуютъ, такъ сказать, незаконнымъ образомъ, что успокоиться можно будетъ только тогда, когда новый уставъ утвердится и когда все, дѣлающееся теперь какъ-бы на пробу, войдетъ въ законную силу и приметъ характеръ разъ навсегда заведенной машины. Порой Катерина Александровна уже начинала поговаривать, что можно-бы еще болѣе усилить образованіе дѣтей, чтобы дать имъ возможность быть конторщицами, корректоршами, учительницами въ мелкихъ народныхъ школахъ, превратить пріютъ въ семинарію и дать такимъ образомъ обществу возможность имѣть народныхъ учительницъ. Она давно забыла приказаніе старой графини Бѣлокопытовой не учить дѣтей ничему, кромѣ русской грамоты и закона божьяго, и все сильнѣе и сильнѣе хлопотала о расширеніи курса арифметики, исторіи и географіи. Въ собраніяхъ Софьи Андреевны, подъ вліяніемъ Катерины Александровны и Александра Прохорова, планы о расширеніи подготовки дѣтей и о женскомъ трудѣ росли не по днямъ, а по часамъ. Толки иногда забѣгали слишкомъ далеко впередъ: кружокъ толковалъ уже о народныхъ школахъ, которыя, вѣроятно, станутъ быстро распространяться послѣ освобожденія крестьянъ; онъ говорилъ о возможности устроить артельныя швейныя и прачечныя мастерскія; нѣкоторые члены кружка предлагали учить дѣтей и башмачному мастерству, такъ какъ оно довольно выгодно при возрастающихъ цѣнахъ на женскую обувь. Но покуда распространять дѣятельность пріюта было еще очень трудно, такъ какъ графы Бѣлокопытовы и комитетъ не давали ни одного лишняго гроша противъ стараго бюджета. Софья Андреевна не имѣла въ занасѣ такихъ средствъ, чтобы поддержать пріютъ на свой счетъ и потому нужно было, какъ она выражалась, „изобрѣтать средства“. Она дѣйствительно „изобрѣтала“ средства и иногда довольно эксцентричнымъ образомъ: такъ ей удалось побудить одного богатаго купца пожертвовать денегъ на пріютъ ради того, что за это пожертвованіе онъ будетъ приглашенъ въ домъ Бѣлокопытовыхъ и сдѣлается почетнымъ членомъ бѣлокопытовскихъ благотворительныхъ заведеній. Пожертвованіе, отерывшее добро-

дѣтельному комерсанту доступъ въ графскія палаты, было настолько крупно, что помогло не только пріюту, но отчасти и самому Дмитрію Васильевичу, все еще неуспѣвшему привести окончательно въ порядокъ свои денежные дѣла. Дмитрій Васильевичъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости Софьи Андреевны и называлъ ее „геніальною женщиною“. Она смѣялась и увѣрляла графа, что ея изобрѣтательность пойдетъ и дальше. Дѣйствительно она не лгала. Въ одномъ изъ собраній ея молодого кружка было рѣшено устроить спектакль съ благотворительною цѣлью и употребить вырученныя деньги на пріютъ. Спектакли съ благотворительною цѣлью были тогда въ полномъ ходу. Молодежь обрадовалась предстоящему удовольствію и начались пренія насчетъ выбора пьесъ, насчетъ выбора актеровъ. Залу рѣшились просить у графа Дмитрія Васильевича. Онъ былъ готовъ сдѣлать все, что просила Софья Андреевна. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ принимали самое дѣлательное участіе въ хлопотахъ и послѣдній даже долженъ былъ играть довольно видную комическую роль въ спектаклѣ, не смотря на всѣ его протесты. Онъ ѣздилъ въ домъ графа Бѣлокопытова, распоряжался насчетъ устройства сцены и въ одинъ изъ подобныхъ хлопотливыхъ дней встрѣтился съ Дмитріемъ Васильевичемъ. Графъ перекинулся съ нимъ нѣсколькими словами и пожелалъ полной удачи спектаклю. На спектакль собралось много народу, по большей части изъ аристократіи. Въ числѣ зрителей была и Денисова, пріѣхавшая со своими дѣтьми. Пьесы сошли довольно удачно и публика благосклонно вызвала нѣсколько разъ актеровъ-любителей. При послѣднемъ вызовѣ Александръ Прохоровъ вышелъ безъ парика.

— Маман, да это нашъ учитель математики, замѣтилъ одинъ изъ сыновей Денисовой.

— О, да онъ, значить, на всѣ руки молодець, засмѣлся графъ Дмитрій Васильевичъ.—Я надняхъ видѣлъ его здѣсь хозяйничавшаго и устраивавшаго сцену.

— Онъ, говорятъ, писатель, замѣтилъ сынъ Денисовой.

— Вотъ какъ!.. Какъ его фамилія?

Сынъ сказалъ. Оказалось, что и Денисова, и графъ Дмитрій Васильевичъ знали эту фамилію и читали послѣднія статьи Прохорова, возбудившія толки въ обществѣ. •

— Надо-бы познакомиться съ нимъ, сказала Денисова.—Се-режа будетъ весною держать экзаменъ, такъ не худо-бы попро-сить этого господина получше заняться съ нимъ... Онъ у меня плохой счетчикъ!..

Когда кончился спектакль и публика стала разбѣзжаться, Александръ Прохоровъ вышелъ въ залу и остановился погово-рить съ Левашовымъ, бывшимъ въ числѣ зрителей. Графъ Дми-трій Васильевичъ подошелъ къ нимъ. Онъ зналъ Левашова, какъ полковника генеральнаго штаба и какъ довольно видную лич-ность въ литературѣ; съ Александромъ Прохоровымъ его личное знакомство ограничивалось покуда одною встрѣчею. Съ любезно-стью свѣтскаго человѣка и барина стараго закала, графъ выска-залъ мелькомъ похвалу игрѣ Александра Прохорова, сказалъ вскользь, что онъ давно знакомъ съ его литературною дѣятель-ностью и встаети замѣтилъ, что съ нимъ желаетъ познакомиться Денисова.

— Я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь и останетесь у меня на чашку чаю, прибавилъ онъ, слегка пожимая руки собесѣд-никовъ.—Я очень радъ, что этотъ спектакль далъ мнѣ случай видѣть васъ у себя въ домѣ...

Все это было высказано безъ заискиванія, но въ то-же время и безъ высокогнрія, — спокойно и просто. Отказаться отъ ра-душнаго предложенія было невозможно и графъ повелъ своихъ гостей въ свои комнаты, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ.

— Веду военноплѣнныхъ, пошутилъ онъ, представляя гостямъ своихъ новыхъ знакомыхъ.

Слѣдомъ за рекомендаціей послышалось нѣсколько комплимен-товъ Александру Прохорову; особенно разсыпался въ любезно-стяхъ Алексѣй Дмитриевичъ, желавшій показать, что и онъ не отстаеетъ отъ вѣка и вполне сочувствуетъ передовой части лите-ратуры. Онъ съ ловкостью свѣтскаго либерала замѣтилъ, что у него есть много „общихъ знакомыхъ“ съ Александромъ Флегон-товичемъ и выразилъ надежду видѣть послѣдняго у себя. Але-ксѣй Дмитриевичъ въ эту пору избралъ своимъ конькомъ „сля-ніе сословій“. Эта идея имѣла для него то-же значеніе, какъ и всякая другая модная затѣя. Потомъ кто-то заговорилъ объ од-ной изъ ученыхъ работъ Левашова и уже черезъ пять минутъ

Левашовъ ораторствовалъ, по своему обыкновенію, какъ-будто онъ былъ среди своихъ учениковъ на профессорской кафедрѣ. Александромъ Прохоровымъ между тѣмъ завладѣла Денисова.

— У меня до васъ есть большая просьба, заговорила она.— Я вѣдь отчасти знакома съ вами: вы учите моего сына въ пансіонѣ Давыдова. Но тамъ у васъ столько учениковъ, что вамъ невозможно обращать вниманіе на каждого отдѣльно. Вотъ почему я обращаюсь къ вамъ.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ Александръ Прохоровъ.

— Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы вы давали уроки моему Сережѣ у меня на дому...

— Мнѣ очень жаль, что я почти не имѣю возможности исполнить ваше желаніе, отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— У меня такъ мало времени... Я занятъ службой, уроками и разными другими работами...

— Знаю, знаю! Вѣдь вы пишете... Я читала вашу статью о воспитаніи, замѣтила Денисова.—Вы очень мѣтко, хотя и слишкомъ зло, напали въ ней на насъ, бѣдныхъ родителей... Дѣйствительно, мы такъ часто сами вредимъ дѣтямъ своею безтактностью, своими неумѣстными ласками и своими еще болѣе неумѣстными вспышками... Но что-же дѣлать? Жизнь такъ портитъ характеры, дѣлаетъ насъ раздражительными, нервными... Иногда видишь, что поступаешь не такъ, какъ слѣдуетъ, а поправить ошибки не можешь... Я на васъ даже посердилась немного, ласково и дружески промолвила Денисова.—Вы нападаете на насъ такъ, какъ-будто думаете, что мы имѣли возможность быть своего рода совершенствомъ. Это ошибка! Вѣдь старое поколѣніе, мы, отцы и матери подрастающихъ дѣтей, росли при еще болѣе дурныхъ условіяхъ. Какъ-же требовать отъ насъ невозможнаго? Это несправедливо.

— Я и не требовалъ невозможнаго, улыбнулся Александръ Прохоровъ.—Я только указывалъ, что нужно измѣнить, въ чемъ нужно исправиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сознаться, что вы нападали слишкомъ жестоко! засмѣялась Денисова беззвучнымъ смѣхомъ.— Капельки яду, капельки желчи влиты у васъ въ каждую фразу.

— Есть вещи, о которыхъ нельзя говорить спокойно, пожалуй плечами Александръ Прохоровъ.

— Согласна, согласна! Но вотъ вы казните насъ и говорите о необходимости исправленія. Исправляйте-же насъ, помогайте намъ! Вы безупречны, вы безошибочны, ну, и ведите насъ на свою дорогу... А то вы пишете статьи, громите насъ, а сами прячетесь отъ насъ на какія-то недосыгаемыя высоты.

— Это еще вопросъ, кто изъ насъ удалился на недосыгаемыя высоты: вы или мы, улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Вы, вы!

— Не думаю. Мнѣ кажется вамъ не стоило никакого труда проникнуть, къ намъ вы могли просто призвать насъ и мы явились-бы къ вамъ на помощь. Мы-же...

— Ловлю васъ на словѣ, весело перебила его Денисова. — Вы говорите, что вы явились-бы на нашъ зовъ, а вотъ теперь я зову васъ и вы отвѣчаете отказомъ на первый-же мой призывъ...

Александръ Прохоровъ засмѣялся.

— У меня находится только одно оправданіе, что это случайность, а не недостатокъ доброй воли, отвѣчалъ онъ.—Если бы была возможность...

— О, не говорите, не говорите этого. Чего мы хотимъ, то возможно! произнесла Денисова. — Откажитесь отъ какого-нибудь урока, я не пожалѣю ничего, чтобы пріобрѣсти васъ.

— Подкупить хотите? засмѣялся Прохоровъ.—Но я хотя и цѣню на дешево свой трудъ, а все-таки не продаю его съ аукціоннаго торга.

— Вы меня не поняли! Я не ясно выразилась! поспѣшно возразила Денисова. — Я хотѣла сказать, что я готова сама ѣхать, къ кому вы скажете, и просить, чтобы мнѣ уступили васъ.

— Вамъ, право, трудно отказать въ просьбѣ, замѣтилъ Прохоровъ.—И если-бы была возможность, то я...

— Графъ, уговорите этого упряма, обратилась Денисова къ подошедшему Дмитрію Васильевичу, не слушая новыхъ возраженій.—Не хочеть давать уроки моему Сережѣ. Я, право, начинаю думать, что онъ имѣеть что-нибудь противъ меня лично...

Дмитрій Васильевичъ очень любезно началъ уговаривать Прохорова. Атака была сильна, и Прохорову пришлось согласиться. Съ одной стороны, онъ очень хорошо понималъ то, что его

приглашали въ учителя не ради какихъ-нибудь разумныхъ оснований, а просто потому, что онъ началъ входить въ моду, съ другой стороны, онъ не имѣлъ особенныхъ причинъ отказываться отъ уроковъ у Денисовой, которые хотя и не могли принести какихъ-нибудь благихъ результатовъ, но имѣли значеніе просто выгодныхъ для него лично уроковъ. Денисова торжествовала. Эта свѣтская барыня имѣла довольно темное прошлое. Она, при помощи своихъ денегъ, покунала себѣ графскій титулъ съ раззорившимся мужемъ въ видѣ приданого; теперь она, опять-таки при помощи своихъ денегъ, приобрѣла въ учителя „литератора“, „новаго писателя“, человека, вращавшагося въ кругу ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Блестѣть богатствомъ, блестѣть громкимъ титуломъ, окружить себя въ своемъ салонѣ лучшими картинами, лучшими статуями, извѣстными дипломатами, учеными, музыкантами и пѣвцами, — вотъ все, къ чему стремилась Денисова. За этой вѣйшей жизнью скрывалась у нея и другая, внутренняя жизнь: холодное, пренебрежительное, иногда возмутительно черствое и грубое отношеніе къ безыменнымъ массамъ, ко всѣмъ, кто ничѣмъ не выдавался впередъ; очень недвусмысленное стремленіе полюбезничать, войти въ жимолетныя связи съ тѣми или другими извѣстными личностями; умѣнье поиграть и насладиться вѣтренною любовью и остаться „другомъ“ тѣхъ, кому за недѣлю давались клятвы вѣчной любви; мелочное раздраженіе и истинное чувство противъ тѣхъ, которые осмѣлились уклониться отъ разставленныхъ имъ сѣтей изъ розъ; полнѣйшее отсутствіе серьезныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь и умѣнье болтать обо всемъ, — вотъ все, что составляло внутреннюю жизнь Денисовой. Если-бы оставить ее безъ денегъ, безъ титуловъ, безъ всякихъ вѣйшихъ украшеній, она явилась-бы одною изъ самыхъ ничтожныхъ и безцвѣтныхъ личностей, которую не замѣтилъ-бы никто, которая не могла-бы добыть куска хлѣба не только трудомъ, но даже развратомъ, такъ-какъ она была даже нехороша собою. Но теперь она являлась свѣтиломъ въ обществѣ, ей поклонялись, около нея вертѣлись сотни людей, ея вѣтренною любовью дорожили даже неглупые и далеко не ничтожные люди. По обыкновенію, никто не думалъ разоблачить мысленно этотъ кумиръ и потому не могъ понять, что это пустой

манекенъ, передъ которымъ склоняются люди, ослѣпленные его внѣшними украшеніями. Если кто-нибудь неуважалъ и презиралъ ее, то развѣ только ее женихъ.

Прохоровъ впервые попалъ въ домъ этой барыни именно въ то время, когда она только-что вышла замужъ за графа Бѣлопопытова и окружила себя „сливками“ общества. Ея салонъ сдѣлался не только пристанищемъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, но и явился центромъ, гдѣ вожаки петербургскаго общества обсуждали самый животрепещущій вопросъ того времени — вопросъ о крестьянской реформѣ. Великая реформа была „злойбой дня“ и не могла не вызывать особенно въ этой средѣ самыхъ горячихъ споровъ. Общество дѣлилось на кружки: одни стояли за безусловное освобожденіе крестьянъ; другіе выражали мнѣніе, что освобожденіе преждевременно; третьи стояли за то, что нельзя освободить крестьянъ даромъ, что уступка извѣстныхъ правъ непременно должна повлечь за собою извѣстное вознагражденіе въ видѣ полученія новыхъ правъ. Къ числу людей послѣдней партіи принадлежалъ и Алексѣй Дмитриевичъ, бывшій яркимъ поклонникомъ Англіи. Онъ стоялъ за свободу печати, за гласный судъ, за самоуправленіе и считался въ кругу своихъ противниковъ опаснымъ человѣкомъ, крайнимъ. Онъ горячился, говорилъ рѣзкія рѣчи, приводилъ своею смѣлостью въ смущеніе болзливыхъ людей и составлялъ въ этомъ случаѣ полнѣйшій контрастъ со своимъ отцемъ. Послѣдній не гонялся за молодыми идеями, считалъ, повидимому, себя выше ихъ и спокойнымъ тономъ говорилъ:

— Я консерваторъ. Я не понимаю, какъ можетъ быть не консерваторомъ человѣкъ изъ нашего круга.

Алексѣй Дмитриевичъ гонялся за писателями передовой партіи, Дмитрій-же Васильевичъ прямо говорилъ имъ:

— Я, господа, не раздѣляю вашихъ убѣжденій... Но я люблю, когда человѣкъ страстно стоитъ за свою идею... Я врагъ всякихъ ложныхъ положеній и колебаній...

Алексѣй Дмитриевичъ жилъ всѣми интересами дня, Дмитрій-же Васильевичъ попрежнему велъ широкую жизнь и чаще бывалъ у Матильды, чѣмъ на разныхъ свучныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ.

Попавъ въ этотъ кружокъ, гдѣ кипѣла дѣйствительная борь-

ба и дѣлалось настоящее дѣло, Александръ Прохоровъ воспользовался своимъ положеніемъ. Онъ спорилъ рѣдко, сознавая, что его споры принесутъ мало пользы, такъ-какъ въ глазахъ этихъ людей онъ все-таки могъ явиться только теоретикомъ, человѣкомъ, который стоитъ за извѣстныя идеи, можетъ быть, только потому, что осуществленіе этихъ идей не принесетъ ему лично ни вреда, ни пользы. Но въ то-же время онъ сознавалъ, что ему очень выгодно выслушивать всѣ эти пренія и давать на нихъ отвѣты путемъ печати. Здѣсь онъ могъ узнать многое, что дѣлалось и готовилось за кулисами, и ему было очень удобно слѣдить за этимъ. За это дѣло онъ взялся со всею энергіею, со всѣмъ жаромъ человѣка, преданнаго извѣстной идеѣ. Ему было не трудно найти мѣсто для своихъ замѣтокъ и статей въ газетахъ и журналахъ; Левашовъ имѣлъ обширный кругъ знакомства въ литературномъ мірѣ, да и самъ Александръ Прохоровъ уже успѣлъ завести знакомыхъ между журналистами; его статьи „о тѣлесныхъ наказаніяхъ“ и „воспитаніе въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ“, несмотря на то, что онѣ появились не вполне, успѣли доставить ему извѣстность, и потому онъ былъ желаннымъ гостемъ въ различныхъ редакціяхъ. Но чѣмъ сильнѣе шла словесная борьба, тѣмъ рѣзче дѣлались статьи Александра Прохорова и нерѣдко имъ было суждено оставаться въ портфель автора. Когда дѣло шло о высказываніи извѣстныхъ убѣжденій, Александръ Прохоровъ ухитрялся быть мудрымъ, какъ змій, и кроткимъ, какъ голубь, и, при помощи этого умѣнья, высказывать между строками тѣ мысли, которыя въ ту пору не могли быть выражены въ строкахъ. Но онъ терпѣлъ полнѣйшее фіаско, когда дѣло шло о различныхъ „обличеніяхъ“, гдѣ уже приходилось волей-неволей говорить прямо и ставить точки на і, какъ говорятъ французы. Двѣ, три статейки, напечатанныя имъ и носившія, такъ сказать, локальный запахъ салона новобрачной графини Бѣлокопытовой, были замѣчены петербуржцами и возбудили ожесточенные споры въ бѣлокопытовскихъ салонахъ. Молодой графъ Бѣлокопытовъ потиралъ руки отъ удовольствія, такъ-какъ статейки были направлены противъ его противниковъ.

— Поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ, дружески замѣтилъ онъ однажды Александру Прохорову, взявъ его подъ руку и ходя съ нимъ въ сторонѣ отъ гостей.

— Съ какимъ? Я васъ не понимаю, наивно спросилъ Александръ Прохоровъ, дѣлая удивленное лицо.

— Ну, между нами можно безъ таинственности, улыбнулся графъ. — Вы высказали именно то, чего не сдумѣлъ-бы сказать я, хотя подъ вашими статьями я охотно подписалъ-бы свои.

— Подъ какими статьями? изумился Александръ Флегонтовичъ.

Графа задѣла за живое эта недоувѣрчивость. Онъ назвалъ статьи.

— Вы думаете, что ихъ писалъ я? спросилъ Александръ Прохоровъ.

— Я увѣренъ.

Александръ Прохоровъ пожалъ плечами.

— Я вижу, что вы мнѣ отчасти недоувѣряете, замѣтилъ Бѣлокопытовъ. — Между нами есть маленькая разница: я раздѣляю всѣ ваши взгляды на крестьянскую реформу и на многое другое, но вы не раздѣляете моихъ взглядовъ на дворянскую реформу. Мнѣ очень грустно это разногласіе, тѣмъ болѣе, что я знаю, что ошибаюсь не я, а вы. Говоря откровенно, вы стоите на ложной дорогѣ, нападаая на такихъ людей, какъ, напримѣръ, Монталамберъ или Кавуръ, и притомъ нападаая на нихъ именно въ то время, когда они являются горячими защитниками англійскаго строя жизни.

— Признаюсь откровенно, я не вижу тутъ никакой ошибки и, право, думаю, что на насъ не лежитъ обязанности возжигать любовь къ этимъ публичнымъ болтунамъ. Всѣ ихъ словоизверженія съ трибуны не только не помогаютъ дѣлу, но скорѣе служатъ къ убаюкиванію людей, и къ усыпленію...

— А, батюшка, поступательное движеніе неизбѣжно! Вотъ вы всѣ, господа теоретики, нападаете теперь на неполноту нашей гласности, глумитесь надъ ней, глумитесь надъ разными борзописцами, въ родѣ Розенгеймовъ и Бенедиктовыхъ, восхваляющихъ наше время...

— Вы, кажется, сами не особенно любите ихъ? перебилъ со смѣхомъ Александръ Прохоровъ.

— Ну-да, ну-да! засмѣялся графъ Бѣлокопытовъ. — Но это между нами. А въ обществѣ, въ печати надо стоять за нихъ.

— Здѣсь, дѣйствительно, наши взгляды расходятся, замѣтил Прохоровъ.

И онъ, и графъ Бѣлокопытовъ какъ-бы ощупывали другъ друга и старались заглянуть другъ къ другу поглубже въ душу. Александръ Прохоровъ велъ себя сдержанно и не высказывался, чувствовал невольную антипатію къ либеральничающему англоману, но въ то-же время онъ старался не раздражать его, чтобы пользоваться черезъ него и его кружокъ тѣми свѣденіями и новостями, которыя были ему нужны. Графъ недолюбливалъ его въ душѣ, рѣшивъ, что это опасный человекъ, но въ то-же время графъ считалъ полезнымъ и не лишнимъ проводить черезъ него, какъ и черезъ другихъ журналистовъ, въ литературу извѣстные слухи, онъ считалъ нелишнимъ „направлять“ его на извѣстныхъ людей и, главное, считалъ не лишнимъ вывѣдать хотя отчасти мнѣнія „этихъ головорѣзовъ“, какъ онъ выражался въ душѣ про Прохорова и его близкихъ. Иногда графа бѣсила сдержанность Прохорова, но, съ ловкостью закаленного въ интригахъ человека, онъ сдерживалъ себя и велъ атаку неожиданными набѣгами, нападалъ врасплохъ, разгорячалъ врага. Но борьба была не легка. Александръ Прохоровъ горячился рѣдко, врасплохъ его было трудно застать. Онъ очень ясно видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и держался на сторожѣ. Въ его манерѣ отвѣчать являлась тонкая иронія, насмѣшливая усмѣшечка, неопредѣленная шутливость.

— Право, порой можно подумать, что вы на все смотрите чрезвычайно легко, говорилъ графъ, блѣднѣя отъ злости. — У васъ все шуточки, да улыбочки.

— Правъ такой веселый, шутилъ Александръ Прохоровъ.

— Нѣтъ-съ, это не то! говорилъ графъ. — Подъ этими усмѣшечками кроется презрѣніе къ человѣчеству, жалкое недовѣріе ко всему и ко всѣмъ...

— Графъ, зачѣмъ-же такія страшныя слова употреблять, смѣялся Александръ Прохоровъ. — Такъ вы, значитъ, убѣждены, что я вамъ врагъ? засмѣялся Прохоровъ.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ! опомнился графъ. — Я этого не говорю! Я просто упрекаю васъ въ недостатокѣ искренности. У васъ какой-то камень есть всегда за пазухой.

— Его, графъ, велить держать народная мудрость.

Графъ злился въ душѣ и старался весело улыбаться. Но если онъ гонялся за Александромъ Прохоровымъ и ему подобными людьми для своихъ цѣлей, то графиня, съ своей стороны, тоже не упускала случая и пріударяла за Александромъ Прохоровымъ. Ей нравилось это молодое, свѣжее лицо, ее интересовалъ этотъ молодой человекъ, постоянно оживленно говорившій о серьезныхъ вещахъ, повидимому, очень страстный и очень увлекающійся. Ей хотѣлось создать маленькій романъ, устроить которые она такъ любила. Но любезности графини пропадали даромъ и Александръ Прохоровъ постоянно отшучивался, какъ только разговоръ заходилъ за черту простой болтовни и начиналъ принимать нѣсколько сантиментальный или интимный характеръ. Подобный образъ дѣйствія начиналъ раздражать эту женщину, привыкшую къ легкимъ побѣдамъ надъ толпою тѣхъ праздныхъ мужчинъ, которые считаютъ выгоднымъ пользоваться первымъ намекомъ на маленькую интрижку. Александръ Прохоровъ, менѣе чѣмъ когда-нибудь, нуждался въ это время въ подобныхъ легонькихъ интрижкахъ, да, можетъ быть, и въ другое время не увлекся-бы румянами и блестящими тряпками отцвѣтшаго и вовсе не интереснаго созданія. Онъ, можетъ быть, сразу оборвалъ-бы всякія сношенія съ графиней и рѣзко положилъ-бы конецъ этимъ заигрываньямъ, если-бы этотъ домъ не былъ ему нуженъ для его цѣлей.

Зимній сезонъ между-тѣмъ приходилъ къ концу. Въ пріютѣ все шло уже по новому и комитетъ окончательно рѣшилъ ввести въ уставъ всѣ нововведенія, придуманныя Катериной Александровной и Софьею Андреевной: образцовыя прачечная и кухня, шитье модныхъ нарядовъ, обученіе парикмахерскому искусству, расширеніе курса наукъ, все это вошло теперь въ законную силу. Только постройка церкви, начатая графиней Дарьей Федоровной, туго подвигалась къ концу за недостаткомъ средствъ. Сама графиня Дарья Федоровна давно была подъ опекой и въ качествѣ сумасшедшей сидѣла въ четырехъ стѣнахъ подъ надзоромъ сидѣлки, получившей строжайшее предписаніе не допускать къ больной никого.

Въ эту пору въ домѣ Прилежаевыхъ начали разигрываться все чаще и чаще разныя сцены довольно грустнаго свойства. Дорогой дядюшка Катерины Александровны, все еще находив-

пійся безъ мѣста и фигурировавшій въ качествѣ угнетённаго судьбою и людьми старца, игралъ не малую роль въ семейныхъ дѣлахъ Прилежаевыхъ. Лишившись мѣста и значенія, онъ, такъ сказать, потерялъ точку опоры, выбился изъ обычной колеи и совершенно не зналъ, какъ теперь вести себя. Времени было много, дѣла было мало; старая привычка быть строгимъ и зоркимъ осталась, а предметовъ для строгаго и зоркаго наблюденія, субъектовъ для строгаго и зоркаго распеканія почти не осталось. Отсюда происходила ожесточенная скука и являлись приливы желчи. Попробовалъ Данило Захаровичъ придираяться за каждую мелочь къ дѣтямъ, началъ онъ усчитывать и пилить жену за каждый грошъ, сталъ носить при себѣ ключи отъ всѣхъ ящиковъ и комодовъ, напоминалъ поминутно чадамъ и домочадцамъ, что „онъ глава въ домѣ“, что „онъ ихъ въ смиренный домъ упрятать можетъ“, что „они напрасно радовались, ожидая его ссылки“, и прочее и прочее, все въ томъ-же родѣ. Это блажное состояніе лишеннаго занятій чиновника было такъ сильно, что гнало изъ дому дѣтей и совершенно „сокрушило“ Павлу Абрамовну, превратившуюся въ нѣчто въ родѣ слезной урны и не осушавшую глазъ съ утра до вечера. Она не могла даже „отвести душу“ съ Карломъ Карловичемъ, который не являлся въ домъ Боголюбовыхъ, отчасти боясь свирѣпаго хозяина дома, отчасти понимая, что съ Павлы Абрамовны теперь нечего взять. Положеніе Павлы Абрамовны сдѣлалось еще хуже, когда Данилъ Захаровичу удалось примириться со своею теткою и перетащить старуху отъ „добрыхъ людей“ въ свою квартиру, гдѣ тотчасъ-же послѣ ея переѣзда затеплились во всѣхъ углахъ лампы и ввелось постное кушанье по средамъ и пятницамъ. Тетюшка помогала Данилѣ Захаровичу „пилить“ его домочадцевъ и ежедневно распространялась о томъ, что „семью потому и Богъ забылъ, что она его забыла“.

Но самому Данилѣ Захаровичу легче отъ этого не дѣлалось: онъ все-таки сознавалъ, что онъ теперь ни болѣе, ни менѣе, какъ выкинутое изъ общественной машины колесо. Тяжелѣе всего было Данилу Захаровичу видѣть, что машина все работаетъ и работаетъ, повидимому, не нуждаясь въ немъ, не замѣчая его отсутствія. Сначала онъ еще ехидно подмигивалъ глазами, говоря: „посмотримъ! посмотримъ!“ и слабо надѣялся въ душѣ,

что вотъ-вотъ машина остановится и рухнетъ безъ него. Но дни шли за днями, а машина работала по прежнему, онъ всматривался въ лица—все веселы, спокойны, Свишовъ при встрѣчѣ похлопываетъ его по плечу и говоритъ: „Что, братъ, на подожномъ корму прозябаешь! А вотъ мы работать должны, кипить все!“ И какія истинно трагическія минуты приходилось переживать въ это время Данилу Захаровичу! Какъ-то шель онъ задумчиво по улицѣ, глядитъ: его обгоняетъ мелкой трусдой съ портфелемъ подъ мышкой одинъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ. Раскланялись:

— Прогуливаться изволите, спросилъ чиновникъ.

— Да. Что намъ больше дѣлать! вздохнулъ Данило Захаровичъ.—Ну, а какъ тамъ у васъ все идетъ?

— Ничего-съ, отлично! Работы только много, преобразованія, знаете, идутъ...

— Преобразованія! Ну-ка, расскажите, какія тамъ такія у васъ преобразованія...

— Извините, я спѣшу, Данило Захаровичъ! Докладъ несу... Мы вѣдь люди служащіе. Сами знаете, и при васъ бывало омождаешь на четверть часа, такъ косятъ...

Чиновникъ раскланялся и поспѣшно пошелъ впередъ.

Данило Захаровичъ нахмурился. „Щенокъ, молокососъ, а туда-же: дѣла, дѣла!“ пробормоталъ онъ и растерянно оглянулся кругомъ, забывъ, куда и зачѣмъ онъ шель.

Чѣмъ болѣе накипала горечь на душѣ, чѣмъ яснѣе сознавалъ Данило Захаровичъ свою ненужность, чѣмъ чаще убѣгали дѣти отъ его распеканій и чѣмъ покорнѣе становилась жена, тѣмъ скучнѣе становилось ему, тѣмъ сильнѣе тянуло его къ расширенію круга своихъ занятій, то-есть распеканій и зоркаго и строгаго надзора.

Дворникъ, попавшійся ему на тротуарѣ съ метлой, вызывалъ его замѣчаніе.

— Не во время, братецъ, не во время мести началъ, говорилъ Данило Захаровичъ.—Это утромъ, утромъ до свѣту надо дѣлать, когда народу нѣтъ. А ты когда вздумалъ? Ноги, что-ли, добрымъ людямъ обломать хочешь? Полиція-то за вами не смотритъ! Распустили всѣхъ. Оберъ-полиціей-мастеру-бы на васъ жа-обу подать!

Проходя мимо мясной лавки и почувявъ несовсѣмъ хорошій запахъ, Данило Захаровичъ заходилъ въ лавку.

— Чѣмъ это, любезный, у тебя пахнетъ? обнюхиваль онъ воздухъ.

— Говядиной-съ, ваше превосходительство, отвѣчалъ мясникъ.

— Знаю, братецъ, знаю, что не одеколономъ, да только говядина-то у тебя какая? Протухлая? Вѣдь это протухлой воняетъ? Народъ морить, что-ли, хотите? А? Въ полиціи-то еще не бывали?

— Зачѣмъ-же-съ намъ въ полиціи бывать! ухмылился мясникъ.

— Э, да ты еще грубить, братецъ, вздумалъ! Нѣтъ ты погоди!

— Что вамъ угодно-съ, сударь? хмуро спрашивалъ хозяинъ лавки, заслышавъ крупный разговоръ.—Покупать пришли, такъ и покупайте. А это-съ не ваше дѣло. У насъ торговля-съ, такъ намъ некогда разговоры разводить со всякимъ.

— Со всякимъ! Со всякимъ! Да ты взгляни, съ кѣмъ ты говоришь! свирѣпѣлъ Данило Захаровичъ, показывая на свои ордена.

— Что смотрѣть-съ! Извѣстно, если-бы хорошій баринъ были, такъ не стали-бы ходить лавки обнюхивать...

— Да я тебя, да я тебя! сжималъ кулаки Данило Захаровичъ.

— Потише-съ, потише-съ! Тоже за безчестье заплатите!

Послѣ подобной бесѣды Данилу Захаровичу становилось еще тошнѣе. Но долго-долго не могъ онъ привыкнуть къ своему положенію. Облегчилось немного его сердце тогда, когда онъ нашелъ покорную рабу въ лицѣ Марьи Дмитріевны и отыскалъ занятіе въ надзорѣ за дѣлами семьи своихъ родныхъ. Марья Дмитріевна сразу безотговорочно и покорно изъявила готовность сдѣлаться подчиненной Данила Захаровича. Ни одинъ канцелярскій служитель не признавалъ въ былыя времена Данила Захаровича своимъ начальникомъ съ такою покорностію, какъ Марья Дмитріевна. Она выслушивала его наставленія, она выносила его выговоры, она жаловалась и доносила ему. Онъ благоволилъ и относился къ ней такимъ тономъ, какъ-будто обѣщалъ ей по-

вышеніе и награду къ празднику. Прежде всего онъ началъ возставать прогивъ отношеній Катерины Александровны и Александра Прохорова. Потомъ, выслушавъ жалобу Марьи Дмитріевны на то, что у Александра Прохорова разъ въ недѣлю собирается множество молодежи и „бунтуеть“, т. е. спорить и шумить до трехъ часовъ ночи, онъ объявилъ, что это „фармазонн“, „вольтерьянцы“, и объяснилъ, что всѣхъ ихъ сошлютъ на каторгу, а Марью Дмитріевну поселять въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири за пристанодержательство бунтовщиковъ и безпаспортныхъ. Марья Дмитріевна струсила и „покалась, какъ передъ Богомъ“, что она дѣйствительно позволитъ иногда ночевать у себя въ домѣ то тому, то другому изъ знакомыхъ Александра Прохорова и что, жожеть быть, „это-то дѣйствительно и есть безпаспортные“.

— Разбойники, сейчасъ видно, что разбойники! А то для чего же-бы имъ и сходится по ночамъ? рѣшилъ Данило Захаровичъ и давалъ инструкціи Марьѣ Дмитріевнѣ, какъ поступать.

Но покорность Марьи Дмитріевны была сильнѣе ея рѣшительности и потому бѣдная женщина только „обиняками“ рѣшалась замѣчать Александру Прохорову, что „онъ погубить себя“. Когда-же Александръ Прохоровъ спрашивалъ: „да чѣмъ-же я себя погублю?“ то Марья Дмитріевна приходила въ смущеніе и только говорила: „да ужъ такъ, погубите!“ Но страхъ за дочь и неприязнь къ Александру Прохорову все росли и росли въ этой слабой душѣ и въ этомъ запуганномъ умѣ.

Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, занятые своими планами и работами все меньше и меньше придавали значенія мелкимъ семейнымъ сценамъ и не обращали вниманія на то, что они все болѣе и болѣе расходятся съ Марьей Дмитріевной. Этотъ внутренній разладъ впервые далъ себя сильно почувствовать на Рождествѣ. Миша былъ взятъ на праздники домой. Этотъ маленькій красавецъ и любимецъ матери и всѣхъ знавшихъ его сталъ уже лѣтомъ пробуждать опасенія въ умѣ Катерины Александровны и Александра Прохорова своими наклонностями. Онъ былъ капризенъ, любилъ, чтобы всѣ слушались его, дѣлалъ дерзости всѣмъ и за все и вообще сразу давалъ знать, что его избаловали за его красоту. Дѣйствительно, онъ былъ прекрасенъ: рѣдко можно было встрѣтить болѣе пра-

вильное лицо, болѣе красивыя формы. Но въ этомъ лицѣ было что-то заносчивое, въ этихъ формахъ было что-то слишкомъ женственное, кокетливое. Мальчуганъ заботился, чтобы на его платьѣ не было лишней складки, чтобы ни одинъ волосокъ не былъ растрепанъ на его головѣ. Вслушиваясь въ его разговоръ, можно было сразу замѣтить сильную склонность острить на счетъ ближняго и, главнымъ образомъ, на счетъ вѣнщины ближняго. Это остроуміе вызвало смѣхъ и поощренія Марьи Дмитриевны, но въ сущности оно было жалкое, пошлое: такъ остряли юнкера, вахтеры, армейскіе офицеры стараго времени. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ задумались не на шутку, когда Миша пріѣхалъ на праздники и рассказалъ, что у него была одна „стычка“ съ гувернеромъ.

— Семинаристъ какой-то съ изрытой рожей, а туда-же вздумалъ носъ поднимать! замѣтилъ Миша про гувернера.

Александръ Прохоровъ, говоря о мальчуганѣ съ Катериной Александровной, замѣтилъ, что теиерь, вѣроятно, начнутъ часто повторяться эти „стычки“.

— Мишу избаловали дома, какъ меньшого въ семьѣ, говорилъ онъ. — Потомъ разныя бабы и товарищи баловали его за смазливое личико, а теиерь начнется не баловство, а столкновеіія съ учителями. На него слишкомъ долго смотрѣли своѣмъ пальцы и ему будетъ тяжело, когда его заберутъ въ руки. И это казарменное остроуміе развили въ немъ, поощряя всѣ выходки милаго малютки! Отъ этого его надо отъучить. Онъ вѣдь лѣнтяй, а право нѣтъ ничего хуже остроумнаго лѣнтяя: изъ него можетъ выработаться пошлякъ, невѣжда, съ гордостью несущій на показъ свою пошлость.

— Что-же дѣлать, что дѣлать? волнуясь, говорила Катерина Александровна. — Я сама знаю, что онъ можетъ погибнуть. Съ одной стороны черствая и сухая грубость, съ другой — распушенность и потакаіье его ошибкамъ испортятъ его совершенно... И вообще это воспитаніе вдали отъ семьи нѣ по сердцу... Но что-же мы-то можемъ сдѣлать?

— Надо взять его домой. Я стану платить за него въ гимназію. Потомъ похлопочемъ, чтобы его приняли на казенный счетъ. Хлѣба на него достанетъ. Ты, знаешь, у меня кое-что остается отъ заработковъ...

— Еще лишній человекъ на твою шею...

— Что объ этомъ толковать. Лучше намъ стѣсниться, чѣмъ видѣть, какъ онъ сдѣляется негодяемъ... Ты лучше о томъ скажи, какъ мы растолкуемъ это Марья Дмитріевнѣ.

Катерина Александровна задумалась; она понимала, что это дѣйствительно самая трудная сторона задачи. Но покуда она еще надѣялась справиться съ матерью и выбрала первую удобную минуту для объясненія. Марья Дмитріевна замахала руками. Не смотря на то, что ей очень хотѣлось видѣть Мишу постоянно около себя, она сразу остановилась на своей обычной мысли, что будетъ, если Александръ Прохоровъ броситъ Катерину Александровну, а съ нею и всю семью. Сколько ни старалась Катерина Александровна доказать неосновательность этой мысли, Марья Дмитріевна и слушать не хотѣла.

— Другое дѣло, Катюша, если-бы онъ былъ твой мужъ, говорила она,— а то вѣдь всѣ они такъ-то обѣщаютъ золотыя горы да ничего не дѣлаютъ. Возьметъ да броситъ, вотъ тебѣ и будемъ у праздника!

— Да поймите, что онъ не такой... Впрочемъ, если только это васъ останавливаетъ, то этой помѣшки скоро не будетъ... Я скоро повѣнчаюсь съ Сашей...

— Ну, тогда дѣло другое.

Разговоръ кончился, Катерина Александровна передала его содержаніе Александру Прохорову. Онъ замѣтилъ, что дѣло, значить, обстоитъ благополучно, такъ-какъ Мишу ранѣ весны нечего брать изъ училища на праздную жизнь дома; весной-же можно будетъ взять его и, подготовивъ лѣтомъ, отдать въ гимназію въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Весной предполагалось сыграть и свадьбу, такъ-какъ въ пріютѣ „машина была въ полномъ ходу“, какъ выражалась Катерина Александровна, и сама Катерина Александровна на столько подготовилась, что могла сдать и экзаменъ на званіе домашней учительницы, и экзаменъ для слушанія лекцій повивальнаго искусства. Молодые люди успокоились на счетъ будущности Миши и замѣтили, что имъ не придется быть такими-же безучастными свидѣтелями гибели этого ребенка, какими они были при постепенной гибели Сьворцовой. Но покуда они работали и учились, покуда они жили, отдаваясь всѣмъ тревогамъ дня, за ихъ спинами, за шир-

нами спальни Марья Дмитріевна шла толкомъ о нихъ, готовившіе отпоръ исполненіямъ ихъ плановъ. Марья Дмитріевна отрапортовала своему высшему начальству, что „самъ-то“ хочетъ взять ея Мишу изъ казеннаго училища. Высшее начальство неодобрительно нахмурило брови.

— Что-же, такого-же разбойника хочетъ приготовить, какъ самъ? произнесло оставленное въ бездѣйствіи колесо общественной машины. — Мало, видно, ихъ такихъ-то, такъ дѣтей вербовать вздумали... Что-же вы согласились?

— Нѣтъ, батюшка Данило Захаровичъ, не согласилась, не согласилась! Говорю, пусть сперва женятся, а сама, знаете, думаю: оттяну дѣло, чтобы съ вами, отецъ родной, посоветоваться...

— Умно сдѣлали! одобрилъ Данило Захаровичъ.—Сами развратничаютъ и Богъ знаетъ, какія дѣла дѣлаютъ, такъ еще мало, хотятъ дѣтей тому-же научить... Не только жить нельзя дѣтямъ у нихъ, но пускать дѣтей къ нимъ не слѣдуетъ. Я и своему Ленкѣ запретилъ-бы ходить въ этотъ вертепъ, если-бы не провлятая математика... Въ институтѣ, когда Лидя туда поступить, отдамъ распоряженіе, чтобы не пускали ихъ ни ногой.

Марья Дмитріевна смутилась.

— Они повѣнчаются, батюшка, повѣнчаются, оправдывала она дочь и будущаго зятя.

— Да толку-то что? Въ ихъ головахъ ядъ, каждое ихъ слово отравя... Этого никакимъ вѣнчаніемъ не уничтожишь... Вотъ что страшно! Сами они идутъ въ пропасть и другихъ за собой тащутъ... Что касается до меня, то я самъ ноги не положилъ-бы на вашъ порогъ, если-бы не вы. Васъ мнѣ жаль...

— Не оставьте ужъ меня, батюшка! На васъ одна надежда! Съ кѣмъ-же мнѣ и посоветоваться, какъ не съ вами? У нихъ то споры идутъ, то внижки въ рукахъ,— къ нимъ и не подойдешь, а вѣдь тоже душу отвести хочется, спросить, какъ и что... Вы вотъ все это мнѣ распишете, во все вникнете, а безъ васъ ровно въ туманѣ какомъ хожу... Извѣстно, они—молодой народъ, вѣтеръ у нихъ въ головѣ...

— Не вѣтеръ, а злоба, неуваженіе, презрѣніе къ намъ, старикамъ. Вы-бы почитали, что онъ пишетъ... Впрочемъ, вы грамотъ-то не обучены... Возмутители просто...

— Что-же это, батюшка, про меня что-нибудь? спросила Марья Дмитриевна въ недоумѣніи.— Я, кажется...

— Не про васъ, а вообще про насъ, про стариковъ... Они насъ ни за что считаютъ, они насъ уморить-бы хотѣли... Вы думаете, вы имъ не въ тягость?

— Въ тягость, батюшка, въ тягость! заплакала Марья Дмитриевна. — Да развѣ я виновата, что Богъ смерти не даетъ... Хожу я, какъ сирота какая... Конечно, грѣхъ жаловаться, все-го теперь у насъ вдоволь, комнатка у меня, хозяйка я полная, ну и тоже грубостей никакихъ не слышу, ласково обращаются... Тоже это въ шутку самъ-то Александръ-то Флегонтовичъ говорить: „куда не пойдешь, а все къ Марьѣ Дмитриевнѣ подъ крылышко тянетъ пирожекъ ея поѣсть...“ Конечно, я ему угождать за это стараюсь... А все-же поговорить-то мнѣ не съ кѣмъ... Вѣдь не съ кухаркой-же мнѣ компанію вести, тоже вѣдь помню я, что мы благородные... Ихъ-же срамить не хочу! А они что?... Все шуточками да шуточками со мною, а у меня сердце ноетъ, грудь давить... Вѣдь тоже я мать, чувствую я...

— Да развѣ они это понимаютъ?

— Гдѣ ужъ имъ, батюшка!...

Долго и часто шли бесѣды въ подобномъ родѣ и Марья Дмитриевна все сильнѣе и сильнѣе „чуяла недоброе“ въ то время, когда лица Катерины Александровны и Александра Флегонтовича цвѣли полнымъ счастіемъ и спокойствіемъ, когда молодые люди жили полною жизнью, когда у нихъ являлись сожалѣнія только о томъ, что у нихъ недостаетъ силъ и способностей на то или другое дѣло, а не о томъ, что является недостатокъ работы для ума и для рукъ. Катерина Александровна даже не замѣчала, что Свищовъ, заѣхавъ раза два въ пріютъ, особенно пристально взглянулъ на нее и потомъ началъ говорить съ нею болѣе игриво, чѣмъ когда-нибудь. Она поспѣшила оборвать старраго волокиту на первыхъ словахъ. Онъ какъ-будто удивился, встрѣтивъ этотъ строгій отпоръ, но не унялся и какъ-то снова заговорилъ въ томъ-же тонѣ, намекнувъ, что напрасно Катерина Александровна работаетъ и утомляетъ себя, что съ ея прелестными личикомъ можно-бы сдѣлать себѣ карьеру. Катерина Александровна вспыхнула и отвѣтила, что она сжуетъ сама позаботиться о себѣ и не проситъ никакихъ совѣтовъ. Старикъ пережѣнилъ

тонъ, но въ то-же время замѣтилъ, чтобы она помнила, что онъ всегда готовъ къ ея услугамъ. Свищовъ и прежде говорилъ двусмысленныя фразы, но теперь онъ былъ уже чрезчуръ развязенъ съ нею и въ его тонѣ слышалась какая-то твердая увѣренность, что съ Катериной Александровной *можно* говорить этимъ тономъ. Впрочемъ, Катерина Александровна не долго раздумывала объ этомъ явленіи и, вѣроятно, забыла-бы о немъ совершенно, если-бы Марья Дмитріевна не вздумала снова заговорить съ ней о необходимости ускоренія свадьбы.

Марья Дмитріевна, живя теперь въ довольствѣ, не видя необходимости работать съ утра до ночи, не посѣщая мелочной лавки, не имѣя возможности по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ окружающими, которые почти постоянно были заняты то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, вѣчно терзалась тѣмъ, что ей „не съ кѣмъ отвести душу“, и потому довольно часто заводила отъ скуки подобныя разговоры о судьбѣ дочери. Въ настоящее время въ разговоръ была введена новая подробность.

— Вѣдь вонъ, Катюша, всѣ тебя осуждаютъ. Самъ генераль Свищовъ называетъ дѣвицею легкаго поведенія, произнесла Марья Дмитріевна.

— Свищовъ? удивилась Катерина Александровна.— Да вы-то какъ это узнали?

— Ахъ, мать моя! Слухомъ земля полнится. Добрые люди передали...

— Не добрые, а подлые люди! разгорячилась Катерина Александровна.— Да ужъ не они-ли и Свищову-то обо мнѣ наговорили. Это Данило Захаровичъ вамъ говорилъ?

— Ну, хоть-бы и онъ! Онъ дядя тебѣ, онъ тебѣ добра желаетъ.

— Знаете-ли вы, что этого дядю Александръ спустилъ-бы съ лѣстницы, если-бы намъ не было жаль его дѣтей, отвѣтила Катерина Александровна.— Но скажите ему, что и терпѣнію бываетъ конецъ. Если онъ будетъ еще хоть гдѣ-нибудь говорить про меня, то я не посмотрю ни на что и уважу ему на дверь... Старый мерзавецъ!

— Грѣхъ тебѣ, Катюша, такъ о старыхъ людяхъ отзываться! Ужъ извѣстно, что для васъ, для нынѣшнихъ людей, мы всѣ, старые люди, никуда негодны!...

Катерина Александровна не могла удержаться отъ нервнаго смѣха.

— Опять, мама, вы чужія слова говорите!

— Да вѣдь извѣстно, что у меня и словъ своихъ не можетъ быть. Стара стала — глупа стала!

Катерина Александровна пожала плечами.

— Съ вами, мама, нынче трудно говорить...

— Что-жъ мудренаго; необразованная дура, какъ есть! Гдѣ ужъ со мною ученымъ людямъ разговаривать.

— Ну, кончимте! У меня нѣтъ охоты волноваться изъ-за пустяковъ.

— У матери сердце все выныло, такъ это пустяки! Спасибо, дочка, спасибо! Много обязана, что еще не выгоняешь на улицу...

Катерина Александровна не дослушала іереміады и вышла. Но ей было тяжело и обидно. Мало того, что ее разстроили, разсорили съ матерью, такъ еще и репутацію ея стали марать. Однако она твердо рѣшилась дожидаться экзаменовъ въ пріютѣ и только тогда выйти замужъ. Она знала, что теперь ей можно было оставить пріютъ, не боясь за его участь, но въ ея душѣ начало зарождаться желаніе бравировать мнѣнія такихъ людей, какъ ея дядя, Свищовъ и тому подобныя личности. Ей казалось, что нужно имъ показать, что на ихъ мнѣніе плюютъ, что ихъ не замѣчаютъ, какъ шипящихъ, но безвредныхъ гадовъ. Это чувство, имѣвшее въ себѣ что-то болѣзненное, что-то желчное, начинало все сильнѣе и сильнѣе развиваться въ душѣ молодой дѣвушки. Ей даже стало смѣшно, что эти люди такъ пренебрежительно смотрятъ на нее, а въ сущности или пляшутъ по ея дудкѣ, или нуждаются въ ней. Она знала, что Свищовъ ратуетъ за ея проекты въ комитетѣ благотворительныхъ заведеній графовъ Бѣлокопытовыхъ, а дядя не смѣетъ разойтись съ ней, такъ-какъ она бесплатно занимается съ его Лидіей, а Александръ Флегонтовичъ даетъ даровые уроки его Леониду. Ей вспомнилось, что въ обществѣ начинаютъ ходить разныя сплетни про многихъ изъ близкихъ ей людей, и она невольно подумала, что въ этихъ сплетняхъ столько-же лжи и грязной клеветы, сколько и въ сплетняхъ о ней. Но не смотря на сознание своей правоты, не смотря на презрѣніе къ разнымъ Свищовымъ,

Катерина Александровна втайнѣ все-таки нетерпѣливо ожидала того дня, когда она навсегда распрощается съ пріютомъ и не будетъ видѣть, хотя нѣсколькихъ изъ антипатичныхъ ей личностей. Была еще какая-то причина, заставлявшая молодую дѣвушку нетерпѣливо ждать конца учебнаго года...

III.

Продолженіе предыдущей.

Время между тѣмъ шло быстро, прошла ранняя весна, наступили экзамены въ пріютѣ, совершившіеся въ этотъ годъ съ особенною торжественностью въ присутствіи всего комитета и окончившіеся большой закуской въ комнатахъ Софьи Андреевны. Въ числѣ гостей были графы Бѣлокопытовы, молодая графиня Бѣлокопытова и Свищовъ. Свищовъ любезничалъ и заигрывалъ двусмысленными словами съ Катериной Александровной, рассыпаясь въ комплиментахъ за ея умѣнье вести дѣтей.

— Вы рождены для того, чтобы быть царицею въ семьѣ! замѣтилъ онъ между прочимъ.

— Вотъ я и думаю исполнить свое призваніе, засмѣялась Катерина Александровна. — Вы вѣдь знаете, что я уже давно невѣста.

— Невѣста? изумился Свищовъ.

— Да! Неужели дядя не говорилъ вамъ? Не можетъ быть! Дядя сталъ такимъ старымъ болтуномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, торопился отвѣтить Свищовъ.

— А я думала, напротивъ. Вы были такъ развязны со мною въ послѣднее время, какъ обыкновенно бываютъ развязны мужчины не съ дѣвушками, а... съ молодыми женщинами...

— Ну-у... началъ Свищовъ.

— Я и думала, что вы позволили себѣ такое обращеніе только потому, что знаете уже о близости моей свадьбы... Конечно, если-бы не было этого, то я могла-бы...

— Простите, простите, любезно перебилъ ее Свищовъ. — Я, право, не жемаль... Это наша старая привычка... Скажите, за кого-же вы выходите...

— За Прохорова, отвѣтила Катерина Александровна и замѣтила, что на нее устремились глаза графини Бѣлокопытовой.

— Это артиллеристъ? спросилъ Свищовъ.

— Да.

— Александръ Флегонтовичъ женится? мелькомъ спросила графиня.

— Да, вскользь отвѣтила Прилежаева и продолжала разговоръ съ Свищовымъ, разсыпаясь въ похвалахъ Александру Флегонтовичу.

Графиня осматривала ее съ ногъ до головы и, кажется, осталась недовольна: Катерина Александровна все по прежнему была прекрасна или, лучше сказать, она была прекраснѣе прежняго. Свѣжесть лица, нѣсколько вьющіяся волосы, большіе черные глаза и немного насмѣшливая улыбка, все это было такъ мило, что графиня не могла не понять, за что предпочитаетъ Александръ Прохоровъ эту „дѣвочку“ „другимъ женщинамъ“. Въ сердцѣ Бѣлокопытовой началась тревога и кипѣла злоба. Она видѣла, что она сдѣлала промахъ, ухаживая за этимъ „скрытнымъ“ господиномъ, уже влюбленнымъ въ другую. Она сознавала, что онъ смѣялся надъ нею въ душѣ, когда она заигрывала съ нимъ легонькими любезностями. Она понимала, что онъ умышленно не говорилъ о своей предстоящей женитьбѣ, тѣшась надъ нею. Злоба этой женщины равнялась теперь ея мелочности. Прохоровъ уже получилъ въ ея умѣ названіе „мальчишки“, „негодяя“, „наглаго выскочки“, „avanturier“. Ему нужно было „отплатить“, его нужно было „проучить“, ему нужно было показать, „что играть не со всѣми можно“.

Катерина Александровна и не подозрѣвала, какую бурю подняли ея слова въ душѣ Бѣлокопытовой. Она не безъ грусти повидала пріютъ, но въ то-же время радовалась, что наконецъ она будетъ свободна отъ начальства Свищовыхъ, Бѣлокопытовыхъ и разныхъ членовъ комитета. Она сознавала, что она можетъ впервые пройти мимо этихъ людей, не кланаясь имъ, не замѣчая ихъ и не вредя этимъ ни себѣ, ни пріюту. До сихъ поръ ей приходилось заискивать въ нихъ, чтобы ее оставляли въ покоѣ, чтобы ея совѣты не пропускали безъ вниманія, чтобы не говорили: „ужь если помощницы такъ дерзки, то что-же выйдетъ изъ дѣтей подъ ихъ вліяніемъ?“ Да, теперь она была свободна,

она шла по дорогѣ къ вѣнцу съ Александромъ Прохоровымъ и этою свадьбой долженъ былъ, какъ ей казалось, возстановиться миръ въ семьѣ, этою свадьбою должно было купиться спасеніе Миши.

— Милый, теперь я вся твоя! горячо и страстно говорила она, по возвращеніи домой изъ пріюта, обнимая Александра Прохорова.

— Жена да боится своего мужа! шутливо промолвилъ онъ, цалуя ее.

— Тебя-то! спросила она и оба весело засмѣялись.

Ихъ свадьба была для нихъ дѣйствительно торжественнымъ праздничнымъ днемъ. Повидимому, все шло какъ нельзя лучше и даже Марья Дмитріевна особенно просіяла на время, дождавшись бракосочетанія дочери, хотя ее и огорчало, что свадьба была сыграна слишкомъ просто. „Точно тайно вѣнчаются, говорила она.—Иной подумаетъ, что скрыть отъ кого-нибудь хотятъ свадьбу“. Впрочемъ, передѣлать этого дѣла было нельзя и потому приходилось помириться съ нимъ. Но свѣтлое настроеніе бѣдной женщины длилось не долго. Первый разговоръ о необходимости перевести Мишу въ гимназію снова возбудилъ ея подозрѣнія и заставилъ ее опять посоветоваться съ умнымъ человекомъ, съ Данило Захаровичемъ. Въ душѣ Марья Дмитріевна, какъ мы сказали, была очень рада возможности постоянно видѣть Мишу около себя, но въ то-же время ея трусливость пробуждала въ ней какія-то подозрѣнія. „А вдругъ Александръ Флегонтовичъ броситъ насъ, думалось ей. Да и достанетъ-ли у него денегъ воспитывать Мишу? Ужь тяжело мнѣ, что Миша не со мной живетъ, а все-же лучше, что онъ на казенныхъ хлѣбахъ; тоже чужой-то хлѣбъ не сладокъ. Пойдутъ у нихъ дѣти, насъ тогда и забудутъ.“ Данило Захаровичъ еще болѣе развилъ и утвердилъ эти подозрѣнія.

— Да чему научать-то его здѣсь? говорилъ онъ.—Вы поймите, что Александръ Флегонтовичъ только возмущать умѣетъ всѣхъ. Вы взгляните, какъ онъ на васъ самихъ смотритъ, какъ онъ на меня смотритъ. Не удостоитъ даже слова. Ему говоришь дѣло, а онъ, улыбаясь, соглашается, хотя такъ и видно по его глазамъ, по его усмѣшечкѣ, что онъ и не думаетъ соглашаться. Онъ, видите-ли, презираетъ насъ, стариковъ. Не хочетъ даже въ

разговоры съ нами пускаться... Это еще недавно замѣтилъ мнѣ въ слову, что кривую березу не выпрямишь... То-есть, понимае-те, это мы-то кривыя березы!..

Марья Дмитріевна благодарила дорогого родственника и за-ступника за совѣты и молила его не оставлять ее, сироту без-защитную.

— Я и сама опасалась, да сердце-то материнское нашепты-вало, что радостиѣ мнѣ будетъ съ Мишурочкой, жалобно гово-рила она.

— Знаю, знаю, отвѣтилъ Данило Захаровичъ.—Только те-перь не о себѣ надо думать, а о немъ. Вамъ, конечно, веселѣе-бы было жить съ Мишей, да за-то послѣ пришлось-бы утирать кулаками слезы... Неуваженіе-то дѣтей каково видѣть? Вы это вспомните... И вы думаете, Мишѣ было-бы сладко здѣсь? Вонъ они говорятъ, что онъ испорченъ—въ казенномъ-то училищѣ испорченъ!—Такъ вѣдь они его ломать-бы стали, муштровать-бы стали, чтобы по своему передѣлать... Да вѣдь такъ онъ въ ка-торгу-бы попалъ... Ужъ если намъ, старикамъ, третьимъ кала-чамъ, тяжело съ ними, то каково-же было-бы ему?..

Марья Дмитріевна соглашалась, чувствуя, что ей дѣйствитель-но очень тяжело жить въ семьѣ зятя, гдѣ, впрочемъ, она была полною хозяйкою, гдѣ всѣ обращались съ ней ласково и преду-предительно, гдѣ просили ее только не утруждать себя лишней работою. Подъ вліяніемъ совѣтовъ Данило Захаровича она на отрѣзъ объявила, что она не позволитъ взять Мишу изъ учили-ща. Дѣло дошло до крупной размолвки между Катериной Але-ксандровной и Марьей Дмитріевной, но побѣдительницей вышла все-таки послѣдняя; всѣ доводы, всѣ убѣжденія разбились въ прахъ передъ ея жалкими словами и тупымъ упорствомъ. Деся-тый разъ выслушивала она доказательства Катерины Александровны, повидимому, соглашалась съ ними и когда Катерина Але-ксандровна спрашивала: „ну, такъ какъ-же?“ она отвѣчала:

— Нѣтъ, ужъ, Катюша, я лучше въ разлукѣ съ нимъ буду жить, а не возьму его изъ училища.

Приходилось замолчать или снова доказывать, убѣждать и по-лучать тотъ-же отвѣтъ. Катерина Александровна разстроилась не на шутку, а сдѣлать все-таки ничего не могла. Нужно было умыть руки въ виду того, что могло случиться въ будущемъ съ

Мисей, если онъ останется въ училищѣ, вдали отъ семьи. Но эти переговоры хотя и не привели ни къ какимъ благимъ результатамъ, а все-таки не прошли безслѣдно: они еще болѣе охладили отношенія матери и дочери и заставили первую въ пылу спора высказать нѣсколько такихъ мнѣній на счетъ Александра Флегонтовича, которыя не могли быть забыты обожавшею его Катериною Александровною. Эти неслестныя мнѣнія отнюдь не были убѣжденіями Марьи Дмитріевны; она просто повторяла ихъ со словъ Даниила Захаровича, но Катерина Александровна, смутно чувствуя это, все-таки не могла простить матери, что та рѣрѣшается выслушивать и даже повторять такія дурныя вещи про человѣка, который не сдѣлалъ ей ничего кромѣ хорошаго. Къ тому-же Катерина Александровна стала въ послѣднее время очень раздражительною и нервною. Неизвѣстно, было-ли это состояніе духа примымъ слѣдствіемъ прошлыхъ тяжелыхъ лѣтъ, или являлось оно по какимъ нибудь другимъ причинамъ, тѣсно связаннымъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилась теперь молодая женщина.

— Грѣхъ вамъ, мама, такъ говорить про Александра, замѣтила она матери на рѣзкія замѣчанія послѣдней объ Александрѣ Флегонтовичѣ.—Если вы его не любите, то вы хоть вспомните-бы, что онъ поитъ и кормитъ насъ...

— Не сладокъ, не сладокъ, Катюша, чужой хлѣбъ, бессмысленно произнесла Марья Дмитріевна.

Катерина Александровна пожала плечами и отвернулась. Въ послѣднее время она все болѣе и болѣе избѣгала раздраженій и неприятностей, начавъ особенно сильно дорожить своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, о которыхъ прежде заботилась слишкомъ мало. Она все чаще удалялась одна въ свою комнату и заботливо шила какія-то маленькія принадлежности дѣтскаго бѣлья. Любуясь ими, она думала: „О если-бы это былъ мальчикъ. Если-бы онъ былъ похожъ на него! Я буду заботиться о немъ, я выращу его честнымъ, хорошимъ человѣкомъ. Я пожертвую всѣмъ для его счастья, чтобы онъ никогда, никогда не разошелся со мною, не отвернулся отъ меня. Онъ будетъ моею гордостью, моею радостью... Но я такъ часто волнуюсь, такъ тревожусь... Это вредно для него... Онъ долженъ быть здоровымъ... Я должна беречь себя для него. О, какъ я люблю его!“ И она старалась

быть спокойнѣе ради того маленькаго созданія, которое должно было родиться на свѣтъ. Она жила теперь только мыслью о немъ. Но ея усилія не увѣнчивались успѣхомъ: спокойствія не было. Послѣ послѣднихъ переговоровъ въ семьѣ сдѣлался расколъ: на одной сторонѣ стояли Катерина Александровна, Александръ Флегонтовичъ, Антонъ, Леонидъ и маленькая Лидія; на другой находились Марья Дмитриевна и Данило Захаровичъ, привлекшіе къ себѣ, въ несчастію, и Мишу. Миша ясно видѣлъ, что мать и дядя только балуютъ его и потакаютъ его выходкамъ, а сестра и ея сообщники стараются останавливать его отъ его привычекъ, иногда смѣются и острятъ надъ нимъ. Данило Захаровичъ даже попробовалъ еще болѣе вооружить Мишу противъ сестры, вида, что мальчикъ все-таки началъ отчасти увлекаться обольстительною картиною житья въ семьѣ, на свободѣ.

— Муштровать, братъ, хотя тебѣ! говорилъ Боголюбовъ, трепля по плечу Мишу.—Каждый командовать станетъ! Кто хлѣбомъ кормить, тотъ и бьетъ. Оставайся-ка лучше въ училищѣ, тамъ по крайней-мѣрѣ свой братъ товарищ помыкать не будетъ, а тутъ и Антонъ—и тотъ старшимъ будетъ. Смотри, какъ важничаетъ!

— Да ужь, голубчикъ ты мой, потерпи лучше, въ чужомъ мѣстѣ поживи, послѣ слаще будетъ, гробовымъ голосомъ совѣтовала Марья Дмитриевна.—И мнѣ не сладко живется здѣсь, а тебѣ будетъ еще того хуже.

Миша хмурился и подозрительно смотрѣлъ на сестру и ея друзей. Среди этого разлада одинъ штабсъ-капитанъ въ младенческомъ невѣденіи воображалъ, что все идетъ отлично и говорилъ длинныя рѣчи, которыхъ никто не понималъ и съ которыми потому всѣ безусловно соглашались.

Семья уже собиралась на дачу. Особенно спѣшила отъѣздомъ Катерина Александровна.

— Да, Саша, теперь мнѣ нуженъ чистый воздухъ, говорила она мужу.—Кажется, скоро...

— Береги себя, милая! нѣжно говорилъ онъ, покрывая поцалуями ея руки.—Марья Дмитриевна еще ничего не знаетъ?

— Кажется, нѣтъ... Я не хочу говорить ей прежде времени... Я объ *немъ* говорю только съ тобою, думаю объ *немъ* только въ своемъ угольѣ... Это моя святыня...

Марья Дмитріевна дѣйствительно ничего не знала, хотя и подозрѣвала кое-что, но боялась спросить. Однажды, бесѣдуя, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы дочери, съ Данило Захаровичемъ, она между прочимъ замѣтила, что болѣе всего она радуется тому, что Катерина Александровна обвиняна.

— Еще-бы не обвиняться! промолвилъ Данило Захаровичъ. — Давно пора было кончить. Катерина Александровна, кажется, находится въ такомъ положеніи, что Александру Флегонтовичу нужно было быть подлецомъ, чтобы не поспѣшить свадьбой...

Марья Дмитріевна смутилась, она сама замѣтила въ послѣднее время, что ея Катя стала немного похлѣть, иногда прихварывала, и не смотря на всѣ усилія, не могла вполне скрыть своего положенія отъ глазъ домашнихъ людей. Но Марья Дмитріевна все еще думала, что посторонніе люди ничего не замѣчаютъ. Теперь ей стало больно, что даже посторонніе знаютъ, какъ вела себя ея дочь до свадьбы. Она ничего не могла сказать Данилу Захаровичу въ оправданіе дочери.

— Да, не хорошо, не хорошо! наставительно замѣтилъ Данило Захаровичъ.— Не ожидалъ я этого отъ нея... Хоть-бы то подумала, что около нея растутъ дѣти... Какой примѣръ для нихъ?.. Признаюсь вамъ откровенно, я только для васъ пускалъ къ вамъ свою Лидю... Конечно, она мала, но и ее могутъ развратить подобныя примѣры. Она не видѣла въ родительскомъ домѣ подобныхъ дѣвушекъ...

— Батюшка, да вѣдь Лидичка еще ребенокъ, гдѣ-же ей понять, жалобно успокоила Боголюбова Марья Дмитріевна.

— Сама не пойметъ, такъ скажутъ, возразилъ Данило Захаровичъ.— Какъ нибудь могла подслушать, что говорила мнѣ про Катерину Александровну тетушка и жена; отъ кухарки могла слышать... Нѣтъ, Марья Дмитріевна, какъ посмотрю я на нынѣшнюю молодежь, такъ волосъ дѣбомъ становится: фанаберія, развратъ, пьянство, сходки по ночамъ, неуваженіе... И куда мы идемъ, куда идемъ?.. А всему виною эти реформы, нововведенія!.. Да въ наше время косу-бы по волоску выдергали у дочери, если-бы она такъ-то жила, какъ ваша дочь...

Марья Дмитріевна поникла головой. Она сознавала, что мудрый родственникъ говоритъ правду.

— И какое благословленіе можетъ быть на ея ребенкѣ, когда онъ Богъ знаетъ какъ прижить?.. Еще чей онъ—это Богъ знаетъ...

— Грѣхъ вамъ, батюшка, такъ говорить! вослигнула невыдержавшая Марья Дмитріевна. — Катюша все-таки честная дѣвушка... Ну, виновата она, согрѣшила... а то она честная...

— Честная! саркастически улыбнулся Данило Захаровичъ. — У честныхъ не бываетъ незаконнорожденныхъ дѣтей!.. Нѣтъ, Марья Дмитріевна, не такихъ въ наше время называли честными!.. Вѣдь ей теперь ребенка-то скрывать придется, вѣдь она его стыдиться должна, вѣдь это улика будетъ... Теперь еще, можетъ быть, вотъ только мы замѣтили, а тогда всѣ, всѣ узнаютъ, каждый лавочникъ, каждый дворникъ пальцемъ укажетъ и на нее, и на ея ребенка...

— Ужь это что говорить, языки-то людямъ не завяжешь, чужому горю всякій радъ, слезливо вздохнула Марья Дмитріевна. — Скрыть-то нельзя...

— Да вы думаете, она станетъ скрывать! Нѣтъ-съ, она всѣмъ на видъ выставить будетъ, что вотъ, молъ, смотрите, добрые люди, какая я бойкая: сейчасъ послѣ свадьбы и ребятъ нарожала!

Марья Дмитріевна заплакала.

— Вы, какъ мать, усовѣстите ее, пусть уѣдетъ куда-нибудь на время. Не срамите своей фамиліи. Дѣтямъ примѣра не показывайте... Да чего вы все плачете? Твердости вамъ набраться нужно, твердости! Вы въ домѣ-то послѣдняя спица. Вами всѣ помыкають, какъ старой ветшкой! Вамъ надо власть показзть, власть!

Еще долго наставлялъ Данило Захаровичъ Марью Дмитріевну и наконецъ успокоился, когда увидалъ, что несчастная женщина окончательно убѣдилась, что несчастье ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Довольно долго ходила Марья Дмитріевна съ понурой головой и все не знала, какъ приступить къ объясненію съ дочерью, которая, какъ нарочно, была въ это время, повидимому, вполне счастлива, хотя изрѣдка и прихварывала. Наконецъ, мать выбрала удобную минуту и подсѣвъ къ сидѣвшей за работою дочери, рѣшилась намеками и стороною замѣтить ей, что не худобы послѣдней на время уѣхать хоть куда-нибудь въ деревню, на что ей Катерина Александровна отвѣтила, что они и безъ того

скоро пойдутъ на дачу, какъ только пройдутъ экзамены въ пансіонѣ Давыдова.

— Ну, ты одна съ мужемъ поѣзжай, я съ Антошей и Мишенькой здѣсь останусь, отвѣчала Марья Дмитріевна.

— Что вы, мама! Да дѣтямъ воздухъ болѣе необходимъ, чѣмъ намъ, замѣтила Катерина Александровна. — Они и безъ того нынче засидѣлись въ городѣ изъ-за насъ... Пусть хоть съ мѣсяцъ отдохнуть на волѣ...

— Знаю, Катюша, да тутъ не въ воздухѣ дѣло... Ты вотъ теперь замужешь, такъ тоже дѣтямъ не кстаети тутъ быть... Тоже мало-ли что... хотя, конечно...

Марья Дмитріевна окончательно запуталась и замолчала, смотря на дочь недоумѣвающими глазами, какъ будто въ ожиданіи, что дочь сама доскажетъ начатую ею рѣчь.

— Я васъ не понимаю, пожалала плечами Катерина Александровна. — Моя сватъба не измѣнила ничего. Какъ жили мы прежде, такъ будемъ жить и теперь.

— То-то и худо, Катюша, вздохнула Марья Дмитріевна. — Законъ-то не слѣдовало забывать... Капу-то заварили, а теперь придется расхлебывать.

Катерина Александровна смотрѣла на мать все съ большимъ и большимъ удивленіемъ и уже начинала волноваться.

— Вѣдь вотъ ты думаешь, что никто и ничего не замѣчаетъ, а люди-то ужъ и распустили молву [про тебя... И до чего ты довела себя: свое дитя придется скрывать ото всѣхъ...

Катерина Александровна раздражительно отбросила работу въ сторону и хотѣла что-то сказать, но Марья Дмитріевна продолжала ноющимъ тономъ.

— Конечно, младенецъ не виноватъ, а все же ужъ не можетъ быть на немъ благословенія, уликой онъ будетъ.

Катерина Александровна вздрогнула и поблѣднѣла. Ея глаза сверкнули какимъ-то недобримъ огонькомъ. Мать оскорбляло то, что было свято и дорого ей.

— Мало того, что вы меня мучаете, такъ вы еще хотите убить моего ребенка прежде его рожденія! воскликнула она и оперлась рукою о стулъ. — Когда-же вы перестанете? Когда-же оставите меня въ покоѣ?

Марья Дмитріевна была вообще плохю наблюдательницею и не замѣтила мучительнаго выраженія лица дочери; ее только поразила рѣзкость упрека.

— Спасибо, Катя, спасибо! слезливо произнесла она.— Не я тебя мучаю, а ты меня! Бога-то вы забыли, оттого все такъ и идетъ; оттого и благословенія на васъ нѣтъ... Вонъ старикъ-то вашъ нѣмтыремъ ходитъ, а вы и молебна не отслужите, чтобы Богъ ему разрѣшеніе языка далъ... Такъ вотъ и дитя ваше безъ благословенія родится... И радоваться-то ему грѣшно, потому что извѣстно, какъ оно прижито. Такихъ-то въ воспитательный домъ причутъ... Ты-бы подумала, что я мать тебѣ, что мнѣ все это тяжело видѣть-то... Такъ-ли мы жили съ твоимъ отцомъ? Мы честными были, на насъ пальцемъ никто не показывалъ...

— Идите прочь! почти шепотомъ, какъ-то болѣзненно произнесла Катерина Александровна, указывая на дверь.

— Ну, и на томъ спасибо! Не прикажешь-ли, дочка, совсѣмъ переѣхать съ квартиры. Что-жъ, и то сказать, довольно кормили и поили мать, теперь вотъ своя семья будетъ...

Катерина Александровна болѣзненно сжала руки и опустилась на диванъ. Марья Дмитріевна хотѣла было продолжать свои жалобныя рѣчи и вдругъ остановилась: она увидала, что Катерина Александровна лежала безъ чувствъ. Марья Дмитріевна, по обыкновенію, растерялась и забѣгала изъ угла въ уголъ.

— Ай, батюшки, ай родные! Умираетъ она! Умираетъ! кричала старуха, бѣгая по квартирѣ то за прислугой, то за водою.

Катерина Александровна была съ трудомъ приведена въ чувство. Но встать она не могла. Ей сдѣлалось очень худо. Александръ Прохоровъ, возвратившись домой и не зная ничего, что случилось, былъ сильно встревоженъ и растерялся, преувеличивая опасность болѣзни, какъ это обыкновенно случается съ молодыми неопытными мужьями. Тяжелый день смѣнился еще болѣе тяжелою ночью. Только дня черезъ три можно было утвердительно сказать, что опасность миновала, но вмѣстѣ съ нею миновала и надежда для молодыхъ супруговъ обнять свое первое дитя. Это было страшнымъ ударомъ для Катерины Александровны.

Она поправлялась довольно медленно и только дача и чистый воздухъ произвели на нее свое благотворное вліяніе. Черезъ нѣ-

сяць, блѣдная и худая, съ обстриженными во время болѣзни волосами, она едва стала подниматься съ постели. Марья Дмитриевна ходила за дочерью и хныкала, во всемъ обвиняя себя. Она даже попробовала попросить прощенія у дочери, но та какъ-то безстрастно и холодно отвѣтила ей:

— Вы ни въ чемъ не виноваты.

— Нѣтъ, Катюша, я знаю, знаю, что не слѣдовало мнѣ говорить. Да вѣдь не предвидѣла я, что это могло случиться. Прости ты меня, дуру старую!

— Я вамъ говорю, что вы не виноваты. Чего-же вамъ еще нужно? холодно отвѣчала Катерина Александровна.

— Да вотъ ты сердилъся и не приласкаешь меня, старую, плакала Марья Дмитриевна.

— Что ласки? Не ими выражается любовь, сухо произносила дочь и холодно принимала поцѣлуи матери, не отвѣчая на нихъ.

Александръ Флегонтовичъ былъ тоже изумленъ этимъ холоднымъ спокойствіемъ жены. Онъ ясно понималъ, что подъ этимъ видимымъ равнодушіемъ таится странное горе, которое тѣмъ тяжелѣе, что оно не можетъ облегчиться словами и слезами. Съ тактомъ и заботливостью любящаго человѣка онъ старался не говорить съ женою о недавнемъ прошломъ и только былъ съ нею еще нѣжныѣе, еще ласковѣе, чѣмъ прежде. Но онъ не понималъ, почему она такъ холодна и суха въ обращеніи съ матерью; онъ подмѣтилъ даже что-то суровое въ отношеніяхъ своей жены къ Марьѣ Дмитриевнѣ. Онъ попробовалъ какъ-то замолвить женѣ доброе слово за мать, но Катерина Александровна сухо отвѣтила:

— Мы, Саша, договорились съ нею до послѣдняго слова...

— Ну, другъ мой, съ нею мы должны быть снисходительными, мягко промолвилъ онъ.—Она не можетъ мыслить такъ, какъ мы. Она не можетъ понять то, что понимаемъ мы... Убѣждать ее, ломать ея взгляды—безполезно. Будемъ жить по своему и оставимъ ее жить такъ, какъ хочетъ она...

— Я такъ и дѣлаю...

— Но ты, кажется, раздражаешься за то, что она не понимаетъ тебя? Вѣдь ты пойми, что и она можетъ обвинять насъ за то, что мы не понимаемъ ее, а значитъ можетъ тоже въ свою очередь раздражаться на насъ. Изъ этого можетъ начаться безконечная борьба, вражда... Тутъ уступить должны мы, какъ бо-

лѣе развитіе люди, должны уступитъ по внѣшности, наружно, то есть терпѣливо выслушивать нелѣпности и соглашаться на словахъ, а поступать по своему...

— Я такъ и буду дѣлать. Если я дѣлала не такъ, то это потому, что иначе было нельзя поступать... Ты все-таки дальше стоишь отъ нея и не знаешь всего, изъ-за чего могутъ выходить столкновенія... Впрочемъ, теперь, кажется, ихъ не будетъ...

— Но ты слишкомъ холодна съ ней, замѣтилъ Александръ Флегонтовичъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила, только по ея лицу пробѣжала какая-то тѣнь.

— Нужно иногда приласкать ее, старухѣ это нужно, мягко заговорилъ онъ.

Катерина Александровна нахмурила брови.

— Что-же дѣлать, если я не могу? отвѣтила та. — Еще недавно я могла быть нѣжною съ нею... Можетъ быть, послѣ я буду ласкова съ ней... Но теперь, теперь...

Катерина Александровна отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Нѣтъ, Александръ, ты не знаешь всего и я не стану тебѣ рассказывать, отрывисто заговорила она. — Да ты и не понимаешь меня... Меня поняла-бы только женщина, если-бы я рассказывала, почему я не могу теперь ласкаться къ матери...

Она замолчала.

— Знаешь-ли, продолжала она черезъ минуту, — какъ-то я думала, что если-бы мнѣ пришлось поставить на карту спокойствіе матери и какое-нибудь хорошее дѣло, то я пожертвовала-бы послѣднимъ... Я тогда влялась, что никогда, никогда я не принесу ничему въ жертву ея спокойствія... Я такъ горячо ее любила, бѣдную!.. Теперь-же, теперь мы вдругъ стали чужими, вдругъ разошлись, между нами легла непроходимая пропасть... вотъ какъ между тобою и всѣми старыми легла могила твоего брата... даже больше.

Александръ Флегонтовичъ задумался и ничего не возразилъ женѣ. Она была взволнована. Она дѣйствительно сознавала, что между ея матерью и ею легла преградою могила ея ребенка и черезъ эту преграду она уже не могла, по крайней мѣрѣ теперь, протянуть горячія объятія своей матери. Она, можетъ быть, была права, думая, что этихъ чувствъ не пойметъ ея мужъ, что ихъ можетъ понять только женщина. Онъ не просиживалъ въ одино-

честнѣ тѣхъ сладкихъ минутъ въ мечтахъ о ребенкѣ, котораго просиживала его жена. Для него это дитя еще не жило, но оно живо для нея, она слышала, чувствовала трепеть этой жизни. Для него это была престо обманутая надежда, для нея это была смерть горячо любимаго существа.

IV.

Вслѣдъ за теченіемъ.

Настала осень. Александру Флегонтовичу попрежнему пришлось дѣлать уроки, принимать дѣятельное участіе въ журналистикѣ, вращаться въ передовыхъ кружкахъ, посѣщать лекціи и дѣятельно трудиться надъ разработкою вопросовъ по части воспитанія. Онъ надѣялся, что въ концѣ вѣнцовъ ему будетъ поручено съѣздить за границу для осмотра военно-учебныхъ заведеній. Не менѣе усердно хлопоталъ онъ съ нѣсколькими изъ близке стоявшихъ къ нему людей объ устройствѣ воскресныхъ школъ для взрослыхъ. Школа, поставленная имъ на ноги въ одной изъ близкихъ къ городу, населенныхъ бѣднымъ и рабочимъ людемъ мѣстностей, шла отлично. Ее посѣщали не только юноши и молодые рабочіе, но и старики. Въ учителяхъ недостатка не было: въ дѣлѣ принимали горячее участіе и офицеры, и студенты, и кончавшіе курсъ гимназисты и даже правовѣды. Всѣ эти люди сходились нерѣдко у Александра Флегонтовича для обсужденія лучшихъ системъ преподаванія, для начертанія плановъ и программъ обученія. Александръ Флегонтовичъ настаивалъ главнымъ образомъ на расширеніи круга преподаваемыхъ предметовъ и говорилъ о необходимости составить популярныя книжки для ознакомленія учениковъ съ первыми основаніями естественныхъ наукъ. Онъ предлагалъ назначить конкурсъ для тѣхъ, кто пожелаетъ представить на обсужденіе нѣсколько подобныхъ работъ, и говорилъ о необходимости собрать на этотъ предметъ деньги. Кромѣ этихъ сходовъ, собиравшихся у него для толковъ о дѣлахъ школы, въ его квартирѣ иногда собирались студенты для обсужденія дѣлъ, касавшихся исключительно ихъ. Всѣ эти хлопоты, труды и проекты

заставляли его сталкиваться съ сотнями самыхъ разнообразныхъ личностей, начиная съ семинаристовъ и двухъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ хлопотахъ о воскресныхъ школахъ, и кончая молодымъ Бѣлокопытовымъ, порой просившимъ Прохорова составить то ту, то другую докладную записку по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго быта, порой-же стремившимся черезъ Александра Флегонтовича предать гласности нѣкоторые факты по крестьянскому дѣлу. Во всѣхъ кружкахъ Александръ Флегонтовичъ стяжалъ себѣ репутацію даровитаго человѣка, горячей головы и неутомимаго работника. Дѣйствительно, жизнь была въ немъ ключемъ: дни казались ему слишкомъ короткими и умъ стремился обнять все большую и большую сферу дѣятельности. Долгіе годы прозябанія на школьной скамьѣ и въ мирномъ углѣ бѣднаго и отчужденнаго отъ свѣта родительскаго дома, прозябанія вдали отъ всякихъ общественныхъ событій и интересовъ, — сказались теперь вполне. Молодой человѣкъ, живой, увлекающійся и страстный по натурѣ, не могъ не поддаться всей массѣ новыхъ впечатлѣній и положить себѣ границы для дѣятельности или заставить свой умъ интересоваться исключительно какимъ-нибудь однимъ предметомъ. Онъ былъ похожъ на наивнаго и полнаго силъ юношу, перенесеннаго изъ деревни въ роскошный музей или на блестящую выставку лучшихъ произведеній промышленности и искусства. На чемъ остановить вниманіе? Которое самое лучшее произведеніе? Что нужнѣе всего изучить? Кому протянуть руку и сказать: васъ я избираю своимъ учителемъ, руководителемъ, другомъ? На это было трудно отвѣтить. Кругомъ все блестяло и сверкало прелестью новизны, все казалось необходимымъ, все казалось „лучшимъ“. Повидимому, нельзя было заняться чѣмъ-нибудь однимъ, такъ-какъ все связывалось и сплеталось вмѣстѣ въ одну неразрывную и тѣсную связь: жгучій интересъ крестьянскаго вопроса требовалъ вниманія; мысль о необходимости усиленнаго развитія знаній въ освобождавшемся народѣ являлась при этомъ сама собою; она прямо наталкивала на необходимость заинтересовать этихъ дѣломъ многихъ лицъ и выработать поскорѣе систему преподаванія, готовить учителей для народа; но та среда, въ которой могли вербоваться учителя, требовала сама или пополненія развитія, или лучшаго устройства матеріальныхъ средствъ. Тутъ могла за-

кружиться голова даже у опытнаго, коротко знакомаго со всѣми разнообразными интересами жизни человѣка, а не только что у неопытнаго юноши, чувствовавшаго, что онъ уже успѣлъ отсидѣть ноги въ своемъ углу, что онъ утомилъ свой умъ бездѣйствіемъ многихъ лѣтъ. Нужно было распрямить ноги, нужно было расшевелить умъ.

И какое время переживалось тогда: многое, что теперь нисколько не удивляетъ насъ и является совершившимся фактомъ, въ ту пору было только блестящею цѣлью, къ которой стремились люди, иногда не вѣря даже, что ея можно достигнуть. Крестьянскій вопросъ, отиѣна откуповъ, воскресныя школы, литературный фондъ, начало различныхъ компаній и желѣзнодорожнаго дѣла, развитіе прессы и толки объ измѣненіи условій печати, вопросы о реформахъ въ воспитаніи, толки о женской эмансипаціи и развитіи женскаго образованія, судебная реформа и множество другихъ явленій, иногда мелкихъ, касавшихся только Петербурга или извѣстнаго кружка людей, извѣстнаго сословія, извѣстной корпораціи; иногда крупныхъ, охватывавшихъ всю русскую жизнь, перестраивавшихъ окончательно старое зданіе,—все это не могло не интересовать живого человѣка. Нужно было затвориться въ своемъ углу, не читать газетъ и журналовъ, не видаться ни съ кѣмъ, чтобы не принять хотя словеснаго участія во всей этой хлопотливой перестройкѣ зданія, въ противномъ-же случаѣ, нельзя было не увлекаться, не спорить, не волноваться. Александръ Флегонтовичъ даже если-бы и хотѣлъ отсторониться отъ всего, то по необходимости долженъ былъ сходитьсь съ самыми разнообразными личностями: мѣсто службы и литературный трудъ заставляли его сталкиваться съ артиллеристами и представителями литературы; еще разнообразіе были его знакомства въ качествѣ учителя. Тутъ приходилось бесѣдовать и съ какимъ-нибудь заскорюзливымъ степнякомъ, привозившимъ сына для приготовленія въ корпусъ, и съ такимъ европейски-образованнымъ либераломъ, какъ графъ Алексѣй Дмитриевичъ Бѣлокопытовъ. Слушать разнообразныя толки всѣхъ этихъ господъ объ ихъ больныхъ мѣстахъ и молчать—это значило выставять себя дуракомъ; соглашаться съ тѣми, которые говорили нелѣпности,—это значило являться чѣмъ-то въ родѣ Молчалина или Чичикова, предупредительно говорящаго: мой

дядя дуракъ, дуракъ, ваше превосходительство“; спорить и волноваться — это было вполне естественно, но это заставляло наживать себя двухъ-трехъ друзей и сотни враговъ.

Гдѣ лѣсъ рубать, тамъ и щепки летать. Гдѣ начинается какое-нибудь новое дѣло, тамъ неизбежны и недоразумѣнія, и неприятности, и враждебныя столкновенія, и ошибки. И чѣмъ крупнѣе дѣло, тѣмъ болѣе является и недоразумѣній, и враждебныхъ столкновений. Наше общество въ то время занималось рубкою лѣса старыхъ порядковъ, старыхъ заблужденій, и потому немудрено, что разныхъ недоразумѣній было множество. Приверженцы застоя шипѣли противъ нововведеній, новаторы иногда увлекались и хватали черезъ край или дѣлали свое дѣло неумѣло, неумѣло, такъ-какъ это дѣло было и ново, и непривычно. Иногда самые незначительные случаи подавали поводъ къ шипѣнію одной стороны противъ другой; иногда дѣло принимало просто комическій видъ, этотъ комизмъ подхватывался прессой и раздражалъ еще болѣе тѣхъ, которые явились достойными смѣха. Серьезно начатый споръ о происхожденіи Руси, окончившійся объясненіемъ Погодина, что онъ устроилъ диспутъ для потѣхи рыцарей Свистопляски; судъ въ Пассажѣ, окончившійся знаменитою фразой о томъ, что „мы не дозрѣли“; собраніе ауціомеровъ погибавшаго тогда стараго правленія общества водопроводовъ, гдѣ объявили, что одинъ очень свѣдущій техникъ не имѣетъ права судить о дѣлахъ, „потому-что онъ молодежь“; литературные толки и корреспонденціи о волжско-донской дорогѣ, гдѣ отъучали людей отъ пищи; горячія разсужденія о томъ, слѣдуетъ-ли съѣчь или не слѣдуетъ, слѣдуетъ-ли съѣчь мужиковъ и дѣтей или только дѣтей, слѣдуетъ-ли съѣчь первыхъ административнымъ порядкомъ или по суду; глубокомысленные толки о грамотности, выработывающей мошенниковъ, и сотни тому подобныхъ явленій того времени, начиная съ серьезныхъ споровъ объ общинѣ и кончая смѣшнымъ протестомъ за евреевъ, названныхъ жидами въ Иллюстраціи, обличали то внутреннее броженіе, которое началось въ нашемъ обществѣ. Одни нападали на гласность за то, что она заглядывала въ самые потаенные углы частной жизни человѣка, другіе доказывали очень основательно, что она даже и общественныхъ явленій не выставляетъ на свѣтъ, говоря постоянно о происшествіяхъ въ N-ской губерніи въ городѣ X съ господами У и Z. Слѣды этихъ враж-

дебныхъ отношеній замѣчались и въ частной жизни: какіе-нибудь Боголюбовы не могли слышать, на примѣръ, о нападеніяхъ на взяточничество и говорили, что это все молокососы выдумываютъ. Въ пылу негодованія они не могли понять, что молокососы слова начали говорить громко о взяточничествѣ только тогда, когда правительство начало преслѣдовать взяточниковъ и назначать разныхъ ревизій, что нападенія эти сами по себѣ не являются знаменіемъ новаго времени, а очень стары. Униженные и оскорбленные личности прошлаго времени, конечно, старались всѣми силами отыскать слабыя или дурныя стороны въ тѣхъ людяхъ, которыхъ они считали своими противниками, и сѣяли вражду среди той массы безличныхъ созданій, которыя, подобно Марьѣ Дмитриевнѣ, всегда живутъ чужимъ умомъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что неподготовка къ новому дѣлу и совершенно понятныя увлеченія ихъ противниковъ всегда давали поводъ придираться къ мелочамъ и раздуть эти мелочи до крупныхъ явленій. Шипящіе, оставленные правительствомъ отъ должностей взяточники, старые крѣпостники, видѣвшіе неизбежность новой реформы, отживавшіе крючкотворы, слышавшіе о новомъ судѣ, всѣ эти люди негодовали и вымѣщали свою злобу на томъ, что отыскивали ошибки, пороки и всякія мерзости въ „новыхъ людяхъ“. Но эти наивные люди не понимали, что „новыхъ-то людей“ въ сущности не было и не могло быть, если не считать нѣсколькихъ исключительныхъ личностей. Правда, на сценѣ являлся благонамѣренный чиновникъ Надимовъ, предлагавшій всѣмъ честнымъ людямъ идти въ становые. Но куда все этихъ и ограничивалось. Въ обществѣ были честные литераторы, молодая, горячія головы, ищущіе работы и дѣятельности люди, выдающіе, на примѣръ, необходимость образованія и труда женщины, но когда-же ихъ не было? Но практиковъ, вполне подготовленныхъ къ дѣлу людей, людей которые могли-бы неуклонно, съ полнымъ знаніемъ, съ стойкостью вести новое дѣло, соглашать безъ колебаній и промаховъ слово и дѣло, не было или было такъ-же мало, какъ прежде. Тутъ не было ничего необыкновеннаго, ничего непонятнаго, это было повтореніе того-же, что происходило въ петровскія времена, что происходило въ первые годы царствованія Александра I, что происходитъ при введеніи въ жизнь всякаго новаго дѣла: въ нашей жизни осуществ-

влялись идеи, которыя уже давно были выработаны человѣчествомъ и были знакомы намъ по книгамъ, но мы-то сами были еще похожи на тѣхъ неопытныхъ работниковъ, которые попали изъ глухой родной деревни, отъ своего нехитраго плуга домашнего издѣлія въ шумный городъ на подавляющую своими размерами фабрику, къ колесу сложной, состоящей изъ сотни колесъ, тысячи винтиковъ и клапановъ машинѣ. Работникъ не умѣетъ обращаться съ нею, онъ иногда не довернетъ, иногда перевернетъ то тотъ, то другой винтикъ, онъ, можетъ быть, испортитъ то или другое произведеніе, онъ, можетъ быть, повредитъ свою собственную руку,—но что-же изъ этого? Нужно-ли кричать старымъ работникамъ, имѣвшимъ дѣло съ ручными старыми станками „вотъ каковы они, новне-то работники“! Вѣдь сами они, эти старые работники надѣлали-бы такихъ-же ошибокъ, на мѣстѣ новыхъ. Работники и не станутъ дѣлать подобныхъ упрековъ новымъ товарищамъ, если эти новне товарищи не вытѣсняють ихъ, а пребываютъ на мѣстѣ умирающихъ стариковъ. Но старые работники стали-бы непремѣнно глумиться надъ новыми и бранить ихъ, если-бы вступленіе этихъ новыхъ труженниковъ на путь дѣятельности непремѣнно должно было обусловить отставку старыхъ. Именно въ такомъ положеніи находилось наше общество: Боголюбовы, уличенные во взяточничествѣ, должны были сойти со сцены и они негодовали на „новыхъ людей“, ловя ихъ промахи и ошибки, происходившіе отчасти вслѣдствіе того, что ихъ воспитаніе шло все-таки подъ влияніемъ тѣхъ же Боголюбовыхъ. Теорія и практика были еще крайне далеки другъ отъ друга. Молодой человѣкъ, научившійся по книгамъ любить новыя идеи, но приученный къ роскоши и праздности въ домѣ разжившагося откупами или оброками съ крестьянъ отца, быть можетъ, могъ свернуть съ прямой дороги или неумѣло сдѣлать взятое на себя дѣло и испортить его. Молодая барышня, понявшая изъ книгъ необходимость женскаго труда, но сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, державшаяся въ ежовыхъ рукавицахъ, не подготовленная ни къ чему, могла, можетъ быть, очень скверно переводить, портить взятую швейную работу, небрежно преподавать дѣтямъ науки и поддаться на какую-нибудь связь, которую она считала прочною и которая въ сущности была тѣмъ-же, чѣмъ бывали и всѣ другія любовныя связи въ старое время

между довѣрчивыми дѣвушками и между разнужданными мужчинами. Но все это являлось не потому, что и этотъ молодой человѣкъ и эта молодая дѣвушка были „новые люди“, а потому, что они были дѣтьми стараго времени, такими-же бѣлоручками, какъ ихъ отцы. Если-бы мы жили въ Китаѣ, то эти молодые люди продолжали-бы ту-же самую жизнь, какую вели ихъ отцы и матери. Но такъ-какъ имъ пришлось родиться не въ Китаѣ, такъ-какъ имъ пришлось жить въ ту пору, когда выработанныя человѣчествомъ идеи стали примѣняться къ практикѣ у насъ, то они и толковали объ этихъ теоріяхъ, пробовали освоиться съ ними, осуществить ихъ—и очень часто, проповѣдуя новое, поступали по старому.

Александръ Флегонтовичъ, какъ простая дюжинная личность, тоже не былъ исключеніемъ изъ общаго правила, тоже не былъ „новымъ человекомъ“, то есть, такимъ человекомъ, который твердо шелъ-бы по одной избранной дорогѣ, къ одной извѣстной цѣли, подобно какому-нибудь опытному работнику, знающему, которое колесо и какъ долженъ онъ вертѣть. Нѣтъ, какъ мы уже говорили, онъ учился самъ и писалъ поучающія статьи; дѣятельно занимался вопросомъ о военноучебныхъ заведеніяхъ и принималъ участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; давалъ уроки у разныхъ господъ и хлопоталъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ. Что было для него главнымъ, что было для него второстепенною дѣятельностью — этого онъ, пожалуй, не опредѣлилъ-бы и самъ.

Такъ мчалась эта жизнь, унося своимъ теченіемъ все впередъ и впередъ Александра Флегонтовича и подобныхъ ему людей. Катерина Александровна тоже не отставала отъ своего мужа и если кругъ ея дѣятельности былъ менѣе широкъ, то все-таки нельзя сказать, чтобы ея интересы были болѣе сосредоточены исключительно на чемъ-нибудь одномъ. Слушаніе лекцій повивальнаго искусства, посѣщеніе нѣкоторыхъ лекцій въ университетѣ, занятія въ воскресной школѣ, и стремленіе пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи и въ образованіи подобныхъ ей молодыхъ женщинъ, все это не могло не увлечь, не могло не заставить молодую женщину забыть и мелкія дрызги будничной жизни, и тѣ рытвины и ухабы, которые такъ часто встрѣчаются на жизненномъ пути. Уже въ половинѣ зимы Катерина Алексан-

дровна подтолкнула нѣсколькихъ дѣвушекъ изъ кружка Софьи Андреевны заняться серьезно математикою и естественными науками и въ комнатахъ Софьи Андреевны нѣсколько пріятелей Александра Флегонтовича начали читать лекціи математики, физики, физиологіи. Это былъ первый шагъ къ систематическому изученію наукъ и здѣсь Катерина Александровна впервые вполне ясно увидала, что и ей и другимъ подобнымъ ей женщинамъ приходится начинать съ азбуки. Это отчасти опечалило ее, отчасти заставило болѣе серьезно взглянуть на подобныя лекціи: сперва она думала, что эти лекціи только „пополнить“ образованіе ея кружка, теперь она видѣла, что онѣ должны создать это образованіе, такъ-какъ его въ сущности не было, хотя и она и ея подруги офиціально выдержали экзамены и знали повидимому много. На первыхъ-же порахъ приходилось отказаться и отъ физики, и отъ химіи и посвятить свои силы осмысленному и толковому изученію простой арифметики. Катерина Александровна не сробѣла, видя, что ей опять приходится пройти довольно тяжелый и большой путь для пріобрѣтенія болѣе точныхъ научныхъ свѣденій, чѣмъ тѣ свѣденія, которыми она запаслась безъ чужой помощи, самоучкою, урывками. Она начинала уже чувствовать, что необходимо слузить кругъ интересовъ, кругъ занятій, что нужно сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ, что постоянная гоньба за множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ не можетъ продолжаться вѣчно и въ концѣ-концовъ приведетъ къ полнѣйшей бессодержательности, пустотѣ и фразерству.

„У насъ почвы твердой нѣтъ подъ ногами; мы хотимъ что-то строить, не заложивъ фундамента“, говорила она въ своемъ кружкѣ.

Но, не смотря на это сознаніе, не смотря на разстроившееся за послѣднее время здоровье, покуда она еще не могла оторваться отъ тѣхъ разнообразныхъ интересовъ, которые назойливо требовали ея вниманія. Иногда, чувствуя и физическое, и нравственное утомленіе, она шутиливо говорила мужу:

— Мы всѣ слишкомъ разбросались, Саша!

— Что-жь, кто мѣшаетъ слузить кругъ интересовъ, смѣялся онъ.— Не ходи въ воскресную школу, не посѣщай лекцій въ университетѣ, не воллуйся, когда у тебя просятъ совѣта, когда

тебѣ жалуются на свое положеніе, не мучайся вопросами, почему не удаются то швейныя мастерскія, то стремленія женщинъ поступить въ наборщицы или въ переводчицы, и не хлопочи о помощи тѣмъ, которые просятъ тебя о ней... Скажи всѣмъ: вотъ погодите, я доучусь, тогда и буду давать мудрыя совѣты и интересоваться вопросами дня...

— Что ты, что ты! перебивала его Катерина Александровна съ яркой краской на лицѣ. — Развѣ я на то жалуясь, что мы живемъ слишкомъ быстро? Иначе мы жить не можемъ теперь! Миѣ просто иногда досадно, что мы всѣ были слишкомъ неподготовлены къ такой жизни, что намъ пришлось и учиться дѣлу, и дѣлать дѣло въ одно и то-же время... Теперь миѣ иногда досадно и скучно слушать дѣтскіе споры и толки о тѣхъ предметахъ, до которыхъ уже кое-какъ додумались мы, но я терпѣливо выслушиваю ихъ. Вѣдь невиноваты-же эти люди, что они еще позже насъ узнали то, что, вѣроятно, давно извѣстно въ западной Европѣ каждому швольнику... Вѣдь какъ недавно и мы съ тобою не знали многого изъ самыхъ простыхъ вещей, а сколько еще не знаемъ мы изъ того, что знаютъ образованные люди запада? Я думаю, европейцу было-бы очень скучно на нашихъ вечерахъ: онъ услышалъ-бы, что здѣсь говорятъ и спорять о томъ, о чемъ уже не спорять у нихъ, что просто проводятъ тамъ въ жизнь. Онъ, вѣроятно, посмѣялся-бы надъ нами, надъ нашими цивическими фразами.

— Ну, не думаю, отвѣтилъ Александръ Флегонтовичъ. — Это скорѣе грустно, чѣмъ смѣшно. Правда, мы споримъ объ ассоціаціяхъ, о женскомъ образованіи и трудѣ, о воскресныхъ школахъ и тому подобныхъ предметахъ, какъ о чемъ-то новомъ, но насъ можно только пожалѣть за то, что это ново для насъ, что мы только споримъ объ этомъ... Если-бы эти вещи не были для насъ чѣмъ-то съ неба упавшимъ, мы, вѣрно, не разбрасывались-бы такъ, какъ теперь, а шли-бы спокойно по разъ избранному, давно извѣстному пути...

Эти тоскливыя минуты недовольства собою и окружающимъ, сознанія, что дѣло могло-бы идти лучше, что нужно болѣе сосредоточиться, стали все чаще и чаще повторяться въ жизни Катерины Александровны. А выбиться изъ колеи, по которой она шла, по которой несло ее теченіемъ, у нея не было силы.

Прохоровъ между тѣмъ началъ чувствовать, что въ домѣ Бѣлокопытовыхъ все холоднѣе и враждебнѣе относились къ нему и къ любимымъ имъ людямъ.

Но этимъ не кончилось.—Въ поведеніи Алексѣя Дмитріевича стала замѣчаться какаѣ-то трусливая осторожность. Онъ вдругъ пересталъ говорить громкія фразы и нападалъ уже не на старую, а на молодую партію, стараясь выгородить себя изъ ея кружка. Это былъ недобрый знакъ. Жена Алексѣя Дмитріевича дѣйствовала прямо и не ограничилась одними предостереженіями и намеками. Она не изъ какихъ-нибудь глубокихъ соображеній, а просто изъ личной мелочной ненависти рѣшилась проучить Александра Флегонтовича и стала толковать о томъ, что такихъ людей не слѣдуетъ пускать въ домъ, что они могутъ навлечь не-пріятности на тѣхъ, къ кому они были вхожи въ домъ, что во всякомъ случаѣ они ставятъ своихъ знакомыхъ въ двусмысленное положеніе.

— Но ты-же сама пригласила его въ учителя? замѣтилъ мужъ.

— Пригласила, значить могу и отказать. Ты понимаешь, что теперъ не такое время, чтобы терпѣть у себя въ домѣ подобныхъ людей...

— Онъ можетъ повредить Сережѣ.

Жена пожала плечами.

— Онъ? Повредить? Его можно устранить, замѣтила она.

Алексѣй Дмитріевичъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Я никакъ не думала, что онъ такой зловредный человекъ, проговорила она.—Я удивляюсь Давыдову, что онъ держитъ подобныхъ учителей. Черезъ нихъ онъ можетъ потерять всѣхъ учениковъ изъ нашего круга...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора она написала Александру Флегонтовичу, что къ сожалѣнію она не можетъ болѣе ввѣрять ему образованіе своего сына. Александръ Флегонтовичъ пожалъ плечами и бросилъ записку. У него не было недостатка въ урокахъ и потому онъ не особенно печалился потерей нѣсколькихъ рублей.

Прошло недѣли двѣ, какъ онъ уже не появлялся въ домѣ молодыхъ Бѣлокопытовыхъ. Его отсутствіе замѣтилъ только Дмитрій Васильевичъ, спросившій у сына и невѣстки, почему такъ давно не появляется у нихъ Прохоровъ.

— Неловко впускать къ себѣ, холодно отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.

— Да намъ-то какое дѣло до этого? спокойно отвѣтилъ старикъ:

— Мы можемъ быть компрометированы, замѣтила графиня.

— Мы? компрометированы? усмѣхнулся Дмитрій Васильевичъ, пожимая плечами.— Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что есть люди, которые стоятъ выше всякихъ подозрѣній, и къ числу такихъ людей, я, кажется, имѣю право причислить, напримѣръ, себл...

Онъ насмѣшливо обратился къ сыну.

— Въ тебѣ-то ужъ я никакъ не предполагалъ такой боязливости, ты всегда такъ громко высказывалъ свои убѣжденія...

— Я думаю, что осторожность и трусость — двѣ вещи разныя, замѣтилъ сынъ.

— Можетъ быть, можетъ быть, усмѣхнулся отецъ. — А вотъ мы, старики, живемъ себѣ безъ всякихъ осторожностей и все-таки спокойны за себя...

— Вы почти устранились отъ дѣлъ, отъ общественныхъ интересовъ, такъ потому и спокойны, пояснилъ сынъ.

— Не то, совсѣмъ не то, мой другъ, снисходительнымъ тономъ замѣтилъ отецъ.— Играемъ мы въ открытую игру — вотъ въ чемъ дѣло!

Но дѣло этимъ не кончилось. Полвившись въ одинъ прекрасный день въ пансіонѣ Давыдова, Прохоровъ засталъ содержателя пансіона въ тревожномъ состояніи.

— Что вы, батенька, тамъ надѣлали? спросилъ Давыдовъ, маленький юркій человѣчекъ съ хитрыми глазами и кошачьими ухватками.

— Гдѣ тамъ?

— Вверху-съ, вверху-съ, скороговоркой произнесъ Давыдовъ.— Вами недовольны, васъ въ чемъ-то подозрѣваютъ.

— Да кто?

— Графиня Бѣлокопытова, ея близкіе... У меня чуть не огустилъ весь пансіонъ... Такъ нельзя-съ... Это что-же... Дѣло воспитанія должно быть серьезнымъ дѣломъ, батенька. Учитель долженъ нѣ знать ничего, кромѣ своей науки, столцей выше настроеній минуты.

— Да вы мнѣ растолкуйте прямо, чего вы хотите, усмѣхнулся Александръ Флегонтовичъ.

— Да какъ вамъ объяснить, задумался Давыдовъ.— Ничего я не хочу. Дѣло сдѣлано-съ, такъ чего-же мнѣ хотѣть. Я не могу оставить васъ у себя учителемъ... Вы понимаете, я, батенька, вами дорожу, я васъ уважаю, я цѣню ваши познанія, вашъ методъ... Такихъ-бы учителей намъ побольше, давайте ихъ и мы доставимъ вполнѣ образованныхъ людей, мы покажемъ, какъ можно развить положительныя знанія въ ребенкѣ...

Александръ Флегонтовичъ терялъ терпѣніе.

— Ну-съ, и потому этихъ учителей нужно гнать? спросилъ онъ.

— Не то, не то, заговорилъ Давыдовъ.— Но, видите-ли, наше дѣло совсѣмъ особенное дѣло... Вы, батенька, кофе не выпьете-ли у меня?

Александръ Флегонтовичъ отказался.

— Ей-богу выпейте! упрасивалъ Давыдовъ.— Я велю подать?..

Александръ Флегонтовичъ еще разъ отказался.

— Сигару не возьмете-ли?

Послѣдовалъ новый отказъ.

— Ну, какъ хотите. А, право, хорошо-бы за стаканомъ кофе потолковать... Да, такъ о чемъ бишь я говорилъ?..

— Вы говорили, что ваше дѣло особенное дѣло.

— Да, да! Вотъ видите-ли. Тутъ нужна своего рода политика... Хе, хе, хе!.. Мы, съ одной стороны, выбираемъ учителей-съ... Мы ищемъ въ нихъ положительныхъ достоинствъ, серьезныхъ знаній, дорожимъ ими. Такимъ учителемъ съ реальными знаніями являетесь вы. Я, батенька, васъ цѣню, я уважаю васъ... Хе, хе, хе, вы думали, что я не слѣдиль, какъ вы преподаете? Нѣтъ-съ. Я все видѣлъ! Вы перлъ, перлъ!.. Да-съ!.. Но съ другой стороны, мы должны платить этимъ учителямъ, мы должны имѣть средства на содержаніе ихъ... Вы знаете, батенька, мы не богачи, не филантропы, мы не изъ своего кармана платимъ. Мы платимъ изъ денегъ вѣрренныхъ намъ родителями учениковъ. Мы въ сущности посредники между родителями и учениками... Да, батенька, посредники и больше ничего! Теперь является вопросъ: не должны-ли мы соглашать двойные интересы—интересы науки и прихоти родителей? Наука требуетъ хорошихъ учителей, родители требуютъ тоже хорошихъ учителей. Но понятія науки и

понятія родителей различны. У родителей понятія измѣнчивы, на нихъ вліяютъ разныя обстоятельства, они...

Александръ Флегонтовичъ потерялъ терпѣніе.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, что я не правлюсь родителямъ? спросилъ онъ рѣзко.

— Графиня Бѣлокопытова — а вы знаете ея вліяніе — недовольна вами, вздохнулъ Давыдовъ. — Очень недовольна! Я вамъ, батенька, дамъ дружескій совѣтъ. Вы уладьте съ нею; это легко; она, знаете...

Давыдовъ засмѣялся циничнымъ смѣхомъ и что-то шепнулъ Александру Флегонтовичу.

— Ей-богу! Этимъ ее можно успокоить, проговорилъ онъ. — Нужно, батенька, хитрить въ этихъ случаяхъ... Безъ политики нельзя... Хе, хе, хе! Я въ этомъ случаѣ, батенька, набилъ руку, тертый калачъ... Уладьте это... Тогда, знаете, и волки будутъ...

— Ну-съ, значить, объясненіе конечно, произнесъ Александръ Флегонтовичъ и взялся за фуражку.

— Да куда-же вы торопитесь? Ахъ, горячка, горячка! Выдержки у васъ нѣтъ!.. Вы не сердитесь... Я вѣдь вамъ въ отцы гошусь, меня можно послушать... Вы понимаете... заговорилъ Давыдовъ.

— Да вы чего-же такъ распинаетесь? или думаете, что времена перемѣнятся? разсмѣялся Александръ Флегонтовичъ. — Нѣтъ.

Онъ раскланялся и вышелъ. Ему было скверно. Онъ зналъ, какъ либеральничалъ еще такъ недавно Давыдовъ, стремившійся привлечь въ свой пансіонъ людей съ литературными именами; онъ зналъ, что еще черезъ нѣсколько лѣтъ Давыдовъ снова будетъ либеральничать, и ему гадки показались именно эти руководители юношества и общества, ведущіе его не по своему пути, а по той дорогѣ, по которой идетъ большинство.

Не желая безплодно тревожить жену рассказами о непоправимой несправедливости, Александръ Флегонтовичъ промолчалъ дома о всей этой исторіи. Но симптомы недовольства въ средѣ Бѣлокопытовыхъ продолжали сказываться. Въ одинъ прекрасный день къ Прохоровымъ явилась Софья Андреевна. Ея лицо было озабочено и тревожно.

— Вообразите, насъ притѣсняють! воскликнула она, здороваясь съ Александромъ Флегонтовичемъ и Катериною Алексан-

дровню.—Графиня отбуда-то узнала, что на моей половинѣ читаются лекціи математики и запретила ихъ. „Я не желаю, горорить, чтобы пріютъ былъ притономъ для грязныхъ сходокъ разныхъ вольнодумцевъ“. Грязныя сходки! Каково вамъ покажется! Каково вамъ покажется! Я не выдержала и вспылила...

— И только хуже разсердили ее? покачала головою Александръ Флегонтовичъ.—Гдѣ же вашъ тактъ?

— Ахъ, подите вы съ вашимъ тактомъ! разсердилась Софья Андреевна.—Тутъ дѣлаешь хорошее дѣло, а его называютъ грязнымъ! Тутъ нужно быть холодной, какъ рыба, чтобы помнить о тактѣ въ такія минуты?

— А все-же приходится быть хладнобровнѣе и приготовиться къ подобнымъ случаямъ, замѣтилъ Александръ Флегонтовичъ.—Дѣло, впрочемъ, не такъ важно... Перенесемъ лекціи въ мою квартиру...

— Да меня не то сердить, что лекціей негдѣ читать,—мѣсто найдется,—а то досадно, что это дѣло называютъ грязнымъ... Это возмутительно!

Софья Андреевна очень сильно горячилась, какъ женщина, не терпѣвшая до сихъ поръ никакихъ неудачъ и видѣвшая, что всѣ повиновались ей и плясали по ея дудкѣ. Александръ Флегонтовичъ и Катерина Александровна сразу поняли, какъ легко могутъ подобныя неудачи оттолкнуть эту самолюбивую и избалованную женщину отъ серьезнаго дѣла, и старались успокоить ее, хотя сами были далеко не спокойны. Когда она уѣхала, рѣшивъ, что лекціи будутъ продолжаться въ квартирѣ Прохоровыхъ, Катерина Александровна задумчиво сказала мужу:

— Дѣло, кажется, принимаетъ серьезный оборотъ?

— Да, нужно быть осторожнѣе, отвѣтилъ онъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Кто-то изъ близкихъ людей наекнулъ наконецъ Александру Флегонтовичу, что ему придется разстаться съ ними. Онъ пришелъ домой въ тревожномъ состояніи духа и засталъ жену въ своемъ кабинетѣ. Онъ передалъ ей слухи.

— Знаешь-ли, Сапа, задумчиво заговорила она, — во мнѣ является болѣзненное, мучительное желаніе убѣжать куда-нибудь далеко, въ глухое, совершенно глухое мѣсто и тамъ пробыть года два, три, завалившись исключительно своимъ собственнымъ

образованіемъ, своимъ развитіемъ. Мнѣ хочется не видѣть, не слышать всего того, что волнуетъ меня теперь, ни матери, ни братьевъ, ни подругъ...

— И что-же? спросилъ мужъ.

— Что? въ раздумьи повторила Катерина Александровна. — Я чувствую, что если-бы это даже было возможно, я все-таки осталась-бы здѣсь... Я знаю, что послѣ двухъ, трехъ лѣтъ строгихъ занятій я принесла-бы больше пользы, чѣмъ теперь...

— Значить, нужно жить такъ, какъ живетъ, разсмѣялся Александръ Флегонтовичъ.

— Да, плыть по теченію. Урывками развивать себя, кое-какъ приносить пользу, помогать ближнимъ грошевыми совѣтами, можетъ быть, подъ конецъ жизни сказать, что желаній было много, что стремленіемъ не было числа и что не было сдѣлано ничего основательнаго...

— Можетъ быть, можетъ быть, печально согласился Александръ Флегонтовичъ.

— Порою мнѣ вспоминается наше дитя... Если-бы оно было живо, я отдалась-бы его воспитанію, я воспитала-бы изъ него болѣе цѣльнаго человѣка, чѣмъ мы. Я не скрывала-бы отъ него ничего, что долженъ знать человѣкъ, и онъ, вступая на жизненный путь, избралъ-бы безъ колебаній ту дѣятельность, которая казалась-бы ему самою полезною, самою разумною...

— Да, мы слишкомъ разбросались, въ раздумьи промолвилъ Александръ Флегонтовичъ. — Намъ уже не удастся наверстать въ своемъ развитіи все потерянное въ пору долгаго сна время, не удастся помочь и другимъ вполне развиться... Впрочемъ, что невозможно, то невозможно. Повторяю тебѣ, что нужно жить, какъ живетъ!

Катерина Александровна разсмѣялась, хотя въ ея смѣхѣ слышалась грустная нота.

-- Мы такъ и живемъ, проговорила она, обнимая мужа. — Вотъ договорились до того, что мнѣ пора идти на урокъ...

Она встала и пошла. Александръ Флегонтовичъ взглянулъ на нее и впервые замѣтилъ, что на ея щекахъ игралъ неестественный, лихорадочный румянецъ.

— Катя, прежде всего не забывай, что нужно беречь свое здоровье, сказалъ онъ ей вслѣдъ.

Она обернулась къ нему съ порога.

— Что это тебѣ пришло въ голову? спросила она.—Я здорова.

Онъ покачалъ головою.

— Ты слишкомъ близко принимаешь все къ сердцу.

— Ну, недостаетъ еще того, чтобы мы были не только немѣлыми, но и черствыми истуканами, засмѣялась она.

— Все-же о себѣ-то прежде всего нужно заботиться...

— Докторъ, вылечи прежде самого себя, засмѣялась Катерина Александровна и скрылась за дверью.

Александръ Флегонтовичъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Послѣднія слова жены вдругъ напомнили ему, что онъ во все это время менѣе всего думалъ о себѣ, о своихъ личныхъ выгодахъ.

Онъ заходилъ по своему кабинету и о чемъ-то размышлялъ. „Надо будетъ передать отцу деньги, промелькнуло въ его головѣ. На всякій случай надо позаботиться, чтобы онъ не остался безъ копейки, если мнѣ придется уѣхать“.

Онъ сталъ рыться въ столѣ и вдругъ остановился. „Да съ чего это я волнуюсь? вдругъ прошепталъ онъ. Какія глупости“!

Онъ закрылъ ящикъ стола и снова заходилъ по комнатѣ. „Нѣтъ, все-таки такъ слѣдуетъ“! рѣшительно произнесъ онъ и вынулъ деньги. Онъ прошелъ въ комнату отца и отдалъ старику билеты.

Старикъ въ изумленіи что-то забормоталъ. Александръ Флегонтовичъ сказалъ ему, что онъ, быть можетъ, лѣтомъ или осенью уѣдетъ въ путешествіе по Россіи, то эти деньги пригодятся отцу на это время.

— Трать ихъ, когда будетъ нужно, прибавилъ сынъ. — Я не хочу, чтобы ты нуждался, если я уѣду на время...

Онъ сталъ спокойнѣе и возвратился въ свою комнату. Часовъ въ десять вечера возвратилась Катерина Александровна. Она застала мужа за работою.

А. Михайловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ.

ХП.

Проектъ московскаго земства дѣлится на часть общую или общія положенія и на часть прикладную.

Въ общей части предполагается отмена всѣхъ существующихъ нынѣ видовъ податного обложенія и взаи́мнъ его вводится поземельный налогъ, налогъ на строенія и поразрядная подать. Этими тремя вновь вводимыми налогами московское земство думаетъ облегчить на половину общую тягость теперешнихъ народныхъ платежей. Облегченіе тягости достигается тѣмъ, что изъ общей суммы отнимаемыхъ подушныхъ сборовъ половина, около 33 милліоновъ, перелagается въ личный поразрядный налогъ, остальная половина остается на крестьянахъ, но раскладывается равномѣрнѣе — на земли и на дома. Итакъ, крестьянамъ облегчается половина платежей. Но почему именно половина, а не три четверти, не четверть, не треть? Какими статистическими данными руководствовалось московское земство, опредѣляя размѣръ облегченія на половину? Конечно, въ комиссіи, разработавшей проектъ, вопросъ этотъ подвергался обсужденію; но въ проектѣ мы не находимъ на него никакихъ указаній, никакихъ объясненій.

Когда подвергается обсужденію вопросъ о налогахъ, и когда обсужденіе это производится въ такой радикальной формѣ, какъ разбирался проектъ правительственной комиссіи, то первый основной и главный вопросъ, точка отправленія для всѣхъ послѣдующихъ соображеній есть опредѣленіе податной силы платежцыхъ единицъ. Не узнавъ, сколько онѣ могутъ платить, нельзя рѣ-

шить, сколько съ нихъ слѣдуетъ взять. Передъ глазами московскаго земства были расчеты правительственной комиссіи и доклады московскихъ и петербургскихъ земскихъ управъ.

Податная комиссія разсчитываетъ, что платежи крестьянъ-собственниковъ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ составляютъ:

отъ 30 р. — к. до 60 р. — к. съ двора
„ 10 „ — „ „ 13 „ — „ „ души
„ 1 „ 50 „ „ 3 „ 50 „ „ десятины.

Комиссія при этомъ указываетъ на частный примѣръ тверской губерніи, по своему мѣстоположенію и хозяйственному состоянію, приближающейся къ средней нормѣ. Въ тверской губерніи крестьяне платятъ:

	Государств. крестьяне.	Крестьяне-собств.
съ двора . . .	27 р. 70 к.	28 р. 70 к.
„ души . . .	9 „ 23 „	9 „ 58 „
„ десятины . .	1 „ 84 „	2 „ 39 „

А между тѣмъ доходность земли въ одномъ уѣздѣ 25 к., въ другомъ 1 р., цѣнность земли въ прочихъ уѣздахъ отъ 8 до 25 р. Слѣдовательно, при доходности земли отъ 25 к. до 1 рубля, платежи составляютъ съ той-же десятины отъ 1 р. 84 к. до 2 р. 39 к. или платежи выше самой низшей доходности на 744%, а самой высшей доходности на 111%.

Въ гдовскомъ уѣздѣ крестьянскіе платежи выше доходовъ отъ крестьянской земли на 140%, въ верейскомъ на 324%.

По земскимъ оцѣнкамъ средняя цѣна десятины 25 р. Цифра эта, выведенная капитализаціей изъ 6%, указываетъ на средній доходъ въ 1 р. 50 к. съ десятины.

Сопоставляя приведенныя цифры, мы находимъ, что минимумъ платежей соответствуетъ средней доходности земли; что-же касается до максимума, то онъ превышаетъ доходность на 744%. Московское-же земство дѣлаетъ скидку только на 50%.

У князя Васильчикова („О самоуправленіи“, ч. 3, стр. 298—302) помѣщенъ сравнительный расчетъ податнаго обложенія у насъ, въ Англіи и Пруссіи. Кн. Васильчиковъ беретъ ту-же тверскую губернію и ограничиваетъ свой расчетъ исключительно государственными и земскими платежами. Желая представить раз-

счетъ самый умѣренный, авторъ откидываетъ платежи выкупные и оброчную повинность государственныхъ крестьянъ и затѣмъ получаетъ казенныхъ платежей 64—68 коп. съ десятины. Для опредѣленія доходности авторъ беретъ старицкій уѣздъ, въ которомъ изъ всѣхъ уѣздовъ тверской губерніи сдѣлана наивысшая оцѣнка десятины въ 28 руб., и разчитывая доходность изъ 6% стоимости, получаетъ доходъ десятины въ 1 р. 68 к. Платежи составляютъ 40% доходности.

Въ Англіи мелкіе владѣльцы обложены только земскими повинностями, составляющими 25% съ доходности земель и домовъ, казенныя-же подати несутъ крупныя землевладѣльцы. Государственныя повинности, вмѣстѣ съ земскими, составляютъ съ послѣднихъ около 35% ихъ дохода. Слѣдовательно, платежи нашихъ крестьянъ выше окладовъ крупныхъ собственниковъ Англіи на 5% и мелкихъ на 15%.

Въ Пруссіи есть классъ плательщиковъ, опредѣленіе котораго близко подходитъ къ экономическому положенію нашего крестьянства—это такіе землевладѣльцы, которые, не извлекая отъ земледѣлія достаточныхъ доходовъ для своего прокормленія, должны прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ, поденному или наемному труду. Подобныя землевладѣльцы платятъ въ Пруссіи прямого налога въ казну 3 талера и на земскія повинности они могутъ быть обложены добавочными 50% — всего 4 1/2 талера. Платятъ только взрослые члены семьи. Полагая такихъ плательщиковъ въ семьѣ 1 1/2 человекъ, получимъ, что домохозяинъ платитъ 6 1/4 талеровъ или 6 р. 75 к.

Въ Россіи, придерживаясь того-же разсчета податной комиссіи, съ домохозяина, находящагося въ подобномъ-же положеніи, взыскивается платежей отъ 8 р. 12 к. до 9 р. 55 к.

Приравнивая Россію къ Пруссіи и не простирая своего желанія дальше освобожденія отъ платежей несовершеннолѣтнихъ и стариковъ, а затѣмъ на остальныхъ рабочихъ налагая окладъ въ 2 до 3 р., и считая такихъ рабочихъ 17 милліоновъ, вк. Васильчиковъ вычисляетъ казенныя подати въ 34 до 51 м. руб., а такъ-какъ въ настоящее время прямыя налоги составляютъ около 60 милліоновъ, то остальную часть (отъ 9 до 26 м.) авторъ считаетъ необходимымъ перенести на другіе источники и предметы обложенія.

Гн. Васильчиковъ дѣлаетъ расчетъ болѣе чѣмъ умѣренный; его точка отправления облегчить хотя нѣсколько податныя условія; онъ не находился въ положеніи московскаго земства, которое отнеслось къ податному вопросу радикально и, не смотря на то, считаетъ безусловно необходимымъ пониженіе платежей, среднимъ числомъ, хотя на 20%.

Московское земство понижаетъ платежи, повидимому, на 50%; посмотримъ, такое-ли это пониженіе въ дѣйствительности.

Когда въ московскомъ земскомъ собраніи обсуждался, 15 іюня, вопросъ о налогѣ на строенія, то одинъ изъ главныхъ защитниковъ этого налога представилъ слѣдующій расчетъ. „Въ настоящее время, читалось изъ справки, со всѣхъ крестьянъ московской губерніи сходитъ подушныхъ податей 996,162 руб., государственнаго земскаго сбора 519,247 руб. и общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ 82,756 руб., итого 1,598,436 руб. Крестьянской земли, состоящей въ пользованіи сельскихъ обществъ или приобрѣтенной ими въ собственность, считается 1,599,103 десятины; прилагая къ ней размѣръ предполагаемаго комиссіей поземельнаго обложенія, т. е. по 10 к. съ десятины, будетъ около 160,000 р. Въ крестьянскихъ дворахъ считается строеній жилыхъ 192,145, торговпромышленныхъ 3,332; принимая, среднимъ числомъ, избу въ 9 кв. саж., изба обложится отъ 1 р. 35 к. до 2 р. 70 к., а въ общей сложности, приблизительно, въ 1 р. 50 к. Со всѣхъ жилыхъ избъ получится около 288,000 р. Предположивъ промышленныя строенія только въ полуторномъ размѣрѣ противъ избъ, т. е. въ 13 1/2 кв. саж., а обложеніе на кругъ по 40 к. за сажень, получится, приблизительно, 18,000 р., а со всѣхъ строеній 306,000 руб. Поразрядный налогъ, принимая одного взрослого работника на 2 1/2 ревизскія души, не дѣлая никакой скидки на валькъ и вообще неспособныхъ къ работѣ, относя всѣхъ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ ко второму разряду, а всѣхъ, бывшихъ казенныхъ и удѣльныхъ, къ третьему,—получится съ 278,430 ревизскихъ душъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, 167,058 р.; съ 210,155 ревизскихъ душъ бывшихъ казенныхъ и удѣльныхъ 168,124 р.; а со всѣхъ, круглымъ счетомъ, 335,200 р. По всѣмъ тремъ статьямъ въ формѣ поземельнаго, подворнаго и поразряднаго обложенія сойдетъ съ крестьянъ, приблизительно,

801,000 р. Это составитъ около 50% той сумми государственныхъ налоговъ, которую нынѣ уплачиваютъ крестьяне московской губерніи*.

Въ сдѣланномъ разчетѣ мы не видимъ происхожденія цифры поземельнаго обложенія. Возьмемъ для соображеній хотя верейскій уѣздъ. Съ крестьянъ-собственниковъ сходитъ тамъ всѣхъ платежей 3 р. 95,83 к. съ десятины и въ томъ числѣ государственныхъ сборовъ 1 р. 21,50 к. Средній доходъ съ десятины 1 р. 22 к., слѣдовательно государственные сборы поглощаютъ весь доходъ сельскаго хозяйства. Московское земство предполагаетъ вмѣсто 1 р. 21½ к. брать съ крестьянъ только 10 к. съ десятины. Въ такомъ случаѣ пониженіе составляетъ не 50%, а 90%. Примѣняя это пониженіе ко всѣмъ мѣстностямъ Россіи и средній доходъ съ десятины принимая въ 1 р. 50 к., получимъ, что пониженіе прямыхъ платежей должно составить 93%, т. е. крестьяне будутъ отдавать не весь доходъ отъ своего сельскаго хозяйства, какъ нынче, а только 15-ю часть его или вѣскольکو болѣе 7%. Но это только повидимому, ибо разсчетъ, представленный московскому земству, приведенной выше справкой, не сходится съ разчетомъ, изложеннымъ въ проектѣ. Проектъ изъ 60 м. теперешнихъ государственныхъ сборовъ оставляетъ на крестьянахъ, въ видѣ поземельнаго и подворнаго налога, 33 м., остальную-же половину предполагаетъ взимать въ видѣ поразрядной подати. Подать эта ложится на всѣхъ, въ томъ числѣ и на крестьянъ. Принимая, что взрослое населеніе, привлеченное къ платежу поразрядной подати, составляетъ около 12 м. и средній размѣръ обложенія равенъ 1 р. 50 к. съ души, получимъ, что податное населеніе, въ видѣ поразрядной подати, заплатитъ 17,430,000 р., а вмѣстѣ съ 33,249,000 поземельнаго и подворнаго налога—50,679,000 р. Гдѣ-же тутъ обѣщанное московскимъ земствомъ уменьшеніе на 50%? Уменьшеніе оказывается всего на 17%, и слѣдовательно по прежнему подати поглощаютъ почти весь доходъ отъ земледѣлія. Такимъ образомъ, кн. Васильчиковъ, исходя изъ международнаго сравненія платежей и принявъ за норму прусское обложеніе, заявлялъ, въ видѣ самаго скромнаго и умѣреннаго желанія, уменьшеніе налоговъ на 20%, московское-же земство не доходитъ на 3% даже и до этого скромнаго предѣла. Но въ раз-

счетъ кн. Васильчикова видно основаніе, онъ идетъ путемъ сравненія, онъ повсюду проводитъ параллель съ другими государствами и опытъ народовъ, опередившихъ насъ на пути гражданственности и социальнаго развитія, служить для него руководящимъ примѣромъ. Если кн. Васильчиковъ, въ приведенныхъ выше расчетахъ, основывается на размѣрѣ прусскаго обложенія, онъ оговариваетъ порядки страны, послужившей ему для сравненія, онъ не забываетъ напомнить, что прусское правительство не отличается особеннымъ мягкосердечіемъ къ низшимъ сословіямъ, онъ не забываетъ сказать, что прусское населеніе много богаче и производительнѣе и читателю становится совершенно ясно, что, сводя пониженіе платежей къ 20%, кн. Васильчиковъ считаетъ это пониженіе далеко недостаточнымъ.

И дѣйствительно, есть другое и болѣе безошибочное основаніе для опредѣленія размѣра пониженія. Основаніе это заключается въ опредѣленіи международныхъ производительныхъ силъ и въ опредѣленіи относительныхъ размѣровъ платежей. Въ VI главѣ былъ сдѣланъ подобный расчетъ, и оказалось, что производительныя силы Россіи относятся къ производительнымъ силамъ Великобританіи, какъ 1 къ 6,3, и къ производительнымъ силамъ Пруссіи, какъ 1 къ 2,6; расходы же Россіи относятся къ расходамъ Великобританіи, какъ 1 къ 2,5 и къ расходамъ Пруссіи, какъ 1 къ 1,2. Слѣдовательно, чтобы расходы привести въ экономическую гармонію съ производительными силами, Россіи нужно увеличить вдвое податную способность или сокращеніемъ на половину платежей, или усиленіемъ вдвое своихъ производительныхъ средствъ. Но не для всѣхъ народовъ эта гармонія должна составлять единственную цѣль ихъ государственнаго хозяйства. Есть высшій принципъ, управляющій коллективною жизнью народовъ, и принципъ этотъ—международная солидарность. Ни одинъ народъ не долженъ отставать отъ другого, ни одинъ не долженъ приносить себя въ жертву другому, ни одинъ не долженъ служить предметомъ эксплуатаціи. Чтобы не было ни жертвы, ни эксплуатаціи, слабосильные народы должны пользоваться настолько болѣе благопріятными условіями своего развитія, насколько они слабѣе средняго размѣра прогрессивной поступательности передоваго международнаго движенія. Въ XI главѣ было указано, что единственнымъ благопріятнымъ услови-

емъ этого рода есть возможность сбереженій съ цѣлью увеличенія народнаго производительнаго капитала. Если среднія производительныя силы Европы на 1,6 больше производительныхъ силъ Россіи, при расходахъ относительно вполнину меньшихъ, то чувство государственнаго самосохраненія велитъ не ограничиваться однимъ пониженіемъ платежей на половицу, но на 1,6 увеличить возможность болѣе поступательнаго развитія производительныхъ силъ. Это значитъ, что изъ свободнаго дохода народу, догоняющему другіе народы, должна быть предоставлена на созданіе новыхъ производительныхъ капиталовъ доля въ 1,6 раза большая, чѣмъ имѣютъ догоняемые народы.

Между тѣмъ, въ проектѣ московскаго земства нѣтъ ни малѣйшаго указанія ни на свободный доходъ, ни на освобожденіе извѣстной доли его отъ платежей, хотя финансовая практика всѣхъ цивилизованныхъ народовъ признаетъ это основаніе, а финансовая теорія даже опредѣляетъ точную долю дохода, которая должна остаться неприкосновенной. Московскій проектъ дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія, но эти исключенія имѣютъ не финансовый характеръ, а скорѣе нравственный. Такъ отъ поразрядной подати освобождаются лица, подходящія подъ признаки, указанные для 1, 2 и 3 разрядовъ, если они по болѣзни или тѣлеснымъ недостаткамъ *положительно неспособны къ работѣ*. Въ такомъ видѣ налогъ является средствомъ противъ тунеядства и перестаетъ быть финансовымъ дѣйствіемъ, твердо держащимся экономической почвы. Рациональная податная система тоже признаетъ принципъ всеобщности и не допускаетъ исключеній; для нея трудъ тоже единственный источникъ платежныхъ средствъ, но у нея, кромѣ того, есть еще и высшій принципъ, служащій регуляторомъ при установленіи частныхъ. Этотъ принципъ — предоставленіе возможно большаго простора развитію единичныхъ производительныхъ силъ и возможно большее содѣйствіе развитію народнаго хозяйства, чтобы въ будущемъ создать новый источникъ средствъ, къ которому всегда можно было-бы обратиться въ нуждѣ. Подобнаго элемента государственной предусмотрительности нѣтъ въ проектѣ московскаго земства. Но и нравственный элементъ не выдерживаетъ критики: освобождая отъ налога лицъ, положительно неспособныхъ къ работѣ, изъ 1, 2 и 3 класса, московскій проектъ, слѣдовательно, позволяетъ всѣмъ другимъ

классамъ не трудиться даже и тогда, когда они способны къ труду? Вообще основанія для освобожденія не ясны, поставлены въ зависимость отъ существующихъ исключеній, и потому въ приложеніяхъ къ частностямъ представляютъ противорѣчія. Такъ отъ поземельнаго налога освобождены земли, отведенныя по распоряженію правительства на *содержаніе* церквей и церковныхъ причтовъ, монастырей и архіерейскихъ домовъ (ст. 458 и слѣд., т. X, ч. 3, свод. зак. меж.); отъ налога на строенія — дома священно- и церковно-служителей, ими самими занимаемые, когда дома эти стоятъ на церковной землѣ; наконецъ, отъ поразряднаго налога — штатные священно-церковно-служители, если они не владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ имъ доходъ. Что это исключеніе основано не на моральномъ принципѣ, видно изъ того, что освобождаются только *штатные* священно-церковно-служители, а не безусловно все духовенство; слѣдовательно, остается экономическій принципъ и, дѣйствительно, онъ какъ-бы усматривается въ исключеніи того только имущества, которое даровано правительствомъ на содержаніе духовенства. Взять изъ доходовъ этого имущества налогъ, значить тѣ-же самое, что уменьшить на соотвѣтственную часть содержаніе, данное тѣмъ-же правительствомъ; это какъ-бы переложеніе изъ одного кармана въ другой. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ московскій проектъ не дѣлаетъ исключенія въ пользу чиновниковъ и вообще лицъ, получающихъ казенное содержаніе и пенсіи? Чѣмъ, въ этомъ случаѣ, чиновникъ, получающій содержаніе отъ казны, отличается отъ церковно-служителя, получающаго подобное-же содержаніе и отъ той-же казны? Если проектъ имѣлъ въ виду освобожденіе церковно-служителей отъ налога вслѣдствіе недостаточности получаемыхъ ими средствъ — что и есть нѣкоторое основаніе предполагать, ибо личное имущество церковно-служителей, приносящее имъ доходъ, не освобождено отъ налога, — въ такомъ случаѣ, церковно-служителей не слѣдовало-бы включать въ разряды, какъ это сдѣлано съ чиновниками, получающими меньше 300 руб. жалованья. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ-же принципъ податной справедливости, гдѣ-же принципы раціональнаго народнаго хозяйства, устанавливаемые экономической наукой, когда рядомъ съ освобожденіемъ бѣдныхъ людей изъ духовенства и чиновниковъ не стоитъ освобожденіе бобылей и

захребетниковъ, которыхъ, несмотря на собственное опредѣленіе московскаго проекта, что ни эти люди, ни ихъ семейства не имѣютъ никакой недвижной собственности и не обременены надѣломъ—проектъ все-таки облагаетъ поразряднымъ налогомъ въ 1 руб. серебромъ съ лица. Въ Пруссіи, гдѣ, какъ выражается кн. Васильчиковъ, правительство не отличается мягкосердечіемъ, лица, принадлежащія къ тому-же разряду, платятъ всего $\frac{1}{2}$ талера или $45\frac{1}{2}$ к. серебромъ. Почему-же московскій проектъ относится къ своимъ роднымъ бобылямъ суровѣе—или наши бобыли богаче прусскихъ? Нѣтъ, они бѣднѣе, но прусское немилосердечное правительство исходитъ въ своихъ обложеніяхъ изъ принципа, повелѣвающаго не касаться известной части свободнаго дохода, а московскій проектъ этого принципа не признаетъ.

Не признавъ этого основнаго принципа податнаго обложенія, московскій проектъ долженъ былъ впасть въ противорѣчія и отыскивать равновѣсіе въ примиреніяхъ стараго, противъ чего онъ, повидимому, идетъ, съ новымъ, которое онъ тоже не отваживается принять во всей полнотѣ его послѣдовательности.

Принципъ гражданскаго равенства и податная справедливость велеть привлекать каждаго гражданина къ податнымъ платежамъ. Исключеній, которыя существовали въ средневѣковомъ государствѣ, для новаго европейскаго государства не существуетъ. Но и средневѣковое государство въ сущности не дѣлало исключеній, оно только видоизмѣняло тягости. То-же начало существовало и у насъ. Петръ Великій не беретъ съ дворянъ налога, но за то онъ заставляетъ ихъ служить; духовенство освобождается отъ налога, но за то оно и не получаетъ жалованья. Новѣйшее государство сводитъ воѣ свои счеты съ гражданами къ одной единицѣ—денежной и свое хозяйство къ денежному хозяйству; отъ этого все, что сохранило еще печать сословныхъ услугъ, и все, что носитъ характеръ натуральныхъ повинностей, постепенно исчезаетъ изъ практики финансовъ; для финансоваго управленія всѣ плательщики равны, ибо въ членахъ государства оно видитъ только податныя единицы, выражающіяся въ финансовомъ бюджетѣ известнымъ числомъ денежныхъ знаковъ. Отсюда ясно, что всякое исключеніе, основанное на сословномъ, моральномъ, юридическомъ и вообще всякомъ другомъ началѣ, вромѣ

экономическаго, не есть принципъ новаго государства, а противорѣчіе ему.

Есть мнѣніе утверждающее, что лица, получающія отъ государства содержаніе, должны быть исключены изъ податнаго обложенія, что они находятся къ государству въ другомъ отношеніи, чѣмъ чисто частныя лица. Зачѣмъ государству давать своимъ исполнительнымъ органамъ извѣстную сумму, когда оно беретъ ее отъ нихъ немедленно обратно въ видѣ налога. Не будетъ-ли проще, на долю налога уменьшить жалованье? Но органъ правительства, какъ лицо оплачиваемое жалованьемъ и тотъ-же органъ правительства, какъ податная единица, суть два различныя лица. Чиновникъ, какъ органъ правительства, не есть податная единица, а какъ податная единица онъ не есть органъ правительства. Въ его податной способности заключается его гражданское значеніе, проявляется его гражданская принадлежность къ обществу; платой налога онъ создаетъ себѣ право на гражданское достоинство и парализируетъ то обезличивающее вліяніе, которое налагаетъ на него его бюрократическая роль. Кромя этого между жалованьемъ и налогомъ есть существенная разница въ степени ихъ постоянства. Жалованье есть задѣльная плата, отличающаяся, какъ и всякій постоянный доходъ, извѣстною неподвижностью, тогда какъ налогъ есть подвижная мѣняющаяся величина. Поставить жалованье въ зависимость отъ налога, значить подвергать его постояннымъ колебаніямъ, то возвышать, то понижать, и усложнять административный механизмъ, затрудняя его излишнимъ соприкосновеніемъ съ вѣдомствомъ, заправляющимъ налогами.

Только одно исключеніе, основанное на экономическомъ началѣ, можетъ имѣть мѣсто въ практикѣ налоговъ, и исключеніе это вызывается не сердоболіемъ, не ложно понимаемой гуманностію, а только экономическими требованіями государственнаго и народнаго хозяйства, на которыя было уже подробно указано въ предыдущей главѣ. Собственный расчетъ финансоваго управленія въ томъ, чтобы его роспись была основана на прочныхъ и солидныхъ источникахъ налога, и чтобы источники народной производительности росли и крѣпли, а не изсыкали и слабѣли.

Московское земство не стояло на этой экономической почвѣ, на немъ отразилось давленіе сословности, къ вопросамъ чисто-экономическимъ оно усиливалось примѣнить юридическое разрѣ-

шеніе и создать изъ своего проекта извѣстный компромисъ, тяготящій назадъ. Отъ этого его повидимому радикальное отношеніе къ податному вопросу, такъ громко заявленное въ началѣ проекта, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается незначительной поправкой, сводимой къ облегченію податныхъ сословій всего на 17%, которые оно и обращаетъ на новыя платежныя источники. Остальную-же сумму оно только разверстываетъ по другимъ платежнымъ признакамъ, вводя подворное и личноразрядное обложеніе. Что-же касается коренныхъ принциповъ, выработанныхъ новѣйшей теоріей и практикой финансовъ и точныхъ математическихъ основаній, то имъ въ московскомъ проектѣ отведено слишкомъ малое мѣсто. Замѣчаніе о гадательномъ разсчетѣ московскаго проекта основывается на слѣдующемъ. Относительно поразряднаго налога проектъ говоритъ: „если окажется, что помноженіе всѣхъ плательщиковъ на цифры поразряднаго обложенія дастъ произведеніе, превышающее общую сумму, ожидаемую отъ поразряднаго налога (ст. 10), то вся оказавшаяся разница скидывается пропорціональнымъ пониженіемъ окладовъ, предположенныхъ для трехъ первыхъ разрядовъ“; а въ 10 ст. говорится, что на удовлетвореніе личнымъ поразряднымъ налогомъ отчисляется изъ ннѣ лежащихъ на податныхъ сословіяхъ податей—половина или около 33,250,000 руб.

Сдѣлаемъ приблизительный разсчетъ ожидаемаго поступленія поразряднаго налога.

По вычисленіямъ академика Буныковскаго о распредѣленіи населенія Россіи по возрастамъ, оказывается, что изъ 10,000 мужчинъ, въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ (возрастъ для обложенія поразряднымъ налогомъ) находится 4,648 человекъ, слѣдовательно въ нашемъ 25 миллионномъ податномъ населеніи лицъ этого возраста будетъ 11,620,000. Принимая средней цифрой обложенія (по первымъ тремъ классамъ) 1 р. 50 к., съ сельскаго населенія поразрядной подати поступитъ 17,430,000 р.

Прилагая тотъ-же разсчетъ г. Буныковскаго къ другимъ сословіямъ, получимъ подлежащими поразрядной подати:

Изъ 1,954,000 мѣщанъ 46% или 848,840 лицъ. Облагая ихъ по 3 разряду, поступитъ поразрядной подати—1,697,680 р.

Изъ 235,173 купцовъ оказывается 108,179 лицъ подлежащихъ обложенію и съ нихъ по 5 разряду—1,081,730 р.

Изъ 8,955 личныхъ почетныхъ гражданъ 4,119 подлежащихъ обложенію и съ нихъ по тому-же 5 разряду—41,190 р.

Изъ 8,878 потомственныхъ почетныхъ гражданъ—4,083 и съ нихъ по 6 разряду—122,490 р.

Изъ 147,300 дворянъ личныхъ и служащихъ 67,758 и съ нихъ (съ $\frac{2}{3}$ по 4 разряду и съ $\frac{1}{3}$ по 5 разряду)—360,848 р.

Изъ 338,187 дворянъ потомственныхъ 155,566 (изъ нихъ $\frac{1}{20}$ крупныхъ собственниковъ по 9 разряду, $\frac{1}{10}$ по 8 разряду, $\frac{1}{8}$ по 7 разряду и остальные на половину по 6 и по 5 разрядамъ) и съ нихъ—14,276,800 р.

Всего-же поразрядная подать обѣщаетъ дать — 35,010,938 р. или излишекъ противъ скидываемой съ народа половины въ 1,760,938 руб. Понижая на этотъ излишекъ поразрядный налогъ первыхъ трехъ разрядовъ, получимъ облегченіе для каждаго плательщика изъ теперешняго податнаго сословія въ 7 копеекъ.

Но въ дѣйствительности податныя сословія не могутъ разчитывать не только на это, но и ни на какое пониженіе и вотъ почему. За послѣднія 13 лѣтъ средній годичный дефицитъ составлялъ 23,368,000 руб., т. е. расходы превышали доходы на 6%, въ то-же время возвышеніе доходовъ увеличивалось ежегодно на 9%; всего, слѣдовательно, требовавшееся годичное возвышеніе составляло 15%. Нѣтъ причины полагать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ процентъ этотъ измѣнился, напротивъ не предвидится возможность сокращенія государственныхъ надобностей, а растущія земскія потребности должны еще больше усилить податныя тягости. Поэтому годичное увеличеніе государственныхъ надобностей милліоновъ на 70 можно принять близкимъ къ средней нормѣ. До сихъ поръ растущіе государственные расходы покрывались почти исключительно возвышеніемъ прямыхъ, личныхъ податей и возвышеніе это дошло наконецъ до такого размѣра, что податной вопросъ былъ сдѣланъ предметомъ обсужденія правительственной комиссіи и наконецъ разрѣшился единогласнымъ отзывомъ земства, что должно наконецъ исчезнуть послѣднее различіе между податными и не-податными сословіями. Вотъ основной фактъ, изъ котораго долженъ-бы исходить московскій проектъ. Вопросъ просто заключается въ томъ, какъ, кромѣ теперешнихъ доходовъ, получить еще ежегодное приращеніе

милліоновъ въ семьдесятъ и въ то-же время снять съ податныхъ сословій ту излишнюю тягость, которая держитъ ихъ на минимумѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Эти 70 милліоновъ совершенно измѣняютъ комбинацію 30 ст. московскаго проекта. Статьей этой снимается съ податныхъ сословій 33 милліона, въ то-же время поразряднымъ налогомъ снова накладывается половина сложенной суммы или 17 милліоновъ и изъ новыхъ платежныхъ источниковъ извлекается 18 милліоновъ. Получается излишекъ въ 1,760,000; но какъ ежегодное возрастаніе государственныхъ надобностей требуетъ ежегодно новыхъ 70 милліоновъ, то этотъ излишекъ не только нельзя сложить ни съ кого, но еще требуется обложеніе платежныхъ источниковъ недостающими 68¼ милліонами. Такимъ образомъ вопросъ получаетъ совсѣмъ другой размѣръ, вопросъ перестаетъ быть узенькой комбинаціей простаго уравненія тягостей и уступки податному сословію 17%, какъ это дѣлаетъ московскій проектъ; вопросъ переносится въ другую болѣе широкую сферу — въ область государственнаго хозяйства, въ область изслѣдованія условий, отъ которыхъ зависитъ медленность нашего экономическаго развитія и несоотвѣтственность возрастанія нашихъ надобностей съ нашими средствами для ихъ удовлетворенія. Вопросъ не ограничивается только тѣми 66 милліонами, которыми занялся московскій проектъ, а идетъ много дальше. Московское земство, отнесясь повидимому строго и радикально къ проекту податной комиссіи, въ сущности встало на его почву и не пошло дальше. И правительственная комиссія полагала привлечь къ платежамъ привилегированныя сословія. Разница только въ томъ, что правительственная комиссія достигала этого поземельнымъ налогомъ, а московскій проектъ достигаетъ проектированіемъ поразрядной подати. Но вопросъ не пошелъ дальше предѣловъ подушнаго обложенія, дальше разсужденія о личныхъ податяхъ. Провозгласить такъ торжественно принципъ всесословнаго обложенія и затѣмъ остановиться на одной подушной и личной подати, составляющихъ всего $\frac{1}{8}$ нашего государственнаго бюджета, обойти молчаніемъ источники дающіе остальные $\frac{7}{8}$, игнорировать экономическую сторону вопроса, не опуститься до самаго источника тѣхъ производительныхъ средствъ страны, изъ которыхъ должно возникать постоянное приращеніе на 15% — значитъ встать ниже своего земско-хозяйственнаго

полномочія. Вологодское, тамбовское, нижегородское земства взглянули шире на вопросъ.

Теперь посмотримъ, въ какой степени московскій проектъ достигаетъ цѣли болѣе справедливаго уравниенія платежей, ради чего онъ и вводитъ новыя виды обложенія. Какъ близко онъ подходитъ къ предѣлу провозглашаемой имъ податной справедливости?

XIII.

Въ числѣ 32 статей московскаго проекта о поземельномъ налогѣ заключается только пять коренныхъ статей—23, 26, 27, 28 и 29. 23 ст. говоритъ, что государственному поземельному налогу подлежатъ (за извѣстными и въ 25 ст. перечисленными изъятіями) всѣ удобныя земли, кому-бы онѣ ни принадлежали; населенныя и ненаселенныя, приносящія и неприносящія владѣльцамъ доходъ. 26 статья— что опредѣленіе общей суммы государственнаго поземельнаго налога со всей имперіи и раскладка ея по губерніямъ производится высшимъ правительствомъ на 20 лѣтъ; 27— что при раскладкѣ по губерніямъ и областямъ поземельнаго налога принимаются за основаніе свѣденія, по распоряженію высшаго правительства собранныя чрезъ посредство земскихъ и другихъ учрежденій о количествѣ земли и о всѣхъ вообще мѣстныхъ условіяхъ, вліяющихъ на ея доходность и цѣнность; ст. 28— что первоначальный правительственный проектъ расклада долженъ содержать въ себѣ всѣ данныя и статистическія основанія, по которымъ онъ составленъ, и наконецъ ст. 29 — что правительственный проектъ рассылается на предварительное соображеніе въ губернскія земскія собранія. Всѣ эти статьи касаются вторыхъ вопросовъ, такъ сказать, механическаго отношенія земства къ правительственной раскладкѣ и къ провѣркѣ частныхъ расчетовъ въ примѣненіи къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Но основной исходной точки мы нигдѣ не видимъ.

Изъ расчетовъ правительственной комиссіи и изъ расчетовъ, представленныхъ членами московскаго земства, наконецъ изъ преній, происходившихъ въ московскомъ чрезвычайномъ собраніи комиссіи, составившей проектъ, было извѣстно, что наше на-

родное сельское хозяйство не выносить тяжести лежащаго на немъ поземельнаго обложенія и что въ общемъ правилѣ подати поглощаютъ весь земледѣльческій доходъ, а мѣстами онѣ не могутъ быть покрыты даже тройнымъ доходомъ. Поэтому, сущность вопроса о поземельномъ налогѣ заключается прежде всего въ установленіи той нормы размѣра обложенія, которая должна освободить наше земледѣліе отъ застоя. Земство по преимуществу есть представительство сельско-хозяйственное, оно главный русскій землевладѣлецъ, его существенные интересы связаны съ землей, съ доходомъ отъ нея, и слѣдовательно съ успѣхами русскаго земледѣлія и русской сельско-хозяйственной промышленности. Но московское земство обходитъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ-же должна быть велика поземельная подать, чтобъ освободить русское земледѣліе отъ парализирующаго его давленія существующаго податнаго обложенія. Или послѣ того, что московскій проектъ сдѣлалъ скидку въ 17%, этого вопроса уже не зачѣмъ касаться? Но мы уже видѣли, что скидка сдѣлана гадательная, глазомѣрная, приблизительная; размѣръ скидки опредѣленъ не расче томъ, оправдываемымъ требованіями поступательнаго народнаго хозяйства, а соображеніями, основанія которыхъ неизвѣстны. Намъ могутъ возразить, что въ 30 ст. проекта опредѣлительно указано, сколько должно быть скинуто съ народа и какъ распределяется остающаяся на немъ часть платежей, что на землю отнесено 22,166,000 р., и на строенія 11,083,000 р., а такъ-какъ въ пользованіи крестьянъ находится:

Бывшихъ государственныхъ . . .	62,667,000	дес. уд. зем.
„ удѣльныхъ	4,336,000	„ „ „
„ помѣщичьихъ	22,400,000	„ „ „
<hr/>		
Всего.	89,403,000	дес. уд. зем.

Слѣдовательно, на каждую десятину падаетъ 24,7 копѣекъ. Въ справкѣ-же, читанной въ засѣданіи 19 іюля, указывалось, что московская комиссія предполагаетъ поземельное обложеніе въ 10 к. съ десятины. Какъ объяснить это несходство? Если тѣмъ, что въ нашемъ расчетѣ принята площадь одной Европейской Россіи, то мы поправляемъ эту ошибку.

Казацкія земли полковъ Европейской и Азіатской Россіи занимаютъ площадь въ 38,291,000 дес.

Въ губерніяхъ тамбовской и тожской въ пользованіи старожиловъ удобной земли	4,193,000 „
Въ губерніяхъ иркутской, енисейской, забайкальской, опредѣлено инструментальной съемкой и рекогносцировкой удобной и неудобной земли.	12,886,824 „
Итого	<u>55,370,824 дес.</u>

А всего съ землями Европейской Россіи 144,773,824 десятины; или на каждую десятину подати 15 коп.

Нашъ расчетъ крайне преувеличенъ неточной цифрой земли въ Восточной Сибири, гдѣ даже неизвѣстно отношеніе удобной и неудобной площади и не смотря на то оказывается, что показаніе московской справки меньше на 50%.

Но 15 коп., полученныя нами, не единственный платежъ, падающій на землю. Подворный налогъ, проектируемый московскимъ земствомъ, есть тотъ-же поземельный налогъ, только обусловленный другимъ признакомъ. Цифра этого налога составляетъ 11 м. или всего падаетъ на крестьянскія земли 33,249,000 р. Распредѣляя эту сумму на земли одной Европейской Россіи, получимъ 37 коп. на десятину, а распредѣляя на всю площадь Европейской и Азіатской Россіи—23 коп.

Здѣсь является новое несогласіе цифръ. Изъ того, что нами приводилось на основаніи официальныхъ источниковъ, читателю извѣстно, что оклады достигаютъ повсюду до 1 р. 50 коп. съ десятины, а мѣстами простираются до 3 р. 50 к. и болѣе. Кн. Васильчиковъ, основываясь на официальныхъ земскихъ источникахъ, приходитъ къ тому-же выводу. Но не желая возбудить обвиненія въ преувеличеніи, авторъ „самоуправленія“ допускаетъ, что земская оцѣнка доходности низка, и увеличивая доходность земли на 50 и даже 100%, все-таки приходитъ къ тому, „что сумма платежей крестьянской земли въ большей части Россіи равняется ея средней доходности, и во многихъ мѣстахъ ее превышаетъ“. Въ этомъ расчетѣ кн. Васильчикова помѣщены не однѣ прямыя казенныя подати, но и выкупные платежи, земскіе сборы и натуральныя повинности. Скидывая эти добавочные платежи, находимъ, что крестьянскія земли уплачиваютъ въ казну 66 к. съ десятины въ средней сложности всей имперіи, въ томъ

числѣ и въ Сибири. Дѣлая скидку въ 50%, предполагаемому московскимъ земствомъ, получаемъ 33 к. съ дес., или по 10 к. на десятину больше сдѣланнаго нами выше расчета. Очевидная невозможность примиренія цифръ. Но невозможность примиренія этого несогласія окажется еще больше, если мы взглянемъ на обремененіе крестьянской земли во всемъ его объемѣ, а не съ той односторонней точки зрѣнія, на которую ставить вопросъ московскій проектъ. Если мы говоримъ о тяжести платежей, какъ о факторѣ, влияющемъ на уменьшеніе оборотнаго капитала народнаго земледѣлія, то нельзя выдѣлять изъ соображеній объ общемъ влияніи одну часть этого влиянія. Для плательщиковъ податной вопросъ заключается во всей совокупности платежей, а не въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Казенные платежи, какъ мы видѣли, составляютъ 66 к. съ десятины (считая и Сибирь), но всего сходять по самому пониженному расчету 1 р. 50 к. съ десятины. Сокращая казенные платежи даже на 50%, все-таки останется на крестьянской землѣ окладу 1 р. 27 к. съ десятины или 85% ея дохода. Развѣ какое-нибудь земледѣліе можетъ вынести такую тягость? И такъ, въ чемъ-же заключается адвокатура московскаго земства въ самомъ основномъ, въ самомъ близкомъ земскому интересу дѣлѣ, когда оно, обойдя первый вопросъ, начало со вторыхъ?

Причину этого нужно искать въ томъ, что при составленіи проекта московская коммиссія стояла не на земской точкѣ зрѣнія, а взяла на себя роль правительственной коммиссии и редижировала проектъ такъ, какъ-бы это сдѣлала всякая административная инстанція, которой не предоставлено опредѣлять основаній, а поручено лишь разработать частности и установить податной механизмъ. Но въ податномъ вопросѣ, когда онъ дошелъ до такой поворотной точки, какъ у насъ, говорить о частности механизма, минуя основанія, и поступать такимъ образомъ земству значить перестать быть земствомъ. Министерство финансовъ, предложивъ на обсужденіе земскихъ собраній проектъ податной коммисіи, искало земскаго содѣйствія конечно не въ редакціи новаго проекта, для этого въ министерствѣ нашлись-бы и свои чиновники,—оно желало оцѣнки основаній, оно искало серьезнаго отношенія къ финансово-экономической сущности вопроса. И земству слѣдовало отвѣтить на этотъ призывъ статистическимъ ра-

зоблаченіемъ неустройствъ народно-земскаго хозяйства, отвѣтить установленіемъ такого податнаго принципа, который-бы отвѣчалъ вполне важности наступившаго податнаго момента и разрѣшалъ-бы затрудненія нашего невѣденія. Затрудненія-же нашего невѣденія заключаются именно въ томъ, что мы не знаемъ, сколько и какъ нужно брать, чтобы установить возможную податную справедливость.

Впрочемъ въ засѣданіяхъ московскаго земства этотъ вопросъ не былъ обойденъ; заявлялось мнѣніе, чтобы земли московской губерніи, вслѣдствіе ихъ малой доходности, совершенно освободить отъ государственнаго поземельнаго налога, заявлялось и мнѣніе о томъ, чтобы установить *умѣренный* всеобщій поземельный налогъ, съ равномерной раскладкой одной цифрой съ десятины, размѣръ котораго въ нечерноземной полосѣ не долженъ превышать одной восьмой части платимыхъ нынѣ, среднимъ числомъ, земскихъ сборовъ, а въ черноземной—четверти тѣхъ-же сборовъ; заявлялось о необходимости умѣреннаго налога, потому-что кадастровая оцѣнка, основанная на научныхъ тонкихъ приемахъ, приводитъ только къ бесполезной тратѣ денегъ и времени, грубый-же кадастръ при высокомъ налогѣ обыкновенно давитъ однихъ плательщиковъ и ставитъ въ льготное положеніе другихъ; наконецъ заявлялось, что при умѣренно-низкомъ равномерномъ налогѣ особня оцѣнки вовсе не нужны, потому-что неуравнительность весьма мало чувствительна, а главное потому, что низкій поземельный налогъ неизбежно вызываетъ введеніе новаго уравнивающего налога—налога подоходнаго. Вотъ именно тѣ вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ должна заключаться сущность земскаго отношенія къ поземельному обложенію. Въ 27 ст. проекта московская коммиссія, правда, говоритъ, что для раскладки *по губерніямъ и областямъ* государственнаго поземельнаго налога принимаются за основанія статистическія свѣденія о всѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, вліяющихъ на доходность и цѣнность земли; но вѣдь справедливость въ распредѣленіи налога по губерніямъ можетъ явиться только тогда, когда налогъ будетъ распредѣленъ справедливо внутри каждой губерніи. Если не установлено основаній справедливости для каждаго частнаго обложенія, невозможно и общая справедливость. Слѣдовательно, прежде чѣмъ говорить о справедливости между-губернской, нужно было устано-

вить принципы справедливости по отношенію къ каждой податной силѣ и каждой податной десятинѣ. Предшествовавшій опытъ земскаго самообложенія былъ именно такой опытъ, который давалъ право надѣяться, что наконецъ будутъ выработаны нормы обложенія, установлены однообразныя основанія для оцѣнки и опредѣлены отношенія, въ которыхъ долженъ находиться поземельный налогъ къ другимъ видамъ налоговъ.

При низкой поземельной подати несправедливости обложенія чувствуются менѣе и переносятся легче, но при высокомъ налогѣ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ и какимъ остается по московскому проекту, точныя основанія для оцѣнки необходимы. Взиманіе налога подесятиннаго, а тѣмъ болѣе съ равномерной раскладкой одной цифрой съ десятины, какъ это было заявлено въ московскомъ земскомъ собраніи, — способъ слишкомъ первобытный. Его можно еще допустить въ странахъ небольшихъ, гдѣ качество и производительность почвы одинаковы, гдѣ земледѣліе стоитъ повсюду на одномъ уровнѣ, но чѣмъ страна больше, чѣмъ выше разнообразіе почвъ, чѣмъ развитѣе земледѣльческая культура, чѣмъ прилагается болѣе къ земледѣлію капиталовъ — тѣмъ меньше этотъ способъ обложенія можетъ имѣть прирѣненія. Раздѣлить Россію на черноземную и не черноземную полосу и брать налогъ по двумъ нормамъ, значитъ противодѣйствовать успѣхамъ русскаго земледѣлія, и дать льготы богатымъ, на счетъ бѣдныхъ. Отлично обработанная десятина, производящая цѣнный продуктъ, будетъ платить то-же, что десятина плохая, едва окупающая трудъ земледѣльца. Если справедливо общее сѣтованіе на неразвитость нашего земледѣлія, то также будетъ справедливо требованіе, чтобъ земледѣлію было предоставлено какъ можно болѣе возможности для его развитія. Иначе непонятно, зачѣмъ сѣтовать. Но какъ-же земледѣлецъ улучшить свое сельское хозяйство, если онъ будетъ платить тѣмъ болѣе, чѣмъ земля его хуже и чѣмъ болѣе она требуетъ улучшеній и труда? И когда-же такое противорѣчіе! — Тогда, когда возбуждается вопросъ о коренномъ преобразованіи всей податной системы, когда официальными статистическими данными обнаружено, что земледѣліе терпитъ отъ поземельнаго обложенія! Поэтому оцѣнка тѣмъ необходима, чѣмъ выше поземельный налогъ и чѣмъ меньше испра-

вляются его несправедливости другими видами обложенія. Но какія существуют и могутъ быть приняты основанія для оцѣнки?

Оцѣнка по валовому доходу—такой-же первобытный способъ, какъ и взиманіе налога по площади, ибо валовой доходъ не можетъ быть мѣриломъ податной силы, и потому не заключаетъ въ себѣ начала податной справедливости. Два одинаковыхъ валовыхъ дохода могутъ быть получены съ совершенно различными затратами труда и капитала. Вотъ два участка, оба они даютъ 100 р. валового дохода, но, чтобы получить ихъ, одинъ земледѣлецъ долженъ затратить 50 руб., другой только 10. При 25% обложенія у перваго остается только 25 р., у втораго 65 р. Ближайшимъ слѣдствіемъ такой неравномѣрности будетъ ослабленіе стремленія къ земледѣльческимъ улучшеніямъ. Зачѣмъ стремиться къ возвышенію дохода, когда онъ немедленно отбрасывается въ видѣ налога.

Оцѣнка по продажной цѣнѣ удовлетворяетъ, повидимому, совершенно требованіямъ справедливости, ибо продажная цѣна находится всегда въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи къ доходу. Но въ проектѣ купли и продажи примѣшиваются иногда такія постороннія, побочныя обстоятельства, которыя совершенно парализируютъ вліяніе основныхъ факторовъ. На московскихъ совѣщаніяхъ о податномъ вопросѣ, былъ приведенъ фактъ продажи въ новгородской губерніи съ публичныхъ торговъ имѣній по 5 к. за десятину. Въ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній было продано недавно устроенное имѣніе по 70 к. за десятину. Это случаи, разумѣется, исключительные. Но у насъ, особенно въ настоящій моментъ формирующагося новаго уклада земледѣльческаго быта, на продажную цѣну вліяютъ не столько экономическіе, сколько социальныя факторы. Наконецъ, продажная цѣна лишена признака всеобщности. Продажа имѣній и земли исключеніе, а не правило. Можетъ пройти десятокъ лѣтъ, когда въ цѣлой губерніи не продается ни одного имѣнія. Слѣдовательно и этотъ способъ для насъ непримѣнимъ.

Въ странахъ съ высокой культурой, какъ Франція и Германія, размѣръ поземельнаго налога устанавливается кадастровой оцѣнкой. Франціи, напримѣръ, кадастръ обошелся въ 200 милліоновъ франковъ и продолжался 50 лѣтъ. Принимая среднюю стоимость кадастра въ 80 к. за десятину, оцѣнка 89,403,000 дес.

удобной земли европейской Россіи обошлась-бы въ 73,522,400 р. и для этого потребовалось-бы 18,000 землѣвѣровъ и до 100,000 рабочихъ. Ясно, что уточненный кадастръ для насъ немислимъ. Но кромѣ дороговизны, кадастръ представляетъ другое неудобство. Земледѣльческій доходъ—величина слишкомъ подвижная, чтобъ могла быть установлена разъ произведеннымъ кадастромъ. Слѣдовательно, потребуется постоянное содержаніе извѣстнаго штата оцѣнщиковъ, а эта новая издержка упадетъ накладнымъ расходомъ на ту-же землю и увеличитъ бесполезно поземельный налогъ.

Арендная плата и нашъ простой деревенскій кадастръ могли бы оказать намъ такую-же услугу, какую уточненный кадастръ оказываетъ Германіи и Франціи. Арендная плата, особенно когда послѣ освобожденія крестьянъ помѣщичье земледѣліе должно было обратиться или къ наемному труду или къ отдачѣ земель въ арендное содержаніе крестьянамъ, въ большинствѣ случаевъ нуждающихся въ землѣ, можетъ служить наиболѣе близкимъ указателемъ доходности. Арендная плата тѣмъ болѣе можетъ служить достаточно справедливымъ мѣриломъ, устраняющимъ возможность нареканій на неуравнительность, что въ основаніе ея входитъ расчетъ неблагоприятныхъ случайностей. Поэтому нужно полагать, что арендная плата и народный кадастръ могутъ служить лучшимъ и вполне надежнымъ основаніемъ для опредѣленія доходности земли и для установленія нормъ тѣхъ процентныхъ отношеній, въ которыхъ находятся другъ къ другу разные виды земледѣльческихъ доходностей.

Московскій проектъ миноваль, повидимому, вопросъ объ оцѣнкѣ и, принимая подесятинное обложеніе, въ сущности только закрылъ глаза передъ воображаемой трудностью, не разрѣшивъ ея. Оцѣнки миновать нельзя. Если мы станемъ брать налогъ по площади, развѣ мы не дѣлаемъ предварительную оцѣнку среднихъ силъ земли? Развѣ, придя къ убѣжденію, что земельный налогъ въ теперешнемъ его размѣрѣ поглощаетъ весь доходъ, а мѣстами превышаетъ его втрое—мы узнали это по наитію, а не по расчету доходности? Развѣ, налагая на землю подесятинный налогъ, но различая пашни, луга, выгоны, лѣса, сады—мы не дѣлаемъ кадастра? Принимая подесятинное обложеніе, мы не оказываемъ особенной услуги податной справедливости и во всякомъ случаѣ не мижемъ оцѣнки дохода, съ тою только разницею, что

вмѣсто установленія нормъ каждымъ земствомъ отдѣльно, въ предѣлахъ его земско-хозяйственнаго вѣденія и затѣмъ согласованія этихъ отдѣльныхъ нормъ между собою и установленія между-земскихъ отношеній, мы оставляемъ дѣло на произволь случайностей и того частнаго произвола, который главнѣйше и привелъ къ разъясняющему закону 21 ноября 1866 г.

Поэтому мы думаемъ, что московскій проектъ о поземельномъ налогѣ, посвященный преимущественно разработкѣ виѣшнихъ формальностей податного обложенія, не исполнилъ своей главной земской задачи, ибо онъ не сказалъ, что московская земля даетъ и что можно и какъ должно взять съ нея, чтобы возстановить ту нарушенную податную справедливость, которая одна и вызвала повсюдное чрезвычайное засѣданіе русскаго земства. Задача земства только въ этомъ, а не въ томъ, что взяло на себя земство московское. Задача земства въ томъ, чтобы опредѣлить силы земско-государственныхъ платежныхъ источниковъ, опредѣлить виды этихъ силъ и нормы ихъ взаимныхъ отношеній. Каждое уѣздное земство пусть дѣлаетъ эту работу для себя, губернское земство будетъ дѣлать губернское согласованіе и установитъ отношеніе платежныхъ силъ между уѣздами, наконецъ послѣдуетъ согласованіе силъ между губерніями и общій выводъ прогрессивныхъ силъ съ точно обозначеннымъ для каждой губерніи мѣстомъ. Мы не закрываемъ глазъ отъ трудностей подобнаго труда, но легкость еще не доказательство справедливости; освободить крестьянъ и составить „Положеніе“ 19 февраля было трудно, однако крестьяне освобождены; составить судебные уставы 1864 года было тоже очень трудно, однако мы имѣемъ гласный судъ.

Вмѣсто всего этого московскій проектъ ограничивается только тѣмъ, что провозглашаетъ принципъ податного равенства, проводимый имъ съ такой безопасностью, что онъ облагаетъ даже такія земли, которыя не приносятъ никакого дохода. Какъ слѣдуетъ понимать это основаніе, какой высказывается въ немъ принципъ — строго-экономическій или моральный? Имѣлъ-ли московскій проектъ въ виду заставить богатую праздность трудиться и не запускать своего сельскаго хозяйства, имѣлъ-ли онъ въ виду принудительный переходъ земель въ руки тѣхъ, у кого онѣ могутъ давать высшій доходъ? Если московскій проектъ имѣлъ въ виду именно это основаніе, а не принципъ безуслов-

наго равенства, то онъ вводилъ новый видъ налога — на роскошь. Богатый владѣлецъ имѣеть роскошное имѣніе съ парками и садами, которые не только не приносятъ ему никакого дохода, но еще требуютъ большихъ издержекъ на ихъ содержаніе. Такое имѣніе, конечно, не можетъ быть освобождено отъ налога, но для опредѣленія размѣра этого налога совершенно непримѣнима норма доходности, ибо имѣніе идетъ въ убытокъ. Но вотъ другой случай: небогатый владѣлецъ московской губерніи имѣеть 5,000 десятинъ лѣсу вдали отъ сплавныхъ рѣкъ и въ самомъ лѣсномъ углу костромской губерніи. Лѣсъ этотъ не имѣеть никакого сбыта при всемъ настойчивомъ желаніи владѣльца. Что выигрываетъ податная справедливость, если этотъ бездоходный клочекъ лѣсу будетъ обложенъ налогомъ? Принципъ безусловнаго равенства есть принципъ отвлеченный, податной-же вопросъ стоитъ на принципѣ строго экономическомъ. Роскошь должна заплатить за то, что она роскошь, она платитъ процентъ съ своего непроемчиваго капитала, расточаемаго на непроемчивое потребленіе и оттого уменьшающаго общую сумму производительныхъ средствъ страны. Налогъ на роскошь поэтому есть возстановленіе нарушеннаго производительнаго равновѣсія; это отнятіе отъ расточителя части его средствъ, которыми и пользуется правительство, чтобъ оказать услуги не-расточителямъ и полезнымъ трудящимся гражданамъ. Налогъ на роскошь долженъ быть поэтому тѣмъ выше, чѣмъ больше роскошь лишаетъ страну полезныхъ производительныхъ средствъ. Но налагать налогъ на физическую невозможность извлеченія дохода—это значитъ облагать калѣвъ, дѣтей и стариковъ. Московскій проектъ здѣсь впадаетъ въ противорѣчіе, ибо отъ поразряднаго налога онъ освобождаетъ тѣхъ, кто не можетъ работать, а отъ поземельнаго налога не хочетъ освободить тѣхъ, кому земля не можетъ служить капиталомъ. Въ строго-научномъ смыслѣ капиталомъ считается только то сбереженіе, которое служитъ къ произведенію новыхъ полезныхъ цѣнностей. Какъ орудіе производства, земля, конечно, капиталъ, но если она по своимъ свойствамъ и по экономическимъ условіямъ даннаго момента неспособна создавать полезныхъ цѣнностей, она перестаетъ быть и орудіемъ производства, и капиталомъ. Сибирская тайга можетъ быть переполнена листовыми и хвойными деревьями и вѣковыми кедрами, можетъ за-

ключать въ себѣ почву наивысшаго плодородія, но она все-таки мертвый, непродуцирующій капиталъ и обложить ее налогомъ все равно, что обложить налогомъ атмосферу и моря.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что московскій проектъ отнесся очень уклончиво къ экономической сущности поземельнаго обложения и обратилъ главное вниманіе на опредѣленіе основаній новаго податнаго механизма—отъ этого и слабость проекта и его противорѣчія. Мы не скажемъ, чтобы московской комиссіи не были совершенно ясны трудности задачи, которую она хотѣла разрешить. Излагая причины принятія раскладочной системы вмѣсто окладной, комиссія въ своемъ докладѣ говоритъ, „что въ настоящее время, мѣстныя учрежденія, по недостатку совершенно точныхъ критически-разработанныхъ свѣденій о количествѣ, цѣнности и доходности земли, не были-бы въ состояніи представить такой проектъ подесятиннаго обложения ея по мѣстностямъ и угодьямъ, который, какъ совершенно правильный, равномерный и для всѣхъ безобидный, могъ-бы быть закрѣпленъ надолго. Въ такомъ, относительно-новомъ и довольно-трудномъ дѣлѣ, ошибки неизбежны. Для постепеннаго ихъ исправленія, по мѣрѣ ихъ обнаруженія, система раскладочная представляетъ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ окладная, а самый составъ земскихъ собраній, общее ихъ направленіе и опытъ предшествовавшихъ годовъ могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что земство не погрѣшитъ излишнею податливостью на домогательства объ измѣненіи разъ принятыхъ цифръ обложения“. Далѣе въ томъ-же докладѣ комиссія замѣчаетъ, что бываютъ моменты такихъ неотложныхъ потребностей, когда не должны удерживать никакія трудности, никакія препятствія. Такой моментъ комиссія усматриваетъ въ необходимости введенія поразряднаго налога: „ни трудность введенія его въ дѣйствіе, говоритъ комиссія, ни неминуемые при этомъ на первыхъ порахъ промахи и ошибки, ни даже временное общественное неудовольствіе, тоже неразлучное съ каждымъ нововведеніемъ этого рода, не должны считаться поводами къ его устраненію“. Наконецъ въ томъ-же докладѣ говорится, „что 10 коп. съ десятины удобной земли на кругъ представляетъ высшій размѣръ обложения земель московской губерніи“ и что „предполагаемая 13-ой ст. проекта скидка 50% въ общей по всей имперіи сложности есть наименьшая разница въ

общемъ итогѣ новыхъ налоговъ, имѣющихъ часть на все крестьянское сословіе противъ общей суммы нынѣ слѣдующихъ съ него подушныхъ податей и сборовъ". Въ этихъ словахъ московской комиссіи заключается цѣлый рядъ противорѣчій. Комиссія допускаетъ такіе моменты, когда никакія трудности и препятствія не должны удерживать отъ послѣдовательности въ поведеніи. Если это общее основаніе, то нельзя понять, почему послѣдовательность должна быть въ введеніи поразряднаго налога и можетъ быть устранена въ системѣ поземельнаго обложенія. Или намъ говорить, что у насъ нѣтъ вполне разработанныхъ и оцѣненныхъ критикою данныхъ о цѣнности и доходности разныхъ земельныхъ угодій, но у насъ еще менѣе данныхъ для поразряднаго налога и тѣмъ не менѣе московская комиссія установила платежные признаки, начиная съ деревенскаго бобыля и кончая столичнымъ милліонеромъ. Или, не ругаясь за совершенную безобидность цифръ земельной оцѣнки, комиссія однако признаетъ ихъ удовлетворительную безошибочность и, указывая на составъ земскихъ собраній, ихъ направленіе и опытъ предшествовавшихъ годовъ, вполне увѣрена, что система раскладочнаго налога дастъ русскому земству возможность установить полную податную справедливость въ земскомъ обложеніи? Отчего-же этотъ опытъ земства годится только для будущаго, а не годится для настоящаго, отчего-бы губернскія земства не были въ состояніи сказать съ полной безошибочностію, выше какого максимума не можетъ идти поземельный налогъ, когда это сдѣлало московское земство, заявившее, что высшій предѣлъ земскаго обложенія для московской губерніи есть 10 к.? Установивъ эту цифру—конечно не гадательно, а на основаніи разчета о доходности—но только для одной московской губерніи, земская комиссія дѣлаетъ для остальной Россіи скидку въ 50%. Мы видѣли уже, что изъ этихъ скидываемыхъ 50% снова налагаются на крестьянъ въ видѣ поразряднаго налога 17 м.; даже допуская произвольное увеличеніе, получится никакъ не больше 25% всей скидки. По разчету, дѣлаемому кн. Васильчиковымъ, исключаящимъ земскіе и выкупные платежи, оказывается, что среднимъ числомъ на всю имперію (Европейскую и Азіатскую Россію) падаетъ казенныхъ платежей 66 в. на десятину. Скидывая даже половину (по точному разчету только 16 р. 50 в.), получаемъ поземельнаго налога 33 в.

Почему-же московская губернія оставляетъ для себя только по 10 в. на десятину, а остальнымъ губерніямъ предоставляетъ платить 33 в.? А если и всѣ земства будутъ, подобно московскому, ходатайствовать у правительства о такомъ-же сложеніи? Сложеніе составитъ уже не 50% (въ дѣйствительности по приведенному нами сейчасъ увеличенному расчету 25%), а 93%. Такая скидка уже совершенно измѣняетъ сущность расчетовъ московскаго проекта и снова приводитъ насъ къ тому заключенію, что математическія основанія, извлеченныя хотя-бы даже изъ приближенныхъ данныхъ о состояніи земледѣлія, его доходахъ и тяготахъ, достаточно уже извѣстныхъ русскому земству, дали-бы московскому проекту болѣе твердую точку опоры, чѣмъ та административная точка отправленія, которая привела московскую комиссію къ составленію проекта лишь податного механизма.

Московская комиссія признаетъ и сама недостатки своего проекта, — „она сама, говорится въ заключеніе, яснѣе чѣмъ кто-нибудь сознаетъ его недостатки и необходимость подвергнуть его дальнѣйшей разработкѣ“. Но это скромное отношеніе касается не основаній проекта, не его принциповъ, не его экономической сущности, а только тѣхъ частныхъ и подробностей податной администраціи, которыя служили предметомъ обсужденія. Мы-же смотримъ на проектъ съ той экономической точки зрѣнія, которая уже достаточно выяснилась изъ всего предыдущаго изложенія, и которую только одну считаемъ основной и вѣрной, ибо сущность вопроса не въ податномъ механизмѣ, а въ облегченіи народу податныхъ тягостей.

XIV.

Вопросъ объ окладномъ налогѣ на строенія вызвалъ въ московскомъ собраніи оживленныя пренія. Было высказано два главныя мнѣнія. Одни находили несправедливымъ привлекать къ налогу крестьянскія строенія, потому-что они не составляютъ предмета дохода, а служатъ необходимою принадлежностію осѣдлости и земледѣльческой промышленности. Налогъ на строенія считали тѣмъ болѣе несправедливымъ, что крестьяне будутъ платить и за

землю въ видѣ поземельнаго налога, и за каждаго работника, въ видѣ поразряднаго налога.

Противъ этого возражали, что если крестьянское строеніе составляетъ необходимую принадлежность земледѣльческой промышленности, то и для фабриканта, купца, адвоката строеніе не менѣе необходимо; а между-тѣмъ въ городахъ строенія облагаются налогомъ. Ввести налогъ на строенія заставляетъ необходимость, потому-что иначе не будетъ источниковъ достаточныхъ для полученія доходовъ въ размѣрахъ нынѣшняго полученія.

На это опять отвѣчали, что если недостаетъ источниковъ дохода, то зачѣмъ превращать въ такой источникъ крестьянскую избу, когда есть денежные вклады, процентныя бумаги и вообще движимыя капиталы. Капиталистъ безъ всякаго труда получаетъ чистый доходъ и ускользаетъ отъ всякаго обложенія. Сельскія строенія и нельзя сравнивать съ городскими, потому-что первыя не приносятъ никакого дохода, а вторыя его приносятъ. Облагать недвижимую собственность внѣ городовъ, во-первыхъ, какъ земли, и во-вторыхъ, какъ строенія, тогда-какъ въ городахъ недвижимая собственность, какъ земля, не облагается никакимъ налогомъ—несправедливо. Въ сущности недвижимая собственность, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, состоитъ изъ двухъ элементовъ. Вся разница въ томъ, что въ городѣ главный существенный элементъ недвижимой собственности—строеніе, которое одно приноситъ доходъ, а земля есть только необходимая принадлежность строенія. Въ уѣздѣ-же наоборотъ—главную доходную статью недвижимой собственности составляетъ земля, а строеніе есть придаточный бездоходный элементъ, но такое-же необходимое условіе эксплуатаціи недвижимой собственности въ уѣздѣ, какъ въ городѣ земля. Городское строеніе со всею принадлежащею къ нему землею облагается какъ одна единица—по доходу, и никакого особаго поземельнаго налога не существуетъ, въ сельскихъ-же мѣстностяхъ явится два обложенія.

Противъ замѣчанія будто-бы въ городахъ земля не облагается, было сдѣлано возраженіе, что доходность недвижимаго имущества въ городѣ обуславливается столько-же строеніемъ, сколько, и гораздо больше, мѣстоположеніемъ, а мѣстоположеніе есть ничто иное, какъ земля.

Нѣтъ, отвѣчали противники; земля и мѣстоположеніе не одно и то-же. Мѣстоположеніе есть не больше, какъ случайное нахожденіе имущества въ томъ или другомъ болѣе или менѣе выгодномъ мѣстѣ. При обложеніи недвижимаго имущества въ уѣздѣ мѣстоположеніе точно такъ-же принимается во вниманіе. Земля, лежащая въ невыгодной мѣстности, будетъ обложена слабѣе, чѣмъ лежащая въ мѣстности болѣе доходной. Слѣдовательно, вопросъ о мѣстоположеніи и вопросъ объ обложеніи земли независимо отъ строеній не имѣютъ ничего общаго.

Предсѣдатель пустилъ вопросъ на голоса и собраніе большинствомъ 43 голосовъ противъ 9 высказалось въ пользу обложенія сельскихъ построекъ.

Въ докладѣ комиссіи, составившей проектъ обложенія сельскихъ построекъ, говорится, что проектъ московской комиссіи существенно разнится отъ проекта подворнаго обложенія податной комиссіи. Московскій проектъ облагаетъ строеніе, какъ строеніе, податная-же комиссія облагала его какъ признакъ наличной рабочей силы. Изъ двухъ предложенныхъ системъ обложенія — пооконнаго и посаженнаго земская комиссія отдала предпочтеніе послѣдней. Комиссіей принято за основаніе — величина зданія, большая или меньшая выгодность мѣстоположенія и назначенія зданія, для жилья или для торговопромышленныхъ цѣлей. „При этомъ, говоритъ докладъ, одно обстоятельство, имѣющее рѣшительное значеніе въ опредѣленіи относительной стоимости зданій, именно матеріалъ, изъ котораго они выстроены, было конечно не упущено изъ виду, а устранено намѣренно. Предположивъ облагать безъ различія зданія каменные и деревянные, крытыя желѣзомъ или тесомъ и соломю, комиссія установила какъ-бы премию, въ видахъ поощренія къ возведенію построекъ менѣе подверженныхъ опасности отъ огня и въ надеждѣ, хоть насколько-нибудь сократить ежегодныя потери отъ пожаровъ“.

Чтобы разрѣшить вопросъ, возбудившій столько разнорѣчій, мы возьмемъ его въ простѣйшей его формѣ. Что такое поземельный налогъ? Поземельный налогъ есть подать съ дохода сельскохозяйственной промышленности. Доходъ этотъ складывается изъ доходовъ съ капитала основнаго и капитала оборотнаго. Разница между этими капиталами только въ срокахъ ихъ продолжительности дѣйствія. Тотъ капиталъ, который мы затратимъ ореню и

который погасится будущимъ лѣтомъ, будетъ капиталъ оборотный; тотъ-же, который мы употребимъ на орудія, машины, здания, будетъ капиталъ основной. Чтобы земледѣльческая промышленность могла существовать, необходимы оба вида капитала, ибо земледѣліе невозможно безъ скота, инструментовъ, орудій, помѣщеній для всякихъ видовъ рабочей силы, безъ ежегодныхъ затратъ оборотнаго капитала и безъ ежегоднаго возстановленія убыли капитала основнаго. Такъ-какъ доходы сельско-хозяйственной промышленности слагаются изъ множества взаимно-связанныхъ поступленийъ, то опредѣлить въ точности всѣ частныя виды поступленийъ совершенно невозможно. Можно-ли вычислить, напримѣръ, какой доходъ приноситъ собственно трудъ самого земледѣльца, какая доля въ доходѣ принадлежитъ рабочей силѣ скота, какая собственно лошадямъ, какая рогатому скоту, какая механическимъ орудіямъ производства. Въ сельско-хозяйственномъ механизмѣ, какъ въ часахъ, однѣ части механизма сильнѣе, другія слабѣе, однѣ производятъ большую работу, другія меньшую; но чтобы получить извѣстный результатъ, нужна общая работа всѣхъ частей, ибо иначе исчезаетъ услуга всего механизма. Если-бы въ сельскомъ хозяйствѣ можно было обойтись безъ скота—держать скотъ не было-бы необходимости; если-бы земледѣльческія орудія не страдали отъ атмосферическихъ вліяній—никто не сталъ-бы строить сараевъ и помѣщеній; если-бы самая главная рабочая сила—человѣкъ не нуждался въ жилищѣ помѣщеніи, онъ не строилъ-бы себѣ домовъ. Жилой деревенскій домъ есть не больше, какъ главный центръ, около котораго группируются всѣ остальные принадлежности земледѣлія и самъ по себѣ онъ не источникъ дохода, а напротивъ неизбѣжная затрата капитала, безъ которой невозможно сельское хозяйство. Слѣдовательно, если облагать налогомъ жилое помѣщеніе, то справедливость требуетъ облагать и всѣ хозяйственныя постройки, помѣщенія для скота и вообще всякое укрытіе, охраняющее рабочую силу, будетъ-ли она человѣкъ или животное. Въ этомъ случаѣ подворный налогъ является поправкой поземельнаго налога, усиливающей его въ соразмѣрности съ зажиточностью и лучшимъ хозяйствомъ земледѣльца. Подворный налогъ поэтому не можетъ составлять особаго вида налога, а долженъ быть только однимъ изъ дополнительныхъ призраковъ обложенія поземельнаго, онъ долженъ

играть такую-же роль въ оцѣнкѣ, какую играетъ хорошая земля предъ худой, строевой лѣсъ предъ дровянымъ, и всякая больше производящая сила предъ силой производящей менѣе.

Допустивъ подворное обложеніе, какъ одинъ изъ факторовъ поземельной оцѣнки, мы тѣмъ самымъ исключаемъ его какъ самостоятельный видъ налога, ибо въ поземельномъ налогѣ заключается уже часть того дохода, который обусловливается всѣми сельско-хозяйственными зданіями, не исключая никакихъ изъ нихъ, не исключая и дома земледѣльца; слѣдовательно облагать этотъ домъ или другія помѣщенія еще новымъ налогомъ значитъ полученную часть налога взять еще разъ.

Въ защиту подворнаго обложенія на московскомъ собраніи приводится примѣръ двухъ участковъ однокачественной земли, каждый въ 12 десятинъ, но на одномъ изба двухъ-этажная, просторная, на другомъ маленькая, въ два окна, крытая соломою. Рядомъ съ этимъ два участка сельско-хозяйственныхъ съ покосами, пахатной землей и т. д., а далѣе маленькая крестьянская усадьба, при которой есть маленькій огородецъ. „Коль скоро, говорилось въ собраніи, строенія мы не облагаемъ, мы лишаемся возможности обложить въ высшемъ размѣрѣ того крестьянина, состоятельность котораго ясно обнаруживается въ томъ, что у него или двѣ избы, или одна въ два этажа, или промышленное производство, а между-тѣмъ земли, которая подлежитъ обложенію, у него столько-же, или даже менѣе, чѣмъ у сосѣда болѣе бѣднаго. Такимъ образомъ бѣдный будетъ платить больше богатаго“.

Этотъ примѣръ не говоритъ ровно ничего въ защиту подворнаго обложенія, а только переставляетъ вопросъ на другое мѣсто. Изъ московскаго проекта поземельнаго обложенія видно, что сумма поземельнаго налога должна подлежать разверсткѣ. Разверсточную систему комиссія не только признаетъ много справедливѣе обкладной, но и представляетъ еще доказательство той уравнительной разверстки, которую производятъ сами крестьяне внутри своихъ обществъ. На московскія земли комиссія не считаетъ возможнымъ наложить болѣе 10 к. на десятину *на-кругъ*. Ясно, что комиссія признаетъ принципъ поземельной оцѣнки по угодьямъ и по качеству почвы и вообще по доходу отъ земледѣлія. А если этотъ принципъ допущенъ и вводится въ практику, то

почему-же богатый земледѣлецъ, живущій въ двухъ-этажномъ домѣ, держащій хорошій скоть и въ большомъ количествѣ, будетъ послѣ уравнительной разверстки, — которую признаетъ сама комиссія, — платить столько-же, сколько платитъ и бѣдный? Если этотъ домъ есть фабричное заведеніе, то онъ долженъ быть обложенъ, какъ фабричное заведеніе, т. е. за его фабричный доходъ, а не за то, что онъ называется фабрикой; если онъ воздвигся вслѣдствіе того, что хозяинъ пускаетъ въ мірской оборотъ деньги и вообще эксплуатируетъ своихъ односельцевъ, то возстановить равновѣсіе долженъ поразрядный налогъ; но гдѣ-же тутъ мѣсто подворному налогу, и изъ какого логическаго основанія онъ можетъ явиться? Какъ поправка, онъ одинъ изъ элементовъ земледѣльческой оцѣнки; но какъ нѣчто независимое и самостоятельное — ему нѣтъ мѣста. Приведенный примѣръ уравнивающей справедливости подворнаго налога имѣетъ, по своей неясности и противорѣчію съ общимъ духомъ московскаго проекта, таковой видъ, какъ-будто московская комиссія предполагаетъ, однообразную подесятинную подать и однообразный сословный поразрядный налогъ. Если каждый крестьянинъ долженъ платить и за каждую десятину, и за свое лицо столько-же, сколько платитъ другой крестьянинъ, то очевидно, что для уравниванія тягостей нужно придумать какую-нибудь мѣру и подворный налогъ пожалуй для этого годится. Но въ такомъ случаѣ мы переносимся во времена поголовной подати и первой ревизіи. Московскій-же проектъ, кажется, стремится въ противоположную сторону.

Отсутствіе экономическаго основанія, приведшее къ подворному обложенію, вызвало въ проектѣ и другую ошибку. Проектъ предполагаетъ взимать подворный налогъ независимо отъ качества и свойства матеріала, изъ котораго домъ выстроенъ. Въ докладѣ комиссіи объясняется, что это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы поощрять крестьянъ къ возведенію построекъ, менѣе подверженныхъ опасности отъ огня и въ надеждѣ хотя сколько-нибудь сократить ежегодныя потери отъ пожаровъ. Это опять принципъ не экономическій, а административно-юридическій.

Экономическое основаніе велитъ освобождать извѣстную часть дохода, если она имѣетъ страховое или производительное назначеніе. Лишая хозяйство этого условія, лишаютъ его и возмож-

ности дальнѣйшаго развитія. Если на двухъ земельныхъ участкахъ стоятъ два дома одинаковаго достоинства и одной цѣны, но домъ владѣльца А выстроенъ на собственные деньги, а домъ владѣльца Б наполовину въ кредитъ, то нельзя облагать ихъ одинаковымъ налогомъ, потому-что иначе Б заплатитъ двойные проценты на занятый имъ капиталъ; а если въ странѣ существуютъ еще и налоги на движимые капиталы, то за капиталъ, находящійся въ его домѣ, Б, заплатитъ еще и третій разъ. Здѣсь премія дается богатому въ ущербъ бѣдному и такимъ-же несправедливымъ экономическимъ приемомъ московскій проектъ думаетъ уменьшить русскіе пожары.

Тамъ, гдѣ существуетъ налогъ на дома и гдѣ принято облагать только свободный доходъ, признается несвободной частью, подлежащей обложенію та сумма, какая необходима на уплату страховой преміи. Московскій-же проектъ на всѣ дома съ соломенными крышами налагаетъ такую подать, чтобы хозяевамъ не оставалось чѣмъ платить за страхованіе, и называетъ это мѣрой противъ пожаровъ. Если крестьянинъ и безъ подворнаго налога былъ не въ состояніи устраивать желѣзные крыши и строить каменные дома, какимъ чудомъ явится эта возможность при намѣренно высокомъ обложеніи? Иначе сказать, чтобы заставить бѣднаго крестьянина строить себѣ каменный домъ, московскій проектъ предлагаетъ лишить его средствъ для постройки даже деревяннаго.

То-же отсутствіе экономическаго воззрѣнія привело сторонниковъ подворнаго обложенія къ преніямъ о значеніи мѣстоположенія. Такъ-какъ подъ именемъ мѣстоположенія разумѣлась, конечно, не эстетическая красота мѣста и не географическое или топографическое его положеніе, то, очевидно, что пренія сводились къ вопросу о рентѣ, хотя это слово не было произнесено ни той, ни другой стороной. Московскій проектъ, устранившись отъ всякихъ экономическихъ опредѣленій разиѣра производительныхъ русскихъ силъ и сведя весь вопросъ лишь къ одной комбинаціи раскладки, имѣлъ полное право игнорировать экономическую теорію, а съ нею и такой запутанный вопросъ, какъ рента и степень ея участія въ налогѣ. Но въ то-же время московскій проектъ, вводя въ основаніе оцѣнки опредѣленіе условій, вліяющихъ на возвышеніе цѣнности и доходности земли,

ренту, очевидно, не обходилъ. Рента, какъ извѣстно, есть увеличеніе дохода, независящее отъ труда владѣльца. И въ этомъ смыслѣ противники подворнаго обложенія совершенно правы, когда они утверждали, что въ сельскихъ мѣстностяхъ будутъ два налога—на землю и дома, а въ городахъ только одинъ налогъ—на дома. Разъясимъ этотъ вопросъ примѣромъ.

Крестьяне деревни N, владѣя землей, доставшейся имъ отъ отцовъ и дѣдовъ, цѣлымъ рядомъ поколѣній улучшали свое земледѣліе и влагали въ землю капиталъ. Размѣръ улучшеній могъ быть очень слабъ и капиталы не велики, вопросъ отъ этого не измѣняется. Въ то-же время втеченіе жизни того-же ряда поколѣній нарастаніе окружного населенія и измѣненіе социальныхъ и экономическихъ условій создали для мѣстности, занятой крестьянами деревни N, такія новыя выгодныя условія, что доходъ отъ земледѣлія увеличился противъ первоначальнаго на величину p . Есть-ли возможность въ этой величинѣ p опредѣлить часть, зависѣвшую отъ капитала улучшеній и ту, которая явилась какъ рента, помимо труда земледѣльцевъ, а благодаря лишь тому, что рядомъ выстроилась столица? Этой величины никакими средствами опредѣлить нельзя. Поэтому поземельный налогъ, падающій на доходъ съ земледѣлія и соображаемый съ выгодностью мѣстоположенія, въ поглощаемой имъ части земледѣльческаго дохода, заключаетъ и часть ренты и часть, принадлежащую исключительно труду и капиталу земледѣльца.

При обложеніи городскихъ домовъ, вопросъ является въ иномъ видѣ. На городской землѣ не пахали и не сѣяли ни отцы, ни дѣды теперешнихъ домовладѣльцевъ; они не влагали въ нее ни труда, ни капитала; если и производились какія-нибудь улучшенія, то они совершенно ничтожны съ улучшеніями земледѣлія и тѣмъ трудомъ цѣлаго ряда поколѣній, который вызывалъ и создавалъ производительность сельской земли. Дѣлая сравненіе по площади, мы найдемъ, что у деревни въ 100 дворовъ земли въ десять разъ больше, чѣмъ у города со 100,000-ми жителей подъ городскими постройками. Слѣдовательно, о капиталѣ и трудѣ, вложенномъ въ землю, говорить по отношенію городскихъ жителей нельзя. Городской капиталистъ влагаетъ свой капиталъ не въ землю, онъ пользуется не ея производительными силами; онъ пользуется землей исключительно, какъ мѣстомъ; помещаетъ свой

капиталь въ постройку и затѣмъ получаетъ доходъ съ этого капитала и ренту съ земли. Самъ по себѣ капиталъ, вложенный въ дома, даетъ очень небольшіе проценты, но за то тѣмъ большую прибыль даетъ рента. Предположите, на Невскомъ проспектѣ или на Кузнецкомъ мосту небольшой деревянный домъ и пусть этотъ домъ сгоритъ до тла — владѣлецъ, продавъ землю, можетъ получить въ десять разъ больше, чѣмъ стоитъ его домъ. Такъ-какъ рента, возвышающая въ такой значительной степени цѣну земли и доходы съ домовъ, есть доходъ совершенно независимый отъ труда собственника, то обложеніе ея высокимъ налогомъ является справедливымъ правомъ государства; это не покушеніе на собственность, а простое уравненіе государственныхъ тягостей между производительнымъ трудомъ и между доходностью, достигающею безъ труда. Слѣдовательно, совершенно очевидно, что сельско-хозяйственная недвижимая собственность облагается, какъ трудъ, капиталъ и рента; а городская — только какъ капиталъ и рента. А такъ-какъ капиталъ, вложенный въ сельско-хозяйственныя постройки, не есть самостоятельный агентъ производства, а не больше, какъ часть капитала, влагаемаго въ землю; капиталъ-же, вложенный въ городскія постройки, есть, напротивъ, агентъ самостоятельный, то ясно, что облагая въ деревняхъ налогомъ землю и дома, мы налагаемъ на сельскихъ обитателей два налога, а на городскихъ только одинъ.

Во время преній о подворномъ обложеніи, было объяснено, что безъ подворнаго обложенія окажется невозможнымъ изыскать новые источники для извлеченія получаемыхъ до сихъ поръ доходовъ, и что несмотря на налогъ на земли, на рабочія силы и на постройки, народъ будетъ платить все-таки вдвое менѣе. Но, во-первыхъ, этихъ „вдвое менѣе“ въ дѣйствительности не оказывается, а во-вторыхъ, сущность податнаго вопроса для московскаго земства, по собственному его заявленію, заключалась въ восстановленіи податной справедливости. Слѣдовательно, одно изъ двухъ—или не зачѣмъ возбуждать вопроса о податной справедливости, а просто дѣлать раскладки и расчеты, или-же, ставъ на точку требованій справедливости, не возражать противникамъ подворнаго обложенія такимъ ненаучнымъ аргументомъ, что, несмотря на три вновь проектированныхъ налога, сельскоз населеніе все-таки будетъ платить вполнину менѣе. Вопросъ

заключается не въ томъ, меньше-ли, и на сколько именно, будетъ платить народъ, а въ томъ, заключается-ли справедливость и уравнительность въ введеніи подворнаго налога?

И справедливость въ обложеніи богатыхъ и бѣдныхъ, какъ было объяснено противникамъ подворнаго налога примѣромъ двухъ избъ, дѣйствительно не достигается. Московскій проектъ предполагаетъ облагать строенія по числу квадратныхъ саженей занимаемой ими горизонтальной площади, и каждый этажъ облагать отдѣльно, считая за этажъ свѣтелки, антресоли, мезонины и подвалы. Что-же явится при системѣ подобнаго возстановленія равновѣсія между бѣдными и богатыми? Стоять рядомъ двѣ избы, обѣ въ 25 квадр. саж. горизонтальной площади; обѣ изъ одного матеріала; но одна на каменномъ фундаментѣ, изъ отличнаго лѣса, расписанная и украшенная рѣзьбой, богатая и внутренней отдѣлкой, однимъ словомъ, изба деревенскаго богача, стоящая рублей 500; другая-же, безъ фундамента, сильно уже потергѣвшая отъ времени и стоящая не болѣе 200 руб. Обѣ избы, предполагая 15-ти-копеечное обложеніе за сажень, заплатятъ по 3 р. 75 к., т. е. первая — 0,75%, а вторая — 1,87%. Или — раздвигаемъ тотъ-же примѣръ дальше. Бѣдный, подъ своимъ худымъ домомъ, чисто изъ экономіи въ постройкѣ, имѣетъ подвалъ въ три вѣнца съ двумя четырехъугольными отверстіями для свѣта и воздуха, какъ это и дѣлается въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Въ этомъ подвалѣ владѣлецъ худого дома держитъ разный домашній скарбъ, а зимой овецъ, телятъ и свиней. Богатый-же крестьянинъ для домашняго скарба сооружаетъ особый амбаръ, а для свиней, овецъ и телятъ отдѣльное теплое помѣщеніе. Такъ-какъ по московскому проекту облагаются налогомъ только жилища теплыя помѣщенія, то домъ съ подваломъ бѣднаго крестьянина заплатитъ за два этажа или 7 р. 50 к., а домъ зажиточнаго только 3 р. 75 к. и разница въ процентахъ составитъ 0,75% и 3,74% съ капитала постройки. Конечно, существующіе уже деревенскіе дома должны будутъ подвергнуться этому новому, возложенному на нихъ московскимъ проектомъ, игу; но характеръ будущихъ построекъ непременно измѣнится. Въ Англіи налогъ на окна и на двери привелъ къ тому, что стали уменьшать въ домахъ число оконъ и дверей и такимъ образомъ тягость налога сбрасывалась на счетъ лишенія себя свѣта

и воздуха. Московскій проектъ, предполагая посаженное обложение, — приведетъ къ уничтоженію подваловъ, къ возможному сокращенію квадратной площади зданій, къ замѣнѣ избъ съ просторными комнатами системой внутреннихъ перегородокъ, однимъ словомъ, къ тѣснотѣ и къ тому-же лишенію свѣта и воздуха. Такимъ образомъ подворный налогъ не только не возстановляетъ податной справедливости, а напротивъ, прибавляетъ еще новую несправедливость — экономическую, социальную и гигиеническую.

ХУ.

Поразрядный налогъ, проектируемый московской земскою комиссіей, есть для Россіи совершенно новый видъ податного обложения, представляющій легкою видоизмѣненіе прусской классной подати: типъ общій, видоизмѣненіе касается лишь границъ разрядовъ и признаковъ, которые для русскихъ, конечно, не могутъ быть такими, какъ для пруссаковъ.

Предлагая поразрядный налогъ, земская комиссія предвидитъ затрудненія, которыя ожидаютъ его введеніе, и потому замѣчаетъ, что если трудности и есть, „то онѣ могутъ быть побѣждены и должно одолѣть ихъ, ибо иначе мы никогда не раздѣляемся съ фикціями и не увидимъ правды въ системѣ нашихъ прямыхъ налоговъ“.

Далѣе комиссія говоритъ, что въ Россіи, при совершенной новостности этого дѣла, при низшемъ вообще уровнѣ развитія и меньшей благонадежности состава мѣстнаго уѣзнаго чиновничества, невозможно казеннымъ агентамъ предоставить ту долю свободы, какая имъ предоставлена въ Пруссіи. Поэтому, при установленіи признаковъ каждаго разряда, необходимо ограничиться признаками исключительно внѣшними, точно опредѣленными, отъ произвола вовсе независящими и неоставляющими мѣста для сомнѣнія. „Такое направленіе, объясняетъ докладъ, можетъ, конечно, привести къ нѣскольکو меньшей уравнительности въ обложеніи, но оно, взамѣнъ того, доставляетъ всей системѣ несомнѣнную выгоду гораздо большей простоты въ приемахъ и практической удобопримѣнимости“.

Впрочемъ, комиссія не скрываетъ той неравномѣрности проектируемаго ею обложенія, которою отличается проектъ вообще. Высшіе и средніе классы окажутся обложенными сравнительно легче, чѣмъ низшіе. „Такъ въ московской губерніи, по словамъ доклада, крестьянинъ-собственникъ, владѣющій двумя душевыми надѣлами изъ бывшихъ помѣщичьихъ земель, попадетъ во второй разрядъ и будетъ уплачивать поразряднаго налога полтора рубля, т. е. болѣе 20 к. съ десятины своей надѣльной земли, тогда-какъ богатый землевладѣлецъ той-же губерніи, причисленный по признаку землевладѣнія къ 9 разряду и имѣющій до 40,000 десятинъ, будетъ уплачивать того-же поразряднаго налога лишь 1½ к. съ десятины“.

„Но, объясняетъ комиссія, не слѣдуетъ вообще упускать изъ виду, что установленіе полной и безусловной уравнительности прямого обложенія не составляетъ задачи ни поразрядной податной системы вообще въ первоначальномъ ея видѣ, ни въ особенности того финансоваго преобразованія, для котораго нынѣ впервые готовится почва. Мѣры, нынѣ предлагаемыя комиссіей, не имѣютъ и не могутъ имѣть въ виду окончательнаго разрѣшенія многотрудной задачи уравниенія налоговъ въ Россіи. Задача ея ограничивается болѣе скромными размѣрами. Устраненіе фиктивной податной единицы — ревизской души, замѣна ея лицомъ взрослога работника; соразмѣреніе налога, если не съ строго исчисленнымъ имуществомъ и доходомъ плательщика, то, по крайней мѣрѣ, съ существеннѣйшими, наглядными признаками сего быта и его достатковъ; привлеченіе къ податному обложенію не только всѣхъ видовъ труда и недвижимаго имущества, но въ извѣстной мѣрѣ и капитала, при помощи удобопредѣлимаго признака — цѣнности квартирнаго помѣщенія; наконецъ, возможность устраненія круговой поруки и взиманія прямого налога не по одному лишь мѣсту приписки, но и по мѣсту дѣйствительнаго жительства и заработковъ плательщика; — таковы немаловажныя выгоды принятой комиссіей новой формы обложенія, дальнѣйшее усовершенствованіе коей будетъ вполне зависѣть отъ инициативы правительства“.

Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе основаній, приводимыхъ московской земской комиссіей, нужно начать съ уясненія прусской классной системы.

Классная подать введена въ Пруссіи въ 1820 году для ликвидаціи долговыхъ обязательствъ, накопившихся во время французскихъ войнъ. Въ видѣ дополненія къ классной подати былъ установленъ въ то-же время налогъ въ городахъ на муку и на мясо. Въ селеніяхъ взималась только классная подать, а въ городахъ, гдѣ предполагалось населеніе болѣе зажиточное, вмѣстѣ съ классной податью и налогъ на мясо и муку. Все населеніе раздѣлялось по внѣшнимъ признакамъ жизни и положенія на 4 класса и каждый классъ на 3 разряда, такъ-что всего было принято 12 разрядовъ. Первый разрядъ, къ которому принадлежали бездомные бобыли, поденщики, рабочіе, прислуга, платилъ 12 зильбергрошей въ годъ съ лица, а высшій разрядъ 144 талера въ годъ съ лица.

Дѣленіе населенія на классы исходило изъ того духа сословности, который и до сихъ поръ еще очень силенъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи и Саксоніи. Составителямъ класснаго дѣленія казалось, что границы между людьми установлены самой природой, что родъ занятій и образованіе сами собой заставляютъ гражданское общество распадаться на классы и состоянія, что чувство достоинства и личной самостоятельности указываютъ каждому особое мѣсто и никакія преслѣдованія, ни даже гильотина не могли-бы принудить, чтобы два гражданина помѣстились въ одной каретѣ — одинъ внутри, другой на запяткахъ или на козлахъ. Въ моменты энтузіазма еще возможно смѣшеніе лицъ, но когда увлеченіе проходитъ, каждый стремится найти свое мѣсто и занимаетъ его. Что въ Германіи рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь устанавливается и обнаруживается подобное сословное дѣленіе и общество распадается само собой на 4 класса — патриціевъ, крупныхъ бюргеровъ, мелкихъ бюргеровъ и крестьянъ. Что если вникать глубже въ смыслъ этого соціальнаго распадёнія, его можно усмотрѣть даже въ сельскихъ мѣстностяхъ; въ деревняхъ землевладѣлецъ, прилагающій къ своему хозяйству лишь высшія способности, существенно отличается и по внѣшности, и по образу и тону жизни отъ крестьянина, обрабатывающаго землю своими собственными руками. Что куда ни посмотри, вездѣ замѣтна черта, раздѣляющая людей на классы — капиталисты, землевладѣльцы, фабриканты, купцы, ученые, высшіе чиновники, художники, ремесленники, лавочники, низшіе чиновники, харчевники и трактирщики,

прислуга, рабочіе и бобыли — вотъ эти естественныя дѣленія, которыми объясняется установленіе 4-хъ классовъ и 12-ти разрядовъ, принятыхъ для класснаго налога. Если не этими, то почти этими словами директоръ статистическаго бюро въ Берлинѣ, Гофманъ, доказывалъ прочность и неоспоримость основаній класснаго налога.

Но уже очень скоро обнаружилось, что сословныя основанія не заключаютъ въ себѣ той экономической содержимости, которая одна составляетъ душу всякаго податнаго обложенія. Оказалось, что налогъ на мясо и муку падаетъ не на однихъ городскихъ жителей, но и на то смежное сельское населеніе, которое закупаетъ ихъ въ городахъ, и такимъ образомъ на нѣкоторую часть земледѣльцевъ падаетъ двойной налогъ; далѣе обнаружилось, что расходы, оцѣнки, раскладки и взиманія классной подати съ низшаго класса (по 12 зильбергр. съ лица) обходятся дороже, чѣмъ вся взыскиваемая съ этого класса подать; наконецъ сдѣлалось очевидно всѣмъ, даже и патриціямъ, что богатые платятъ несоразмѣрно мало, а бѣдные — несоразмѣрно много.

Несмотря на то, что объ недостаткахъ класснаго обложенія заговорили очень скоро, Пруссія 30 лѣтъ переносила несправедливости класснаго налога. Только въ 1851 г. явилась поправка и новымъ закономъ для низшихъ трехъ классовъ оставлена классная подать, а для остальныхъ городскихъ и сельскихъ жителей, получающихъ болѣе 1,000 талеровъ дохода, установленъ подоходный классный налогъ. Первые три класса дѣлятся на 12 разрядовъ и самый низшій разрядъ платитъ въ годъ $\frac{1}{2}$ талера съ лица, а самый высшій 24 талера; бывшій-же четвертый классъ раздѣленъ на 30 разрядовъ и по низшему разряду окладъ составляетъ 30 талеровъ (съ дохода отъ 1,000 до 1,200 т.), а по высшему 7,200 талеровъ (съ дохода въ 240,000 тал. и больше). Такимъ образомъ прусскій классный налогъ по своему происхожденію есть сословное учрежденіе; что-же касается его экономического содержанія, то классная система въ своихъ первыхъ трехъ классахъ есть собственно поголовный налогъ, а въ послѣднемъ неуравнительный, а потому несправедливый подоходный налогъ.

Прусская классная система не признаетъ никакого податнаго

исключеніи и, считая нарушеніемъ податной справедливости освобожденіе кого-бы-то ни было отъ налога, заставляетъ платить и самого бѣднѣйшаго бобыля, и милліонера-капиталиста. Но нужно отдать справедливость прусскому безпристрастію: классная система, погрѣшающая собственно тѣмъ, что она система классная, не мирволитъ богатымъ въ ущербъ бѣднымъ. Если бобыль или поденщикъ изъ своего скуднаго заработка въ 100 до 150 талеровъ выплачиваетъ отъ 0,3% до 0,5%, если съ ближайшихъ слѣдующихъ классовъ берется отъ 2,5% до 2,7%, за то и лица, подлежащія классной подоходной подати, платятъ тоже до 3%. Несправедливость заключается собственно въ тѣхъ рамкахъ обложенія, которыя приняты для установленія границъ классовъ. Такъ для первыхъ классовъ крайніе предѣлы составляютъ 200 талеровъ, съ 6-го класса 400 талеровъ, въ 10-мъ 800 т., въ 12-мъ 1,200 т., въ 16-мъ 4,000 т., въ 20-мъ 12,000 т., въ 29-мъ 40,000 т.

Если для первыхъ классовъ необходимость установленія границъ можетъ быть еще оправдана трудностью механизма оцѣнки, ибо къ первому классу причислено больше 14,000 плательщиковъ, то едва-ли то-же оправданіе примѣнимо къ послѣдующимъ классамъ, ибо къ 16 до 30 классамъ приписано всего 258 человѣкъ, а начиная съ 22 класса приходится на каждый отъ 1 до 5 лицъ. Очевидно, что здѣсь въ классахъ нѣтъ никакой необходимости и опредѣленіе доходовъ могло-бы быть производимо для каждаго плательщика въ отдѣльности. Допуская въ высшихъ платежныхъ пумерахъ классную систему, финансовое управленіе Пруссіи разоблачаетъ свою непослѣдовательность. Классная система принята въ Пруссіи собственно для упрощенія оцѣночной процедуры. Но оказывается-ли однако это упрощеніе въ дѣйствительности? Едва-ли. Къ 1-му классу, напр., причислено 14,000 плательщиковъ, ко 2-му больше 7,000, а къ 3-му почти 5,000. Границами классовъ приняты 200 руб., а именно: 1-й классъ—доходъ отъ 1,000 до 1,200 талер., налогъ 30 т.; 2-й классъ — доходъ отъ 1,200 до 1,400 тал., налогъ 36 т. и 3-й классъ — доходъ отъ 1,400 до 1,600 т., налогъ 42 талера. Такимъ образомъ, для опредѣленія принадлежности плательщиковъ къ первымъ тремъ классамъ нужно считать доходъ 26 тысячъ лицъ. Но чтобы рѣшить, принадлежитъ-ли извѣстный

плательщикъ къ 1 или къ 2 или къ 3 классу, нужно узнать, насколько его доходъ больше или меньше тѣхъ 200 талеровъ, которыми проводится пограничная черта, нужно опредѣлить не одиѣ границы, а и величины внутри границъ. Плательщикъ 1-го класса можетъ имѣть 1,000, 1,100, 1,150, 1,175 талеровъ дохода. Всѣ эти величины нужно высчитать, и если окажется, что плательщикъ располагаетъ доходомъ въ 1,250 талеровъ, онъ включается во второй разрядъ. Вычисленіе должно быть непременно достаточно точное, ибо на неправильное внесеніе въ классъ можетъ послѣдовать жалоба. Въ чемъ-же тутъ облегченіе? Трудъ оцѣночныхъ комиссій не облегчается нисколько; упрощены только счета финансоваго вѣдомства. Конечно, небольшая разница въ платежахъ уменьшаетъ значительно вѣроятность жалобъ, ибо кто можетъ заплатить легко 30 талеровъ, не захочетъ подвергать себя непріятностямъ второй оцѣнки и заплатить 36 р., лишь-бы устранить отъ хлопотъ. Но въ высшихъ классахъ это не такъ и несправедливость классной системы становится очевиднѣе. Нѣпримѣръ границу 20 класса составляютъ 40 — 52 тысячи дохода, разница на 12,000 талеровъ, налогъ-же для всѣхъ степеней класса 1,200 талеровъ. Этотъ налогъ составляетъ ровно 3% съ 40 т. и если-бы тѣ-же 3% падали и на плательщика, имѣющаго 52 т. дохода, съ него-бы пришлось 1,560 т.,—очевидно, что онъ выигрываетъ 360 тал. противъ своего собрата изъ того-же класса, а государство эти 360 тал. теряетъ. Въ 29 классѣ,—въ которомъ, правда, всего одинъ плательщикъ,—эта разница составляетъ 1,200 талеровъ. Поэтому классная система, особенно въ подоходномъ обложеніи, представляетъ больше кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя выгоды: мнимое облегченіе податного механизма, въ ущербъ податной справедливости, въ убытокъ государству и къ выгодамъ лишь болѣе богатыхъ. Спрашивается: точно-ли податной механизмъ облегчается, а если онъ и облегчается, окунается-ли эта единственная выгода тремя стоящими противъ нея невыгодами? Опытъ Англіи дѣйствительно указываетъ, что вычисленіе дохода каждаго отдѣльнаго лица и каждаго отдѣльнаго имущества никогда не достигаетъ безусловной точности. Но зачѣмъ гнаться за безусловной точностью, когда совершенно достаточно точность возможная. Пруссія, имѣя передъ глазами англійскій опытъ съ income-tax, думала классной

системой достигнуть лучшихъ результатовъ—и достигла худшихъ.

Почему-же Пруссія, не смотря на очевидные всѣмъ недостатки класснаго поголовнаго налога 1820 г., терпѣла его тридцать одинъ годъ и затѣмъ одну несовершенную систему замѣнила другой, недостатки которой тоже всѣмъ очевидны? Причину этого нужно искать въ теоріи той преувеличенной осторожности, въ той теоріи постепенности, которую стараются замаскировать свое своекорыстное сословное поведеніе вліятельные классы прусскаго общества, останавливавшіеся поэтому всегда на компромиссахъ, ближайшихъ къ ихъ интересамъ.

Московская комиссія предполагаетъ десять разрядовъ податнаго обложенія, устанавливая для низшаго разряда 1 р. въ годъ, для высшаго 1,200 рублей. Это дѣленіе и размѣръ обложенія комиссія мотивируетъ тѣмъ, что ей надлежало, съ одной стороны, противоудѣйствовать невольному искушенію—принять дѣленіе слишкомъ дробное; съ другой—не упустить изъ виду необходимости, въ цѣляхъ финансовыхъ, нѣсколько сильнѣйшаго, чѣмъ въ прусскомъ законѣ 1820 года, обложенія высшихъ разрядовъ, въ составъ которыхъ, кромѣ землевладѣльцевъ, входятъ еще и крупные капиталисты, ускользящіе отъ другихъ формъ обложенія. Если сравнивать размѣръ обложенія московскаго проекта съ прусскимъ обложеніемъ 1820 года, то оказывается, что низшій разрядъ платежа увеличенъ нашей земскою комиссіей вдвое противъ прусскаго, а высшій въ десять разъ, увеличеніе, очевидно, въ пользу неимущихъ. Если-же сравнивать московское обложеніе съ прусскимъ обложеніемъ 1851 года, то оказывается, что отношеніе низшаго разряда остается то-же, но въ высшихъ является уже значительная разниа. Для среднихъ и высшихъ сословій комиссія признала невозможнымъ проектировать на первый разъ болѣе шести разрядовъ и въ такой постепенности:

р у б л и:

10 30 100 300 600 1,200.

Въ Пруссіи, для тѣхъ-же сословій, принято 30 разрядовъ въ слѣдующей постепенности:

т а л е р ы:

30, 36, 42, 48, 60, 72, 84, 96, 108, 120, 144, 180,
216, 288, 360, 480, 600, 720, 960, 1,200, 1560,

1,920, 2,400, 3,000, 3,600, 4,200, 4,800, 5,400, 6,000, 7,200.

т. е. границы рамокъ, устанавливаемыхъ московскою комиссіею, въ пять разъ шире, а порозрядный платежъ высшаго класса въ шесть разъ меньше, чѣмъ въ Пруссіи. Сравненіе въ частномъ только подтверждаетъ этотъ общій выводъ.

Въ первый разрядъ московская комиссія включаетъ или включаетъ недвижныхъ людей, существованіе которыхъ не обезпечено никакой недвижной собственностью—крестьянъ-бобылей, или такихъ-же бобылей изъ мѣщанъ и ремесленниковъ или, наконецъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, владеющихъ недвижной собственностью въ 25 руб., если они при этомъ не берутъ ни торговыхъ, ни промышленныхъ свидѣтельствъ, ни билетовъ, ни патентовъ. Этотъ низшій классъ въ Пруссіи платитъ 15 зильберг. или 45 коп., и притомъ въ каждой семьѣ не можетъ подлежать обложенію больше двухъ душъ. Московская комиссія облагаетъ такихъ лицъ 1 руб. и къ платежу привлекаетъ не больше трехъ лицъ. Значитъ, семейство прусскаго бобыля не можетъ быть привлечено къ платежу выше 90 к., а русскій бобыль заплатить 3 руб.

Собственно земледѣльцы распределены между послѣдующими тремя разрядами. Ко второму разряду, платящему 1½ рубля, причислены крестьяне, получившіе надѣлы изъ помѣщичьихъ земель; къ третьему, съ платежемъ 2 руб.,—крестьяне, получившіе надѣлы изъ казенныхъ земель, и къ четвертому, съ платежемъ 3 руб. съ лица, — поселенные на казенныхъ или собственныхъ земляхъ колонисты.

Въ этомъ дѣленіи замѣчается прежде всего сословный элементъ. Московскій проектъ имѣетъ дѣло не вообще съ сельско-хозяйственными производителями, а съ крестьянами, подраздѣляя ихъ по признакамъ владѣнія. Если освобожденіе крестьянъ дало имъ гражданскія права, если равенство въ отбываніи рекрутской повинности и привлеченіе всѣхъ сословій къ платежу податей уничтожаетъ послѣднія различія политическаго и юридическаго неравноправія, то, конечно, должны исчезнуть и названія, указывающія на это уже несуществующее различіе. Здѣсь система порозряднаго налога впадаетъ, да и должна впасть, въ противорѣчіе сама съ собой. По своему происхожденію пораз-

рядная или классная подать есть институтъ сословный; она явилась въ Пруссіи, когда еще тамъ существовало мѣстами крѣпостное право, были еще крѣпки сословные предразсудки и общество распадалось на крестьянъ, мелкихъ бюргеровъ, крупныхъ бюргеровъ и патриціевъ. Такое различіе и послужило основаніемъ для установленія основныхъ четырехъ классовъ плательщиковъ. Но когда юридическія и политическія различія исчезаютъ изъ учрежденій страны, сословные признаки уже никакъ не могутъ служить мѣриломъ податныхъ силъ и остаются одни только экономическіе признаки. Здѣсь два противоположныя основанія взаимно исключаютъ другъ друга. Экономическое различіе, взятое за основаніе въ обществѣ, бытъ и учрежденія котораго построены на сословномъ началѣ, поведетъ къ замѣшательствамъ въ сословныхъ отношеніяхъ; а сословное различіе, взятое за основаніе въ обществѣ, уже освободившемся отъ сословныхъ границъ, приведетъ къ замѣшательствамъ экономическимъ. Именно это-то столкновение противорѣчій и заключается въ московскомъ проектѣ, стремившемся уравновѣсить требованія сословности съ требованіями экономической равноправности.

По общему распредѣленію земель между крестьянами оказывается, что *средній* душевой надѣлъ составляетъ:

У крестьянъ, надѣленныхъ изъ помѣщичьихъ земель — $3\frac{1}{2}$ десятины;

у крестьянъ дворцовыхъ и удѣльныхъ $5\frac{2}{5}$ дес.

„ казенныхъ 7 „

у колонистовъ 6,3 „

Если эта общая средняя цифра, повидимому, и указываетъ на различіе между разными видами крестьянъ, то при ближайшемъ спеціальному изслѣдованіи вопроса, всякія границы исчезаютъ. Невозможность установленія границъ можно увидѣть изъ ниже-слѣдующихъ параллельныхъ цифръ крестьянскаго землевладѣнія.

Земли находятся въ пользованіи у крестьянъ:

	Бывшихъ казенныхъ.	Удѣльныхъ.	Помѣщичьихъ.
въ ярославской губ.	1—6 дес.	—	$3\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$ дес.
„ черниговской.	„ $2\frac{1}{2}$ „	—	$2\frac{3}{4}$ — $4\frac{1}{2}$ „
„ таврической	„ 2—14 „	—	3 — $6\frac{1}{2}$ „
„ самарской	„ 6—16 „	$7\frac{3}{4}$	4 — 12 „
„ полтавской	„ 3 „	—	$2\frac{3}{4}$ — $3\frac{1}{2}$ „

„ пермской	„	3—12	„	$2\frac{1}{4}$	$5\frac{1}{2}$ —	7	„
„ олонеккой	„	1—11	„	7	7	—	„
„ новгородской	„	12	„	$6\frac{3}{8}$	$5\frac{1}{2}$ —	7	„
„ подольской	„	2—4	„	—	$4\frac{1}{2}$ —	6	„
„ кievской	„	3—4	„	—	$4\frac{1}{2}$ —	$9\frac{1}{2}$	„
„ вятской	„	8—10	„	$5\frac{3}{4}$	4	—	7
„ астраханской	„	8—59	„	$13\frac{2}{3}$	10	—	12

Земли у колонистовъ:

въ самарской губ.	. . .	42,4 дес.	на душу.
„ воронежской	„ . . .	3,9	„ „
„ полтавской	„ . . .	2,5	„ „
„ саратовской	„ . . .	3,6	„ „
„ бессарабской	„ . . .	10,5	„ „

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что установленіе общаго начала по площади землевладѣнія совершенно невозможно. Такъ, хотя колонисты влючены въ высшій разрядъ платежа, но, однако, оказывается, что у казенныхъ крестьянъ астраханской губерніи земли больше, чѣмъ у колонистовъ самарской губерніи, располагающихъ самымъ большимъ надѣломъ. У колонистовъ-же полтавской губерніи земли меньше, чѣмъ у какого-бы то ни было вида земледѣльцевъ. Сравнивая крестьянъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, мы встрѣчаемъ то-же самое. Самый меньшій надѣлъ оказывается у крестьянъ казенныхъ, ибо въ ярославской и олонеккой губерніяхъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется всего по 1 десятинѣ, тогда-какъ у помѣщичьихъ крестьянъ самый меньшій надѣлъ въ $2\frac{3}{4}$ десятины. Наконецъ, самыя рамки крайнихъ предѣловъ землевладѣнія такъ широки, что окончательно уничтожаютъ всякую возможность основывать даже приблизительные расчеты на среднихъ выводахъ. Крайніе предѣлы землевладѣнія государственныхъ крестьянъ 1 десят. (ярославская и олонеккая губ.) и 59 дес. (астраханская губ.). Въ этихъ рамкахъ вмѣщается все остальное землевладѣніе и притомъ въ такой бессистемности, что рядомъ съ казенными помѣщаются то удѣльные, то помѣщичьи крестьяне, то колонисты. Въ частности по губерніямъ хотя вообще у помѣщичьихъ крестьянъ земли меньше, но, однако, есть губерніи, въ которыхъ земли меньше у крестьянъ казенныхъ, напримѣръ, ярославская, черниговская, полтавская, кievская. Въ одной и той-же губерніи земли то

больше у казенныхъ крестьянъ, то у помѣщичьихъ, и весьма возможны въ дѣйствительности случаи, когда рядомъ съ низшимъ казеннымъ надѣломъ въ 1 десятину находится селеніе помѣщичье съ высшимъ надѣломъ въ 5 $\frac{1}{2}$ дес. (ярославская губернія).

Повидимому, московская комиссія руководилась не размѣромъ крестьянскаго землевладѣнія, а внѣшними признаками крестьянской зажиточности. Въ докладѣ говорится: „принятые для первыхъ четырехъ разрядовъ признаки соображены, кажется, довольно точно съ замѣчательными въ дѣйствительности различіями въ степени достатка между разными видами сельскаго населенія и низшими слоями городскихъ обывателей“. Далѣе комиссія замѣчаетъ, что колонисты пользуются безпримѣрно льготнымъ положеніемъ, а оброчные платежи казенныхъ крестьянъ сравнительно очень легки съ бременемъ выкупныхъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ помѣщичьихъ. Посмотримъ, возможно-ли установить справедливую границу и съ точки зрѣнія размѣра платежей:

	Оброчная подать съ государствен. крестьянъ.	Выкупные платежи съ крестьянъ помѣщичьихъ.
Губ. виленская . .	3 р. 39 к. съ души.	4 р. 60 к. съ души.
„ владимірская	3 „ 91 „ „	7 „ 10 „ „
„ велогодская .	2 „ 97 „ „	7 „ — „ „
„ волынская . .	2 „ 36 „ „	3 „ 73 „ „
„ гродненская .	3 „ 51 „ „	2 „ 80 „ „
„ кievская . . .	2 „ 74 „ „	2 „ 79 „ „
„ ковенская . .	5 „ 74 „ „	5 „ 77 „ „
„ курская . . .	4 „ 1 „ „	7 „ 75 „ „
„ минская . . .	3 „ 65 „ „	3 „ 76 „ „
„ могилевская .	2 „ 61 „ „	2 „ 64 „ „
„ пензенская . .	3 „ 46 „ „	7 „ 13 „ „
„ уфимская . . .	3 „ 61 „ „	3 „ 34 „ „
„ пермская . . .	3 „ 45 „ „	3 „ 45 „ „

И эти цифры убѣждаютъ въ томъ, что никакихъ границъ по признакамъ землевладѣнія установить нельзя. Есть, дѣйствительно, губерніи, гдѣ выкупные платежи вдвое и даже болѣе выше платежей оброчныхъ; но есть губерніи, въ которыхъ оброчная подать равна выкупнымъ платежамъ или ниже ихъ, какъ, на-

примѣръ, въ губерніи гродненской. Можно-бы еще сказать, что вообще въ великороссійскихъ губерніяхъ выкупные платежи значительно выше оброчной подати, а въ губерніяхъ сѣверозападнаго края они или выше, или равны; но и этотъ выводъ не можетъ быть принятъ какъ общій характеристическій признакъ, потому-что въ губерніи пермской выкупные платежи и оброчная подать равны, а въ уфимской между ними самая ничтожная разница.

Если, наконецъ, мы захотимъ установить разницу по той зажиточности или по тому вѣншему достатку, на который указываетъ московскій проектъ, и для сравненія возьмемъ доходъ отъ земледѣлія, то окажется вотъ что. Предполагаемъ средній чистый доходъ въ 1 р. 50 к. съ десятины.

Казенный крестьянинъ ярославской губерніи, имѣющій въ надѣлѣ 1 десятину, получить 1 р. 50 к. дохода; помѣщичій крестьянинъ, владѣющій $5\frac{1}{2}$ десятинами, получить съ нихъ 8 р. 25 к. Казенный отдаетъ оброчной подати 1 р. 5 к. и у него останется 45 к. Помѣщичій крестьянинъ уплатитъ выкупныхъ платежей 6 р. 96 к. и у него останется 1 р. 29 к. Съ казеннаго московскій проектъ возьметъ поразрядной подати 2 руб., съ помѣщичьяго — 1 р. 50 к.; въ первомъ случаѣ получится минусъ 1 р. 55 к., во второмъ — минусъ 31 к.

Мы не отрицаемъ, что говоря *вообще*, можно сказать, что крестьяне, поселенные на помѣщичьихъ земляхъ, бѣднѣе казенныхъ, что удѣльные зажиточнѣе казенныхъ, а колонисты зажиточнѣе удѣльныхъ. Но у этого общаго правила столько исключеній, что его никакъ нельзя принять за основаніе для установленія границъ разрядовъ. Московскій проектъ совершенно вѣрно признаетъ зажиточность основаніемъ для нормы обложенія, но онъ впадаетъ въ ошибку, принимая признакомъ зажиточности юридическую зависимость крестьянъ отъ того или другого вида владѣнія. Устанавливая границы по видамъ владѣнія, по исключительности вѣншихъ признакамъ, московскій проектъ хотѣлъ защитить плательщиковъ отъ произвола цѣновщиковъ. Но развѣ не тотъ-же произволъ дозволяетъ себѣ самъ московскій проектъ? Для плательщика совершенно безразлично—по произволу-ли цѣновщика или по произволу ошибочнаго основанія въ немъ усмотрятся невѣрно вѣншіе признаки обложенія и его заставятъ за-

платить три рубля вмѣсто полутора. Произволъ цѣновщика, можетъ быть, даже менѣе опасенъ, ибо невѣрную оцѣнку можно обжаловать, а на ошибочное основаніе жаловаться некому.

Къ одному разряду съ казенными крестьянами московскій проектъ причисляетъ приказчиковъ 2-го разряда и артельщиковъ биржевыхъ артелей. Приказчикъ 2-го разряда получаетъ въ провинціи рублей до 100 жалованья, а въ столицѣ до 300 р., биржевые-же артельщики отъ 600 до 1,200 руб. Такимъ образомъ и ярославскій казенный крестьянинъ имѣющій всего 1 десятину земли, и артельщикъ, получающій 1,200 р., заплатятъ 2 руб. Въ тѣхъ-же низшихъ разрядахъ мы находимъ лицъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ на разносный и развозный торгъ. Въ числѣ этихъ торговцевъ есть и такіе, которые мало чѣмъ отличаются отъ нищихъ, напримѣръ, еврейки, торгующія въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ спичками, и есть такіе, напримѣръ, изъ торгующихъ въ Петербургѣ рыбою, которые выручаютъ въ лѣто рублей 600.

Въ первые три разряда московскій проектъ хотѣлъ, повидимому, сгруппировать всѣ виды русскаго простонародья и выдѣлить его особымъ слоемъ. Но эти виды разнообразны. Если вообще и можно сказать, что наше населеніе дѣлится на три слоя, или на три сословія, какъ говорится въ докладѣ,—на низшее, среднее и высшее,—то границы этихъ слоевъ найти и установить вовсе не такъ легко, и во всякомъ случаѣ, границы, устанавливаемыя по наружнымъ признакамъ, не сойдутся съ границами, устанавливаемыми по признакамъ экономическимъ. Отмежевавъ русскому простонародью мѣсто въ первыхъ трехъ разрядахъ, московскій проектъ поставилъ на крайнихъ точкахъ деревенскаго бобыля, неимѣющаго ровно ничего, и артельщика биржевой артели, получающаго въ годъ 1,200 руб. Бобыль изъ своего скуднаго заработка въ 100 руб. отдастъ 1 руб., артельщикъ изъ 1,200 р.—2 рубля, платежъ одного 1%, другого — 0,16% его дохода. Бѣднѣй, значитъ, платить въ шесть разъ больше богатаго.

Съ четвертаго разряда начинается обложеніе средняго слоя. И здѣсь обнаруживается такая-же насильственная группировка. Въ пунктѣ 2, къ четвертому разряду причислены: купцы 2-й

гильдіи въ мѣстностяхъ 4-го и 5-го классовъ, т. е. въ уѣздныхъ городахъ и приказчики 1-го разряда. Приказчикъ 1-го разряда есть лицо уполномоченное и довѣренное. Онъ можетъ завѣдывать большимъ дѣломъ, управлять всѣмъ торгомъ хозяина, управлять фабрикою, заводомъ и получать жалованья даже до 5,000 р., и тотъ-же приказчикъ 1-го разряда можетъ быть сидѣльцемъ въ лавкѣ или въ погребкѣ и получать жалованья рублей 150—300. Купецъ 2-й гильдіи имѣетъ право вести розничную продажу, содержать фабрики и заводы, на которыхъ работаетъ не больше 16 работниковъ, принимать подряды и поставки не свыше 15,000 р., но капиталъ его можетъ быть втрое, вчетверо больше. Во многихъ уѣздныхъ городахъ (мѣстности 4-го и 5-го классовъ) есть купцы 2-й гильдіи, имѣющіе по нѣсколько лавокъ и снабжающіе товаромъ, преимущественно краснымъ, всѣхъ мелочныхъ торговцевъ уѣзда. Такой купецъ, располагая капиталомъ въ 50 т. р. и пуская его въ оборотъ 4 раза, легко получаетъ тысячъ двадцать въ годъ; считая половину на пропашу въ долгахъ и на случайныя утраты, купецъ получаетъ чистыхъ — тысячъ десять. И этотъ купецъ, получающій 10 тысячъ и главный его приказчикъ въ лавкѣ, получающій 300 р., заплатятъ оба по 4-му разряду — 3 р. Такіе-же 3 р. заплатитъ и купецъ, имѣющій фабрику съ 16 работниками и приказчикъ, управляющій этой фабрикой. Такимъ образомъ и хозяева, и ихъ служащіе оказываются въ одномъ разрядѣ.

Въ томъ-же четвертомъ разрядѣ значатся лица, получающія на государственной, общественной или частной службѣ содержаніе больше 300 до 1,000 р. и лица, занимающія въ городѣ квартиру отъ 100 до 200 р. Но по какому разряду будутъ платить лица, получающія жалованья меньше 300 р. и платящія за квартиру меньше 100 р.? Въ предыдущихъ разрядахъ имъ не отведено мѣста. Если этимъ пропускомъ оказывалась льгота бѣднымъ чиновникамъ, то еще большей льготы заслуживаютъ бобыли и крестьяне, получающіе тоже меньше 300 р. въ годъ. Итакъ крайними предѣлами 4-го разряда оказываются 150 р. и 10,000 дохода. Приказчикъ, получающій жалованья 150 р., заплатитъ съ него 2%, а хозяинъ, получающій 10,000 р., заплатитъ 0,03%.

Въ обложеніи по-квартирной платы съ обложеніемъ по жало-

ванью замѣчается тоже несоразмѣрность. Во взаимномъ отноше-
ніи величины жалованья къ размѣру платы за квартиру москов-
скій проектъ устанавливаетъ слѣдующую параллель:

	Жалованье.		Квартирная плата.	
4-й разрядъ болѣе	300 до	1,000 р.	свыше	100 до 200 р.
5-й " "	1,000 "	2,000 "	"	200 " 500 "
6-й " "	2,000 "	4,000 "	"	500 " 1,000 "
7-й " "	4,000 "	7,000 "	"	1,000 " 2,000 "
8-й " "	7,000 "	12,000 "	"	2,000 " 3,000 "
9-й " "	12,000 "	20,000 "	"	3,000 " 4,500 "

Хотя расходъ на квартиру составляетъ всегда, приблизительно,
но, точный процентъ всего годичнаго расхода на прожитокъ, но
какъ податной признакъ онъ погрѣшаетъ прежде всего недостат-
комъ всеобщности. Квартиры въ столицахъ и въ большихъ го-
родахъ дороже квартиръ въ городахъ губернскихъ, а квартиры
губернскихъ городовъ дороже квартиръ городовъ уѣздныхъ. Най-
ти точное соотношеніе въ цѣнахъ на квартиры по всѣмъ мѣст-
ностямъ чрезвычайно трудно, а установить одну общую норму,
какъ это дѣлаетъ московскій проектъ, значить вводить произ-
вольное и ошибочное основаніе. Квартира въ 500 р. въ Петер-
бургѣ — квартира очень небольшая, но въ губернскомъ городѣ
средней полосы имперіи, за эту плату можно имѣть квартиру
очень хорошую. Поэтому въ петербургской пятикомнатной кварти-
рѣ помѣстится человекъ средняго достатка, а въ губернской,
той-же цѣны, человекъ зажиточный. Въ губернскихъ городахъ
за 600 и 700 р. въ годъ можно имѣть квартиру больше, чѣмъ
въ 15 комнатъ, съ конюшнями, сараями и всякими хозяйствен-
ными пристройками. Въ столицахъ-же за 15 комнатъ съ ко-
нюшнями и сараями нужно заплатить 2,000—3,000—4,000 р.
и даже много болѣе. Мы беремъ два лица съ одинаковыми сред-
ствами, одно занимаетъ квартиру въ провинціи въ 15 комнатъ
и платитъ за нее 700 или 800 р., другое лицо занимаетъ квар-
тиру подобнаго-же размѣра въ Петербургѣ и платитъ за нее
слишкомъ 3,000 р. По признакамъ, устанавливаемымъ москов-
скимъ проектомъ, первое лицо будетъ включено въ 6-й разрядъ
и заплатитъ поразряднаго налогу 30 р., а второе попадетъ въ
9-й разрядъ и заплатитъ 600 р.

Предполагая, что московскій проектъ устанавливаетъ квартир-

ную норму для одного какого-нибудь города и случая квартирную плату съ жалованьемъ, получаемъ, что квартирная плата относится къ жалованью:

въ 4 разрядѣ—какъ 1 къ 5 или состав. 20% годичн. содержанія.

» 5	»	» 1	» 4	»	»	25%	»	»
» 6	»	» 1	» 4	»	»	25%	»	»
» 7	»	» 1	» 3,5	»	»	28,6%	»	»
» 8	»	» 1	» 4	»	»	25%	»	»
» 9	»	» 1	» 4,4	»	»	22,5%	»	»

Неправильное и какъ-бы произвольное повышеніе и пониженіе процента показываетъ, что между принятыми московскимъ проектомъ нормами жалованья и квартирной платы не слѣдуетъ искать точнаго соотношенія и что они составляютъ двѣ независимыя величины. Между тѣмъ въ этихъ величинахъ есть и должно быть извѣстное соотношеніе, которое слѣдуетъ опредѣлить и установить, если только въ нормахъ податного обложенія желаютъ сохранить хотя небольшую справедливость и уравнительность.

Общее правило, что мелкія квартиры сравнительно всегда дороже и что самыя большія квартиры—самыя выгодныя. Это общее правило указываетъ уже на общій характеръ въ движеніи процентнаго отношенія, а именно, что процентное отношеніе платы за квартиру къ годичному содержанію идетъ въ постоянно понижающейся прогрессіи. Въ низшихъ нумерахъ на квартиру идетъ большая часть всего прожитка, въ высшихъ — меньшая. Въ расчетѣ на городъ Берлинъ, который приводился нами въ XI главѣ, процентъ этотъ шелъ въ слѣдующей постепенности:

При годичномъ содержаніи:	Плата за квартиру составляетъ:
въ 300 талеровъ	19% всего прожитка.
» 900 »	20% » »
» 2,000 »	15% » »
» 17,000 »	10,5% » »
» 25,000 »	8% » »

Мы провѣримъ этотъ расчетъ на одномъ губернскомъ городѣ средней полосы имперіи.

Приказчикъ 1-го разряда, получающій жалованья 300 р., платитъ въ мѣсяцъ за квартиру 3 р. или 36 р. въ годъ.

Акцизный чиновникъ, получающій съ процентами до 900 р., платить въ мѣсяць 10 р. или 120 р. въ годъ.

Землевладѣлецъ, имѣющій отъ 2,000 до 2,500 р., платить 250 р.

Членъ суда, получающій 2,500 р., платитъ 275 р.

Акцизный управляющій, получающій до 7 т., платитъ 700 р.

Или въ процентномъ отношеніи:

12% — 13,3% — 10% — 11% — 10%.

Расчетъ этотъ оказывается и ниже берлинскаго, и ниже московскаго, что прежде всего снова указываетъ на то, что квартирная норма обложенія не можетъ быть всеобщей и что для всякой мѣстности существуетъ своя норма; а во-вторыхъ, что въ московскомъ проектѣ установленъ произвольный процентъ, много выше дѣйствительнаго, дающій преміи квартирантамъ на счетъ лицъ, живущихъ жалованьемъ.

Поправляя московскій проектъ сдѣланнымъ нами расчетомъ, основаннымъ на цифрахъ дѣйствительныхъ и слѣдовательно не произвольныхъ, мы получимъ двѣ комбинаціи:

Расчитывая жалованье по квартирному проценту и принимая высшій предѣлъ квартирной нормы, устанавливаемой московскимъ проектомъ, и тѣ-же разряды, найдемъ, что квартирный расходъ соотвѣтствуетъ слѣдующему содержанию:

	Квартирный.	Соотвѣт. ему жалованье.
разрядъ 4-й	200 р. или 12%	1,666 р.
" 5-й	500 " " 12%	4,166 "
" 6-й	1,000 " " 10%	10,000 "
" 7-й	2,000 " " 10%	20,000 "
" 8-й	3,000 " " 9%	33,333 "
" 9-й	4,500 " " 8%	56,250 "

А расчитывая квартирный процентъ по нормѣ содержанія и принимая опять высшія цифры разрядовъ, получимъ:

	Жалованье.	Соотвѣтв. ему квартирн. расходъ.
разрядъ 4-й	1,000 р.	120 р.
" 5-й	2,000 "	240 "
" 6-й	4,000 "	400 "
" 7-й	7,000 "	700 "
" 8-й	12,000 "	1,080 "
" 9-й	20,000 "	1,600 "

Оказываются непримиримыя несогласности. По расчету квартирнаго расхода, лицо 7-го разряда передвигается въ 9-й разрядъ и вмѣсто 100 р. налога будетъ, согласно поправкѣ, принятой московскимъ земствомъ, платить чистый подоходный налогъ. Принимая 3% обложенія, получимъ вмѣсто 100 руб.—600 руб., т. е. то-же, что назначено и теперь московскимъ проектомъ. Лица 8-го и 9-го разрядовъ передвинутся въ 10-й разрядъ и вмѣсто 300 и 600 р. заплатятъ 1,000 и 1,700 р. По расчету-же жалованья сдѣлается обратное передвиженіе: 9-й разрядъ перейдетъ въ 7-й разрядъ и вмѣсто 600 заплатитъ 100 р., 7-й разрядъ перейдетъ въ 6-й и заплатитъ вмѣсто 100 р. 30 р., 6-й-же разрядъ перейдетъ въ 5-й и вмѣсто 30 р. станетъ платить 10 р. Очевидно, что московскій проектъ дѣлаетъ сильную натяжку въ пользу тѣхъ лицъ, податную способность которыхъ онъ опредѣляетъ ихъ платой за квартиру.

Кто-же эти лица?

Въ докладѣ московской комиссіи читаемъ: „Всѣ они (признаки для разныхъ разрядовъ плательщиковъ) несомнѣнно носятъ характеръ полной опредѣлительности и удобной, съ перваго-же взгляда, распознаваемости, чѣмъ и устраняется всякій произволъ въ ихъ оцѣнкѣ и примѣненіи. Нѣкоторое въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила, *повидимому* (!) представляетъ только одинъ изъ принятыхъ комиссіей признаковъ, а именно: наемная цѣна квартирнаго помѣщенія. Но съ одной стороны, признакъ этотъ въ принятой системѣ поразряднаго налога крайне важенъ, ибо имъ вводятся въ общую систему обложенія капиталисты, иначе слишкомъ легко ускользающіе отъ всякаго прямого обложенія и этой существенной выгоды, конечно, искупаются нѣкоторое неизбѣжное усложненіе общей системы“... И такъ квартирный признакъ установленъ для капиталистовъ. Капиталисты или рантье—лица владѣющія большей или меньшей массой процентныхъ бумагъ, ведущіе биржевую игру и пользующіеся доходомъ, въ происхожденіи котораго личный трудъ принимаетъ самое ничтожное участіе, а иногда и никакого. А что такое лицо живущее опредѣленнымъ жалованьемъ? Если мы опустимся въ слой чиновнаго міра, въ слой образованнаго пролетаріата, въ сферу чисто-личнаго труда, то увидимъ труженниковъ, трудъ которыхъ очень часто не оплачивается содержаніемъ и задѣльной платой;

мы увидимъ такихъ-же бобылей, какихъ находимъ и въ земледѣльческомъ быту — весь капиталъ въ нихъ самихъ, проценты съ этого капитала — трудъ. Но мы уже знаемъ, изъ конца XI главы, что есть два рода капиталовъ — пожизненные и вѣчные, и точно также два рода доходовъ. Пожизненный доходъ создается личною дѣятельностью трудящагося — это процентъ съ таланта, энергии, знанія. Вѣчный доходъ есть процентъ съ вѣчнаго капитала, какъ недвижимая и движимая собственность. Между этими двумя родами капиталовъ есть существенная разница — пожизненный уменьшается съ лѣтами, т. е. по мѣрѣ истощенія силъ; вѣчный не знаетъ этой опасности. Изъ этого различія финансовая теорія выводитъ практическое правило, по которому вѣчный доходъ долженъ быть облагаемъ высшимъ процентомъ, чѣмъ доходъ пожизненный. Московскій проектъ примѣняетъ это основаніе обратно.

Въ четвертомъ разрядѣ стоятъ лица, получающія 1,000 р. жалованья и капиталисты, платящіе за квартиру 200 р. Въ строгомъ смыслѣ эти лица не могутъ быть названы капиталистами, такъ-что это одно изъ противорѣчій московскаго проекта. Мы-бы назвали этотъ сортъ плательщиковъ — лицами, занимающимися свободными профессіями — сюда подошли-бы дѣлая масса учителей и учительницъ, дѣлая и постоянно растущая масса людей литературнаго труда, художники, музыканты и т. д. Такимъ образомъ для 4-го разряда квартирный признакъ утрачиваетъ тотъ характеръ, который ему придаетъ московскій проектъ и равенство въ обложеніи должно быть если не полное, то скорѣе въ пользу лицъ свободныхъ профессій, ибо чиновникъ можетъ рассчитывать на обезпечивающую его будущее пенсію и эмеритурѣ, а человѣкъ свободной профессіи для обезпеченія своей старости долженъ дѣлать сбереженіе. Эта премія и оказывается въ дѣйствительности, потому-что 200 р. платы за квартиру соответствуютъ по нашему расчету доходу въ 1,666 р. Изъ числа-же живущихъ жалованьемъ включены въ этотъ разрядъ лица получающія 1,000 р.

Собственно капиталисты начинаются съ 6-го разряда. И мы находимъ, что въ 6-мъ разрядѣ чиновникъ, получающій 4,000 р., сравненъ съ капиталистомъ получающимъ 10,000 руб.

въ 7 разр.	чиновникъ	получ.	7,000 р.	сравненъ	съ	капит.	съ	20,000 р.
» 8	»	»	12,000 »	»	»	»	»	33,333 »
» 9	»	»	20,000 »	»	»	»	»	56,250 »

Слѣдовательно для капиталистовъ, сравнительно съ чиновниками и вообще съ лицами живущими опредѣленнымъ содержаниемъ, тягость поразряднаго налога облегчена.

въ 6 разрядѣ . .	въ 2,5 раза
» 7 " . .	» 2,8 "
» 8 " . .	» 2,8 "
» 9 " . .	» 2,8 "

Это постоянство процента указываетъ на то, что льгота въ пользу капиталистовъ не составляетъ въ московскомъ проектѣ случайности. И дѣйствительно въ московскомъ докладѣ мы находимъ такое мѣсто: „Возникла также мысль о налогѣ на денежные капиталы, но она была устранена, во-первыхъ, по признанной невозможности найти такую форму обложенія, которая, не стѣсня свободнаго ихъ обращенія, въ то-же время не допускала-бы укряательства и по послѣдствіямъ своимъ не имѣла-бы дѣйствія равносильнаго преміи въ пользу тѣхъ движимыхъ цѣнностей, которыя, по особенному характеру своему, менѣе другихъ уловимы для обложенія; во-вторыхъ, потому, что налогъ на процентныя бумаги отразился-бы вредно на ихъ цѣности, могъ-бы поколебать государственный кредитъ и затруднить, даже сдѣлать невозможными, заграничныя займы“. На это можно возразить, что прусская система, послужившая первообразомъ для московскаго проекта, облагаетъ доходы со всякихъ процентныхъ денежныхъ суммъ, кредитныхъ билетовъ, частныхъ займовъ, акцій, облигацій. Московскій проектъ грозитъ упадкомъ курса, колебаніемъ кредита и даже невозможностью дѣлать заграничныя займы. Почему-же такое бѣдствіе можетъ грозить Россіи и не грозитъ ни Англии, ни Франціи, ни Пруссіи? Капиталамъ, какъ извѣстно, не находится нигдѣ такого выгоднаго помѣщенія, нигдѣ капиталы не даютъ такихъ процентовъ, какъ у насъ. Въ то время, какъ за границей капиталы помѣщаются охотно изъ 3%, у насъ и гарантія 8% не всегда удовлетворяетъ капиталистовъ. Твердость государственнаго кредита зависитъ не отъ налоговъ, а отъ всей системы народнаго государственнаго хозяйства. Если лица владѣющія акціями, облигаціями и даже государственными про-

центными бумагами, будутъ обложены известнымъ налогомъ на доходъ съ этихъ бумагъ,—въ этомъ была-бы только поправка той несовершенной системы обложенія, которую вводитъ московскій проектъ въ видѣ поразрядной подати на квартиры. Московскій проектъ вводитъ поквартирный налогъ, какъ единственное средство привлечь къ государственнымъ тягостямъ капиталистовъ, т. е. тѣхъ лицъ, которые живутъ доходомъ съ процентныхъ бумагъ. Значитъ процентныя бумаги московскій проектъ налогомъ облагаетъ и безъ всякой боязни, что отъ этого поколеблется нашъ кредитъ. Но обложеніе это не прямое, а косвенное, а потому неравномѣрное и несправедливое. Для владѣльца процентныхъ бумагъ не будетъ выгоднѣе, что московскій проектъ, заставивъ его заплатить 1,200 р. налогу, назоветъ это налогомъ на квартирную плату, а не налогомъ на процентныя бумаги. Прямой налогъ на процентныя бумаги могъ-бы быть для капиталиста даже и выгоднѣе и во всякомъ случаѣ онъ точно опредѣленная величина, а не гадательная, опредѣляемая невѣрно такимъ не точнымъ и измѣнчивымъ признакомъ, какъ цѣна квартиры, мѣняющаяся не только по мѣстностямъ, но и подверженная колебаніямъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Наконецъ, московскій проектъ, согласно поправкѣ, принятой большинствомъ, признаетъ для 9-го и 10-го разрядовъ подоходный налогъ; значитъ онъ допускаетъ обложеніе процентныхъ бумагъ и въ прямой формѣ.

Хотя московскій проектъ ставилъ себѣ первой задачей опредѣлить точные и несомнѣнные признаки обложенія и самымъ слабымъ изъ нихъ признаетъ плату за квартиры, но и всѣ остальные признаки, основанные исключительно на внѣшнихъ различіяхъ, отличаются тѣмъ-же недостаткомъ. Мы уже указывали, что по 4-му разряду заплатить 3 р. и купецъ второй гильдіи, располагающій 50,000 р. капитала, и его приказчикъ, получающій 150 — 300 р. жалованья. Въ 8 разрядъ съ платой 300 р. включены проектомъ купцы первой гильдіи. По свидѣтельству первой гильдіи предоставляется право производить оптовую и розничную торговлю по всей имперіи, содержать повсюду конторы, склады, амбары, имѣть фабрики, заводы съ неограниченнымъ числомъ рабочихъ и принимать подряды, поставки и откупа, неограниченные никакой суммой. Это размѣръ безпредѣль-

ный:—отъ 50 тысячъ, до 50 миллионъ оборотнаго капитала; два лица, стоящія на крайнихъ точкахъ этой дистанціи, заплатятъ каждый по 300 рублей—разница въ процентахъ 0,6% и 0,0006%! Въ волжскомъ хлѣбномъ районѣ 6 оптовыхъ купцовъ закупили, напримѣръ, въ 1863 году 1,018,000 четвертей хлѣба и 74, тоже оптовыхъ торговца, скупили, всё вмѣстѣ, 644,457 четвертей; на однихъ оптовыхъ торговцевъ приходится среднимъ числомъ по 169,744 четверти на каждого; на другихъ по 8,709 четвертей, или торговля однихъ въ 21 разъ шире торговли другихъ, а между-тѣмъ всё заплатятъ одинаково по 300 руб. Въ чемъ-же тутъ достоинство *несомнѣнныхъ* внѣшнихъ признаковъ, если они ведутъ къ такой неуравнительности? Что эта неуравнительность можетъ произвести замѣтное неудовольствіе, которое впрочемъ московскій проектъ и самъ предвидитъ, но только съ другой стороны, мы приведемъ слѣдующее статистическое указаніе. Въ 1867 г. было выдано свидѣтельствъ: 1 гильдіи—3,476; 2 гильдіи—66,752; приказчицкихъ 1 и 2 разряда—180,584.

Относительно разстоянія, раздѣляющаго земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ, говоритъ и самъ московскій докладъ. Слова доклада были уже приведены: крестьянинъ московской губерніи заплатитъ по 2 разряду 20 к. съ десятины; а землевладѣлецъ причисленный къ 9 разряду—по 1½ кш. съ десятины или въ 13⅓ раза меньше. Въ частности по разрядамъ въ платежахъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ усматривается слѣдующая разница. По второму разряду крестьянинъ богородскаго, броницкаго, коломенскаго или московскаго уѣзда, владѣющій двумя душевыми надѣлами, или 6-ю десятинами, заплатитъ 1½ рубля, т. е. 25 к. съ десятины; рядомъ-же живущій мелкій землевладѣлецъ заплатитъ тѣ-же 1½ р. владѣя 25-ю десятинами, или по 6 к. съ десятины. По третьему разряду московскій казенный крестьянинъ, владѣющій двумя душевыми надѣлами или около 10 десятинамъ, заплатитъ 2 р., т. е. 20 к. съ десятины; и мелкій землевладѣлецъ, владѣющій 50 десятинами, заплатитъ тоже 2 р. или 4 к. съ десятины. По четвертому разряду колонистъ новгородской губ., при двухъ душевыхъ надѣлахъ или 13,2 десят., заплатитъ 3 р., или 22,8 к. съ десятины, а землевладѣлецъ тѣ-же 3 р. заплатитъ съ 250 десят., т. е. 1,2 к. съ десятины. Слѣдовательно въ размѣрѣ поразряднаго обложенія

между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, приписаннымъ къ 4 разряду, разстояніе больше, чѣмъ между тѣмъ-же крестьяниномъ и крупнымъ землевладѣльцемъ, причисленнымъ къ 9 разряду. Но и между землевладѣльцами, стоящими между крайними предѣлами одного и того-же разряда, оказываются тоже значительныя разстоянія. Чтобы быть причисленнымъ къ 4 разряду, нужно имѣть больше 25 и до 250 десятинъ. Возьмемъ для сравненія 30 и 250 десят. Землевладѣлецъ съ 30 десятинъ заплатитъ по 10 к. съ десятины, а владѣлецъ 250 десятинъ по 1,2 к. съ десятины. Или: къ 8 разряду причислены лица, владѣющіе отъ 8 до 20 тысячъ десятинъ. Первый владѣлецъ заплатитъ по 3,7 к. съ десятины, второй по 1,5 к. съ десятины. Приравнивая ихъ къ одному платежу (по 3,7 к. съ десят.), пришлось-бы съ владѣльца 8 т. десятинъ получить 300 р.; а съ владѣльца 20 т. десятинъ 740 р.—разница на 340 р. въ пользу болѣе крупнаго землевладѣльца и въ убытокъ государственному казначейству.

Изъ длиннаго ряда сравненій оказывается, что чѣмъ у кого меньше земли и чѣмъ меньше средствъ, тѣмъ по московскому проекту приходится платить больше и всѣ эти премія въ пользу болѣе богатыхъ являются чистой потерей для государственнаго дохода. И такая неравномѣрность неизбѣжна, если въ основаніе податнаго обложенія положить сословныя признаки и принять неизмѣнными границы тѣхъ группъ, на которыя дѣлилось русское общество до освобожденія крестьянъ. Московскій проектъ имѣлъ передъ глазами—крестьянъ, помѣщиковъ и купцовъ и отъ себя прибавилъ еще капиталистовъ, этотъ новый общественный элементъ, съ которымъ крѣпостная Россія не была знакома. Въ томъ смыслѣ, какъ разрабатывала податной вопросъ московская комиссія, поразрядная подать утрачиваетъ то значеніе, которое придаетъ ей московскій докладъ. Построенная на сословномъ началѣ, на закрѣпленіи юридическихъ границъ, противъ которыхъ были направлены всѣ послѣднія реформы и особенно всеобщая рекрутская повинность—поразрядная подать является противорѣчіемъ съ общимъ движеніемъ русской жизни, является не шагомъ впередъ, а шагомъ назадъ. Покончить всѣ противорѣчія и неуравновѣнности можетъ только подоходный налогъ.

Н. Шелгуновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ СЕБЪ.

(Изъ Леопарди.)

Теперь усни безъ грезъ и пробужденья
О сердце, утомленное борьбой!
Пора пришла. Погибни заблужденье—
Надежды призракъ роковой.
Надѣяться душа моя устала,
Я не хочу обмановъ золотыхъ.
Довольно ты, о сердце, трепетало:
Усни—земля не стоитъ слезъ твоихъ.
Миръ этотъ—грязь, жизнь—горечь и мученье,
Ни счастья нѣтъ, ни радости для насъ.
Желанное вкуси отдохновенье,
Отчаяньемъ замри въ послѣдній разъ.
Одно судьба даруетъ намъ—могилу.
О презирай отнынѣ, сердце, ты
Природы злой безмысленную силу
И вѣчный мракъ ничтожной суеты.

Л. Граве.

ЯПОНІЯ И ЯПОНЦЫ.

Expedition of the U. S. Navy to Japan, in 1852 — 54, by Commodore Perry. — Laurence Oliphant, The Earl of Elgin's Mission to China and Japan in 1858 — 59 (2 части). — Sir Rutherford Alcock, Three Years in Japan (2 ч.). — Kinsahan Cornwallis, Two journeys to Japan. 1856—57 (2 ч.). — H. A. Tilley, Japan, the Amoor, and the Pacific. — C. Hodgson, a Residence at Nagasaki and Hakodate in 1859 — 60.

I.

Когда въ сентябрѣ 1492 года Христофоръ Колумбъ вышелъ изъ андалузскаго порта Палоса и направилъ свою эскадру къ западу, для открытія новаго пути въ восточную Индію, онъ былъ того убѣжденія, что первая земля, которую онъ встрѣтитъ на своемъ пути, будетъ Японія. Объ ней, объ этой странѣ чудесь, онъ прочелъ въ первый разъ у Марко Поло, который жилъ нѣкоторое время, въ 1275—92 г., при дворѣ монгольскаго властителя Кублайхана, владѣвшаго обширными пространствами отъ восточныхъ береговъ Китая до малой Азій. При дворѣ хана Марко-Поло встрѣтилъ японскихъ пословъ, которыхъ видъ, одежду и другія внѣшнія особенности подробно описалъ въ своемъ путешествіи, и описаніе этого путешественника конца XIII в. во всемъ сходно съ позднѣйшими извѣстіями современныхъ посѣтителей Японіи, видѣвшихъ все своими глазами. Марко Поло въ блестящихъ чертахъ описываетъ богатство и развитіе страны, возбудившее въ Кублайханѣ непреодолимое желаніе къ ея покоренію. Онъ приготовилъ уже 4,000 кораблей и 240,000 воиновъ, но предпріятіе его не удалось частію отъ бури, частію отъ неожиданной рѣшимости японцевъ, противопоставившихъ ему 200,000 воиновъ, уничтожившихъ остатки разрушеннаго бурей флота. Все это читалъ Колумбъ и въ его умѣ сложилось твердое понятіе, что по западному пути, ве-

дущему въ Ост-Индію, долженъ находиться и этотъ замѣчательный островъ. Когда-же онъ открылъ впервые вѣсть-индскіе острова Гуанхани — Сан-Сальвадоръ, Кубу и Гаити, т. е. Испаньолу и Сан-Доминго, и хотя онъ нашелъ на нихъ необыкновенно богатую, но дикую природу, а вслѣдъ за тѣмъ встрѣтилъ сѣверныя прибрежья южной Америки, тогда только разчелъ онъ ясно, что между Европой, Ост-Индіей и Японіей должно находиться огромное пространство материка, образующаго цѣлую часть свѣта. Такимъ образомъ ему не удалось открыть ту страну чудесъ, о которой мечтали, и только 50-ю годами позже Японія увидѣла первые европейскіе корабли. Это были португальцы, которые, отправляясь въ 1542 г. въ Макао, были загнаны бурей къ южному берегу Японіи, въ Кьюсю. Дружески были они встрѣчены какъ владѣтелями этого края, такъ и народомъ. Находясь испоконъ-вѣка въ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, Индійскимъ архипелагомъ и съ прибрежными мѣстами Ост-Индіи, японцы привѣтливо встрѣтили новыхъ пришельцевъ, вступили съ ними въ дружественныя сношенія, снабдили провизіей и пригласили посѣтить ихъ вторично и привезти для обмѣна свои товары. Когда португальцы прибыли въ Макао, то нашли тамъ друга Лойолы, извѣстнаго Франциска Ксавье, горячаго поборника іезуитской миссіи, прибывшаго на востокъ для обращенія китайцевъ. Услыша о новооткрытомъ островѣ Японіи, гдѣ христіанство не было еще проповѣдуемо, онъ поспѣшилъ отправиться туда на купеческомъ кораблѣ со многими товарищами. Это было въ 1550 году. Ксавье прибылъ въ Кагосаки, столицу владѣтеля Сатсума, на Кьюсю. Іезуиты были приняты съ рѣдкимъ гостепріимствомъ и въ короткое время успѣли обратить нѣсколькихъ владѣтелей и множество народа. Не такъ, однакожъ, счастлива была ихъ миссія на островѣ Нифонѣ; но и здѣсь, не смотря на разныя препятствія, имъ удалось обратить нѣсколько тысячъ народа и построить множество церквей. Вмѣстѣ съ іезуитами и вслѣдъ за ними прибыли португальскіе купцы изъ Гоа и Макао, успѣвшіе нажить большія богатства и выговорить себѣ островъ Фирандо для склада своихъ товаровъ. Манильа была тогда цвѣтущимъ городомъ, принадлежавшимъ испанцамъ. Эти послѣдніе стали завидовать португальцамъ, видя, какія богатства пріобрѣтаютъ они въ мѣнновой торговлѣ съ японцами. Зависть поддерживалась и со стороны испанскихъ священниковъ, доминиканцевъ, видѣвшихъ успѣхи іезуитовъ, перебившихъ имъ путь прозелитизма, и свободно, безъ конкуренціи хозяйничавшихъ на столь богатой почвѣ. Испанскіе купцы и священники поспѣшили въ свою очередь изъ Манильи въ Японію, съ намѣреніемъ раздѣ-

лить барыши съ португальцами. Не было никакого сомнѣнія, что, не смотря на сопротивленіе туземныхъ жрецовъ, Японія обратилась-бы въ католичество съ цѣлю подчиненія ея папѣ, и вознаградила-бы его за отторженныя реформаціей земли отъ престола св. Петра. Что эта надежда католиковъ чуть-было не осуществилась, служитъ доказательствомъ то, что въ 1582 г. четверо японцевъ благородной крови были посланы въ Европу, отъ князей Бунго, Арима и Омара, выразить папѣ Григорію XIII подчиненіе Японіи главѣ католическаго міра. Посланные эти возвратились на родину чрезъ восемь лѣтъ. Во время пребыванія ихъ въ Римѣ даны были въ честь ихъ большія празднества и громъ пушекъ возвѣстилъ тогда всему свѣту, что на отдаленномъ востокѣ обширная страна, съ милліонами народонаселенія, признала власть папскаго престола. Но въ то время, какъ въ Римѣ общая радость торжествовала новое приобрѣтеніе, въ Японіи произошла такого рода реакція, которая положила конецъ дальнѣйшему распространенію христіанства.

Иезуиты и доминиканцы, португальцы и испанцы начали между собою непримиримую вражду, такъ-что владѣтели Японіи съ неудовольствіемъ смотрѣли на ихъ обоюдное стремленіе, клонившееся къ тому, чтобы, посредствомъ уничтоженія религіи страны, подчинить ихъ самихъ и въ политическомъ отношеніи чуждому началу. Въ эту эпоху, т. е. съ 1557 — 1616 г., Японія была подъ властью трехъ владѣтелей: Нобу Нанга съ 1557 — 82, Яйкозама съ 1582 — 98 и Ілейась съ 1598 — 1616 г. Въ правленіе второго изъ нихъ (они не были еще императорами; это достоинство, какъ увидимъ, явилось позднѣе), случилось, что одинъ испанскій корабль, нагруженный богатыми товарами, былъ пригнанъ бурей къ южному берегу Сикока и тотчасъ былъ взятъ и подвергся конфискаціи. Капитанъ корабля протестовалъ и пригрозилъ гнѣвомъ своего короля. Капитанъ былъ приведенъ къ Яйкозамѣ, который, разспросивъ его о силахъ и могуществѣ испанскаго короля, объявилъ ему, что владѣтель столь отдаленной страны никакъ не въ состояніи исполнить свою месть надъ Японіей. Тогда капитанъ открылъ передъ нимъ карту и показалъ на обширныя пространства къ востоку до Филиппинскихъ острововъ и къ западу до Мехико и Перу, которыя признавали власть короля и въ которыхъ воля его исполнялась безослушно. Японецъ спросилъ испанца: какимъ образомъ король его успѣлъ такъ далеко распространить свое господство и какія употребилъ къ тому средства? Тогда капитанъ объяснилъ ему, что планъ къ распространенію этого господства былъ очень простъ: король сначала отправилъ въ эти

земли миссіонеровъ и купцовъ, и когда они ближе познакомились съ туземцами и обратили ихъ въ свою вѣру, тогда были посланы и войска, которыя, при помощи обращенныхъ, утвердили власть короля, а туземныхъ князей свергли съ престоловъ. Внимательно слушалъ японецъ разсказъ капитана, глубоко принялъ къ сердцу услышанное и рѣшился принять мѣры, чтобы и съ нимъ не случилось то-же самое. Въ Нагасаки онъ велѣлъ предать смерти двадцать испанскихъ священниковъ, затѣмъ изгналъ изъ своей страны доминиканцевъ, францисканцевъ и іезуитовъ, изгналъ испанскихъ купцовъ и запретилъ дальнѣйшую проповѣдь христіанства. Черезъ два года онъ умеръ. Но ему наследовалъ человекъ, который по силѣ, энергіи и величію не имѣлъ себѣ подобнаго въ Японіи. Во второй годъ его правленія прибылъ изъ Осаки корабль, единственный изъ пяти другихъ, который спасся съ десятью только матросами. Эти пять кораблей вышли 12 іюня 1598 г. изъ Тохея, и изъ всего ихъ экипажа осталось только десять человекъ въ живыхъ, другіе-же, вслѣдствіе скорбута и иныхъ болѣзней, лишились жизни. Спасшійся корабль былъ голландскій и въ первый разъ голландцы пристали къ японскому берегу. Кормчій этого судна, Вильямъ Адамсъ, былъ однакожъ англичанинъ, и тотчасъ по прибытіи къ берегу былъ отправленъ въ Осаку къ князю Іейасу, которому онъ очень понравился, и, оставшись у него на службѣ, былъ впоследствии возведенъ въ высокое достоинство. Адамсъ владѣлъ математическими и астрономическими свѣденіями, познакомилъ Іейаса съ нѣкоторыми европейскими изобрѣтеніями, а такъ-какъ онъ и голландцы питали естественную ненависть къ испанской тирании, то не замедлилъ возбудить ту-же ненависть и въ японцахъ къ португальцамъ и іезуитамъ. Голландцы утверждали и доказывали, что имъ удалось перехватить письмо, въ которомъ изложенъ былъ планъ, какимъ образомъ, при помощи обращенныхъ туземцевъ, свергнуть съ престола японскаго владѣтеля и подчинить свѣтскую власть страны Филиппу II, а духовную — папѣ. Тогда князь далъ приказаніе посадить всѣхъ оставшихся іезуитовъ на португальское судно и изгнать ихъ изъ своихъ предѣловъ, а затѣмъ началъ гоненіе противъ обращенныхъ японцевъ, принуждая ихъ возвратиться къ вѣрѣ ихъ отцовъ. Многіе изъ нихъ умерли смертію мучениковъ.

Но такъ-какъ, не смотря на эти гоненія, многіе изъ обращенныхъ японцевъ остались вѣрными приверженцами новой религіи, то позже, въ 1626 году, былъ издавъ законъ, по которому установленъ былъ ежегодный праздникъ (въ нашемъ февралѣ), т. е. торжественный ходъ съ крестомъ и Мадонной. Ходъ этотъ совер-

шался въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были еще христіане, особенно въ Нагасаки. При этой церемоніи присутствовали всѣ, даже губернаторъ мѣста и малыя дѣти. Позднѣе, а именно въ 1854 г., вслѣдствіе особаго договора съ Америкой, церемонія эта была отмѣнена. Объ этой церемоніи было много писано, и особенно слышались со стороны католиковъ клеветы на голландцевъ, которые будто-бы старались не только объ отмѣнѣ праздника, но однажды рѣшились растоптать и самый крестъ ногами. Все это выдумка ихъ враговъ. Правда, голландцы всячески старались изгнать изъ Японіи испанцевъ и португальцевъ, содѣйствуя въ этомъ случаѣ туземнымъ князьямъ; но это происходило отъ ненависти ихъ къ испанцамъ, которые тяготѣли надъ ними своею желѣзною рукою и втеченіи 60-лѣтней борьбы силились утвердить надъ ними какъ свою свѣтскую власть, такъ и власть инквизиціи. Голландцы смотрѣли на фанатическую религію испанцевъ, какъ на языческое вѣрованіе и не дѣлали между ею и буддизмомъ никакого различія. Но чтобы они, при всей ихъ ненависти къ испанцамъ, дошли до того, чтобы ругаться надъ святѣйшимъ символомъ христіанства, — все это выдумка іезуитовъ.

Голландцы успѣли получить для устройства своей факторіи островъ Фирандо, отнятый у португальцевъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе имѣли свое помѣщеніе на небольшомъ островѣ Дезима, подлѣ Нагасаки, и содержались тамъ какъ плѣнные. Испанцы-же были изгнаны и японское правительство постоянно издавало новые законы и распоряженія противъ проповѣдниковъ и священниковъ. Португальцамъ торговля была разрѣшена; они привозили шелкъ-сырецъ, за который получали въ обмѣнъ мѣдь, серебро, золото, растительный воскъ и камфору. Единственная привозная контрабанда былъ іезуитъ, и со стороны японскихъ таможенъ были приняты всевозможныя охранительныя мѣры, чтобы воспрепятствовать этой контрабандѣ. Поэтому въ Макао находились японскіе шпионы, на жаловань правительства, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы о каждомъ уѣзжающемъ іезуитѣ доводить тотчасъ до свѣденія начальства; что-же касается тѣхъ высокопоставленныхъ португальцевъ, которые успѣли-было войти въ родство съ нѣкоторыми японскими семействами посредствомъ браковъ, то надъ ними былъ учрежденъ чувствительный для ихъ чести и гордости полицейскій надзоръ. Такъ, напр., если случалось имъ причаливать куда-либо къ японскому порту, то у нихъ отбиралось оружіе, у кораблей снимались рули и увозились, какъ то, такъ и другіе, во внутреннюю страну, на храненіе; сами-же они постоянно находились въ виду

шніоновъ, а священный знакъ ихъ обожанія — крестъ носился передъ ихъ глазами.

Подобныя стѣсненія положили конецъ долгому терпѣнію обращенныхъ. Не безъ почина и руководства однакожъ европейцевъ возстали они въ 1636 г. и укрѣпились въ Симабарѣ, городѣ, отстоявшемъ въ 20 миляхъ отъ Нагасаки. Японское войско осадило городъ, но не имѣя артиллеріи, не могло овладѣть имъ. Тогда японцы обратились къ управлявшему голландскою факторіей Ревербекеру, который снабдилъ ихъ своими пушками. Стѣны города не устояли, онъ былъ взятъ и болѣе 30,000 плѣнныхъ немилосердно были обезглавлены. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году (1637) португальцы навсегда были изгнаны изъ Японіи. Такимъ образомъ окончилась такъ счастливо начатая почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ попытка обращенія японцевъ въ христіанство.

Поклонники христіанскаго ученія были уничтожены, но вмѣстѣ съ этимъ остались глубокіе слѣды ненависти противъ христіанства. Ненависть и вражда японцевъ были направлены не противъ идеи христіанства, а противъ ея политическаго примѣненія, противъ междоусобной войны, которую оно воздвигло, противъ невѣроятныхъ преслѣдованій, воздвигаемыхъ въ отношеніи необращенныхъ. Лишь только іезуиты получили позволеніе свободно дѣйствовать на совѣсть коснѣвшихъ въ идолопоклонствѣ, какъ стали употреблять, вмѣсто терпѣнія и убѣжденія, болѣе насильственныя мѣры противъ туземцевъ. Уже въ 1562 г. стали они употреблять въ Омури для обращенія силу, стали изгонять буддійскихъ жрецовъ и жечь ихъ капища. Изъ этого видно, что духъ Фердинанда Католическаго и Филиппа II силится проникнуть и въ Японію.

Чтобы увѣковѣчить окончательное изгнаніе христіанства изъ Японіи, правительство воздвигло надъ огромной насыпью, подъ которою погребены были тѣла 30,000 убитыхъ ими плѣнниковъ вятыхъ въ Симабара, памятникъ, съ изображеніемъ на немъ надписи, выражавшей безграничную ненависть ко всему христіанству. Надпись эта была слѣдующаго содержанія: „пока солнце стоитъ и согрѣваетъ землю, ни одинъ христіанинъ да не посмѣетъ вступить въ Японію, и да будетъ всѣмъ имъ вѣдомо, что даже самъ король Испаніи, или богъ христіанъ (т. е. папа), или-же главный Богъ (подразумѣвали Спасителя), если преступать этотъ законъ, заплатятся за ослушаніе своею головою“. Подобную строгость они почитали необходимой, чтобы прекратить проповѣдь такого вѣроученія, цѣль котораго была опасна для самостоятельности страны. Изъ числа обращенныхъ туземцевъ сто семействъ спасли свою жизнь тѣмъ, что дали обѣщаніе отложиться отъ новой вѣры и

возвратиться къ прежней религіи ихъ отцовъ. Эти семейства поселены были въ одной части города Ао-іама, снабжены всѣмъ нужнымъ и обязались слѣдить другъ за другомъ, не замѣчать-ли въ комъ наклонности къ христіанскому вѣроученію, и тотчасъ доносить объ этомъ высшимъ властямъ.

Такимъ образомъ испанцы и португальцы были окончательно изгнаны. Что касается голландцевъ, то хотя они и не признавали религію іезуитовъ, папу и Филиппа II, хотя они и оказали японцамъ свое содѣйствіе, ссудивъ ихъ пушками для осады Симабара, они все-таки не оставались совершенно свободными. Имъ отведено было мѣсто внутри небольшого острова Дезима, и только разъ въ году дозволялось имъ, въ туземныхъ носилкахъ, являться въ Міако, гдѣ они подносили на колѣняхъ обычные подарки микадо. Подобныя строгости были распространены и на японцевъ: доселѣ они могли свободно оставлять родину и вести торговля дѣла лично за-границей; но съ этого времени имъ строго запрещался выѣздъ за предѣлы страны. Ихъ суда, поэтому, начались строиться въ меньшихъ размѣрахъ, такъ-что могли плавать только по берегамъ и срединному морю и направляться не далѣе близъ лежащихъ острововъ. Хотя португальцы и пытались было войти снова въ сношенія съ японцами, пославъ для этой цѣли въ Макао посольство, но оно не было принято и тотчасъ выслано обратно.

Въ этомъ состояніи оставалась Японія въ продолженіе 217 лѣтъ (съ 1636—1853) замкнутой для остального міра. Все, что Европа могла знать объ этой странѣ чудесъ, было сообщено ей тѣми свѣдѣніями, которыя распространили служившіе въ голландской факторіи, какъ-то: Каронъ, Фишеръ, Майланъ, Кемпферъ, Тумбергъ и Филиппъ-Францъ фонъ-Зибольдъ, который, какъ врачъ факторіи и естествоиспытатель, жилъ въ Нагасаки въ первый разъ съ 1823—30, во второй съ 1859—62 г. Разумѣется, что втеченіе этихъ двухъ слишкомъ столѣтій бывали случаи, что корабли, гонимые бурей, находили убѣжище въ какой-либо японской гавани, но имъ ни въ какомъ случаѣ не позволялось долго тамъ оставаться. Японцы охотно оказывали имъ помощь и снабжали съѣстными припасами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, торопили ихъ немедленно выходить въ море и не позволяли людямъ, находившимся на кораблѣ, выходить даже на берегъ. Эта строгость соблюдалась безразлично для всѣхъ націй, были-ли это англичане или русскіе, французы или американцы. Одни голландцы пользовались предъ другими преимуществомъ имѣть на Дезимѣ свою факторію и непосредственно, только чрезъ приставленныхъ къ нимъ чиновниковъ, вести дѣла съ туземцами. Въ началѣ эта торговля была выгодной

для голландцевъ, и втеченіе столѣтія, съ 1600—1700 годъ, слиш-комъ 100 милліоновъ ф. ст. золотомъ было вывезено имп изъ Япо-ніи. За это золото Японія получила предметы роскоши, инстру-менты и новыя открытія европейской мысли. Но мало по малу выгода, которою пользовались голландцы, уменьшилась до такой степени, что они ежегодно стали отправлять изъ Батавіи въ Япо-нію не болѣе двухъ грузовъ. Это произошло отъ того, что одинъ изъ главнѣйшихъ родовъ товара, а именно, медикаменты, которые доставляли голландцы въ огромныхъ партіяхъ, японцы съ большей выгодой стали получать изъ Китая. Замѣчательно, однакожъ, то обстоятельство, какимъ образомъ, вопреки столь строгому надзо-ру, относительно выѣзда японца за-границу и пріѣзда иностранца въ Японію, все-таки находились въ странѣ тайные христіане, ко-торыхъ и въ настоящее время на Иессо насчитываютъ до 80,000 душъ. Когда въ 1854 г. графъ Путятинъ стоялъ въ Симодѣ явился, однажды, къ нему на корабль „Діану“ японецъ, и пере-крестившись по католически, со словами: Іесусъ Маріа, далъ по-нять, что онъ христіанинъ. Это былъ рѣдкій примѣръ, что японецъ прежнему сохранилъ христіанскую вѣру, переданную ему отъ отца, дѣда и прадѣда.

Въ наше время сильное развитіе торговли англичанъ и амери-канцевъ съ Китаемъ сдѣлало Японію весьма важнымъ пунктомъ, особенно тѣмъ, что китоловныя и другія суда часто принуждены находить убѣжище въ японскихъ портахъ. Кромѣ того, соедине-ніе Атлантическаго океана съ Тихимъ посредствомъ панамской желѣзной дороги и увеличеніе вслѣдствіе этого числа паровыхъ судовъ, естественно, вызвало особое вниманіе на богатыя залежи каменнаго угля Японіи и желаніе открыть съ этою страной тор-говыя сношенія. Эти расчеты побудили американскаго президен-та Филмора, во что-бы ни стало, войти въ сношенія съ японцами. Въ концѣ іюня 1853 года, коммодоръ Перри, ведя съ собою не-большую эскадру, состоявшую изъ двухъ паровыхъ фрега-товъ и двухъ военныхъ ботовъ, прибылъ къ мысу Идзу у Си-моды, и принудилъ сопротивлявшіяся японскія власти формально доставить тайкуну, находившемуся въ Іеддо, письмо президента американскаго конгресса, въ которомъ президентъ предлагалъ заключить съ Америкой дружественный и торговый договоръ. Но такъ-какъ японцы всячески хотѣли отклонить отъ себя это пре-дложеніе, то Перри объявилъ имъ, что онъ за отвѣтомъ явится ровно черезъ годъ, но съ большимъ числомъ военныхъ кораблей. И дѣйствительно, онъ явился въ портъ Іеддо 1-го февраля 1854 г. въ сопровожденіи трехъ паровыхъ фрегативъ, четырехъ во-

енныхъ ботовъ и двухъ подводныхъ лодокъ большого размѣра. Краснорѣчивое предложеніе американцевъ было принято, и они получили обѣщаніе, что кораблямъ ихъ будетъ оказываема всякая помощь, а для торговыхъ сношеній японцы открыли имъ два порта, Симоду и Хакодате.

Если честь открытія доступа въ Японію европейскимъ державамъ принадлежитъ американцамъ, то нельзя отрицать, что голландцы были первыми, которые показали всю выгоду сношеній съ этой страной. Когда въ 1845 году первая война Англій съ Китаемъ кончилась, голландцы не замедлили внушить японцамъ, что рано или поздно имъ придется поневолѣ войти въ ближайшія сношенія съ иностранными державами. Но ихъ гордость не могла допустить, чтобы тѣ корабли, которые въ теченіи 200 лѣтъ пользовались самою ограниченою льготой, могли-бы имѣть свободный доступъ, куда пожелаютъ. Это обстоятельство такъ сильно возбудило феодаловъ, или такъ называемыхъ *даймисовъ*, страны, что они всѣхъ тѣхъ, которые заключили съ Америкой торговый договоръ, начиная съ тайкуна и до послѣдняго чиновника, предали частію смерти, а частію изгнанію. Въ Японіи воскресла снова та ненависть ко всему иноземному, которой образецъ далъ, какъ мы видѣли, Іейасъ, такъ-что съ 1853 по 1869 годъ, слѣдовали одно за другимъ непрерывныя убійства и жестокости, которыя непосредственно начались послѣ отплытія commodора Перри и его эскадры. Письмо американскаго президента было получено царствовавшимъ тогда тайкуномъ Минамотто-Іейоши, который правилъ страной уже 17 лѣтъ, и отличался энергіей и первенствомъ въ совѣтѣ *даймисовъ*, привыкшихъ смотрѣть на него съ уваженіемъ. Не смотря на это, эти феодалы рѣшились, такъ-какъ тайкунъ первый согласился на знаменательный шагъ сближенія съ иноземцами, наказать его посредствомъ отравы. Во главѣ ихъ стоялъ первый министръ Мидго-уно-етъ-фисен-но-ками. Чиновникъ, назначенный поднести тайкуну стаканъ съ отравой, возбудилъ его подозрѣніе, такъ-что онъ бросилъ стаканъ ему въ лицо, затѣмъ обнажилъ мечъ, разрубилъ его, и убилъ самого себя.

Вслѣдствіе договора, заключеннаго съ commodоромъ Перри, прибылъ, въ 1857 году, въ Симоду американецъ Гаррисъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ дипломатовъ, какъ генеральный консулъ американскаго конгресса. Въ томъ-же году получилъ онъ отъ президента вѣрительную грамоту, и не смотря на разныя препятствія, отправился лично, для доставленія ея въ Іеддо. Здѣсь пробылъ онъ до апрѣля 1858 года, и благодаря своей стойкости успѣлъ добиться утвержденія всѣхъ статей договора. Онъ достигъ своей цѣли особенно

тѣмъ, что указалъ японцамъ на соединенныя эскадры англичанъ и французовъ, которыя угрожали собственно Китаю, и могли также появиться на японскихъ водахъ, чтобы открыть себѣ входъ въ японскія гавани. Гаррисъ обратилъ ихъ вниманіе на то, что благо-разумнѣе было-бы покончить мирно договоръ съ нимъ, яввшимся безъ особой морской силы, и не заставлять прибѣгнуть къ содѣйствію вооруженныхъ друзей Америки. Японцы согласились, но отложили окончательную ратификацію договора до слѣдующаго сентября, на томъ основаніи, что многіе изъ даймісовъ были противъ трактата. Гаррисъ возвратился въ Симода.

15 іюля, послѣ побѣды подъ Пекпномъ, заключенъ былъ французами и англичанами миръ съ Китаемъ, вслѣдствіе чего вся Китайская имперія, всѣ судоходныя ея рѣки и даже ворота Пекина, должны быть открыты иностраннымъ державамъ. Лишь только Гаррисъ узналъ объ этомъ, тотчасъ поспѣшилъ въ Канагава и обратился къ японскому правительству, настоятельно требуя формальнаго подтвержденія трактата до прибытія въ японскіе порты союзниковъ. Трактатъ былъ подписанъ тотчасъ-же на кораблѣ „Поуентъ“. Подпись эта повлекла за собою мечь *даймісовъ*, постоянно враждебныхъ допущенію въ страну иностраннаго элемента. Тайкунъ былъ отравленъ, а всѣ тѣ, которые принимали участіе въ заключеніи договора, всѣ до одного были изведены, но никто не можетъ сказать, какимъ образомъ. Къ счастью, быть можетъ, и для самого мистера Гаррисса, онъ тотчасъ послѣ ратификаціи отправился въ Симода и тѣмъ избѣжалъ смерти. Но страсти могли уничтожить только ограниченное число жертвъ, онѣ не могли уже остановить силу обстоятельствъ. Мѣсяцемъ позже явился лордъ Эльджинъ съ большимъ флотомъ въ Іеддо, но не какъ дипломатъ, для заключенія торговаго трактата, а какъ покровитель, которому слѣдовало сдѣлать всѣ уступки, какія-бы онъ ни пожелалъ. Американскій трактатъ былъ заключенъ въ іюлѣ 1858 года, русскій—въ августѣ, и въ томъ-же мѣсяцѣ англійскій, въ силу котораго не только Симода и Хакодате сдѣлались доступны для иностранцевъ, но и дано было обѣщаніе, что въ 1 іюля 1859 г., Канагава, въ 1 января 1860 года Нее-е-Гата, или иная удобная гавань на западномъ берегу Нифона, и наконецъ въ 1 января 1863 года, Гіюго и Осака будутъ также открыты для кораблей договаривающихся державъ. Подобный-же трактатъ былъ заключенъ и съ французскимъ посланникомъ, барономъ Гро и голландскимъ докторомъ Курцјусомъ, и позже съ графомъ Эйленбургомъ, уполномоченнымъ прусскаго правительства.

Такимъ образомъ, положенъ былъ конецъ вѣковой отчужденности

Японіи отъ остальнаго міра, и эта отчужденность устранена безъ особаго затрудненія. Жизньъ европейцевъ въ этой странѣ была въ постоянной опасности, и не только частные люди подвергались смерти на улицахъ въ виду всѣхъ, но и акредитованныя лица иностранныхъ державъ не имѣли въ собственныхъ домахъ спокойствія и безопасности.

Умный дипломатическій шагъ, сдѣланный мистеромъ Гаррисомъ, былъ тотъ, что окончательное заключеніе договора совершено было въ Вашингтонѣ, для чего отправлено было туда особое японское посольство. Члены этого посольства имѣли случай видѣть всѣ чудеса цивилизаци. Изъ Вашингтона отправились они въ 1862 г. на лондонскую всемірную выставку, и возвратившись домой, они могли рассказать все то, что видѣли во многихъ европейскихъ государствахъ, величіе и сила которыхъ ничуть не-задѣли самолюбіе японцевъ, рѣшившихся войти съ этими государствами въ дружескія сношенія. Нѣкоторые изъ богатыхъ феодаловъ рѣшились даже послать въ Парижъ и Лондонъ молодыхъ людей для образованія и изученія европейскихъ языковъ, чтобы въ послѣдствіи служить переводчиками, по возвращеніи ихъ на родину. Съ тѣхъ поръ сношенія съ Японіей оживились.

Незнаніе японцами курса и настоящей цѣны золоту и серебру вызвало въ началѣ ближайшихъ сношеній съ Японіей множество иностранныхъ пришлецовъ, которые, эксплуатируя жителей, быстро обогащались тѣмъ, что мѣняя серебро на золото, выигрывали по 300 и болѣе процентовъ. Золото Японіи вывозилось въ огромныхъ суммахъ. Но этому былъ вскорѣ положенъ конецъ, благодаря благородному вмѣшательству британскаго консула сэра Алкока, который, при содѣйствіи не менѣе благородно-мыслящихъ американцевъ и англичавъ, поднялъ цѣну золота по европейскому курсу, и установилъ болѣе правильный размѣръ въ торговлѣ. Но *дайміосы* не унимались. Въ развивающихся сношеніяхъ туземцевъ съ иностранцами они видѣли постепенное подготовленіе къ порабощенію послѣдними ихъ страны, и всячески старались какъ можно болѣе отдалять туземцевъ отъ сношеній съ европейцами и американцами. Для этого они ограничили кругъ дѣйствій послѣднихъ извѣстными мѣстностями; запретили непосредственныя сдѣлки и установили куплю и продажу чрезъ туземныхъ агентовъ или маклеровъ и наконецъ наложилъ столь высокую пошлину, что ни привозъ, ни отвозъ не могъ давать даже посредственной прибыли торговцамъ. Но не смотря на это, торговля идетъ своимъ чередомъ, потому-что естественный ходъ человѣческой дѣятельности—богатѣть своимъ трудомъ, не можетъ быть остановленъ искусственными мѣ-

рами. Такимъ образомъ произведенія искусствъ запада находятъ все-таки выгодный обмѣнъ на произведенія Японіи, состоящія изъ чая, шелка, табаку, камфоры, воска, бронзы, парцелана и вещей лакированной работы, вывозимыхъ въ Китай и на Западъ въ большомъ колпчествѣ.

Въ „Fortnightly Review“ (1-го мая 1870 г.) помѣщена была статья Митфорда „A Ride through Yeddo“ (Прогулка по Іеддо), изъ которой почерпаемъ вѣкоторыя свѣденія, бросающія новый свѣтъ на Японію. Въ короткое время страна эта подверглась такимъ пзмѣненіямъ, что самые туземцы не знали о самихъ себѣ и о своей странѣ такихъ вещей, какія открыты были европейцами и американцами. Микадо, напримѣръ, не есть какая-либо тѣнь или божество, которое только весьма немногимъ показывается въ резиденціи своей Міако. Онъ, подобно обыкновеннымъ смертнымъ, ходитъ и движется среди своихъ придворныхъ; ѣздитъ верхомъ и учитъ своихъ солдатъ; принимаетъ англійскаго принца и австрійскихъ уполномоченныхъ. Жена его изучаетъ европейскую музыку и беретъ уроки на фортепiano у жены англійскаго генеральнаго консула. *Дайміосы* исчезли вмѣстѣ съ тайкуномъ. Безчисленныя толпы тунеедцевъ, съ заткнутыми за поясомъ двойнымъ мечамъ, которые были постояннымъ ужасомъ народа, убивавшіе изъ одного только удовольствія видѣть пролитую кровь, иностранца или туземца, мало-по-малу исчезли. Они обратились въ земледѣльцевъ, садовниковъ, ремесленниковъ и содѣйствуютъ усилению производительности страны, вмѣсто того, чтобы, какъ было прежде, непроизводительно потреблять труды руеъ земледѣльца и быть въ тягость государству. Крикъ „шита-ни-иро! шита-ни-иро!“ (на колѣни), раздававшійся на улпцахъ японіями, своего рода ликторами, предшествовавшими и сопровождавшими дайміоса, и дававшими этимъ крикомъ народу знакъ падать ницъ, болѣе не раздается на публичныхъ мѣстахъ. Дайміось является теперь безъ свиты; никто не обращаетъ на него подобострастнаго вниманія, и послѣдній изъ черни спокойно проходитъ мимо, сознательно понимая, что онъ болѣе не червь, котораго можно растоптать ногами. Это—великая революція, происшедшая въ Японіи и удивляющая въ настоящее время всякаго европейца. Послѣдніе не находятъ болѣе подъ зоркимъ наблюдениемъ соглядатаевъ правительства и даже высшіе сановники обращаются съ ними, какъ съ равными себѣ, мѣняются визитами, такъ-что европейецъ вполне чувствуетъ себя, какъ дома. Митфордъ рассказываетъ, что онъ съ своими товарищами, во время своей прогулки по улицамъ Іеддо, былъ сопутствуемъ нѣсколькими проводниками, вооруженными мечами, верхомъ на призем-

стыхъ, тощихъ лошадакъ. Эти проводники принадлежали къ такъ-называемымъ беттегуми, отряда солдатъ, который былъ учрежденъ правительствомъ въ самомъ началѣ послѣднихъ сближеній съ европейцами, для сопутствованія ихъ во время посѣщеній Иеддо. Отрядъ этотъ состоитъ изъ людей благородной крови, имѣющихъ право носить оружіе. Съ тѣхъ поръ, какъ учреждено было либеральное правительство, японцы измѣнились и въ своемъ обращеніи къ европейцамъ, въ такой мѣрѣ, что стараются перещеголять другъ друга, оказывая своимъ новымъ друзьямъ какъ можно болѣе вниманія и вѣжливостей.

Когда Митфордъ съ своими спутниками прибылъ въ ту часть города, гдѣ находились дворцы благородныхъ „яшики“, то рассказываетъ слѣдующее: „Въ прежнее время,—т. е. три года тому назадъ, относительно въ недавнее время, но сравнительно съ переворотомъ по внутреннему прогрессу, множество столѣтій тому,—широкія улицы и обширныя площади предъ дворцами представляли поразительный и своеобразный видъ: толпы народа падали во прахъ предъ проходившимъ, проносившимся или проѣзжавшимъ *даймиосомъ*, окруженнымъ вооруженными воинами и отпавлявшимся во дворецъ тайкуна. Воины несли его знамена и щиты съ украшеніями его рода, и были готовы, при малѣйшемъ невниманіи какого-либо несчастнаго ротозѣя, изрубить его въ куски. Случалось и намъ, западнымъ варварамъ, обращать на себя ихъ зловѣщіе взгляды, которые смотрѣли на насъ, какъ на волшебниковъ или злыхъ духовъ“.

Митфордъ продолжаетъ въ пророческомъ смыслѣ такимъ образомъ: „Крикъ „пита-ни-про!“ (на колѣни!), который давалъ знать о приближеніи знатнаго лица, теперь не слышенъ болѣе, даже въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы, и послѣдній изъ нищихъ, даже заброшенный обществомъ парія, держитъ прямо свою голову предъ знатнѣйшимъ лицомъ въ государствѣ. Рабское колѣнопреклоненіе, такъ тѣсно связанное съ феодальною системою, перешло теперь въ область воспоминанія. Съ отмѣною рабства, народъ сталъ чувствовать большее мужество въ своемъ сердцѣ, и прежде чѣмъ протекутъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, народъ этотъ успеетъ dorости до болѣе либеральныхъ учреждений. Японія имѣетъ свою блестящую будущность. Правда, въ настоящее время производительный трудъ японца едва удовлетворяетъ его потребностямъ, потому-что страна обилуетъ еще тѣми тунеядцами — сатрапами, которые поѣдаютъ трудъ бѣдняка, безъ всякаго вознагражденія. Но не далеко время, когда неминуемо все будетъ измѣнено, судя по успѣхамъ народнаго самосознанія. Это самосознаніе доведетъ наконецъ и без-

численное множество дворянъ-гунейдцевъ до необходимости взяться за трудъ, въ противномъ случаѣ, имъ самимъ придется обратиться въ нищихъ попрошайекъ“.

Собственно о микадо Митфордъ рассказываетъ, что онъ живетъ во дворцѣ, расположенномъ среди обширнаго парка, въ которомъ, кромѣ дворца, находятся сады, цвѣтники, пруды, водопадъ и красивыя небольшіе домики или павильоны, гдѣ микадо часто наслаждается чаепитіемъ. Въ одномъ мѣстѣ парка проведена между двухъ рядовъ деревьевъ дорога, изображающая въ меньшемъ видѣ ту дорогу, которая прорѣзываетъ страну отъ одного конца до другого. За этой небольшою дорожкой находится ферма съ миниатюрными домиками, служащими образцомъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ обитаютъ сельскіе жители. Ферма эта имѣетъ назначеніемъ представлять для микадо образчикъ жизни поселанина. Съ другой стороны дороги виднѣсь эзерциץ-плацъ для войска. Въ этомъ паркѣ микадо часто совершаетъ прогулки верхомъ, и вообще со времени сближенія съ европейцами видно въ немъ большее желаніе и стремленіе къ обществу. Онъ дѣлаетъ смотры войску и флоту, и исподоволь расширяетъ и пробиваетъ стѣны своего священнаго заточенія, въ которомъ невидимо для всѣхъ жили и умирали его предки. Совершенно въ противоположность укоренившимся обычаямъ пекинскаго дворца, микадо окружаетъ себя людьми съ высшими либеральными принципами, которые внушаютъ ему любовь къ ученію, единственному, по ихъ мнѣнію, средству упрочить свою власть. Съ своей стороны микадо оказываетъ и прилежаніе, и любознательность; въ немъ видно сознаніе своего достоинства, которое онъ вполне выказалъ при приемѣ англійскаго принца.

По новѣйшимъ извѣстіямъ видно, что японцы не безъ пользы отправляли въ Европу свое посольство. Успѣхи ихъ замѣчательны. Они всячески стараются усвоить новѣйшія изобрѣтенія. Телеграфная проволока, напримѣръ, связала уже Іеддо съ нѣкоторыми мѣстностями страны, и вскорѣ желѣзная дорога соединитъ столицу съ Осака и портомъ Гіого. Такъ-какъ японское правительство, въ слѣдствіе внутреннихъ войнъ и по причинѣ неурожая главнаго предмета потребленія—риса, принуждено было выписывать его изъ-за границы, что потребовало большого вывоза денегъ, оно прибѣгло къ тому способу для покрытія издержекъ, къ какому прибѣгаютъ обыкновенно европейскія государства, — именно, къ займу. Милліонъ фунтовъ стерлинговъ легко было имъ найденъ на лондонской биржѣ. Долгъ этотъ имѣетъ быть покрытъ изъ пошлиннаго сбора по вывозу японскихъ произведеній. Идя этимъ путемъ, Японія, въ теченіе немногихъ годовъ, позаимствуетъ у запад-

ныхъ державъ ихъ послѣднія изобрѣтенія и ни чуть не отстанеть отъ уровня ихъ цивилизаціи. Замѣчательнъ тотъ контрастъ, въ какомъ страна эта находится съ Китаемъ, который въ своемъ замкнутомъ положеніи знать ничего не хочетъ ни о телеграфахъ, ни о желѣзныхъ путяхъ. Этотъ контрастъ японцевъ и китайцевъ видѣнъ также и въ ихъ отчизны, на чужбинѣ, гдѣ они принуждены находиться по своимъ дѣламъ. Въ Сингапурѣ и Австраліи китайцы отличаются дѣятельностью и трезвостью своего труда, но въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей общительности съ людьми другихъ націй. Въ послѣднее время толпы китайскихъ рабочихъ переселились въ Сан-Франциско, чтобы найти работу на строящейся большой дорогѣ до Нью-Йорка, а также по рудокопнымъ работамъ, открытымъ въ большихъ размѣрахъ въ Калифорніи. И здѣсь характеръ ихъ неизмѣненъ: прилежаніе, усидчивость, строгое исполненіе возложенныхъ на нихъ занятій рѣзко отличаютъ ихъ отъ туземцевъ; но нечистоплотность и постоянное ихъ отчужденіе отъ другихъ дѣлаютъ невозможнымъ всякое съ ними сближеніе. Совершенною противоположностью замѣчается въ характерѣ японцевъ, которые также являются толпами въ Калифорнію, гдѣ они по преимуществу занимаются работами на шелковыхъ фабрикахъ. Они обыкновенно привозятъ съ собою матеріалъ для постройки своихъ домовъ, и, къ удивленію калифорнійцевъ, они возводятъ свои помѣщенія по плану и расположенію, какія обыкновенно употребительны на родинѣ. Чистота, простота и миловидность этихъ домиковъ обращаетъ вниманіе всѣхъ. И какая разница между ими и вонючимъ кварталомъ, гдѣ помѣщаются китайцы!

Новое богатство, открытое въ Японіи, увеличиваетъ въ глазахъ Европы и Америки еще болѣе значеніе этого государства. Открыты обширныя залежи каменнаго угля на одномъ островѣ, возлѣ Нагасаки. Разработка этихъ залежей уступлена торговому дому Кловеръ и К°. Подобныя сдѣлки, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи, были до сихъ поръ строго запрещены. Правительство послѣдней, сдѣлавъ первый шагъ въ подобной сдѣлкѣ, руководствовалось тѣмъ здравымъ государственнымъ смысломъ, что разработка этой отрасли промышленности поведетъ къ большому развитію пароходства, къ сильнѣйшей разработкѣ металловъ, и, слѣдовательно, увеличить государственные доходы. До послѣдняго времени японцы не могли этого понять, и ограничивались только употребленіемъ и разработкой верхняго пласта каменноугольныхъ залежей, не вдаваясь внутрь ихъ неисчерпаемой массы. Но лишь только они усвоили себѣ способы разработки и узнали средства проникать глубже, примѣнять помпы для выкачиванія воды, то, естественно, они безъ посторонней

помощи въ состояніи будутъ примѣнить подобнаго рода разработку и къ другимъ рудамъ, въ обиліи находящимся въ ихъ странѣ. Сношенія, начатыя съ Калифорніей, Австраліей, Китаемъ и Россіей, облегчатъ это новое производство и значительно удешевятъ его.

II.

Японія, эта старая страна чудесъ, наконецъ, открыта для западныхъ державъ. Что-же эти послѣднія нашли въ ней? Какую расу людей, какой способъ управленія, что это за страна, какія въ ней нравы, культура, религія?

У Марко Поло страна эта названа «Ципанго», т. е. по китайски „Ипан-ку“, что значитъ „Японское государство“. Первое слово „Ипанъ“ сами японцы выговариваютъ „Нифонъ“, что означаетъ по-китайски „страна восходящаго солнца“, или „востокъ“, по своему положенію на восточной сторонѣ Китая. Японія лежитъ между 31—50° с. ш., слѣдовательно въ сравненіи съ западнымъ міромъ, между южной стороною Алжиріи и сѣвернымъ берегомъ Франціи, но по причинѣ холодныхъ отъ WNW дующихъ вѣтровъ, климатъ въ послѣднихъ 10 градусахъ довольно суровъ. Вся страна образуетъ дугу круга и состоитъ изъ пяти острововъ: Кьюзю, Сикокъ, Нифонъ, которымъ опредѣляется названіе всей страны, Иессо, который не совсѣмъ извѣстенъ и самимъ японцамъ, и Сахалинъ, сѣверная часть котораго принадлежитъ Россіи, и по позднѣйшимъ извѣстіямъ отъ сентября прошлаго года, владѣніе Россіи распространено и до южной оконечности этого острова. По этимъ островамъ тянутся высокіе хребты горъ, заключающихъ въ своихъ нѣдрахъ, во многихъ мѣстахъ, вулканы, показывающіе и теперь нерѣдко свою огнедышащую жизнь, и производящіе иногда сильныя землетрясенія. Острова Луху соединяютъ Японію съ Формозой, а Курильскіе съ Камчаткой. Всѣ путешественники, посѣщавшіе Японію, говорятъ и утверждаютъ въ одинъ голосъ о райской красотѣ ея природы. Климатъ ея, за исключеніемъ сѣверной полосы, влаженъ и теплъ, воздухъ нѣжный и здоровый, почва обилуетъ всѣми произведеніями природы, плодами, деревьями, цвѣтами, а изъ послѣднихъ гигантская камелія, достигающая 30 аршинъ вышины, усыпается великолѣпными цвѣтами, въ южныхъ-же полосахъ страны она растетъ въ такомъ изобиліи, что ея убираютъ обѣ стороны проѣзжихъ дорогъ. Всѣ роды деревьевъ, находящихся въ Европѣ, можно найти и въ Японіи, и кромѣ того кедръ, пальма, бамбукъ

и чудная своею роскошью *Cryptomeria Japonica*, описанная такъ краснорѣчиво м-ромъ Рутефортомъ Алкокомъ. Онъ видѣлъ это дерево во всемъ его величественномъ разцвѣтѣ, и не одно, а цѣлую аллею этихъ деревъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли отъ 15—16 футовъ въ объемъ и до 150 ф. въ вышину. Земля, на которой растутъ эти деревья, во многихъ мѣстахъ такъ черна, и такъ плодотворно-тучна, какъ это не встрѣчается и въ нашихъ лучшихъ садахъ. Роскошь, разнообразіе и переливъ красокъ на цвѣтахъ такъ привлекательны, что всѣ одного мнѣнія, о невозможности представить на полотнѣ точнаго изображенія красоты этого чуда природы. Рассказываютъ, что одинъ англійскій офицеръ, вовсе не фантазеръ и не поэтъ, такъ былъ проникнутъ красотой этого дерева, что для него, говорилъ онъ своимъ друзьямъ, было-бы высшимъ блаженствомъ умереть въ виду этого дерева, и въ то-же время созерцать его красоту. Между-тѣмъ, страннымъ кажется европейцамъ, посѣщающимъ Японію, что кромѣ риса, превосходящаго по вкусу всѣ роды рисовъ всего свѣта, другія произведенія, какъ-то: зелень и плоды, безъ вкуса, цвѣты безъ запаха, а птицы безъ пѣнія. Туземцы часто жалуются въ шутку, что ихъ странѣ не достаетъ двухъ вещей: камня и золота.

Весь рядъ японскихъ острововъ лежитъ на вулканической почвѣ, которая неоднократно силплась пробивать свои изверженія чрезъ кратеры. Въ 1793 году на Кьюзю произошло дивное явленіе природы. Верхняя оконечность горы Унзен-яма провалилась въ кратеръ, такъ что вся гористая цѣпь измѣнила свой видъ. Два мѣсяца спустя послѣ этого происшествія, другая гора, Биво-нокуби, начала извергать рѣки лавы, теченіе которой покрыло окрестности на нѣсколько миль разстоянія. Эта лава и землетрясеніе измѣнили всю поверхность обширнаго округа въ провинціи Симабара, и были причиною, частію смерти, частію нищенства болѣе 53,000 народа. Лубочныя картины японскихъ живописцевъ, вращающіяся во множествѣ въ народѣ, представляютъ разные фазисы этого несчастнаго событія. Въ 1854 году, въ Симодѣ, вслѣдствіе подобнаго-же землеколебанія, море отступило отъ береговъ слишкомъ на 30 футовъ; но вскорѣ масса воды, получивъ обратный напоръ, поднялась футовъ на 60 кверху, и этой страшной стѣной покрыла сотни людей, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ и сокрушила большую часть судовъ, при чемъ пострадалъ и военный русскій корабль „Діана“. Вслѣдъ за этимъ землетрясеніемъ, другое землетрясеніе разрушило часть Іеддо, подъ развалинами котораго легло до 200,000 жителей. Въ 1856 году обрушился вслѣдствіе новаго землетрасенія въ Канагавѣ холмъ, на высотѣ 100 фу-

товъ, и покрылъ собою сотни людей. Въ 1860 году заволновалась вся окрестность Іеддо, подобно морю; гробницы колебались, надгробные памятники падали съ своихъ фундаментовъ. Японцы исчислили, что вслѣдствіе частыхъ землетрясеній, каждая семь лѣтъ разрушается по одному городу, но не смотря на это, они утверждаютъ, что каждое подобное несчастье влечетъ за собою обильное плодородіе.

Замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ горъ Японіи, на которую японцы указываютъ съ самодовольной гордостью, и которая постоянно фигурируетъ, какъ на обыкновенныхъ картинкахъ, такъ и на вещахъ лакированныхъ, это гора Фуси, или „Фуси-яма“. Самое названіе выражаетъ „несравненная гора“. Гора эта, въ формѣ кегля, возвышаясь надъ поверхностью моря на 14,000 ф., находится на юго-западѣ отъ Іеддо, такъ-что она совершенно видна изъ города, съ своею вершиной, покрытой снѣгомъ, хотя и отстоитъ отъ него на 40 англійскихъ миль. Съ перваго взгляда она производитъ на зрителя глубокое впечатлѣніе: ея кеглеобразный видъ, высоко воздымаясь, съ одной стороны представляетъ крутую, почти прямую отлогость, между тѣмъ какъ южная сторона легкимъ скатомъ своимъ простирается на десятки верстъ въ даль, нечувствительно сливаясь съ поверхностью земли. За исключеніемъ іюля и августа, вершина ея постоянно покрыта снѣгомъ, на которомъ лучи солнца преломляются въ миллионы разноцвѣтныхъ и свѣтозарныхъ отпрысковъ. Средна ея постоянно опоясана облаками, а спуски у ея подошвы покрыты голубоватымъ цвѣтомъ сгущенного воздуха. Она служитъ для жителей и самымъ вѣрнымъ барометромъ: когда приближается буря, гора покрывается легкимъ бѣлымъ облакомъ, такъ что изъ-за него ея не видно, и немного спустя,—но достаточно для того, чтобы корабельщики приняли свои мѣры, — разражается ураганъ. Сэръ Рутерфордъ Алкокъ, въ своемъ «Three years in Japan», описалъ свою прогулку изъ Іеддо на Фуси-яма, которую совершилъ въ началѣ сентября. Когда онъ поднялся на 6,000 ф., ему легче было обозрѣть остальные 8,000 ф. горы, возвышавшейся передъ нимъ въ своемъ своеобразномъ величій. Было трудно подняться выше, чтобы достигнуть ея вершины. Многие изъ его спутниковъ не были въ состояніи даже двигаться впередъ: воздухъ сдѣлался столь рѣдкимъ, что они едва могли переводить дыханіе. На возвышенности, на которую они достигли, путешественники нашли кратеръ, котораго жерло имѣло 1,000 ф. въ длину и 600 въ ширину и до 350 ф. была видна глубина. Температура въ полдень доходила до 54° Фар. На эту гору совершаются ежегодныя хожденія японцевъ, особенно изъ простонародья, потому-что существуетъ преданіе, по которому осно-

ватель древнѣйшей религіи въ Японіи, религіи «Синту», жилъ и умеръ на этой горѣ. Паломники увѣрены, что каждое подобнаго рода хожденіе придаетъ имъ не только тѣлесное здоровье, но и умственное.

Съ 1707 года Фуси-яма остается покойною, и только преданіе говоритъ, что первоначально она проявилась на поверхности изъ внутренности земли, и именно въ то время, когда возлѣ Міако образовалось обширное озеро. Окрестности этой горы, какъ вообще вся Японія, обилуютъ солью, сѣрой и цѣлебными источниками, которые имѣютъ вообще довольно высокую температуру. Источники эти часто посѣщаются европейцами, и ихъ благотворное вліяніе на здоровье доказано опытомъ. Въ этомъ мѣстѣ берега на большое пространство весьма опасны для плаванія. Они страшны частію утесами, частію подземными движеніями огненныхъ токовъ, производящихъ страшное бурленіе воды, частію атмосферическимъ вліаніемъ поднимаются громадныя массы волнъ, производящихъ водовороты, такъ-что корабли для своей безопасности держатся болѣе открытаго моря.

Произведенія страны состоятъ изъ риса, пшеницы, овса, гороха, бобовъ, изъ разныхъ растений, изъ сѣмянъ которыхъ готовится масло, изъ хлопка и конопли. Бѣлая шелковница также разводится въ большемъ количествѣ для воспитанія шелковичныхъ червей, а также и другіе роды деревьевъ, изъ коры которыхъ готовится бумага. Камфарное дерево растетъ только въ южныхъ полосахъ Японіи. Кромѣ того здѣсь находятъ въ обилии „Оросино-ки“ (*Rhus vernix*), изъ котораго извлекается лакъ, употребляемый для покрытія знаменитыхъ лакованныхъ издѣлій, которыми такъ славится Японія. Этотъ лакъ, въ видѣ смолистыхъ капель, образуется на старыхъ деревьяхъ. Кромѣ этихъ произведеній Японія производитъ также въ большомъ количествѣ чайное дерево и табакъ. Изъ риса дѣлаютъ разные напитки, называемые «саки», которые, смотря по ихъ спиртуозной крѣпости, болѣе или менѣе хмѣльны; изъ рисовыхъ осадковъ готовятъ уксусъ и разные сои. Страна богата минералами, особенно золотомъ, серебромъ, мѣдью, оловомъ и сѣрой.

Что-же касается религіозныхъ вѣрованій Японіи, то буддисты вѣруютъ въ переселеніе душъ, чѣмъ объясняется причина рѣдкости животныхъ въ Японіи. Такъ-какъ и религія «Синту» запрещаетъ убивать и прикасаться къ крови животныхъ, то изъ этихъ послѣднихъ ни одно не разводится для пищи. Японія въ древности имѣла и лошадей, и воловъ, собакъ и кошекъ; въ послѣдствіи португальцы занесли туда овцу, но японцы не способствовали къ

разведенію этой послѣдней. Китайцы, напримѣръ, пытались развести въ Японіи свинью, но и она не принялась, одичала и ея мясо служить пищей только для немногих иностранцевъ. Въ Японіи находятся нѣкоторыя секты, которыя употребляютъ въ пищу дикую козу, зайца и нѣкоторыхъ дикихъ птицъ; изъ пушныхъ-же звѣрей находится лисица, которой шкурка выдѣлывается и употребляется на изготовленіе бубаровъ для красокъ и письменныхъ принадлежностей. Черепаха и журавль пользуются особымъ вниманіемъ, ихъ почитаютъ животными священными, никогда не убиваютъ и не ѣдятъ. Въ прилежащихъ моряхъ водятся киты небольшихъ размѣровъ; ихъ ловятъ, и нѣкоторыя ихъ части, равно также и другихъ рыбъ, употребляютъ въ пищу. Водоросль имѣетъ особенное достоинство, и когда проваренъ въ кипяткѣ, имѣетъ вкусъ исландскаго моха. Цѣлые его грузы отправляются въ Китай, гдѣ находятъ большой сбытъ, и доставляютъ китайцамъ особое вкусное и нѣжное блюдо.

Что-же касается жителей, то судя по ихъ фizioноміямъ, можно различить въ нихъ три отдѣльныя расы. Первобытные обитатели страны „айносы“, отличающіеся крѣпкою костною организаціей и густоволосою наружностью, рѣзко отличаются отъ пришлыхъ переселенцевъ изъ Монголіи и изъ Индіи. Аиносы обитаютъ въ сѣверной окраинѣ Иессо и находятся въ общемъ презрѣніи и уничиженіи. Южные жители носятъ на себѣ отпечатокъ частію монгольской расы, частію представляютъ нѣжныя черты, напоминающія кавказское племя, съ большими глазами и прямымъ носомъ. Исторія Японіи имѣетъ свои лѣтописи, которыя доходятъ до 1536 г. до Р. Х., и которыя переведены Клапротомъ на французскій языкъ. Страною управляли три династіи, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ къ области баснословія. Къ первой изъ нихъ относились семь боговъ, а ко второй, земной династіи, пять боговъ, отъ которыхъ происходила первоматерь „Тенсіо-даи-синъ“. Но что эти божественные правители не были всевластны, видно изъ того, что Японія подраздѣлялась на 66 отдѣльныхъ небольшихъ княженій, изъ которыхъ 53 находились на Нифонѣ, 4 въ Сикокѣ, а остальные 9 въ Кьюзю. Всѣ они вмѣстѣ, въ свою очередь, подраздѣлены были на 600 маленькихъ владѣній, которыхъ правители были почти независимы другъ отъ друга.

Въ 600 году до Р. Х. всѣ эти мелкія владѣнія были сплочены въ одно государство и подъ одинъ скипетръ сильнымъ и могущественнымъ княземъ Цин-му (Духъ войны), повидимому китайскаго происхожденія. Онъ покорилъ также и волосатыхъ аборигеновъ Японіи. Этотъ властитель производилъ свой родъ отъ божествен-

ной матери „Тенсіо-дан“, т. е. „духа солнечнаго блеска“, и почитается родоначальникомъ царствующихъ и до настоящаго времени микадовъ, т. е. „высокопочитаемыхъ“, составляющихъ третью, историческую династію японскихъ властителей. Вся внутренняя исторія страны представляетъ непрерывный рядъ усобицъ между малыми владѣтелями, и между сими послѣдними и микадами, и эти междоусобія прерывались, но не надолго; особыми замѣчательными событіями. Въ III в. до Р. Х. были внесены въ Японію изъ Кореи китайскія писмена. Въ половинѣ VI вѣка, изъ Кореи-же перешло въ Японію, не смотря на сопротивленіе жрецовъ Синту, ученіе Будды, и съ такимъ успѣхомъ, что въ непродолжительное время, по свидѣтельству лѣтописей, а именно въ началѣ VII в., находились въ Японіи 46 буддійскихъ храмовъ съ 816 жрецами и 569 жрицами. Съ этого-то времени возводимы были большею частію на престолъ микадо — женщины, даже мальчики и дѣвочки, отчего увеличивалась въ странѣ безурядица. Къ этому времени относится и составленіе законовъ „Рицъ-Ріо“ японскимъ законовѣдомъ Юзинварой († 720), которые имѣютъ свое дѣйствіе и въ настоящее время, вмѣстѣ съ 100 законами, изданными въ XVII в. Ійейасомъ. Источникомъ японскаго законодательства служили буддійскія каноническія книги и юридическая литература Китая.

Въ продолженіе слѣдующихъ 400 лѣтъ исторія Японіи ничего болѣе не представляетъ, какъ постоянныя междоусобія, особенно между двумя родами изъ фамиліи микадо, между Ге и Генъ. Около 1185 года вся отрасль рода Ге была уничтожена, такъ что женскіе его потомки въ Ринносекки, чтобы поддержать свою жизнь, занимались проституціей. И въ настоящее время проститутки этого города имѣютъ особое право, между публичными женщинами, носить сзади „оби“, или длинные концы пояса, которые другія носятъ спереди. Воинъ, который особенно помогалъ роду „Генъ“, назывался Юритомо и почитается славнѣйшимъ мужемъ Японіи. Онъ былъ возведенъ микадомъ на степень генералиссимуса, носившую названіе цюгунъ, шюгунъ или тайкунъ, и это достоинство, до послѣдняго времени, когда личность микадо низшла съ своего пьедестала, было преемственнымъ въ родѣ. Микадо теперь потерялъ прежнее свое вліяніе, и дѣло правленія перешло въ руки цюгуна, котораго власть съ XVII столѣтія ограничена совѣтомъ дайміосовъ, называемымъ *Горроіо*. Лѣтомъ 1869 года исчезъ послѣдній тайкунъ и вмѣстѣ съ нимъ и его достоинство, и дайміосы объявили одного микадо властителемъ всей страны, за что, въ вознагражденіе ихъ патриотизма, были названы „хи-ганья“. Эта большая революція, положившая конецъ власти тайкуна, имѣетъ свою при-

чину въ договорахъ съ западными державами. Микадо и большая часть даймйосовъ были противъ заключенія подобныхъ договоровъ, и хотя не было никакой возможности избѣгнуть ихъ, но вся отвѣтственность пала на тѣхъ, которые ихъ заключили.

Послѣ микадо, тайкуна и подвластныхъ послѣднему даймйосовъ, въ Японіи находятся еще нѣсколько разрядовъ дворянъ, изъ которыхъ набираются офицеры въ армію; ставятъ губернаторовъ въ провинціи и управляющихъ императорскими имуществами. Кромѣ того находятся и нижніе чиновники разныхъ управленій, которые, наравнѣ съ дворянами, имѣютъ право носить два меча, между-тѣмъ какъ переводчикамъ и медикамъ дозволено имѣть при себѣ только одинъ мечъ. Купцы, не смотря на ихъ огромныя богатства, стоятъ на низшей сословной степени, и не имѣютъ права быть вооруженными и выѣзжать верхомъ на конѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что относительно послѣднихъ, запрещеніе носить оружіе и ѣздить верхомъ будетъ отмѣнено, такъ какъ иностранные купцы, живущіе въ Японіи, выѣзжаютъ и вооружаются наравнѣ съ туземными дворянами, къ чему легко могутъ привыкнуть и японцы. Вслѣдъ за торговымъ сословіемъ слѣдуютъ ремесленники, имѣющіе, подобно какъ въ Европѣ, свои цехи. Наконецъ, слѣдуютъ земледѣльцы, а за ними судовщики и кожевники и всѣ тѣ, которые занимаются падалью или скотиной, отнесены къ самому низшему сословію населенія.

Самое замѣчательное учрежденіе, какое существуетъ въ Японіи, это шпіонство. Оно развито до такой степени, что къ каждому чиновнику, какъ-бы онъ ни стоялъ высоко по своей обязанности, приставленъ другой чиновникъ, слѣдящій за нимъ и докладывающій объ его дѣйствіяхъ оберъ-полиціймейстеру по этой части, находящемуся въ Іеддо. Это учрежденіе вовсе не позорно въ Японіи, и на него смотрятъ, какъ на необходимый отдѣлъ государственнаго управления, и каждому извѣстно, какъ зорко слѣдитъ за нимъ его приставникъ. Такимъ образомъ ціогунъ или тайкунъ имѣлъ своихъ шпіоновъ при дворѣ микадо, которые извѣщали его о всѣхъ интригахъ, происходившихъ въ Міако, для того, чтобы если эти интриги принимаютъ серьезный видъ, онъ-бы могъ, наказаніемъ виновныхъ, предупредить послѣдствія. Точно также и за каждымъ иностраннымъ купцомъ зорко слѣдятъ приставленные къ каждому изъ нихъ по два шпіона, и особенно въ томъ случаѣ, если, вопреки положенію, иностранные купцы входятъ непосредственно, помимо правительственнаго агента, въ торговля сдѣлки съ японцами. Иностранные консулы точно также находятся подъ наблюденіемъ шпіоновъ; роль которыхъ часто играютъ ихъ слуги. При

дворахъ даймюсовъ находятся также соглядатаи, отъ которыхъ не избавлены и частныя семейства. Рассказываютъ, какъ трудно было центральному правительству держать шпионовъ при дворѣ князя Сатсумы, потому-что, такъ-какъ собственные его шпионы были прозорливѣе и ловчѣе, то онъ вскорѣ узналъ шпионовъ тайкуна и безцеремонно велѣлъ падачу снять съ нихъ головы. Только одинъ изъ нихъ не былъ узнанъ, и какъ простой плотникъ работалъ въ корабельной верфи, а между-тѣмъ прилежно записывалъ все, что слышалъ, тайно отсылая свои доносы въ Иеддо. Въ вознагражденіе вѣрной службы онъ получилъ мѣсто губернатора въ Хакодате.

Учрежденіе системы шпионства имѣло свою причину: она ограждала власть тайкуна и его государственный совѣтъ отъ частыхъ заговоровъ дворянъ, даймюсовъ. Поэтому съ начала XVII в. было принято, чтобы всѣ семейства даймюсовъ жили въ Иеддо, а сами даймюсы проводили-бы полгода въ своихъ земляхъ, а другіе полгода въ Иеддо. Это двойное хозяйство, въ городѣ и деревнѣ, постоянныя, часто отдаленныя разъѣзды въ сопровожденіи большой свиты, состоявшей изъ сотни и болѣе людей, называемыхъ „якувиусъ“, требовало большихъ издержекъ, и истощало капиталы этихъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Постоянное разъединеніе даймюсовъ, какъ между собою, такъ и въ семейномъ быту, ихъ частыя поѣздки, пребываніе ихъ женъ и дѣтей въ Иеддо въ видѣ гарантій, было сдѣлано для того, чтобы не дать имъ случая сходиться и разсуждать о государственныхъ дѣлахъ, что, естественно, могло повести къ неудовольствію и заговору. Такой системой Японія сохраняла втеченіе 250 лѣтъ мирное спокойствіе. Съ появленіемъ въ этой странѣ иностранцевъ былъ положенъ конецъ этому порядку, и такъ-какъ многіе даймюсы были недовольны вторженіемъ пришельцевъ съ запада, то войдя въ соглашеніе между собою и съ микадо, они наконецъ достигли цѣли, такъ что съ 1853 года постоянная смѣна одного тайкуна вслѣдъ за другимъ, привела къ совершенному упраздненію этой важной степени второй власти въ государствѣ.

С. II.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

БРИЛЛИАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

РОМАНЪ

АНТОНИ ТРОЛОППА.

ГЛАВА VI.

Посольство леди Линлитгау.

— Леди Линлитгау? повторилъ Франкъ Грейстоуъ, всплеснувъ руками.

— Она, конечно! сказала миссъ Мекнэлти. — Я съ ней не говорила, но видѣла ее собственными глазами. Она велѣла кланяться леди Эстасъ и велѣла сказать, что желаетъ ее видѣть.

Леди Эстасъ до того была поражена довлдомъ, что не могла выговорить ни слова. Ссора ея съ теткой была такого рода, что ей казалось невозможнымъ допустить, чтобы леди Линлитгау рѣшилась прѣхать къ ней въ Маунт-Стритъ. Лиззи поступила очень дурно съ теткой, такъ дурно, какъ только могла поступить молодая женщина съ старухой. Она получала столъ, квартиру и даже платья отъ тетки; но съ той минуты, когда судьба ея перемѣнилась и она нашла свой домъ, свое хозяйство, свои платья, — она тотчасъ-же отвернулась отъ прежней своей благодѣтельницы. И вдругъ ей докладываютъ, что леди Линлитгау стоитъ у нея въ домѣ, внизу, въ прихожей, и что она приказываетъ кланяться своей племянницѣ!

— Я не хочу ее видѣть! крикнула-было Лиззи.

— Мой совѣтъ лучше повидаться съ ней, замѣтилъ Франкъ.

— Я не могу ее видѣть! повторила Лиззи. — Господи Боже мой! Моя милая, вы не знаете, что ей отъ меня нужно? спросила она, обращаясь къ миссъ Мекнэлти.

— Она говоритъ, что ей необходимо переговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ, отвѣчала миссъ Мекнэлъти.

— Право, вы должны ее принять, вмѣшался опять Франкъ. — Позвольте мнѣ сначала удалиться, а затѣмъ прикажите провести ее сюда. Не робѣйте, Лиззи, я приду къ вамъ завтра и вы мнѣ расскажете, въ чемъ дѣло.

— Смотрите, приходите непременно, сказала ему Лиззи.

Франкъ простился съ нею и она велѣла принять тетку.

— Джулія, не уходите далеко, произнесла тревожно леди Эстасъ, обращаясь къ Мекнэлъти; — можетъ быть, вы мнѣ еще понадобится. Я приму ее въ парадной гостиной.

Говоря это, леди вышла изъ комнаты и, дрожа какъ листъ отъ невольнаго страха и ожиданія, опустилась въ кресло въ большой гостиной. Франка Грейстока успѣли провести въ другія двери, такъ-что онъ не встрѣтился съ старухой, но для этого, конечно, понадобилось нѣсколько минутъ. Затѣмъ миссъ Мекнэлъти передала слугѣ приказаніе леди принять тетку и тотъ исполнилъ это немедленно. Леди Линлитгау, не смотря на крѣпкое сложеніе, была уже очень стара. Движенія ея были медленны, или, лучше сказать, величественны. Она принадлежала къ числу тѣхъ старухъ, въ преклонныхъ лѣтахъ которыхъ нельзя сомнѣваться;—про нихъ обыкновенно молодые люди говорятъ, что онѣ всегда были старухами; но старость не дѣйствовала на леди Линлитгау разрушительно. Если рука ея и дрожала иногда, то она дрожала только отъ гнѣва; если ноги ея спотыкались, то спотыкались не безъ причины. Въ нѣкоторомъ отношеніи Линлитгау была замѣчательная женщина. Она не знала, что такое страхъ, милосердіе, снисходительность, о нѣжныхъ чувствахъ и понятіи не имѣла. Воображенія у нея совсѣмъ не было. Она любила свѣтъ, деньги и отъ природы была черства. Она старалась быть правдивой и честной, хотя иногда дѣйствовала наоборотъ; понятіе о долгѣ было ей не чуждо, къ себѣ она относилась чрезвычайно строго, характеръ и воли были у нея желѣзные, за то довѣриться ей можно было волюнѣ. Любить ее никто не могъ; но очень многіе помнили ее добрымъ словомъ. Она отказывала себѣ во многомъ, стараясь выполнить свой долгъ въ отношеніи своей племянницы Лиззи Грейстокъ, когда та осталась сиротой и безъ крова. Нѣтъ сомнѣнія, что Лиззи, ночуя подъ кровомъ тетки, не всегда спала на розахъ, но дурно-ли, хорошо-ли ей жилось, молодая дѣвушка переносила эту жизнь, пока ей это было нужно. Она принудила себя покоряться теткѣ, но въ первую-же минуту свободы отъ ея ярма, не задумавшись, отскочила отъ нея. И вотъ теперь тяжелыя шаги тетки слышались

по ея лѣстницѣ! Лиззи была въ своемъ родѣ храбрая женщина. Она смѣло шла на встрѣчу опасности, если было для чего рисковать собой. Но по молодости лѣтъ у нея не доставало той силы характера и того самообладанія, которыя составляли отличительную черту леди Линллитгау.

Когда графиня вошла въ гостиную, Лиззи поднялась съ мѣста но не сдѣлала ни шагу впередъ. Старуха была невысокаго роста, съ длиннымъ и широкимъ лицомъ, четырехугольнымъ лбомъ и такимъ-же подбородкомъ. Носъ ея слишкомъ выдавался впередъ, но это былъ не горбатый носъ, какъ клювъ, а носъ багроваго цвѣта, прямой и крѣпкій, съ широкой переносицей; глаза у нея были сѣрые и очень пронизательные, ротъ большой, а на верхней губѣ росло столько волосъ, что ихъ хватило-бы на усы любому юношѣ. Губы и подбородокъ у леди Линллитгау отличались суровымъ, холоднымъ выраженіемъ. Волосы ея все еще были темноваштановые, и сѣдина только пробивалась въ нихъ. Сѣдина чрезвычайно украшаетъ старость; но леди Линллитгау, вѣроятно, никогда совершенно не посѣдѣетъ. Вообще вся ея наружность не имѣла ничего паразитическаго, за то могла служить олицетвореніемъ твердости и силы воли. Леди не носила фальшивыхъ волосъ, корсетовъ и не употребляла притираний; все, что она показывала свѣту — все это у нея было свое, натуральное и хотя въ ней не было ничего ангельскаго, но вы видѣли передъ собой живую женщину, а не размалеванную куклу.

Когда Лиззи взглянула на лицо тетки, она догадалась, что ей предстоитъ сильная борьба и приготовилась къ ней. Кто изъ насъ, мужчинъ или женщинъ, не находился въ подобномъ положеніи и не чувствовалъ необходимости призвать на помощь все свое мужество въ виду предстоящей борьбы. Увы! иногда борьба начинается, а мужества недостаетъ. Леди Эстасъ, при входѣ тетки въ комнату, почувствовала себя не въ своей тарелкѣ. „Скажите, что принесли вы мнѣ—войну или миръ“! собиралась она спросить гостью, но у нея не хватило духу заговорить первой. Тетка приказала ей кланяться — такъ, кажется, сказалъ слуга? Но что-жъ у нея можетъ быть общаго съ теткой?

Графиня прямо приступила къ дѣлу, безъ всякихъ намековъ на неблагодарность Лиззи въ отношеніи къ ней.

— Лиззи, сказала она, — меня просилъ м-ръ Кампердаунъ посѣтить васъ. Если вы позволите, я сяду.

— Пожалуйста, тетюшка Пенелопа! Вы назвали, кажется, м-ра Кампердауна?

— Да, м-ра Кампердаунъ,—вѣдь вы, надѣюсь, знаете, кто онъ такой? Онъ обратился ко мнѣ потому, что я ваша ближайшая родственница. Онъ не ошибся, вотъ почему я и пріѣхала, хотя, признаюсь, мнѣ этого очень не хотѣлось.

— Что касается вашего визита, тетушка Пенелопа, то вы-бы вѣрно не поѣхали ко мнѣ, если-бы сами того не захогѣли, возразила Лиззи съ обычною своею дерзостью, давно уже знакомою леди Ливлутгау.

— Нѣтъ, сударыня, я не хотѣла этого, повторяю вамъ. Пріѣхала я сюда совсѣмъ не для радости; мнѣ нужно отстоять родовыя права и спасти фамильную честь. У васъ гдѣ-то тутъ заперты брилліанты вашего покобнаго мужа, — вы должны возвратить ихъ.

— Брилліанты, принадлежавшіе моему мужу, принадлежали и мнѣ, гордо отвѣчала Лиззи.

— Это родовые брилліанты Эстасовъ, наслѣдственная вещь, древнее достояніе фамиліи Эстасовъ, все равно, какъ ихъ родовыя помѣстья. Сэръ Флоріанъ не могъ отдать ихъ въ чужія руки, онъ не имѣлъ на это права, а если-бы даже и имѣлъ, то и тогда этого не сдѣлалъ-бы. Такія вещи передаютъ только законнымъ актомъ, а не на словахъ. Это все пустяки и вы должны возвратить брилліанты.

— Кто это говоритъ, позвольте спросить?

— А хоть-бы и я.

— Это ничего не значить, тетушка Пенелопа.

— Ничего не значить? воскликнула старуха. — Посмотримъ! М-ръ Кампердаунъ говоритъ и весь свѣтъ твердитъ то же самое, что и я. Если для васъ и это ничего незначить, то васъ, моя милая, потянутъ въ уголовный судъ и присяжные повторятъ вамъ все то, что я теперь сказала. Вотъ чѣмъ дѣло кончится. И на что вамъ эти брилліанты? продать вы ихъ не можете; носить ихъ, оставаясь вдовой, вы не захотите. Если вы вторично выйдете замужъ, вы не рѣшитесь оскорбить честь мужа, выставляя на показъ родовые брилліанты Эстасовъ. Впрочемъ, съ вами нельзя толковать о благородствѣ чувствъ, вы о нихъ не имѣете ни малѣйшаго понятія.

— Я столько-же ихъ понимаю, сколько и вы, тетушка Пенелопа, и прошу васъ не читать мнѣ наставленій, прервала тетку племянница.

— Отдадите-ли вы ожерелье м-ру Кампердауну? сказала старуха рѣшительнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не отдамъ.

— Не ему, такъ ювелирамъ?

— И тѣмъ не отдамъ. Я намѣрена сохранить брилліанты для моего ребенка.

Лиззи зарыдала, по щекамъ ея покотились слезы, и она поднесла платокъ къ глазамъ.

— Вы хотите сберечь его для вашего ребенка? повторила графиня.— Да развѣ ювелиры не сжумъли-бы сохранить ихъ для него лучше, чѣмъ вы? При томъ мнѣ что-то не вѣрится, чтобы вы очень заботились о своемъ ребенкѣ.

— Тетушка Пенелопа, прошу васъ быть осторожнѣе въ выраженіяхъ.

— Я говорю, что думаю, Лиззи. Меня испугать нельзя. Дѣло въ томъ, что вы безчестите фамилію вашего мужа, а такъ-какъ вы моя племянница...

— Я никого не безчещу. Вотъ вы такъ каждаго безчестите.

— Такъ-какъ вы моя племянница, продолжала своимъ невозмутимымъ тономъ графиня, — я рѣшилась пріѣхать къ вамъ и сказать, что если вы ровно черезъ недѣлю, считая съ нынѣшняго дня, не возвратите брилліантовъ кому слѣдуетъ, васъ призовутъ къ суду *за кражу!*

Прозвнеся это страшное слово, леди Линлнктау покачала головой съ самымъ угрожающимъ выраженіемъ въ лицѣ. Рѣчь ея, тонъ голоса и жестъ, взятые вмѣстѣ, были поразительны.

— Я ихъ не украла, возразила Лиззи.— Мой мужъ вручилъ мнѣ ихъ лично самъ.

— Но вы не отвѣтили ни на одно письмо Кампердауна. Вотъ уже первая улпка противъ васъ. Послѣ этого нечего больше говорить съ вами. Мръ Кампердаунъ—старый стряпчій дома Эстасовъ: онъ пишетъ къ вамъ письмо за письмомъ, а вы обращаете на него столько-же вниманія, какъ на послѣднюю собаку!

Старуха произнесла это слово съ такимъ выраженіемъ, что леди Эстасъ внутренно покраснѣла.

— Зачѣмъ вы не отвѣчали на его письма, если вы чувствовали себя невиновной? продолжала тетка.— Вотъ вамъ доказательство, что вы сознавали свое преступленіе.

— Нѣтъ, я ничего не сознавала. Женщина не обязана отвѣчать всѣмъ и каждому на письма, которыя къ ней пишутъ.

— Отлично! Повторите все это предъ судомъ! Васъ вѣдь подѣ судъ отдадутъ. Говорю вамъ, Лиззи Грейстоукъ или Эстасъ,—какъ васъ тамъ зовутъ,—что такого рода дѣла по нашему называются утайкой или кражей. Я увѣрена, что вы собирались продать брилліанты.

— Тетушка Пенелопа, этого ужь я вамъ не позволю! сказала Лиззи, вскакивая съ кресла.

— А почему-же нѣтъ? вамъ придется выслушать и не то еще. Не воображайте, пожалуйста, чтобы м-ръ Кампердаунъ заставилъ меня прѣхать сюда изъ-за пустяковъ. Если вамъ не хочется, чтобы васъ публично назвали воровкой...

— Какъ вы смѣете! крикнула Лиззи.—Чего вы ко мнѣ лѣзете? Чего вы суетесь не въ свое дѣло и говорите мнѣ дерзости? Вы забываете, что вы въ моемъ домѣ!

— Я говорю то, что хочу, объявила старуха.

— Миссъ Мекнэлти, пожалуйста сюда, крикнула Лиззи, открывая дверь въ сосѣдную комнату. Она не отдавала себѣ отчета, можетъ-ли ей помочь такой слабый союзникъ, какъ миссъ Мекнэлти, но пораженная силой нападенія тетки, она рада была хоть въ чемъ-нибудь найти себѣ опору. Миссъ Мекнэлти, все время сидѣвшей у дверей и не пропустившей ни одного слова изъ шумнаго разговора, оставалось одно—выйти на сцену. Изъ всѣхъ личностей, ей извѣстныхъ, леди Линлитгау была въ ея глазахъ самой страшной, но между-тѣмъ она по своему любила старуху. Миссъ Мекнэлти была существо покорное, трусливое и рабски угодливое, но душой ее никакъ нельзя было назвать и она очень хорошо понимала разницу между истинной и ложью. Она вытерпѣла страшныя гоненія отъ леди Линлитгау, и не смотря на то, въ ней все-таки гнѣздилося убѣжденіе, что старуха, при всей своей ненависти къ ней, болѣе вѣрная для нея опора, чѣмъ Лиззи съ ея притворной привязанностью.

— А! а! такъ вы здѣсь? вотъ какъ! сказала графиня, увидя приживалку.

— Да-съ, я здѣсь, леди Линлитгау, робко отвѣчала миссъ Мекнэлти.

— Вѣрно подслушивали у дверей? Прекрасно!—тѣмъ лучше. Вы теперь все знаете и потому можете сказать ей свое мнѣніе. Вѣдь вы не дура, хотя отъ трусости пожалуй и рта не розпнете.

— Джулія, замѣтила леди Эстасъ,—будьте такъ добры, прикажите проводить тетушку до ея кареты. Я не могу болѣе выносить ея колкостей и уйду въ себѣ наверхъ.

Съ этими словами Лиззи, граціозно повернувъ свою спину теткѣ, пошла въ заднюю гостиную и оттуда убѣжала въ спальню. Тетка крикнула ей вслѣдъ слѣдующую фразу:

— Лиззи, повторяю вамъ, если вы не поступите такъ, какъ я говорю, то вы очутитесь въ тюрьмѣ въ четырехъ стѣнахъ.

Видя, что племянница уже далеко, старуха обратилась къ миссъ Мекнэльти:

— Мекнэльти, слышали вы что-нибудь о брилліантовомъ ожерельѣ? спросила она.

— Я знаю, что оно у нея, леди Линлитгау, отвѣчала приживалка.

— А она на него имѣетъ столько-же правъ, сколько и вы. Конечно, вы не осмѣлитесь передать ей моихъ словъ, замѣтила старуха, — потому-что побойтесь, чтобы она васъ не выгнала за порогъ, но не мѣшало-бы, чтобы вы ей все пересказали. Я исполнила свой долгъ. Звать лакея для меня не трудитесь. Я сама найду дорогу къ выходу.

И говоря это, старуха вышла. Не смотря на запрещеніе, миссъ Мекнэльти позвонила и графиню съ должнымъ почетомъ усадили въ карету.

Лиззи вмѣстѣ съ миссъ Мекнэльти отправились въ оперу и только по возвращеніи оттуда, передъ тѣмъ какъ ложиться въ постель, онѣ заговорили объ ожерельѣ и о визитѣ старой графини. Миссъ Мекнэльти не рѣшалась завести рѣчь о такомъ щекотливомъ предметѣ, а Лиззи съ намѣреніемъ отклоняла разговоръ, но происшествіе, случившееся вечеромъ, ни на минуту не выходило изъ головы леди Эстасъ. Музыку она вообще не очень любила, хотя увѣряла, что страстно ее любить и мысленно воображала себя артисткой въ душѣ. Но въ этотъ вечеръ ей было положительно не до оперы. Угрозы старухи тетки глубоко запали ей въ душу. Обвиненіе въ воровствѣ, тюрьма, присяжные, судьи—все это ошеломило ее какъ громомъ. „Неужели они дѣйствительно затѣяютъ со мной дѣло о покражѣ“? думала Лиззи. „Вѣдь я леди Эстасъ, и никто, кромѣ леди Эстасъ, не имѣетъ права владѣть этими брилліантами? Кто кромѣ нея можетъ носить ихъ? Ни одинъ человекъ въ мірѣ не осмѣлится сказать, что сэръ Флоріанъ не вручилъ мнѣ ихъ собственноручно. Неужели мнѣ вмѣнять въ преступленіе такой пустякъ, что я не отвѣтила на письма м-ра Кампердауна? А впрочемъ, кто ихъ знаетъ“?

Понятія Лиззи о законѣ и судебныхъ дѣйствіяхъ были весьма неясны. Она никакъ не могла съ точностью опредѣлить, что можно дѣлать и чего нельзя. Внутренно она сознавала, что у нея было поползновеніе украсть фамиліные брилліанты Эстасовъ, но она не понимала, какимъ образомъ законъ могъ предупредить ея намѣреніе и наказать ее за поползновеніе къ воровству. „Ожерелье, конечно, не совѣмъ мнѣ принадлежить, разсуждала Лиззи,

но въ мою пользу есть такъ много обстоятельствъ, что нужно быть очень жестокимъ, чтобы имѣть смѣлость подозрѣвать меня въ воровствѣ. Развѣ и не единственная леди Эстасъ, находящаяся въ живыхъ? Что-же касается угрозъ м-ра Кампердауна и леди Липлинтау, то я не избѣжала-бы ихъ во всякомъ случаѣ,— была ли-бы я виновата или нѣтъ. Положимъ, что я теперь отдамъ ожерелье; ну, а какъ впоследствии окажется, что Кампердаунъ только пугалъ меня, и что онъ ничего не могъ-бы сдѣлать мнѣ, если-бы брилліанты остались у меня. Вѣдь я не переживу этого! Кто-жъ, наконецъ, скажетъ мнѣ правду?"

Лиззи была на столько умна или скорѣе подозрительна, что на совѣты Мопюса не очень полагалась. „Онъ ждетъ только удобнаго случая, чтобы подать мой вексель ко взыскацію“, рассуждала она, подѣзжая къ дому.

— Зайдите ко мнѣ на минуту въ спальню, моя милая, сказала леди Эстасъ миссъ Мекнэлти, въ то время, когда онѣ обѣ поднимались по лѣстницѣ на верхъ, по возвращеніи изъ оперы.— Скажите, вы все слышали, что тетюшка со мной говорила?

— Я не могла не слышать, отвѣчала приживалка, слѣдуя въ спальню за хозяйкой. — Вы сами приказали мнѣ не отходить далеко, а дверь была открыта.

— Мнѣ именно и нужно было, чтобы вы насъ слышали, потому-что все, что она говорила—былъ чистѣйшій вздоръ.

— Не знаю, замѣтила миссъ Мекнэлти.

— Развѣ это не вздоръ, что меня посадятъ въ тюрьму за то, что я не отвѣчала на письма страпчаго?

— Да, это, я полагаю, вздоръ.

— Притомъ она такая злая, сварливая баба — старая ворона. Не правда-ли, что она злая, сварливая баба? повторила Лиззи и замолчала, ожидая, что миссъ Мекнэлти будетъ ей вторить.

Но миссъ Мекнэлти не захотѣла бранить бывшую свою покровительницу, которая впоследствии могла опять ей пригодиться.

— Неужели вы не чувствуете къ ней ненависти? сказала Лиззи. — Неужели послѣ всего, что вы отъ нея вытерпѣли, вы еще не чувствуете къ ней ненависти? Если такъ, то я васъ презираю! Скажите, наставала Лиззи, — неужели вы не чувствуете къ ней ненависти?

— Мнѣ кажется, что у нея очень непріятный характеръ, отвѣчала миссъ Мекнэлти.

— О, несчастное созданье! Вотъ все, что вы осмѣливаетесь осуждать въ ней! воскликнула леди Эстасъ.

— Я по неволѣ несчастное созданье, замѣтила миссъ Мекнэл-

ти, и при этих словах два ярких пятна выступили у нея на лицѣ.

Леди Эстасъ поняла всю ненависть, которая высказалась въ этихъ словахъ приживалки и смягчила тонъ.

— Зачѣмъ вы робѣете, продолжала она, — скажите мнѣ смѣло свое мнѣніе.

— На счетъ брилліантовъ? спросила миссъ Мекнэлъти.

— Да, именно на счетъ брилліантовъ.

— Развѣ они вамъ мало хлопотъ надѣлали? Я-бы давно ихъ отдала, только-бы быть спокойной, отвѣчала миссъ Мекнэлъти.

— Нѣтъ, я ихъ не отдамъ, мнѣ они нужны. Мнѣ пришлось послѣ смерти мужа покупать такъ много вещей. Они мнѣ надѣлали тысячу гадостей, заставили меня заплатить за всю мебель въ Портрэ-Кестлѣ.

Это была неправда, но за-то былъ несомнѣнный фактъ, что Лиззи пробовала забрать въ свои руки всѣ доходы съ имѣнія Эстасовъ для покупки мебели въ свой новый загородный домъ.

— У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ, продолжала она.—У меня завелись даже долги. Вездѣ говорятъ, будто я страшно богата, а какъ дойдетъ дѣло до расходовъ, смотришь и нѣтъ ничего. Зачѣмъ-же я буду отдавать брилліанты, если они моя собственность?

— Конечно, зачѣмъ отдавать, если они ваши, вторила миссъ Мекнэлъти.

— А какъ-же иначе? Представьте, что я вамъ сдѣлала подарокъ и зачѣмъ умерла; неужели могутъ придти и отнять у васъ вещь, потому только, что я не упомянула о ней въ своемъ завѣщаніи. Тогда никто не сталъ-бы дѣлать никакихъ подарковъ.

Лиззи пропзнесла послѣдній аргументъ съ особеннымъ удареніемъ, — такъ она была убѣждена въ его силѣ.

— Но вѣдь это ожерелье чрезвычайно дорогое, осмѣлилась замѣтить приживалка.

— Что-жъ за бѣда! воскликнула Лиззи. — Если мнѣ безспорно принадлежитъ какая-нибудь вещь, надѣюсь, что я могу дарить ее кому хочу? Это не домъ, не ферма, не лѣсная дача или вообще что-нибудь въ этомъ родѣ; это вещь, которую мой покойный мужъ могъ носить всюду съ собой — почему-жъ онъ не могъ и подарить ее?

— Можетъ быть, сэръ Флоріанъ не намѣренъ былъ отдавать вамъ это ожерелье навсегда, возразила миссъ Мекнэлъти.

— А почему вы это знаете? Надѣвая мнѣ его на шею, онъ сказалъ, что оно мое, и я его оставляю у себя. Однако, пора кончить разговоръ. Вы можете идти спать.

Миссъ Мекнэльти удалась немедленно. Оставшись одна, Лиззи принялась снова размышлять и убѣдилась, что со стороны ея гостя нечего ждать помощи. На миссъ Мекнэльти она не могла сердиться, бѣдная дѣвушка была по неволѣ несчастнымъ созданіемъ, но гдѣ-же отыскать надежнаго друга? Фаунъ, хоть и пэръ, — ровно ничего не стоитъ; оставался только Франкъ Грейстокъ и на него-то Лиззи возложила свои надежды, какъ на каменную гору.

ГЛАВА VII.

Рѣчи мистера Берка.

Леди Фаунъ категорически объявила Люси Моррисъ, что ей, какъ гувернанткѣ, необходимо оставить всякую мысль о любви къ Франку Грейстоку. Такой рѣшительный приговоръ не понравился Люси. Конечно, леди Фаунъ выразилась помягче, вѣроятно, она даже высказала свою мысль въ двухъ-трехъ словахъ, а прочее дополнила жестомъ, т. е. покачала головой, погрозила пальцемъ и кончила тѣмъ, что поцѣловала Люси; словомъ, она старалась быть снисходительной и справедливой въ одно и то-же время; главнымъ-же руководителемъ ея была искренняя любовь къ молодой дѣвушкѣ; однако Люси все-таки осталась недовольна. Дѣвушки не любятъ, чтобы ихъ предостерегали отъ любовныхъ опасностей, даже и въ такомъ случаѣ, когда это предостереженіе имъ необходимо. Притомъ Люси знала, что теперь ужъ поздно ее предостерегать. Леди Фаунъ имѣла полное право требовать, чтобы ея гувернантка не смѣла принимать своего милаго у ней въ домѣ; отъ гувернантки уже зависѣло — оставаться-ли ей послѣ этого на мѣстѣ или отойти; но леди Фаунъ не имѣла никакого права давать совѣтъ, чтобы она не влюблялась: такого совѣта Люси у нея вовсе не просила. Все это Люси твердила сама себѣ мысленно, сознавая въ то-же время, что леди ничѣмъ ее не оскорбила. Старуха цѣловала ее, приговаривая разныя вѣжности, очень ее хвалила и повидимому дѣйствовала искренно. Но дѣло въ томъ, что у Люси не было никакого милаго и Люси знала это очень хорошо. Гуляя въ одиночествѣ по саду, молодая дѣвушка мысленно защищалась отъ нападокъ леди Фаунъ и въ то-же время сильно осуждала сама себя. За минуту передъ тѣмъ она готова была вспылить и сдѣлать сцену хозяйкѣ дома, сказать ей, что если

Франку будетъ запрещенъ вѣздъ въ Фаун-Кортъ, то она, Люси, часу не останется въ домѣ. Но теперь она разсудила хладнокровнѣе. Во-первыхъ, Франкъ Грейстокъ никогда не былъ ея милымъ, а во-вторыхъ, покинувъ Фаун-Кортъ, она не знала-бы, куда преклонить голову. Всѣ ея знакомые знали, что ее до тѣхъ поръ не выпустятъ изъ Фаун-Корта, пока ей не откроется очень хорошее мѣсто, въ родѣ дома Гиттевей или другого, подобнаго-же. Леди Фаунъ никогда-бы не допустила, чтобы она уѣхала отъ нихъ, не имѣя ничего впереди, кромѣ надежды на весьма невѣрную партію; нѣтъ, она смотрѣла на нее, какъ на одну изъ своихъ дочерей и никогда не отпустила-бы ее на произволь судьбы. Домъ леди Фаунъ былъ надежной крѣпостью для бѣдной дѣвушки. Но извѣстно, что крѣпость подъ часъ становится тюрьмой.

Франкъ Грейстокъ не былъ ея милымъ. Увы! это-то и составляло ея главное горе. Она отдала ему свое сердце и взаменъ не получила ничего. Бѣдная Люси ломала себѣ голову, доискивалась разрѣшенія вопросовъ: не имѣла-ли она причины стыдиться своего поведенія? Достаточно-ли она была скромна? Не выказала-ли она слишкомъ откровенно свое чувство? Не завлекъ-ли онъ ее, какъ увлекаютъ всѣ мужнины молодыхъ дѣвушекъ, или она сама увлекалась имъ, какъ первымъ встрѣчнымъ молодымъ мужчиной. Тутъ ей припомнились нѣкоторыя сцены въ домѣ декана: нѣкоторыя слова, взгляды, брошенные на нее украдкой, пожатіе руки въ послѣдній вечеръ, нѣжный шепотъ рѣчи, ленточка, которую онъ выпросилъ у нея и цѣвѣтокъ, который она ему дала; и разъ только, — только одинъ разъ — тутъ щеки Люси вспыхнули какъ зарево — случилось небольшое обстоятельство, которое могло кончиться очень серьезно, но кончилось ничѣмъ. Итакъ она не имѣла никакого права называть его своимъ милымъ ни передъ людьми, ни передъ совѣстью. Но внутреннее чувство шептало ей, что есть что-то неловкое въ этомъ положеніи. О важномъ значеніи своей маленькой личности, о томъ, какъ она умѣетъ чувствовать и переносить страданія, Люси передумала также много. Она вѣрила въ себя, знала, что если-бы она сдѣлалась чьей-нибудь женой, она была-бы для мужа вѣрной, любящей подругой и полезнымъ товарищемъ, что она дѣлала-бы съ нимъ и горе, и радость, и по уши ушла-бы въ его дѣла. Но ей и въ голову не приходилъ вопросъ, принесетъ-ли она мужу кромѣ любви и ума еще что-нибудь въ приданое: наружную красоту она мало цѣнила даже и въ другихъ. Сложеніе, ростъ и лицо леди Эстасъ, отличавшейся вообще миловидностью, положительно ей не нравились; она отдавала предпочтеніе широкому, блѣдному лицу леди Фаунъ, неизмѣвшему ни-

какого особеннаго характера, но за то притягивавшему къ себѣ своимъ открытымъ, добродушнымъ и ласковымъ выраженіемъ. Въ отношеніи мужчинъ она никогда себя не спрашивала: который изъ нихъ красивѣе, который дурень. Она знала, что лицо Франка Грейстока дышетъ умомъ, а что фізіономія лорда Фауна носитъ на себѣ отпечатокъ тупости. Былъ одинъ человекъ, котораго она не только любила, но не могла даже оторвать отъ него своего сердца; но на другихъ мужчинъ она смотрѣла совершенно равнодушно, точно ее раздѣляла отъ нихъ цѣлая пропасть. Люси знала, что мужчины любятъ хорошенькихъ; себя она не считала красивой, но ей казалось, что она достаточно хороша для того, чтобы понравиться кому нужно. Ее не пугала мысль, что она теряется при сравненіи съ другими дѣвушками, да и душа у нея была не робкая. Впрочемъ о своей наружности она мало думала, но чувствовала, что у нея есть все для того, чтобы быть достойной женой такого мужа, какъ Франкъ Грейстокъ. Дѣвушка она была гордая, съ твердой волей, самоувѣренная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скромная; правдива она была до того, что даже мысленно никогда не лгала и говорила себѣ самой горькія истины. Она вообще отличалась необыкновенно симпатичною наружностью, живымъ, общительнымъ умомъ, обладала большимъ остроуміемъ въ разговорѣ, хотя въ обществѣ больше слушала, чѣмъ говорила. Она имѣла насмѣшливый характеръ и умѣла смѣяться тѣмъ беззвучнымъ смѣхомъ, отъ котораго все лицо ея озарялось веселостью. Она сознавала внутренно, что она слишкомъ развита для того, чтобы всю жизнь оставаться гувернанткой, между тѣмъ другого исхода для нея пока еще не было.

Леди Ливингтъ была съ визитомъ у своей племянницы въ четвергъ, въ этотъ же самый вечеръ Франкъ Грейстокъ сдѣлалъ запросъ палатѣ общинъ, т. е. онъ говорилъ свою рѣчь о магабскомъ саабѣ. Всѣмъ извѣстно содержаніе подобныхъ рѣчей. Если бы Франкъ не принадлежалъ къ оппозиціи въ палатѣ и если-бы сопротивление удовлетворенію требованій сааба не исходило отъ правительства, онъ, вѣроятно, не сталъ-бы такъ усердно хлопотать за индѣйскаго принца. Мы увѣрены, что онъ не потрудился-бы даже прочесть ни одной строчки изъ этого скучнаго, длиннаго памфлета, который ему пришлось одолѣть съ начала до конца прежде, чѣмъ онъ рѣшился начать свое возраженіе, если-бы въ этомъ случаѣ не давалось ему въ руки удобное средство для выраженія мнѣній оппозиціонной партіи. Но на какія усилія не способенъ политикъ, лишь-бы имѣть возможность впустить жало въ чувствительное мѣсто противника? Франкъ написалъ свою рѣчь, и написалъ ее очень хорошо. Это

было отличное дѣло для юриста и взять на себя защиту такого дѣла могъ только опытный юристъ. Тогдашній министр индѣйскихъ дѣлъ, начальникъ лорда Фауна, рѣшилъ по зрѣломъ размышленіи, что его прямой долгъ сопротивляться требованію сааба и сопротивляться рѣшительно, если на него нападетъ противная сторона. Но если-бы министръ попробовалъ только согласиться на требованія сааба, противъ него точно также возстала бы оппозиціонная партія, и тогда осуждать молодого адвоката, сдѣлавшагося вдругъ консерваторомъ, никто-бы не имѣлъ права, потому-что онъ обязанъ руководиться одной цѣлью — отстаивать интересы своей партіи. Таковъ ужъ законъ парламентской борьбы. Франкъ Грейстокъ защищалъ сааба и краснорѣчивая его рѣчь могла бы исторгнуть слезы у слушателей и вызвать даже взрывъ негодованія, если-бы слушателямъ не была извѣстна настоящая причина борьбы. Требования сааба очень мало интересовали всѣхъ слушателей вообще, но публика не могла не сознаться, что Грейстокъ отлично отстаиваетъ права индѣйскаго принца и очень хорошо знала, что онъ имѣетъ въ виду этой рѣчью возвыситься въ глазахъ своей партіи и со временемъ съ ея помощью достигнуть извѣстнаго положенія. Министра Франкъ не пощадилъ, не пощадилъ также лорда Фауна, доказывая, что жестокость правительственной власти нигдѣ не высказалась такъ ясно, какъ тамъ, въ притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ бѣдному начальнику племени. Лорда Фауна сильно задѣла послѣдняя фраза, во-первыхъ потому, что лично онъ искренно желалъ содѣйствовать бѣдному начальнику племени, а во-вторыхъ ему было обидно, что Грейстокъ, находившійся до сихъ поръ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ, не пощадилъ и его. Лордъ чувствовалъ себя глубоко уязвленнымъ и находился еще подъ впечатлѣніемъ оскорбленія, когда, слѣдуя принятому обычаю, онъ явился въ Фаун-Кортъ, въ субботу вечеромъ.

Семья Фауновъ, состоявшая изъ однѣхъ женщинъ, обѣдала всегда рано. По субботамъ, когда его сіятельство жаловалъ къ столу, готовился особенный обѣдъ для него одного. По воскресеньямъ семья въ полномъ сборѣ обѣдала въ три часа. Вечеромъ въ этотъ день, лордъ Фаунъ возвращался въ городъ, чтобы готовить дѣла къ понедѣльнику. Впрочемъ, очень можетъ статься, что ему не нравились проповѣди, которыя леди Фаунъ читала вслухъ въ 9 часовъ вечера въ присутствіи всѣхъ домашнихъ.

Тотчасъ послѣ обѣда въ эту субботу лордъ Фаунъ вышелъ погулять въ садъ, гдѣ уже прохаживались: старшая незамужняя сестра его, миссъ Фаунъ, вмѣстѣ съ Люси Моррисъ. На дворѣ стоялъ лѣтній тихій вечеръ; часть семьи разсѣлась на лавочкахъ въ саду,

а меньшія четыре дѣвочки играли въ крокетъ на лугу, хотя было такъ темно, что съ трудомъ можно было различать шары. Миссъ Фаунъ успѣла уже сообщить Люси, что ея братъ очень сердится на Грейстока. Нужно сказать, что Люси, изъ любви къ Франку, питала большую симпатію къ саабу. Она успѣла въ это время отчасти совратить съ пути истинны даже самого лорда Фауна, хотя его начальникъ былъ противъ индѣйскаго принца, и теперь, не смотря на то, что всѣ дѣвицы Фаунъ и леди Фаунъ мать были противъ нея, Люси крѣпко стояла за свое убѣжденіе. Таковъ обычай англичанокъ; матери и сестры министровъ и ихъ помощниковъ постоянно держатся стороны правительства до тѣхъ поръ, пока это согласно съ положеніемъ ихъ сына или брата.

— Честное слово, Фредерикъ, замѣтила Августа Фаунъ, выслушавъ рассказъ брата о дѣлѣ сааба,—честное слово, мнѣ кажется, что м-ръ Грейстокъ поступилъ очень не хорошо.

— Чего же ждать отъ этихъ господъ, воскликнулъ лордъ Фаунъ.—Они ни передъ чѣмъ не останавливаются; они способны и все сказать, и все сдѣлать. Но когда я былъ въ оппозиціи, я никогда не выдѣлывалъ подобныхъ штукъ.

— Можетъ быть, на него подѣйствовала ссора съ мамѣ, продолжала миссъ Фаунъ (Каждому, кто только зналъ семейство Фаунъ, было извѣстно, что Августа глупа и что она подъ часъ говорить самыя несообразныя вещи).

— О, милая, нѣтъ! возразилъ помощникъ статсъ-секретаря, который не могъ переварить мысли, чтобы слабый женскій полъ въ его домѣ дерзалъ помышлять, что онъ въ состояніи оказать самаѣе вліяніе на дѣятельность котораго-нибудь изъ членовъ британскаго парламента.

— Вѣдь ты знаешь, мама... начала-было сестрица.

— Перестань пожалуйста, прервалъ ее лордъ съ большимъ достоинствомъ въ голосѣ.—М-ръ Грейстокъ просто нечестный политикъ—вотъ и все тутъ. Въ цѣлой палатѣ нѣтъ ни одного человѣка, который-бы менѣе меня смѣшивалъ личныя отношенія съ служебными (лорду слѣдовало-бы для большей точности сказать: „болѣе меня“), но даже и я не могъ перенести хладнокровно его колкостей. Дѣло въ томъ, что юристы никогда не понимаютъ—стоитъ-ли вопросъ борьбы или нѣтъ.

Люси чувствовала, что лицо ея пылаетъ отъ негодованія и готовилась уже сказать нѣсколько словъ въ защиту молодого юриста, какъ вдругъ изъ окна гостиной раздался голосъ леди Фаунъ: „Дѣвочки, идите домой. Уже девять часовъ“. Леди Фаунъ царствовала въ своемъ домѣ самовластно, все и вся покорялись ей безъ рассу-
ж-

дений. Щелканіе шаровъ крокета прекратилось, и гуляющіе немедленно повернули къ открытому окну. Но лордъ Фаунъ, не считавшій себя дѣвочкой, прошелъ по саду еще разъ, размышляя о нанесенномъ ему оскорбленіи.

— Фредерикъ такъ сердится на м-ра Грейстока, сказала Августа сестрамъ, когда онѣ всѣ усѣлись вокругъ стола.

— Я понимаю, что ему должно быть досадно, замѣтила вторая сестра.

— А мы еще такъ часто принимали у себя въ домѣ м-ра Грейстока; я нахожу, что съ его стороны это было очень невѣжливо, прибавила третья сестра.

Лидія не сказала ни слова, но не могла удержаться, чтобы не взглянуть на Люси.

-- Миѣ кажется, что въ парламентѣ все допускается, вмѣшалась леди Фаунъ.

Сынъ въ это время входилъ въ комнату, и услышавъ слова матери, сказалъ:

— Не думаю, матушка! Порядочный человѣкъ долженъ умѣть вести себя вездѣ одинаково. Есть вещи, которыя можно говорить, есть другія, которыя не говорятся. М-ръ Грейстокъ вышелъ изъ обычныхъ границъ и я постараюсь дать ему понять, какъ я на это смотрю.

— Вѣдь ты не станешь-же изъ-за этого ссориться? замѣтила мать.

— Драться съ нимъ я, конечно, не стану, но проучу его хорошенько, чтобы внушить ему, что онъ виноватъ предо мной.

Лордъ произнесъ эти слова тѣмъ высокомернымъ тономъ, который проходитъ безнаказанно для каждаго мужчины, если онъ прибѣгаетъ къ нему въ кругу женщинъ своей семьи.

Люси терпѣливо вынесла все то, что до сихъ поръ говорилось вокругъ нея; она знала, что молчаніе есть лучшее средство въ подобномъ положеніи, но былъ одинъ пунктъ невыносимый для нея. Она не могла допустить, чтобы такого порядочнаго человѣка, какъ м-ръ Грейстокъ, можно было чернить въ присутствіи дамъ, когда каждой изъ нихъ было извѣстно, какъ она любитъ Франка. Въ молодой дѣвушкѣ загорѣлось страстное желаніе вступить въ бой и на словахъ придравшись къ саабу, отщелкать хорошенько его сіятельство въ отмщеніе за отсутствующаго антагониста. Одно время участь бѣднаго сааба возбуждала большое участіе въ Фаун-Кортѣ.

— Миѣ кажется, начала Люси,—что м-ръ Грейстокъ имѣлъ полное право говорить все, что можно было, въ пользу индѣйскаго

принца. Ставъ на его сторонѣ, онъ обязанъ былъ защищать его всѣми силами.

Она произнесла эту фразу очень громко и при этомъ вся вспыхнула; леди Фаунъ покачала ей головой.

— А вы развѣ читали рѣчь м-ра Грейстока, миссъ Моррисъ? спросилъ лордъ Фаунъ.

— Отъ слова до слова, отвѣчала Люси.

— И вы поняли намекъ, сдѣланный имъ по поводу словъ, сказанныхъ мною о правительствѣ въ палатѣ пэровъ?

— Да, кажется, поняла. Это было не трудно понять.

— Я полагаю, что м-ру Грейстоку слѣдовало-бы воздержаться отъ нападеній на Фредерика, замѣтила Августа.

— Да, по правдѣ сказать, мы и не совсѣмъ привыкли къ такого рода намекамъ, сказалъ лордъ Фаунъ.

— Всѣхъ этихъ тонкостей я не понимаю, возразила Люси,—но знаю одно, что индѣйскаго принца очень притѣсняли, отняли у него собственно ему принадлежащую землю, лишили его всѣхъ правъ, потому только, что онъ слабъ, и я очень довольна, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, который говорить за него.

— Милая моя, прервала ее леди Фаунъ,—если вы думаете затѣять политическое преніе съ лордомъ Фауномъ, я васъ не поздравляю.

— Я, матушка, совсѣмъ не противъ взгляда миссъ Моррисъ на дѣло сааба, замѣтилъ снисходительно помощникъ статсъ-секретаря.—Въ пользу той и другой стороны можно сказать очень много. Впрочемъ, миссъ Моррисъ съ давнихъ поръ горячая сторонница сааба.

— Но вѣдь и вы когда-то были его сторонникомъ, сказала Люси.

— Я ему сочувствовалъ, какъ сочувствую и теперь. Все это такъ, и я не требую, чтобы всѣ были одного мнѣнія со мной, но говорю только, что тонъ рѣчи м-ра Грейстока былъ неприличенъ.

— По моему, это лучшая рѣчь изъ всѣхъ тѣхъ, которыя мнѣ приходилось когда-либо читать, отвѣчала Люси, возвышая снова голосъ и краснѣя отъ волненія.

— Изъ этого слѣдуетъ, миссъ Моррисъ, что у васъ и у меня совершенно различные взгляды на рѣчи, строго замѣтилъ лордъ Фаунъ.—Вы вѣрно никогда не читали рѣчей Берка?

— И не желаю читать ихъ, отвѣчала Люси.

— А-а! Это другой вопросъ, продолжалъ лордъ; тонъ его голоса и выраженіе лица сдѣлались еще строже.

— Мы вѣдь заговорили съ вами о рѣчахъ, произнесенныхъ въ парламентѣ, сказала Люси.

Бѣдная Люси! Она не хуже лорда Фауна знала, что Беркъ былъ

ораторомъ въ палатѣ общинъ, но въ порывѣ нетерпѣнія и по непривычкѣ имѣть въ запасѣ готовое возраженіе во время спора, она не нашлась отвѣчать лорду, что разумѣла только рѣчи позднѣйшихъ ораторовъ, а не всѣхъ ихъ вообще.

Лордъ Фаунъ пожалъ плечами и наклонилъ голову нѣсколько на сторону.

— Милая Люси, вмѣшалась наконецъ леди Фаунъ, — вы выказали большое невѣжество. Гдѣ-жъ, по вашему мнѣнію, говорилъ свои рѣчи Беркъ?

— Конечно, въ парламентѣ, отвѣчала чуть не со слезами Люси.

— Если миссъ Моррисъ подразумѣвала, что главныя рѣчи Берка были произнесены имъ не въ парламентѣ, началъ опять лордъ Фаунъ, — но что его рѣчь къ избирателямъ въ Бристолѣ, напри- мѣръ, или вступительная рѣчь по поводу уголовного процесса Варрена Гастингса, по своему содержанію выше...

— Ничего я не подразумѣвала, сказала Люси.

— Лордъ Фаунъ хочетъ выручить васъ, душа моя, вмѣшалась опять леди Фаунъ.

— Я не прошу, чтобы меня выручали, возразила Люси. — Я хотѣла только сказать, что рѣчь м-ра Грейстока, по моему мнѣнію, написана какъ нельзя лучше. Тамъ нѣтъ ни одного лишняго слова. Право, мнѣ кажется, что они всѣ чересчуръ ужъ обижаютъ бѣднаго индѣйскаго принца, и я очень рада, если нашелся хоть одинъ мужественный человѣкъ, который рѣшился подать за него голосъ.

Для Люси было-бы гораздо полезнѣе попридержать языкъ на этотъ разъ. Если-бы ей пришлось отстаивать какого-нибудь обыкновеннаго парламентскаго оратора, рѣчь котораго ей-бы понравилась, у нея достало-бы и умѣнья, и дара слова, чтобы бороться противъ всей семьи Фауновъ. Молодая дѣвушка была общей ихъ любимицей и самъ помощникъ статсъ-секретаря не разсердился-бы на нее. Но теперь бѣдная Люси не выдержала. Дѣло это такъ близко касалось ея сердца, что она поневолѣ оскорбилась за любимаго ея человѣка: Она позволила себѣ говорить о его рѣчи съ увлеченіемъ, а съ лордомъ Фауномъ даже невѣжливо.

— Душа моя, заключила леди Фаунъ, — прекратимъ лучше этотъ разговоръ.

Сынъ взялъ въ руки книгу. Мать принялась за вязанье. У Лиди Фаунъ появилось на лицѣ несчастное выраженіе, точно въ семьѣ произошло какое-нибудь горе. Августа обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ брату; въ тонѣ ея голоса чувствовался

упрекъ тѣмъ, кто обидѣлъ его и нѣжное соболѣзнованіе къ нему. Люси умолкла и сидѣла неподвижно нѣсколько минутъ, затѣмъ она быстро встала съ мѣста и почти выбѣжала изъ комнаты. Лидія тотчасъ-же бросилась вслѣдъ за нею, но мать остановила ее на полдорогѣ.

— Оставь ее на время одну, другъ мой, произнесла леди Фаунъ.

— Я и не зналъ, что миссъ Моррисъ особенно заинтересована м-ромъ Грейстокомъ, сказалъ лордъ Фаунъ.

— Она его знаетъ съ дѣтства, отвѣчала мать.

Послѣ спора прошло уже съ часъ времени. Леди Фаунъ отправилась на верхъ и нашла Люси, сидящую въ уединеніи, въ такъ-называемой до сихъ поръ „классной“. Огня въ комнатѣ не было: молодая дѣвушка, повидимому, и не думала зажгати свѣчей съ тѣхъ поръ, какъ пришла сюда. Во время ея отсутствія совершенно было чтеніе семейныхъ молитвъ; не находится при этой церемоніи считалось въ домѣ Фауновъ нарушеніемъ семейнаго устава.

— Люси, милая моя, зачѣмъ вы здѣсь сидите? спросила леди Фаунъ.

— Потому-что я несчастная, отвѣчала молодая дѣвушка.

— Кто-же васъ сдѣлалъ несчастной, Люси?

— Не знаю. Пожалуйста, не спрашивайте меня. Мнѣ кажется, что я вела себя не совсѣмъ прилично въ гостиной.

— Сывъ мой тотчасъ-же проститъ васъ, если вы передъ нимъ извинитесь.

— Какъ? Чтобъ я передъ нимъ извинялась? Этого никогда не будетъ! Я могу просить прощенія у васъ, леди Фаунъ, а ужъ никакъ не у него. Я вполне сознаю, что мнѣ не слѣдовало-бы вступать въ разсужденія о рѣчахъ, о политикѣ и вообще объ этомъ индѣйскомъ принцѣ у васъ въ домѣ.

— Люси! вы меня удивляете!

— Но вѣдь это правда. Не смотрите на меня такъ сердито, дорогая леди Фаунъ! Я знаю, что вы ко мнѣ особенно добры. Знаю, что вы позволите мнѣ здѣсь дѣлать и говорить то, о чемъ гувернантки въ другихъ домахъ не смѣютъ и думать. Но я все-таки помню, что я гувернантка, и чувствую, что я забылась передъ вами!

Люси залилась слезами.

Леди Фаунъ, у которой въ груди было горячее сердце, а не черствый камень, тотчасъ-же разиѣжлась.

— Душа моя, замѣтила она, — вѣдь вы мнѣ ближе, чѣмъ иная дочь матери.

— Дорогая вы моя! съ жаромъ воскликнула Люси.

— Но мнѣ все-таки больно видѣть, что вы такъ заняты м-ромъ

Грейстокомъ, продолжала леди.— Право я вамъ совѣтую выкинуть его изъ головы. У м-ра Грейстока впереди карьера, ему нельзя жениться на васъ, даже если-бы, при другихъ обстоятельствахъ, онъ этого и желалъ. Вы знаете, что я съ вами всегда откровенна, и что я искренно цѣню вашу честную, открытую натуру и здравый смыслъ. Вы для меня и для моихъ дочерей такой-же другъ, какъ если-бы вы были — ну, чѣмъ хотите. Люси Моррисъ всегда была, есть и будетъ нашей милой, дорогой, маленькой Люси. Но м-ръ Грейстокъ, членъ парламента, ему невозможно жениться на гувернанткѣ.

— Ахъ, но вѣдь я его такъ сильно люблю! воскликнула Люси, вскакивая со стула. — Такъ сильно, что каждое слово его считаю для себя закономъ. Этого уже не измѣнить, леди Фаунъ! Я люблю его и не отрекусь отъ него никогда!

Леди Фаунъ постояла молча нѣсколько минутъ на мѣстѣ и потомъ замѣтила, что лучше всего имъ обѣимъ лечь теперь спать. Какъ она ни разсуждала мысленно, что-бы ей такое сказать или сдѣлать въ настоящемъ случаѣ — лучшаго она ничего не придумала.

ГЛАВА VIII.

Предложеніе лорда Фауна.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что когда Лиззи Эстасъ пришли доложить, что ея тетка стоитъ внизу, Франкъ Грейстокъ находился у нея въ гостиной, онъ помнитъ также, что Франкъ обѣщалъ навѣстить леди на слѣдующій день съ тѣмъ, чтобы узнать о результатѣ ея свиданія съ старухой. Не пріѣзжай въ эту минуту графиня Линлитгау, Франкъ вѣроятно сдѣлалъ-бы предложеніе своей богатой кузинѣ. Лиззи созналась ему, что она одинока и несчастна; что-жъ ему оставалось послѣ этого дѣлать, какъ не просить ея руки? Но старая графиня пріѣхала и прервала ихъ разговоръ. Франкъ быстро удалился, давъ, однакожъ, обѣщаніе пріѣхать завтра, — но прошло завтра и онъ не явился. Лиззи, въ ожиданіи его, просидѣла все утро. Она знала, что послѣ четырехъ часовъ онъ будетъ въ палатѣ, и все-таки не выѣзжала и устроила такъ, чтобы миссъ Мекнэлти на цѣлый день оставила ее одну; вечеромъ она отправила ее безъ себя въ оперу; но всѣ эти маневры ни, къ чему не послужили. Франкъ Грейстокъ не пріѣхалъ; ложась спать въ 11 часовъ вечера, Лиззи мысленно поклялась, что если онъ даже ког-

да-нибудь и явится съ предложеніемъ, то уйдетъ ни съ чѣмъ. Однакожь въ теченіе всего слѣдующаго дня, который пришелся въ субботу, ждала его и все надѣялась, а въ воскресенье утромъ продолжала мечтать о немъ не совѣмъ равнодушно.

— Кто знаетъ, быть можетъ онъ завернетъ сегодня, разсуждала Лиззи. — У человѣка дѣлъ по горло, не мудрено, если онъ не успѣлъ урвать свободной минуты для свиданія со мной. По настоящему, на него даже не слѣдуетъ сердиться, если онъ и забудетъ о назначенномъ свиданіи. Но сегодня онъ, вѣроятно, придетъ! Я убѣждена, что онъ непременно сдѣлалъ-бы мнѣ предложеніе, если-бы эта противная старая вѣдьма не явилась такъ не кстати и не испортила всего дѣла. Вѣдь предложеніе было уже почти сдѣлано.

Лиззи чувствовала пріятный трепетъ ожиданія, мысленно спрашивала себя, согласна-ли она? и сердце отвѣчало: да! Положимъ, что Франкъ не вполнѣ былъ похожъ на того героя, образъ котораго носился въ ея воображеніи, но въ немъ все-таки были нѣкоторыя свойства идеала. Всѣ говорятъ, что онъ составитъ себѣ блестящую карьеру и сдѣлается чрезвычайно богатъ. Какъ-бы тамъ ни было, но Лиззи совѣмъ порѣшила вопросъ о своей судьбѣ... нужно-же было леди Липлитгау явиться такъ не во время!

— Нѣтъ! онъ придетъ въ воскресенье! твердила молодая женщина.

Прошло воскресенье, Франкъ не явился, но зато пріѣхалъ лордъ Фаунъ. Тотчасъ по окончаніи утренней службы въ церкви, лордъ Фаунъ объявилъ домашнимъ, что онъ немедленно ѣдетъ въ городъ. За завтракомъ онъ былъ очень молчаливъ и сестры его рѣшили между собой, что онъ сильно сердится на бѣдную Люси. Въ свою очередь и Люси была также не въ своей тарелкѣ — молчалива, грустна, точно убитая. Леди Фаунъ имѣла серьезное и отчасти торжественное выраженіе лица; въ это воскресное утро не было ничего праздничнаго въ домашнемъ кругу обитателей Фаун-Корта. Вся семья ѣздила въ церковь и тотчасъ по возвращеніи оттуда, лордъ Фаунъ выразилъ свое желаніе отправиться немедленно въ городъ. Сестры чувствовали, что Люси нанесла имъ вѣсѣмъ большое оскорбленіе, потому что глава семьи обыкновенно удостоивалъ своимъ присутствіемъ ихъ обѣденный столъ по воскресеньямъ, а сегодня вдругъ онъ уѣзжаетъ.

— Мнѣ очень грустно, что ты отъ насъ бѣжишь; Фредерикъ, сказала леди Фаунъ.

Сынъ пробормоталъ что-то о необходимости уѣхать и уѣхалъ. Послѣобѣденные часы прошли очень скучно въ Фаун-Кортѣ. Никто

не упоминалъ о вчерашнемъ происшествіи, но тайно всѣ чувствовали, что Люси своимъ поведеніемъ вызвала общее неудовольствіе. Между-тѣмъ, въ это-же воскресенье, въ четыре часа дня, лордъ Фаунъ сѣдѣлъ въ домѣ леди Эстасъ, ведя интимную бесѣду съ прекрасной вдовой.

Ихъ бесѣдѣ никто не мѣшалъ; миссъ Мекнэльти находилась въ отсутствіи и они сѣдѣли съ глазу на глазъ. Лиззи вполне цѣнила удовольствіе, пользу и даже необходимость ради приличія держать при себѣ компаньонку, но стѣсняться она не любила и въ случаѣ надобности всегда старалась освободиться отъ своей спутницы.

— Милая моя, говорила она тогда,—самымъ лучшимъ друзьямъ въ свѣтѣ слѣдуетъ иногда рѣзлаться,—не правда-ли? Не желаете-ли вы съѣздить на цвѣточную выставку?

И миссъ Мекнэльти отправлялась на выставку, а не-то и къ себѣ наверхъ, въ спальню. Въ ту самую минуту, когда Лиззи начала уже негодовать на Франка Грейстока, зачѣмъ онъ не ѣдетъ, ей доложили, что пожаловалъ лордъ Фаунъ.

— Какъ это мило съ вашей стороны, сказала Лиззи, протягивая руку гостю.—А я воображала, что вы по воскресеньямъ всегда бываете въ Ричмондѣ.

— Я только-что отъ матушки, отвѣчалъ лордъ, поглаживая свою шляпу.

Лиззи съ граціозной живостью поспѣшила спросить, какъ поживаютъ: леди Фаунъ, дѣвцы и ея милый другъ малютка Люси Моррисъ.

Лиззи умѣла быть необыкновенно граціозна въ порывахъ живости, особенно когда это ей было нужно. Она какъ-то неподражаемо наклоняла лицо къ слушавшему ее гостю, и при этомъ откидывала назадъ рукой свои блестящіе, длинные локоны. Тонкіе, красные ея пальцы были унизаны брилліантовыми кольцами, подаренными, вѣроятно, сэромъ Флоріаномъ или взятыми ею у м-ра Бенжамена, можетъ быть, на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ она брала ихъ въ то время, когда была еще въ дѣвушкахъ.

— Благодарю васъ, они всѣ здоровы, отвѣтилъ лордъ Фаунъ.— Миссъ Моррисъ также хорошо себя чувствуетъ, хотя вчера вечеромъ она немного погорячилась.

— Надѣюсь, что она не больна, воскликнула Лиззи, перекидывая снова блестящій локонъ къ себѣ на плечо.

— Да, то-есть она успокоилась сегодня, отвѣчалъ лордъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Такъ неужели миссъ Люси позволила себѣ забиться у васъ въ домѣ? Это было-бы непростительно съ ея стороны послѣ того вниманія, которое вы ей оказываете!

Лордъ Фаунъ вполне согласился съ этимъ и поставилъ шляпу на полъ. Его движеніе подѣйствовало на Лиззи, какъ что-то похожее на электрическій токъ; мысль, что лордъ Фаунъ непременно попадетъ ей въ руки, если она только этого захочетъ, какъ молнія пролетѣла у нея въ головѣ.

Въ пятницу она думала также и о Франкѣ,—но леди Линлитгау стала имъ поперегъ дороги. Теперь на Франка нечего ужъ было надѣяться, а лордъ Фаунъ все-таки пэръ. Говорятъ, что онъ бѣденъ для своего званія, но развѣ пэръ, думала Лиззи,—можетъ быть бѣденъ? Правда, онъ глупъ какъ филинъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но вѣдь у него за-то есть положеніе въ свѣтѣ. Онъ членъ правительства и его женѣ, безъ сомнѣнія, будетъ доступъ всюду. Для Лиззи казалось необходимымъ выйти вторично замужъ. «Пусть мой будущій мужъ настоятъ даже на томъ, чтобы ожерелье было возвращено куда слѣдуетъ, разсуждала вдова,—по крайней-мѣрѣ я не унижусь до того, чтобы отдавать его самой, а пока я леди Эстасъ, у меня не посмѣютъ отнять это ожерелье. Конечно, Франкъ, повидимому, хотѣлъ посвататься за меня въ четвергъ, но если-бъ онъ искренно желалъ этого, онъ, конечно, успѣлъ-бы побывать здѣсь до сегодняшняго дня,—значитъ не хочетъ; лучше имѣть одну снницу въ рукахъ, чѣмъ ждать двухъ журавлей въ небѣ».

— Мнѣ приходилось два или три раза бывать у васъ въ Фаун-Кортѣ, начала Лиззи съ очаровательной улыбкой, опускаясь въ кресло,—и я каждый разъ находила, что ваше семейство образецъ домашняго счастья.

— Надѣюсь, вы чаще будете навѣщать насъ, произнесъ лордъ Фаунъ.

— О! имѣю-ли я право надоѣдать вашей матушкѣ?

Болѣе удобной минуты, для откровеннаго объясненія со стороны претендента быть не могло, но у него, видно, былъ свой, заранѣе составленный планъ.

— Помилуйте, да развѣ это возможно? возразилъ лордъ и замолчалъ. Разговоръ какъ-то не клеился. Лордъ Фаунъ долго не могъ придумать, какимъ способомъ выйти изъ затрудненія.

— Леди Эстасъ, произнесъ онъ наконецъ,—скажите пожалуйста, какіе у васъ планы впереди?

— Какіе планы? У меня есть ребенокъ, котораго я должна воспитывать.

— Ахъ да,—конечно, это большой интересъ въ жизни.

— Мой сынъ наслѣдникъ огромнаго состоянія, лордъ Фаунъ, такого огромнаго, что я боюсь, справится-ли онъ съ нимъ, когда

достигнуть двадцати одного года. Мнѣ необходимо подготовить его воспитаніемъ къ будущему его положенію,—вотъ что должно составлять главную цѣль моей жизни.

Высказавъ это, Лиззи почувствовала, что она пересолила, и что глупый лордъ можетъ, пожалуй, повѣрить ей на слово.

— Но легко-ли мнѣ будетъ выполнить мои предположенія,—вотъ вопросъ, продолжала она, помолчавъ немного.—Мать можетъ посвятить свою жизнь ребенку,—это понятно; но хлопотать всю жизнь о сбереженіи его матеріальныхъ средствъ,—это далеко не весело. Какъ вы думаете? Неправда-ли?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ лордъ Фаунъ,—безъ сомнѣнія!

Онъ не понялъ Лиззи и мысленно слѣдилъ за своимъ планомъ.

— Вы, по крайней-мѣрѣ, спокойны въ томъ отношеніи, что вашъ сынъ обезпеченъ съ избыткомъ, замѣтилъ онъ.

— О, да, конечно! Говорятъ, что у моего милого мальчика въ годъ его совершеннолѣтія будетъ сорокъ тысячъ фунтовъ дохода. Но когда я смотрю, какъ онъ лежитъ въ колыбели, прижимаю его къ своему сердцу и думаю о его будущемъ богатствѣ, у меня рождается невольное сожалѣніе, зачѣмъ его отецъ былъ не простой, бѣдный джентльменъ.

Лиззи поднесла къ глазамъ кружевной платокъ и лордъ Фаунъ успѣлъ въ это время собраться съ духомъ.

— Ахъ! вотъ и я не богатъ, т. е. для моего званія, заговорилъ онъ тихо.

— Человѣкъ въ вашемъ званіи, лордъ Фаунъ, съ вашими талантами, съ вашими геніальными служебными способностями, никогда не можетъ быть бѣденъ, воскликнула Лиззи.

— Но знаете-ли вы, что все имѣніе моего отца находится въ Ирландіи.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, вѣдь онъ былъ ирландскимъ пэромъ до тѣхъ поръ, пока лордъ Мэльборнъ не далъ ему пэрства въ Англіи.

— Такъ онъ былъ ирландскимъ пэромъ? повторила Лиззи, ничего въ этомъ дѣлѣ непонимавшая и воображавшая, что ирландскій пэръ значитъ пэръ, у котораго мало денегъ въ карманѣ. Лордъ Фаунъ постарался объяснить ей всю исторію въ нѣсколькихъ словахъ.

— Хотя онъ и сдѣланъ былъ лордомъ Фаунъ-Ричмондъ, пэромъ соединеннаго королевства, но у него все-таки осталось одно ирландское помѣстье, и оно теперь принадлежитъ мнѣ. Жаль, что тамъ нельзя жить.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала Лиззи, все еще нераспутавшая узла исторіи пэровъ.

— Да, тамъ прежде былъ домъ, но отецъ велѣлъ раззорить его до основанія. Имѣніе находится въ Типперари—очень неприятная мѣстность для жизни.

— Неужели? Ужь не рѣжутъ-ли тамъ людей?

— Имѣніе даетъ ежегодно пять тысячъ фунтовъ, и матушка получаетъ пожизненно половину этой суммы...

— Какое прекрасное распоряженіе! замѣтила Лиззи поневогѣ, потому что лордъ Фаунъ прерывалъ свою рѣчь длиннѣйшими паузами.

— Вы видите, что для пэра у меня состояніе чрезвычайно скромное? заключилъ наконецъ лордъ.

— Но вѣдь вы получаете хорошее содержаніе, — не правда-ли?

— Въ настоящее время да;—но кто-же знаетъ, на долго-ли?

— О, я увѣрена, что для общей пользы это продолжится очень и очень долго, воскликнула Лиззи.

— Благодарю васъ! но повидимому есть много людей, которые не такъ думаютъ, какъ вы. Вотъ, на примѣръ, я знаю, что вашъ кузень Грейстоувъ готовъ дорого заплатить за возможность повалить нашъ кабинетъ.

— Къ счастью, у моего кузена Франка нѣтъ для этого достаточно власти, замѣтила Лиззи.

И говоря это, ея лицо, тонъ и жесты выразили полнѣйшее презрѣніе къ Франку, какъ къ человѣку вообще и какъ къ политику въ особенности. Лорду Фауну это было какъ масло посердцу.

— Нѣтъ-съ... заговорилъ онъ снова.—Я теперь высказалъ вамъ откровенно все, какъ это слѣдовало сдѣлать честному человѣку, прежде чѣмъ.... чѣмъ.... однимъ словомъ, вы понимаете меня?

— О, лордъ Фаунъ! успѣшила воскликнуть молодая вдова.

— Повторю, я вамъ все сказалъ. Я никому ничего не долженъ, и не рѣшился-бы жениться, если-бы не имѣлъ достаточнаго дохода. Вы такъ мнѣ нравитесь, какъ еще ни одна женщина не нравилась; я васъ люблю безъ памяти.

Съ этими словами лордъ всталъ, вытянулся предъ Лиззи во весь ростъ и положилъ пальцы правой руки къ себѣ на грудь; въ этой позѣ его и въ жестѣ было, если хотите, много достоинства.

— Быть можетъ, продолжалъ онъ, — вы рѣшились не вступать во вторичный бракъ, но скажу одно: довѣрьтесь мнѣ, поручите мнѣ себя и своего сына, я честно выполняю свой долгъ въ отношеніи васъ обонхъ и счастье ваше сдѣлаю главной цѣлью моего существованія.

Лиззи, слушая эти слова, рѣшила мысленно, что она приметъ предложеніе лорда, однако она не сразу выказала свои чувства и продолжала сидѣть молча, сложивъ руки на груди и опустивъ глаза въ землю. Лордъ не дерзнулъ сѣсть рядомъ съ нею.

— Леди Эстасъ, началъ онъ снова,—смѣю я надѣяться?..

— Дайте мнѣ часть на размышленіе, проговорила Лиззи, медленно поднимая на него свои глаза.

— Извольте. Я приѣду за отвѣтомъ тогда, когда вы прикажете.

Лиззи помолчала минуты двѣ, лордъ все время стоялъ передъ нею; наконецъ рука его опустилась, онъ нагнулся за шляпой и приготовился уйти.

— Когда-же прикажете явиться — въ понедѣльникъ, вторникъ или среду? заговорилъ онъ, останавливаясь передъ Лиззи.—Рѣшите, и я тотчасъ уѣду.

Онъ, вѣроятно, самъ мысленно рѣшилъ приѣхать въ среду, потому-что въ этотъ день засѣданія въ палатѣ не бываетъ. Но великодушная Лиззи не отпустила его безъ отвѣта.

— Лордъ Фаунъ, произнесла вдова, вставая съ кресла,—вы оказали мнѣ сегодня величайшую честь, какую только можете оказать мужчине женщиной. Предложеніе, сдѣланное вами, вдвойнѣ мнѣ дорого, во-первыхъ потому, что я уважаю васъ, а во-вторыхъ....

— Что, во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ потому, что васъ люблю.

Послѣднія слова Лиззи произнесла почти шепотомъ, затѣмъ она ласково подошла къ лорду и почти прижалась головой къ его груди. Онъ, конечно, охватилъ ее рукой за талью, при чемъ сначала ему пришлось освободиться отъ шляпы, и тогда уже головка вдовы дѣйствительно опустилась на его грудь.

— Дорогая моя Лиззи! сказалъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ.

— Дорогой Фредерикъ! ворковала она.

— Я сегодня-же вечеромъ напишу къ матушкѣ, продолжалъ лордъ.

— Конечно напишите, милый Фредерикъ!

— И я увѣренъ, что она тотчасъ-же къ вамъ приѣдетъ.

— Я приму ее какъ свою мать и буду нѣжно любить ее всю жизнь! воскликнула съ жаромъ Лиззи.

Тутъ женихъ опять поцѣловалъ ее въ лобъ, въ губки и нѣжно простился, обѣщая быть у нея во что-бы то ни стало въ среду.

— Леди Фаунъ! проговорила Лиззи, оставшись одна. — Это далеко не такъ звучно, какъ леди Эстасъ. Но за то у меня будетъ мужъ и я буду женою пара.

ГЛАВА IX.

Изъ которой видно, что говорили миссъ Фаунъ и что думала мистрисъ Гиттвей.

Лордъ Фаунъ въ отношеніи своего долга былъ настоящій Геркулесъ, т. е. не въ смыслъ-лазанья по деревьямъ въ гесперидскихъ садахъ», но въ умѣнн довершить такія предпріятія, которыя въ глазахъ другихъ мужчинъ казались-бы невозможными и откладывались-бы ими въ долгій ящикъ, какъ неудобноисполнимыя. Въ понедѣльникъ утромъ, тотчасъ по полученіи согласія леди Эстасъ, лордъ Фаунъ передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ министерство ость-индскихъ дѣлъ, отправился къ матери въ Фаун-Кортъ. Онъ былъ безупречно честенъ, когда описывалъ финансовое положеніе своихъ дѣлъ той женщинѣ, которой онъ предложилъ руку и сердце. Онъ ничего отъ нея не скрылъ, и хотя она при всемъ своемъ умѣ не была въ состояніи уяснить себѣ совершенно всѣ факты, такъ неожиданно ей переданныя, но все-таки она выслушала его настолько внимательно, что онъ имѣлъ полное право сказать впоследствии, если-бы она стала разсуждать объ этомъ предметѣ болѣе обстоятельно, что прежде чѣмъ посвататься, онъ уже заранѣе приготовилъ ее ко всему. Но въ то-же время лордъ Фаунъ не преминулъ навести справки и о дѣлахъ самой леди Эстасъ. Такъ, напримѣръ, онъ нашелъ нужнымъ удостовѣриться: точно-ли покойный мужъ оставилъ ей въ пожизненное владѣніе помѣстье, дающее четыре тысячи фунтовъ дохода. Онъ слышалъ, что ей отказано по завѣщанію восемь тысячъ фунтовъ, но на ихъ онъ не очень разсчитывалъ, предполагая, что леди Эстасъ усѣбла уже истратить всю сумму. „Если-же сверхъ ожиданія и осталось что-нибудь отъ этихъ денегъ, думалъ онъ, то я сочту это божіей благодатью“.

Лордъ Фаунъ чрезвычайно дорожилъ деньгами. Будучи бѣднымъ человѣкомъ и занимая въ то-же время постъ челоуѣка богатаго; онъ по неволѣ узналъ цѣну денегамъ, началъ отказывать себѣ во многомъ, сдѣлался бережливъ и даже скупъ иногда до скарденности. Такого рода характеръ—естественное послѣдствіе положенія челоуѣка; никто такъ не дорожитъ деньгами, какъ челоуѣкъ бѣдный и честный въ то-же время, но принужденный жить въ кругу богатыхъ людей. Обстоятельства держать его въ такихъ тискахъ, у него столько постоянныхъ заботъ, нужда такъ сильно даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу, что мозгъ несчастнаго ни на минуту не освобождается отъ страшной мысли: какъ-бы не истратить

лишняго пенса. Такого рода людей нельзя судить одинаково съ людьми достаточными. Лордъ Фаунъ объявилъ своей невѣстѣ, что онъ имѣетъ половинную часть пяти тысячъ въ годъ, или точнѣе сказать, половину дохода съ имѣнья, которое должно давать пять тысячъ въ годъ; такого состоянія для человѣка неженатаго весьма достаточно, бѣднымъ ужь его никакъ нельзя назвать, но лордъ Фаунъ, къ несчастью, былъ лордъ, къ несчастью — землевладѣлецъ, а что всего хуже, обладатель ирландскаго помѣстья. Какъ онъ ни сберегалъ шестипенсовыя монеты, фунты стерлинговъ текли у него изъ рукъ или, вѣрнѣе сказать, никакъ не попадали ему въ руки. Онъ очень осторожно тратилъ шестипенсовики и постоянно думалъ не о томъ, какъ-бы свести концы съ концами, а какъ-бы согласить строжайшую экономію съ приличной обстановкой, необходимой для каждаго англійскаго лорда. Человѣку въ его положеніи естественно было видѣть въ выгодной женптвѣ надежную опору въ суровой битвѣ съ жизнью. Онъ очень скоро пришелъ къ тому убѣжденію, что жениться ему на бѣдной нельзя и началъ вѣрить, что богатая наслѣдница назначена самой судьбой для того, чтобы выручить его изъ затрудненія. Лордъ Фаунъ сознавалъ, что судьба до сихъ поръ была ему злой мачихой, и считалъ женно состояніе самымъ законнымъ средствомъ для избавленія себя отъ ея ярма. На его сторонѣ и общественное положеніе, и титулъ, — такъ неужели эти два преимущества не стоятъ хорошаго ежегоднаго дохода? Отдать ихъ даромъ—вещь немислимая; при томъ, по своему положенію въ свѣтѣ, онъ не имѣетъ даже права такъ поступить, а напротивъ, долженъ стараться продать ихъ какъ можно выгоднѣе, не измѣняя, конечно, правиламъ честнаго человѣка. Лордъ Фаунъ былъ несомнѣнно честный человѣкъ, и втеченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ; онъ искалъ случая, какъ-бы устроить эту сдѣлку повыгоднѣе. Правда, трудно было и рѣшить, что выгодно, и что невыгодно. Кто, напримѣръ, осмѣлился-бы откровенно высказать какому-нибудь лорду Фауну: «вы равняетесь цѣнности такой-то суммы ежегоднаго дохода»? Раза два лордъ Фаунъ попробовалъ было запросить за себя очень высокую цѣну, но сдѣлка не состоялась. Въ настоящее время, онъ, какъ видно, немного спустилъ цѣну, потому-что вступилъ въ брачныя переговоры съ вдовой, у которой былъ ребенокъ и всего 4,000 ф. ежегоднаго дохода. Пожизненно-ли она будетъ пользоваться этимъ доходомъ, или онъ перейдетъ къ ея дѣтямъ и потомкамъ, объ этомъ лордъ Фаунъ не получилъ вѣрныхъ свѣденій, дѣлая предложеніе Лиззи. Въ завѣщаніи, оставленномъ сэромъ Флоріаномъ Эстасомъ, совсѣмъ не упоминалось объ

имѣніяхъ; по закону-же вдова должна получать пожизненно только проценты съ суммы дохода, слѣдовательно, нечего и рассчитывать, чтобы сэръ Флоріанъ могъ отдать ей въ потомственное владѣніе родовое имѣніе. А между тѣмъ, носился слухъ, будто покойный лордъ щедро наградила жену; говорили, будто въ завѣщаніи сказано, что помѣстье его въ Шотландіи должно перейти ко второму сыну въ случаѣ, если-бы таковой родился; если-же его не будетъ, то оно должно поступить въ полное владѣніе вдовы. Конечно, если-бы лордъ Фаунъ сталъ настаивать собирать свѣденія, то онъ вѣрно добился-бы истины. Но онъ мысленно считалъ, что ему можно помириться съ пожизненнымъ доходомъ жены. «А если что и набѣжить лишнее, думалъ онъ, — то тѣмъ лучше для меня». Во всякомъ случаѣ, онъ намѣревался заранѣе распорядиться такимъ образомъ своимъ дѣлами, чтобы будущій его сынъ и наслѣдникъ (буде таковой явится на свѣтъ) послѣ смерти отца не былъ обязанъ платить матери болѣе половины доходовъ съ родовыхъ имѣній, — точь въ точь, какъ теперь лордъ Фаунъ самъ это дѣлалъ въ отношеніи своей матери.

Утромъ, въ понедѣльникъ, леди Фаунъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ сидѣла въ Фаун-Кортъ за завтракомъ. Мать разливала чай.

— Ахъ, Фредерикъ, говорила она, — вѣдь это такой важный вопросъ!

— Именно такъ — конечно, отвѣчалъ сынъ. — Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы съѣздили къ ней съ визитомъ сегодня или завтра.

— Пожалуй.

— И затѣмъ, пригласите ее сюда.

— Да поѣдетъ-ли она, я еще не знаю, замѣтила мать. — Не нужно-ли мнѣ пригласить также и мальчика?

— Конечно, нужно, сказалъ лордъ Фаунъ, засовывая себѣ въ ротъ ложку, полную яйца въ сметку. — Непремѣнно.

— А миссъ Мекнэлти?

— Ее? Нѣтъ! полагаю, что не нужно. Я вѣдь не на миссъ Мекнэлти женюсь. Мальчикъ — другое дѣло: онъ членъ семьи.

— А что она получаетъ, Фредерикъ? спросила мать.

— Четыре тысячи въ годъ. Номинально немного болѣе, но считать можно только на четыре тысячи.

— И ты увѣренъ въ этомъ?

— Совершенно увѣренъ.

— И доходъ этотъ потомственный?

— Полагаю, что такъ. Навѣрно сказать не могу.

— Но вѣдь это огромная разница, Фредерикъ?

— Безъ сомнѣнія, разница огромная. Мнѣ сдается, что доходъ завѣщанъ лично ей. Но она гораздо моложе меня, и потому, какъ женщина обеспеченная, не станетъ требовать послѣ моей смерти, чтобы ей выдѣлили часть изъ нашего родового имѣнія. А вѣдь это вопросъ для насъ важный. Скажите, какъ вы ее находите, не правда-ли—она прелестна?

— Да, она очень мила.

— И умна, прибавьте.

— Конечно, очень умна. Надѣюсь, что она не капризна, Фредерикъ?

— Если немножко и капризна, то мы постараемся угождать ей, возразилъ лордъ Фаунъ, слегка улыбаясь.

По правдѣ сказать, ему и въ голову не приходило; капризна Лиззи или нѣтъ. У нея было хорошее состояніе—это онъ считалъ первымъ и самымъ необходимымъ преимуществомъ. Она прекраснаго происхожденія, настоящая леди, и красавица къ тому-же. Чтобы отдать полную справедливость лорду Фауну, мы должны присовокупить, что въ расчетъ его матримоніальныхъ спекуляцій, кромѣ хорошаго состоянія жены, входила непремѣнно и красота ея. Два года тому назадъ онъ сватался за Виолеттой Эффингамъ, извѣстной современной красавицей, которая въ настоящую минуту была супругой лорда Чилтерна; затѣмъ онъ трижды сватался къ г-жѣ Моусъ Геслеръ, знаменитой богачкѣ и красавицѣ. Въ обоихъ случаяхъ средства молодыхъ леди далеко превышали средства теперешней его невесты и притомъ тамъ, не то, что здѣсь, капиталы были потомственные. Въ этихъ двухъ предпріятіяхъ ему не повезло; но лордъ Фаунъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы считать себя обиженнымъ потому только, что ему не дался въ руки первый лакомый кусокъ, на который онъ позарился.

— Я думаю, что можно сообщить дѣвочкамъ новость, замѣтила, помолчавъ, леди Фаунъ.

— Да, когда я уѣду, отвѣчалъ сынъ. — А теперь мнѣ пора на службу; я заѣхалъ сюда потому только, что мнѣ очень ужъ хотѣлось васъ видѣть, прибавилъ онъ.

— Какъ это на тебя похоже, Фредерикъ! нѣжно замѣтила мать.

— А вы съѣздите туда сегодня, матушка?

— Конечно, если ты этого желаешь.

— Поѣзжайте въ каретѣ и возьмите съ собой одну изъ дѣвочекъ. Больше одной я-бы не взялъ. Лучше всего взять Августу. Вы, конечно, и съ Кларой повидаетесь?

Клара была замужняя сестра лорда, м-съ Гиттевей.

— Если ты желаешь, почему-же нѣтъ, отвѣчала мать.

— Скажите, чтобы и она сдѣлала визитъ, ну, хоть въ четвергъ. Лучше будетъ, когда всѣ узнаютъ. Я не желаю откладывать женитьбы на долго. И такъ, кажется, теперь все сказано?

— Надѣюсь, что она будетъ тебѣ доброй женой, Фредерикъ!

— Я не вижу причины, почему ей не быть доброй женой. Однако, прощайте, матушка. Скажите дѣвочкамъ, что я увижусь съ ними въ будущую субботу.

Лордъ Фаунъ не видѣлъ причины, почему женщина, на которой онъ собирался жениться, могла-бы не быть ему доброй женой, а между тѣмъ, онъ совсѣмъ не зналъ ея характера, и даже не далъ себѣ труда собрать о ней какія-нибудь свѣденія. Что она была хорошенькая — это онъ видѣлъ; что она была умна — это былъ фактъ; что она жила въ Моунт-Стритъ — это былъ тоже фактъ; что она была несомнѣнная владѣтельница значительнаго дохода — это не подлежало ни малѣйшему спору; ея родство было также извѣстно ему. Но какъ ему было знать, страдаетъ-ли она тѣми пороками, которымъ бывають подвержены женщины? По настоящему, въ ней было ихъ такъ много, что если-бы прибавить къ нимъ всѣ остальные, то едва-ли-бы она отъ этого сдѣлалась хуже. Она никогда не приносила свою красоту въ жертву любви, — жертвовать чѣмъ-бы то ни было вообще не входило въ ея привычки; наконецъ, она не пила. Затѣмъ трудно-бы было еще что-нибудь прибавить въ ея похвалу. А между тѣмъ, лордъ Фаунъ былъ очень доволенъ предстоящей женитьбой своей на ней, и, повторимъ опять, онъ не видѣлъ причины, почему-бы Лиззи не быть хорошей женой. И хорошо, что сэръ Флоріанъ не видѣлъ этой причины — иначе она разбила-бы его сердце.

Когда дѣвочки услышали вѣсть о женитьбѣ брата, онѣ испугались и обрадовались. Леди Фаунъ и ея дочери жили далеко отъ большого свѣта. Это были бѣдные богатые люди, если можно такъ выразиться, потому онѣ и рѣдко выѣзжали въ свѣтъ. Въ Фаун-Кортъ держали буфетчика, мальчика въ ливреѣ съ свѣтлыми пуговицами, двухъ садовниковъ, дворника, ходившаго за коровами, за экипажами и за лошадьми, и, наконецъ, жирнаго кучера. Домашнюю свиту составляли еще поваръ, судомойка, двѣ горничныя, онѣ-же и портнихи, двѣ дѣвушки для черной работы и скотница. Всѣ эти люди обязаны были содержать въ порядкѣ огромное старое кирпичное зданіе, называвшееся господскимъ домомъ, и великолѣпный садъ, гдѣ росли столѣтнія деревья. Въ домѣ, кромѣ матери, главы семейства, жили еще, какъ мы знаемъ, гувернантка и

семь незамужнихъ дочерей. При такой обстановкѣ и съ доходомъ, непревышавшимъ трехъ тысячъ фунт. въ годъ, леди Фаунъ не могла считаться богатой женщиной. А между тѣмъ, со стороны никто не повѣрилъ-бы, что старой леди съ дочерьми далеко не хватаетъ трехъ тысячъ фунтовъ на годовыя издержки. Люди средняго состоянія должны знать, что полученный ими внезапно титулъ возвышаетъ на 20% цѣнность каждаго предмета ихъ потребления. Баранна, наприм., за которую они прежде платили 9 пенсовъ за цѣлый кусокъ, обойдется имъ въ 10 пенсовъ за фунтъ, да кромѣ того, ея потребуется на столъ гораздо больше. Фунтъ чаю начисто выходитъ несравненно быстрѣе прежняго. За то трудъ въ той же пропорціи уменьшается по мѣрѣ возвышенія званія. Земледелецъ работаетъ по 10 часовъ въ сутки, сквайръ по 9, а пэръ по 8. Какой-нибудь миссъ Джонсъ, превратившейся въ леди Джонсъ, обходится не менѣе трехъ пенсовъ каждое «миледи», которымъ ласкаютъ ея ухо. Даже баронетъ, сдѣлавшійся лордомъ, и тотъ принужденъ пообрѣзывать свои расходы, по причинѣ возвышенія цѣны на все, т.-е. если онъ вращается въ большомъ свѣтѣ. Старуха леди Фаунъ, нетерпѣвшая долговъ и неумѣвшая быть скарденной, хотя и была расчетлива, понимала очень хорошо, что ей по состоянію и что нѣтъ. Старинная фамильная карета и двѣ комнатныя горничныя были необходимы — она ихъ и держала; но лондонскій большой свѣтъ былъ ей не по карману, и она туда сама не ѣздила и дочерей не вывозила. Вотъ почему всѣ онѣ такъ мало знали Лиззи Эстасъ. Кое-что долетѣло, правда, и до нихъ.

— Надѣюсь, что она не будетъ слишкомъ часто выѣзжать, сказала Амелія, вторая дочь.

— Или тратить много на пустяки, прибавила третья, Джоржина.

— Рассказываютъ, будто она была по уши въ долгахъ, когда на ней женился сэръ Флоріанъ Эстасъ, замѣтила Діана, четвертая дочь.

— Фредерикъ, вѣроятно, все это разузналъ, вмѣшалась старшая, Августа.

— А вѣдь она чудо какъ хороша! воскликнула пятая, Лидія.

— И умница какая! заключила шестая, Цецилія.

— Красоты и ума недостаточно для того, чтобы быть хорошей женой, произнесла Амелія, считавшаяся самой умной изъ сестеръ.

— Фредерикъ, вѣроятно, будетъ наблюдать за ея поведеніемъ, сказала Августа, отличавшаяся глупостью.

Въ эту минуту Люси Моррисъ вошла въ комнату вмѣстѣ съ Ниной, маленькой дѣвочкой.

— Ахъ, Нина! если-бы ты знала! воскликнула Лидія.

— Душа моя! прервала ее леди Фаунъ, сдѣлавъ знакъ рукой, чтобы болтуня замолчала.

— Мама! что тамъ такое! съ живостью спросила Нина.

— Я хоть Люси скажу, произнесла Лидія умоляющимъ тономъ.

— Люси можно сказать, почему-жъ нѣтъ? возразила мать. — Люси мы конечно все скажемъ. Нѣтъ причины скрывать отъ нея наши семейныя дѣла, тѣмъ болѣе, что она сама впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ была коротко знакома съ леди.

— Душа моя, сказала леди Фаунъ, обращаясь къ гувернантѣ, — мой сынъ женится на леди Эстасъ.

— Какъ! лордъ Фаунъ женится на Лиззи! воскликнула Люси такимъ тономъ, въ которомъ слышалось удивленіе, смѣшанное съ досадою.

— Если только вы не заявите своего несогласія при оглашеніи въ церкви, сказала смѣясь Діана.

— А почему-жъ ему на ней не жениться? спросила леди Фаунъ.

— Развѣ есть къ тому препятствія?

— О, нѣтъ! только мнѣ показалось это очень странно. Я даже не знала, что они были знакомы, — т. е. хорошо знакомы. И при томъ...

— Что, притомъ, душа моя?

— При томъ... ну, просто, странно! Впрочемъ виновата!.. я хотѣла сказать — очень хорошо... и желаю имъ всевозможнаго счастья!

Леди Фаунъ осталась очень недовольна Люси и не говорила съ ней ни слова до тѣхъ поръ, пока ей не пришлось садиться въ карету, чтобы ѣхать съ Августой въ Лондонъ. Карета остановилась сначала у дверей замужней дочери въ Варвикъ-свервъ. М-съ Гиттевей, мужъ которой служилъ предсѣдателемъ совѣта аппеляціоннаго суда по гражданскимъ дѣламъ, и имя котораго было очень извѣстно во всѣхъ судахъ и вообще въ официальномъ мірѣ, — м-съ Гиттевей знала гораздо болѣе обо всемъ происходившемъ въ свѣтѣ, чѣмъ мать. Вырвавшись изъ подъ материнскаго контроля уже 10—12 лѣтъ, она осмѣливалась высказываться передъ нею съ гораздо большею откровенностью, чѣмъ прочія сестры.

— Мама, неужели вы правду говорите? спросила она, узнавъ о свадьбѣ брата.

— Конечно правду, Клара. А почему-же бы этому не быть?

— Но вѣдь это самая хитрая лиса въ цѣломъ Лондонѣ.

— О, Клара! воскликнула мать.

— И при томъ это такая лгунья! продолжала м-съ Гиттевей.

По лицу леди Фаунъ пробѣжало выраженіе страданія, потому-что леди Фаунъ слѣпо вѣрила въ каждое слово дочери. Но она рѣшилась защищать дѣло сына до послѣдней крайности.

— Слово *миса* на нашемъ языкѣ, возразила она, помолчавъ немного,—имѣетъ очень неопредѣленное значеніе. Объясни, Клара, яснѣе, что ты хочешь этимъ сказать?

— Мама, разстройте эту свадьбу.

— Какимъ же образомъ я могу ее разстроить,—даже если-бы я этого хотѣла?

— Но вѣдь вы совсѣмъ не знаете эту госпожу?

— Напротивъ, знаю. Она нѣсколько разъ была у насъ въ Фаунъ-Кортѣ. Она дружна съ Люси.

— Если она дѣйствительно дружна съ Люси Моррисъ, мама, то я Люси Моррисъ не пущу на порогъ моего дома.

— Но что-жъ она такое сдѣлала? Я никогда не слыхала, что-бы ее осуждали за дурное поведеніе. Не понимаю, что такое ты хочешь сказать. Принимаютъ ее всюду. Любовниковъ у нея, кажется, нѣтъ. Фредерикъ ни за что не рѣшился-бы предложить свою руку молодой женщинѣ съ дурной репутаціей.

— Фредерикъ, какъ и всѣ мужчины, ничего не видитъ, что у него дѣлается подъ носомъ. При томъ онъ увлекся ея состояніемъ;—но вѣдь она можетъ имъ пользоваться только пожизненно.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, Клара, что оно отдано ей въ потомственное владѣніе, робко замѣтила мать.

— Да, вѣроятно, это она сама рассказываетъ. Но я вамъ сказала уже, что она первая лгунья въ Лондонѣ. Разузнайте-ка хорошенько исторію объ ея драгоцѣнностяхъ, купленныхъ передъ свадьбой съ сэромъ Флоріаномъ, и о томъ, сколько ему, бѣдному пришлось заплатить за нихъ. Нѣтъ, лучше я сама все разузнаю. А если вамъ нужно навести другія справки, обратитесь къ ея теткѣ, леди Линлитгау.

— Другъ мой, возразила мать,—но кто-жъ изъ насъ не знаетъ что леди Линлитгау въ ссорѣ съ нею.

— А я вамъ повторяю, что она даже и теперь по уши въ долгахъ. Но, погодите! я не оставлю этого дѣла, и если мои предположенія окажутся справедливыми, я безъ церемоніи передамъ все Фредерикъ. Орландъ у меня откроетъ все, что нужно (супруга м-съ Гиттевей звали Орландомъ). М-ръ Кампердаунъ, по всему вѣроятію, знаетъ эту исторію вдоль и поперекъ. Скажу вамъ одно, мама, — все, что мнѣ извѣстно на счетъ репутаціи леди Эстасъ,

достаточно убѣждаетъ меня въ томъ, что Фредерикъ сильно раскается въ своей женитьбѣ.

— Что-жъ намъ теперь дѣлать? вскричала леди Фаунъ.

— Разстроить свадьбу, и больше ничего, повторила м-съ Гиттевей.

Рѣзкая, энергическая рѣчь дочери произвела убійственное впечатлѣніе на бѣдную леди Фаунъ, которая, какъ мы сказали выше, слѣпо вѣрила въ каждое слово м-съ Гиттевей, зная, что дочь возвращается въ свѣтъ и ежедневно слышать новости, никогда не достигавшія до Фаун-Корта.

„Однакожь, сынъ мой выѣзжаетъ не менѣе дочери, думала бѣдная мать; если леди Эстасъ дѣйствительно такого рода женщина, какой ее изобразила Клара, то почему же лордъ Фаунъ не слышалъ ничего подобнаго? При томъ я дала уже свое согласіе на бракъ и общала сегодня-же сдѣлать визитъ невѣстѣ.

— Неужели ты никогда къ ней не поѣдешь? спросила леди Фаунъ.

— Какъ! къ леди Эстасъ — конечно нѣтъ. Если Фредерикъ на ней женится, по неволѣ придется познакомиться, но тогда уже другое дѣло,—придется изъ худшаго выбирать лучшее. Я убѣждена, что не пройдетъ двухъ лѣтъ послѣ свадьбы и они разойдутся непремѣнно.

— Ахъ, Боже мой, какіе ужасы! воскликнула Августа.

Послѣ продолжительнаго раздумья леди Фаунъ рѣшила, что, не смотря на дурные слухи о невѣстѣ ея сына, она должна сдержать свое слово и сдѣлать ей обѣщанный визитъ. Лордъ Фаунъ заранѣе послалъ челоуѣка въ Моунт-Стритъ съ извѣстіемъ о томъ, какая честь ожидаетъ леди Эстасъ. По правдѣ сказать, леди Фаунъ чрезвычайно хотѣлось лично посмотрѣть на обстановку, окружавшую женщину, которая намѣревалась, какъ видно, нанести ей страшный ударъ разрушеніемъ счастья ея единственнаго сына. „Кто знаетъ, думала старуха, быть можетъ многое мнѣ объяснится, когда я посмотрю на нее въ ея собственной гостиной; во всякомъ случаѣ я съѣзжу къ ней“. Но подъ вліяніемъ словъ старшей дочери, она приказала Августѣ остаться у сестры и не взяла ее съ собою къ леди Эстасъ. Если предстоялъ позоръ, то зачѣмъ же подвергать ему и Августу? Бѣдная Августа! А она собралась съ такимъ восторгомъ обнять свою будущую сестру—ей было все равно, что за минуту передъ тѣмъ эту же самую леди называли фальшивой, мотовкой, коварной лисой. Но состоя на положеніи дѣвочки, она обязана была повиноваться, и не смотря на свои 30 лѣтъ, повиновалась.

Лиззи, конечно, была дома, а миссъ Мекнэлти, конечно, уѣхала

на выставку общества садоводства или куда-то въ другое мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ настоящій, Лиззи предпочитала оставаться одной. Съ своимъ туалетомъ она провозилась очень долго, принимая при этомъ въ соображеніе не столько наружный эффектъ, сколько характеръ гостыи, на которую она намѣревалась произвести впечатлѣніе. Ей хотѣлось во что-бы то ни стало заслужить хорошее мнѣніе о себѣ у леди Фаунъ. Она одѣлась богато, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень просто. Все, что находилось въ ея комнатѣ, носило на себѣ печать роскоши; французскіе романы она припрятала подале, а на маленькій столикъ, стоявшій подлѣ ея кресла, она положила библію и слегка прикрыла ее. Длинные, блестящіе свои кудри Лиззи подобрала въ косу, но брилліантовыхъ перстней не сняла. Она твердо порѣшила окончательно побѣдить будущую свою свекровь и золовку—записка, полученная ею утромъ изъ министерства остъ-индскихъ дѣлъ, увѣдомляла ее, что Августа будетъ сопровождать леди Фаунъ. „Августа моя любимая сестра, писалъ влюбленный женихъ; надѣюсь, что вы обѣ будете жить дружно“. Прочитавъ эти слова, Лиззи сказала сама себѣ, что изъ всѣхъ женщинъ дурь, самая глупая, это Августа Фаунъ. Увидавъ, что леди Фаунъ одна, она осталась вѣрна себѣ и не спросила даже, гдѣ будущій ея другъ.

— Милая, дорогая леди Фаунъ! воскликнула она, кидаясь въ объятія старухи и прижимаясь головой къ ея груди, — вашимъ присутствіемъ у меня вы довершаете мое счастье!

Тутъ Лиззи отступила на нѣсколько шаговъ, не выпуская изъ своей руки руку гостыи, и пристально посматрѣвъ въ лицо своей будущей свекрови, произнесла задумчиво:

— Когда *онъ* спросилъ, хочутъ ли я быть его женой, первая мысль, мелькнувшая у меня въ головѣ, была: пріѣдете-ли вы ко мнѣ тотъ-часъ-же?

Голось, выраженіе лица ея дышали при этомъ нѣжностью и естественностью; для внимательнаго наблюдателя показались-бы лишнимъ нѣкоторые жесты Лиззи, перегибанія ея стройнаго стана, слишкомъ умоляющее выраженіе лица, слишкомъ жаркое пожатіе руки; но леди Фаунъ, вѣроятно, ничего-бы этого не замѣтила, если-бы по дорогѣ въ Моунт-Стритъ она не заѣхала въ Варвик-Скверъ. Страшныя слова дочери продолжали звучать въ ея ухахъ и она рѣшительно не знала, какъ себя держать.

— Ему стоило только сказать слово, вотъ я и пріѣхала, выговорила наконецъ старуха.

— И вы будете любить меня какъ дочь? спросила Лиззи.

Бѣдная леди Фаунъ! Въ сердцѣ ея хранился такой богатый за-

пасъ материнской любви, что его хватило-бы пожалуй на цѣлую дюжину невѣстокъ, если-бы всѣ эти невѣстки оказались существами, къ которымъ она могла-бы чувствовать симпатію. А внушить ей симпатію было очень легко; это была далеко не такая женщина, которая обладала-бы склонностью разбирать по мелочамъ характеръ невѣстки. Но что-жъ она могла ощущать въ своемъ сердцѣ послѣ предостереженія, полученнаго отъ м-съ Гиттевей. Не сулить-же нѣжной любви коварной лисицѣ и лгуньѣ? Старуха по природѣ была не лживая женщина.

— Милая моя, надѣюсь, что вы будете ему хорошей женой— вотъ все, что она наплась сказать.

Тонъ и слова старухи были далеко не привѣтливъ, но Лиззи примирилась съ ними. Ей хотѣлось заставить леди Фаунъ имѣть хорошее мнѣніе о своей будущей невѣсткѣ и она вовсе не потерялась, когда увидѣла, что та не сразу поддалась ей. Впрочемъ, человѣкъ злой рѣдко надѣется сразу произвести хорошее впечатлѣніе; онъ хлопочетъ объ одномъ—побѣдить непріязненное къ нему чувство, хотя онъ убѣжденъ, что никогда не достигнетъ вполнѣ своей цѣли,

— О, леди Фаунъ, начала снова Лиззи,—я такъ буду стараться составить его счастье. Скажите, что ему особенно нравится? Чего-бы онъ желалъ отъ меня? Вы ближе знаете его благородную натуру, научите меня какъ дѣйствовать.

Леди Фаунъ замылась. Она сидѣла на диванѣ, а Лиззи прижалась къ ней, почти закуталась въ ея мантилью.

— Милая моя, заговорила старуха,—если вы строго будете исполнять свой долгъ въ отношеніи его, я убѣждена, что онъ отплатитъ вамъ тѣмъ-же.

— Знаю, знаю! Я въ этомъ увѣрена. Я все сдѣлаю для него, все! И вы позволите мнѣ любить васъ, позволите называть васъ матерью, нѣжно произнесла Лиззи, производя разныя эволюціи своей головой.

Отъ волосъ ея несло чѣмъ-то душистымъ, что очень не понравилось леди Фаунъ: ея дѣвочки не были приучены къ употребленію духовъ. Старуха невольно отодвинулась и это движеніе заставило Лиззи оправиться и сѣсть прямо. Затѣмъ леди Фаунъ почти совсѣмъ перестала говорить и хозяйкѣ дома пришлось съ трудомъ выпутываться изъ неловкаго положенія. Вспомнивъ печаянно, что въ Фаун-Кортѣ по вечерамъ въ воскресенье читаются вслухъ проповѣди, Лиззи вообразила, что леди Фаунъ должна быть очень богомольна.

— Вотъ гдѣ, заговорила она вдругъ съ увлеченіемъ,—вотъ гдѣ я буду искать опоры для себя... При этихъ словахъ она закинула

немного руку назадъ и, взявъ со столика библию, крѣпко сжала ее своими изящными пальцами.—Тутъ вся моя надежда. Эта книга наставитъ меня, какъ лучше исполнять долгъ мой въ отношеніи моего благороднаго мужа.

Леди Фаунъ взяла изъ рукъ Лиззи книгу и къ удивленію своему увидѣла, что это библия.

— Вы прекрасно сдѣлаете, моя милая, если будете почаще читать библию, сказала она, и въ голосѣ ея послышался скорѣе строгій выговоръ, чѣмъ одобреніе. Она спокойно опустила библию на ближайшій столъ и спросила леди Эстасъ, когда ей угодно будетъ посѣтить Фаун-Кортъ. Леди Фаунъ обѣщала сыну сдѣлать это приглашеніе и считала теперь невозможнымъ не исполнить даннаго слова.

— О! мнѣ-бы такъ хотѣлось къ вамъ пріѣхать! воскликнула Лиззи. — Рѣшите сами, когда это удобнѣе сдѣлать, я не замедлю пріѣхать къ вамъ.

Тутъ онѣ уговорились, чтобы Лиззи пріѣзжала въ Фаун-Кортъ ровно черезъ недѣлю въ понедѣльникъ, и пробыла-бы тамъ дней пятнадцать.

— Я теперь ничего больше не желаю, сказала Лиззи, — какъ покороче познакомиться съ вами и съ вашими милыми дочерьми, а главное заставить васъ всѣхъ полюбить себя.

Только-что гостя уѣхала, леди Эстасъ остановилась посреди комнаты и скорчила гримасу (а она умѣла ихъ корчить).

— Никогда я не сойду съ ними! сказала она сама себѣ.—Я не могу сойтись съ этими грязными, глупыми, скучными ханжами, съ этими осами! Если ему это не понравится, пусть валандается съ ними самъ, какъ знаетъ, а для меня, какъ видно, эта свадьба не большая находка.

Молодая женщина опустилась на стулъ и начала снова размышлять. Эта мысль—выиграетъ она или проиграетъ, выходя вторично замужъ, преслѣдовала ее еще и въ тотъ вечеръ, когда лордъ Фаунъ сдѣлалъ ей предложеніе. Только-что женихъ уѣхалъ, Лиззи назвала его дуракомъ и созналась, что сдѣлала большую глупость, давъ ему слово.

— Вѣдь у него только пять тысячъ годового дохода! говорила молодая вдова, не совсѣмъ ясно понявъ тогда, что именно толковалъ лордъ о положеніи своихъ финансовъ. А! Понимаю! вѣрно его соблазнили мои деньги, тихо промолвила она нѣсколько времени спустя.—Ну, тутъ онъ обожжется; я ему докажу, что если разъ что-нибудь попало въ мои руки, того я ужъ не выпущу.

Холодное обращеніе леди Фаунъ усилило ея нерасположеніе къ

предстоящей свадьбѣ, но въ то-же время оно подстрекнуло ее въ намѣреніи довести дѣло до конца.

— Если всѣ эти бабы вообразили, что онѣ могутъ разстроить мою свадьбу, воскликнула Лиззи съ гнѣвомъ,—то я имъ докажу, что онѣ ошибаются.

— Ну, мама, вы видѣли ее? спросила м-съ Гиттевей, когда мать пріѣхала за Августой.

— Какъ-же? видѣла, душа моя. Впрочемъ, я вѣдь и прежде принимала ее раза три у себя.

— И вы до сихъ поръ въ восторгѣ отъ нея?

— Помилуй, Клара! Когда-же я говорила, что я отъ нея въ восторгѣ?

— Вы съ нею ужъ уговорились на счетъ пріѣзда въ Фаун-Кортъ?

— Она пріѣдетъ туда на будущей недѣлѣ и проведетъ съ нами дней пятнадцать. Вотъ тогда-то мы ее и узнаемъ покороче.

— Это будетъ отлично, мама, замѣтила Августа.

— Не забудьте-же, мама, что я вамъ говорила, прервала сестру м-съ Гиттевей,—я слово въ слово передамъ и Фредерику мое мнѣніе о ней. Онъ обидится, я знаю это заранѣе, и если свадьба его состоится, то онъ долго не проститъ мнѣ; но придетъ время, и братъ сознается, что я говорила правду.

— Надѣюсь, что ему никогда не придется въ этомъ сознаваться, сказала леди Фаунъ, и больше не провзнесла ни слова въ защиту своей будущей невестки. Точно также она не передала дочери о сценѣ съ библіей, хотя эта сцена оставила въ ней воспоминаніе на всю жизнь.

ГЛАВА X.

Лиззи и ея женихъ.

Въ понедѣльникъ и даже во вторникъ голова Лиззи была занята совсѣмъ не матримоніальными заботами. Она сообщила миссъ Мекнэльти съ особеннымъ одушевленіемъ вѣсть о предстоящемъ замужествѣ, и бѣдная приживалка принуждена была волей или неволей поздравлять свою патронессу съ будущимъ счастіемъ, хотя она знала, что ей самой придется послѣ того идти хоть на улицу.

— Васъ, вѣроятно, опять возьметъ старая сова, сказала Лиззи, — особенно, когда она узнаетъ, что вамъ некуда больше дѣться.

Изъ этихъ словъ видно было, что она хорошо знала сердце своей тетки. Но послѣ визита леди Фаунъ молодая женщина заговорила о замужествѣ уже въ другомъ тонѣ.

— Знаете-ли что, моя милая, сказала она миссъ Мекнэлти—я должна буду очень внимательно составлять свой брачный контрактъ.

— Но вѣдь все это устроить ваши повѣренныя, замѣтила приживалка.

— Да, какъ-же, повѣренныя! Знаю я этихъ повѣренныхъ! Я ни одному изъ нихъ не довѣрю распоряжаться моимъ состояніемъ. Жить мы станемъ въ Портрѣ, потому-что его имѣнія всѣ въ Ирландіи, — а меня въ Ирландію ничѣмъ не заманишь. Я объявила ему это еще въ первый день. Но своихъ доходовъ я никому не уступлю. Надѣюсь, что онъ не осмѣлится настаивать, чтобы я ими дѣлилась съ нимъ. Положимъ, что онъ членъ кабинета... проговорила Лиззи, какъ-бы про себя.

— Развѣ лордъ Фаунъ членъ кабинета королевы? спросила миссъ Мекнэлти, довольно хорошо понимавшая всѣ эти дѣла.

— А то какъ-же? возразила Лиззи съ досадою въ голосѣ.

Назвать ее невѣждой и лгуней въ этомъ случаѣ каждый имѣлъ полное право, потому-что она была тѣмъ и другимъ. Она не просто заговорила о томъ, что лордъ Фаунъ министръ, потому-что не задолго передъ тѣмъ кто-то, желая набросить тѣнь на его государственное положеніе, замѣтилъ при ней, что онъ не причисленъ къ кабинету. Лиззи не знала, на сколько миссъ Мекнэлти посвящена во всѣ эти премудрости и думала удивить ее; миссъ-же Мекнэлти въ свою очередь не воображала, чтобы ея патронесса была такая невѣжда, и наглая ложь Лиззи поразила ее. По ея словамъ оказывалось, что лордъ Фаунъ членъ кабинета, когда всему свѣту извѣстно, что онъ только помощникъ статсъ-секретаря! Что за прибыль для женщины утверждать такъ нагло и такъ открыто чистѣйшую ложь. Но Лиззи не имѣла никакого понятія о значеніи званія помощника статсъ-секретаря. По ея мнѣнію, если лордъ Фаунъ былъ лордъ, то онъ имѣлъ полное право засѣдать въ совѣтѣ королевы, тѣмъ болѣе, что тамъ засѣдаютъ даже члены нижняго парламента.

— Я вамъ говорю, что онъ членъ кабинета, повторила она надменно,—и не смотря на то, я никогда не позволю, чтобы моя гостиница превратилась въ собраніе министровъ. Я ни одного изъ нихъ не пушу къ себѣ въ домъ.

Во вторникъ вечеромъ она снова заговорила о своей независимости.

— Чтожь касается бабья, живущаго въ Ричмондѣ, замѣтила она, обращаясь къ миссъ Мекнэльти,—то я имъ не позволю сѣсть къ себѣ на шею, увѣряю васъ. Я сказала, что поѣду къ нимъ—и поѣду.

— Мнѣ кажется, что вамъ и слѣдуетъ туда ѣхать, сказала миссъ Мекнэльти.

— Ну да! я и поѣду. А на счетъ совѣтовъ — ѣхать мнѣ туда или не ѣхать, прошу, моя милая, мнѣ ихъ не давать; этого я не люблю. Мой визитъ туда будетъ первый и послѣдній. Вывозить жирныхъ дѣвокъ въ Лондонъ я и не подумаю; пусть онѣ этого и не ждуть. Воображаю, каковы должны быть у нихъ туалеты!

Ложась спать въ этотъ вечеръ, миссъ Мекнэльти сильно усумнилась въ томъ — состоится-ли свадьба леди Эстасъ. „Конечно, словамъ ея вѣрить невозможно, думала приживалка, но если хоть малая часть изъ того, что она мнѣ сегодня тараторила, говоря о своей будущей роднѣ, справедлива, то видно, что она ненавидитъ всѣхъ Фауновъ; она насмѣхалась даже надъ самимъ лордомъ Фауномъ и все твердила, что онъ кромѣ службы ничего не понимаетъ“.

Дѣйствительно, Лиззи почти совсѣмъ уже приготовилась разрушить предстоящій свой бракъ. Она мысленно взвѣсила всѣ выгоды и невыгоды его и убѣдилась, что послѣднія превышаютъ первыя. Объ этомъ она продумала всю ночь на среду. Но въ среду утромъ она получила письмо, которое сильно перетянуло вѣсы въ пользу Фауна. Записка была слѣдующаго содержания: „Г-да Кампердаунъ и сынъ свидѣтельствуютъ свое глубочайшее почтеніе леди Эстасъ и имѣютъ честь увѣдомить ее, что они получили инструкцію для начатія процесса о фамилныхъ брилліантахъ Эстасовъ, находящихся въ настоящее время въ рукахъ леди Эстасъ. Кампердаунъ и сынъ будутъ считать себя крайне обязанными, если леди Эстасъ удостоитъ сообщить имъ имя и адресъ ея адвоката. 62, Нью-Сквэръ, 30-го мая 186* г.“.

Записка эта была причиной, что Лиззи снова перешла на сторону Фауновъ. Она трепетала за свои брилліанты и ни за что не хотѣла уступить ихъ. Но удастся-ли ей отстоять ожерелье или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ей необходимо опереться на кого-нибудь. Письмо Кампердауновъ навело на нее сильный страхъ и она начала еще болѣе разчитывать на защиту лорда фауна. „Онъ вѣдь бѣдѣнь, думала леди Эстасъ, можетъ-быть брилліанты соблазнятъ его“. Зная, что кромѣ дома Мобрэ и Мопюсъ у нея нѣтъ никого, кто-бы помогъ ей бороться съ Кампердауномъ, Лиззи невольно склонялась въ пользу своего нареченнаго жениха.

— Я думаю, что Фредерикъ будетъ у меня сегодня, сказала она, сидя съ миссъ Мекнэльти за завтракомъ послѣ полудня.

Миссъ Мекнэльти кивнула головой въ знакъ согласія.

— Наймите себѣ кэбъ, и поѣзжайте, куда хотите, продолжала Лиззи.

Миссъ Мекнэльти выразила желаніе отправиться въ національную галерею.

— Пожалуй, только назадъ приходите ужъ пѣшкомъ, замѣтила Лиззи.

— Я могу идти пѣшкомъ взадъ и впередъ, отвѣчала приживалка, чувствовавшая, что на прощанье леди Эстасъ накладываетъ на ея спину тотъ послѣдній золотникъ, послѣ котораго ноша дѣлается невыносимой.

Фредерикъ явился и былъ милостиво принятъ. Лиззи подсунула записку Кампердауна подъ библію, лежавшую на маленькомъ столикѣ подлѣ нея, и ей стоило только протянуть руку, чтобы вытащить ее оттуда и показать своему будущему мужу. Фредерикъ помѣстился рядомъ съ невѣстой, и сначала между ними завязался разговоръ такого рода, какой только можетъ завязаться между женихомъ и невѣстой, когда одна изъ нихъ вдова, а другой—помощникъ государственнаго секретаря и членъ мнистерства ост-индскихъ дѣлъ. Они любезничали, но самымъ скромнымъ образомъ, толкуя о совершенно обыкновенныхъ дѣлахъ, льстя одинъ другому и время отъ времени намекая на *нѣкоторое* обстоятельство, которое слѣдовало-бы поскорѣе выяснить. Лордъ былъ очень разговорчивъ, но не вдругъ рѣшался подойти къ главной своей цѣли; Лиззи-же извивалась, какъ змѣйка, перескакивая отъ одного предмета къ другому, а подъ конецъ все-таки оказалось, что она сама не имѣетъ яснаго понятія о своихъ дѣлахъ. Передавая лорду Фауну извѣстіе, что Эйрширское помѣстье есть ея собственность, которою она можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію, ей и въ голову не пришло сообразить, что лордъ могъ заранѣе навести справки изъ другихъ, болѣе вѣрныхъ, источниковъ. Притомъ Лиззи внутренно никогда не была убѣждена, точно-ли она имѣетъ право на владѣніе этимъ помѣстьемъ, но такъ-какъ она была лжива отъ природы, она не считала нужнымъ собрать на этотъ счетъ болѣе точныхъ свѣденій.

— Мнѣ что-то толковали о моихъ правахъ, говорила она, смотря на своего жениха, — поминали что-то о второмъ сынѣ и о томъ, что его нѣтъ. Но, кто знаетъ, можетъ, современемъ, и будетъ у меня второй сынъ, будущій маленький лордъ Фаунъ, тогда онъ сдѣлается владѣтелемъ помѣстья.

Въ отношеніи честности, женихъ былъ далеко выше невѣсты, что онъ и доказалъ, высказавъ откровенно свое положеніе, и ни въ чемъ не отступивъ отъ истины; но какъ тотъ, такъ и другая были одинаково корыстолюбивы. Любовь совсѣмъ не участвовала въ той притягательной силѣ, которая привлекала лорда Фауна въ Моунт-Стритъ.

— А какъ называется ваше ирландское помѣстье? спросила вдругъ Лиззи.

— Но вѣдь я вамъ уже говорилъ, что тамъ нѣтъ усадьбы, отвѣчалъ лордъ.

— Однако, когда-то тамъ былъ-же домъ, Фредерикъ?

— Мѣстность, гдѣ домъ стоялъ, называется Килленжентъ. Но старинное селеніе носить названіе Килло.

— Какія милыя имена! воскликнула невѣста, — и что-жъ? селеніе это тянется на нѣсколько миль? спросила она съ видомъ невинной овечки.

Лордъ Фаунъ объяснилъ, что его владѣнія тянутся на нѣсколько миль въ горы.

— Какая романтическая обстановка! сказала Лиззи. — И вѣрно всѣ эти горные жители платятъ вамъ ренту?

Лордъ Фаунъ не рискнулъ сдѣлать подобный-же вопросъ насчетъ Эйрширскаго помѣстья, но за то, вмѣсто отвѣта, онъ справился, кто былъ ходатай по дѣламъ Лиззи.

— Намъ съ вами нужно сдѣлать кой-какія соглашенія, сказалъ онъ, — и не мѣшало-бы, чтобы мой повѣренный повидался съ вашимъ. М-ръ Кампердаунъ такой...

— М-ръ Кампердаунъ! почти крикнула Лиззи.

Тогда лордъ Фаунъ съ замѣтнымъ удивленіемъ повторилъ ей, что повѣренный по его дѣламъ всегда былъ и есть м-ръ Кампердаунъ, личность весьма почтенная, по его мнѣнію.

— А развѣ вы имѣете что-нибудь противъ него? спросилъ лордъ.

— М-ръ Кампердаунъ велъ дѣла сэра Флоріана, сказала Лиззи.

— Тѣмъ лучше; тогда ему легче будетъ вести наши общія дѣла, замѣтилъ лордъ.

— Не знаю, какъ это сдѣлать, проговорила Лиззи въ волненіи.

Мысли ея путались и она совсѣмъ сбилась съ толку.

— М-ръ Кампердаунъ былъ очень невѣжливъ въ отношеніи меня, заговорила она снова, — я должна вамъ въ этомъ сознаться. Очень невѣжливъ, и даже грубъ. Онъ намѣренъ оттягать у меня вещь, которая составляетъ мою собственность.

— Какого рода вещь? спросил тихо лордъ Фаунъ.

— Очень цѣнную, Фредерикъ, я вамъ все расскажу, начала съ живостью Лиззи.— Съ этихъ поръ я ничего не буду отъ васъ скрывать. Я не умѣю быть скрытной съ любимымъ человѣкомъ, это не въ моей натурѣ. Вотъ возьмите эту записку и прочитайте ее.

Съ этими словами Лиззи закинула руку назадъ, вытащила изъ-подъ библіи записку Кампердауна и подала ее лорду Фауну. Лордъ прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ и, читая, чувствовалъ, что въ его душу закрадывается сильное сомнѣніе къ женщинѣ, которой онъ предложилъ руку и сердце только ради того, что она богата. Усумниться въ справедливости дѣйствій м-ра Кампердауна было вещью немислимою для лорда Фауна. Никто такъ безотчетно и крѣпко не вѣритъ въ благонадежность и честность своего семейнаго стряпчаго, какъ англійскій джентльменъ, какъ-бы бѣденъ онъ ни былъ. Что ему велить дѣлать его стряпчій, то онъ и дѣлаетъ; что тотъ велитъ ему подписать, то онъ и подписываетъ. Онъ продаетъ и покупаетъ все по указанію того-же стряпчаго и чувствуетъ себя совершенно спокойнымъ подъ защитой руководителя, который отвѣчаетъ за все и про все.

— Чтожъ это за брилліанты? спросилъ почти шепотомъ лордъ Фаунъ.

— Мои собственные... всѣ, сколько ихъ ни есть, сэръ Флоріанъ подарилъ ихъ мнѣ. Надѣвая мнѣ ихъ на шею, онъ объявилъ, что они поступаютъ въ вѣчное мое владѣніе.—Бери ихъ себѣ, сказалъ онъ, владѣй ими и дѣлай съ ними, что хочешь.—Какое-же право имѣютъ теперь другіе отнимать у меня эти брилліанты? Развѣ они имѣютъ на это право — скажите? Представьте себѣ, что вы были-бы женаты, и жена передъ смертію подарила-бы вамъ на память какую-нибудь вещь съ тѣмъ, чтобы вы вѣчно ею владѣли,—согласились-ли-бы вы уступить ее вашему стряпчему? Не правда-ли—вы не согласились-бы на это? Скажите, Фредерикъ!

И говоря это, Лиззи положила свою руку на руку жениха и вопросительно заглянула ему въ лицо. Движеніе это было нѣсколько аффектировано, но крупныя слезы блестѣли на ея рѣсницахъ и тонъ голоса былъ совершенно естественъ.

— М-ръ Кампердаунъ называетъ ихъ родовыми брилліантами Эстасовъ... замѣтилъ лордъ Фаунъ.—Изъ какихъ вещей они состоятъ? Что они стоятъ?

— Я сейчасъ покажу ихъ вамъ, сказала Лиззи, вскочивъ съ дивана и выбѣжавъ вонъ изъ комнаты.

Когда лордъ Фаунъ остался одинъ, онъ протеръ руками глаза и началъ обдумывать все слышанное.

— Было-бы очень жестоко со стороны Эстасовъ и м-ра Кампердауна, разсуждалъ женихъ,—требовать отъ нея назадъ бездѣльное украшеніе, подаренное ей покойнымъ мужемъ въ знакъ памяти. А между тѣмъ, невѣроятно, чтобы Эстасы и ихъ стряпчій рѣшились притѣснять вдову главы семейства. Эстасы люди справедливые, а старикъ Кампердаунъ не такой человѣкъ, чтобы сталъ придираться изъ-за пустяковъ къ богатымъ клиентамъ. Однако, тутъ, предъ моими глазами, лежитъ его записка, въ которой онъ объявляетъ тяжбу вдовѣ покойнаго баронета изъ-за этихъ-же самыхъ драгоценностей, подаренныхъ сэромъ Флоріаномъ своей женѣ въ знакъ памяти. Быть можетъ, сэръ Флоріанъ сдѣлалъ промахъ, приказавъ вставить въ перстень или въ брошку своей жены какой-нибудь брилліантъ, который онъ считалъ своимъ собственнымъ, тогда какъ камень былъ наследственный. Въ такомъ случаѣ, вещь слѣдуетъ возвратить или замѣнить ее другой, одинаковой только цѣнности.

Лордъ мысленно уже составилъ расчетъ неизвѣстной суммы, какъ Лиззи вернулась, неся въ рукахъ футляръ изъ краснаго сафьяна.

— Нужно было видѣть его въ ту минуту, когда онъ дарилъ мнѣ эту вещь, нужно было слышать его голосъ, говорила Лиззи, отстегивая крючки футляра.—Вотъ почему я и дорожу этимъ подаркомъ.

Лордъ Фаунъ не зналъ толку въ брилліантахъ, но и онъ сейчас-же смекнулъ, что если это ожерелье съ мальтійскимъ крестомъ, привѣшеннымъ посреднѣ, состоитъ все изъ настоящихъ брилліантовъ, то вещь должна быть чрезвычайно цѣнная. Онъ немедленно сообразилъ, что такого рода ожерелье не могло быть подарено мужемъ молодой женѣ по секрету, съ глазу-на-глазъ. Другое дѣло перстень, брошка, браслетъ — это такіе подарки, которые влюбленные лорды могутъ еще приносить въ карманѣ жилета. Но цѣнное ожерелье и въ особенности такое замѣчательное по красотѣ, дарятъ совсѣмъ при другихъ условіяхъ. Лордъ Фаунъ чувствовалъ, что онъ не ошибается, хотя, повторяемъ снова, онъ совсѣмъ не зналъ толку въ брилліантахъ.

— Знаете-ли вы, что можетъ стоить это ожерелье? спросилъ онъ.

Лиззи на минуту замаялась, но вспомнивъ, что Фредерикъ, въ качествѣ ея жениха, можетъ быть, съ радостью согласится помочь ей удержать въ рукахъ такую значительную собственность, отвѣтила довольно смѣло:

— Знаю, кажется оно стоитъ около десяти тысячъ фунтовъ.

— Десять тысяч фунтовъ! проговорилъ лордъ Фаунъ и впился глазами въ брилліанты.

— Да, то есть его такъ оцѣнилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, сказала Лиззи.

— А кто онъ такой?

— Я пригласила къ себѣ какого-то человѣка посмотрѣть на нихъ... поправить тутъ что-то... не помню хорошенько. Милый сэръ Флоріанъ этого пожелалъ. Ну, такъ вотъ онъ-то и оцѣнилъ ожерелье.

— А какъ звали золотыхъ дѣлъ мастера?

— Забыла, право, отвѣчала Лиззи, не совсѣмъ увѣренная, что женихъ одобритъ ея знакомство съ и-ромъ Бенжаменомъ.

— Десять тысячъ фунтовъ! повторилъ лордъ Фаунъ.—Надѣюсь, что вы храните такую драгоцѣнность не у себя въ домѣ. Не правда-ли?

— У меня на верху стоитъ несгораемый ящикъ, гдѣ я храню всѣ свои брилліанты. Такой тяжелый, знаете, ящикъ.

— Сэръ Флоріанъ купилъ вамъ его?

Лиззи опять занекулась.

— Да, сказала она. — То есть нѣтъ, онъ только заказалъ его, но ящикъ принесли ко мнѣ уже послѣ его смерти.

— Слѣдовательно, онъ зналъ цѣну ожерелья?

— О, конечно! Но мнѣ онъ никогда не говорилъ, что оно стоитъ. Разъ какъ-то, правда, мимоходомъ, въ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что это очень, очень дорогіе брилліанты.

Лордъ Фаунъ не могъ сразу смекнуть, что каждое слово, произнесенное этой женщиной, было чистѣйшей ложью, вся бѣда его состояла въ томъ, что онъ тяжело соображалъ и не умѣлъ думать и слушать въ одно и то-же время. Но не смотря на то, его охватило какое-то невольное чувство сомнѣнія и даже отвращенія. Процессъ о похищеніи брилліантовъ, затѣянный противъ женщины, на которой онъ намѣревался жениться, — и кѣмъ-же? родственниками покойнаго мужа, — былъ очень ему не по вкусу. Лордъ Фаунъ всю свою жизнь руководствовался слѣдующими правилами: не пачкать рукъ ни въ какомъ грязномъ дѣлѣ, стоять выше сплетень и имѣть репутацію человѣка безукоризненной честности. Онъ былъ бѣденъ, при этомъ довольно жаденъ на деньги, но не смотря на то, онъ не задумавшись отказался-бы отъ коронаго жалованья, еслибъ до него дошелъ хоть малѣйшій намекъ на то, что общественное мнѣніе находитъ, что онъ получаетъ отъ казны деньги даромъ. Дѣло о саабѣ его сильно разстроило потому въ особенности, что Франкъ Грейстокъ назвалъ его представителемъ деспо-

тической администраціи. Ему было-бы очень пріятно, чтобы у его жены было ожерелье цѣнностію въ десять тысячъ фунтовъ, но онъ скорѣе-бы рѣшился совсѣмъ не жениться, или жениться на женщинѣ безъ состоянія, чѣмъ сдѣлаться мужемъ женщины, судимой за присвоеніе себѣ чужихъ брилліантовъ.

— Мнѣ кажется, заговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія, — что если-бы вы передали эти брилліанты м-ру Кампердауну...

— Передать ихъ м-ру Кампердауну? повторила Лиззи.

— Да, и затѣмъ предоставить третейскому суду рѣшить дѣло между вами.

— Третейскому суду? Это значитъ отдать себя подѣ судѣ?

— Нѣтъ, дорогой мой, это не значитъ отдать себя подѣ судѣ. Брилліанты можно передать м-ру Кампердауну какъ-бы на храненіе и въ то-же время избрать третье лицо для разрѣшенія вопроса, кому они должны принадлежать.

— Они принадлежатъ мнѣ, сказала Лиззи.

— А онъ утверждаетъ, что они родовые.

— Мало-ли что онъ скажетъ, возразила Лиззи.

— Душа моя, такихъ честныхъ и почтенныхъ людей, какъ м-ръ Кампердаунъ, немного на свѣтѣ. Вамъ непременно нужно употребить какія-нибудь мѣры для потушенія дѣла.

— Никакихъ мѣръ я не употреблю, сердито отозвалась Лиззи. — Сэръ Флоріанъ подарилъ мнѣ ожерелье и я не разстанусь съ нимъ.

Говоря это, невѣста смотрѣла въ сторону, но женихъ не спускалъ съ нея глазъ и ему не понравилось выраженіе ея лица. Вообще, онъ былъ крайне недоволенъ своимъ неловкимъ положеніемъ.

— И почему м-ру Кампердауну вздумалось вмѣшиваться въ это дѣло? продолжала Лиззи. — Если брилліанты принадлежатъ не мнѣ то они составляютъ собственность моего сына, а въ такомъ случаѣ я все-таки имѣю болѣе правъ, чѣмъ кто-нибудь другой хранить ихъ у себя. Но дѣло въ томъ, что брилліанты мои.

— Если это ожерелье оцѣнено въ десять тысячъ фунтовъ, замѣтилъ лордъ Фаунъ, — то его никакъ не слѣдуетъ хранить въ частномъ домѣ.

— Да, а если я выпущу его изъ рукъ, возразила Лиззи, — то м-ръ Кампердаунъ завладѣетъ имъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ вещи на свѣтѣ, которую-бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать, лишь-бы отнять у меня эти брилліанты. О, Фредерикъ! воскликнула Лиззи, складывая руки съ видомъ мольбы, — неужели вы меня не защитите, неужели вы допустите, чтобы меня оскорбляли? Право, мнѣ эти брилліанты нужны для моего крошечнаго сына.

Лицо Фредерика вытянулось въ аршанъ и въ мозгу его произошла страшная путаница. Наконецъ, онъ объявилъ, что съѣздить самъ къ м-ру Кампердауну и переговорить съ нимъ. Слова эти лордъ Фаунъ заключилъ новымъ увѣреніемъ, что Кампердаунъ человѣкъ достойный и ничего дурного себѣ не позволитъ.

Лиззи вспыхнула и рѣзко замѣтила жениху:

— Кому-же вы больше довѣряете, — старому спряпчему или мнѣ?

— Я полагаю, что онъ въ дѣлахъ больше понимаетъ, чѣмъ вы отвѣчалъ осторожный женихъ.

— Онъ хочетъ ограбить меня, сказала Лиззи, — и вы должны оградить меня отъ такого покушенія.

Въ продолженіе цѣлаго часа женихъ уговаривалъ Лиззи представить все дѣло м-ру Кампердауну и наконецъ всталъ, чтобы уѣхать. Между нѣжной парочкой видимо возникало неудовольствіе. Лордъ Фаунъ объявилъ рѣшительно, что онъ намѣренъ повидаться лично съ Кампердауномъ и переговорить съ нимъ. Лиззи въ свою очередь объявила рѣшительно, что, не смотря на Кампердауна, она все-таки оставитъ ожерелье у себя.

— Но мой другъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ затѣветъ процессъ противъ васъ? замѣтилъ строгимъ тономъ женихъ.

— Не можетъ онъ затѣять процесса, если вы будете на моей сторонѣ, возразила невѣста, — а вы обязаны это сдѣлать.

— Я ничего не могу тутъ сдѣлать, произнесъ лордъ Фаунъ въ волненіи.

Лиззи молча взглянула на него и этотъ взглядъ, выразительный до нельзя, ясно говорилъ: „трусъ!“ Затѣмъ они простились другъ съ другомъ довольно холодно и лордъ Фаунъ уѣхалъ.

Не успѣла дверь затвориться за гостемъ, какъ Лиззи мысленно рѣшила, что онъ не уйдетъ изъ ея рукъ. Не прошло еще 24 часовъ послѣ той минуты, когда она сказала сама себѣ, что этотъ бракъ ей противенъ и что она разрушитъ его непременно, и вдругъ теперь, остановясь посреди комнаты, она топаетъ своими маленькими ножками, ломаетъ свои крошечныя ручки и клянется всѣми богами, что этотъ несчастный трусъ-лордишка не выскочитъ изъ ея сѣтей. Она отъ души презирала его за то, что онъ не согласился оградить ея брилліанты отъ хищныхъ рукъ Кампердауна, она считала его низкимъ трусомъ за его слѣпое довѣріе къ спряпчему. Но въ то-же время она готова была вытянуть изъ этого брака все, что только могло послужить ей въ пользу, и потому ей необходимо было теперь, чтобы бракъ этотъ состоялся во что-бы то ни стало. Инстинктъ подсказалъ ей, что въ головѣ

лорда Фауна успѣла засѣсть мысль о томъ, какъ-бы отдѣлаться отъ этой свадьбы.

— Нѣтъ, вскричала Лиззи, грозя вслѣдъ жениху, — нѣтъ, ты не отдѣлаешься отъ меня. Я заставлю тебя жениться на мнѣ; ключъ отъ желѣзнаго ящика съ брилліантами я буду всегда носить при себѣ и посмотримъ, рѣшишься-ли ты отнять его у меня; я подниму такой гвалтъ, что ты самъ радъ не будешь.

Съ этими словами она замкнула сафьянный футляръ, понесла его на верхъ въ свою спальню, заперла въ несгараемый ящикъ, надѣла, по обыкновенію, ключъ себѣ на шею и уѣхала за письменный столъ съ тѣмъ, чтобы писать письма ко всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, и извѣстить ихъ о предстоящей своей свадьбѣ. До этого она сообщила только одной миссъ Мекнэлти о сдѣланномъ ей предложеніи, и неувѣренная еще въ себѣ, даже просила хранить втайнѣ эту новость. Но теперь она твердо рѣшилась протрубить всему свѣту о своемъ вторичномъ замужествѣ.

Первый *другъ*, къ которому она написала, была леди Линлитгау. Мы представимъ читателю на образецъ два или три письма Лиззи, въ томъ числѣ и письмо ея къ старой графинѣ.

„Дорогая тетюшка! писала она

„Хотя въ послѣдній вашъ визитъ ко мнѣ вы не отличились большою вѣжностью къ вашей племянницѣ, да и вообще, какъ кажется, никогда особенно не заботились о ея судьбѣ, однако я считаю своимъ долгомъ увѣдомить васъ, что я собираюсь выдти вторично замужъ. Я дала слово лорду Фауну, который, какъ вамъ извѣстно, перъ и членъ правительства королевы, словомъ человѣкъ съ большимъ общественнымъ значеніемъ. Не думаю, чтобы даже вы могли сказать что-нибудь противъ такого брака

Любящая васъ племянница

Эли. Эстасъ“.

Второе письмо было написано къ м-съ Эстасъ, женѣ бобсбороскаго епископа. М-съ Эстасъ, въ первое время вдовства Лиззи, была къ ней чрезвычайно внимательна и признавала въ ней открыто вдову главы ихъ дома. Лиззи не питала никакой симпатіи къ семьѣ епископа. Они всѣ, по ея мнѣнію, были тупые, скучные, хотя и достойные люди. Но они ее ни въ чемъ гласно не осуждали, и потому она считала прямымъ расчетомъ поддерживать хорошія отношенія съ этой родственной семьею. Вотъ почему письмо ея къ женѣ епископа было гораздо мягче, чѣмъ письмо къ ея теткѣ Линлитгау.

„Дорогая мистриссъ Эстасъ!

„Надѣюсь, что письмо мое доставитъ вамъ удовольствіе и даже обрадуетъ васъ слѣдующею новостью: я выхожу вторично замужъ. Шагъ этотъ такъ важенъ, что приступить къ нему я не рѣшилась иначе, какъ послѣ долгаго и зрѣлаго размысленія. Но я убѣждена, что это послужитъ къ счастію моего милого малютки Флоріана; что-жъ касается меня, то втеченіе этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ я вполне убѣдилась въ совершенной своей неспособности управлять дѣлами одна. Вотъ почему я согласилась принять предложеніе лорда Фауна, который, какъ вамъ извѣстно, перъ въ парламентъ и видный членъ правительства королевы. Онъ вообще человѣкъ съ большимъ вліяніемъ, владѣлецъ огромнаго имѣнія въ Ирландіи, гдѣ его помѣстье тянется на нѣсколько миль и исчезаетъ въ горахъ. Усадьба его называется Кильмэдждъ или что-то въ этомъ родѣ. Надѣюсь, что вы и дорогой епископъ заглянете ко мнѣ тула современемъ. Я съ отрадой смотрю впередъ, радуясь возможности облагодѣтельствовать бѣдныхъ ирландцевъ. Мысль о томъ, какъ я стану бродить по горамъ, которыя будутъ намъ принадлежать, какъ-то особенно для меня заманчива; ничто такъ не согласуется съ направленіемъ моего характера, какъ удивленіе среди горъ. Конечно, лордъ Фаунъ не такъ богатъ, какъ сэръ Флоріанъ, но я никогда не искала богатства для своего счастія. Впрочемъ, ирландскія помѣстья даютъ хорошіе доходы лорду Фауну и, кромѣ того, онъ получаетъ значительное жалованье, какъ представитель ея величества; слѣдовательно, нечего опасаться, чтобы онъ сталъ жить на нашъ счетъ, что было-бы совершенно несправедливо. Прошу васъ передать милому епископу и милой Маргарэтъ все, что я вамъ написала и увѣрить ихъ въ моемъ расположеніи. Скажу вамъ еще пріятную новость: малютка мой, Фло, совершенно здоровъ и уже привыкаетъ любить своего новаго папа (умѣнье Лиззи лгать превзошло въ этомъ случаѣ всѣ возможные примѣры: лордъ Фаунъ въ глаза не выдалъ ребенка). Прошу васъ вѣрить въ искреннюю преданность любящей васъ племянницы

Эли Эстасъ.*

Затѣмъ Лиззи написала еще два письма: одно къ дядѣ декану, а другое къ кузену Франку. Она долго не рѣшалась отпривлечь письмо къ Франку Грейстоку, но, наконецъ, положила отправить. О письмѣ къ декану мы ничего не скажемъ, потому-что оно было одинаковаго содержанія съ письмомъ къ женѣ епископа. Она точ-

но также упомянула въ немъ о прѣствѣ своего будущаго мужа, намекнула на то, что онъ членъ правительства королевы—фраза, которую она подслушала у самого лорда Фауна. Объ прландскомъ помѣстьѣ она также сказала нѣсколько словъ, но далеко не такихъ краснорѣчивыхъ, какъ въ письмѣ къ женѣ епископа, и въ заключеніе присовокупила просьбу пожелать ей счастья и прислать свое благословеніе. Изъ письма ея къ Франку читатель невольно догадается, что все время, пока она его писала, у нея вертѣлось въ головѣ воспоминаніе о томъ, что Франкъ самъ готовился ей предложить руку и сердце, и что онъ имѣлъ-бы успѣхъ, если-бы только захотѣлъ.

„Дорогой кузень! писала Лиззи.

„Желая, чтобы вы услышали мою новость не черезъ третьи руки, а прямо отъ меня, сиѣшу сообщить вамъ, что я выхожу замужъ за лорда Фауна. Я знаю, что есть нѣкоторые пункты, на которыхъ вы и лордъ Фаунъ не сходитесь — я разумѣю пункты политическіе — но, тѣмъ не менѣе, я убѣждена, что вы считаете его способнымъ составить счастье вашей маленькой кузины. Я дала ему слово только дня два тому назадъ, но дѣло ладилось у насъ уже давно. Вы понимаете, что въ такихъ случаяхъ торопиться нельзя,—не правда-ли? На свадьбу мою вы должны непременно пріѣхать и должны меня побаловать, какъ слѣдуетъ хорошему брату; вѣдь мы съ вами всегда жили дружно—не правды-ли? А если дядя деканъ не пріѣдетъ къ этому времени въ Лондонъ, то вы должны быть свидѣтелемъ съ моей стороны, и должны навѣщать меня, какъ можно чаще; все это время я чувствую себя совершенно одинокой; у меня, кромѣ васъ, нѣтъ ни одного близкаго къ сердцу человѣка. Съ лордомъ Фауномъ вы должны жить дружно и не должны осуждать его дѣйствій по службѣ. По моему мнѣнію, онъ дѣлаетъ все гораздо лучше, чѣмъ другіе, исключая кузена Франка.

„На слѣдующей недѣлѣ я ѣду въ Ричмондъ. Леди Фаунъ настаиваетъ, чтобы я прожила у нихъ не менѣе 15 дней. Милый мой! я пропаду тамъ со скуки. Вы непременно должны пріѣзжать навѣстить меня и повидаться еще кой-съ кѣмъ. Только смотрите, негодный кузень, не смѣйте разбивать сердце бѣдной молодой дѣвушки.

Любящая васъ кузина,

Эли Эстасъ.»

Кто-то, говоря о леди Эстасъ съ хорошей стороны и желая указать ея добродѣтели, объявилъ, что у нея не было никогда лю-

бовниковъ. Это дѣйствительно была правда, но въ воображеніи она не разъ мечтала объ нихъ. Она постоянно искала какого-то корсара, который-бы былъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтъ ради ея любви и съ которымъ-бы она, въ свою очередь, была готова раздѣлить все, даже порочную его жизнь. Конечно, это была только фантазія, но она не покидала ея воображеніе. Лордъ Фаунъ, пэръ парламента, членъ королевскаго правительства, кто-бы онъ тамъ ни былъ, въ подобные любовники, конечно, не годился. Нельзя-ли устроить какой-нибудь романъ съ кузеномъ Франкомъ? думала иногда Лиззи. Убѣжать съ мужьяной — она ни за что на свѣтъ не убѣжала-бы; повредить своей репутаціи слишкомъ открытой связью, она тоже не согласилась-бы, но почему-же не устроить *une liaison* съ кузеномъ, родъ тайнаго сочувствія или взаимной симпатіи, которую она могла-бы выставять на показъ на столько, на сколько нужно, чтобы подразнить пріятельницъ — и въ этомъ найти удовлетвореніе своей жадѣ романческо-поэтическыхъ ощущеній.

ГЛАВА XI.

Лордъ Фаунъ у себя въ канцелярѣхъ.

Вѣсть о женитьбѣ лорда Фауна быстро облетѣла весь Лондонъ. Лиззи только этого и добивалась. Она мгновенно рѣшила, что лордъ Фаунъ не уйдетъ изъ ея рукъ и немедленно принялась сама-же распускать слухи о его женитьбѣ на ней. Франкъ Грейстокъ разсказалъ объ этомъ Джону Эстасу, Джонъ Эстасъ передалъ м-ру Кампердауну и тѣмъ предупредилъ даже самого лорда Фауна, который, съ обычной своей медленностью, все еще не собрался пріѣхать къ старому страпчему посоветоваться насчетъ ожерелья.

— Господи, Боже мой, — лордъ Фаунъ! воскликнулъ Кампердаунъ, когда ему сообщили городскую новость. — Впрочемъ, мудренаго тутъ нѣтъ, ему нужны деньги; — скажу только одно, что я ему не завидую, право, такъ. А брилліанты будутъ теперь наши, Джонъ. Лордъ Фаунъ не такой человѣкъ, чтобы позволилъ своей женѣ владѣть тѣмъ, что ей не принадлежитъ.

Дня два спустя, лордъ Фаунъ самъ явился въ контору Кампердауна.

— Можно мнѣ васъ поздравить, милордъ сказалъ старикъ, идя на встрѣчу къ своему гостю. — Мнѣ сказали, что вы собираетесь вступить въ бракъ съ одной—не имѣю права сказать—изъ моихъ довѣрительницъ, но все-таки съ вдовой одного изъ моихъ бывшихъ довѣрителей. Леди Эстасъ необыкновенная красавица и притомъ она обладаетъ не маленькими доходами; вы вѣрно знаете, что доходы съ шотландскаго помѣстья отданы ей въ пожизненное пользованіе.

— Кажется, самое помѣстье завѣщано ей въ потомственное владѣніе? замѣтилъ лордъ Фаунъ.

— О, нѣтъ — совсѣмъ нѣтъ! Тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе съ ея стороны, — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ передали. Женщины вѣдь всегда все перепутаютъ. А между тѣмъ, дѣло ясно, какъ день. Будь на лицо второй сынъ, онъ получилъ бы это имѣніе. А теперь оно присоединится къ остальному имуществу, какъ слѣдуетъ по закону. Но и четыре тысячъ въ годъ — также не бездѣлица, особенно, когда женщина молода (она вѣдь почти дѣвочка) и не имѣетъ ни пенса за душой. Когда адмиралъ скончался, въ домѣ не нашлось шести пенсовъ, лордъ Фаунъ.

— Да и я тоже слышалъ, отвѣчалъ лордъ.

— Это вѣрно, шести пенсовъ не нашлось. Все, что она теперь имѣетъ, все это деньги Эстасовъ. У нея собственнаго капитала отъ шести до восьми тысячъ фунтовъ. А прехорошенькая вдовушка и преумная.

— Да, очень умна.

— Кстати, лордъ Фаунъ, такъ-какъ вы уже сдѣлали мнѣ честь пожаловать сюда, то позвольте васъ спросить, не слышали-ли вы чего-нибудь насчетъ глупаго недоразумѣнія, касающагося нѣкоторыхъ фамильныхъ брилліантовъ?

— Я пріѣхалъ къ вамъ именно по поводу этого дѣла, сказалъ лордъ Фаунъ, и прошу васъ сообщить мнѣ подробности о немъ.

Старикъ стряпчій, съ обычной своей откровенностью, стараясь, однако, не оскорблять чести будущей супруги милорда, объяснилъ всю исторію ожерелья, прибавивъ въ заключеніе, что, вѣроятно, миледи не имѣетъ понятія о цѣнности такой вещи.

Лордъ Фаунъ выслушалъ эту исторію, но не сказалъ почти ничего; въ особенности онъ воздержался упомянуть о томъ, что леди Эстасъ приказала при себѣ оцѣнить камень.

— Это настоящіе брилліанты, надѣюсь? спросилъ онъ.

М-ръ Кампердаунъ началъ горячо увѣрять его, что таковыхъ чи-

стухъ брилліантовъ не пропзводила сама Голконда, и самъ Гарнетъ подобныхъ не видывалъ.

— Они извѣстны въ Англіи не менѣе другихъ фампльныхъ брилліантовъ, говорилъ старикъ. — А что касается леди Эстасъ, то она попала въ дурныя руки. Моубрэ и Моюсъ — чистые каналы; это такіе мошенники, которые заставляютъ краснѣть всѣхъ людей одинаковаго съ ними ремесла; я былъ убѣжденъ, что тутъ завяжется исторія. Но теперь, надѣюсь, мы дѣло поправимъ; приѣзжай она только ко мнѣ, я все для нея сдѣлаю; скажите ей, что я ее успокою, все улажу и дѣлу будетъ конецъ. Если ей угодно перемѣнить повѣреннаго — пусть перемѣняетъ; предупредите только, что за люди Моубрэ и Моюсъ. Положительно вамъ объявляю, лордъ Фаунъ, что невозможно допустить, чтобы ваша супруга имѣла какія бы то ни было сношенія съ конторой Моубрэ и Моюсъ.

Каждое слово Кампердауна принималось какъ законъ лордомъ Фауномъ. А между тѣмъ, читатель самъ видитъ, что м-ръ Кампердаунъ далеко не былъ откровененъ во время этого свиданія. Говоря о вдовѣ баронета Эстасъ, онъ выражался очень мягко и сдержанно; такъ, напримѣръ; что она не ясно поняла свои права на шотландское помѣстье, или что она не имѣетъ понятія о цѣнности ожерелья, внутренно-же онъ считалъ ее за безчестную, лживую, коварную гарсію. Если-бы лордъ Фаунъ явился къ нему за совѣтомъ, какъ клиентъ, а не какъ помолвленный женихъ, онъ высказалъ-бы откровенно свое мнѣніе; но стряпчему не приходится дурно выражаться насчетъ той леди, съ которой его клиентъ сбпрается вступить въ бракъ. Въ отношеніи вопроса объ имѣнці, Кампердаунъ сказалъ истинную правду; упоминая о возможности поправить еще дѣло, онъ былъ увѣренъ, что и тутъ не ошибается, словомъ, онъ дѣйствовалъ честно и осторожно. Но когда лордъ Фаунъ уѣхалъ, старикъ задумался.

— Что касается состоянія, сказалъ онъ самъ себѣ, — то эта партія весьма выгодна для его сіятельства; что-жъ касается жены, то, мнѣ кажется, онъ покупаетъ Лиззи за слишкомъ дорогую цѣну. Можетъ быть, для него это все равно, но если-бы мнѣ предложили жениться на такой женщинѣ и давали-бы за ней всю Шотландію, я не взялъ-бы.

Свиданіе съ Кампердауномъ произвело горькое впечатлѣніе на лорда Фауна. Во-первыхъ, его золотыя мечты о томъ, что Лиззи получила помѣстье въ потомственное владѣніе, разлетѣлись въ прахъ; онъ не вѣрилъ въ возможность такою распоряженія, но, какъ человѣкъ, надѣялся; во-вторыхъ, ему стало ясно теперь, что

Лиззи обязана возвратить брилліанты, и что ее „принудятъ“ выдать ихъ обратно въ случаѣ несогласія съ ея стороны. Себѣ ихъ присвоить онъ никогда не думалъ, но онъ не могъ избавиться отъ мысли, что если брилліанты уже попали въ руки этой женщины, то почему-же-бы и не удержать ихъ? Наконецъ, точное изложеніе всего дѣла, слышанное отъ Кампердауна (которому онъ вѣрилъ безусловно), положительно противорѣчило исторіи, сочиненной Лиззи.

— Невозможно, чтобы сэръ Флоріанъ могъ подарить въ минуту нѣжности такую цѣнную вещь, рассуждалъ лордъ Фаунъ; — онъ никогда-бы не заказалъ для ожерелья несгараемый ящикъ съ тѣмъ только, чтобы поставить его въ женну спальню. Зачѣмъ-же она приглашала опѣнщика? Зачѣмъ она только и думаетъ, что о своемъ сскровищѣ? Положимъ, что такому бѣдному, бережливому пэру, какъ я, простительно ежеминутно думать о деньгахъ, но чтобы такая молодая женщина, какъ леди Эстасъ, только и твердила о брилліантахъ — непостижимо!

Всѣ эти мысли наполняли голову лорда Фауна во время краткихъ минутъ отдыха, когда, отправивъ цѣлую кипу бумагъ, подписанныхъ имъ въ канцеляріи министерства ост-индскихъ дѣлъ, онъ вставалъ съ кресла и, въ ожиданіи новаго дѣла, становился спиной къ пылающему камину. Мозгъ его туго воспринималъ каждую мысль, но овладѣвъ ею, онъ уже могъ хорошо переварить ее.

— Да, она корыстолюбива и безчестна! говорилъ самъ себѣ лордъ Фаунъ, стоя предъ огнемъ. — Но что всего хуже — она осмѣлилась въ лицо назвать меня трусомъ за то, что я не соглашался поддерживать ея корыстныхъ, фальшивыхъ и безчестныхъ дѣйствій! А между тѣмъ, она все-таки моя невѣста!

Въ эту минуту въ воображеніи лорда пронесся образъ нѣкоей Виолеты Эфингамъ, которую онъ когда-то любилъ, и въ то-же время шевельнулось въ его сердцѣ горькое сознаніе, что онъ черствъ и эгоистиченъ.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? спрашивалъ себя лордъ въ волненіи. — Конституція нашей страны требуетъ существованія фамиліи лордовъ Фаунъ; поколѣніе это можетъ быть продолжено только въ томъ случаѣ, если я женюсь; жениться-же на бѣдной я не могу. Простолудинъ — другое дѣло: тотъ женится на комъ хочеть.

И говоря это, онъ выпустилъ полу сюртука изъ рукъ и началъ тереть себѣ лобъ, какъ-бы желая прогнать мучившія его мысли. Огонь ярко пылалъ въ каминѣ, спиной къ которому стоялъ зло-

получный жецхъ, размышляя о своемъ тяжеломъ положеніи, а на столѣ кабинета давно уже лежала новая груда бумагъ, дожидавшихся подписи. День былъ субботній, засѣданій въ палатѣ не было и потому спѣшить изъ канцеляріи не предстояло надобности. Кабинетъ, занимаемый лордомъ Фауномъ, состоялъ изъ большой, богато убранной комнаты, окнами выходившей въ Сен-Джемскій паркъ. Оглядывшись кругомъ, помощникъ государственнаго секретаря невольно вздохнулъ и сказалъ самъ себѣ, что счастье свое онъ долженъ искать тутъ, а не у домашняго, спокойнаго очага. Палата нэровъ, откуда никто не имѣетъ права его удалить, офціальная жизнь, въ которой онъ можетъ вращаться, пока силъ на то хватить, — вотъ гдѣ долженъ заключаться весь его міръ. Онъ посватался за эту женщину и обязанъ на ней жениться; по его мнѣнію, онъ не имѣетъ даже возможности уклониться отъ брака съ нею. Доходами своими она станетъ поддерживать его домъ, а тамъ, можетъ быть, родятся маленькіе лорды Фауны. Нѣтъ сомнѣнія, что женитьба на Виолетѣ Эфингамъ поставила-бы его въ гораздо лучшее положеніе въ свѣтѣ; но что-же дѣлать, если онъ ей не понравился. А какъ-бы онъ любилъ ее, какъ-бы былъ вѣренъ такой хорошей женѣ! Слезы повисли на рѣсницахъ бѣднаго лорда, онъ поспѣшно вытеръ ихъ и сѣлъ подписывать свою груду бумагъ. Читая офціальное письмо, заключающее въ себѣ инструкцію по поводу распоряженій насчетъ требованій сааба, лордъ Фаунъ повелѣвъ вспомнилъ о Франкѣ Грейстоуѣ и о его кузинѣ. Было время, когда ему казалось, что Франкъ и Лиззи сдѣлаются мужемъ и женой. Громкое проклятiе противъ Франка вырвалось въ эту минуту изъ устъ помощника государственнаго секретаря, а между тѣмъ, это проклятiе вѣрно превратилось-бы въ благословеніе, если-бы Франкъ вздумалъ избавить теперь лорда Фауна отъ его нареченной невѣсты. Вдругъ дверь въ кабинетъ отворилась и лакей доложилъ, что м-съ Гиттевей дожидается въ приемной. Лордъ, конечно, приказалъ просить ее немедленно. М-съ Гиттевей была женщина умная и энергичная, далеко не то, что всѣ прочіе члены семьи Фауновъ. Въ настоящую минуту она приступала къ дѣлу, которое требовало большой твердости и умѣнья. Обѣщавъ матерц, что она передастъ Фредернику все, что она думаетъ о его нареченной невѣстѣ, м-съ Клара являлась сюда для приведенія въ исполненіе даннаго обѣщанія. Утромъ она послала записку къ брату, приглашая его къ себѣ на обѣдъ; но онъ отказался, говоря, что слишкомъ занятъ. Тогда сестра сама отправилась въ Викторія-Стритъ, на квартиру къ брату, но тамъ его уже не было, въ клубъ онъ еще не могъ быть, слѣдовательно, рѣши-

ла м-съ Гиттевей, — онъ у себя въ канцеляріи. Смѣлая женщина съ первыхъ-же словъ заговорила о женитбѣ брата, не считая нужнымъ поздравлять его съ этимъ счастьемъ.

— Милый Фредерикъ, начала она, усаживаясь въ кресла, — ты знаешь, что мы всѣ живемъ и дышемъ только тобой.

— Что ты хочешь этимъ сказать? перебилъ братъ.

— То, чтобы ты на меня не сердился, если я позволю себѣ вмѣшаться въ твою будущую судьбу и выражусь, можетъ быть, рѣзче, чѣмъ слѣдуетъ сестрѣ.

— Другими словами, ты хочешь сказать мнѣ что-нибудь неприятное? замѣтилъ лордъ.

— Да, Фредерикъ, до меня доходятъ самые дурные слухи о леди Эстасъ.

Помощникъ государственнаго секретаря опустилъ глаза и не произнесъ ни слова.

— Что-жъ это за слухи, Клара? проговорилъ онъ наконецъ, откидываясь на спинку своего кресла. — Дурно говорятъ почти обо всѣхъ, — ты сама это знаешь. Надѣюсь, что ты не станешь передавать мнѣ сплетень.

М-съ Гиттевей нельзя было испугать такими словами.

— То, что я тебѣ передамъ, Фредерикъ, конечно, ужъ не сплетни. Но если ты намѣреваешься, какъ говорятъ, возвести эту леди на степень твоей супруги, тогда всякій слухъ, вѣрный или невѣрный, становится вопросомъ огромнаго значенія для нашей семьи. Не лучше-ли тебѣ повидаться съ м-ромъ Кампердауномъ?

— Я видѣлся съ нимъ.

— Что-жъ онъ тебѣ говорилъ?

— Да ничего особеннаго. Леди Эстасъ, какъ кажется, не совсемъ вѣрно поняла законы о наслѣдствѣ послѣ мужа, ну, и нашлись добрые люди, объяснившіе ей ошибку, какъ злой умыселъ. Вотъ, что я называю сплетнями, Клара.

— А ты слышалъ исторію объ ея брилліантахъ? спросила м-съ Гиттевей, намекая на то, какъ Лиззи задолжала въ магазинѣ Гартера и Бенжамена передъ своей свадьбой съ Флоріаномъ, — но лордъ Фаунъ вообразилъ, что сестра говорить о брилліантовомъ ожерельи:

— Да, отвѣчалъ онъ, — я знаю это дѣло. А тебѣ кто сообщилъ о немъ?

— Мнѣ оно давнымъ-давно извѣстно. Сэръ Флоріанъ не могъ никогда простить ей этого.

Лордъ Фаунъ ничего не понялъ, но не сталъ спрашивать сестру, боясь выдать себя.

— Ну, а ея поступки въ отношеніи леди Линлитгау,—этой единственной ея опоры передъ замужествомъ, продолжала Клара, — какъ ты назовешь? По моему, ничего не можетъ быть хуже этого. Спроси теперь семью декана, что тамъ объ ней думаютъ. Я убѣждена, что они ничего отъ тебя не скроютъ.

— Но вѣдь Франкъ Грейстокъ самъ былъ намѣренъ на ней жениться, замѣтилъ лордъ.

— Да, изъ-за денегъ, можетъ быть; оно и понятно — у него нѣтъ ни копейки за душой. Милый Фредерикъ, я хочу только предупредить тебя, продолжала Клара умоляющимъ голосомъ.—Я знаю, что огорчаю тебя, поэтому никогда бы не рѣшилась высказаться, если-бы не считала это своимъ долгомъ. Увѣряю тебя, что Лиззи коварная и фальшивая женщина. Она обманула сэра Флоріана Эстаса исторіей своихъ долговъ, и когда онъ впослѣдствіи убѣдился въ ея лживостп—его счастье было подорвано. Если она и тебя успѣла уже обойти—открой глаза, откажись отъ нея. Милый Фредерикъ, прошу тебя, не сердись на сестру!

— Ты кончила? спросилъ лордъ.

— Да, кончила, отвѣчала Клара.

— Хорошо, я подумаю, продолжалъ онъ.—Дѣло это очень неприятное.

— Еще-бы! конечно, неприятное, заключила м-съ Геттевей, поднимаясь съ кресла и горячо пожимая руку брата на прощанье.

Лордъ холодно проводилъ ее до двери. Дѣйствительно, дѣло было очень и очень неприятное. Утромъ этого-же самаго дня лордъ Фаунъ получилъ даже два поздравительныя письма—одно отъ декана, другое отъ епископа. Оба почтенные представители церкви сочли нужнымъ провѣрить заявленіе Лиззи. Изъ этого было очевидно, что леди Эстасъ огласила свою помолвку; въ свѣтѣ узнали о предстоящей свадьбѣ, и разрушить ее можно было теперь не иначе, какъ съ публичнымъ скандаломъ.

(Продолженіе будетъ.)

НЕУДАВШИЙСЯ ДЪЛЕЖЪ.

(Японская басня.)

На свѣтѣ маясь много тысячъ лѣтъ
Бѣсь, наконецъ, рѣшился разложиться
Химически, и такъ, чтобъ цѣлый свѣтъ
Могъ чѣмъ-нибудь отъ чорта пожнвиться.
И вотъ свой внѣшній видъ
И нравственныя свойства,
Найдя, что жизнь большое безпокойство,
Между людьми онъ раздѣлить спѣшитъ.
Задумано—и, какъ по маслу, дѣло
Пошло впередъ. На собственный свой страхъ
Бѣсь по частямъ, какъ душу, такъ и тѣло,
Въ народѣ разбросалъ на первыхъ же порахъ.
Между мужей рога свои ввелъ въ моду
И даже имъ прибавилъ ростъ,
Вельможамъ далъ, тщеславію ихъ въ угоду,
Изъ прихвостней довольно длинный хвостъ;
Надломанныя когти и копыта
Онъ рецензентамъ преподнесъ,
Слухъ тонкій всѣмъ, кто падокъ на доносъ.
И въ дипломаты вывелъ паразита
При помощи блестящаго вранья;
А чтобъ людей отъ долгаго житья,
Иль смерти на больничной скучной койкѣ
Избавить, онъ шепнулъ имъ на ушко,
Что ихъ спасутъ—ходить не далеко—
Дорогъ желѣзныхъ быстрыя постройки,
Гдѣ люди гибнутъ такъ легко,
Какъ мухи.
Бѣсь вообще былъ въ духѣ,

Увидя, что пошла повсюду кутерьма,
 Но, дѣйствуя согласно съ хитрымъ планомъ,
 Онъ былъ смущенъ явленіемъ неожиданнымъ:
 Съ людьми все раздѣляя, чѣмъ сама

Его натура адская богата,
 Не могъ нигдѣ пристроить онъ ума,
 А вѣдь у всѣхъ чертей ума палата.
 И вотъ безъ устали, разорванный въ клочки,
 Таскался всюду онъ съ своей тяжелой ношей,
 Но всѣ ее считали нехорошей

И гнали дьявола въ толчки.
 А если иногда, случайно, духу вѣка
 Наперекоръ,

Бѣсъ заражалъ умомъ иного человѣка,
 То про такой слышавши позоръ,
 Всей массой человѣческое племя
 Вставало, бушевало и съ лица
 Сырой земли стирало храбреца,
 Который смѣлъ быть умнымъ въ наще время.

И снова бѣсъ
 Чтобъ сбыть свой умъ изъ кожи просто дѣзъ,
 Но толку въ этомъ было мало...

На томъ и дѣло стало,
 А чортъ съ своимъ умомъ ушелъ въ дремучій лѣсъ.

Подписывать мораль не стану я подъ басней:
 Морали я боюсь: всегда одна бѣда съ ней.

Дмитрій Минаевъ.

ЭМИГРАЦІЯ ВЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

(History of colonisation of America, by Nens.)

I.

Изъ всѣхъ явленій исторической жизни, Европа едва-ли можетъ извлечь для себя болѣе поучительный и серьезный урокъ, какъ изъ эмиграціи. Какія-бы бѣдствія ни потрясали старый свѣтъ, пережившій такъ много революцій, войнъ, эпидемій, политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій, онъ мало-по-малу оправлялся отъ этихъ ударовъ и снова входилъ въ прежнюю, вѣками выработанную колею. Но есть одно бѣдствіе, отъ котораго Европа не можетъ отдѣлаться — это эмиграція. Каждый годъ съ обширнаго поля битвы за существованіе уходитъ нѣсколько сотъ тысячъ изъ Европы ея трудолюбиваго и предприимчиваго населенія. Не безъ упорной борьбы и тяжелаго чувства неизвѣстнаго будущаго разстается переселенецъ съ своимъ роднымъ очагомъ, съ могилами своихъ предковъ, но онъ рѣшается лучше вѣрнуть свою судьбу океану и чужой землѣ, чѣмъ оставаться на родинѣ, гдѣ гнетущая нужда представляетъ ему въ перспективѣ тюрьму или преждевременную смерть. Ущербъ, который Европа несетъ отъ эмиграціи, въ общей сложности нѣсколько не менѣе тѣхъ, какими сопровождалась для нея самыя ужасныя и продолжительныя войны и революціи. Мы привыкли считать потерями только то, что выражается цифрой; насъ убѣждаютъ лишь итоги рублей и копеекъ. Но если это такъ, то мы нѣсколько не преувеличимъ, если скажемъ, что Европа вноситъ въ Соединенные Штаты цѣлыя билліоны путемъ эмиграціи.

Со времени первыхъ финикійскихъ и греческихъ колоній до настоящаго времени побудительныя причины эмиграціи остались въ сущности неизмѣнными, сообразно незначительному вліянію факторовъ, такъ или иначе двигающихъ экономической и политической строй общественной жизни.

Знаменитый римскій философъ Сенека, трактую объ эмиграціи, которая въ его время имѣла довольно широкіе размѣры, видитъ въ основаніи ея три главныхъ стимула, сохранившихъ и теперь всю свою силу. Главнѣйшій изъ нихъ вытекаетъ изъ экономическихъ нуждъ народа: голодъ, дороговизна, бесплодная почва, заразительныя болѣзни, чрезмерное приращеніе населенія — все это могущественно усиливаетъ эмиграцію и ускоряетъ ея ходъ. Другимъ главнымъ ея моментомъ Сенека считаетъ политическія преслѣдованія, реакціи, войны, революціи, равно какъ и религиозную нетерпимость. Наконецъ, не маловажную роль играетъ въ дѣлѣ эмиграціи неопредѣленное стремленіе къ улучшенію своего положенія, заманчивые примѣры прежнихъ эмиграцій, простой случай, прихоть, минутное настроеніе. Послѣдній мотивъ, какъ-бы ни былъ онъ неуловимъ, производитъ тѣмъ не менѣе столь-же рѣшительное вліяніе на эмигранта и его рѣшимость покинуть родину, какъ и первые два.

Но есть однако характерныя особенности, свойственныя исключительно эмиграціи новѣйшаго времени, выработанныя развитіемъ исторической жизни. Въ древніе и средніе вѣка эмиграціонное движеніе было сильное, но тогда оно носило преимущественно характеръ колонизаціи. Таковы были греческія колоніи въ нижней Италіи и Галліи, заселенія остзейскихъ провинцій нѣмецкими рыцарями и новооткрытой Америки — испанцами. Но эти колоніи существенно отличаются отъ поселеній въ Новой Англіи, открывшихъ собой въ началѣ XVII столѣтія новую эру въ ходѣ эмиграціи, которая есть дитя нашего времени, послѣдствіе реформаціи и другихъ событій, стоящихъ на рубежѣ между новымъ и средневѣковымъ періодомъ исторіи. Наша эмиграція обусловлена индивидуальными стремленіями, волей отдѣльной личности, которая навсегда разрываетъ связь съ своей родиной и сама, безъ посторонней помощи, старается устроить свою судьбу. Переселеніе отдѣльныхъ лицъ становится переселеніемъ массы лишь вслѣдствіе случайнаго совпаденія ихъ цѣлей и ин-

тересовъ. Колонизація-же, напротивъ, съ самаго начала есть переселеніе большей или меньшей совокупности гражданъ, той или другой ассоціаціи; она зависитъ лишь отчасти отъ личной воли индивидуума и всегда устраивается посторонней помощью, въѣшательствомъ государства или частныхъ обществъ, для которыхъ переселеніе служитъ средствомъ распространить свое господство или извлекать матеріальныя выгоды. Колонистъ оставляетъ за собой свою родину, которая, хоть издалека, руководитъ его судьбой и не освобождаетъ его отъ выполненія своихъ политическихъ и юридическихъ требованій, но за то всегда готова, въ случаѣ его возвращенія, возстановить его прежнее положеніе.

По мѣрѣ того, какъ въ Европѣ распространялось образованіе и усложнялись общественныя потребности, между тѣмъ какъ политико-экономическія условія жизни оставались тѣ-же, эмиграція дѣлалась послѣднимъ примиряющимъ исходомъ изъ этой внутренней борьбы, раздиравшей европейское населеніе. Со времени 30-лѣтней войны, превратившей огромную часть Западной Европы въ пустыню, гдѣ народъ еще глубже погрузился въ невѣжество, къ эмиграціи сталъ прибѣгать и средній образованный классъ. Отдѣльныя личности были слишкомъ слабы, силы ихъ были слишкомъ разрозненны, чтобы можно было думать объ успѣшной борьбѣ противъ общаго зла. Имъ оставалось только одинъ выходъ изъ этого положенія — эмиграція. Быть можетъ, самая чувствительная потеря, которую несетъ Европа въслѣдствіе эмиграцій, заключается въ томъ, что она лишается съ каждымъ годомъ большаго и большаго числа членовъ средняго сословія.

Но эта группа эмигрирующаго населенія по численности оказывается крайне ничтожной. Главное ядро эмиграціи составляетъ земледѣльческое и рабочее населеніе, доставляющее наибольшій процентъ переселеніямъ. За пріемъ этого населенія Европа должна быть особенно благодарна Америкѣ, которая освобождаетъ ея отъ печальной обязанности увеличивать размѣры тюремъ и обременять свои бюджеты расходами на уголовные суды. Это населеніе несетъ въ новую страну крохи собраннаго дома капитала и, преимущественно, упорный, тяжелый трудъ, который создалъ политическое могущество и матеріальное благосостояніе Соединен-

ныхъ Штатовъ. Положеніе этого населенія и въ настоящее время чрезвычайно незавидно, оно немногимъ развѣ лучше того, въ которомъ находились переселенцы въ прошломъ столѣтіи, когда, по прибытіи въ новую страну, ихъ буквально продавали за деньги. Однако, какъ показываютъ статистическія цифры, число переселенцевъ съ каждымъ годомъ увеличивается, несмотря на всѣ невзгоды, съ какими сопряжено первое пребываніе ихъ въ новой странѣ; они мирятся съ пятью-шестью годами непріятной зависимости, лишь-бы затѣмъ стать вполне свободными и полноправными гражданами республики.

II.

Съ 1775 года до 1815 размѣры эмиграціи были слабы, частью вслѣдствіе американской революціи, частью-же войнъ, окончившихся низложеніемъ Наполеона I. Наибольшее число эмигрировавшихъ въ то время въ Соединенные Штаты рѣдко доходило до 10,000 человекъ, обыкновенно-же оно ограничивалось 4 или 6 тысячами *). Это были преимущественно тѣ счастливицы, которыхъ войны не настолько еще раззорили, чтобы лишить ихъ возможности покинуть родину. Но въ 1816—1817 году, вслѣдствіе сильнаго голода, огромныя толпы эмигрантовъ спѣшили переехать за океанъ. Только въ одинъ этотъ годъ однихъ нѣмцевъ переселилось въ Соединенные Штаты слишкомъ 20,000 человекъ; замѣчательно, что это громадное число послѣ прекращенія голода упало съ 1 октября 1819 г. по 30 сентября 1820 г. до 986, въ слѣдующій 1821 г. до 383, а въ 1822 оно доходило лишь до 148 человекъ **). Изъ Великобританіи переселилось въ 1826 г. 7,709, въ 1827 г. это число возрасло до 11,952, а въ 1828 г. до 17,840 (изъ общаго числа переселенцевъ 27,283). Но въ 1829 г. оно упало до 10,594, а въ 1830 г. до 3,874 человекъ. Колебанія эти были вызваны сильной коммерческой паникой въ 1826 году и застоємъ промышленности въ Англии, равно какъ и голодомъ

*) Adam Seybert. Statistical Annals of the United States. 1818, NewYork.

**), Fridrich Kapp, Ueber Auswanderung. Berlin, 1872.

въ Ирландіи. Оба эти событія заставили перебраться за океанъ множество людей, которые при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и не подумали-бы объ эмиграціи. Но наибольшій контингентъ эмигрантовъ доставляла Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ Ирландія, особенно послѣ сильнаго голода въ 1846 году. Въ промежуткѣ между 1845 и 1854 гг., вѣлчительно, изъ Ирландіи переселилось въ Америку 1,512,100 человекъ — число, никогда не встрѣчавшееся до сихъ поръ въ исторіи европейско-американскаго переселенія. Въ первую половину этого десятилѣтія, съ 1 января 1845 г. по 31 декабря 1849, число эмигрантовъ изъ Ирландіи равнялось 607,241, а въ послѣднюю половину—904,859 человекъ. Такой безпримѣрной эмиграціей Ирландія лишилась своихъ лучшихъ рабочихъ силъ. Съ помощью государства, которое брало на себя издержки на проѣздъ, переселялись всѣ, кто только изъявлялъ на это желаніе. Первоначально къ этому прибѣгали лишь лица, потерявшія работу или находившіяся въ крайней нуждѣ, но впослѣдствіи, когда государство принуждено было для покрытія издержекъ на переселеніе увеличить налогъ на все промышленное и трудящееся населеніе страны, то и тѣ, которые до тѣхъ поръ крѣпились еще кое-какъ, наконецъ не вынесли тяжести налога и пришли къ естественному заключенію, что лучше самимъ воспользоваться помощью государства, чѣмъ доставлять ее другимъ. Вслѣдствіе этого въ странѣ оставались лишь дряхлые и немощные старики, больные, идіоты и помѣшанные. Съ 1855 года число ирландскихъ переленцевъ стало замѣтно уменьшаться и въ настоящее время оно составляетъ менѣе половины средняго числа переселеній въ теченіи прежняго десятилѣтія.

Политическія событія обнаруживаютъ свое вліяніе на колебанія числа эмигрантовъ столь-же рѣзкимъ образомъ, какъ экономическія и социальныя невзгоды. Такъ, въ Германіи размѣры эмиграціи были особенно велики въ періодъ между 1830—1837 годами, когда вслѣдъ за неудавшимися революціонными попытками, будущее страны для всѣхъ представлялось въ мрачномъ колоритѣ, а настоящимъ руководилъ реакціонный союзный сеймъ и правительство, искавшее жертвъ своей мести. Въ 1831 году изъ Германіи переселилось въ Соединенные Штаты лишь 2.395 человекъ, въ 1832 — уже 10,186, въ 1833 — 6,853; но съ

1834—37, когда политическій гнетъ достигъ наибольшей силы, числа переселенцевъ были: 17,654, 8,245, 20,139 и 23,036 *). Послѣ неудавшейся революціи 48 и 49 годовъ эмиграція изъ Германіи достигла колоссальныхъ размѣровъ. Въ этомъ случаѣ исканіе свободы, на минуту озарившей горизонтъ Европы, было настоящимъ политическимъ голодомъ, который повидимому давалъ себя чувствовать не слабѣе физическаго, если сравнивать число переселенцевъ изъ Германіи за это время и ирландцевъ, эмигрировавшихъ въ Соединенные Штаты послѣ голода 1846 г. Уже въ 1845 и въ слѣдующіе года изъ Германіи переселилось въ два и даже три раза болѣе, нежели въ прежнее время, но число эмигрантовъ еще болѣе возросло съ тѣхъ поръ, когда политическая реакція окончательно восторжествовала. *Сour d'état* Луи-Наполеона закрылъ для всей Европы революціонную эру, возвѣщенную 48 годомъ, онъ надолго закрѣпилъ успѣхъ узурпатора и большинство людей, недовольныхъ реакціоннымъ режимомъ, покидало свою родину. Съ 1 января 1845 года по 31 декабря 1854, изъ Германіи переселилось въ Соединенные Штаты 1,226,392 человекъ; изъ этого числа 452,943 эмигрировали въ первое пятилѣтіе, а 733,449—въ послѣднее **).

Кромѣ Великобританіи и Германіи, доставляющихъ наибольшій процентъ эмигрантовъ, Америкѣ платятъ дань и другія государства Европы. Нѣтъ почти ни одной страны, которая не обнаружила-бы въ большей или меньшей степени стремленія отдѣлаться отъ своей родины и переселиться въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Въ слѣдующей таблицѣ читатель увидитъ, какія государства наиболѣе снабжали Америку эмигрантами:

Съ 1820—1860 г. переселилось:

Изъ Великобританіи и Ирландіи	2,750,874
„ Германіи	1,486,044
„ Франціи	208,063
„ Пруссіи	60,432
„ Китая	41,443
„ Вестъ-Индіи	40,487

*) *Journal of Social Science, containing the Transactions of the American association.* № 2. 1870. New-York.

**) *Journal of Social Science.*

» Швейцаріи	37,733
» Швеціи и Норвегіи	36,129
» Голландіи	21,579
» Мексики	17,766
» Испаніи	16,248
» Италіи	11,202
» Бельгіи	9,862
» Южной Америки	6,201
» Даніи	5,540
» Азорскихъ острововъ	3,242
» Португаліи	2,614
» Сардиніи	2,030
» Польши	1,159
» Россіи	1,374

Рѣшить, отчего изъ одного государства переселяется болѣе, чѣмъ изъ другого, не всегда бываетъ легко. Причины географическія, какъ дальность пути, большая или меньшая близость гаваней, въ общемъ и сами по себѣ едва-ли играютъ здѣсь важную роль. Равнымъ образомъ и число жителей въ незначительной лишь степени усиливаетъ эмиграцію. Экономическій бытъ страны, откуда совершается переселеніе, вліяетъ повидимому, самымъ рѣшительнымъ образомъ на число переселенцевъ. Понятно, что какъ-бы ни были дурны условія общественнаго быта въ извѣстной странѣ, но она всегда будетъ доставлять незначительное число эмигрантовъ, если населеніе ея прозябаетъ въ невѣжествѣ. Переселеніе изъ Турціи совершается въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что ее не сочли нужнымъ включить въ общій списокъ государствъ, способствующихъ въ большей или меньшей степени заселенію Америки. Упомянувъ о невѣжествѣ, какъ одной изъ причинъ, понижающихъ эмиграцію, мы разумѣли подъ этимъ словомъ лишь недостатокъ образованія, но никакъ не политическую неразвитость или отсутствіе способности принимать средства къ улучшенію своей экономической жизни. Образованіе далеко не замѣняетъ собой политическаго смысла, какъ это показываютъ намъ поучительные уроки прошлой и современной исторіи европейскихъ народовъ. Рабочіе Германіи въ общей массѣ бытъ можетъ образованнѣе французскихъ блузниковъ, но они безспорно уступаютъ имъ въ политическомъ отношеніи. Если

изъ Германіи переселилось 1,486,044 ч., а изъ Франціи лишь 208,068, то это говоритъ вовсе не въ пользу первой, какъ могло-бы показаться съ перваго взгляда. Напротивъ, фактъ, что изъ Франціи выселяется такое ничтожное сравнительно съ Германіей число людей, служить доказательствомъ того, что въ массѣ французскихъ рабочихъ коренится и не слабѣетъ подь ударами суровой дѣйствительности сознание способности улучшить свой бытъ.

Статистическія отношенія эмиграціи, какъ легко заключить а priori, не могутъ находиться подь исключительнымъ вліяніемъ физическихъ и нравственныхъ причинъ, создаваемыхъ одной лишь Европой. Странѣ, избираемой цѣлью переселенія, должна принадлежать значительная доля этого вліянія. Дѣйствительно, факты убѣждаютъ, что въ то время, какъ коммерческіе и промышленные кризисы, равно какъ и неблагопріятное стеченіе политическихъ обстоятельствъ въ Старомъ Свѣтѣ увеличиваютъ размѣры эмиграціи, тѣ-же событія въ Соединенныхъ Штатахъ, наоборотъ, стремятся ограничить ее. Такъ въ 1838 году число эмигрантовъ понизилось съ 79,340 (въ 1837 г.) до 38,914, и затѣмъ въ послѣдующіе 39 и 40 года снова возрасло до 68,069 и 84,066. Причиною этого пониженія былъ сильный торговый кризисъ 1837 года, потрясшій до основанія промышленное и земледѣльческое производство Соединенныхъ Штатовъ. Такое-же явленіе повторилось 20 лѣтъ спустя, вслѣдъ за кризисомъ 1857 года. Въ 1858 и 59 годахъ въ Нью-Йоркъ прибыло лишь 78,589 и 79,322 эмигранта, между тѣмъ какъ въ 1856 году число ихъ доходило до 142,342, а въ 1857 г. даже до 186,733. Гражданская война, свирѣпствовавшая въ Америкѣ въ 1861—65 гг., произвела также значительное пониженіе въ числѣ переселенцевъ. Въ 1860 г. оно достигло 105,162 ч., но въ 61 г. упало до 65,539, а въ 62 г.—до 76,306. Въ 1867 г. число нѣмецкихъ переселенцевъ увеличилось на 10,000 сравнительно съ 1866 годомъ, когда оно достигло 106,716—весьма значительной цифры. Такое увеличеніе зависѣло отъ переселенія лицъ изъ провинцій, присоединенныхъ къ Пруссіи въ 1866 году. Къ этому шагу побуждало этихъ лицъ желаніе избавиться съ одной стороны отъ всеобщей военной повинности, а съ другой—отъ прусскаго господства вообще. Ганноверъ доставлялъ въ то время

наибольшій процентъ переселенцевъ. Но затѣмъ населеніе присоединенныхъ провинцій стало привыкать къ своему положенію и число переселенцевъ остановилось на той высотѣ, на которой находилось два года тому назадъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ представленныхъ нами чиселъ можно вывести слѣдующій законъ, управляющій количественнымъ составомъ эмигрирующихъ: неблагопріятныя обстоятельства въ странахъ, откуда совершается переселеніе, увеличиваютъ его размѣры, между тѣмъ какъ неблагопріятныя обстоятельства въ странахъ, составляющихъ цѣль переселенія, понижаютъ его, но такъ, что число эмигрантовъ, послѣ окончанія критическаго періода, всегда останавливается на высотѣ высшей сравнительно съ предшествовавшимъ нормальнымъ временемъ.

III.

Матеріальныя и нравственныя причины, побуждающія массу покидать свою родину, дѣйствуютъ большей частью нераздѣльно, особенно въ томъ случаѣ, если переселяется трудящаяся часть населенія. Что касается политическихъ эмигрантовъ, то они могутъ быть свободны отъ гнета матеріальной нужды, но было-бы ошибочнымъ предполагать, что люди, стремящіеся улучшить свой экономическій бытъ, избираютъ Сѣверо-Американскіе Штаты только изъ этого побужденія. Во всѣхъ частяхъ свѣта есть страны, которыя отличаются плодородіемъ почвы, благотворностью своего климата, прочными гарантіями для правъ собственниковъ и другими выгодами, и однако ни одна изъ нихъ не служитъ, или только въ незначительной степени, предметомъ исканій для эмигрантовъ. Такъ дунайскія княжества, Алжиръ, мѣстности по рѣкѣ Лаплатѣ, мексиканскія провинціи и необозримыя пространства Южной Америки принадлежатъ къ самымъ плодороднымъ частямъ въ мірѣ и ужъ конечно превосходятъ въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американскіе Штаты, однако переселенцы встрѣчаются въ тѣхъ странахъ лишь по исключенію, по нечаянности. Замѣчательно, что, вообще говоря, эмигранты предпочитаютъ сѣверо-американскую республику англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ и даже въ Австраліи, представляющей несравненно болѣе шансовъ для обогащенія.

Канада составляетъ преддверіе Союза, въ экономическомъ отношеніи она столь-же удобна для поселеній, какъ и послѣдній, но большинство европейскихъ эмигрантовъ минуетъ эту англійскую колонію, чтобы войти въ составъ гражданъ великой республики. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простой случайностью, но съ нѣкотораго рода опредѣленнымъ закономъ, по которому эмигрантъ руководится при выборѣ мѣста своего поселенія не только матеріальными и физическими причинами, но также и нравственными, этическими. Онъ ищетъ не только дешевой земли и болѣе высокаго вознагражденія за трудъ, но и желаетъ возможно большаго уничтоженія всѣхъ внѣшнихъ ограниченій полного равенства съ своими согражданами. Съверо-Американскіе Штаты наиболѣе отвѣчаютъ этимъ двумъ требованіямъ, матеріальнымъ и нравственнымъ, и потому-то переселенцы устремляются туда несмѣтными массами.

Въ Америкѣ цѣлыя сотни милліоновъ моргеновъ земли составляютъ собственность государства и потому переселенецъ можетъ выбрать свободно какой угодно участокъ земли, не подвергая своихъ будущихъ товарищей опасности платить за землю болѣе высокую цѣну. Но кромѣ того и земля, находящаяся въ частной собственности, вслѣдствіе своего обилія, чрезвычайно дешева и потому въ Америкѣ средняя цѣна на землю необыкновенно низка. Съ другой стороны въ странѣ, гдѣ все, куда ни обернешься, представляетъ непочатый родникъ и гдѣ ежедневно каждый можетъ найти безчисленное множество шансовъ къ обогащенію, предложеніе труда, особенно земледѣльческаго, гораздо менѣе спроса. Въ большей части случаевъ рабочія руки являются не постоянно, но періодически, случайно. На этомъ основаніи трудъ въ Америкѣ дорогъ и не рабочій зависитъ отъ работодателя, но наоборотъ. Но независимо отъ этихъ преимуществъ Америки, какъ и всѣхъ колоній, Соединенные Штаты представляютъ для эмигранта, какъ мы уже сказали, еще другую, заманчивую сторону. Три главныхъ фактора способствовали столь могущественному развитію американской республики. Во-первыхъ, форма общественной и государственной жизни. Во-вторыхъ, широкое примѣненіе пара къ путямъ сообщенія. Въ третьихъ, наконецъ, эмиграція, безъ содѣйствія которой плодородныя земли Сѣверной Америки оставались-бы пустыней. Но именно эта

форма общественной и государственной жизни составляет тотъ магнитъ, который притягиваетъ въ Америку огромныя массы эмигрантовъ. Раздѣлвшись съ своею родиной, освободившись отъ ея законовъ и традицій, порвавъ всѣ связи съ прошедшимъ, эмигрантъ не желаетъ уже стѣснять себя какими-либо ограниченіями.

Въ Америкѣ, и быть можетъ только въ ней одной, съ ея широкой свободой личности и полноправіемъ гражданъ, принципъ самоуправленія и самопомощи находить себѣ оправданіе. Но здѣсь онъ вытекаетъ изъ формы государственной жизни и только благодаря этой формѣ, практическіе результаты самопомощи были успѣшны. Всѣ-же колоніи, на которыя европейскія метрополіи спѣшили наложить свое клеймо, быстро увидали, не привлекая къ себѣ свѣжихъ, дѣятельныхъ силъ эмигрантовъ. Какую рѣзкую противоположность представляютъ, напримѣръ, испанскія поселенія въ Америкѣ въ сравненіи съ нѣмецкими, развивавшимися независимо отъ европейскихъ традицій, подъ сѣнью американскихъ учреждений. Мы можемъ сравнить также эти двѣ системы во французской Канадѣ (Новой Франціи) и Новой Англіи. Французская имперія основала съ помощью своихъ полководцевъ, храбрыхъ солдатъ и неутомимыхъ католическихъ священниковъ, могущественное государство, широко раскинувшее свои предѣлы по американской территоріи; а рядомъ съ нимъ, на узкомъ атлантическомъ побережьи, основались скромныя англійскія поселенія, безъ всякой помощи метрополіи и свободныя отъ всякихъ, по отношенію къ ней, обязательствъ. Отъ французской могущественной имперіи въ настоящее время остались, однако, однѣ лишь воспоминанія, она увидала быстрѣе, чѣмъ разцвѣла, а между тѣмъ ничтожная по своимъ размѣрамъ Новая Англія, дитя реформаціи, заправляетъ теперь судьбами всего континента и служитъ главнымъ факторомъ общечеловѣческой цивилизаціи и прогресса.

Тѣ-же причины, которыя отталкивали переселенца отъ испанскихъ и французскихъ колоній, отнимали отъ него всякую охоту селиться въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки въ то время, когда въ нихъ процвѣтало рабство. Но между-тѣмъ сѣверозападные штаты далеко уступали южнымъ въ естественныхъ богатствахъ. Виргинія, Кентукки, Тенесси и Техасъ, по плодород-

дію почвы и климату, несравнимы ни съ однимъ изъ сѣверозападныхъ штатовъ, и однако цѣлыя милліоны акровъ этихъ плодородныхъ земель еще до сихъ поръ лежатъ невоздѣланными, тогда какъ сѣверные штаты заселены чрезвычайно густо, не смотря на большую суровость климата и относительную скудость почвы. Итакъ, слѣдовательно, мы должны придти къ тому заключенію, что эмигрантъ избираетъ цѣлью своего переселенія преимущественно тѣ страны, гдѣ онъ надѣется найти, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, независимо отъ высокой заработной платы и низкой цѣны на землю, возможно-широкое развитіе правъ.

IV.

До сихъ поръ мы рассматривали причины, побуждающія эмигранта покидать родину и избирать мѣстомъ своего поселенія ту, а не другую страну. Теперь мы перейдемъ къ вопросу объ экономическомъ значеніи эмиграціи и попытаемся опредѣлить, какую реальную цѣнность изображаетъ собою эмигрантъ, что приносить онъ съ собою въ страну, гдѣ думаетъ начать новую жизнь. Очевидно, что эта цѣнность двоякая. Она состоитъ во-первыхъ, изъ личнаго, движимаго имущества эмигранта, а во-вторыхъ, изъ рабочей силы, труда, посредствомъ котораго онъ зарабатываетъ средства къ существованію и тѣмъ обогащаетъ новое отечество, уменьшая въ то-же время богатство своей родины. Мы рассмотримъ отдѣльно эти два элемента цѣнности, выражающіе экономическое значеніе эмиграціи, причемъ расчеты наши, за недостаткомъ вполне надежныхъ данныхъ, будутъ лишь приблизительные.

Что касается наличныхъ денегъ каждаго эмигранта, то опредѣлить количество ихъ въ точности становится чрезвычайно затруднительнымъ, въ виду невѣрныхъ показаній на этотъ счетъ со стороны самихъ эмигрантовъ, умышленно уменьшающихъ размѣры своего имущества. Въ 1856 году въ нью-іоркскую гавань прибыло 142,342 эмигранта и когда ихъ спросили, какъ велика была наличная сумма каждаго, то изъ отвѣтовъ ихъ оказалось, что среднимъ числомъ всякій эмигрантъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ 100 прусскихъ тал. Членъ комиссіи подѣламъ

эмигрантовъ, производившій этотъ допросъ, говоритъ въ своемъ отчетѣ *), что сумма, показанная эмигрантами, въ дѣйствительности выше, такъ-какъ они обыкновенно уменьшаютъ ее, предполагая, что тотъ незначительный налогъ, которымъ облагаютъ переселенцевъ, будетъ повышаться соразмѣрно ихъ имуществу. То-же самое подтверждаетъ и Фридрихъ Каппъ. „Однажды, рассказываетъ онъ, въ моемъ присутствіи спросили у одного зажиточнаго съ виду нѣмецкаго крестьянина, сколько при немъ находится денегъ. Въ отвѣтъ на это, онъ раскрылъ свой кошелекъ и пересчиталъ 24 талера, объявивъ, что въ этомъ состоитъ вся его наличная сумма. Я убѣжденъ былъ, что крестьянинъ имѣлъ больше денегъ и объяснилъ ему, что предложенный ему вопросъ не имѣлъ иного значенія, кромѣ того, чтобы дать странѣ доказательство, что она не принимаетъ въ эмигрантахъ беспомощныхъ нищихъ и бѣдняковъ. Крестьянинъ тотчасъ-же досталъ другой кошель, и оттуда вынулъ вексель въ 2,700 тал. на имя нью-іоркскаго банкира, прибавивъ, что каждый изъ находившихся при немъ 3-хъ сыновей имѣлъ такую-же сумму“ **). Вообще нѣмцы считаются самыми зажиточными между всѣми эмигрантами; они, по крайней мѣрѣ, вдвое, если не втрое богаче ирландцевъ, составляющихъ вмѣстѣ съ ними главный контингентъ эмигрантовъ. По отчету нью-іоркскаго комиссіи по дѣламъ эмигрантовъ, одни нѣмецкіе переселенцы внесли въ Соединенные Штаты въ три предыдущихъ года около 11 милліоновъ талеровъ. Вообще, стало быть, можно принять, что 100 талеровъ наличныхъ денегъ на каждаго эмигранта составляетъ сумму не преувеличенную, а скорѣе уменьшенную. Но кромѣ наличныхъ денегъ каждый эмигрантъ имѣетъ при себѣ различнаго рода вещи, какъ, напримѣръ, платье, бѣлье, постель, домашнюю утварь, рабочія орудія, часы, золотыя вещи и болѣе или менѣе цѣнныя украшенія. Принимая въ этомъ случаѣ оцѣнку Каппа, по которой имущество это выражается 50-ю талерами, мы найдемъ, такимъ образомъ, что вся движимая собственность и наличныя деньги эмигрантовъ составляютъ 150 (50+100) талеровъ на человѣка. Въ 1869 году всѣхъ эмигрантовъ прибыло

*) Journal of Social Science.
 eber Auswanderung.

въ Соединенные Штаты 250,000, стало бытъ только въ одинъ этотъ годъ они внесли до 37,000,000 талеровъ.

Но эти милліоны оказываются совершенно ничтожными въ сравненіи съ тѣми суммами, которыми реализуется производительный трудъ эмигрантовъ, ихъ рабочая сила. Чтобы получить понятіе объ этой цѣнности, изображаемой эмигрантомъ, мы должны обратитъ въ капиталъ всю его нравственную и интеллектуальную полезность, подобно какъ прежде невольникъ выражалъ собою только извѣстную сумму рублей и копѣекъ. Очевидно, что та цѣнность, которую приносить съ собою эмигрантъ, различна, смотря по состоянію цивилизаціи страны, откуда онъ переселяется и, особенно, по степени его образованности. Индивидуальные качества эмигрантовъ, ихъ образъ жизни, привычки, способность къ труду у каждой націи представляютъ свои особенности. Поэтому къ нѣмцамъ или англичанамъ долженъ быть приложенъ иной масштабъ, нежели, на примѣръ, къ ирландцамъ и испанцамъ, равнымъ образомъ капитализированная цѣнность труда простыхъ рабочихъ ниже цѣнности лицъ высшихъ профессій, какъ, на примѣръ, докторовъ, ученыхъ, инженеровъ и т. д. Мы ограничимъ свои расчеты только нѣмцами и притомъ обыкновенными рабочими, за отсутствіемъ данныхъ относительно другихъ національностей и профессій.

Энгель, директоръ статистическаго бюро въ Берлинѣ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о рабочей платѣ *) различаетъ три періода въ экономической жизни каждаго человѣка: два непроизводительныхъ и только одинъ производительный. Первый непроизводительный періодъ обнимаетъ собою время, необходимое для физическаго и нравственнаго воспитанія индивидуума; онъ продолжается отъ начала рожденія [человѣка до 15 лѣтъ и, понятно, что онъ не только непроизводителенъ, но и требуетъ значительныхъ затратъ. Слѣдующій періодъ простирается отъ 15 до 65 лѣтъ и только это время можно считать производительнымъ. Наконецъ, за этимъ слѣдуетъ третій періодъ непроизводительной старости послѣ 65 лѣтъ. Первый періодъ Энгель называетъ юношескимъ, второй—періодомъ труда, а третій—ста-

*) Preis der Arbeit, von Dr. Engel. Berlin, 1866.

ростью. Только въ среднемъ періодѣ человекъ живетъ на счетъ результатовъ своего труда. Въ періодѣ юности о существованіи его заботятся другіе, а въ старости онъ живетъ на счетъ сбереженныхъ продуктовъ труда производительнаго періода. Очевидно, что какъ-бы ни были бѣдны родители, но они должны затрачивать капиталъ на воспитаніе дѣтей, на физическій уходъ за ними. Но природа, какъ извѣстно, не расточаетъ свои дары какъ попало и кому попало. Капиталъ, затрачиваемый на воспитаніе дѣтей, необходимо долженъ быть ими возвращенъ впоследствии какимъ-бы то ни было путемъ, потому - что иначе произойдетъ всеобщее обѣдненіе. Если, на примѣръ, страна затрачиваетъ на всѣхъ лицъ до 15-ти-лѣтняго возраста половину своихъ ресурсовъ, то понятно, что если эти лица, по достиженіи зрѣлаго возраста, не возвратятъ странѣ этихъ ресурсовъ, а будутъ зарабатывать столько, сколько необходимо для ихъ личнаго существованія, то страна станетъ вдвое бѣднѣе, а спустя еще поколѣніе, совершенно обанкрѣтится. Эта простая и чрезвычайно важная аксіома была впервые разъяснена Ангелемъ. Вытекающія изъ нея слѣдствія имѣютъ глубокое значеніе и чрезвычайно обширны. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ обсужденіе ихъ и замѣтимъ лишь, что аксіома Ангеля имѣетъ силу какъ въ томъ случаѣ, имѣетъ-ли трудящійся человекъ дѣтей или-же нѣтъ. Разъ онъ достигъ 15 лѣтъ, разъ онъ прожилъ чужимъ трудомъ, на счетъ родителей или кого-бы то ни было, и онъ уже необходимо обязанъ *возвратить* вложенный въ него капиталъ. Мы говоримъ *возвратить*, а не передать его своимъ дѣтямъ. Рабочій можетъ и не имѣть дѣтей, но это не освобождаетъ его отъ долговъ, отъ обязанности вернуть заемъ, безъ котораго онъ не могъ-бы существовать въ качествѣ самостоятельнаго рабочаго. Если-же у него будутъ дѣти, то, независимо отъ труда для возвращенія займа, онъ долженъ еще болѣе усилить свой трудъ спеціально для нихъ, чтобы явиться по отношенію къ нимъ такимъ-же кредиторомъ, каковымъ были по отношенію къ нему его воспитатели.

И такъ человекъ долженъ достигать посредствомъ труда, имѣющаго мѣсто втеченіе производительнаго періода жизни, трехъ цѣлей: во-первыхъ, возвращать издержки на свое воспитаніе во все время своего непроизводительнаго существованія,

во-вторыхъ, удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ и поддерживать свою рабочую силу и въ-третьихъ, отлагать извѣстный фондъ на поддержаніе своего существованія втеченіе непроизводительнаго періода старости. Такимъ образомъ издержки, затрачиваемыя на воспитаніе человѣка съ цѣлью произвести изъ него будущаго самостоятельнаго рабочаго, представляютъ извѣстный капиталъ, который обращается въ пользу той страны, гдѣ этотъ человѣкъ, по достиженіи зрѣлаго возраста, начнетъ жить производительнымъ періодомъ. Мѣриломъ этого капитала служить величина издержекъ на воспитаніе. По вычисленію Ангеля, на воспитаніе обыкновеннаго нѣмецкаго рабочаго затрачивается каждый годъ втеченіе первыхъ пяти лѣтъ его жизни 40 тал., въ слѣдующіе пять лѣтъ 50 талеровъ въ годъ, а въ возрастѣ отъ 10—15 лѣтъ — 60 талеровъ. Такимъ образомъ общая сумма издержекъ на воспитаніе составляетъ 750 талеровъ. Эти 750 талеровъ выражаютъ цѣнность нѣмецкаго переселенца, который втеченіе своей жизни такъ или иначе долженъ ее вернуть. Этотъ капиталъ, вслѣдствіе переселенія рабочаго, теряется для мѣста его родины и входитъ въ составъ богатствъ его новаго отечества. Расчетъ Ангеля, однако, справедливъ лишь для Германіи, но не для Америки, гдѣ жизнь обходится, по свидѣтельству вполне надежныхъ американскихъ статистиковъ, какъ напримѣръ, Чарльза Римелина, почти вдвое дороже, чѣмъ въ Пруссіи. На этомъ основаніи, расходъ на воспитаніе дѣтей долженъ быть удвоенъ, такъ-что для образованія изъ переселенца американскаго фермера или рабочаго втеченіе 15 лѣтъ, каждый годъ нужно затрачивать среднимъ числомъ, вмѣсто 50 талеровъ, 100, что составитъ общую сумму въ 1,500 тал. Слѣдуя расчету Ангеля, воспитаніе дѣвочки въ Америкѣ обойдется въ половину дешевле, чѣмъ мальчиковъ, т.-е. всего 750 тал., такъ-какъ онѣ начинаютъ трудиться ранѣе, исполняя мелкія работы по домашнему хозяйству. Нужно замѣтить, что между всѣми эмигрантами $\frac{1}{5}$ часть находится въ возрастѣ до 15 лѣтъ, такъ-что реализованную цѣнность этой части нужно было-бы считать ниже 1,500 тал., но это обстоятельство уравнивается громаднымъ перевѣсомъ мужчинъ надъ женщинами, равно какъ и значительнымъ числомъ лицъ высшихъ профессій. На этомъ основаніи можно принять, что каждый мужчина стоитъ 1,500

тал., а каждая женщина 750, что составляет среднимъ числомъ для каждаго индивидуума того или другого пола 1,125 тал. Такая сумма вовсе не преувеличена; изъ всѣхъ экономистовъ, производившихъ подобный расчетъ, ни одинъ не останавливается на этой цифрѣ, считая ее низкой. Римелинъ, напримеръ, говоритъ, что средняя капитализированная цѣнность всякаго переселенца въ Америкѣ составляетъ по крайней мѣрѣ 1,500 тал. И это понятно, если принять во вниманіе, что вообще 15% всѣхъ эмигрантовъ принадлежатъ къ тому классу населенія, который производитъ гораздо болѣе простыхъ рабочихъ *), между тѣмъ, какъ мы считаемъ цѣнность труда равной труду послѣднихъ. Такимъ образомъ, сводя общій итогъ всѣхъ расчетовъ, оказывается, что стоимость каждаго эмигранта выражается 1,125 тал. плюсъ 150 тал. въ имущество, что составляетъ 1,275 тал. на человѣка. Съ 5-го мая 1847 г. по 1-е января 1869 г. къ нью-іоркскому порту прибыло не ме-

*) Изъ 3,000,000 эмигрантовъ, занятія которыхъ опредѣлены точной переписью, было:

Сельскихъ рабочихъ	872,317
Фермеровъ (мелкихъ и крупныхъ)	764,837
Механиковъ	407,524
Купцовъ	231,852
Слугъ	49,494
Рудокоповъ	39,967
Матросовъ	29,484
Ткачей и прядильщиковъ	11,557
Швей и модистокъ	5,246
Врачей	7,109
Священниковъ	4,326
Портныхъ	3,634
Башмачниковъ	3,474
Фабрикантовъ	3,120
Адвокатовъ	2,676
Артистовъ	2,490
Каменьщиковъ	2,310
Инженеровъ	2,016
Учителей	1,528
Булочниковъ	1,272
Мясниковъ	945
Музыкантовъ	729
Художниковъ	647
Наборщиковъ	705
Мельниковъ	631
Актеровъ	588

(The resources and Prospects of America, by Morton Ceto).

нѣе 4,038,991 переселенца, слѣдовательно эмиграція увеличила народное богатство Америки въ этотъ періодъ на сумму слишкомъ въ 4 билліона, т.-е. вдвое болѣе суммы, выражающей въ настоящее время національный долгъ Америки. Въ Соединенные Штаты среднимъ числомъ переселяется 300,000 чел. въ годъ и потому страна ежегодно обогащается на 400,000,000 талеровъ, другими словами, Европа путемъ эмиграціи вноситъ въ Соединенные Штаты болѣе 1 милліона талеровъ ежедневно.

Какъ ни велико такое приращеніе богатствъ, но оно въ дѣйствительности еще выше, такъ-какъ эмигранты увеличиваютъ народонаселеніе страны. Если-бы Америка закрыла свои порты для переселенцевъ, то приращеніе народонаселенія Штатовъ выжалось-бы простымъ избыткомъ числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ. Это естественное приращеніе населенія составляетъ для Сѣверной Америки 1,38%, для Пруссіи—1,27%, Англіи—1,25%, Франціи—0,44%, Россіи—0,74. Съ помощью этого процентнаго отношенія мы можемъ опредѣлить, каково было-бы народонаселеніе, если-бы оно не увеличивалось эмигрантами и ихъ потомствомъ. Въ 1790 г., когда была произведена первая народная перепись, свободное бѣлое населеніе во всемъ Союзѣ составляло 3,231,930 человѣкъ, слѣдовательно оно равнялось-бы при одномъ только перевѣсѣ числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ въ

1800 г.	3,706,674	между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ оно, за исключеніемъ рабовъ, составляло	4,412,896
1810 "	4,251,143	" "	6,048,450
1820 "	4,875,600	" "	8,100,056
1830 "	5,591,775	" "	10,796,077
1840 "	6,413,161	" "	14,582,008
1850 "	7,355,423	" "	19,987,563
1860 "	8,435,882	" "	27,489,662
1870 "	10,021,827	" "	38,535,152

Такимъ образомъ, если изъ 38,535,152 мы вычтемъ 10,021,827, то остатокъ въ 28,513,325 выразитъ величину приращенія въ 70 лѣтъ (1800 — 1870), зависащаго исключительно отъ эмигрантовъ и производимаго ими потомства. Если-бы съ 1800 г.

Соединенные Штаты не впускали ни одного переселенца, то въ 1870 году народонаселеніе ихъ равнялось-бы 10,021,827, т. е. приблизительно народонаселенію 1830 года, включающему эмигрантовъ (10,796,077). Другими словами, эмиграція ускоряетъ ростъ народонаселенія на 40 лѣтъ. Рука объ руку съ этимъ необыкновеннымъ приращеніемъ народонаселенія идетъ и увеличеніе народныхъ богатствъ. Размѣры ввозной и отпускной торговли, промышленности и налоговъ достигаютъ наибольшей высоты въ тѣ года, когда эмиграція становится всего сильнѣе. Такъ государственные доходы съ 1800 — 1840 возрасли съ 12,451,184 до 25,032,193, стало быть въ 40 лѣтъ увеличились вдвое, между тѣмъ, въ промежутокъ времени вдвое меньшій, т. е. съ 1840—1860 г., когда эмиграція достигла наибольшей высоты, доходы увеличились съ 25,032,193 до 76,752,034, слѣдовательно въ три раза, а въ сравненіи съ 1800 г. — въ шесть разъ.

V.

Въ виду огромной пользы, приносимой эмигрантами странѣ, въ которую они переселяются, можно было-бы думать, что она встрѣтитъ ихъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ, желанныхъ гостей. Но дѣйствительность, однако, не оправдываетъ такого предположенія. Въ большинствѣ случаевъ, даже во время переѣзда, переселенецъ не можетъ рассчитывать на безопасность своей личности и имущества. Едва-ли кто-либо терпитъ болѣе эмигранта отъ обмановъ всякаго рода, дурного обращенія и безчисленныхъ оскорбленій. Это явленіе объясняется до нѣкоторой степени тѣмъ, что переселенцы, отставъ отъ стараго отечества, еще не пристали къ новому, они пока еще безправны и каждый негодяй можетъ безнаказанно совершать надъ ними свои продѣлки. Съ другой-же стороны, полное незнакомство съ условіями страны, неизвѣстность будущаго, сосредоточенность на одной мысли отыскать себѣ, какъ можно скорѣе, работу, все это отнимаетъ отъ переселенца всякую охоту преслѣдовать своихъ угнетателей путемъ судебного процесса. Въ настоящее время это зло значительно ослаблено, но, тѣмъ

не менѣе, судьба переселенца и до сихъ поръ еще весьма плачевна, въ обращеніи съ нимъ какъ на кораблѣ, такъ и на новомъ континентѣ сохранились еще варварскія традиціи прошлаго столѣтія, когда европейскій эмигрантъ ничѣмъ не отличался отъ африканскаго невольника. Чтобы получить понятіе объ этихъ традиціяхъ, еще теперь неутратившихъ всей своей силы, вернемся къ прошлому столѣтію и посмотримъ, чѣмъ отличается настоящее положеніе эмигранта отъ прежняго.

Естественной посредницей между Америкой и Германіей была въ то время Голландія; сюда поступали изъ Америки безчисленныя требованія на нѣмецкихъ рабочихъ, которыхъ сначала вербовалъ спеціальнй агентъ, передававшій затѣмъ этотъ живой товаръ амстердамскимъ и роттердамскимъ купцамъ, или, какъ ихъ называли, редерамъ, владѣтелямъ кораблей и пароходовъ. Агенты за извѣстный процентъ съ каждаго завербованнаго переселенца постоянно шныряли по мѣстностямъ, наиболее склоннымъ къ эмиграціи и тамъ заманивали въ свои сѣти людей, рассыпая предъ ними всевозможныя обѣщанія. Несчастные нѣмцы, озадаченные блестящимъ видомъ агента, одѣтаго по послѣдней модѣ, съ золотыми часами, цѣпью и безчисленнымъ множествомъ колець на рукахъ, слушали съ нѣмымъ восторгомъ его рассказы о томъ, что тамъ, за океаномъ, есть земной рай, гдѣ трудъ почти неизвѣстенъ, гдѣ пропитаніе ничего не стоитъ, гдѣ всякій дѣлается богачемъ и куда онъ желаетъ ихъ переселить, единственно изъ участія въ ихъ жалкой судьбѣ. Бѣднякамъ агентъ предлагалъ даровой переѣздъ и даже деньги и платье и такимъ образомъ успѣвалъ завлекать въ свои сѣти даже зажиточныхъ лицъ. Но чѣмъ бѣднѣе былъ эмигрантъ, тѣмъ большую доставлялъ онъ пользу редерамъ, такъ-какъ предпріятіе это состояло въ томъ, что пассажиры за все, чѣмъ ихъ снабжали до прибытія въ новую страну, платили по пріѣздѣ въ три дорога и если ихъ средствъ не хватало, то они должны были поступать на работу на извѣстное число лѣтъ къ лицу, которое уплачивало за нихъ цѣну, назначаемую редеромъ. Сильнымъ и здоровымъ бѣднякамъ весьма охотно доставляли все, чего только они ни желали, потому-что по пріѣздѣ ихъ продавали за цѣну, которая покрывала всѣ расходы и кромѣ того давала редеру значительный барышъ. Вообще съ нѣмецкими переселенцами обращались въ прошломъ

столѣтіи если не хуже, то во всякомъ случаѣ не лучше, чѣмъ въ настоящее время съ неграми, которыхъ еще и теперь похищаютъ въ Африкѣ и переправляютъ въ Америку. Нерѣдко на кораблѣ, который едва вмѣщалъ въ себѣ 300—400 пассажировъ, ихъ находилось въ два и въ три раза болѣе. Уже вскорѣ послѣ отплытія корабля эмигранты умирали сотнями въслѣдствіе дурного ухода и помѣщенія. Такъ между прочимъ, въ 1784 г., въ Амстердамѣ, прежде чѣмъ корабль отправился въ путь, похоропено было 315 пассажировъ изъ 1230. Зачастую на пути погибало до 20% эмигрантовъ и капитанъ корабля, для предотвращенія голодной смерти, предписывалъ выдавать каждому пассажиру сначала половину, а затѣмъ лишь четвертую часть порціи, обѣщанной до отплытія. Одного бѣдняка-эмигранта, который взялъ изъ запасной кладовой кусокъ хлѣба для своего ребенка, умиравшаго съ голода, до смерти засѣкли кнутомъ и потомъ бросили въ море. Другой капитанъ, приставъ къ англійскому берегу, продалъ 40 сильныхъ пассажировъ, въ качествѣ рекрутъ, англійскимъ вербовщикамъ. Двое другихъ сильно противились этой продажѣ и за это были посажены капитаномъ на хлѣбъ и на воду. Извѣстный гернгутерь, индѣйскій миссіонеръ, Іоганнъ Юнгманъ, изобразилъ въ потрясающей картинѣ свои бѣдствія, испытанныя во время переѣзда. Онъ путешествовалъ въ 1771 г. и былъ въ дорогѣ 25 недѣль. Изъ 156 пассажировъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ, въ живыхъ осталось только 48. Во все плаваніе на кораблѣ былъ сильный голодъ; крыса составляла весьма лакомое блюдо и стоила 60 к., а мышь—15 к. Самъ Юнгманъ до того ослабѣлъ отъ голода, что онъ не могъ ходить, но долженъ былъ ползать.

Лишь только оканчивалось путешествіе и корабль входилъ въ гавань, редеры приступали къ продажѣ пассажировъ и всѣ зажиточные горожане слѣшили на бортъ выбрать себѣ лучшихъ рабочихъ. Взрослые должны были отплачивать за свой переѣздъ 3—6 годами работы; переселенцы, которымъ было менѣе 21 года, дѣлались простыми слугами, пока не достигали этого возраста и находились въ полномъ распоряженіи своихъ покущиковъ. Вся семья разсѣвалась по разнымъ мѣстамъ. Родители часто продавали своихъ дѣтей, чтобы самимъ стать свободными, сестры навсегда разлучались съ братьями. Такого рода невольни-

чество повсемѣстно господствовало во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ; съ теченіемъ времени оно было ослаблено, но, однако, не вполне уничтожено.

Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія переездъ въ Америку все еще былъ весьма затруднителенъ и только съ тѣхъ поръ, когда парусные корабли были замѣнены пароходами, сообщеніе стало легче и удобнѣе. Въ прежнее время корабли, назначаемые для переселенцевъ, вовсе не соответствовали своей цѣли. Агентъ нанималъ за самую дешевую цѣну нижнюю часть корабля и старался втиснуть какъ можно больше пассажировъ въ этотъ мрачный и сырой подвалъ. Каждый пассажиръ долженъ былъ самъ заботиться о своемъ прокормленіи и варить себѣ кушанье и вслѣдствіе этого у многихъ на половинѣ дороги не хватало съѣстныхъ припасовъ, потому-ли, что они запасали ихъ въ незначительномъ количествѣ, не зная, сколько времени придется пробыть въ пути, или-же потому, что не на что было покупать. Но и достаточные переселенцы находились не въ лучшемъ положеніи, такъ-какъ на корабляхъ было слишкомъ мало очаговъ для варки кушанья, какихъ-нибудь 4 или 6 на нѣсколько сотъ пассажировъ, отчего около этихъ очаговъ постоянно происходили столкновенія и драки. Большинство довольствовалось поэтому сухоядніемъ во все продолженіе пути. Легко понять, такимъ образомъ, почему на этихъ корабляхъ, при дурной пищѣ, недостаткѣ свѣжаго воздуха и морской болѣзни является столько жертвъ горячки или холеры. Зимой въ 1847—48 году изъ всѣхъ полугодныхъ ирландцевъ, переселявшихся въ Америку вмѣстѣ съ нѣмцами нищими, отъ которыхъ желали отдѣлаться общины, обязанныя содержать ихъ, умерло на пути слишкомъ 20,000 человекъ вслѣдствіе дурного устройства кораблей. Подобные факты и въ настоящее время—не рѣдкость. Такъ, на примѣръ, корабль Лейбницъ, отправившись изъ Гамбурга 2-го ноября 1867 года съ 544 пассажирами, прибылъ въ Нью-Йоркъ 11-го января 1868 года съ 436 пассажирами, стало быть съ потерей 108 человекъ *).

Лишь только переселенецъ вступаетъ на давно желанный берегъ,

*) Ueber Auswanderung. Friedr. Kapp.

«Дѣло», № 11.

для него начинается цѣлый рядъ новыхъ, не менѣ жестокихъ мученій. Какъ будто между всей этой чернью, толпящейся вокругъ несчастнаго эмигранта, составился какой-то молчаливый заговоръ, какъ будто они поклялись другъ другу не выпускать его до тѣхъ поръ, пока не снимутъ съ него послѣдней рубашки. Агенты съ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, извозчики, хозяева гостинницъ, мѣняльщики денегъ, все это смотритъ на эмигранта, какъ на свою, такъ сказать, законную жертву. Нѣтъ надобности перечислять всѣ продѣлки этихъ лицъ, на это и безъ того потрачено много словъ туристами и всѣми, изображавшими общественную жизнь Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Существовало множество проектовъ и плановъ съ цѣлью ослабить это зло, но оно все-таки процвѣтаетъ до послѣдняго времени и всѣ желанія на этотъ счетъ остаются лишь на бумагѣ.

Изъ всѣхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью помогать эмигрантамъ на континентѣ и защищать ихъ отъ хищничества различныхъ кулаковъ, только одно заявляетъ себя неутомимой и дѣйствительно полезной дѣятельностью, — это комитетъ по дѣламъ эмигрантовъ въ нью-йоркскомъ штатѣ, основанный въ 1847 году. Но какъ показываетъ уже названіе этого комитета, область его дѣятельности ограничивается лишь однимъ штатомъ и притомъ такимъ, гдѣ эмигранты не только охотно селятся, стремясь большей частью на Западъ, гдѣ и жизнь дешевле, и цѣны на землю ниже. Но по инициативѣ этого комитета въ настоящее время готовится радикальная реформа въ дѣлѣ призрѣнія переселенцевъ. Комитетъ представилъ конгрессу проектъ о международномъ покровительствѣ переселенцевъ, приглашая его войти по этому поводу въ сношеніе съ европейскими государствами. Проектъ, повидимому будетъ утвержденъ конгрессомъ и дѣло станетъ развѣ лишь за Европой, участіе которой, однако, необходимо, потому-что иначе переселенцы по прежнему будутъ жертвами редеровъ и ихъ агентовъ.

Справедливость, челоѣколюбіе, здравый смыслъ, все заставляетъ Европу принять въ дѣлѣ эмигрантовъ самое горячее, самое ревностное участіе. Если подъ охрану международного права поставлены торговля и право собственности, то тѣмъ болѣе необходимо распространить эту охрану на безопасность и неприкосновенность лица. Конечно, Европа несетъ въ эмигрантахъ огромную потерю и съ каждымъ годомъ обезсиливаетъ себя все

больше и больше. Но такова ея печальная судьба, съ которой она должна примириться. При настоящемъ положеніи дѣлъ, Европа, очевидно, представляетъ собой такую почву, которая не сдерживаетъ обширныхъ богатствъ, вывозимыхъ эмигрантами въ Соединенные Штаты. Эмигранты—это та могучая, но потенціальная сила, для которой тѣсны предѣлы европейскаго континента и она рвется на просторъ и приволье Новаго Свѣта. Америка приняла въ себя эту силу, которую быть можетъ она возвратитъ Европѣ въ послѣдствіи.

В. Онгирскій.

ЖИВАЯ СИЛА.

РОМАНЪ

Фр. Герштеккера.

ГЛАВА XXVII.

СТРАШНЫЯ ОТКРЫТІЯ.

Черезъ часъ послѣ ухода Клингенбруха, вернулся домой и Гансъ. Онъ былъ блѣденъ и разстроены; онъ тотчасъ-же освѣдомился, не приходилъ-ли Шаллеръ и не оставлялъ-ли ему письма.

— Нѣтъ, г. баронъ, отвѣчалъ слуга, — г. Шаллеръ здѣсь не былъ, но былъ г. подполковникъ Клингенбрухъ; онъ очень жалѣлъ, что не захватилъ васъ дома и просилъ передать вамъ, что онъ очень желаетъ съ вами поговорить о дѣлѣ спѣшномъ; онъ просилъ васъ, г. баронъ, пожаловать къ нему какъ можно скорѣе.

— А ничего онъ здѣсь не оставлялъ?

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, ничего не отдавалъ.

— Есть кто-нибудь дома?

— Графъ Раутенъ только-что пришелъ.

— Графъ... сказалъ Гансъ и въ нерѣшимости остановился у двери. — Впрочемъ, мнѣ надо опять идти: если батюшка спросить обо мнѣ, скажите, что я ушелъ къ Клингенбруху и Шаллеру, но къ обѣду вѣроятно вернусь; но если я не вернусь къ обѣденному часу, то пускай обѣдаютъ безъ меня.

Въ этихъ словахъ Гансъ стремительно повернулся и снова вышелъ на улицу. Безпокойство мучило его и онъ прямо отправился къ Шаллеру, надѣясь получить отъ него письмо Дюрбека. И зачѣмъ это Шаллеръ взялъ письмо? неужели не могъ онъ сообразить, что Гансъ не замедлитъ посѣтить своего мертвого друга, тотчасъ по полученіи ужаснаго извѣстія.

Шаллера не было дома. Г-жа Шаллеръ занималась еще своимъ туалетомъ, служанка была занята на кухнѣ и Катенька сама отворила Гансу дверь.

— Г. Зольбергъ! сказала она съ удивленіемъ, — вы нынче у насъ очень рѣдкій гость.

— Если-бы вы знали, фрейленъ, сколько заботъ на мою долю выпало въ послѣднее время, отвѣчалъ Гансъ, — вы-бы навѣрное меня извинили. Дома вашъ батюшка?

— Нѣтъ. Но взойдите пожалуйста. Матушка сейчасъ выйдетъ; отецъ, по всей вѣроятности, скоро вернется: онъ еще не завтракалъ.

— Благодарю васъ и воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ, отвѣчалъ Гансъ входя, — значить вашъ батюшка рано вышелъ изъ дома?

— Съ ранняго утра, тотчасъ-же, какъ онъ узналъ грустную новость о капитанѣ Дюрбекѣ; вы слышали объ этомъ?

— Да, вздохнулъ Гансъ изъ глубины души, — да, я слышалъ. Но Дюрбекъ оставилъ мнѣ письмо и вашъ батюшка взялъ его для передачи мнѣ.

— Очень можетъ быть, что батюшка теперь у васъ.

— Нѣтъ, я только-что изъ дому; если-бы я могъ знать, гдѣ мнѣ его встрѣтить. Ахъ, я и позабылъ, что Клингенбрухъ заходилъ ко мнѣ и сказалъ, что ему нужно со мной поговорить... не у него-ли письмо... схожу-ка я лучше къ нему.

— Вы уже хотите идти?

— Поневолѣ, милая фрейленъ, сказалъ дружески Гансъ, — мнѣ-бы очень хотѣлось поговорить съ вами: мы такъ давно не видѣлись...

— Сознайтесь, что въ этомъ вы только одни виноваты, улыбнулась Катенька, но въ ту-же минуту на ея лицо набѣжало какое-то грустное выраженіе, — вы знаете, что въ нашемъ домѣ вамъ всегда рады.

Гансъ серьезно взглянулъ въ глаза прелестной дѣвушкѣ. Только теперь замѣтилъ онъ, какъ она блѣдна и похудѣла; она казалась совсѣмъ больной.

— Здоровы-ли вы? спросилъ онъ невольно.

— Я была больна, уклончиво отвѣчала Катенька, — но теперь чувствую себя вполнѣ хорошо. Вотъ и отецъ, быстро сказала она, повидимому довольна, что прервется разговоръ о ея здоровьѣ.— Это его звонокъ. Вы меня извините, я должна оставить васъ.

Она пошла отворить входную дверь. Гансъ послѣдовалъ за нею, такъ-какъ ему хотѣлось поскорѣе прочесть письмо Дюрбека.

— А, Гансъ Зольбергъ, весело сказалъ Шаллеръ. — Очень радъ видѣть васъ.

— Дорогой Шаллеръ, сказалъ Гансъ, пожимая ему руку.— Вы были такъ любезны сегодня утромъ, взялись доставить мнѣ предсмертное письмо моего друга. Позвольте получить его?

— Письмо? вскричалъ Шаллеръ.— Да развѣ вы его не получили? Раутенъ взялъ его у меня, чтобы отнести къ вамъ. Вы вѣрно очень рано ушли изъ дома и разошлись съ нимъ.

— Раутенъ! сказалъ Гансъ ошеломленный. — Я только-что заходилъ домой, но Раутена не видѣлъ.

— Былъ онъ у васъ?

— Мнѣ сказали, что былъ.

— Ну, а вы не знаете, что побудило Дюрбека на такой отчаянный поступокъ?

— Ничего не знаю. Бѣднаго его невѣста! Какъ-то перенесетъ она это ужасное извѣстiе! Когда она узнала о постигшемъ ее несчастii?

— Вчера вечеромъ, во время спектакля; на сценѣ съ ней сдѣлалось дурно, такъ-что принуждены были раньше опустить завѣсъ. Говорятъ, она опасно захворала. Въ ея квартирѣ опущены шторы и цѣлую ночь горѣлъ огонь.

— Письмо у Раутена, вы говорите, такъ я поспѣшу домой, но по дорогѣ мнѣ надо зайти еще къ Клингенбруху. Итакъ, до свиданiя, г. Шаллеръ.

Въ эту минуту кто-то сильно дернулъ за звонокъ; Гансу показалось, что Катенька вздрогнула и поблѣднѣла.

— До свиданія, любезный Зольбергъ, сказала Шаллеръ, на лицѣ котораго также выразилось нѣкоторое безпокойство, — пожалуйста заходите къ намъ почаще, да не на минуту, а посидѣть подольше.

Снова сильно дернули звонокъ. Посѣтитель вѣрно былъ изъ нетерпѣливыхъ. Служанка поспѣшно отперла дверь.

— Дома? спросилъ грубый голосъ.

— Не знаю, отвѣчала служанка испуганно.

— Такъ вы не знаете? заворчалъ голосъ. — А вотъ и самъ хозяинъ. Добраго утра, г. Шаллеръ! Послушайте, я сегодня прихожу въ послѣдній разъ, и если я...

Гансъ понялъ, что здѣсь что-то не ладно, и поспѣшилъ уйти какъ можно скорѣе. Но что можетъ требовать отъ Шаллера этотъ грубый человекъ? подумалъ Гансъ. Вѣроятно долгъ, который Шаллеръ не хочетъ или не можетъ заплатить, но развѣ дѣла Шаллера такъ плохи, что онъ по необходимости долженъ выносить подобное обращеніе? Правда, Гансъ и самъ не получилъ тысячи талеровъ, которые былъ долженъ ему Шаллеръ, хотя срокъ уже давно прошелъ. Правда, Шаллеръ даже и не напомнилъ ни разу о должныхъ деньгахъ. „Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно дѣла его плохи“, рѣшилъ Гансъ и покачалъ головою. Перейдя быстро улицу, онъ подошелъ къ дому Землейна, и здѣсь снова натолкнулся на происшествіе, котораго сталъ невольнымъ свидѣтелемъ, потому что не желалъ уйти, не повидавшись съ Клигенбрухомъ. Гансъ не видѣлъ никого и его не видѣли, но за то онъ слышалъ, что говорили и могъ по голосу различить, кто именно говорилъ.

Споръ касался вопроса о квартирѣ; дѣло шло объ отказѣ кому-то отъ квартиры, на что хозяинъ дома, Землейнъ, не соглашался; Гансъ хотѣлъ уже подняться на верхъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ Флоры и свое собственное имя: онъ не рѣшился показаться, чтобы не сконфузить молодую дѣвушку.

— Но я вамъ объясняю, г. придворный аптекаръ, воскликнула Флора, — что эта женщина должна выѣхать, или, въ противномъ случаѣ, мы сами выѣдемъ изъ вашего дома! Она поступила съ нами безсовѣтно; она не хочетъ болѣе на насъ работать... Теперь спрошу я васъ, чѣмъ-же станетъ она жить, если не будетъ работать... Не думаете-ли вы, что она достанетъ сред-

ства къ жизни своими добродѣтелями... Знаемъ мы, что она за птица! Я слышала своими собственными ушами и видѣла своими глазами, что къ ней ходятъ въ гости мужчины; я сама видѣла г. Зольберга, какъ онъ уходилъ отъ нея; не о добродѣтеляхъ же онъ съ ней бесѣдовалъ.

— Сударьни, началъ быстро Землейнъ, нѣсколько разъ уже тщетно пробовавшій отвѣчать своимъ собесѣдницамъ. Но онѣ снова не дали ему высказаться; на этотъ разъ его перебила сама подполковница.

— Подождите, г. аптекаръ, сказала она съ достоинствомъ, — вы не правы, вамъ не слѣдуетъ подобныхъ женщинъ держать въ своемъ домѣ. Вы на свой домъ кладете этимъ пятно, и я не могу допустить, чтобы мои дочери оставались подъ одной кровлей съ такою женщиной.

— По моему, я ничего не имѣю противъ этого, сказалъ наконецъ аптекаръ, у котораго накопилась желчь, — я долженъ сказать вамъ, сударьни, что, по моему, мнѣ все равно, выйдете ли вы или останетесь, потому-что на ваше мѣсто тотчасъ-же вѣдутъ новыя жильцы; но если вы хотите чернить молодую честную дѣвушку, котораю, по моему мнѣнью, гораздо честнѣе, чѣмъ... многіе другіе, то это можетъ взбѣсить всякаго порядочнаго человѣка. Если ее посѣтилъ Зольбергъ, то развѣ это можно считать безчестіемъ для нея; притомъ-же она воспитывалась въ домѣ Зольберговъ. Еще считаю нужнымъ замѣтить вамъ, что мнѣ ни разу не приходилось выгонять изъ саду приходившихъ къ ней офицеровъ или встрѣтить ее на дворѣ въ темную ночь!

— Г. прицворный аптекаръ, воскликнула Флора, сердито, — вы кажется начинаете забываться.

— Кто—я? сказалъ Землейнъ совершенно спокойно. — Да, можетъ быть, если-бы на мнѣ былъ надѣтъ бархатный сюртучокъ, и если-бы я прокрадывался по лѣстницѣ то вверхъ, то внизъ, такъ осторожно, какъ будто-бы, по моему, ступени были усѣяны гремучими шариками и я-бы боялся наступить на нихъ.

— Ну, а вы видѣли что-нибудь подобное здѣсь въ домѣ? спросила подполковница, бросая на своихъ дочерей полный любви, но изумленный взглядъ.

— Ну, по моему, видѣлъ-ли я это наяву или во снѣ, для

васъ все равно; но я вамъ говорю только, что отъ комнаты на чердакѣ, которую вы сами отдали въ наемъ фрейленъ Петерсъ, вы можете, если хотите, ей отказать, такъ-какъ эта комната принадлежитъ къ вашей квартирѣ и вы платите мнѣ за нее деньги, но я отдамъ ей маленькую, квартиру, изъ которой перваго числа выѣхалъ сапожникъ и которую я велѣлъ заново отдѣлать; фрейленъ Петерсъ будетъ платить, по моему, не больше того, сколько платила за комнатку на чердакѣ, а если кому-нибудь это не понравится, ну тотъ можетъ, пожалуй, придти ко мнѣ и объясниться.

И съ этими словами Землейнъ повернулся и сталъ медленно спускаться по лѣстницѣ.

На этомъ разговоръ оборвался, такъ-какъ сама г-жа Клингенбрухъ не обладала слишкомъ сильной способностью мышленія, а дочери ея, Генриетта и Флора, были настолько озадачены словами аптекаря, что даже и не подумали отвѣчать „безстыжему“ домохозяину.

— Съ такимъ необразованнымъ человѣкомъ невозможно говорить, воскликнула Генриетта, лишь только Землейнъ отошелъ на такое разстояніе, что не могъ уже слышать и послѣшила вмѣстѣ съ сестрой въ свою комнату.

— Встѣ тебѣ разъ, г. Зольбергъ! сказалъ аптекарь, отгибая послѣднюю площадку лѣстницы и встрѣчая молодого человѣка, который поднимался на первыя ступени, дѣлая видъ, что онъ только-что пришелъ.—Вѣроятно вы къ подполковнику?

— Совершенно вѣрно, любезнѣйшій г. Землейнъ.—Какъ поживаете?

— О, благодарю васъ, пожалуй, по моему, сносно, но хотите выслушать мой добрый совѣтъ?

— Я никогда не откажусь выслушать добрый совѣтъ, но къ сожалѣнію ихъ даютъ очень рѣдко.

— Ну, ладно, вы идете къ Клингенбрухамъ, то постарайтесь не говорить съ дамами, такъ-какъ я ихъ немножко отдѣлалъ.

— Отдѣляли, г. Землейнъ?

— Полагаю, что немножко отдѣлалъ; вышла у насъ маленькая размолвка,—да. Но знаете, что я вамъ скажу, прибавилъ онъ, понижая голосъ,—по моему мнѣнію, чортъ-бы побралъ всѣхъ женщинъ,—за исключеніемъ, конечно, моей жены—столько за ними есть тайныхъ грѣшковъ.

— У всѣхъ, милѣйшій Землейнъ?

— Я думаю, что у всѣхъ, подтвердилъ маленькій человѣчекъ, не затрудняясь отвѣтомъ, — но я васъ не хочу задерживать. Чортъ возьми, сегодня я сильно погорячился и, по моему, долженъ теперь выпить рюмочку желудочной; не хотите-ли и вы?

— Нѣтъ, отъ души благодаренъ, засмѣялся Гансъ, — я утромъ неохотно пью водку, котя вечеромъ постоянно выпиваю стаканъ грога.

— Ну, такъ прощайте, сказала Землейнъ.

Гансъ, между тѣмъ, позвонилъ у дверей Клингенбруховъ. Ему отворила Ганна.

— Подполковникъ дома?

— Конечно-съ, онъ въ своей комнатѣ, — онъ предупредилъ меня, что вы придете; пожалуйста прямо въ кабинетъ.

— А, любезный Зольбергъ, душевно радъ васъ видѣть! говорилъ Клингенбрухъ, пожимая руку Гансу. — Пожалуйста войдите, вы вѣрно уже слышали объ ужасномъ несчастіи?

— Все, любезный Клингенбрухъ, сказалъ Гансъ, пожимая ему руку. — Я былъ уже тамъ.

— Получили вы письмо?

— Шаллеръ передалъ его Раутену, а я еще не видѣлъ графа.

— Раутену? вскричалъ подполковникъ быстро. — Но зачѣмъ же онъ ему передалъ, когда общалъ самъ тотчасъ-же отнести письмо прямо къ вамъ?

— Не знаю, что побудило его передать Раутену, вѣрно встрѣтились на улицѣ. Бѣдный Дюрбекъ! что заставило его такъ печально кончить жизнь.

— Да, да, сказалъ разсѣянно Клингенбрухъ, видимо неслухавшій словъ Ганса, такъ-какъ въ эту минуту онъ о чемъ-то глубоко размышлялъ. — Ну, а вы не имѣете никакого подозрѣнія? сказалъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Никакого.

— Сообразите теперь хорошенько всѣ слухи объ этомъ происшествіи, продолжалъ Клингенбрухъ; — въ городѣ всѣ говорятъ, что главнѣйшей причиной его самоубійства были отношенія его къ г-жѣ Блендгеймъ, — это, конечно, нелѣпая сплетня, — мы оба знаемъ это хорошо, знаемъ, насколько всей душой онъ жаждалъ брака своего съ нею. Кромѣ того, у Дюрбека было достаточное

состояніе, которое позволяло ему оставить службу, если-бы это было необходимо; я знаю, что онъ и думалъ такъ сдѣлать. Онъ пользовался всегда отличнымъ здоровьемъ... Скажите-же теперь, какая причина могла заставить его такъ печально разстаться съ жизнію. Я много раздумывалъ объ этомъ, и убѣдился, что нравственное его состояніе не могло довести его до самоубійства. Если-же мы не допускаемъ этой причины, то должны допустить, что на его рѣшеніе повліяло давленіе какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ.

— Положимъ такъ, но откуда шло это вліяніе? И къ тому-же, для кого могла быть выгодна его смерть, лучше сказать, кто могъ желать его смерти?

Маленькій подполковникъ сдѣлалъ очень серьезное лицо, стремительно всталъ, подошелъ къ двери, чтобы посмотрѣть, не подслушивалъ-ли кто и сказалъ почти шепотомъ:

— Я полагаю, что капитанъ Дюрбекъ застрѣлился, какъ побѣжденный въ американской дуэли.

— Вы думаете? также тихо проговорилъ Гансъ.— Ну, а кто, по вашему, былъ его противникомъ въ этой дуэли?

— Графъ Раутенъ, продолжая говорить шепотомъ, но рѣшительно и увѣренно отвѣчалъ Клингенбрухъ. Гансъ вскопчилъ съ едва подавленнымъ крикомъ ужаса.

— Какія основанія имѣете вы къ этому подозрѣнію?

— Это я сейчасъ объясню вамъ, отвѣчалъ подполковникъ, и рассказалъ о встрѣчѣ Дюрбека съ графомъ въ кофейной третьяго дня вечеромъ; рассказалъ, что на слѣдующее утро онъ ихъ обоихъ встрѣтилъ въ кафе за бутылкой шампанскаго, которую они розыграли, причемъ Раутенъ былъ черезчуръ веселъ, платя за бутылку, Дюрбекъ-же разстроенъ, блѣденъ, молчаливъ, стаканъ съ виномъ стоялъ передъ нимъ почти нетронутый. Ссылаясь на дѣла, онъ вскорѣ ушелъ; на прощаньи Раутенъ закричалъ ему: „И такъ все устроится именно такъ, какъ мы условились“!

Гансъ, вперивъ неподвижный взглядъ въ маленькаго человѣчка, стоялъ передъ нимъ и внимательно слушалъ его, какъ-бы боясь проронить хотя одно слово.

— Проигралъ! прошепталъ онъ наконецъ чуть слышно.— Вы вѣдь такъ сказали, Клингенбрухъ? Проигралъ—въ карты навѣрно?

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ подполковникъ—на костяхъ, по крайней мѣрѣ, трактирная дѣвушка говорила мнѣ, что они играли не въ карты, а въ кости.

Гансъ медленно наклонилъ свою курчавую голову, его глаза готовы были высочить изъ орбитъ—горестъ душила его; наконецъ, бросясь на жесткій диванъ и закрывъ лицо руками, онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Зольбергъ, вскричалъ подполковникъ, потрясенный и даже испуганный такимъ сильнымъ проявленіемъ скорби,—что съ вами, скажите Бога ради? Успокойтесь-же немного.

Гансъ не слушалъ его, но нервный припадокъ скоро прошелъ, онъ всталъ и, отирая глаза, сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Простите меня, Клингенбрухъ, но бываютъ минуты въ жизни, когда мы не можемъ владѣть нашими чувствами, и они проявляются наружу помимо нашей воли.

— Мой дорогой Зольбергъ...

— Оставимъ это, припадокъ мой прошелъ и, надѣюсь, больше не повторится. Я не стыжусь слезъ, которыя я пролилъ по моему другѣ—онъ ихъ вполне заслужилъ. Но теперь не время предаваться малодушнымъ сѣтованіямъ, такъ-какъ ваши слова возбудили во мнѣ ужасное подозрѣніе, и, если оно оправдается, то мы откроемъ почти невѣроятное преступленіе.

— Не знаю, о чемъ вы говорите, но долженъ сказать вамъ, что американскія дуэли бываютъ у насъ не рѣдко,—я самъ знаю два примѣра—и онѣ не считаются безчестіемъ обыкновенной дуэли.

— Не объ этомъ рѣчь, сказалъ Гансъ;—но дайте мнѣ дѣйствовать, потомъ все откроется. Я долженъ хорошенько обдумать, какъ начать...

— Но это еще не все, любезный Зольбергъ, сказалъ подполковникъ, когда Гансъ собрался уже уходить.—Дѣло, о которомъ я хотѣлъ передать вамъ сегодня утромъ, для васъ еще важнѣе.

— Важнѣе? сказалъ Гансъ, качая головою.

— Несомнѣнно, такъ-какъ оно очень близко касается будущаго счастья или несчастья вашей сестры.

— Га! вскричалъ Гансъ громко,—Раутенъ...

— Слушайте, сказалъ маленькій человекъ, опуская руку въ карманъ и вынимая оттуда письмо.—По просьбѣ покойнаго на-

шего друга Дюрбека, который, кажется, съ перваго знакомства почувствовалъ недовѣріе къ графу, я писалъ одному изъ моихъ друзей въ Галиціи, прося его хорошенько разузнать—о жизни и имуществѣ графа. Сегодня, возвращаясь изъ квартиры дорогого покойника, я засталъ это письмо... Прочтите его.

Гансъ почти машинально взялъ письмо и сталъ читать его.

„Мой дорогой Клингенбрухъ! писалъ пріятель подполковника. — Ты мнѣ доставилъ столько хлопотъ, что не будь это для тебя, я ни за что не взялся-бы за подобное порученіе. Я въ два года не исписалъ столько бумаги, сколько пришлось мнѣ исписать въ это время. Твое порученіе я исполнилъ точно и вотъ тебѣ результаты: графа Леопольда Раутена въ нашихъ мѣстахъ не существуетъ вовсе. Былъ одинъ, старшій сынъ настоящаго владѣльца имѣнія, но онъ два года тому назадъ умеръ отъ чахотки на рукахъ отца. У графа Раутена здѣсь два имѣнія: одно очень большое, а другое маленькое, въ которомъ дѣйствительно распоряжается управляющій, но этотъ управляющій теперь здоровъ и давно не былъ боленъ. Есть еще одинъ Раутенъ изъ этой-же фамиліи: отставной полковникъ, старый холостякъ; онъ бѣднякъ, всѣ его доходы заключаются въ пенсіи за службу, и живетъ онъ гдѣ-то на сѣверѣ. Если у васъ какой-нибудь молодецъ выдаетъ себя за графа Раутена, то навѣрное это мошенникъ, поэтому будьте осторожны.

„Мы всѣ здоровы—всѣ тебѣ кланяются...“

Гансъ пропустилъ слѣдующія строки и отыскалъ подпись. Письмо было подписано именемъ Курта фон-Дахау, полковника.

— Откуда это письмо? почти беззвучно спросилъ Гансъ.

— Изъ того мѣстечка, отвѣчалъ Клингенбрухъ,—которое, по словамъ графа Раутена, есть ближайшій почтовый пунктъ къ его имѣнію.

— Но развѣ раньше туда не писали?

— Писали, но кажется черезъ Шаллера.

— Черезъ Шаллера, повторилъ Гансъ, но такъ, какъ будто-бы онъ говорилъ во снѣ,—но это почти невѣроятно... возможно ли допустить подобныя небылицы: право можно сойти съ ума...

— Что же вы думаете дѣлать? спросилъ его подполковникъ.

— Клингенбрухъ, сказалъ Гансъ, прикладывая руку ко лбу,—если вы меня теперь спросите, что въ настоящій моментъ дѣла-

еть хивинскій ханъ, я, конечно, отвѣчу: не знаю; то-же я вамъ отвѣчу и на вашъ вопросъ. Мнѣ необходимо сперва собрать мои мысли, я долженъ поспѣшить домой и убѣдиться въ одномъ подозрѣннн, затѣмъ я переговорю съ отцомъ, или сестрой или, можетъ быть, сперва посоветуюсь съ нотаріусомъ Пистеромъ! Голова моя кружится, я не въ состоянн думать—мнѣ кажется, точно всѣ нервы моеи головы завязаны въ одинъ общій узелъ и затиснуты въ какой-нибудь тѣсный ящикъ.

— Самое лучшее, сказалъ подполковникъ,—если-бы вы сейчасъ-же переговорили съ вашимъ отцомъ; тогда можетъ быть, дѣло само собою, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ подошло-бы къ развязкѣ.

— Нѣтъ, это не годится, графъ узнаетъ обо всемъ и приметъ свои предосторожности. По моему мнѣнн, прежде нужно посоветоваться съ Пистеромъ. Не удерживайте меня, любезнѣйшнй Клингенбрухъ, мнѣ надо поскорѣе на воздухъ, чтобы освободиться отъ тяжести, которая меня давитъ.

— Будьте любезны, не оставьте меня въ неизвѣстности относительно рѣшенн, какое вы примете.

— Конечно, конечно—я слишкомъ много вамъ обязанъ, и не приму никакого рѣшенн, не предваривъ васъ.

— Только ради Бога не затѣвайте новой дуэли! — сказалъ маленькнй человекъ,—довольно уже пролито крови.

— На этотъ счетъ будьте спокойны, — отвѣтилъ улыбаясь Гансъ. — Одно изъ двухъ: или Раутенъ невиненъ, тогда дѣло кончится ничѣмъ; или онъ такой отъявленный негодяй, что мнѣ даже и въ голову не придетъ съ нимъ стрѣляться.

Онъ пожалъ руку подполковнику и быстро пошелъ къ себѣ домой.

— Что у насъ еще графъ Раутенъ? спросилъ онъ, обращаясь къ отцу, едва взошелъ въ комнату, гдѣ, кромѣ стараго барона, была его жена, но Франциски не было.

— Нѣтъ, Гансъ, отвѣчалъ старикъ,—но ты выглядишь такнмъ разстроеннымъ... что съ тобой? Не случилось-ли какой бѣды?

— Я только-что былъ въ квартирѣ покойнаго Дюрбека, отецъ, отвѣчалъ Гансъ;—мой другъ оставилъ мнѣ письмо, которое Раутенъ взялся передать мнѣ. Не оставлялъ онъ вамъ письмо?

— Онъ ничего не говорилъ о письмѣ, и былъ также нѣсколько взволнованъ, сказалъ баронъ;—онъ также былъ въ квартирѣ покойнаго. Тамъ было очень много народу, и когда онъ пробирался сквозь толпу, у него украли его бумажникъ.

— Его бумажникъ... странно!

— Онъ пошелъ въ полицію, чтобы заявить о пропажѣ.

— Странно, сказалъ холодно Гансъ;—навѣрное въ бумажникѣ было и мое письмо? Едва-ли ему возвратятъ его бумажникъ.

— Я ему сказалъ то-же самое, но онъ все-таки рассчитываетъ на дѣятельность полиціи; въ бумажникѣ было очень мало денегъ, и не о нихъ хлопочетъ Раутенъ, но въ бумажникѣ было много нужныхъ бумагъ.

— Конечно, неприятно лишиться ихъ, отвѣчала Гансъ, и странная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Да что съ тобой, Гансъ? спросила въ свою очередь мать, до сихъ поръ молча за нимъ наблюдавшая.—Ты сегодня такой странный—я тебя такимъ еще никогда не видала.

— На меня очень сильно подѣйствовала смерть Дюрбека, милая матушка, сказалъ спокойно Гансъ. — Но гдѣ же Франциска?

— Гдѣ Франциска, отвѣчала мать. — Конечно, возится съ портнихами. Бѣдному ребенку еще слишкомъ много дѣла, а время такъ быстро летитъ: сегодня же все должно быть готово, такъ-какъ Раутенъ настаиваетъ, чтобы обрученіе было завтра.

— Предоставь мнѣ все устроить, мама, сказалъ Гансъ, — я опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ, и къ тому же я теперь свободенъ.

— А я думалъ, что у тебя такъ много „дѣлъ“, сказалъ отецъ.

— Большая часть изъ нихъ уже окончена, батюшка; правда, сегодня мнѣ надо еще сходить не надолго въ одно мѣсто.

— Ты говорилъ, кажется, что былъ у Дюрбека.

— Да, отецъ.

— Гм, неприятный случай.

— Неприятный только, батюшка?

— Ну, прискорбный, если хочешь. Куда же ты идешь теперь?

— Пока только въ свою комнату; черезъ нѣсколько минутъ я возвращусь.

Гансъ вошелъ въ свою комнату; онъ остался посерединѣ

ея и приложилъ руку ко лбу. Чего именно онъ добивался? Голова его кружилась и онъ съ трудомъ могъ собрать свои мысли. Нечаянно взглядъ его упалъ на письменный столъ, на который онъ бросилъ игральную кость и теперь забылъ о ней, хотя прощаясь съ Клингенбрухомъ, онъ думалъ только о ней; она лежала на томъ-же мѣстѣ, куда бросилъ ее Гансъ. Онъ подошелъ къ столу, взялъ въ руки кость и сталъ бросать ее. Сколько разъ ни бросалъ онъ ее, всегда выпадало шесть очковъ. Гансъ свѣсилъ ее въ рукѣ, она была довольно тяжела; не долго думая, онъ вынулъ изъ ящика въ столѣ свой широкой, толстый американскій охотничій ножъ, и разломилъ кость на части. Холодный паръ выступилъ на его лбу; онъ увидѣлъ, что внутри та сторона, на которой снаружи находилась единица, была залита свинцомъ. Благодаря такому устройству кости, она всегда падала тяжелой стороной, и показывала шесть очковъ.

Гансъ держалъ въ рукахъ сломанную кость и не могъ оторвать отъ нея своего взгляда... И этотъ демонъ втерся въ ихъ семью; онъ хочетъ надуть его родную сестру, забрать ея деньги и потомъ, конечно, бросить: если правда, что у него нѣтъ ни замка, ни имѣнія, онъ никогда не отважится признаться ей въ своемъ обманѣ. Если онъ рѣшился такъ подло убить Дюрбека, то на что же онъ не рѣшится! И этотъ мерзавецъ чуть не сдѣлался его зятемъ! Гансъ громко засмѣялся, когда ему пришла въ голову эта мысль. А его бѣдные родители! Франциска, бѣдная дѣвушка, которая хлопочетъ до упаду, чтобы окончить всѣ приготовления и отдаться всецѣло своему счастью! Счастью? Да дѣйствительно, счастьежъ былъ его возвратъ въ Германію, онъ имѣетъ теперь возможность отвратить отъ своей семьи безысходное, можетъ быть, горе.

Но какъ уличить преступника въ его преступленіяхъ? Хотя Гансъ внутренно вѣрилъ теперь виновности Раутена, но откуда добыть въ короткое время ясныя доказательства, откуда взять ясныя улики. Не помогутъ-ли въ этомъ дѣлѣ старый Пистеръ, подумалъ Гансъ, по крайней мѣрѣ онъ дастъ практической совѣтъ. Гансъ рѣшилъ не откладывая тотчасъ-же посѣтить нотариуса.

Онъ сунулъ въ карманъ расколотую кость, вышелъ изъ своей комнаты и въ передней встрѣтился съ Франциской, которая казалась очень озабоченной.

— Ахъ Гансъ, сказала она,—сегодня для меня очень тяжелый день, признаюсь тебѣ, я право не знаю, гдѣ теперь моя голова.

— Я также не знаю, гдѣ моя голова, милая Франциска, — вздохнулъ Гансъ, смотря на нее, сіяющую радостію отъ избытка счастья, и думая, что у него въ рукахъ находится орудіе, которое можетъ разрушить и уничтожить все ея счастье однимъ ударомъ.

Бѣдная Франциска и въ то-же время счастливая Франциска, потому-что вѣрное сердце охраняло теперь тебя, потому-что вѣрный другъ отклонялъ предназначенную для твоей груди отравленную стрѣлу.

— Что съ тобой Гансъ? Ты сегодня смотришь такъ мрачно и озабоченно.

— Я только-что былъ у покойнаго Дюрбека, Франциска.

— Ахъ да, сказала молодая дѣвушка, вспомнивъ: ея голова сегодня была переполнена такимъ множествомъ разныхъ заботъ.— Бѣдняжка Блендгеймъ! Какъ я жалю ея, вѣдь сегодня назначена была ея свадьба, мнѣ говорила объ этомъ моя горничная!.. Право это ужасно, и если я подумаю, что я...

И она со страхомъ закрыла свое лицо руками, какъ-бы желая отогнать ужасные образы, возстававшіе передъ нею.

— Договаривай, Франциска! — сказалъ вполголоса Гансъ, пытаясь отнять ея руки отъ лица.

— О нѣтъ, нѣтъ, не говори больше объ этомъ, просила она.— Я чувствую, что со мной дѣлаются судороги при одной только мысли объ этомъ...

— Подумай только, что должна вытерпѣть въ эти дни бѣдная Констанція! Ты конечно очень рада дню своей свадьбы?

— Я радуюсь этому Гансъ, да, отъ души радуюсь, сказала сестра, снова недумавшая ни о чемъ другомъ, кромѣ предстоящаго счастья,—но я также и боюсь этого дня, вѣроятно потому, что я должна буду разстаться съ вами.

— Знаешь-ли, Френцхенъ, что въ сущности ничему нельзя радоваться.

— Почему-же это, Гансъ?

— Потому, что мы не можемъ знать, что будетъ съ нами

«Дѣло», № 11.

даже через часъ, между-тѣмъ наши планы захватываютъ недѣли, мѣсяцы, цѣлыя годы.

— Но развѣ преждевременная радость не дѣлаетъ счастья болѣе продолжительнымъ?

— Да, если наши надежды сбываются, если-же нѣтъ, тогда разочарованіе становится еще тяжелѣе.

— Ахъ, Гансъ, ты злой человѣкъ, ты хочешь меня запугать и потомъ станешь смѣяться надо мною.

— Мнѣ теперь не до смѣха, Френцхенъ, сказалъ серьезно Гансъ, задумчиво взглянувъ на нее. Имѣлъ-ли онъ право скрывать отъ сестры тѣ открытія, которыя его мучили? Но нѣтъ! Ради ея самой онъ долженъ еще пока молчать. Еще слишкомъ мало было доказательствъ, чтобы убѣдить даже судъ, не только невѣсту обвиняемаго. Раутенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ловкій малый, и если слишкомъ поторопиться, то онъ будетъ имѣть время скрыться отъ суда и избѣжать угрожающей ему опасности. А этого не должно допускать. Сперва нужно обо всемъ переговорить съ нотариусомъ и потомъ, послѣ обѣда, можно будетъ сказать все отцу.

— Если я тебѣ совѣтовалъ, милая Франциска, сказалъ онъ ласково, проводя рукою по ея лбу, — не радоваться ничему ранѣе, то точно также я не хочу, чтобы ты теперь опечалилась. Вѣрь, что преданныя тебѣ сердца бодрствуютъ надъ тобою и ты всегда можешь смѣло глядѣть въ лицо своему будущему.

— Но что съ тобою, Гансъ? сказала съ испугомъ Франциска. — Раутенъ тоже показался мнѣ сегодня утромъ какимъ-то страннымъ, разсѣяннымъ, вовсе не такимъ, какъ я всегда воображала себѣ жениха наканунѣ обрученія. Вы, право, оба испортите мнѣ мой прекрасный день.

— Я тоже сегодня въ мрачномъ настроеніи духа, Френцхенъ, сказалъ Гансъ, — но ты его можешь приписать несчастному случаю съ Дюрбекомъ. Можетъ быть, завтра утромъ сгладятся мрачныя впечатлѣнія сегодняшняго дня.

— Я впередъ объявляю тебѣ, воскликнула Франциска, — что если который-нибудь изъ васъ завтра будетъ имѣть злую или недовольную физиономію, того я тотчасъ-же выпровожу вонъ съ моего двора — примите это къ свѣденію. Но теперь мнѣ, право, пора; я думаю, что больше четверти часа я проболтала здѣсь

съ тобою, Гансъ; и такъ, если ты вернешься къ обѣду, то будь по-прежнему въ веселомъ расположеніи духа.

И съ этими словами она порхнула въ свою комнату.

ГЛАВА XXVIII.

Занятія нотариуса.

Нотариусъ Пистеръ стоялъ въ угловомъ окнѣ и смотрѣлъ на улицу. Муксъ работалъ у своей копторки, отвѣчая на присланныя неособенно-важныя по своему содержанію письма. Но вотъ нотариусъ обернулся и, поглядѣвъ на него молча нѣсколько мгновений, сказалъ ему: — Муксъ!

— Что угодно, г. нотариусъ?

— Недавно я началъ съ тобой разговоръ объ одномъ предметѣ, но насъ прервали на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— О чемъ-же это, г. нотариусъ? Я что-то не помню.

— Попросту, о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находишься ты съ семьей Зольберговъ? Ну вотъ ты опять весь покраснѣлъ; тутъ что-нибудь да кроется, а ты знаешь, я не терплю никакихъ тайнъ въ моемъ домѣ. Я люблю дѣйствовать у себя на открытую. Что я о тебѣ хорошаго мнѣнія, Муксъ, а тебѣ это уже доказалъ не разъ втеченіи многихъ лѣтъ. Ты одинокъ въ мірѣ, и пока я живъ и ты захочешь оставаться у меня, ты никогда не будешь ни въ чемъ нуждаться; ну, а если я умру, у меня найдется что-нибудь, чтобы обезпечить тебя въ будущемъ, ты вѣдь хорошо знаешь, что я также одинокъ въ мірѣ, какъ и ты. Итакъ, поговоримъ откровенно. Я долженъ тебѣ сказать, что я давно кое-что подозрѣваю, такъ-какъ твоя мать въ послѣдніе дни своей жизни проговаривалась раза два, но не совѣмъ ясно, а тамъ умерла и я не успѣлъ распросить ее какъ слѣдуетъ.

— Г. нотариусъ, тихо сказалъ Муксъ, — если вы видите здѣсь тайну, то пусть она и будетъ тайной, такъ-какъ она касается только одного меня, и если-бы я сталъ ее рассказывать, то моя болтовня, не принеся никому пользы, скорѣе могла-бы повредить кое-кому, и потому я считаю за лучшее молчать объ этомъ. Вѣрьте мнѣ только, что въ этой тайнѣ нѣтъ ничего, что-

бы меня безчестило. Я не знаю за собой никакой вины и смѣло могу глядѣть въ глаза каждому.

— Въ этомъ я убѣжденъ, Муксъ, сказала Пистеръ гораздо ласковѣе, чѣмъ онъ съ нимъ обыкновенно говорилъ. — Но и я спрашиваю тебя не изъ пустого любопытства: есть важныя причины, которыя заставляютъ меня беспокоить тебя этими разспросами.

— Важныя причины, г. нотариусъ?

— Да; видишь-ли, такъ-какъ я занимаюсь теперь дѣлами обоихъ Зольберговъ, отца и сына, — я теперь агентъ молодого барона по нѣкоторымъ промышленнымъ предпріятіямъ — и долженъ видѣть и понимать совершенно ясно все, что до нихъ касается. Если ты будешь молчать, я принужденъ буду поговорить со старикомъ Зольбергомъ.

— Г. нотариусъ, воскликнулъ въ испугъ Муксъ, — ну, что вамъ будетъ за польза, если я вамъ расскажу все. Было-бы гораздо лучше, прибавилъ онъ кротко, — если-бы я самъ никогда не зналъ ничего; открытіе этой тайны принесло мнѣ только горе и сердечныя боли, но никогда не приносило никакого утѣшенія.

— Отъ кого узналъ ты эту тайну?

— Отъ моей матери, у ея смертнаго одра, сказала Муксъ и спряталъ свое лицо въ своихъ маленькыхъ нѣжныхъ рукахъ.

Пистеръ подошелъ къ нему и его взоръ сочувственно остановился на маленькомъ, сторбленномъ созданіи; наконецъ, онъ тихо спросилъ его:

— Назвала она тебѣ твоего отца, Муксъ?

Муксъ не отвѣчалъ, но сильная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу и Пистеръ видѣлъ, какого усилія стоило ему заглушить рыданія. Онъ далъ ему нѣсколько успокоиться, и наконецъ, когда, по его мнѣнію, Муксъ уже достаточно пришелъ въ себя, онъ снова ласково повторилъ вопросъ:

— Назвала она тебѣ твоего отца, Муксъ?

Молодой человекъ не отвѣчалъ, но только быстро и сильно кивнулъ головою. Но теперь онъ уже не былъ въ состояніи удерживать свои рыданія. Пистеръ между тѣмъ медленными шагами ходилъ молча по своей конторѣ до тѣхъ поръ, пока Муксъ не пересталъ рыдать. Тогда нотариусъ снова обратился къ нему:

— Расскажи мнѣ все, Муксъ; не смотри на меня въ настоя-

щую минуту, не какъ на человѣка, который тебѣ даетъ жалованье, но какъ на самаго близкаго тебѣ друга, имѣющаго въ виду твое благополучіе. Развѣ тебѣ не было-бы пріятно имѣть около себя человѣка, которому-бы ты могъ съ полнѣйшей откровенностью довѣрить свою тайну?

— Да, сказала Муксъ, помолчавъ немного, причемъ онъ подиалъ испуганный взглядъ на нотаріуса, — вы должны все узнать, я думаю, такъ будетъ лучше, я облегчу по крайней мѣрѣ тяжесть, лежащую на моей груди... я увѣренъ въ вашей скромности, г. нотаріусъ.

— Въ этомъ ты можешь быть вполне увѣренъ, Муксъ; я догадываюсь, старый баронъ Зольбергъ — твой отецъ?

— Да, сказалъ тихо Муксъ. — Моя мать знала его подъ другимъ именемъ и онъ хотѣлъ жениться на ней.

— Онъ въ то время былъ уже женатъ.

— Да, но моя бѣдная мать не знала этого; впоследствии она узнала все. Вскорѣ, послѣ моего появленія на свѣтъ, моя мать тяжело захворала, цѣлые мѣсяцы была въ бреду, и такъ-какъ мы были очень бѣдны, меня отдали къ одной изъ тѣхъ ужасныхъ женщинъ, которыя, подъ видомъ выкормленія грудныхъ дѣтей, убиваютъ ихъ или дѣлаютъ несчастными на всю жизнь; конечно, можетъ быть, и не съ намѣреніемъ, но все-таки главная причина гибели малютокъ кроется въ жадности къ деньгамъ и небрежности, которыми отличаются эти воспитательницы. Моя мать не могла заботиться обо мнѣ, такъ-какъ сама находилась въ полупомѣшанномъ состояніи, и я былъ заброшеннымъ, забытымъ ребенкомъ. Этому-же обстоятельству обязанъ я и своимъ горбомъ; говорятъ, что я былъ совершенно здоровый и хорошо сложенный ребенокъ — но уронили-ли меня или случилось что-нибудь другое, я не знаю.

— Ну, а развѣ баронъ не заботился о твоей матери?

— Она была слишкомъ горда, чтобы у него просить; можетъ быть, онъ даже и не зналъ объ ея ужасной бѣдности до тѣхъ поръ, пока нашъ пасторъ не принялъ въ ней участія и не довелъ о ея нищетѣ до свѣденія барона. Получивъ это увѣдомленіе, баронъ тотчасъ-же отвѣтилъ, что онъ исполнитъ все, къ чему обязываетъ его законъ, т. е. онъ станетъ заботиться обо мнѣ до 14 лѣтъ, хотя, прибавилъ онъ, морально онъ не чув-

ствуетъ себя къ тому обязаннымъ. Это письмо едва не убило мою мать, но я долженъ сознаться, что баронъ сдержалъ свое слово, тихо закончилъ Муксъ.

— И твоя мать никогда его больше не видала?

— Никогда.

— Ну, а тебя онъ видѣлъ, знаетъ онъ тебя?

— Нѣтъ, сказалъ Муксъ, покачавъ головою, — нѣсколько дней тому назадъ, когда вы послали меня туда и я такъ боялся идти, мы въ первый разъ увидели одинъ другого. Когда я вошелъ въ его домъ и увидалъ этого человѣка, котораго я никогда не посмѣлъ-бы, да и не хотѣлъ-бы назвать отцомъ, мнѣ показалось, что мое сердце разрывается на части и я ни за что непереступлю во второй разъ порогъ этого дома.

Муксъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ во время этого разговора, но его ясные выразительные глаза блестя, все его сгорбленное, съезженное тѣло какъ-бы выпрямилось и онъ весь находился въ такомъ сильно возбужденномъ состояніи, въ какомъ его еще никогда не видывалъ нотаріусъ.

— Теперь я знаю все, Муксъ, сказалъ наконецъ Пистеръ, протягивая руку маленькому человѣчку, — благодарю тебя за довѣріе, оказанное мнѣ, и будь увѣренъ, что ты не станешь раскаиваться, что былъ со мною откровененъ, можетъ быть, еще все устроится къ лучшему.

— Я думаю, г. нотаріусъ, сказалъ мрачно Муксъ, — что едва ли что можетъ измѣниться въ моей судьбѣ; прекратите лучше разговоръ обо мнѣ. Объ одномъ только я буду просить васъ — не посылать меня больше къ Зольбергамъ...

— Ты не пойдешь туда больше, сказалъ ласково Пистеръ. — Я-бы не послалъ тебя туда и въ тотъ разъ, если-бы я зналъ все, что знаю теперь... Кажется, кто-то пришелъ?

На лѣстницѣ послышались шаги и затѣмъ одинъ изъ писцовъ отворилъ дверь и, просунувъ въ щель голову и подавая синій конвертъ, сказалъ: „телеграмма, г. нотаріусъ“.

Муксъ взялъ пакетъ и распечаталъ его.

— Изъ Гамбурга, г. нотаріусъ, сказалъ Муксъ, — телеграмма писана на англійскомъ языкѣ.

— Отъ американки? быстро спросилъ Пистеръ. — Что она пишетъ?

— Она будетъ здѣсь сегодня вечеромъ съ послѣднимъ поѣздомъ.

— Ну значить еще во-время, сказалъ Пистеръ.—Муксъ, увѣренъ-ли ты, что отыщешь ее, если она пріѣдетъ?

— Я полагаю, что отыщу.

— Ты ее проводишь въ „Римскій отель“; ей будетъ тамъ довольно удобно; возьмишь ты на себя эту комиссію?

— Съ удовольствіемъ, г. нотариусъ.

— Какъ ты думаешь, подозрѣваетъ что-нибудь графъ Раутенъ?

— О, на этотъ счетъ мы можемъ быть вполне спокойны: онъ, повидимому, вовсе не чувствуетъ близости какой-нибудь опасности для себя.

— Тѣмъ лучше. Ты позаботишься, Муксъ, чтобы все было исполнено точно; надо помнить, что этотъ баринъ жилъ здѣсь на широкую ногу и, вѣроятно, у него есть значительныя денежные средства. Надо сознаться, онъ продувная шельма, давно уже достойная висѣлицы и много-ли недоставало, чтобы и здѣсь ему удалась его продѣлка... Взойдите!

Дверь отворилась и на порогъ появилась фигура придворнаго аптекаря Землейна.

— Есть-ли у васъ, по моему, пять минутъ времени, г. нотариусъ? спросилъ онъ, стоя за дверью.

— Да взойдите-же, сосѣдъ. Для васъ найдется и болѣе пяти минутъ.

— Я не задержу васъ, сказалъ Землейнъ.—Вы помните, можетъ быть, объ искѣ изъ Берлина, о которомъ я вамъ говорилъ недѣль шесть тому назадъ.

— Объ искѣ? На кого?

— Ну, на нашего добраго сосѣда, на г. фон-Шаллера, котораго, по моему, долженъ моему зятю 181 талеръ.

— Ахъ да, помню! Совершенно справедливо—ну, и вы еще не удовлетворены?

— Ну, нѣтъ этого не было, да добровольно, кажется, нельзя получить, сказалъ Землейнъ,—я теперь въ этоцъ убѣжденъ и поэтому хочу жаловаться.

— Ну, любезнѣйшій сосѣдъ, Шаллеръ едва-ли допустить, чтобы дѣло дошло до суда изъ-за такой ничтожной суммы. Онъ

недавно давалъ вечерь, который навѣрное стоилъ ему больше двухсотъ талеровъ.

— Ему? сказалъ Землейнъ и посмотрѣлъ на нотариуса съ усмѣшкой;—по моему, ему этотъ вечеръ обошелся чертовски дешево, г. нотариусъ, но за то, какъ я слышалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, онъ недешево обошелся фруктовщику, овощенику, мяснику, кандитеру, булочнику и т. д., которымъ Шаллеръ еще не заплатилъ ни гроша за забранные товары. Даже прачкѣ онъ долженъ до 40 талеровъ, которые, по моему, она и не получить, такъ-какъ этотъ господинъ никому не платитъ. Всѣ его кредиторы, вѣроятно, скоро на него нагрянутъ, и я пожалуй оста- нусь ни причемъ съ моимъ искомъ.

— И такъ у Шаллера много долговъ?

— По моему, у него самое безалаберное хозяйство. Если-бъ его не приняли здѣсь за важнаго барина, и если-бъ онъ не успѣлъ напустить пыли въ глаза нашимъ добродушнымъ бюргерамъ его давно-бы уже упрятали въ тюрьму. Мнѣ самому онъ долженъ до сорока талеровъ. Онъ имѣетъ привычку покупать все, что вкусно, а сельтерскую воду, по моему, пить чуть не бочками. Я не понимаю такихъ людей, вѣдь когда-нибудь должно же все кончиться, ну и кажется, что для него настала послѣдняя минута. Мебельщикъ, которому онъ еще ни копѣйки не заплатилъ за всю мебель, по моему, перваго будущаго мѣсяца хочетъ все взять обратно. Ну, а тогда вы, конечно, понимаете, всѣ его кредиторы навинутся на него сразу.

— Были вы у него когда-нибудь?

— Я полагаю, что былъ однажды, но во второй разъ ужъ не пойду, такъ-какъ со стороны почтеннѣйшей дамы было еще большою любезностью, что она не выпарапала мнѣ глазъ. Она имѣла на то полное право, какъ она сама мнѣ намекнула.

Пистеръ засмѣялся.

— И такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите на него жаловаться?

— По всей формѣ.

— Получили вы довѣренность отъ вашего друга изъ Берлина?

— Все въ порядкѣ, г. нотариусъ.

— А бумаги у васъ съ собою?

— Нѣтъ, я долженъ еще выписать мой счетъ, но это не займетъ много времени, я успѣю все сдѣлать еще сегодня. Во вся-

комъ случаѣ мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы поскорѣе начали это дѣло.

— Очень хорошо, сосѣдъ, если вы непремѣнно хотите, я такъ и сдѣлаю. Развѣ Шаллеръ отказывается заплатить?

— О Боже сохрани, сказалъ Землейнъ,—въ томъ-то и штука, что онъ вѣчно обѣщаетъ, любезничаетъ, вертится, по моему, и юлить около васъ, бранить себя за то, что онъ неавуратенъ, забывчивъ,—ну а денегъ все-таки не даетъ. А слышали вы сосѣдъ, о происшествіи прошлой ночи?

— Съ капитаномъ Дюрбекомъ? Конечно слышалъ. Я сейчасъ былъ въ его квартирѣ.

— Бѣдная дѣвушка, его невѣста. Она въ неутѣнномъ горѣ. Театральный докторъ и докторъ Потерь сидятъ у нея цѣлое утро; они боятся, что она лишилась разсудка.

— Это было-бы ужасно! А между-тѣмъ капитанъ Дюрбекъ, все свое состояніе за исключеніемъ незначительной части, отказалъ ей.

— Чортъ возьми, сказалъ Землейнъ. — У него, по моему, было не маленькое состояніе. Въ такомъ случаѣ невѣренъ глухѣйшій слухъ, будто-бы онъ застрѣлился единственно потому, что не хотѣлъ жениться на фрейленъ Блендгеймъ?

— Чепуха! Въ подобныхъ случаяхъ люди всегда спѣшатъ своими приговорами. И такъ, г. Землейнъ, мнѣ нуженъ подлинный счетъ изъ Берлина и вашъ. Я самъ увижусь съ Шаллеромъ и мнѣ, можетъ быть, удастся покончить съ нимъ миролюбиво безъ понудительныхъ мѣръ.

— Едва-ли—по моему. Однакожъ къ вамъ кто-то пришелъ, мнѣ пора и домой. А мажель Петерсъ, прибавилъ онъ, увидя, что въ дверь входитъ молодая дѣвушка, жившая у него въ домѣ,—ужь не хотите-ли и вы на кого-нибудь жаловаться?

— О нѣтъ, г. придворный аптекаръ,—отвѣчала вся раскраснѣвшаяся Кетхэнъ,—я принесла г. нотариусу часть моего долга. И вамъ, г. аптекаръ, я много обязана, что вы приняли во мнѣ участіе въ дѣлѣ о моей квартирѣ. Почтеннѣйшія фрейленъ Клингенбрухъ за что-то разсердились на меня, между тѣмъ, я, право, ничего имъ не сдѣлала дурного.

— Имъ-то дурного... что вы, милое дитя мое, сказала Землейнъ,—да по моему, развѣ вы можете сдѣлать кому-нибудь зло.

Но оставьте эту компанію въ покоѣ; если-бы не подполковникъ — отличѣйшій человѣкъ, съ которымъ можно говорить — я давно уже самъ-бы отказалъ имъ отъ квартиры; я не хочу только обидѣть подполковника. Ну еще разъ прощайте, г. нотариусъ!

— Ну что-же принесли вы мнѣ, дитя мое, сказалъ Пистеръ ласково, когда ушелъ аптекарь, и Муксъ также вышелъ изъ комнаты, чтобы Кетхенъ не увидала его красныхъ глазъ.

— Деньги, г. нотариусъ, съ улыбкой отвѣтила молодая дѣвушка, — хотя и не всѣ, а только два талера: работы было мало все это время.

— Чего-же вы такъ торопились, дитя мое. Я могу и подождать.

— Я до тѣхъ поръ не смѣю радоваться, что имѣю машину, пока не выплачу за нее всѣхъ денегъ; надѣюсь, что я буду въ состояніи скоро расквитаться съ вами до копейки.

— И для этого вы отказываете себѣ во всемъ?

— Въ чемъ-же я себѣ отказываю?.. въ излишествахъ, въ на-
радахъ... къ чему они мнѣ теперь? Къ тому-же въ самой работѣ я нахожу удовольствіе. А имѣя машину и не сидя сложа руки, я могу безбѣдно, не завися ни отъ кого, прожить всю жизнь.

— Ну а если вы захвораете?

— Богъ меня избавить отъ этого. Но противъ болѣзни безсилень всякій... Я вамъ теперь должна еще цѣлыхъ четыре талера, не такъ-ли г. нотариусъ?

— Да, около этого, сказалъ тронутый старикъ; онъ зналъ, что она не рисуется и говоритъ истинную правду: она хотѣла быть самостоятельной и твердо шла къ своей цѣли.

— Что вышло у васъ съ семьей Клингенбруха?

— Не знаю что, вздохнула дѣвушка, — младшая фрейленъ по-видимому имѣетъ слишкомъ раздражительный характеръ и не знаю почему давно уже искала случая чѣмъ-нибудь огорчить меня. Но я не позволю никому обижать себя, такъ-какъ сама никому не дѣлаю зла, принятую-же работу, сколько мнѣ кажется, я всегда исполняю добросовѣстно.

— О, въ этомъ отношеніи вы совершенно правы. Бстать, у меня есть небольшая работа для васъ, если вы, конечно, не слишкомъ заняты: моя работа не спѣшная.

— Для васъ у меня всегда найдется время, г. нотариусъ; если хотите, я могу взять ее сейчасъ.

— Нѣтъ, дитя мое, не сегодня; я вамъ пришлю ее самъ, или попрошу васъ зайти и взять. Но сегодня именно я очень занятъ.

— И я всегда мѣшаю вамъ въ вашихъ трудныхъ занятіяхъ, сказала молодая дѣвушка, — не сердитесь на меня, г. нотариусъ.

Она простилась съ нотариусомъ и повернулась, чтобы идти, но въ дверяхъ столкнулась съ Гансомъ и отскочила съ легкимъ крикомъ.

— Кетхенъ! воскликнулъ Гансъ Зольбергъ радостно, протягивая ей руку, — вотъ мы снова увидѣлись; я такъ радъ видѣть васъ, что навѣрно пришелъ-бы къ вамъ, если-бы вы не запретили мнѣ посѣщать васъ въ вашей квартирѣ.

— Вы знаете, почему я не желаю этого, г. Зольбергъ, сказала Кетхенъ, подавая ему руку.

— Я знаю это, Кетхенъ, и сознаю, что вы вполне правы, и я вовсе и не думаю идти противъ вашего желанія; но я встрѣтилъ васъ здѣсь, на нейтральной землѣ, и очень радъ, что могу позвать вамъ руку. Хорошо-ли вамъ живется?

— Довольно хорошо, г. Зольбергъ; работы у меня не мало; многіе очень добры ко мнѣ, въ особенности г. нотариусъ. Но мнѣ надо поскорѣе идти; своей болтовней мы мѣшаемъ г. Пистеру. Прощайте, г. Зольбергъ.

И, освободивъ свою руку изъ руки Зольберга, она убѣжала.

Гансъ долго стоялъ на мѣстѣ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, хотя ее давно уже не было видно.

— Милое дитя, сказала онъ задумчивымъ голосомъ, — трудненько ей добывать свой хлѣбъ, хотя она и радуется, что живетъ самостоятельно.

— Да, г. Зольбергъ, поддакнулъ Пистеръ, — эта дѣвушка честнѣйшее созданіе, и если-бы у меня была дочь, то я желалъ-бы, чтобы она походила на нее.

Гансъ подошелъ къ угловому окну. Кетхенъ стрѣлой проскользнула по улицѣ въ аптеку; но на сердцѣ у нея было тяжело, очень тяжело, и когда она была уже у лѣстницы, то стала подниматься по ея ступенямъ такъ медленно и съ такимъ трудомъ, какъ будто-бы къ ея башмакамъ были приврѣплены свинцовыя подошвы.

— Между прочимъ, сказалъ Пистеръ,—вы прекрасно сдѣлали, что зашли ко мнѣ сами, я только-что хотѣлъ послать къ вамъ гонца, чтобы просить васъ пожаловать ко мнѣ.

— Развѣ что-нибудь случилось? вскричалъ Гансъ, быстро оборачиваясь къ нему.

Въ этотъ моментъ отворилась дверь и вошелъ Муксъ; конечно, увидя Ганса, онъ почувствовалъ желаніе повернуть вспять, но, разсудилъ, что молодой Зольбергъ видитъ его уже не въ первый разъ и потому съ нервѣшительнымъ поклономъ, котораго Гансъ и не замѣтилъ, проскользнулъ къ своей конторкѣ.

— Да, г. Зольбергъ, сказалъ нотаріусъ. — Подполковникъ Клингенбрухъ былъ незадолго до васъ у меня и сказалъ, что вы теперь знаете все. Такъ-ли это?

— Да, отвѣтилъ Гансъ, почти беззвучно,—знаю еще болѣе, чѣмъ Клингенбрухъ можетъ подозрѣвать. Говорилъ онъ вамъ объ игрѣ въ кости?

— Конечно, говорилъ.

— Хорошо, такъ взгляните на эту кость, которую Раутенъ обронилъ вчера въ саду, во время веселой игры съ молодыми дамами. Онъ могъ совершенно хладнокровно и даже весело играть черезъ какой-нибудь часъ послѣ того, какъ жребій рѣшилъ участь несчастнаго Дюрбека.

Пистеръ взялъ кость въ руки и сталъ ее внимательно разсматривать; и онъ, старикъ, видавшій много на двоихъ вѣку, поблѣднѣлъ, когда ужасное подозрѣніе промелькнуло въ его мозгу.

— Вѣдь это фальшивая кость! воскликнулъ онъ внѣ себя.— Не думаете-ли вы, Боже мой, что Раутенъ даже...

— Я въ этомъ убѣжденъ теперь; Раутенъ самый закоснѣлый злодѣй!.. Я пришелъ къ вамъ посоветываться, какимъ образомъ мы можемъ уличить его.

— Знаетъ онъ, что кость находится у васъ?

— Едва-ли! Если онъ и замѣтилъ, что выронилъ ее, то навѣрно думаетъ, что она затерялась гдѣ-нибудь въ травѣ.

— Значитъ, онъ считаетъ себя все еще въ безопасности? Ваши родители ничего не знаютъ?

— Ничего; я держу все втайнѣ, зная, что его невольно могутъ предупредить объ опасности.

— Ну, въ такомъ случаѣ все идетъ, какъ слѣдуетъ. Сейчасъ я получилъ телеграмму, что женщина, которую онъ обратилъ и бросилъ, сегодня вечеромъ будетъ здѣсь.

— Отлично! Ну, а потомъ?

— Сегодня вечеромъ ничего нельзя будетъ предпринять, такъ-какъ поѣздъ придетъ только въ четверть десятого. Притомъ, по всей вѣроятности, бѣдная женщина будетъ утомлена, такъ-что намъ нельзя будетъ обезпечить ее сегодня вечеромъ.

— Ну, а завтра утромъ?

— Въ вашемъ домѣ, сказалъ Пистеръ, размышляя, — мы не можемъ нанести окончательный ударъ. Ваша сестра можетъ съ испугу опасно заболѣть; а ей и безъ того предстоятъ тяжелыя минуты. Я полагаю, что намъ лучше будетъ залучить ко мнѣ графа Раутена, или Реберга, или фон-Требена, какъ онъ тамъ называется.

— Пожалуй, будетъ довольно трудно сдѣлать это: не будутся-ли въ немъ подозрѣнія?

— Я все обдумалъ, и мнѣ кажется, что мой планъ до самыхъ мелочей устраняетъ затрудненія. Вы знаете, что вашъ батюшка общалъ ему въ день свадьбы отсчитать пятьдесятъ тысячъ талеровъ цѣнными бумагами.

— Я это знаю, беззвучно отвѣтилъ Гансъ, — и, разумѣется, изъ-за денегъ онъ сдѣлалъ предложеніе моей сестрѣ.

— Конечно, и нельзя сомнѣваться, что онъ въ первомъ удобномъ мѣстѣ бросилъ-бы вашу сестру, а самъ скрылся-бы куда-нибудь подальше.

— Сообщите-же вашъ планъ.

— Вы должны увѣдомить обо всемъ вашего отца за нѣсколько минутъ до рѣшительнаго момента; онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть здѣсь, какъ свидѣтель. Если вашъ батюшка скажетъ Раутену, что намѣренъ передать ему капиталъ еще завтра, т. е. днемъ раньше, такъ-какъ въ день свадьбы будетъ слишкомъ много хлопотъ, то, конечно, графъ Раутенъ согласится на это съ большимъ удовольствіемъ. Уплата денегъ, конечно, должна происходить у нотариуса... Понимаете теперь, что намъ легко поймать молодчика.

— О, разумѣется! воскликнулъ Гансъ въ волненіи. — Но

предположимъ, что женщина эта ошиблась, что это не ея мужъ, а вѣдь это возможно...

— Положимъ, что это почти невозможно, сказалъ Пистеръ, — такъ-какъ она, увидя фотографическую карточку Раутена, посланную нами, сказала, что это именно и есть ея мужъ; указала даже на шрамъ, такъ-что ошибка почти немислима. Кроме того, въ нашихъ рукахъ находится кость, письмо къ подполковнику изъ Галиціи и нѣкоторые другія доказательства, которыя у меня будутъ подъ рукою, и если онъ все-таки суждетъ доказать свою невинность, то мы у него попросимъ прошенія, что посмѣли заподозрить его въ такихъ ужасныхъ преступленіяхъ; но я убѣжденъ, что на этотъ разъ мы достигнемъ цѣли. Не мѣшаетъ также найти какой-нибудь предлогъ, чтобы отменить балъ, который у васъ завтра назначенъ.

— Это я устрою, сказалъ Гансъ. — У меня есть списокъ всѣхъ приглашенныхъ гостей—и если вы мнѣ дадите человѣка, на котораго можно положиться и который суждетъ молчать, то я послалъ-бы письма ко всѣмъ приглашеннымъ и завтра рано утромъ, незадолго до того часа, когда здѣсь у васъ будетъ назначено свиданіе, ихъ можно будетъ разнести.

— Я-бы желалъ знать, что именно вы напишете?

— Надобно написать какъ можно короче; я-бы написалъ такъ: „Отъ имени моего отца, имѣю честь васъ увѣдомить, что сегодняшнее празднество у насъ отложено. Подробности лично. Гансъ Зольбергъ“.

— Это, дѣйствительно, коротко, засмѣялся Пистеръ,—и ваши приглашенные будутъ не мало удивлены этимъ посланіемъ.

— Еще болѣе удивятся они впоследствии. Жаль, что у васъ нѣтъ небольшого ручного пресса.

— Во сколькихъ экземплярахъ должно быть написано письмо?

— Въ восьмидесяти.

— Ладно, въ такомъ случаѣ, Муксъ намъ это устроить — неправда-ли? Онъ очень быстро пишетъ, и такой человѣкъ, которому можно вполне довѣряться.

— Вы очень меня обяжете, сказалъ Гансъ, обращаясь къ Муксу,—если согласитесь взять на себя этотъ трудъ; за такую скучную и трудную работу я, конечно, съ удовольствіемъ отблагодарю васъ.

Вся кровь прилила въ голову Мукса, и, казалось, онъ хотѣлъ что-то съ горячностью отвѣтить, но моментально овладѣлъ собою и сказалъ:

— Мнѣ будетъ очень пріятно, г. баронъ, оказать вамъ такую незначительную услугу. Если вы мнѣ оставите списокъ, то письма будутъ готовы къ завтраму къ шести часамъ утра. Но какъ мы сдѣлаемъ съ вашей подписью?

— Я приду сюда, быстро сказалъ Гансъ, — я вамъ, право, очень благодаренъ, но въ которомъ часу я могу придти?

— Когда вамъ будетъ угодно; вы только постучитесь въ дверь, я буду васъ ожидать.

— Но вамъ придется проработать половину ночи?..

— Онъ никогда не ложится раньше часу ночи, сказалъ Пистеръ, — онъ или читаетъ, или учится чему-нибудь въ это время: Муксъ очень прилежный малый.

— Прекрасно; итакъ это дѣло улажено. Но еще одно: нельзя ли мнѣ увидѣться съ американкой и переговорить съ нею раньше, чѣмъ мы приступимъ къ развязкѣ дѣла?

— Она остановится въ „Римскомъ отелѣ“; ее зовутъ Эллень Ребергъ; но во всякомъ случаѣ она вѣрно назовется иначе, чтобы не выдать себя раньше времени. Спросите только даму изъ Америки и велите сказать, что вы пришли отъ меня. Получили ли вы письмо, которое Дюрбекъ вамъ оставилъ? Шаллеръ взялся передать его вамъ.

— Это тоже новая мерзкая штука, замѣтилъ Гансъ, сурово сдвинувъ брови. — Шаллеръ говоритъ, что онъ отдалъ его Раутену, а тотъ увѣряетъ, что у него въ тѣснотѣ вытащили изъ кармана бумажникъ.

— Въ тѣснотѣ? Въ какой тѣснотѣ?

— Ну, передъ квартирой Дюрбека.

— Тамъ стояло очень мало зѣвакъ и тѣ стояли довольно далеко отъ входа. Знаете-ли вы, что Дюрбекъ все состояніе отказалъ своей невѣстѣ?

— Оно очень значительно... Бѣдная дѣвушка, какъ-то она перенесла постигшее ее несчастье... Но что еще хотѣлъ я васъ спросить, г. нотаріусъ, сказалъ припоминая Гансъ; — да, отъ моего отца я узналъ, что Шаллеръ, по его просьбѣ, освѣдомлялся

въ Галиціи о Раутенѣ и его состояніи и оттуда былъ полученъ самый успокоительный отвѣтъ...

— Мой милый г. Зольбергъ, графъ Раутенъ и г. фон-Шаллеръ большіе друзья.

— И вы полагаете, что онъ умышленно доставилъ ложныя свѣденія?

Пистеръ пожалъ плечами.

— Г. фон-Шаллеръ живетъ на широкую ногу и притомъ находится повидимому въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. На дняхъ окажется, въ состояніи-ли онъ платить или нѣтъ, и, откровенно сознаться, я думаю, что онъ окажется несостоятельнымъ.

— Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ? сказалъ Гансъ.— Чортъ возьми, это мнѣ не совсѣмъ пріятно слышать, такъ-какъ я...

Онъ замолчалъ и было ясно, что онъ спохватился и не ждетъ вести рѣчь о деньгахъ, занятыхъ у него Шаллеромъ.

— Вы его ссудили деньгами? сказалъ Пистеръ, быстро взглянувъ на Ганса.

— Я? Ну да; онъ былъ временно въ стѣсненномъ положеніи, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ... впрочемъ я не сомнѣваюсь, что онъ отдастъ мнѣ долгъ.

— Большую сумму вы ему одолжили?

— Ну нѣтъ, не особенно значительную, такъ-что въ худшемъ случаѣ для меня не будетъ особенно ощутительно ее и потерять...

— Однако все-таки значить не мало, кивнулъ Пистеръ;— послѣ этого я не могу понять, почему это г. фон-Шаллеръ съ такой очаровательной смѣлостью идетъ на встрѣчу своему раззоренію, такъ-какъ я слышалъ, онъ хочетъ черезъ восемь дней дать снова большой вечеръ, что едва-ли ему удастся, если онъ сперва не расплатится съ долгами и не удовлетворитъ своихъ кредиторовъ.

— Ну я ему въ этомъ случаѣ не буду помѣхой.

— Нѣтъ не вы, но другіе; въ моихъ рукахъ уже три иска на него, всѣ вмѣстѣ по крайней-мѣрѣ на 750 талеровъ. Должно быть онъ имѣетъ въ виду скоро получить деньги, иначе онъ не посмѣлъ-бы и подумать о новыхъ дорогихъ затѣяхъ.

— Можетъ быть и получить, сказалъ Гансъ и посмотрѣлъ какъ-бы вопросительно на нотариуса.

— Но ради Бога вы не давайте ему денегъ, быстро сказалъ Пистеръ.—Что ему ни дай, все пойдетъ прахомъ: такіе люди, какъ онъ, неисправимы:—работать, они не работаютъ, а пороскошничать любятъ.

— Не беспокойтесь, любезный нотаріусъ, я буду остороженъ. Но теперь позвольте попросить у васъ кусочекъ бумаги, я сейчасъ напишу записку объ отъѣвѣ нашего вечера.

Онъ взялъ бумагу и перо и, написавъ записку, вышелъ отъ нотаріуса, не замѣтивъ, что Муксъ боязливо отъ него отодвинулся.

ГЛАВА XXIX.

Пассажиръ.

У Франциски собралось нѣсколько подругъ, частію для того, чтобы уговориться о завтрашнемъ днѣ, частію, чтобы помочь ей, такъ-какъ молодая дѣвушка совсѣмъ сбилась съ ногъ, съ укладкой и увязкой многочисленныхъ вещей, которыя ей слѣдовало взять съ собой въ дорогу, и съ прощальными визитами, ею теперь уже почти оконченными.

Графъ Раутенъ на этотъ разъ былъ очень любезенъ, какъ съ дочерью, такъ и съ матерью; провожалъ ихъ и дѣлая съ ними самыя скучныя и утомительныя визиты, онъ помогалъ имъ дѣлать закупки тысячи разныхъ мелочей, по большей части совершенно лишнихъ и при всемъ томъ ни разу даже не намекнулъ объ усталости и скукѣ.

Но гдѣ-же былъ Гансъ? Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ цѣлыми днями пропадаетъ изъ дому. Раутенъ увѣрялъ даже, что не можетъ припомнить, когда съ нимъ видѣлся. Такъ давно это было.

— Ахъ, сказала Франциска,—онъ, бѣдняжка, страшно утомился, у него такъ много дѣла, онъ все пишетъ и безпрестанно уходитъ изъ дому, онъ совсѣмъ зарылся въ своихъ счетахъ.

— У насъ онъ былъ всего только одинъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ, сказала Берта Нольтве, очень серьезно занятая тщательной укладкой казихъ-то двухъ галстучковъ.—Его такъ трудно увидѣть...

— Ахъ да, что я хотѣла еще спросить у тебя, Берта, прервала ее Франциска, взявъ ее подъ руку и отводя къ самому дальнему окну, — ты можешь говорить со мной откровенно, такъ какъ я скоро уѣзжаю отсюда; правда-ли, что поручикъ фон-Вефенъ просилъ твоей руки?

— Да, правда, сказала Берта и глаза ея заблестѣли, — я вовсе и не думаю дѣлать изъ этого тайну, но я слишкомъ уважаю себя, чтобы видаться въ объятія г. поручика, который такъ ревностно ухаживалъ за Гетхенъ Клингенбрухъ, пока старуха Мейзбродъ своимъ завѣщаніемъ не уничтожила всѣ его расчеты поправить женитьбой свои разстроенныя денежныя дѣла. Теперь онъ вдругъ отсталъ отъ Гетхенъ и сдѣлалъ это слишкомъ неделикатно и замѣтно для другихъ. Я ему отказала. Кстати, будутъ у тебя завтра Клингенбрухи?

— Да, непременно! Нельзя-же было не пригласить ихъ

— Я не чувствую къ нимъ никакого расположенія, сказала Берта, — обѣ онѣ пренепріятныя дѣвушки.

— По моему, Флора всегда оживлена, всегда мила...

— Ну ты значить не видала ее въ послѣднее время, сказала Берта: — я могу тебя увѣрить, что она теперь важничаетъ и злится, она уже и теперь мнѣ кажется старой дѣввой, чѣмъ она конечно и будетъ.

— Но, Берта...

— Я не умѣю удерживаться, сказала молодая дѣвушка, — ну чѣмъ я виновата, что не терплю этихъ дѣвчонокъ.

— Вы были у нихъ недавно?

— Да, этого визита нельзя было избѣжать, потому-что папа такъ любитъ подполковника.

— Что у васъ тутъ за секреты? сказала одна изъ молодыхъ дамъ, которая только-что, при помощи графа Раутена, пробовала закрыть слишкомъ туго набитый сундукъ, — мы работаемъ такъ, что не чувствуемъ своихъ рукъ, а вы болтаете и вѣрно о пустякахъ!

— Вотъ идетъ Гансъ, вскричала Франциска, случайно взглянувшая въ окно, — давно пора ему литься въ наше общество; — я уже готова была не на шутку разсердиться на него.

Гансъ дѣйствительно пришелъ, но вмѣсто того, чтобы придти

наверхъ къ сестрѣ, онъ прошелъ прямо въ свою комнату, гдѣ закурилъ сигару и бросился въ свою качалку.

— Онъ, право, сдѣлался пренесноснѣйшимъ человѣкомъ, сказала Франциска послѣ нѣсколькихъ минутъ нетерпѣливаго ожиданія. — Куда онъ дѣвался! Меня, кажется, онъ теперь ни въ грошъ не ставитъ. Гдѣ мой братъ? спросила она горничную, вносившую въ эту минуту въ комнату цѣлый ворохъ бѣлья.

— Онъ только-что прошелъ въ свою комнату.

— Но это изъ рукъ вонъ, вскричала невѣста. — Онъ изво-литъ вѣрно курить и не хочетъ подумать о сестрѣ; ну въ такомъ случаѣ ему плохо придется отъ меня...

И не говоря ни слова, она побѣжала въ комнату брата.

— Ну не стыдно-ли тебѣ, Гансъ! вчера я не видала тебя почти цѣлый день, сегодня ты снова изъ дому ушелъ чуть не съ разсвѣтомъ, а когда ты возвратился, то даже не хочешь по-здороваться со мной, хотя знаешь, что послѣ-завтра я васъ оставляю навсегда.

— Не сердись на меня, Френцхенъ, сказалъ молодой чело-вѣкъ, вскочивъ съ качалки. И онъ подошелъ къ сестрѣ и по-цѣловалъ ее въ лобъ. — Вчера и сегодня я былъ занятъ одной только тобой.

— Мною, Гансъ?

— Да, сердце мое, только одной тобой, и завтра вечеромъ ты узнаешь, что я сдѣлалъ.

— Но сегодня я рѣшительно ничего не понимаю.

— Тебѣ было-бы не легко понять это, улыбнулся братъ, — завтра-же ты это поймешь и убѣдишься, что сегодня я долженъ былъ чувствовать сильное утомленіе отъ слишкомъ большой бѣготни.

— Пожалуйста, милый Гансъ, зайди теперь ко мнѣ. Видишь-ли, твое отсутствіе слишкомъ замѣтно и люди болтаютъ по этому поводу разный вздоръ.

— Кто тамъ у тебя, мое совровище?

— Никого, кромѣ Берты фон-Нольтке, Маріи Хастингъ съ ея сестрой Кларой, Гретхенъ фон-Босвицъ и Леопольда.

— И Раутенъ здѣсь?

— Онъ увѣряетъ, что не видался съ тобою уже цѣлую вѣч-ность.

— Цѣлую вѣчность? Да, совершенно вѣрно, съ вчерашняго утра, но и мнѣ почему-то кажется, что цѣлая вѣчность лежитъ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ.

— Что съ тобой, Гансъ? сказала сестра, взглянувъ на него со страхомъ. — Съ недавняго времени ты сталъ такъ странно серьезенъ. Первое-же время, какъ ты вернулся изъ путешествія, ты былъ олицетворенная жизнь и веселье.

— Да; но, милое дитя мое, мы съ каждымъ днемъ старѣемся и становимся благоразумнѣе.

— Но не такъ-же быстро, Гансъ, потому-что вѣдь тутъ вся разница только въ нѣсколькихъ недѣляхъ! Лежитъ у тебя что-нибудь на сердцѣ? Можетъ быть забота кака-я-нибудь, Гансъ? Подѣлись со мной, и если-бы отъ меня или отъ Леопольда зависѣло избавить тебя отъ нея, то, повѣрь, что какъ я, такъ и онъ употребимъ всѣ усилія, чтобы успокоить тебя.

— Я вѣрю тебѣ отъ всего моего сердца, сказалъ Гансъ растроганный и привлекъ ее снова къ себѣ, — и общаю тебѣ, что завтра ты все узнаешь. Довольна ты этимъ?

— Да, Гансъ, вполне довольна, улыбнулась Франциска, — но все-таки ты долженъ идти теперь со мной и не корчить серьезной мины и смотрѣть весело. У меня сегодня такъ много хорошенькихъ дѣвушекъ; и хотя ты старый холостякъ, но все-же вѣрно не пожелаешь своимъ надутымъ видомъ вселить въ нихъ къ себѣ отвращеніе.

— Значить, я долженъ любезничать съ ними, — пусть будетъ по твоему, сказалъ Гансъ съ принужденной улыбкой, подавая сестрѣ свою руку. — Пойдемъ, Францхенъ, дѣлать нечего.

— И ты хочешь идти съ сигарой во рту?

— Ахъ да, вздохнулъ Гансъ, — я и забылъ, что курю; но я только-что закурилъ ее.

Онъ положилъ сигару на свой письменный столъ.

— Право, великое счастье, что Леопольдъ не курить! сказала молодая счастливая дѣвушка.

Гансъ кивнулъ головою, но ничего не отвѣчалъ, и вошелъ съ сестрой въ ея комнату, гдѣ маленькое общество встрѣтило его выраженіемъ искренней дружбы.

— Гансъ, сказалъ Раутенъ, протягивая ему руку, — гдѣ ты пропадалъ послѣднее время? Тебя нынче совсѣмъ не видно.

— Ты знаешь, что случилось...

— Да, съ Дюрбекомъ... Но, Боже мой, ты знаешь, что воля человека свободна. Дюрбекъ могъ-бы испытать лучшую участь, но онъ вѣрно не захотѣлъ этого самъ.

— Да, я и забылъ, вѣдь у тебя есть письмо Дюрбека ко мнѣ, которое ты взялся передать.

— Я только-что рассказывалъ дамамъ эту исторію; я его, конечно, положилъ въ свой бумажникъ и четверть часа спустя, съ дерзостью для меня рѣшительно непостижимой, онъ былъ вытащенъ изъ моего кармана.

— Это совершенно новый родъ промышленности въ мирномъ Роденбургѣ; прежде о подобномъ воровствѣ здѣсь не было слышно.

— Ахъ нѣтъ, г. Зольбергъ, воскликнула Берта, — въ послѣднее время случаи подобнаго мошенничества были уже не разъ. Представьте себѣ, у моей матушки въ церкви изъ кармана ея платья вытащили портмоне.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, воскликнула Мари Хастингъ, — а у совѣтника Шультеса отрѣзали недавно въ театрѣ часы и цѣпочку и такъ ловко...

— Цивилизація съ каждымъ днемъ распространяется все болѣе, сказалъ Гансъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ наши филистеры; Роденбургъ также стоитъ на божьемъ свѣтѣ.....! Что ты намѣренъ дѣлать сегодня вечеромъ, Раутенъ?

— Я? ничего; я останусь съ стариками, сказалъ графъ. — Они только-что выѣхали изъ дому; но впрочемъ должны скоро воротиться; вмѣстѣ намъ остается пробыть такъ мало времени, что необходимо проводить его въ своей семьѣ; — полагаю, ты не имѣешь ничего возразить противъ этого?

— Ты примѣрный сынъ, сказалъ Гансъ, слегка кивая головой; но слова эти были сказаны такимъ особеннымъ тономъ, что Раутенъ быстро на него взглянулъ. Но Гансъ уже разговаривалъ съ фрейленъ фон-Нольтке, которая показывала ему дорогой уборъ, сегодня утромъ подаренный графомъ Раутеномъ своей невѣстѣ. Гансъ не могъ не сознаться, что это драгоценное украшеніе прелестно и стоитъ очень дорого: уборъ состоялъ изъ великолѣпныхъ брилліантовъ и одного, но за то необыкновенно большого изумруда; драгоценные камни были съ большимъ вкусомъ оправлены въ золото. Когда фрейленъ Нольтке открыла футляръ, то всѣ дамы

бросились осматривать эту драгоценность и огласили комнату восклицаніями восторга и удивленія.

— Развѣ этотъ уборъ не великолѣпенъ, Гансъ? сказала Франциска, кладя руки на плечи брата.

— Это дѣйствительно великолѣпно, и я еще не видалъ подобнаго, сказалъ Гансъ изумленный,—хотя въ Перу мнѣ пришлось видѣть очень много драгоценныхъ женскихъ украшеній. Френцхенъ, такимъ прелестнымъ подаркомъ не побрезгала-бы сама царица.

Взоры всѣхъ были обращены на блестящія каменья и никто не обратилъ вниманія на выраженіе муки, на одинъ моментъ появившееся въ лицѣ Зольберга — отъ Раутена онъ стоялъ отвернувшись. Но Гансъ быстро снова овладѣлъ собою, боясь преждевременно возбудить подозрѣніе въ женихѣ своей сестры.

— Гдѣ дѣлали этотъ уборъ, Раутенъ? спросилъ Гансъ, поворачивая голову къ графу.—Очевидно, онъ сработанъ не нѣмецкими руками, потому-что золотыя украшенія отличаются какимъ-то фантастическимъ оригинальнымъ вкусомъ.

— Я его привезъ изъ Индіи, отвѣчалъ Раутенъ.—Когда мы взяли столицу бунтовщиковъ, наши солдаты захватили несмѣтную добычу и мы, офицеры, покупали потомъ драгоценнѣйшія вещи за безцѣнокъ. Я не смѣю даже сказать, сколько я заплатилъ за этотъ уборъ.

— Неужели? но ты во всякомъ случаѣ сдѣлалъ выгодное дѣло. Этотъ уборъ, однакожъ, слишкомъ хорошъ и роскошенъ, и тебѣ вѣрно рѣдко придется носить его, Франциска!

— Ну что за важность, сказалъ Раутенъ,—она имъ можетъ любоваться даже и въ то время, когда онъ не надѣтъ на ней: всѣ молодыя женщины такъ любятъ подобныя украшенія. Не правли, Френцхенъ?

— Ахъ, Леопольдъ, сказала молодая дѣвушка, — я право не знаю, чѣмъ мнѣ отблагодарить тебя за такой подарокъ! Онъ право слишкомъ дорогъ для меня!

— Но развѣ можетъ быть что-нибудь слишкомъ дорого для тебя, Франциска? Сперва этотъ уборъ носила какая-нибудь владѣтельница индѣйская княжна — теперь носить его будешь ты и теперь онъ самъ, конечно, выиграетъ несравненно болѣе, чѣмъ выиграетъ твоя красота отъ блеска его каменей.

— Ахъ, Френцхенъ, сказала Берта фон-Нольтке, — какъ-бы я хотѣла ѣхать съ тобой вмѣстѣ; какъ сильно мнѣ хочется увидѣть и узнать востокъ Европы! Странно, что меня даже совсѣмъ не манитъ на западъ, и если-бы мнѣ предложили на выборъ осмотрѣть Парижъ или Венгрію и Галицію, я убѣждена, что я выбрала-бы второе.

— Но, вѣроятно, вамъ пришлось-бы потомъ раскаяться въ своемъ выборѣ, улыбнулся Раутенъ, — такъ-какъ природа, которая одна могла-бы вознаградить васъ за прелести Парижа, въ этихъ странахъ гораздо бѣднѣе и менѣе можетъ доставить наслажденія, чѣмъ природа юга.

— Ну нѣтъ, я увѣрена, что мнѣ не пришлось-бы раскаяться...

Гансъ воспользовался этимъ разговоромъ и подошелъ къ окну; онъ совершенно былъ занятъ своими мыслями и только тогда снова вернулся къ дѣйствительности, когда молодыя дамы собрались уже уходить домой. Онѣ всѣ должны были спѣшить къ обѣду домой и не было конца ихъ нѣжнымъ прощаніямъ съ Франциской.

Молодыя женщины вообще, въ особенности въ присутствіи молодыхъ мужчинъ, имѣютъ глупѣйшую привычку цѣловаться много и долго, точно онѣ прощаются на всю жизнь, между тѣмъ какъ по всей вѣроятности, увидятся на слѣдующее утро, и даже можетъ быть, и въ тотъ-же самый вечеръ. Никто не въ состояніи объяснить настоящей причины этихъ лобызаній, такъ-какъ приписывать ихъ нѣжности женской природы едва-ли основательно. Молодыя женщины и на этотъ разъ вполне добросовѣстно выполнили нелѣпный обычай.

Почти въ это-же время показался и экипажъ, привезшій стариковъ Зольберговъ и вскорѣ раздался обычный звонъ къ обѣду. Старый баронъ былъ сегодня необыкновенно веселъ, Раутенъ, съ своей стороны, счастливый, что скоро должны осуществиться его желанія, не имѣлъ повода къ мрачному расположенію духа, поэтому разговоръ скоро оживился и даже постоянно молчаливая баронесса приняла въ немъ дѣятельное участіе.

Только одинъ Гансъ по прежнему былъ не въ духѣ; онъ, правда, тоже вмѣшивался въ разговоръ, но съ какой-то натяжкой, что, наконецъ, замѣтилъ старый баронъ.

— Слушай, Гансъ, сказалъ онъ, — сегодня ты еще свободенъ,

и можешь возиться съ своими скучными дѣлами сколько твоей душѣ угодно, я тебѣ не буду мѣшать, но на завтра я требую, чтобы ты выглядѣлъ другимъ человѣкомъ, такъ-какъ я не хочу, чтобы завтрашній день былъ испорченъ твоей хандрой. Но, Бога ради, скажи, что съ тобою сдѣлалось?

— Милый папа, сказалъ Гансъ,—не сердись на меня, но я признаюсь, что у меня сегодня голова полна сухими расчетами, конечно, неподходящими къ этому дому радости и счастья, но я тебѣ обѣщаю, что завтра все измѣнится. Правда, еще завтра утромъ, мрачно прибавилъ онъ,—на мнѣ лежитъ исполненіе грустнаго долга. Выносъ тѣла Дюрбека будетъ въ 7 часовъ утра, такъ пожелалъ онъ самъ въ своемъ завѣщаніи. Но когда окончится эта печальная церемонія, тогда, будь увѣренъ, я измѣню свое грустное расположеніе духа и, глядя на меня, ты будешь только радоваться.

— Bravo! воскликнулъ старый баронъ, поднимая свой стаканъ.—Ты говоришь дѣло, и если исполнишь свое обѣщаніе, то я охотно забуду сердитыя фізіономіи, которыя ты намъ корчилъ всѣ эти дни, — фізіономіи настолько кислыя, что могло бы свернуться молоко.

— Развѣ я выглядѣлъ такъ мрачно?

— Да, Гансъ, ты дѣйствительно высматривалъ грустными и озабоченными, подтвердила мать,—и бѣдная Френцхенъ не одинъ разъ высказывала мнѣ по этому поводу свое горе.

— И такъ все кончено! вскричалъ Гансъ.—Ну, а ты Раутенъ, не пойдешь-ли со мной вмѣстѣ завтра утромъ? Я буду говорить рѣчь надъ могилой Дюрбека.

— Ты, Гансъ? испуганно спросила мать,—нѣтъ, ты не долженъ дѣлать этого. Вѣдь онъ-же умеръ нечестной смертью.

— Ты мама, отчасти права, съ горечью сказалъ Гансъ, отворачиваясь отъ Раутена: онъ въ эту минуту не посмѣлъ взглянуть въ лицо графа, такъ-какъ непременно измѣнилъ-бы себѣ,—но Дюрбекъ былъ честный и добрый человѣкъ и дай Богъ, чтобы мы всѣ умирали съ такой-же чистой совѣстью, какъ мой бѣдный Бернгардъ.

— Гансъ, стыдись говорить такіе ужасы, возразила мать, — вѣдь онъ самоубійца.

— Да, отвѣчалъ Гансъ,—но мы не знаемъ, что побудило его

на такой шагъ и, можетъ быть, если-бъ мы были на его мѣстѣ, то поступили-бы точно такъ-же.

— Настоящій христіанинъ никогда не наложитъ на себя рукъ, сказала мать, — такъ-какъ религія запрещаетъ человѣку самому располагать своей жизнью.

— Не будемъ продолжать разговоръ на эту тему, сказалъ Гансъ, — наши мнѣнія слишкомъ расходятся въ этомъ случаѣ, и я-бы не хотѣлъ тебя огорчить или оскорбить твои чувства. И такъ, ты идешь Раутенъ? Въ семь часовъ мы должны собраться у квартиры Дюрбека.

— Право не знаю, Гансъ, сказалъ графъ, — во-первыхъ я былъ очень мало знакомъ съ капитаномъ Дюрбекомъ и потомъ, я долженъ тебѣ откровенно сознаться, я не особенный охотникъ до подобныхъ демонстрацій. Я не хочу ни въ чемъ обвинять покойнаго, но также не хочу присутствовать и при оваціи въ честь его. Пожалуйста, извини меня; я предпочитаю лучше это время провести въ постели, такъ-какъ завтра у насъ очень хлопотливый день и мнѣ необходимо поберечь свои силы.

— Хорошо. Какъ хочешь! спокойно сказалъ Гансъ; — для тебя вовсе необязательно присутствовать на его похоронахъ: тамъ соберутся или друзья покойника или люди, которые его уважали, и конечно, тотъ, кто явится неохотно и какъ-бы по обязанности, будетъ лишнимъ. Ну а теперь, матушка, добавилъ онъ вставая, — я-бы хотѣлъ въ саду выпить свой кофе и выкурить сигару. Потомъ я пойду по моимъ дѣламъ, чтобы мнѣ кончить все сегодня, а завтра, батюшка, принадлежать всецѣло вамъ и семьѣ.

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло, вскорѣ пошелъ мелкій неприятный дождь, и улицы Роденбурга совсѣмъ опустѣли; только омнибусы да двое, трое извозицкихъ экипажей (во всемъ городѣ впрочемъ ихъ было только 20) тихо ѣхали по направленію къ станціи желѣзной дороги, такъ-какъ приближалось время прихода послѣдняго пассажирскаго поѣзда, да нѣсколько пѣшеходовъ подъ дождевыми зонтиками уныло пробирались по дорогѣ. Дождь былъ холодный, точно май еще разъ хотѣлъ вернуться къ апрѣльскимъ непогодамъ.

Дебаркадеръ желѣзной дороги, довольно большое и красивое на видъ зданіе изъ желѣза и стекла, былъ въ полумракѣ, такъ-какъ только та сторона, на которой останавливались поѣзды, бы-

ла освѣщена; сторожа и желѣзно-дорожные служащіе прохаживались въ этомъ освѣщенномъ пространствѣ. Въ залахъ сидѣли и ходили нѣсколько человекъ мѣстныхъ жителей, провожавшихъ пассажировъ, желавшихъ ѣхать съ этимъ поѣздомъ. Поѣздъ, котораго ожидали, опоздалъ: пробило четверть десятаго, — часъ, въ который, по росписанію, поѣздъ долженъ быть въ Роденбургъ, но все еще не былъ поданъ обычный сигналъ о томъ, что поѣздъ отошелъ съ ближайшей станціи, которая впрочемъ отстояла очень близко отъ Роденбурга.

Наконецъ былъ поданъ сигналъ, что ожидаемый поѣздъ отошелъ отъ послѣдней станціи и слѣдовательно скоро долженъ подъѣхать къ Роденбургу. Носильщики покатали на своихъ тележкахъ порученныя имъ клади. Между ними чинно двигались почтовые служители съ своими запертыми на замокъ ящиками и остановились приблизительно около того мѣста, гдѣ обыкновенно приходился почтовый вагонъ.

Кромѣ этихъ людей, по должности мѣрившихъ платформу, на ней ходилъ молодой человекъ въ темномъ пальто, съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ; внимательно осматривая всѣхъ встрѣчныхъ, онъ скоро замѣтилъ маленькую сгорбленную фигуру, съжившуюся отъ холода, которая терпѣливо ожидала прихода поѣзда, прислонясь къ колоннѣ.

— Г. Муксъ!

Маленькій человекъ, конечно слышавшій приближавшіеся шаги, но не обратившій на нихъ вниманія, испугался, услышавъ свое имя, и быстро и испуганно взглянулъ на подошедшаго къ нему молодого человека.

— Вы уже на своемъ посту, сказалъ ласково Гансъ. — Я разсудилъ, что будетъ лучше, если я составлю вамъ компанію, такъ-какъ можетъ выйти что-нибудь неожиданное, и вамъ понадобится товарищъ. Я даже сомнѣваюсь, говорить-ли эта дама по нѣмецки.

— Я знаю по англійски, г. Зольбергъ, сказалъ тихо Муксъ.

— Я этого не зналъ; въ такомъ случаѣ мое присутствіе пожалуй бесполезно; но я уже здѣсь, такъ будемте ее ждать вмѣстѣ. Если она не будетъ себя чувствовать слишкомъ утомленной съ дороги, то, можетъ статься, мы еще сегодня уговоримся съ нею, что намъ предпринять завтра. Но вотъ подходитъ поѣздъ!

Вотъ и звонокъ—ну, любезный мой г. Муксъ, будьте добры, наблюдайте за первымъ и вторымъ классомъ, а же останусь здѣсь, и постараюсь ее встрѣтить. Тотъ изъ насъ, кто ее встрѣтитъ, конечно, подождетъ другого. Я думаю, такъ будетъ лучше!

— Разумѣется, г. Зольбергъ.

На платформѣ раздался звонокъ и пассажиры заторопились выйти на платформу, навьюченные дорожными мѣшками, чемоданами, зонтиками, тростями, мѣшками для ногъ и другими дорожными приспособленіями.

Поѣздъ остановился. Пассажиры, пріѣхавшіе въ Роденбургъ, волоча за собою кладь, пошли въ буфетъ или занялись наймомъ извозчика; прислуга разныхъ гостинницъ наперерывъ предлагала имъ помѣщеніе. Поѣздъ долженъ былъ стоять въ Роденбургѣ десять минутъ, однакожь всѣ торопятся, толкаются; наскоро смазываются и осматриваются оси, телѣжки съ кладью торопливо катятся по платформѣ,—и все это вмѣстѣ производитъ ужасный шумъ и толкотню. „Берегись“! безпрестанно раздается глухой окликъ басомъ, такъ-какъ пассажиры всегда стоятъ на дорогѣ и мѣшаютъ, подобно тому, какъ мѣшаютъ зрители биллиардной игры игрокамъ. Смѣхъ и плачь слышатся въ одно и то-же время—здѣсь мать прощается съ сыномъ, тамъ возвратившійся изъ долгаго путешествія отецъ радостно привѣтствуется своими дѣтьми—вездѣ жизнь, вездѣ движеніе.

Раздался второй звонокъ. Поѣздъ опоздалъ и не можетъ ждать ни одной лишней минуты; пассажиры стремительно бѣгутъ занять свои мѣста...

Гансъ, также какъ и Муксъ, тщательно осматривали каждаго пассажира; Гансъ тревожно отыскивалъ американку; онъ боялся, что ее что-нибудь задержало и она не пріѣхала съ этимъ поѣздомъ, между тѣмъ, завтра рѣшалась судьба его сестры. Но ожидаемой дамы не оказывалось.

Много народу оставило станцію, ѣдущіе дальше уже усѣлись; раздался дребезжащій свистокъ оберъ-кондуктора—въ это время изъ буфета появилась испуганная фізіономія одного господина въ большихъ мѣховыхъ калошахъ, съ шубой, перекинутой черезъ лѣвую руку и недоѣденнымъ бутербродомъ въ правой рукѣ. Кондукторъ отворилъ ему дверцы перваго вагона.

— Да это не мое купе.

— Угодно вамъ ѣхать?..

Локомотивъ далъ свистокъ, поѣздъ тронулся; господинъ въ мѣховыхъ калошахъ и съ бутербродомъ торопливо влѣзъ въ вагонъ; мало по малу, увеличивая скорость хода, поѣздъ пошелъ обычнымъ ходомъ, блестя въ темнотѣ ночи своими красными глазами.

Гансъ стоялъ въ отчаяніи.

— Что намъ дѣлать? сказалъ онъ подошедшему къ нему Муксу. — Она не пріѣхала... Лучше всего телеграфировать ей тотчасъ-же.

— Но что это за женщина? спросилъ Муксъ, обращая вниманіе Ганса на какую-то, стоявшую вдаль, темную фигуру, весьма бѣдно одѣтую, какъ казалось издали, и, очевидно, кого-то поджидавшую.

— Я видѣлъ, что эта женщина вышла изъ вагона третьяго класса, отвѣчалъ Гансъ, посмотрѣвъ въ ту сторону. — Она въ какихъ-то лохмотьяхъ, совершенно нищая; навѣрное, это не та, которую мы ждемъ... Надо телеграфировать.

— Я подойду къ ней поближе, сказалъ Муксъ, несводившій глазъ съ неподвижно стоявшей особы.

Она не поворачивала головы ни вправо, ни влево и стояла прислонившись къ колоннѣ.

— Неужели вы думаете, что это наша леди?

— Вѣроятно, не она, но, можетъ быть, она поручила этой женщинѣ сказать что-нибудь тому, кто будетъ ее отыскивать, а сама пошла въ ресторанъ.

Муксъ направился къ этой женщинѣ, и она, замѣтивъ его приближеніе, устремила на него пристальный взглядъ. Къ изумленію Мукса, эта, такъ нищенски одѣтая, особа оказалась молодой, стройною, чрезвычайно красивою женщиною; ея почти нищенская одежда показывала, что эта женщина жила прежде роскошно. Ея покрытое заплатами платье было изъ тяжелой шолковой матеріи; разорванный воротничекъ изъ дорогого, настоящего кружева; шляпа, хотя попорченная дождемъ, была моднаго фасона; руки незнакомки были бѣлы и нѣжны.

На вопросъ Мукса, не ожидаетъ-ли она кого-нибудь, она не отвѣтила сначала ничего, потомъ потрясла головой и произнесла по-англійски:

— Я не понимаю нѣмецкаго языка.

— Неужели вы, мистриссъ Ребергъ? воскликнулъ съ изумленіемъ Муксъ, на этотъ разъ тоже по-англійски.

— Да, меня зовутъ Элленъ Ребергъ, отвѣчала молодая женщина. — Вы не отъ нотаріуса-ли?

Муксъ былъ такъ пораженъ, что не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а только попросилъ ее обождать, и кинулся обратно къ Зольбергу, чтобы сообщить ему о своемъ открытіи.

— Невозможно! воскликнулъ Гансъ.—Такая несчастная... А, впрочемъ, отчего-же нѣтъ? мрачно прошепталь онъ.—Развѣ этотъ негодяй не хотѣлъ довести до такого-же положенія и мою сестру?

— Сударыня! кажется, я имѣю удовольствіе видѣть г-жу Ребергъ? спросилъ онъ, подходя къ незнакомкѣ.

Завидя приближавшагося къ ней высокаго, стройнаго мужчину, молодая женщина вскинула на него быстрый, почти испуганный взглядъ, но увидавъ передъ собою совершенно незнакомую фізіономію, отвѣтила только съ болѣзненной горечью:

— Если вы называете это удовольствіемъ, то—да, меня зовутъ Элленъ Ребергъ.

— Не угодно-ли вамъ будетъ послѣдовать за мною? сказалъ Гансъ, понимая, что здѣсь, на дебаркадерѣ, было не мѣсто для дальнѣйшаго разговора.—Для васъ все уже приготовлено; вы же, вѣрно, устали съ дороги.

— Онъ здѣсь? воскликнула молодая женщина, съ трудомъ сдерживая свое волненіе.

— Мы переговоримъ обо всемъ дорогою или въ отелѣ, отвѣчала Гансъ.—Гдѣ вашъ багажный билетъ?

— Мой багажный билетъ! повторила она съ прежнею горькой усмѣшкой.—Все мое имущество,—то-есть немного бѣлья,—здѣсь со мною, въ этомъ мѣшечкѣ.

— Такъ дайте его сюда и позвольте мнѣ предложить вамъ руку, сказалъ Гансъ, приглашая и Мукса послѣдовать за ними.

У подъѣзда ждалъ уже заранѣ нанятый экипажъ. Они сѣли втроемъ и поѣхали къ „Римскому отелю“. Дорогою не было произнесено ни слова, — роденбургскія мостовыя и не допускала бесѣды, — но когда экипажъ остановился у крыльца гостиницы и навстрѣчу ему выскочили два кельнера, ожидавшіе посѣтелей, молодая женщина проговорила въ смущеніи:

— О, это слишкомъ парадный отель... Я не въ состояніи тутъ остановиться!

— Предоставьте всё хлопоты мнѣ, сударыня! привѣтливо возразилъ ей Гансъ. — Имя мое — фон-Зольбергъ. Пистеръ, писавшій вамъ, знаетъ меня хорошо. Вы моя гостья, и пока вы будете здѣсь, всё ваши расходы, равно какъ и ваши путевныя издержки, — дѣло мое.

— Сэръ...

— Вы пріѣхали сюда ради своихъ интересовъ, продолжалъ Гансъ, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказываете большую услугу и моему собственному семейству.

— Но самая одежда моя не позволяетъ мнѣ помѣститься въ такомъ отелѣ! произнесла молодая женщина, и все лицо ея зардѣлось при этихъ словахъ.

— Мы устроимъ все, перебилъ Гансъ, — но теперь вамъ, прежде всего, нуженъ покой. — Гдѣ номеръ? спросилъ онъ у кельнера, поднимаясь съ пріѣзжей въ первый этажъ.

— Пожалуйста выше, отвѣчалъ кельнеръ на вопросъ Ганса.

— Во второмъ этажѣ?

— Въ третьемъ, если будетъ угодно... Осмѣлюсь доложить, у насъ такъ много пріѣзжихъ...

— Въ такомъ случаѣ, я ѣду въ другой отель, рѣшительно сказалъ Гансъ. — Мнѣ нуженъ номеръ въ бель-этажѣ.

— Такъ позвольте, сударь, вѣжливо возразилъ кельнеръ. — Я скажу хозяину... можетъ быть, и найдется...

Кельнеръ не ошибся. Лишь только хозяинъ узналъ, что пріѣзжую сопровождаетъ фон-Зольбергъ, къ услугамъ ея тотчасъ-же нашелся прехорошенькій, комфортабельный номеръ въ бельэтажѣ.

— А теперь, сказалъ Гансъ, введя туда молодую женщину, — мы съ Муксомъ оставимъ васъ. Я велю подать вамъ ужинъ сюда, въ комнату. Еще одинъ вопросъ: присланная вами фотографическая карточка дѣйствительно изображаетъ того чловека, который покинулъ васъ такимъ низкимъ образомъ?

— Покинулъ и ограбилъ!

— Не припомните-ли вы: былъ у него небольшой шрамъ на лицѣ?

— Да, на лѣвой щекѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что этотъ знакъ остался у него послѣ битвы съ индѣйцами.

— Въ Америкѣ?

— Да; мы жили въ Чинчинати.

— И онъ обобралъ васъ?

— Да, взялъ все, что я имѣла! произнесла мрачно молодая женщина. — Двадцать государственныхъ облигацій по тысячѣ долларовъ каждая, все серебро, брилліантовый уборъ, очень цѣнный, по словамъ моего отца...

— Брилліантовый уборъ, съ большимъ изумрудомъ? быстро спросилъ Гансъ.

— Вы его знаете?

— Подлецъ! проговорилъ Гансъ. — Существуютъ-же подобныя негодяи на свѣтѣ!.. Будьте покойны, сударыня, — эта драгоценность въ надежныхъ рукахъ; надѣюсь, что и остальное будетъ вамъ возвращено. Но скажите мнѣ, въ состояніи-ли вы будете встрѣтиться завтра-же съ этимъ человѣкомъ?

— Хоть сегодня! воскликнула Эленъ, и глаза ея заблестали. — О, если-бы вы только знали, если-бы вы только могли вообразить себѣ, какъ дьявольски верался онъ въ довѣріе моего отца, какъ заставилъ меня полюбить его и какъ воровски покинулъ меня! Я теперь въ совершенной нищетѣ; моя послѣдняя болѣзнь унесла остатки моего состоянія... У меня только и есть, что на мнѣ, и если-бы не слабая надежда, поданная мнѣ письмомъ вашего нотаріуса, я не знаю, что удержало-бы меня даже наложить на себя руки!

— Самыя тяжелыя времена для васъ прошли теперь, я надѣюсь, сказалъ Гансъ. — Вы, конечно, не захотите признавать болѣе мужемъ этого негодяя, котораго ждетъ здѣсь тюрьма за различныя преступленія, но все-же, можно надѣяться, вы получите хотя часть своего прежняго состоянія. А теперь, прощайте; вамъ необходимъ отдыхъ. Еще одна просьба: запишитесь здѣсь, въ отелѣ, подъ какимъ-нибудь чужимъ именемъ. Завтра, около полудня, г. Муксъ заѣдетъ за вами, чтобы проводить васъ къ нотаріусу.

Молодая женщина взглянула печально на свою бѣдную, изорванную одежду, но не противорѣчила, и только слегка кивнула головой. У нея не было теперь своей воли; приходилось безпрекословно исполнять все, что требовали отъ нея эти незнакомые люди.

Гансъ и Муксъ молча отправились по домамъ. Когда Муксъ раскланялся съ своимъ спутникомъ и исчезъ въ свою дверь, Гансъ постоялъ еще нѣсколько минутъ на мѣстѣ, разглядывая сосѣдніе дома. У Шаллера все еще было ярко освѣщено; мрачны были окна несчастной Констанціи Блендгеймъ; тихо свѣтилось маленькое окошечко Кэткенъ... Она готовилась, вѣрно, просидѣть еще много часовъ за работой...

— Странная смѣсь, прошепталъ Гансъ. — Честный трудъ и спокойная совѣсть; тутъ-же, напротивъ, нищета и недовольство, прикрытыя мишурною роскошью... Невѣста въ слезахъ передъ своею разбитою будущностью; рядомъ съ нею, полупомѣшанный директоръ, облаченный, быть можетъ, въ султанскую одежду и грезящій на своемъ оттоманѣ. Далѣе, добряеъ подполковникъ съ дочерьми-кокетками и несносной женою... Наконецъ, это „окно“, — пунктъ нейтральный... И все это почти подъ одною кровлею или только раздѣленное нѣсколькими шагами!.. Каждая квартира представляетъ собою особый міръ, полный горя или радости... А кто знаетъ своего сосѣда или, зная его, заботится о немъ?..

— Но что это! прервалъ онъ себя. — Точно у меня не полная голова своихъ собственныхъ заботъ! Чего я тутъ раздумываю о чужихъ дѣлахъ? Впередъ! Камень катится и завтрашній день долженъ рѣшить все!

Онъ завернулся потеплѣе въ свое пальто, — потому-что вѣтеръ свѣжалъ, хотя дожда болѣе не было, — и направился къ родительскому дому.

XXX.

Приготовленія.

Воротась домой, Гансъ прошелъ прямо къ себѣ, подъ предлогомъ головной боли. Онъ былъ дѣйствительно не въ такомъ настроеніи, чтобы принять участіе въ веселой бесѣдѣ своей семьи, неподозрѣвавшей той пропасти, надъ которою она стояла, не подозрѣвалъ опасности скатиться внизъ, отъ которой ее могла теперь спасти только рука Ганса.

Раутенъ замѣчалъ сдержанность своего будущаго свояка и потому чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ, хотя самъ не зная

хорошенько, въ чемъ заключается опасность. Что означала эта переѣзна въ обращеніи Ганса? Во всякомъ случаѣ, она становилась очевидною, и именно со времени смерти Дюрбека. Пренная откровенность и шутливость Ганса совершенно исчезли; онъ видимо уклонялся отъ разговора, былъ разсѣянъ и молчаливъ. Была-ли причиною тому только смерть Дюрбека? По всей вѣроятности... Или-же Гансъ подозрѣвалъ настоящія причины, побудившія капитана къ самоубійству?.. Но если-бы и такъ! Доказательствъ не было; кто могъ ихъ представить?.. Вѣдь только нѣсколько дней, — нѣсколько часовъ, можно сказать, — и цѣль достигнута; послѣ-же...

И губы Раутена сжимались въ презрительную улыбку, когда подобныя мысли роились въ его головѣ.

Гансъ не легъ тотчасъ спать. Онъ долго еще ходилъ изъ угла въ уголь по своей комнатѣ, или сидѣлъ, покуривая сигару и погружаясь въ думы. Ждалъ-ли онъ подобной тревожной, полной приключеній жизни, возвращаясь на родину, которую не представлялъ себѣ иначе, какъ въ видѣ олицетвореннѣйшаго филистерскаго спокойствія! Между тѣмъ, что совершалось въ его собственной семьѣ и въ тѣхъ немногихъ семьяхъ, въ которыя ему пришлось заглянуть? Ихъ волновали разныя страсти, и ему пришлось на мысль, что эти частныя волненія можно сравнить съ общими волненіями южно-американскихъ республикъ. Разница была только въ томъ, что тамъ все дѣлалось явно, на виду, а здѣсь прикрывалось тѣмъ глянцемъ, который зовется „хорошимъ тономъ“ и служитъ для сообщенія блеска поверхности, когда внутри все гнило...

Но теперь не время было предаваться размышленіямъ, надо было дѣйствовать, чтобы сорвать личину хотя съ одного злодѣя.

На слѣдующее утро Гансъ поднялся съ разсвѣтомъ и къ шести часамъ былъ уже у нотаріуса, гдѣ подписалъ записки объ отиѣнѣ вечера; но онъ поручилъ Муксу не разсылать ихъ до особаго распоряженія; онъ опасался, что Раутенъ, прослышавъ объ отиѣнѣ вечера, станетъ подозрѣвать объ угрожающей ему бѣдѣ.

Покончивъ у нотаріуса, Гансъ пошелъ въ домъ Дюрбека,

чтобы проводить своего друга въ могилу. Почти всѣ офицеры мѣстныхъ войскъ были тутъ, на лицо, и капитанъ былъ скороненъ со всѣми воинскими почестями. Духовенства на похоронахъ не было, и только Гансъ и еще одинъ товарищъ покойнаго произнесли прочувствованныя рѣчи надъ прахомъ погребшаго.

Воротаясь домой послѣ этой грустной церемоніи, Гансъ рѣшилъ, что наступила пора переговорить съ отцомъ, но прежде того ему хотѣлось перемолвить нѣсколько словъ съ бѣдной Франценью и онъ послалъ попросить ее сойти въ садъ. Молодая дѣвушка не заставила себя долго ждать.

— Это очень мило съ твоей стороны, Гансъ, сказала она, идя къ нему навстрѣчу,—очень мило, что ты вздумалъ погулять со мной; завтра будетъ некогда, а сегодня мы можемъ побродить вмѣстѣ въ послѣдній разъ... Въ послѣдній разъ! Какъ это странно и непріятно звучитъ! Знаешь, когда я объ этомъ подумываю, меня даже дрожь пробираетъ.

— Бываютъ иногда предчувствія, которыми не слѣдуетъ пренебрегать, отвѣчалъ Гансъ, взявъ ее подъ руку и ведя за собой въ глубину сада.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Гансъ? возразила Франциска съ испугомъ.—Опять ты принялся за свои страннѣе, темныя намеки! Зачѣмъ ты меня пугаешь?

— Пугать я тебя вовсе не хочу, моя милая. Вообще намъ никогда не слѣдуетъ пугаться, а надобно встрѣчать съ твердостью и спокойствіемъ всякое испытаніе, какое намъ посылается судьбою. Но позволь мнѣ предложить тебѣ одинъ вопросъ, милая моя сестра; мы его еще ни разу не затрогивали: слишкомъ сильно любишь ты Леопольда?

— Что за странный вопросъ, Гансъ! сказала молодая дѣвушка со смѣхомъ. — Завтра я дѣлаюсь его женою, а сегодня ты спрашиваешь, люблю-ли я его.

— Пойми меня хорошенько, душа моя, ласково возразилъ ей Гансъ. — Очень многіе вступаютъ въ бракъ потому только, что нѣсколько нравятся другъ другу, но любви тутъ еще нѣтъ.

— Я не понимаю такого различія, серьезно промолвила дѣвушка.

— Различіе, однако, весьма большое, продолжалъ Гансъ. —

Подъ именемъ любви разумѣють часто одно мимолетное увлеченіе, склонность, пожалуй, нѣкоторую привязанность, но которая можетъ такъ-же легко угаснуть, какъ и возгорѣлась. Но истинная любовь пускаетъ глубокіе корни въ сердце и только крѣпнеть среди бурь и страданій... Вотъ почему я и спрашиваю тебя, Френцхенъ: дѣйствительно-ли ты любишь своего жениха, или-же тебя только обольстила его пріятная, свѣтская, даже блестящая внѣшность, — обольстила настолько, что ты готова довѣрить ему всю свою будущность?

— Леопольдъ такой добрый, ласковый... проговорила Франциска.

— Ты не отвѣчаешь прямо на вопросъ, Френцхенъ!

— Отчего-же нѣтъ? Впрочемъ, если тебѣ непременно хочется слышать это слово, ну, да, я его очень люблю!

— Ты увѣрена въ этомъ?.. сказала Гансъ, смотря ей прямо въ ея голубые, обращенные къ нему глаза. — Но если-бы, напримѣръ, тебѣ привелось услышать... Не гляди на меня такъ испуганно, вѣдь я говорю только такъ, въ видѣ аллегоріи... Такъ если-бы тебѣ пришлось услышать, или даже болѣе, положительно увѣриться, что избранникъ твой человѣкъ недостойный, порочный... была-ли-бы ты въ состояніи разстаться съ мыслью о томъ, чтобы соединиться съ нимъ навѣки?

— Гансъ! воскликнула Франциска, освобождая свою руку и смотря брату въ лицо, блѣдная и испуганная, — ты говоришь серьезно?

— Душа моя, я спрашиваю только для примѣра. Когда мы рѣшаемъ арифметическую задачу, то производимъ повѣрку, чтобы убѣдиться въ вѣрности счета; точно такъ-же слѣдовало-бы намъ поступать и съ своими чувствами, чтобы быть вполне увѣренными, что мы не ошибаемся.

— Ты злой человѣкъ, Гансъ! До чего ты перепугалъ меня!.. Я никогда и не думала о подобныхъ вещахъ.

— Потому-то я и предложилъ тебѣ этотъ вопросъ, Френцхенъ. Часто до испытанія мы сами не знаемъ своихъ чувствъ.

— У тебя что-то особенное на умѣ, Гансъ! Скажи мнѣ, что такое? Ты меня дѣлаешь несчастною!

— Я хотѣлъ-бы видѣть тебя счастливою, душа моя, вотъ что! воскликнулъ глубоко тронутый Гансъ. — Я хотѣлъ-бы от-

клонить отъ тебя всякое зло своею братскою рукою! Но оставимъ этотъ разговоръ, я достаточно знаю теперь, что мнѣ нужно. Будь спокойна; знай, что тебя охраняютъ вѣрные сердца... Но у меня есть къ тебѣ просьба, Френцхенъ: нѣтъ-ли въ твоёмъ гардеробѣ ненужнаго тебѣ, но еще приличнаго платья? Я прошу его у тебя для одной бѣдной, брошенной мужемъ женщины; она находится въ крайней нуждѣ... Ты сдѣлаешь доброе дѣло, Френцхенъ!

— Ты выбралъ самую лучшую минуту для такой просьбы, Гансъ! воскликнула Франциска, можетъ быть, довольная переминою разговора. — Я только-что собиралась раздавать мой излишній гардеробъ прислугѣ... Ты можешь получить все, что желаешь.

— Употреблять во зло твоей доброты я не буду, душа моя, сказалъ Гансъ, — и попрошу у тебя всего одинъ нарядъ, но полный: съ головы до ногъ.

— Съ удовольствіемъ! Выбирай самъ!

— Ну, я слишкомъ мало понимаю въ вашемъ дамскомъ туалетѣ! возразилъ Гансъ со смѣхомъ. — Ты устрой все сама и, прошу тебя, сдѣлай это тотчасъ-же, не откладывая: чѣмъ скорѣе мы доставимъ эти вещи бѣдной женщинѣ, тѣмъ будетъ лучше.

— Хорошо, но, стало быть, наша прогулка должна окончиться?

— Что дѣлать, моя милая! Мнѣ и то некогда, надо поспѣшать въ городъ кончать кое-какія дѣла. Если ты соберешь вещи тотчасъ-же, то я могу завезти ихъ по дорогѣ.

Френцхенъ поспѣшила исполнить желаніе брата. Доставивъ ея пакетъ къ нотаріусу Пистеру, Гансъ воротился домой, чтобы переговорить, въ послѣднюю минуту, съ отцомъ. Френцхенъ и ея мать были снова заняты тысячью своихъ мелочныхъ распоряженій къ вечеру, то-есть, только отдачею приказаній, потому что сами онѣ, конечно, ни къ чему не прикладывали рукъ. Старикъ Зольбергъ былъ у себя наверху; подойдя къ дверямъ его комнаты, Гансъ остановился на минуту съ бьющимся сердцемъ; но къ чему могла служить нерѣшительность? Время не допускало отсрочки и онъ вошелъ.

Супруги Шаллеры въ это утро испытывали весьма непріятное расположеніе духа. Шаллеръ сидѣлъ въ гостиной, вытянувъ во всю длину свои длиннѣйшія ноги, откинувъ голову назадъ, на спинку кресла, запустивъ обѣ руки себѣ въ карманы, и посвистываль, уставивъ глаза въ потолокъ. Напротивъ него сидѣла его супруга еще въ утреннемъ неглиже, въ грязномъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбивались сѣдоватне уже волосы, и въ туфляхъ.

— Да перестань-же ты съ своимъ проклятымъ посвистываньемъ хоть на минуту! воскликнула она. — Ты всякаго доведешь до отчаянія, а у меня уже и такъ голова готова разорваться на части!

— Гмъ! пробурчалъ Шаллеръ, взглянувъ на нее далеко не нѣжнымъ взоромъ. — Это было-бы сожалѣніа достойно, конечно, но, милѣйшая моя, неужели ты полагаешь, что мнѣ веселѣе твоего? А свистъ все-таки развлекаетъ.

— Дальше-же что мы станемъ дѣлать? спросила жена.

— Да, дорогая моя, отвѣчалъ Шаллеръ, вытягиваясь, по возможности, еще болѣе, такъ-что ноги его очутились уже по другую сторону столика, — да, въ этомъ именно и вопросъ: что-же далѣе?... И подлость-то въ томъ, что дѣло идетъ, всего-на-все, объ какомъ-нибудь одномъ несчастномъ днѣ, о какихъ-нибудь двадцати-четырехъ часахъ!

— А зачѣмъ-же ты выдалъ вексель, да еще срочный?

— Невиннѣйшая душа! произнесъ Шаллеръ, но съ такою миною и выраженіемъ въ голосѣ, какъ-будто выговариваль самую злую брань, — а чѣмъ-же намъ жить-то было, да еще жить согласно твоимъ требованіямъ, голубка? Я былъ на горячихъ угольяхъ, какъ и въ настоящую минуту, — и попадись мнѣ такой-же осель, я точно также заключилъ-бы его въ свои объятія! Но какъ ни глупъ народъ вообще и какъ онъ ни позволяетъ пускать себѣ пыль въ глаза во всемъ прочемъ, — относительно кошелека, онъ хитеръ и обладаетъ даже какимъ-то инстинктивнымъ, почти судорожнымъ стремленіемъ держать его взаперти.

— Но я не могу понять, чтобы одинъ день могъ имѣть такое значеніе въ нашемъ положеніи! воскликнула г-жа Шаллеръ. — Ты можешь просто объявить, что сегодня именно у тебя нѣтъ наличныхъ денегъ, — это, вѣдь, можетъ съ каждымъ слу-

читься, — ну, а завтра, или тамъ послѣ-завтра, ты готовъ заплатить.

Шаллеръ вслушалъ ее привѣтливо, не измѣняя своего положенія, и только еще глубже, если это было возможно, втиснулся въ свое кресло. Когда-же она умокла, онъ кивнулъ ей ласково и проговорилъ:

— Ты слишкомъ умна, душечка, и даже удивительно, что держишься до сихъ поръ; слишкомъ умныя дѣти обыкновенно не живучи.

— Прошу безъ глупыхъ примѣчаній, Теодоръ! возразила она гнѣвно. — Развѣ я не права?

— Конечно, права, мой ангельчикъ! продолжалъ Шаллеръ съ самою любезною улыбкою. — Ты знаешь, что ты всегда права; единственный твой, трудно исправимый, недостатокъ состоитъ только въ томъ, что ты ровно ни въ чемъ ничего не смыслишь. Если я не заплачу сегодня, да еще по векселю, да еще предъявленному, то это сдѣлается тотчасъ извѣстно вездѣ, молва облетитъ весь городъ, и ты будешь имѣть удовольствіе принимать у себя, на другой-же день, пол-Роденбурга: всякихъ башмачниковъ, портныхъ, столяровъ, кандитеровъ, булочниковъ, мясниковъ, и тамъ чортъ знаетъ еще кого, съ самимъ господиномъ придворнымъ аптекаремъ Землейномъ, „по моему“, во главѣ.

— Я этого не понимаю! возразила баронесса.

— И это тебѣ вполне отпускается, отвѣчалъ мужъ. — Ужъ можетъ всякій добиться прилежнымъ ученіемъ, но глупость — это даръ природы и ее ничѣмъ не выбьешь.

— Ты невыносимъ! Я не могу больше жить съ тобою...

— Что-же ты ранѣе объ этомъ не догадалась? Я самъ удивляюсь твоему долготерпѣнію. Но послушай-ка: послала ты къ Раутену?

— Да, Катенька распорядилась... И я тебѣ замѣчу, что она знаетъ болѣе, чѣмъ ей слѣдовало-бы знать. У нея глаза были совсѣмъ заплаканы...

— Ну, перебилъ Шаллеръ, — заплаканныхъ глазъ въ городѣ не перечесть. Но кто-то звонить... Должно быть Раутенъ!

Онъ вскочилъ со стула и самъ отворилъ дверь.

— Ого! сказалъ графъ, окидывая взглядомъ комнату и понимая сразу семейное настроеніе, — что случилось? Барыня си-

дять, опустивъ крылышки, а самъ хозяинъ будто кусокъ ревеню жуеть!

— И не ошиблись ни на волосъ въ оцѣнкѣ положенія, отвѣтилъ Шаллеръ съ своимъ обыкновеннымъ жесткимъ юморомъ, непокидавшимъ его даже въ самыя трудныя минуты. — Я, дѣйствительно, въ настоящій моментъ пережевываю ревенъ съ прибавкою асса-фетиды, а мою милую супругу, горлицу, можно уподобить скорѣе мокрому пуделю.

— Но я принесъ хорошія вѣсти, отличныя вѣсти! сказалъ графъ, ставя шляпу на столъ и опускаясь въ кресло.

— Дьявола принесли! возразилъ Шаллеръ, поглядывая на него недоувѣрчиво. — Но могутъ-ли ваши вѣсти помочь мнѣ?

— Прочитайте, сказалъ Раутенъ, вынимая изъ кармана маленькую записку и передавая ее Шаллеру. — Это пишетъ мнѣ Френцхенъ по порученію своего отца.

Шаллеръ принялъ записку довольно небрежно, но едва бросилъ на нее взглядъ, мгновенно пережѣнился; онъ перевернулся на одной ногѣ, потомъ шлепнулся на коверъ, перебросился на скамейку, потомъ снова вскочилъ, однимъ взмахомъ отворилъ сигарный ящикъ и тронулъ часы, топнулъ ногою по скамейкѣ, такъ-что всѣ эти предметы заиграли разомъ, каждый свое, и при этомъ адскомъ концертѣ, самъ, въ своихъ утреннихъ шароварахъ и короткой вышитой курткѣ, принялся исполнять родъ индѣйской пляски, согнувъ колѣни, откинувъ весь корпусъ назадъ и выдѣлывая самыя невѣроятныя скачки и кривлянья.

— Теодоръ! ты съ-ума сошелъ! воскликнула г-жа Шаллеръ. — Ради Бога, остановите его, графъ!

Но Раутенъ только потѣшался, глядя на упражненія своего долговязаго друга, и тотъ унялся лишь потому, что ему захотѣлось еще разъ перечитать письмо.

— Что за милая дѣвушка, ваша невѣста! сказалъ онъ усмѣхаясь. — Какъ разумно пишетъ! Однакожъ, назначено въ половинѣ перваго, Раутенъ! О чемъ-же вы думаете? Уже пора!

— Нѣтъ, еще цѣлыхъ четверть часа остается, а идти отсюда недалеко, всего черезъ улицу. Я нарочно зашелъ, чтобы попросить васъ пойти со мною въ качествѣ свидѣтеля. Не откажетесь?

— Совершенно готовъ! Только приодѣнусь; но на это мнѣ достаточно пяти минутъ. Вотъ радость-то! Выходить-же и наша звѣзда!

— Довольны вы, наконецъ? Надѣюсь, что теперь вы доверяете мнѣ?

— Да я никогда не сомнѣвался.

— Шаллеръ!

— Клянусь честью!.. Можете-ли вы думать!.. Но ира мнѣ... Черезъ пять минутъ, я буду къ вашимъ услугамъ.

И радуясь, можетъ быть, предложу прервать разговоръ, Шаллеръ поспѣшилъ въ свою комнату, чтобы переимѣнить туалетъ.

Оставшись одна съ Раутеномъ, г-жа Шаллеръ накинута на него, горя желаніемъ узнать всѣ подробности дѣла, но графу было не до рассказовъ и, чтобы отдѣлаться отъ своей собесѣдницы, онъ рѣшился на довольно жестокое средство.

— Что это съ вами, однако? спросилъ онъ. — Вы какъ-то страшно переимѣнились. Право, я почти не узнаю васъ.

Приведенная въ себя такими словами, г-жа Шаллеръ бросила безпокойный взглядъ въ зеркало. Оно указало ей на ея неприглядное неглиже.

— О, Боже мой! простонала она и бросилась опрометью изъ комнаты. Она, баронесса фон-Шаллеръ, могла забыться до такой степени! Она не могла простить себѣ подобнаго промаха.

Раутенъ остался крайне доволенъ; онъ зналъ, что ей нужно, по крайней мѣрѣ, три четверти часа на то, чтобы имѣть возможность снова показаться въ гостиную. Шаллеръ, между-тѣмъ, не замедлилъ явиться.

— Знаете, Раутенъ, сказалъ онъ, — эта мысль стараго Зольберга выдать вамъ деньги еще наканунѣ свадьбы просто неоцѣненна! Мнѣ надо заплатить сегодня-же вечеромъ по векселю тысячу двѣсти талеровъ и я погибъ-бы, если-бъ не досталъ денегъ. А откуда ихъ взять!

— Однако, это поуменьшитъ вашъ капиталъ на порядочную сумму.

— Ну, знаете, я боюсь получить скорѣ послѣ вашего отъѣзда такое письмо отъ одной молодой дамы, которое поставитъ меня въ разныя затрудненія, а я вовсе не хочу ожидать его здѣсь.

— Вы уйдете?

— До сихъ поръ, я не могъ перемѣнить воздуха, хотя это мнѣ необходимо, потому-что средствъ къ тому у меня не хватало. Теперь дѣло иное. Не осель-же я буду, чтобы употребить эти тысячу двѣсти талеровъ на расплату! Подобныхъ глупостей я въ жизни не дѣлывалъ и теперь, на старости лѣтъ, не приходится мнѣ измѣнять свои привычки! Поэтому, любезный другъ, весьма вѣроятно, что я сегодня-же вечеромъ отправлюсь съ семейю погулять за городъ и встрѣчу солнечный восходъ въ горахъ. Для укладки необходимѣйшихъ вещей у меня въ распоряженіи цѣлый день, а остальная дрянь здѣсь, собственно говоря, и не принадлежитъ мнѣ. Чего тутъ сидѣть, въ самомъ дѣлѣ? Безъ васъ въ Роденбургѣ будетъ скука смертная!

— А Катенька? Я думалъ, одно время, что Гансъ ею интересуется.

— Я самъ былъ того-же мнѣнія, но кажется, у этой дурочки другая мысль въ головѣ. Хижина и сердце,—вы знаете! Она такъ обращалась съ Гансомъ, что у него всякая охота пропала. Однакожь, пора намъ въ путь, Раутенъ; вонъ уже и Зольберги прошли къ нотаріусу. Кстати, посмотрите, и Блендгеймъ у окна. Сегодня она въ первый разъ показывается. Какая-же она блѣдная!

Раутенъ отвернулся.

— Идемъ, идемъ, сказали онъ.—Вотъ бьетъ половина перваго, а старый баронъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ все разсчитано по минутамъ...

Что-же происходило, въ это самое утро, въ домѣ столяра Гандорфа? Общее настроеніе семьи стало какъ-будто яснѣе въ послѣднее время, но у старухи матери глаза бывали часто заплаканы, да и старикъ ходилъ сильно нахмурившись.

Отъѣздъ Карла былъ рѣшенъ. Мистеръ Гуммель формально посватался за Гретхенъ, получилъ ея согласіе и благословеніе ея родителей, и было условлено, что тотчасъ послѣ свадьбы, молодые отправятся въ Америку. Конечно и Карлу слѣдовало ѣхать вмѣстѣ съ ними, но старуха мать не могла помириться съ мыслью лишиться разомъ обоихъ дѣтей. Карлъ тоже видимо былъ угнетенъ думою объ отъѣздѣ; грусть жены и сына ложилась тяжелымъ гнетомъ на душу старика Гандорфа.

— Да полно-же тебѣ хныкать-то! сказалъ онъ, въ это утро, жегѣ, воротясь изъ мастерской въ комнату, чтобы немножко „вдохнуть“, какъ онъ выражался. — У меня сердце надрывается на тебя глядя, а ты знаешь, и безъ того мнѣ не легко!

— Что-же дѣлать, матушка? прибавилъ Карлъ. — Я самъ уѣзжаю съ камнемъ на сердцѣ; веселья я уже въ жизни не буду, да еще стану кручиниться и о васъ, покинутыхъ здѣсь. Но ты знаешь, что мнѣ нѣтъ другого исхода. Последняя моя надежда пропала; я молился только о томъ, чтобы отыскать того злодѣя, который погубилъ меня... нашелъ его, наконецъ... по крайней мѣрѣ, нашелъ человѣка, носящаго тѣ черты, которыя такъ болѣзненно врѣзались въ моей памяти. И что-же? Мнѣ говорятъ, что это графъ, что я не могу и подумать обвинить его, не имѣя противъ него никакихъ доказательствъ. И такъ, все потеряно для меня здѣсь, и единственное спасеніе мое въ дальнемъ изгнаніи.

Старуха залилась еще болѣе горькими слезами. Въ эту минуту, кто-то постучался въ дверь.

— Войдите! закричалъ Гандорфъ.

На порогъ показался нѣкто иной, какъ Муксъ, писецъ нотариуса Пистера.

— Не помѣшалъ ли я? спросилъ онъ.

— Милости просимъ! отвѣчалъ Гандорфъ. — Вы мѣшать не можете, потому-что наши дѣла вамъ извѣстны, и вы слишкомъ ясно доказали намъ, что принимаете въ насъ участіе. Прошу покорно, войдите!

— Я на одну минутку, сказалъ Муксъ.—Г. нотариусъ пригласилъ меня за вашимъ сыномъ; онъ хочетъ сообщить ему что-то важное и просить его придти тотчасъ-же немедленно.

— Меня? спросилъ Карлъ съ удивленіемъ.

— Да, васъ, но прошу поторопитесь; вамъ предстоитъ сдѣлать доброе дѣло. Болѣе ничего не могу сообщить вамъ; г. нотариусъ самъ все разскажетъ.

— Иди-же, Карлъ! воскликнула мать, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ слова Мукса, въ которыхъ ей блеснула какая-то надежда. — Неизвѣстно, чего хочетъ отъ тебя г. нотариусъ, но кромѣ добра, онъ тебѣ никогда ничего не желалъ.

— Конечно, иду, матушка! отвѣчалъ Карлъ, берясь за фу-

ражку.—Если-бы дѣло даже и не касалось меня, я радъ исполнить все удобное г. Пистеру.

Онъ вышелъ, пренебрегая своею обыкновенною неохотою показываться днемъ на улицахъ, сердце у него сильно забилося, онъ какъ-бы предчувствовалъ что-то необыкновенное. Муксъ, исполнивъ свое порученіе, поспѣшилъ въ „Римскій Отель“.

Нотариусъ Пистеръ встрѣтилъ Карла очень привѣтливо.

— Вы желали меня видѣть, г. нотариусъ... началъ Карлъ.

— Собственно хотѣлъ показать вамъ кое-что, перебилъ его старикъ съ своею обыкновенною сухостью.—Нельзя терять времени, ко мнѣ тотчасъ соберется цѣлая компанія. Знакома вамъ эта вещь?

Онъ указалъ ему на стоящую въ углу, крѣпкую, заостренную, оригинальнаго вида, сучковатую палку. Взглянувъ на нее, Карлъ бросился къ ней, ухватилъ ее обѣими руками и закричалъ, прерывавшимся отъ волненія, голосомъ:

— Это моя палка, та самая несчастная палка, которою незнакомецъ убилъ бѣднаго еврея! О, Боже мой! Откуда вы ее взяли?

Пистеръ отвѣтилъ не вдругъ; онъ кивнулъ сначала головою, какъ-бы показывая, что ожидалъ получить отъ Карла тотъ отвѣтъ, который только-что выслушалъ, и затѣмъ уже произнесъ:

— Получилъ я ее изъ суда, приговорившаго васъ къ тюремному заключенію. Я разумѣется, не писалъ, что хочу употребить эту вещь для открытія истиннаго убійцы, потому-что, узнавъ о моихъ побужденіяхъ, эти господа едва-ли-бы согласились прислать ее мнѣ: кому весело сознаться, что онъ совершилъ большую ошибку или слишкомъ поторопился! Но я просилъ прислать мнѣ эту палку, потому-что она можетъ быть мнѣ полезна для раскрытія слѣдовъ другого преступленія; и эта просьба не внушила никому подозрѣній. Палка, какъ вещественное доказательство, находилась при дѣлѣ, которое считалось уже совсѣмъ окончаннымъ, такъ-какъ преступникъ вынесъ должное наказаніе; въ этихъ соображеніяхъ, судъ не затруднился переслать ее мнѣ, съ тѣмъ условіемъ только, чтобы я доставилъ ее обратно, по минованіи надобности, для приобщенія къ документамъ, отъ которыхъ, собственно, ее и не слѣдовало-бы отдѣлять. Такъ это та самая палка?

— Какъ мнѣ не знать ее! воскликнулъ Карль. — Вотъ и змѣя, которая извивается вѣкругъ верхушки, вотъ и уродливая голова съ высунутымъ языкомъ, которая такъ смѣшила меня, потому-что напоминала мнѣ нашего прежняго подмастерья, Брейт-коффа!

— Хорошо, г. Гандорфъ, сказалъ нотаріусъ, взглядывая на стѣнные часы,—такъ узнайте-же, что сегодня намъ, можетъ быть, удастся привести къ полному сознанию того человѣка, котораго вы считаете убійцею.

— Г. нотаріусъ!.. воскликнулъ Карль, и не въ состояніи былъ продолжать, потому-что у него занялось дыханіе.

— Не могу посулить вамъ непременно, что онъ сознается и въ вашемъ дѣлѣ, продолжалъ Пистеръ,—весьма можетъ быть, что онъ и не захочетъ сознаться. Онъ уличается въ весьма многихъ преступленіяхъ и трудно сказать, какой окончательный оборотъ приметъ наша очная ставка. Я попрошу васъ, однако, взять эту палку и обождать съ нею въ сосѣдней комнатѣ, пока я или Муксъ не позовемъ васъ сюда. Учить васъ тому, что вы должны сказать, я не хочу; да если-бы я что и присовѣтовалъ вамъ, вы, все равно, тогда позабудете. Но только, предупреждаю васъ, будьте осторожны, а то эта палка можетъ побудить васъ совершить необдуманный поступокъ. Помните, что у насъ пока нѣтъ иныхъ доказательствъ противъ этого человѣка, кромѣ его сходства съ настоящимъ убійцею, въ которомъ вы еще можете и ошибаться, такъ-какъ со времени совершенія преступленія прошло много лѣтъ... Я думаю, не оставитъ-ли вамъ лучше палку здѣсь, такъ только, чтобы она въ глаза не бросалась...

Карль улыбнулся печально.

— Не опасайтесь съ моей стороны никакой неразумной выходки, я очень хорошо буду помнить, что я въ вашей собственной конторѣ! сказалъ Карль.—Я буду такъ-же спокоенъ, какъ и въ настоящую минуту, но палку вы дайте мнѣ. Онъ долженъ увидеть меня съ нею, и тогда обнаружится, справедливо-ли я обвиняю его, или нѣтъ.

— Такъ войдите въ эту комнату; я слышу, кто-то идетъ.

Карль поспѣшилъ исполнить приказаніе и Пистеръ заперъ за нимъ дверь.

Баронъ фон-Зольбергъ вышелъ, между-тѣмъ, изъ дома съ сво-

имъ сыномъ, находясь въ весьма возбужденномъ состояніи. И не было въ этомъ ничего удивительнаго. Въ квартирѣ его шли дѣятельныя приготовленія къ вечернему торжеству; сама Френцхенъ повстрѣчалась съ отцомъ на лѣстницѣ такая веселая и счастливая... и вся эта радость, все это ликованіе должны были разрушиться въ прахъ! Гансъ открылъ отцу страшныя вещи и настоялъ на приведеніи въ исполненіе того плана, который долженъ былъ уличить злодѣя; но все это казалось такимъ невѣроятнымъ, несбыточнымъ, и бѣдный баронъ еще смутно надѣялся, что Гансъ ошибается, что тотъ человѣкъ, которому они готовились вручить счастье своей дорогой Френцхенъ, не лицемеръ, не мошенникъ, забравшійся къ нимъ въ домъ съ адскимъ замысломъ!..

Отецъ и сынъ шли молча, погружаясь въ свои думы, и лишь у подъѣзда дома, гдѣ жилъ Пистеръ, старикъ Зольбергъ прервалъ тягостное молчаніе.

— Гансъ, сказалъ онъ, — я напрасно не взялъ съ собою денегъ. Что, если Раутенъ оправдается, какъ я и надѣюсь? Не вѣроятно, чтобы человѣкъ... такой человѣкъ... былъ преступень до подобной степени! Подумай, что и Шаллеръ знаетъ его хорошо...

— Батюшка, отвѣчалъ взволнованный Гансъ, — я не рѣшился бы на такое страшное обвиненіе, не имѣя въ рукахъ положительныхъ доказательствъ. Я просилъ тебя пойти вмѣстѣ со мною лишь для того, чтобы ты убѣдился во всемъ собственными глазами. Если же окажется, что Раутенъ невиненъ, ты увидишь, что я первый попрошу у него прощенія и во всемъ сознаюсь ему. И если онъ человѣкъ благородный, то онъ самъ пойметъ, что мы не могли поступить иначе, когда противъ него явились такія тяжкія обвиненія; доказавъ блистательно свою невинность и устранивъ всѣ поводы къ нареканіямъ за его прошлую жизнь, онъ сдѣлается намъ вдвое милѣе.

Старый баронъ не отвѣтилъ ничего, но слова сына успокоили его въ томъ отношеніи, что оставили ему лучъ надежды на благопріятное разрѣшеніе дѣла. Между-тѣмъ, на улицѣ показались Раутенъ и Шаллеръ. Завидя ихъ, Зольбергъ быстро вошелъ въ подъѣздъ.

— Задержи ихъ на минуту, Гансъ! сказалъ онъ сну. — Я

не въ состояніи теперь заговорить съ ними привѣтливо или хотя равнодушно; я пойду поскорѣе наверхъ, посоветуюсь еще съ Пистеромъ и соберусь съ силами. Дѣло неизбежно, я вижу, и ты можешь быть увѣренъ, что я сумѣю держать себя.

Гансъ послѣдовалъ-бы охотно за отцомъ, потому-что ему самому тяжело было притворяться въ эту минуту, но необходимость заставила его надѣть маску, несвойственную его честной, прямодушной натурѣ.

— Здорово, Гансъ! сказалъ, подходя къ нему, Раутенъ. — Отецъ здѣсь?

— Здѣсь. Здравствуйте, Шаллеръ. Не зайдете-ли вы къ нотариусу? Намъ нужна пара свидѣтелей, но мы васъ долго не задержимъ.

— Съ удовольствіемъ, любезнѣйшій Зольбергъ! отвѣчалъ Шаллеръ, крѣпко пожимая протянутую ему руку. — Раутенъ уже пригласилъ меня сюда съ этою цѣлью.

— И прекрасно; но намъ нечего особенно торопиться наверхъ; отецъ толкуетъ тамъ съ нотариусомъ, они приведутъ все въ порядокъ и мы придемъ на готовое. Какъ-же вы поживаете, Шаллеръ? Все по старому?

— По старому, дорогой Зольбергъ, по старому, я всегда тотъ-же! Есть кое-какія непріятныя дѣлишки, — платежи не поступаютъ въ срокъ и тому подобное; но дуракъ тотъ, кто горюетъ изъ-за такихъ пустяковъ; я, по крайней мѣрѣ, не таковъ!

— А жена ваша? Дочь?

— О, жена моя отлично исполняетъ свою роль! Вопреки законамъ природы, она съ годами все молодѣетъ. Вы только представьте себѣ, что она хочетъ непременно задать въ скоромъ времени вечеръ, потому-что еще не совершенно папласалась въ настоящій сезонъ!

— А сегодня развѣ случая къ тому не будетъ? сказалъ Гансъ, продолжая разговоръ, чтобы задержать своихъ собесѣдниковъ.

— Это у васъ! возразилъ Шаллеръ. — Нѣтъ, вы, я вижу, дѣла не понимаете. Въ чужомъ домѣ, кто возьметъ танцовать старуху? У себя-же въ домѣ, танцоры, въ нѣкоторомъ родѣ, ея крѣпостные; и правду сказать, она жестоко эксплуатируетъ ихъ!

Въ эту минуту, изъ-за угла показался Муксъ съ какою-то дамою. Завидя у подвѣзда знакомыхъ людей, онъ быстро отворилъ дверь и пропустилъ свою спутницу впередъ. Эта особа была въ довольно нарядномъ платьѣ и въ шляпкѣ съ маленькимъ чернымъ вуалемъ, закрывавшимъ ей лицо.

— Гансъ! видѣлъ ты эту даму? воскликнулъ Раутенъ, когда она исчезла въ подвѣздѣ.

— Даму? Кажется, прошла кабая-то. А что?

— Удивительно! сказалъ Раутенъ.—Я чуть было не принялъ ее за Френцхенъ. Не только ея платье, но и платокъ...

— Однако, намъ пора, перебилъ Гансъ.—Три четверти перваго.

Онъ вошелъ въ подвѣздъ; Раутенъ и Шаллеръ послѣдовали за нимъ, весьма довольные близкимъ наступленіемъ окончанія дѣла.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ДАРЫ ВЕСНЫ.

Опять, опять пришла весна,
Медовый мѣсяць всей природы,
И снова, какъ въ былые годы,
Для всѣхъ дары свои она
Рукою щедрой расточаетъ,
Ростить душистые цвѣты,
Ихъ въ кудри женскія влечетъ,
И намогильные кресты
Плющемъ зеленымъ обвиваетъ.
Дарить больными—докторовъ,
Навозомъ свѣжимъ—агрономовъ,
Травую сочною—коровъ
Шпинатомъ, спаржей—гастрономовъ.
Весна за данью сыплеть дань:
Загаръ, кумысъ, веснушки, розы,
Побѣги дѣвственной березы
Для педагоговъ и для бань.
Весна во всѣ стучится двери,
Бѣжитъ быстрѣе въ жилахъ кровь...
Въ сердцахъ—весенняя любовь
И тифъ въ весенней атмосферѣ.

Дм. Мининъ.

НОВОСТИ ЖЕНСКАГО ДѢЛА.

У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ идея женской равноправности стоитъ на очереди практическихъ задачъ, получившихъ не только право гражданства, но и законодательную санкцію, такъ что теоретическое развитіе этой задачи почти уже кончено, и *женскій вопросъ*, какъ вопросъ рѣшенный въ положительномъ смыслѣ, ожидаетъ своего практическаго осуществленія. Прогрессомъ женскаго дѣла опредѣляется вообще прогрессъ общественной жизни народа, обновленія его понятій и той исторической роли, которая суждена той или другой націи въ ея будущемъ развитіи. Такимъ образомъ, незамѣтно, но постепенно и шагъ за шагомъ совершается на нашихъ глазахъ мирная и благотворная реформа, которая со временемъ отразится на матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи человѣчества. Въ Америкѣ, дѣло женскаго освобожденія уже близко къ своему полному окончанію, какъ это читатель увидитъ изъ нашей слѣдующей статьи. Европа, хотя и отстала отъ Америки во многомъ, между прочимъ, и въ дѣлѣ женской равноправности, но и здѣсь женская эманципація съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все большіе и большіе и столь прочные успѣхи, что будущее торжество женщинъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Швейцарія уже нѣсколько лѣтъ служитъ центромъ международной женской ассоціаціи, допуская женщинъ участвовать въ дѣятельности конгресса лиги мира; въ Швейцаріи онѣ работаютъ на телеграфныхъ и въ почтамтахъ, имѣютъ для себя учительскую семинарію и служатъ преподавательницами въ низшихъ классахъ школъ;—въ Швейцаріи давно уже цюрихскій университетъ открытъ для женщинъ, которыя учатся въ немъ и кончаютъ курсъ наравнѣ съ мужчинами. Послѣ того, какъ въ 1867 году Суслова выдержала

здѣсь съ полнымъ успѣхомъ экзаменъ на степень доктора медицины, хирургіи и акушерства, наплывъ женщинъ въ цюрихскій университетъ значительно усилился. Въ 1870 г. въ немъ слушали лекціи 23 женщины, — 21 по медицинскому и 2 по философскому факультету. Изъ нихъ одна родомъ изъ кантона Ааргау, двѣ изъ Лондона, одна изъ Эдинбурга, одна изъ Бостона, четыре изъ Петербурга, двѣ изъ Москвы, двѣ изъ Одессы, одна изъ Финляндіи. Въ 1871 году въ университетъ поступили вновь 6 женщинъ изъ Россіи и 3 изъ Англіи. Недавно медицинскій факультетъ возвелъ на степень доктора медицины англичанку миссъ Морганъ, а въ началѣ нынѣшняго года г-жа Марія Бокова, жена петербургскаго врача, выдержала съ блестящимъ успѣхомъ экзаменъ на доктора медицины, хирургіи и акушерства. Вслѣдъ за нею начала свои экзамены на степень миссъ Дѣмокъ изъ Бостона. Нѣкоторыя иностранныя газеты, указывая на относительно большое число русскихъ студентовъ въ Цюрихѣ, рассыпаются въ комплиментахъ русскимъ женщинамъ и читаютъ назиданія своимъ соотечественницамъ за то, что ихъ въ университетѣ такъ мало сравнительно съ русскими. Но эти похвалы и эти укоризны не совѣтъ основательны: русскихъ много потому, что сфера высшаго образованія для нихъ слишкомъ тѣсна дома, между тѣмъ, какъ американки, англичанки, французенки, шведки могутъ получать университетское образованіе и на родинѣ.

Одна изъ самыхъ мирныхъ и такъ рѣдко напоминающихъ о себѣ націй, именно Швеція, подобно Швейцаріи, отворила двери своихъ университетовъ и коллегій, для образованія женщины. Университеты упсальскій и лундскій и стокгольмская медицинская коллегія давно уже допускаютъ въ число своихъ студентовъ женщинъ всѣхъ сословій и состояній. По инициативѣ бывшаго министра просвѣщенія, профессора Карлсона, женщинамъ дозволена здѣсь медицинская практика на одинаковыхъ правахъ съ врачами-мужчинами. Вѣроятно, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится и состоявшееся у насъ въ нынѣшнемъ году повелѣніе о допущеніи женщинъ на медицинскій факультетъ шведско-финляндскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Русская женщина имѣетъ теперь возможность изучать медицину въ предѣлахъ имперіи, но для этого она должна знать шведскій языкъ, на которомъ читаются въ гельсингфорскомъ университетѣ всѣ лекціи, — такой

языкъ, изъ котораго въслѣдствіи нельзя сдѣлать особенно полезнаго примѣненія.

Нигдѣ въ Европѣ женское движеніе не достигло такихъ обширныхъ размѣровъ и не одержало такихъ блистательныхъ побѣдъ, какъ въ Англіи. Англичанки, получившія уже право голоса на муниципальныхъ выборахъ, продолжаютъ дѣятельно хлопотать о полной политической равноправности половъ, сознавая, что пока женщины не будутъ выбирать представителей націи и засѣдать въ парламентѣ наравнѣ съ мужчинами, до тѣхъ поръ невозможны никакія законодательныя улучшенія въ сферѣ женскаго быта. Билль о равноправности былъ внесенъ въ первый разъ Миллемъ въ 1867 г. и получилъ въ свою пользу 90 голосовъ; въ 1869 г. его внесъ вторично Джонъ Брайтъ и за него подано было 98 голосовъ; въ 1871 г. Дж. Брайтъ внесъ его въ третій разъ, и въ пользу билля былъ поданъ 151 голосъ и поступили въ парламентъ 420 петицій съ 150,000 подписей. Хотя всѣ три раза билль былъ отвергнутъ большинствомъ голосовъ, но число подписей на петиціяхъ и число парламентскихъ голосовъ въ пользу билля постепенно увеличиваются; его поддерживаютъ важнѣйшіе города соединенныхъ королевствъ, Лондонъ, Эдинбургъ, Лидсъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Плимутъ, Бирмингамъ, Шеффилдъ, Бостонъ и др.; сторонники билля получили уже важную уступку въ дарованіи женщинамъ муниципальныхъ избирательныхъ правъ,—все это убѣждаетъ насъ, что недалеко то время, когда женское дѣло съ торжествомъ пройдетъ черезъ парламентъ. „Я знаю, говоритъ Брайтъ, какъ упорно противодѣйствуетъ наше табуное мнѣніе всякой жизненной реформѣ, но знаю и то, что рано или поздно оно уступаетъ здравому смыслу и совѣсти народа“.

Во всѣхъ значительныхъ городахъ Великобританіи продолжаютъ публичные курсы для женщинъ, читаемые лучшими профессорами и учеными по всѣмъ предметамъ университетской программы. И многочисленность женщинъ, посѣщающихъ эти курсы, и ихъ учебные успѣхи вполнѣ убѣждаютъ, что по своимъ стремленіямъ и способностямъ къ высшему образованію женщины нисколько не ниже мужчинъ. Экзамены, производимые на курсахъ смѣшанныхъ, читаемыхъ для обоихъ половъ вмѣстѣ, даютъ иногда совершенно неожиданный результатъ, такъ-какъ перевѣсъ успѣховъ оказывается за дѣвицами даже въ строго научномъ изученіи матема-

тики, физики, химіи и другихъ точныхъ наукъ. Вотъ отзывъ профессора Фразера, преподающаго женщинамъ въ Единбургѣ логику и философію. „У меня было 65 слушательницъ. Сорокъ восемь изъ нихъ принимали участіе въ окончательныхъ экзаменахъ и всякаго рода испытаніяхъ. По мѣрѣ развитія моего курса, я все болѣе и болѣе убѣждался, что ученицы мои по своимъ способностямъ и прилежанію могли сравняться только съ наиболѣе даровитыми и трудолюбивыми студентами, какиихъ я когда-либо имѣлъ счастье преподавать“.—Въ настоящемъ 1871 г. публичные курсы для женщинъ при лондонскомъ университетѣ открыты по слѣдующей программѣ: языки латинскій, еврейскій, англійскій, французскій, итальянскій, нѣмецкій, философія и логика, юриспруденція, гигиена, исторія, конституціонное право и исторія Англии, математика, физика, практическая химія, геологія, архитектура, ботаника.

Профессиональное образованіе женщины, имѣющее цѣлью приготовленіе хорошихъ работницъ и поднятіе женскаго труда до такой высоты, чтобы задѣльная плата женщины могла возвыситься до уровня мужской, — даетъ такіе-же благопріятные результаты, какъ и высшее образованіе. Въ профессиональныхъ школахъ, женщины учатся фотографскому ремеслу, гравированью, бухгалтеріи, каллиграфіи, стенографіи и т. д. Виѣсть съ тѣмъ онѣ получаютъ и общее образованіе; напр., въ лондонской коллегіи для работницъ ученицы слушаютъ литературу и исторію Англии, географію, геологію, латинскій и французскій языки; по словамъ экзаменаторовъ, онѣ оказываютъ хорошіе успѣхи, и нѣкоторыя изъ нихъ свободно могли-бы выдержать вступительный университетскій экзамень. Коллегія для работниковъ открыла свои двери и для женщинъ, что, конечно, будетъ имѣть немаловажное вліяніе на популяризацію женскаго дѣла среди нисшихъ классовъ народонаселенія, женщины которыхъ прежде всего имѣютъ право желать улучшенія своего быта. Изъ 6,000,000 взрослыхъ англичанокъ 3,000,000 работаетъ для своего содержанія и 2 изъ 3 ведетъ самостоятельную жизнь. Когда эта масса просвѣтится и заживетъ разумною политическою жизнью, тогда женское дѣло получитъ такія силы, какиихъ оно не можетъ имѣть никогда, ограничиваясь, какъ теперь, контингентомъ сторонниковъ изъ среднихъ и высшихъ классовъ. Филантропическая дѣятельность разныхъ обществъ мало приноситъ существенной пользы.

Таково, напр., „Общество покровительства женскому труду“ (The society for promoting the employment of women), существующее уже одиннадцать лѣтъ. Передъ нами лежитъ послѣдній годичный отчетъ его, изъ котораго видно, что кромѣ поддержанія нѣсколькихъ профессиональныхъ школъ, это общество втеченіе года зрѣискало постоянныя мѣста для 63 и временныя занятія для 69 женщинъ;—пріисканныя имъ занятія—переписка, переводы, работы въ фотографіяхъ, конторахъ, телеграфныхъ, парикмахерскихъ, должности экономокъ, кормилицъ и т. д. Дѣятельность подобныхъ обществъ въ Англіи постепенно усиливается, расширяется и остается не безъ значенія для несчастныхъ женщинъ, нуждающихся въ трудѣ и въ подготовкѣ къ нему, но все-таки нельзя не пожалѣть, что средства, которыми располагаютъ упомянутыя общества, не расходуются болѣе рациональнымъ образомъ, не употребляются на устройство производительныхъ женскихъ ассоціацій.

Въ Италіи продолжается пропаганда въ пользу высшаго женскаго образованія и женской равноправности; читаются публичныя лекціи, издаются брошюры, организуются общества, и въ числѣ друзей женскаго дѣла мы видимъ здѣсь нашу соотечественницу, г-жу Татьяну Свѣтову, сотрудницу „Rivista Europea“.

Въ Венгріи женское движеніе, несмотря на то, что оно началось тамъ очень недавно, оказываетъ значительные успѣхи. Общество для распространенія высшаго женскаго образованія открыло для женщинъ публичныя лекціи, читаемыя лучшими профессорами и учеными Венгріи. Лекціи эти имѣютъ громадныя успѣхи, онѣ даже переводятся на нѣмецкій языкъ и расходятся между австрійскими нѣмками. Кромѣ упомянутого общества въ Венгріи не мало другихъ подобныхъ, напр., *Ферейнъ* для образованія женской прислуги, *Ферейнъ* дѣтскихъ садовъ, который содержатъ въ Пештѣ Фребелевскую школу съ 150 воспитанницами и т. д. Въ одно изъ засѣданій венгерскаго парламента, министръ путей сообщенія и промышленности сообщилъ о недостаткѣ служащихъ по телеграфному и почтовому вѣдомствамъ. Экономистъ Горнъ и другіе депутаты спросили, почему онъ не допуститъ на службу женщинъ, какъ это уже сдѣлано въ Америкѣ и во многихъ европейскихъ странахъ. Начались пренія, и, несмотря на противодѣйствіе президента палаты, вопросъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Вскорѣ затѣмъ 50 женщинъ были приняты на почтовую и 30 на телеграфную

службу. Правительство учредило публичные курсы для желающих поступить на телеграфъ, и эти курсы посѣщаются многими женщинами. Парламентъ недавно далъ женщинамъ право быть учительницами въ публичныхъ школахъ и постановилъ основать три учительскихъ семинаріи для женщинъ и три смѣшанныя для обоихъ половъ. Многія венгерки занимаются стенографіей, и парламентъ хотѣлъ было допустить ихъ наравнѣ съ мужчинами къ занятіямъ при своихъ засѣданіяхъ, но президентъ палаты, отчаянный консерваторъ, помѣшалъ этой реформѣ. Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій парламента ему была представлена въ первый разъ петиція о дарованіи женщинамъ всѣхъ политическихъ правъ. Само собою понятно, что она не имѣла успѣха, но это нисколько не подорвало надеждъ и энергіи друзей женской равноправности. На одномъ изъ женскихъ митинговъ рѣшено просить министра просвѣщенія о реформѣ женскаго образованія, сообразно съ современными требованіями педагогики.

Что европейское общество освободилось въ значительной степени отъ недавно заражавшаго его предубѣжденія противъ общественной дѣятельности женщины,—это доказывается множествомъ приведенныхъ нами и другихъ фактовъ. Давно-ли, напр., женщины врачи были встрѣчаемы съ недовѣріемъ, осыпаемы насмѣшками, а теперь ихъ встрѣчаютъ вездѣ съ распростертыми объятіями. Недавно городской совѣтъ Триеста поднесъ почетный подарокъ и благодарственный адресъ г-жѣ Даль-Эйнъ, сдѣлавшей въ этомъ городѣ 144 хирургическихъ операціи. Жители задали ей великолѣпную серенаду съ иллюминаціей. Лѣтъ двадцать тому назадъ подобная овація была рѣшительно немнслима, и г-жѣ Даль-Эйнъ могло предстоять тогда или полицейское преслѣдованіе или общая насмѣшка.

До послѣдней войны дѣло женской эманципаціи шло во Франціи довольно живо. Война прекратила публичные курсы для женщинъ, прекратила женскую газету „Droit des Femmes“, погубила многихъ защитниковъ женскаго дѣла, нѣмецкими ядрами и пулями, а мартовскія событія разбѣяли многихъ талантливыхъ людей по разнымъ захолустьямъ изгнанія или ссылки. Но та-же война показала, что женщина обладаетъ и рѣшительнымъ героизмомъ и способностью дѣйствовать наравнѣ съ мужчиною даже въ эпохи самыхъ страшныхъ общественныхъ бѣдствій. Француженки дрались съ нѣмецкими солдатами, въ рядахъ національной гвардіи, онѣ

пресиживали цѣлыя ночи у постели больныхъ, перевязывали раны и воодушевляли своей энергіей и отчаянной тоской своихъ дѣтей и братьевъ.

Война расшевелила и нѣмокъ. Ихъ дѣятельность въ это время ограничивалась только пожертвованіями, щипаніемъ корпін да обязанностями сестеръ милосердія, онѣ не доходили до такого остервенѣнія, какъ ихъ мужья и братья, и если Французскіе плѣнники встрѣчали въ Германіи человѣческое состраданіе и братскую помощь, то этииъ они были обязаны женщинамъ.

Война должна отозваться самымъ невыгоднымъ образомъ на положеніи женщины, тѣмъ болѣе, что послѣ нея всѣ государства начали усиленно заботиться о развитіи своихъ военныхъ силъ. Одна нѣмецкая газета говоритъ по этому случаю: „гдѣ наполняются казармы, тамъ увеличивается число дѣвушекъ, осужденныхъ на безбрачіе. Молодые люди проводятъ въ казармахъ то время, когда болѣе всего заключается союзовъ между мужчиной и женщиной. Часто тотчасъ послѣ заключенія союза, молодой человѣкъ долженъ слѣдовать за барабаномъ. Три года отсутствія во всякомъ случаѣ тяжелое испытаніе. Три года отсутствія въ этотъ періодъ жизни едва-ли могутъ пройти безъ того, чтобы не подвергнуть величайшей опасности любви мужа или влюбленнаго. И нужно вспомнить, что эти три года казарменной жизни, въ которой молодые люди проводятъ свою жизнь внѣ семейства, всего хуже дѣйствуютъ на нравственныя отношенія бездомнаго холостяка къ женщинѣ. Но этими тремя годами дѣло не ограничивается. За ними слѣдуетъ служба въ резервѣ. Молодой человѣкъ находится постоянно подъ страхомъ призыва, и до тѣхъ поръ, пока продолжается это, въ большинствѣ случаевъ онъ не можетъ основать себѣ какого-нибудь прочнаго занятія и устроить обезпеченнаго положенія для жены и дѣтей. Ежедневно читаетъ онъ въ газетахъ объявленія, что на ту или другую должность ищется человѣкъ, „свободный отъ военной службы“ (militärfrei), такъ какъ „несвободные отъ военной службы“ не годятся. И подкатываютъ тридцатые года прежде, чѣмъ человѣкъ сдѣлается свободнымъ отъ военной службы, если только онъ не имѣлъ счастія раньше освободиться отъ нея, сдѣлавшись калѣкой, т. е. инвалидомъ.—Милитаризмъ затрудняетъ браки, умножаетъ число безбрачныхъ женщинъ. Съ другой стороны, онъ ухудшаетъ положеніе

работающихъ женщинъ. Въ каждомъ рабочемъ семействѣ сыновья и дочери раздѣляютъ между собою труды; первые естественно берутъ на себя болѣе трудную, а послѣднія—болѣе легкую работу. Но вотъ братъ уходитъ въ казарму, и трудъ, которымъ онъ занимался до тѣхъ поръ, падаетъ на сестру. Женщины и дѣвушки всюду должны отправлять тяжкія работы за своихъ братьевъ и даже сыновей, стоящихъ въ это время на часахъ у дверей какого-нибудь генерала.

Но если развитіе милитаризма съ одной стороны неблагопріятно дѣйствуетъ на положеніе семейства и ухудшаетъ положеніе женщины, лишая ее покровительства и помощи мужчины, усиливая проституцію, то, съ другой стороны, она болѣе и болѣе указываетъ на необходимость развитія самостоятельнаго женскаго труда. Мы уже видѣли, какъ велико въ Англіи число женщинъ, живущихъ своими трудомъ. Въ Германіи эти самостоятельныя труженицы также довольно обыкновенны. Въ Вѣнѣ незамужнихъ женщинъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ Европы. Въ 1864 г. на 1,000 женщинъ старше 40 лѣтъ здѣсь приходилось 459 незамужнихъ и 408 замужнихъ, въ Берлинѣ 373 незам. и 503 замужнихъ, въ Парижѣ 264 незам. и 592 зам., въ Лондонѣ 303 незам. и 551 зам. Большинство этихъ незамужнихъ живетъ своими средствами. Подробныя свѣденія о числѣ женщинъ, ведущихъ самостоятельную экономическую жизнь, даетъ намъ статистика Берлина за 1867 г. Женской прислуги здѣсь 42,639, т. е. 1 изъ 8 жительницъ Берлина живетъ въ услуженіи; мужской прислуги 5,596, т. е. 1 на 23 жителя. Проститутокъ, по официальнымъ свѣденіямъ, 10,760. Портняжествомъ занимается женщинъ 1 изъ 31, а мужчинъ 1 изъ 37; прачешнымъ ремесломъ женщины 1 изъ 108, мужчины 1 изъ 7,473; торговлею—женщины 1 : 115, мужчины 1 : 12; воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей—ж. 1 : 206, м. 1 : 148; модами фабрикаціей цвѣтовъ и перьевъ—ж. 1 : 210, м. 1 : 3,548; содержаніемъ гостиницъ и квартиръ—ж. 1 : 319, м. 1 : 62; уходомъ за больными—ж. 1 : 407, м. 1 : 168; искусствомъ, литературой, театромъ—ж. 1 : 734, м. 1 : 109.

Вообще занимается трудомъ мужчинъ 1 изъ 1,45, женщинъ 1 изъ 3,40. Изъ 30,636 вдовъ 20,124 живутъ собственнымъ трудомъ, 4,863 на капиталъ и пенсіи, т. е. изъ 100 вдовъ 83

живуть на свои средства, а замужнихъ женщинъ, живущихъ своимъ трудомъ, приходится 72 на 100. Размѣры и значеніе женскаго труда постепенно расширяются, и въ настоящее время въ Германіи можно встрѣтить точно такіе-же типы женщинъ, независимыхъ и экономически, и нравственно, какими славится Америка.

„Я знаю, говоритъ Фанни Левальдъ, — богатаго башмачника, владѣльца большого собственнаго дома, получившаго за свои произведенія медаль на лондонской и парижской выставкахъ... Однажды онъ мнѣ рассказывалъ, что его старшая дочь, работая на швейной машинѣ, наживаетъ до 300 талеровъ въ годъ. Я спросила у него, работаетъ-ли она у него въ мастерской? — „Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я не хочу вести денежныхъ расчетовъ съ моими дѣтьми. Она работаетъ для большого магазина пальто и мантилій, и я никогда не спрашиваю, на что она держитъ заработанныя деньги, тѣмъ болѣе — прибавилъ онъ съ улыбкою — что я безъ того это знаю: когда она накопила маленькую сумму денегъ, всегда сама приходитъ ко мнѣ и проситъ помѣстить ихъ на выгодныхъ условіяхъ. Ей теперь 22 года, съ 15 лѣтъ она начала зарабатывать для себя деньги, и теперь имѣетъ около 1,200 тал. Конечно, сумма эта могла и должна-бы быть больше; но года три тому назадъ она познакомилась съ молодымъ студентомъ медицины, очень бѣднаго происхожденія, который самъ проложилъ себѣ дорогу въ школъ и въ университетъ. Онъ красивый и приличный молодой человекъ, такъ-что я противъ него ничего не имѣю. Она мнѣ ничего не повѣрила и онъ также, но онъ часто приходитъ къ намъ, и я знаю, что она уже два года помогаетъ ему деньгами, чтобы онъ могъ давать менѣ частныхъ уроковъ и имѣлъ время скорѣе приготовиться къ выпускному экзамену, для котораго она, вѣроятно, тоже снабдитъ его нужными средствами. Когда дойдетъ дѣло до свадьбы, я дамъ приданое, и если первое время молодой докторъ не будетъ имѣть большой практики, то можетъ взять капиталъ жены на помощь...“ Такихъ примѣровъ я могла-бы привести множество“, добавляетъ Фанни Левальдъ. Но еще несравненно болѣе примѣровъ несчастнаго положенія одинокихъ и беспомощныхъ женщинъ, нуждающихся въ трудѣ и не находящихъ его или неприготовленныхъ къ нему въ достаточной степени. Предложеніе женскаго труда въ Германіи усиливается со дня на день, и въ массѣ этихъ труженицъ мы видимъ не однихъ пролетаріа-

токъ, вдовъ, сиротъ, женъ, брошенныхъ мужьями, но множество „молодыхъ и старыхъ дѣвушекъ, которыя недовольны своею судьбой, чувствуя себя *безполезными* и лишними на свѣтѣ; часто встрѣчаются между ними гувернантки и компаньонки, которыхъ тяготитъ мысль вѣчно жить въ безысходной зависимости“ (Ф. Левальдъ, Письма, 1871 г., стр. 3). Съ цѣлью помощи этому, постоянно возрастающему, женскому пролетариату, вся Германія быстро покрывается обществами или фереями, содѣйствующими развитію женскаго труда и женскаго образованія. Въ Берлинѣ въ 1867 г. было основано первое „Общество для содѣйствія ремесленной дѣятельности женскаго пола“, которое, въ силу своей программы, заботится объ устройствѣ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ женщинъ къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ, объ учрежденіи справочныхъ конторъ и присканіи занятій, о доставленіи бѣднымъ женщинамъ дешевыхъ квартиръ и стола и т. д. Вскорѣ послѣ открытія ферея къ нему присоединились реальная торгово-промышленная школа для дѣвочекъ профессора Клемента, институтъ Лоффа для приготовления взрослыхъ дѣвицъ къ торгово-ремесленнымъ занятіямъ и, наконецъ, Базаръ Викторія, — складъ продаваемыхъ женскихъ издѣлій. „Со времени открытія Базара Викторія“, — говоритъ управляющій его дѣлами, — „нуждающимся женщинамъ вдругъ представилось, что для нихъ открылся, наконецъ, тотъ чудотворный источникъ, къ которому стоитъ только подойти и всѣ желанія мигомъ удовлетворятся. Цѣлыми толпами эти несчастныя спѣшили изъ разныхъ мѣстностей искать спасенія и помощи у новаго источника; почта приносила тысячи слезами омоченныхъ писемъ, въ которыхъ мы читали множество грустныхъ біографій и еще больше жалобъ, которыя всѣ оканчивались ужаснымъ крикомъ: „дайте намъ хлѣба, дайте платья намъ и дѣтямъ нашимъ!“ Кто же были эти просящіе и умоляющіе? Все это были люди не третьяго или четвертаго сословія, но большею частію члены средняго сословія и высшаго общества; часто среди нихъ находились женщины знатнаго происхожденія, весьма образованныя, — лица, служившія когда-то украшеніемъ своего сословія, и ставшія теперь въ тягость себѣ и другимъ. Особенно большой контингентъ нуждающихся представляли женщины чиновнаго міра“. Базаръ не въ состояніи удовлетворять требованіямъ всѣхъ просительницъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть ихъ

была неподготовлена къ труду и представляла плохія работы. Изъ 3,000 женщинъ, обращавшихся въ Базаръ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, только 200 получили работу. Кромя доставленія работы и сбыта женскихъ рукодѣлій, Базаръ даетъ женщинамъ дешвыя квартиры и столъ.

Вмѣстѣ съ этимъ ферейномъ, въ Берлинѣ существуетъ множество другихъ, — общество народныхъ кухонь, ежедневно снабжающее пищу нѣсколько тысячъ человекъ, убѣжище для беззащитныхъ женщинъ, отечественный женскій ферейнъ, главное занятіе котораго уходъ за больными, ферейнъ дѣтскихъ садовъ, общество художницъ, общество учительницъ и воспитательницъ, общество для бесѣды и взаимнаго обученія и т. д. Такіе-же ферейны мы видимъ въ Лейпцигѣ, Брауншвейгѣ, Бременѣ, Бреславлѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ, Ганноверѣ, Глогау, Дармштатѣ, Дрезденѣ, Карлсруэ, Касселѣ и др. городахъ. Основанный въ южной Германіи „Всеобщій ферейнъ для народнаго воспитанія и улучшенія женскаго быта“ имѣетъ болѣе 1,000 членовъ; цѣль его — одинаковое воспитаніе лицъ обоеихъ половъ для труда. Чтобы поближе познакомиться съ характеромъ дѣятельности этихъ ферейновъ, мы приведемъ здѣсь выдержки изъ программы упомянутаго „Всеобщаго ферейна“, который центръ своей дѣятельности перенесъ недавно изъ Штутгарта въ Вѣну.

Для рациональнаго воспитанія народа Союзъ принимаетъ слѣдующія мѣры:

„1) Учрежденіе дѣтскихъ садовъ по методѣ Фребеля и школъ для малолѣтнихъ по методѣ Фельзинга. 2) Учрежденіе юношескихъ садовъ, въ которыхъ обязанное посѣщать школы юношество въ свободное время могло-бы получать основныя понятія о ремеслахъ, торговлѣ и хозяйствѣ. 3) Приготовительныя школы для тѣхъ учениковъ (14 — 15 лѣтъ), которые хотятъ посвятить себя механическимъ ремесламъ, искусствамъ, торговлѣ. 4) Промышленно-торгово-экономическія школы для юношества 16 — 18 лѣтъ. Всѣ эти заведенія предназначаются исключительно для женскаго пола. 8) Учрежденіе международныхъ академій наукъ и драматическаго искусства. Эти академіи должны поощрять дѣятельность писателей и писательницъ, издавать и распространять общепользныя сочиненія, обращая свое преимущественное вниманіе на литературу женскаго дѣла и воспитанія.

Для улучшенія женскаго быта: 1) учрежденіе пріютовъ для дѣ-

тей рабочихъ въ возрастѣ отъ 3 недѣль до 3 лѣтъ. 2) Медицинскія коллегіи для надзора и ухода за дѣтскими здоровыми и больными; 3) родильныя больницы; 4) убѣжища для безпріютныхъ женщинъ; 5) школы для образованія нянекъ, сидѣлокъ, кухарокъ, экономокъ и другихъ служанокъ; 6) введеніе для женскаго пола свободы обученія и учительства, уравниеніе женскаго образованія съ мужскимъ, приготовленіе дочерей образованныхъ и зажиточныхъ семействъ къ поступленію въ университеты; 7) учрежденіе въ большихъ городахъ женскихъ музеевъ изъ лучшихъ произведеній искусствъ и литературы и женскихъ рукодѣлій; эти музеи должны быть и женскими клубами, и образовательными заведеніями, такъ-какъ въ нихъ будутъ устроены публичныя лекціи. При музеяхъ учреждаются школы для женщинъ всѣхъ классовъ, сберегательныя кассы и справочныя конторы для женщинъ; 8) агитація въ пользу преобразованія женскихъ благотворительныхъ фрейновъ въ производительныя общества; 9) достиженіе законодательнаго покровительства женскому труду, — чтобы задѣльная женская плата была уравнена съ мужской, въ случаяхъ одинаковаго достоинства работы; 10) агитація въ пользу устройства постоянныхъ международныхъ выставокъ женскихъ произведеній; 11) реформа модъ, сообразно съ требованіями гігіены и въ видахъ противодѣйствія дамской роскоши.

Подобныя-же цѣли преслѣдуетъ и основанный недавно въ Вѣнѣ „всеобщій женскій фрейнъ для развитія женскаго образованія и труда“. Для достиженія первой цѣли онъ учреждаетъ еженедѣльные чтенія, бесѣды и дебаты о призваніи женщинъ, воспитаніи дѣтей, гігіенѣ, хозяйствѣ, искусствахъ и т. д.; основаніе женскаго музея и женскихъ вечернихъ классовъ для преподаванія правописанія, арифметики, исторіи, естествознанія, стилистики, бухгалтеріи, рисованія, стенографіи, святія мѣровъ и кроенія. При этой школѣ учреждаются классы языковъ итальянскаго, венгерскаго, польскаго, чешскаго, французскаго, англійскаго и русскаго. Сторонники женскаго образованія въ Австріи вообще сильно напираютъ на распространеніе между женщинами языкованія, въ видахъ сближенія и слиянія народностей, входящихъ въ составъ имперіи.

Приведемъ еще выдержки изъ статутовъ недавно возникшаго „фрейна учительницъ и воспитательницъ въ Австріи“. Фрейнъ имѣетъ своєю цѣлью: а) содѣйствовать умственнымъ и матеріаль-

нымъ интересамъ учительницъ и воспитательницъ, в) содѣйствовать сближенію ихъ съ родителями ради общаго разрѣшенія задачъ воспитанія. Ферейнъ учреждаетъ собранія для чтеній и бесѣдъ о педагогическихъ и научныхъ предметахъ; посылаетъ своихъ представительницъ на общіе съѣзды германскихъ учителей; основываетъ вспомогательныя и кредитныя кассы для учительницъ и воспитательницъ, принадлежащихъ къ нему, прискиваетъ занятія для своихъ членовъ.

Независимо отъ просвѣтительной дѣятельности сотенъ женскихъ ферейновъ, разсѣянныхъ по всей Германіи, всюду возникаютъ общественныя и частныя женскія гимназіи и профессиональныя школы, публичныя лекціи для женщинъ и т. д. Кенигсбергскій университетъ въ этомъ году открылъ женщинамъ доступъ въ свои аудиторіи. Что же касается основаннаго въ Берлинѣ въ 1869 г. женскаго лицея *Викторія*, то онъ далеко не оправдалъ собою тѣхъ надеждъ, которыми былъ встрѣченъ. Въ немъ читаютъ исторію, географію, исторію искусствъ и литературы и т. д. Но онъ вовсе не даетъ того образованія, которое принято называть высшимъ. „Лицей этотъ“ — говоритъ Фанни Левальдъ — „ничто иное, какъ курсы частныхъ уроковъ, которыми всегда пользовались образованныя и богатыя дѣвушки, съ тою только разницею, что эти уроки даются сообща, и потому женщины могутъ пользоваться хорошими учителями за дешевую плату. Нѣтъ спора, что это прекрасно и очень полезно многимъ женщинамъ, въ особенности тѣмъ, которыя готовятъ себя въ учительницы или гувернантки; но такія заведенія не въ состояніи поднять общій уровень общественнаго развитія и съ тѣмъ вмѣстѣ улучшить положеніе женщины“. Нужно надѣяться, что этому дѣлу поможетъ открытіе кенигсбергскаго университета для женщинъ; вѣроятно и нѣкоторые другіе университеты вскорѣ послѣдуютъ за нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмки, подобно женщинамъ другихъ странъ, устремятся преимущественно на медицинскіе факультеты, тѣмъ болѣе, что права на практическое приложеніе другихъ отраслей университетскаго образованія имъ еще нужно добиваться, а медицинская практика теперь объявлена въ Германіи совершенно свободною и право на нее нисколько не зависитъ отъ дипломовъ.

При всѣхъ обширныхъ размѣрахъ, женское движеніе въ Германіи поражаетъ умѣренностью своей программы. Нѣмецкіе друзья

женскаго дѣла хлопочуть о приготовленіи и доущеніи къ разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности однихъ только одинокихъ женщинъ, вдовъ, сиротъ, дѣвухекъ, пролетаріатокъ. Семейная жизнь, по ихъ воззрѣніямъ, все-таки остается преимущественною сферою женской дѣятельности. Агитація въ пользу семейной и политической равноправности половъ очень слаба. Все вниманіе, всѣ силы нѣмецкихъ эманципаторовъ устремлены на развитіе женскаго образованія и труда. Это главная задача, которую поставила себѣ Германія въ современномъ разрѣшеніи женскаго вопроса, — задача очень умѣренная и идущая объ руку съ общимъ движеніемъ прогрессивной Германіи. Но лучшіе люди ея давно понимаютъ, что существенная сторона этого вопроса требуетъ болѣе широкихъ взглядовъ на общественную реформу, предстоящую женскому дѣлу, и что безъ экономической равноправности дальнѣйшій успѣхъ его едва-ли возможенъ. А въ этомъ отношеніи соотечественники Шульце-Делича остаются глухи къ требованіямъ времени. Впрочемъ, нужно замѣтить, что нѣмцы въ теоріи вовсе не вооружаются противъ политической равноправности половъ. Та-же Фанни Левальдъ, которая говоритъ, что „эманципація женскаго труда — единственная эманципація, которую до сихъ поръ благоуміе можетъ допустить“, — та-же Фанни Левальдъ пишетъ въ пользу равноправности. „Я сознаю“ — говоритъ она — „что моя политическая проницательность не такъ велика, какъ у царствующихъ женщинъ, но и я настолько имѣю ее, насколько извозчикъ, хозяинъ пивной лавки, цирюльникъ и проч., которые каждый вечеръ толкуютъ о ней въ пивномъ погребѣ, а въ одно прекрасное утро откладываютъ работу на три часа, чтобы отправиться на выборы. Когда я читаю длинный списокъ именъ разныхъ мелкихъ чиновниковъ, торгашей, помѣщиковъ, писарей, необразованныхъ сельскихъ учителей и пасторовъ, съѣхавшихся изъ отдаленнѣйшихъ провинцій на выборы и избираемыхъ въ депутаты, то я вспоминаю тѣхъ даровитыхъ и образованныхъ женщинъ, которыхъ встрѣчала на родинѣ и за-границей, и говорю себѣ: эти ограниченные, необразованные избиратели, эти, не знающіе свѣта гласные, эти депутаты, которые кромѣ права голоса никакихъ достоинствъ не имѣютъ, всѣ эти люди, потому только, что они мужчины, пользуются правами, которыхъ въ сущности нисколько не заслуживаютъ, и въ тѣхъ-же самыхъ правахъ отказываютъ самымъ раз-

вѣтъмъ женщинамъ только потому, что онѣ женщины. Развѣ это справедливо? Неужели это останется и всегда должно оставаться такъ...“

Женское движеніе начинаетъ проникать даже на Востокъ. Въ Константинополь основана женщинами эманципационная газета, издающаяся на новогреческомъ языкѣ. Вице-король египетскій основалъ въ Каирѣ женское училище въ обширныхъ размѣрахъ. Нѣсколько американокъ прибыло въ Индустанъ для открытія здѣсь школы для туземныхъ дѣвушекъ. Эманципационныя идеи начинаютъ уже волновать и индусовъ. Недавно въ Мадрасѣ индуска Рунгамба Гару читала для своихъ соотечественниковъ публичную лекцію по женскому вопросу; доказывая изъ индійской исторіи способность женщинъ къ наукѣ и общественной дѣятельности, указывая на эманципационное движеніе Европы, она убѣждала своихъ слушателей въ необходимости солиднаго образованія для своего пола.

Сообщивъ всѣ эти новости, мы желали-бы, чтобы хоть нѣкоторые изъ нашихъ читательницъ извлекли изъ нихъ что-нибудь поучительное для себя; мы желали-бы, чтобы примѣръ Европы возбуждалъ у насъ энергію сторонниковъ женскаго дѣла и повелъ-бы къ основанію русскихъ ферейновъ съ цѣлью развитія женскаго труда и образованія; мы желали-бы, наконецъ, чтобы публика получила возможность посредствомъ какаго-нибудь литературнаго органа знакомиться съ современнымъ положеніемъ русской женщины и слѣдить за ходомъ женскаго движенія въ Россіи и за границей. А то въ настоящее время мы находимся въ рѣшительномъ невѣденіи, что у насъ дѣлается по женскому вопросу. Мы не узнаемъ даже, что дѣлается въ столицахъ, какъ, напр., идутъ въ Петербургѣ частныя женскія реальныя гимназіи, а о провинціяхъ уже и говорить нечего. Между тѣмъ и въ столицахъ, и въ провинціяхъ нашлось-бы много такихъ явленій, знакомство къ которымъ необходимо и полезно для всѣхъ сторонниковъ женскаго дѣла. Мы укажемъ здѣсь на одно изъ такихъ явленій. Въ Иркутскѣ, подъ управленіемъ г-жи Тюменцевой, вотъ уже три года существуетъ дѣтскій садъ, устроенный по методѣ Фребеля и содержимый на частныя пожертвованія. Преподаваніемъ въ немъ занимаются женщины. Въ 1869 г. въ немъ обучалось 37 дѣтей, въ 1870 г. 54, въ 1871 г. до 70. Расходъ за 1870 г. составлялъ 1,765 рублей. Встрѣченный недовѣріемъ и глупыми пересудами обывателей, дѣтскій садъ мало по малу

заслужилъ общее уваженіе, особенно въ мнѣніи людей бѣдныхъ, дѣти которыхъ преимущественно посѣщаютъ его. Въ 1870 г. въ немъ было:

Дѣтей чиновниковъ	19
» мѣщанъ	21
» духовныхъ	6
» купцовъ	5
» солдатъ	3

Итого 54

Подобныхъ отрядныхъ примѣровъ женской дѣятельности, думаемъ, найдется немало, но они остаются въ неизвѣстности и о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы узнаемъ только изъ иностранныхъ газетъ. „Allgemeine Frauenzeitung“, напр., сообщаетъ, что въ Петербургѣ въ химическомъ обществѣ состоитъ членомъ дѣвица Анна Волкова, написанный которою трактатъ о химіи заслужилъ всеобщее одобреніе химическаго общества, въ собраніи котораго онъ былъ читанъ.

Намъ остается сказать о движеніи женскаго дѣла у одного изъ великихъ народовъ, а именно американцевъ, идущихъ въ главѣ современной цивилизации и свободы, но, какъ мы замѣтили выше. объ этомъ мы поговоримъ въ особой статьѣ. Изъ обзора же представленныхъ нами фактовъ видно, что повсюду, куда только проникаетъ хотя слабый лучъ знанія и прогрессивной мысли, общественное положеніе женщины, расширеніе сферы ея дѣятельности, гражданскихъ и политическихъ правъ, поднятіе уровня ея интеллектуальныхъ силъ и нравственной самостоятельности глубоко сознаны мыслящими людьми и такъ или иначе разрѣшаются практическимъ путемъ. Право на трудъ и одинаковое вознагражденіе женщины сравнительно съ мужчиной, право на высшее образованіе вездѣ признано, и если не вошло въ область законодательныхъ мѣръ, то и не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны общественнаго мнѣнія. А всякій новый шагъ, въ этомъ направленіи неизбежно ведетъ за собою общее улучшеніе общественнаго быта, и отражается на реформѣ тѣхъ архаическихъ началъ, которыя такъ дурно вліяютъ на семейные нравы и наши ежедневныя взаимныя отношенія, самыя дорогія нашему сердцу и самыя важныя для подростающаго поколѣнія,—на отношенія отца къ матери, дѣтей къ родителямъ и каждой отдѣльной семьи къ цѣлому обществу.

С. Шашковъ.

НА ПОЖАРИЩЪ.

(Изъ Гейне).

Быстро начали Гамбургъ, обстраивать вновь,
Хоть его половина сгорѣла.
Словно пудель подстриженный, городъ смотрѣлъ...
Все въ немъ видъ невеселый имѣло.

Многихъ улицъ его я совсѣмъ не узналъ,
А когда-то зналъ твердо. Гдѣ зданье
Незабвенное? Въ немъ я впервые любилъ
И вкушалъ первой страсти лобзанья?

Гдѣ знакомая мнѣ типографія? Въ ней
Издаль я «Путевыя картны;»
Гдѣ тотъ погребъ, въ которомъ водилась всегда
Бочки устрицъ и чудныя винны?

Гдѣ Дрексаль, мой издатель? Куда онъ пропалъ?
Здѣсь подъ лепломъ слѣды его скрыты.
И гдѣ тотъ павильонъ, близъ котораго я
Ѣлъ съ такимъ аппетитомъ бисквиты?

Старой ратуши тоже не вижу кругомъ,
Гдѣ сходилось правленье сената,
Тамъ теперь обгорѣлыя стѣны однѣ...
Всѣ погибло въ огнѣ безъ возврата.

До сихъ поръ не пришли горожане въ себя
И съ испугомъ, въ какомъ-то угарѣ,
Посвящали меня въ свой угрюмый разговоръ
Объ ужасномъ и грозномъ пожарѣ.

Какъ самъ городъ, познавшій такую бѣду,
 Видь у этихъ людей былъ печалень,
 И бродили уныло и молча они,
 Походя на двуногихъ развалинь.

Худощавые сдѣлались тоньше еще,
 Толстяки еще больше расплылись,
 Преждевременно дѣти состарились вдругъ,
 Старики же въ дѣтей обратились.

Всѣ, которыхъ телятами прежде я зналъ,
 Оказались большими быками
 И знакомые мнѣ молодые звѣрки
 Настоящими стали скотами.

Я утѣшить спѣшилъ приунывшихъ гражданъ:
 « Полно хныкать, возмитесь за дѣло,
 Люди добрые, Троя богаче была,
 Да и та, какъ извѣстно, сгорѣла.

Снова стройте себѣ вы другіе дома,—
 Изъ печали не выкроишь шубы,—
 Да о томъ позаботьтесь, чтобъ были у васъ
 Понсиранинѣ пожарныя трубы!!“.

Дн. Мичуринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новорожденные — «Гражданинъ» и «Азіятскій Вѣстникъ»; живые — «Вѣстникъ Европы»; больные — «Заря»; мертвые — «Знаніе».

На обширномъ кладбищѣ русской журналистики лежатъ сотни изданій, погибшихъ преждевременной смертію. Кладбище обширное, могилы нигѣмъ неоплаканныя! Тутъ мы видимъ черные кресты и увядшія иммортели надъ могилами изданій, вполне солидныхъ и благонамѣренныхъ, въ родѣ „Весельчака“, „Эпохи“ и „Брунды“, и могилы изданій легкомысленныхъ, мальчишескихъ, въ родѣ газеты „Очерки“ и другихъ въ Возѣ почившихъ журналовъ, отъ которыхъ, по мнѣнію г. Каткова, яко-бы пошло все зло земли русской. Старѣйшій изъ нашихъ журналистовъ, штатс-ратъ Краевскій, при взглядѣ на это кладбище, имѣетъ полное право поставить эпитафію къ своей литературной автобіографіи слова полковника Скалозуба:

„Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ:
Вакансіи какъ-разъ открыты, —
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты!...“

Эта великая смертность — не менѣе семидесяти могилъ за какіе-нибудь двѣнадцать лѣтъ — всего лучше доказываетъ, что наши періодическія изданія страдаютъ сильнымъ худосочиємъ и вообще плохимъ здоровьемъ; многія изъ нихъ одержимы постояннымъ страхомъ смерти. При такихъ обстоятельствахъ естественно встрѣчатъ съ радостью каждое новое свѣтило, восходящее на журнальномъ горизонтѣ и надѣяться узрѣть въ немъ „чаяніе Израиля“. Ны-

вѣшній годъ былъ бѣденъ новыми журналами, еще бѣднѣе содержаніемъ ихъ, но *hoppis soit qui mal у pense...* Не съ тѣмъ мы взяли за перо, чтобы говорить о худосочіи нашей журналистики, а съ тѣмъ, чтобы привѣтствовать новыя свѣтила, проводить съ почетомъ въ малѣ угасающія и сказать доброе слово о тѣхъ, которыя озаряли нашъ темный путь за настоящій годъ.

Изъ восходящихъ созвѣздій, обѣщающихъ свѣтитъ намъ въ будущемъ году, хотя и заимствованнымъ свѣтомъ отъ „Московскихъ Вѣдомостей“, но все-же свѣтомъ новымъ, гражданскимъ, — первое мѣсто принадлежитъ „Гражданину“.

Широкая и торная дорога лежитъ передъ „Гражданиномъ“, какъ это видно изъ его обширной и велерѣчивой программы „Гражданинъ“ смѣло заявляетъ, что „цѣль его — ввести въ міръ повременной печати новое начало“ и совершенно реформировать отношенія журналистики къ публикѣ. Слушайте, слушайте во всѣ уши — дѣло идетъ о реформѣ и „новыхъ началахъ“, которыя дасть Россіи г. Градовскій. Вся дѣятельность „Гражданина“ будетъ совершенно своеобразная и программа его до того интересна, что мы изложимъ ее по пунктамъ.

„Чтобы сдѣлаться руководительницею общества, періодическая печать въ свое время должна была *встать впереди русской жизни...* Теперь пора иная. Предпринимая новое изданіе, мы становимся прямо и твердо *посреди жизни русскаго государства*“. Слѣдовательно, г. Градовскій не желаетъ „вести Россію впередъ“, какъ выражался о себѣ г. Катковъ, а намѣревается преспокойно усѣсться на самый пупъ русской земли и составить изъ себя нѣчто въ родѣ центральной планеты, вокругъ которой —

Свѣтиль возженныхъ миллионы

Въ неизмѣримости текутъ!...

Идея, поистинѣ, грандіозная! Только мы нѣсколько опасаемся, что г. Градовскому не удастся осуществить ее, и наши опасенія основаны на слѣдующихъ, довольно основательныхъ, соображеніяхъ. Какъ извѣстно, г. Катковъ уже давно и торжественно отрекся отъ того, что онъ „ведетъ Россію впередъ“; онъ постоянно заявлялъ и заявляетъ о себѣ, что также „стоитъ прямо и твердо *посреди жизни русскаго государства*“, и онъ дѣйствительно возсѣдаетъ на самомъ пупѣ Россіи; поэтому мы думаемъ, что г. Градовскому вдвоемъ съ г. Катковымъ на одной и той-же точкѣ сидѣть будетъ тѣсно, да врядъ-ли даже онъ сможетъ и взо-

братся на нее, ибо всѣ попытки Краевскихъ, Трубниковыхъ, Кашпиревыхъ и др. помѣститься на упомянутомъ пупѣ оказались неудачными.

„Стоя *посреди* этой внутренней жизни“, продолжаетъ г. Градовскій, „мы будемъ въ состояніи видѣть ея свѣтлыя и прекрасныя стороны отчетливѣе и ярче; мы увидимъ также, что слабыя ея стороны серьезнѣе и опаснѣе, чѣмъ мы вообще привыкли думать“. Неизвѣстно, гдѣ „Гражданинъ“ будетъ указывать опасность для отечества,—тамъ-ли, гдѣ видитъ ее Катковъ, или тамъ, гдѣ прозрѣваетъ ее духовными очами г. Аскоченскій, но можно догадываться, что, стоя „посреди русской жизни“, г. Градовскій будетъ бить направо и налево и, какъ онъ самъ выражается, „неизмѣнно твердо презирать все то, что похоже на заискиванье популярности или поклоненіе тому, что принято называть *модными идеями*“. Ну, это и значить помѣститься въ самомъ центрѣ московской охранительной команды. Открещиваясь отъ модныхъ идей и отрекаясь отъ всѣхъ „литературно-политическихъ кружковъ или партій“, г. Градовскій ни въ какихъ случаяхъ и ни въ какихъ вопросахъ другихъ авторитетовъ не будетъ признавать, кромѣ исторіи цивилизаціи всего образованнаго міра и 10-ти столѣтій нашей исторической жизни“. Невозможно понять, что хочетъ сказать гражданинъ-Градовскій и о какихъ это „другихъ авторитетахъ“ говорить онъ, которые-бы не заключались въ исторію цивилизаціи всего образованнаго міра и въ десяти столѣтіяхъ нашей исторической жизни“; вѣдь даже всѣ „презираемыя“ гражданиномъ-Градовскимъ „модныя идеи“, всѣ, какіе угодно, авторитеты входятъ въ „исторію цивилизаціи всего образованнаго міра...“ Рѣшившись не признавать никакихъ авторитетовъ, никакихъ „литературно-политическихъ партій“ и направленій, давая въ своемъ журналѣ мѣсто „*всякому серьезному мнѣнію*“ и въ то-же время оставляя за собой право критиковать и опровергать эти мнѣнія, гражданинъ-Градовскій хочетъ доходить до всего своимъ умомъ и тутъ-же, въ программѣ, даетъ читателю понятіе о блистательномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей. Сказавъ, что цѣль „Гражданина“ ввести въ міръ журналистики новое начало— „*независимость отъ литературно-политическихъ кружковъ или партій*“, что каждый вопросъ будетъ разсматриваться имъ *независимо отъ предвзятыхъ мыслей кружковъ*, г. Градовскій развиваетъ эту мысль, между прочимъ, въ слѣдую-

днихъ строкахъ, которыя должны обезсмертить его имя, потому-что такой безмыслицы никогда не бывало даже и въ русской журналистикѣ:

„Въ умственномъ мірѣ Россіи есть отголоски каждаго образа мыслей, каждаго воззрѣнія на жизненные ея вопросы; но въ умственномъ мірѣ Россіи нѣтъ безусловнаго имъ отголоска, нѣтъ того процесса, который интересы общіе приноситъ въ жертву интересамъ и предвзятымъ мыслямъ кружка“. „Гражданинъ“—то, отрекающійся отъ всѣхъ авторитетовъ и предвзятыхъ мыслей кружковъ или партій, и восполнить такой недостатокъ, будетъ упомянутымъ „безусловнымъ отголоскомъ, который интересы общіе приноситъ въ жертву интересамъ и предвзятымъ мыслямъ кружка!...“

Въ довершеніе этой тирады, которая одна можетъ дать понятіе о предстоящей карьерѣ „Гражданина“, онъ будетъ мѣнять сроки своихъ выходовъ и выходить то еженедѣльно, то рѣже, то листами, то книжками; лѣтомъ — въ одномъ форматѣ, зимой — въ другомъ, такъ-что гражданинъ-Градовскій будетъ не только просвѣщать, но и развлекать разнообразными востунами, сообразно разнымъ сезонамъ.

Другое свѣтило на горизонтѣ нашей журналистики уже свѣтитъ намъ, подъ созвѣздіемъ покойнаго Булгарина, съ прошлаго сентября. Это „Русскій Міръ“, поднятый изъ могилы, въ которую его нѣкогда уложилъ г. Стелловскій или Героглифовъ—это разберетъ только безпристрастное потомство. Воскресшій „Русскій Міръ“, украшаемый именованіемъ неизвѣстно откуда взяшагося г. Комарова, намѣревается воскресить собой только-что въ мірѣ почившую „Вѣсть“ и повѣдать отечеству недосказанную чушь г. Скарятинимъ. Спѣшите, милые соотечественники, слушать и подписываться: г. Скарятинъ оживаетъ въ образѣ г. Комарова и собирается громить всякую „интригу“ и „измѣну“. Онъ также будетъ стоять „на стражѣ отечества“, какъ катковскій триумвиратъ органовъ и только-что оперяющійся „Гражданинъ“. При такомъ богатствѣ охранительныхъ командъ нашей печати, мы можемъ спать еще спокойнѣе и крѣпче, чѣмъ спали до сихъ поръ. Чего-же намъ больше желать! Но какъ ни велика своимъ числомъ выставленная рать г. Каткова, (все-же мы думаемъ, что она не такъ опасна, какъ считаютъ ее; и виноватъ въ этомъ никто иной, какъ предводитель ея, махавшій своимъ рыцарскимъ мечомъ такъ долго по

воздуху, что никто больше не боится этого меча, никто больше не вѣрить этому напускному нафосу ужаса и крика. Въ богатомъ арсеналѣ г. Каткова остались одни обломки стараго оружія, которыми онъ такъ удачно боролся съ созданными имъ-же самими призраками крамолы и измѣны. Откуда-же возьмутъ новаго оружія новыя войны? Съ какими еще призраками они намѣрены сражаться? Поживемъ — увидимъ!

Въ календарѣ катковскаго лицея на 1871—1872 года говорится: „Тѣлесное наказаніе должно быть исполняемо никакъ не служителемъ, но всегда тѣмъ учителемъ, въ глазахъ котораго совершенъ проступокъ... Въ Англіи право тѣлеснаго наказанія принадлежитъ главному учителю, т. е. директору“ *). Михаилъ Никифоровичъ, вы „главный учитель“, „директоръ“ всѣхъ этихъ Комаровыхъ, Трубниковыхъ, Градовскихъ. Отчего вы не пользуетесь по отношенію къ нимъ тѣмъ „правомъ“, которое вы предоставили себѣ въ стѣнахъ своего лицея? Вѣдь безъ дисциплины ваша разнокалиберная рать распустится и васъ-же самихъ, со всей вашей неувыдаемой славой, покроетъ безславіемъ. Ничего, немножко можно наказать и тѣлесно.

Наконецъ, съ будущаго года готовится освѣщать насъ „Азіятскій Вѣстникъ“, столь-же извѣстнаго г. Пашино, какъ и г. Комаровъ. Это будетъ несомнѣнно звѣзда первой величины, потому что настоящій свѣтъ всегда изливался на насъ именно изъ Азіи, и потому мы, не будучи даже волхвами, можемъ предсказать блистательную судьбу этого нарождающагося младенца. Великая задача, которую беретъ на себя „Азіятскій Вѣстникъ“, состоитъ въ чемъ-то такомъ, чего не пойметъ ни одинъ восточный магъ, ни одинъ европейскій спиритъ—это соединеніе несоединяемыхъ предметовъ, что-то въ родѣ разрѣшенія квадратуры въ кругъ—слиянiя Азіи съ Европой, Востока съ Западомъ. Задача эта впрочемъ не новая въ нашей всеобъемлющей журналистикѣ; эту задачу разрѣшалъ нѣкогда „Свѣточъ“ (царство небесное ему! Тоже изъ покойниковъ) и разрѣшалъ ее съ такимъ усердіемъ, что наконецъ издатель его принужденъ былъ даромъ посылать книжки своимъ подписчикамъ, чтобы они хоть безмездно поучались слиянію Евро-

*) Прежде говорилось: «наказать плетью или инутомъ столькими-то ударами *чрезъ палачей*»; а нынѣ—у Каткова: «наказать розгами столькими-то ударами *чрезъ учителей*». Занятіе, значить, облагородилось!...

пы съ Азіей. Подвигъ поистинѣ неприхвѣрный и назидательный для всѣхъ, желающихъ слѣять.

Но остановимся и подождемъ, когда подростутъ эти птенцы и оперятся во всю прелесть своего украшенія; это только было привѣтствіемъ съ нашей стороны грядущимъ въ міръ святелямъ всякой ерунды и истины, всякаго плодотворнаго зерна и мякны.

Послѣ этого привѣтствія мы должны прочесть отходную „Зарѣ“, умирающей отъ продолжительной и тяжелой болѣзни. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что еще въ 1869 г. „Заря“ помѣстила у себя подложное стихотвореніе Фета, съ акростихомъ: „*Заря Каштирева умираетъ*“. Съ тѣхъ поръ положеніе больной значительно ухудшалось, и наконецъ, какъ недавно сообщали газеты, она осталась только при 700 подписчикахъ. А жаль эту протопопицу нашей журналистики! Когда и какое изданіе просвѣщало своихъ читателей такими солидными статьями, какъ „Вліяніе Сербіи и Афона на русскую литературу въ XIV и XV вѣкѣ“ — И. Некрасова; „Греко-Болгарскій церковный вопросъ“ — Тесовскаго; „Коротенькое обзорѣніе очерки русской исторіи до татаръ“ М. Погодина, доказывающаго, что удѣльную Русь спасли только молитвы отшельниковъ (№ 1, стр. 281). Но учеными матеріями наша протопопица занималась только въ свободное время, котораго у нея было мало, — все по хозяйству хлопотала, при помощи своихъ почтенныхъ сотрудниковъ. Съ г-жей Кобяковой пекла она „Пряники“ (повѣсть, № 7), съ г. Блюммеромъ возилась „Около золота“ (романъ), съ г. Шиповымъ постоянно бесѣдовала „О нашемъ экономическомъ положеніи“, съ г-жей Кухановской плела „Лапти“ (комедія, № 1) и т. д., и т. д. Главнымъ ея помощникомъ по хозяйству былъ Афонасій Фетъ, знаменитый стихотворецъ, который теперь торгуетъ овсомъ и хлѣбомъ, раздаетъ голодающимъ крестьянамъ хлѣбъ подъ проценты (№ 6, стр. 15), служитъ мировымъ судьей, и ведетъ жизнь очень странную, — то вслѣдствіе отхода отъ него кухарки, онъ въ самозабвеніи и „*неизвѣстно сколько времени стоитъ въ мучительномъ раздумьи передъ конюшней*“ (стр. 46), то ходитъ, неизвѣстно зачѣмъ, —

По гладкой пѣнѣ моря

Разутою, нетовущей ногой (№ 3, стр. 32).

Обширная корреспонденція г. Фета „Изъ Деревни“ (№ 6)—это верхъ совершенства; такія глубокомысленныя теоріи и блестящія соображенія рѣдко встрѣчаются даже и въ „Зарѣ“, Фетъ доказываетъ, напр., что современное хозяйство помѣщиковъ вполнѣ рационально и такъ-же целесообразно, какъ известный поступокъ крыловскаго Тришки. „Тришка былъ правъ, говоря:—такъ я же не дуракъ, когда догадался, отрѣзавъ фалды и полы, починить кафтанъ“, совершенно серьезно разсуждаетъ Фетъ. „Такъ поступаетъ всякое разумное хозяйство“, т. е. по примѣру Крыловскаго Тришки (стр. 8)!.. Для развитія народнаго богатства, „промысловъ и искусствъ“, г. Фетъ считаетъ необходимымъ развитіе „тщеславія“ и роскоши, ибо „если всѣ откажутся отъ дорогихъ рыбъ, то что станутъ дѣлать рыбаки“, вопрошаетъ нашъ политико-экономъ (стр. 18), и затѣмъ переходитъ къ аналогіи народнаго пьянства, прозрѣвая „въ водкѣ одного изъ капиталнѣйшихъ факторовъ нашего народнаго хозяйства“ (стр. 24). Это нескрываемое удовольствіе доставляемое поэту зрѣлищемъ всероссійскаго пьянства, заставляетъ насъ предполагать, что и онъ, подобно другому, болѣе знаменитому поэту, избралъ уже себѣ благую часть, основавъ или винный заводъ, или по крайней мѣрѣ, небольшую торговлю „распивочно и на выносъ“... Главное средство къ поправленію народнаго хозяйства г. Фетъ видитъ также въ уничтоженіи „какихъ-то мнимо-реальныхъ гимназій“ и въ классическомъ образованіи землевладѣльцевъ. „Ремесленники могутъ учиться чему нибудь и какъ нибудь, но люди, призванные вести народъ по всевозможнымъ путямъ преуспѣянія, обязаны пройти школу высшаго (классическаго) образованія“. Блага классическаго образованія г. Фетъ предполагаетъ распространить даже на богатыхъ крестьянъ, внуки которыхъ „силою вещей будутъ приведены на лекціи Пиндара и философіи“ (стр. 63). Ужь не замышляется-ли что-нибудь въ родѣ рекрутскаго набора для пополненія катковскаго лицея крестьянскими дѣтьми, имѣющими обучаться на счетъ земства!..

Редакція „Зари“, по всей вѣроятности, ставитъ публициста и политико-эконома Фета на ряду съ Мидлемъ и другими первоклассными экономистами. Она любитъ возводить на пьедесталь своихъ сотрудниковъ. Г. Данилевскій, напр., авторъ забавной „Россіи и Европы“ ничѣмъ не лучше Фета, а г. Сграховъ, „слишкомъ пол-

ный удивленія и признательности къ его (г. Данилевскаго) *новымъ откровеніямъ*“, сравниваетъ его и съ Гегелемъ, и съ Фихте, говоря въ то-же время, что „подобные перевороты (якобы оныя учиненъ г. Данилевскимъ) совершили въ ботаникѣ Жюлье, въ зоологій Кюлье, а въ астрономіи Коперникъ, въ химіи Лавуазье и пр.“ (№ 3, Библиографія, стр. 9).. Вообще, наша журнальная протопопица самаго высокаго мнѣнія о себѣ и своемъ семействѣ. „Будущее за нами“, восклицаетъ она и рядомъ самыхъ вѣдшихъ аргументовъ доказываетъ, что западничество умираетъ, что публика и вмѣстѣ съ нею вся журналистика, даже „Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“ и „Дѣло“ болѣе или менѣе сворачиваютъ на славянофильскую дорогу и поступаютъ въ приходъ нашей протопопицы (№ 1, Критика, № 2, Уснѣхъ прогрессивной мысли). Изъ своихъ самыхъ забавныхъ комментаріевъ на сдѣланныя ею выдержки изъ западныхъ журналовъ „Заря“ дѣлаетъ такое заключеніе: „мы убѣдились, къ полному удовольствію нашему, что прогрессивная мысль, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, совершила полное кругосвѣтное плаваніе и виднѣется нынѣ у тѣхъ самыхъ катковскихъ береговъ, отъ которыхъ десять лѣтъ тому назадъ она отчалила съ такою безграничною вѣрою въ свои силы“ (стр. 336)! Но странно, почему-же это протопопица съ такимъ азартомъ нападаетъ на западниковъ и на тѣ журналы, которые, по ея-же словамъ, какъ заблудшія овцы, постепенно возвращаются къ ней? Вѣдь это очень напоминаетъ прежніе официальные отчеты объ обращеніи раскольниковъ, которые на самоѣ-то дѣлѣ никогда и не думали дѣлать того, что имъ приписывали ихъ мнимые обратители!.. Указывающая на заднихъ лапкахъ передъ Катковымъ, „Заря“ обвиняетъ западниковъ въ *„изтритіи и измѣнѣ вѣсѣмъ основаніямъ нравственности“* (стр. 338); никто иной, какъ они, этотъ *отпѣтый народъ*, эти „ультра-либеральные западники“ сѣютъ всякія крамолы и измѣны и протопопица наша даетъ чувствовать, что именно она только и спасаетъ отечество. Но за что-же она такъ разгнѣвалась на западниковъ? Что ожесточило сердце этихъ невинныхъ стрижей покойнаго „Времени“ и „Эпохи“? Увѣряемъ васъ, читатель, что тутъ вовсе дѣло идетъ не о спасеніи отечества, а о поддержаніи своего худосочнаго существованія: когда стрижи пѣли во „Времени“, то, благодаря случайному соудничеству „западниковъ“, которыхъ они теперь обвиняютъ въ подстрекательствѣ на государственныя

преступленія, благодаря сотрудничеству Помяловскаго, Щедрина, Шапова, и тому обстоятельству, что между самими стрижами были люди не безъ способностей,—они читались, а теперь, увы! другія времена — другія пѣсни! Стрижи чирикаютъ въ пустынѣ. И никто иной подорвалъ довѣріе къ стрижамъ, какъ тѣ-же западники! Припоминая это время, „Заря“ до сихъ поръ съ болѣзненными стопами восклицаетъ: „каково (тогда) было намъ, отцамъ и старшимъ братьямъ юнаго прогресса, когда справедливость влекома была на пропятіе, когда каждый мальчуганъ считалъ обязанностью плюнуть нравственности въ лицо и ударить ее въ ланиту“ (№ 2, стр. 331)! Но время это прошло безвозвратно, и вотъ поднимается ослиный ревъ, и не только въ прозѣ, но даже въ стихахъ московскаго рифмоплета Алмазова (№ 2, стр. 116—163). Алмазовъ воспѣваетъ публициста Пергамскаго:

Того, предъ чьей нездѣшной силой,
 Какъ предъ Тимуромъ и Аттиллою,
 Вся наша русская печать
 Обречена была судьбою
 Дрожать, склоняться въ прахъ главою
 И пресмыкаться иль... молчать!

Этотъ длинный разговоръ ведется отъ лица самого Пергамскаго, который на каждой страницѣ *похваляется* тѣмъ, что онъ „мѣднолобый мотлякъ“, „дуракъ“, „невежа“, что даже самая наружность у него „наскудная“, что въ семинаріи, въ этомъ „разсадникѣ вождей юнаго поколѣнія, парнаса русскаго владыкъ“, онъ ничему не учился и только напрактиковался въ риторикѣ. Какой-то глуповатый *помѣщикъ* обратилъ его въ *соціалиста*, и Пергамскій рѣшился воспользоваться тогдашнимъ общественнымъ движеніемъ, когда глупыя „просвирни“, „взяточники“, гимназисты, „плуты гуманнаго покроя“, „либеральные писаря“, „негодяи и мерзавцы“, сдѣлавшіеся „передовыми гражданами“,—

Либерализмомъ торговали
 И торговали съ барышомъ
 Пергамскій занялся „хлѣбнымъ ремесломъ“ радикала.

„Все предо мной затрепетало,
 Съ набатомъ публика моя
 Меня пророкомъ величала,—
 И сталъ великъ и славенъ я.

Какой восторгъ и изступленье,
 Какой фуроръ я произвелъ
 На заднихъ лавкахъ нашихъ школъ —
 Дѣтляевъ грязныхъ ополченье
 Передо мной склонилось ницъ:—
 Я предрекалъ освобожденье
 Отъ скуки строгаго ученья,
 Латыни, розогъ, единицъ!
 Меня читали съ упоеньемъ
 Всѣ дамы съ легкимъ поведеньемъ:—
 Я ихъ торжественно прикрылъ
 Щитомъ терпимости гуманной,
 А узъ брака объявилъ
 Плодомъ теоріи туманной и т. д. и т. д. въ
 томъ же родѣ.

Мы затрудняемся, какъ назвать эту тупоумную брань, опозти-
 зированную какимъ-то мозглявымъ Тредьяковскимъ „Заря“.

Читатель, конечно, помнитъ, какъ прихлопнутый Катковымъ
 въ 1863 г. Страховъ торжественно отрекся отъ своего либера-
 лизма и принесъ публичное покаяніе на папертяхъ „Русскаго Вѣст-
 ника“. Съ тѣхъ поръ стрижи приобрѣли благоволеніе московскаго
 премьера и, поступивъ къ нему въ услуженіе, посвятили всѣ свои
 мысли и чувства тому дѣлу, которымъ заправляетъ онъ. „Заря“
 просто молится на Каткова и читаетъ ему настоящіе акафисты,
 называя его „первымъ проводникомъ свободнаго слова“, „охра-
 нителемъ нравственности и справедливости, защитой рус-
 ской національности, чествѣйшимъ изъ патриотовъ, котораго
 если по временамъ и подкупалъ кто-нибудь, то ничѣмъ бо-
 лѣе, какъ патриотическими дѣйствіями“. (№ 2, 316, 318,
 331 и др.).

Но странно, что г. Катковъ ничѣмъ не награждаетъ такую
 усердную прислугу. Правда, неразумны, больно ужъ неразумны
 эти питомцы катковскаго расадника; на нихъ никакъ нельзя раз-
 считывать, что имъ взбрѣдетъ на умъ сказать сегодня и взболт-
 нуть завтра; такъ въ одной книжкѣ они поютъ панегирики класси-
 цизму и ликею, а въ другой помѣщаютъ карикатуру на класси-
 ковъ (№ 7, „Учитель латинскаго языка“); но вы, Михаилъ Ни-
 кифоровичъ, воспользовались-бы вышеупомянутымъ вашимъ „пра-
 вомъ главнаго учителя, т. е. директора“, наказали-бы ихъ, а по-

томъ помиловали. И вамъ было-бы пріятно, и имъ не особенно больно.

Вотъ что не хорошо еще съ ихъ стороны, что, служа вамъ, они въ то-же время подслуживаются другому барину, г. Краевскому, оправдывая и восхваляя его за то, что онъ продаетъ подписчикамъ идеи двухъ противоположныхъ направленій, проводя въ публику посредствомъ „Отечественныхъ Записокъ“ такіе принципы и мнѣнія, которыя въ „Голосѣ“ бранить, опровергаетъ, считаетъ ложными, вредными и даже опасными для отечества. „Подобнаго другого примѣра“, говоритъ г. Страховъ, „не скоро дождется русская литература, и съ нашей стороны было-бы непростительно, если-бы мы не показали его *высшаго значенія*“. Это *высшее значеніе* и полное оправданіе продажи разныхъ идей подъ фирмою Краевского заключается въ томъ (*слушайте, слушайте!*), что „всѣ наши газеты болѣе или менѣе славянофильствуютъ; напротивъ всѣ наши толстые журналы западничаютъ... Издатель, слѣдящій за вкусомъ публики, нашелъ, что газета будетъ преуспѣвать только въ томъ случаѣ, если приметъ славянофильское направленіе, и что, напротивъ, журналъ всего вѣрнѣе получитъ хорошую подписку, если приметъ западнической цвѣтъ“ (№ 1, критика, стр. 14). Вотъ вамъ и все *высшее значеніе* и нравственное оправданіе того торжища, „котораго не скоро дождется русская литература“.

Но не будемъ болѣе тревожить послѣднихъ минуту умирающей. Отходи-же съ миромъ, протопопица, въ то мѣсто злочно, гдѣ витають тѣни Магницкаго и Булгарина. Твои чада и домочадцы безъ пріюта не останутся: однихъ пріютятъ у себя Катковъ и Краевскій, другихъ — Комаровъ, Градовскій, Трубниковъ, третьи будутъ строчить въ Управахъ благочинія, — и всѣхъ васъ опять соберетъ вкупѣ какой-нибудь новый Кашпиревъ. Впрочемъ, постарайтесь какъ-нибудь дожить до славнаго юбилея, на которомъ ваше мѣсто будетъ непослѣднимъ.

Намъ сообщаютъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что при редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ составленъ подъ предсѣдательствомъ самого Каткова секретный комитетъ изъ гг. Погодина, Аскоченскаго, Гилярова-Платонова, Ѳ. Ливанова, Комарова, Страхова, Щербальскаго, Юркевича, Лѣскова-Стебницкаго и поэта Фета для устройства народно-славянофильскаго юбилея въ честь Магницкаго съ цѣлю противодѣйствія ивѣющему быть въ

1872 г. двухсотлѣтнему *западническому* юбилею Петра Великаго. Упомянутый комитетъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что доказалъ, что великій славянофилъ Магницкій родился не въ 1778 г., какъ сообщаетъ Стурдза, а въ 1772 г., 23 апрѣля, въ 8 часовъ утра. Празднество откроется общимъ гимномъ присутствующихъ передъ бюстомъ Магницкаго; дирижировать хоромъ будетъ отставной вахмистръ, Сидоръ Фомичъ Брюхатовъ, возившій Магницкаго въ 1812 г. въ ссылку. Сидоръ Фомичъ, не смотря на свои 96 лѣтъ, еще совершенно бодръ и имѣетъ цѣлыми все зубы въ обѣихъ челюстяхъ, чему гг. члены комитета въ первомъ засѣданіи не мало дивились, а М. П. Погодинъ предложилъ выбрать его въ члены общества любителей россійской словесности. Послѣ гимна профессоръ Юркевичъ скажетъ слово „О неизмѣнной преемственности тройственной формы представительства охранительно-народныхъ началъ въ русской исторіи XVIII и XIX столѣтій“. Въ этомъ словѣ, изъ котораго намъ доставлены подробныя выдержки, онъ доказываетъ, что злохудожная премудрость Запада всегда встрѣчала на Руси мощный отпоръ, который, по неоповѣдливой тайнѣ судебъ, всегда олицетворялся въ трехъ лицахъ. Такъ, въ XVIII вѣкѣ спасали отечество отъ западныхъ интригъ и лжеученій смиренный „доноситель“ и публицистъ Аврамовъ, доноситель и профессоръ Василій Тредьяковскій и просто „доноситель“ Ванька Каинъ. Въ XIX вѣкѣ сію миссію съ блистательнымъ успѣхомъ выполняли: въ двадцатыхъ годахъ—Магницкій, Руничъ и Фотій, въ тридцатыхъ и сороковыхъ—Булгаринъ, Гречъ и Бурчакъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ—Катковъ, Леонтьевъ и Асоченскій. „Опытъ прошедшаго, говоритъ профессоръ,—неосомнѣнно убѣждаетъ насъ, что и въ будущемъ Русь всегда будетъ подъ кровомъ спасительной триады, служащей оплотомъ отъ тлетворныхъ дуновеній сраднаго европейскаго духа; всегда—на берегахъ-ли Невы или Казанки, въ провинціи-ли или-же въ одной изъ столицъ, —

На Арбатѣ-ль, на Мясницкой,
 Будутъ жить во вѣкъ вѣковъ
 Фотій, Руничъ и Магницкій,
 Гречъ, Булгаринъ и Катковъ!
 Духъ ихъ доблестный пойми-же,
 Русь, и сердцежъ умилишь,

Скинь-ка шапку да понижь

Михаилу поклонись!...“

При сихъ заключительныхъ стихахъ профессора присутствующіе совершаютъ семикратное земное поклоненіе Михаилу Каткову, который, въ качествѣ „главнаго учителя, т. е. директора“, будетъ стоять на пьедесталѣ съ пучкомъ розогъ англійскаго образца.

Затѣмъ присутствующіе выйдутъ во дворъ, куда черезъ профессоровъ принесены будутъ по одному экземпляру каждой злобредной книги и каждаго извѣстнаго журнала, равно какъ и портреты живыхъ и умершихъ сочинителей, признанныхъ комитетомъ неблагонамѣренными. Книги, въ память и по примѣру Магницкаго, будутъ преданы всеожженію при общемъ ликованіи присутствующихъ, а портреты будутъ высѣчены англійскими розгами черезъ нарочито выбранныхъ для сего учителей лицея.

Перескочивъ единожды черезъ костеръ, присутствующіе возвратятся въ залу для возглашенія здравницъ и вкушенія отъ трапезы, по окончаніи которой профессоръ Юркевичъ предложитъ всѣмъ совокупно сдѣлать изъ высѣченныхъ портретовъ то „извѣстное употребленіе“, какое онъ хотѣлъ сдѣлать когда-то на публичной лекціи съ полученнымъ имъ неприятнымъ письмомъ.—Какъ-же можетъ умереть „Заря“, не дождавшись такого всемосковскаго торжества?

Но мы этого и не желаемъ. Зачѣмъ умирать!? Пусть лучше живетъ и мается; это хуже всякой смерти.

Вышеупомянутое искусство продавать идеи двухъ противоположныхъ направленій, будто бы изобрѣтенное маститымъ журналистомъ А. А. Краевскимъ, принесло свои сладкіе плоды. Держаться противоположныхъ направленій и соединять въ одномъ лицѣ два служенія и Богу и мамону сдѣлалось чѣмъ-то моднымъ, эпидемически-повальнымъ. Теперь стали гордиться, уже не тѣмъ, что извѣстныя убѣжденія, извѣстная *profession de foi*, которыя неизмѣнно проводятся общественнымъ дѣятелемъ, достойны нашего уваженія, а тѣмъ, чтобы умѣть подлаживаться подъ всѣ тоны, во всѣмъ вкусамъ и желаніямъ, умѣть утверждать сегодня то, что вчера отрицалось, однимъ словомъ, угождать и *нашимъ* и *вашимъ*. Хотя эту способность русскаго человѣка открылъ еще Гоголь и одарилъ ею самаго гибкаго изъ людей—П. И. Чичикова, но никогда эта способность не проявлялась такъ ярко, не восхвалялась такъ торжественно, какъ въ наше время и въ нашей журналистикѣ. У насъ есть органы, соединяющіе въ себѣ и два, и три, и

четыре различныхъ направленія, и безъ всякаго направленія и наконецъ такіе, которые вмѣняютъ себѣ въ особенную заслугу измѣнять свои мнѣнія, если не каждый день, то непременно каждую недѣлю. Но никто съ такимъ успѣхомъ не разрабатываетъ этого искусства, этого *savoir vivre*, какъ „Вѣстникъ Европы“, этотъ искуснѣйшій изъ адвокатовъ, принимающій на себя ходатайство по всѣмъ дѣламъ и по всѣмъ вопросамъ, какіе только представляются ему въ житейской практикѣ. Задавшись похвальною задачею — служить отцамъ и дѣтямъ, онъ служитъ и тѣмъ, и другимъ вѣрою и правдою. Въ одномъ и томъ же журналѣ участвуютъ у него и наставники дѣтей, и просвѣтители отцовъ, и либеральные и ретроградные, и раки и щуки. Развернувъ какую угодно книжку, вы можете случайно попасть на статью, съ честной, живою мыслью, достойною быть на страницахъ лучшаго прогрессивнаго журнала. Но большая часть книжекъ журнала наполняется статьями, иногда достойными украшать собою страницы „Зари“, или же неимѣющими никакого направленія, какъ, напр., „Обрывъ“ Гончарова, „Записки отжившаго человѣка“ (№ 8), „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII в.“ — Забѣлина; „Стукъ, стукъ, стукъ“, студія Тургенева, „Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ“, Соловьева (№ 1); „Исторія раскола у раскольниковъ“, — Костомарова (№ 4), Сѣровъ и его опера „Юдифь“ (№ 6); стихотворенія гр. А. Толстаго (№ 3), приличныя гдѣ-нибудь въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а не въ журналѣ, въ которомъ пишутъ Пыпинъ и Жуковскій; „Очерки Востока“ — Венюкова (№ 3 и 8), выдержки изъ дневника, веденнаго на о-вѣ Сахалинѣ въ 1854 г. генераль-маіоромъ Буссе и панегирикъ послѣднему, якобы образцовому губернатору (№ 10) и т. д., и т. д. Люди всякаго чина, званія, возраста и направленія найдутъ въ „Вѣстникѣ Европѣ“ занимательное чтеніе для себя, — даже какой-нибудь, никогда ничего нечитавшій амурскій сослуживецъ покойнаго Буссе, и тотъ съ удовольствіемъ прочтѣтъ скучный и ни для кого, кромѣ сослуживцевъ, неинтересный дневникъ его. Такое служеніе всѣмъ вкусамъ, убѣжденіемъ и вѣтрамъ, какъ видно, ни сколько не стѣсняетъ дѣйств. ст. совѣтн. Стасюлевича, ни его сотрудниковъ; журналъ, посвященный „драгоценной для россиянь памяти Николая Михайловича Карамзина“, въ умныхъ статьяхъ г. Пыпина снимается съ пьедестала своего идола и тѣмъ побуждаетъ г. Щербальскаго составить въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ извѣстный уже

докладъ объ „измѣвѣ“ г. Пыпина. Изъ перечисленныхъ и другихъ статей, писанныхъ исключительно для старичковъ и скучающихъ отъ нечего дѣлать отставныхъ чиновниковъ, интереснѣе всего довольно обширный біографическій очеркъ Жихарева— „П. Я. Чаадаевъ“ (№ 7 и 9). Очеркъ этотъ интересенъ, впрочемъ, не по сообщаемымъ въ немъ свѣденіямъ и разъясненіямъ жизни и личности Чаадаева, а потому, что болтливость, спутанность мысли и всѣ литературныя приемы современника Чаадаева, г. Жихарева, таковы, что читая его статью, невольно думаешь, что передъ нами лежитъ въ свѣжей обложкѣ, съ монументальными украшеніями, покойный „Вѣстникъ Европы“ 20-хъ годовъ. Хорошій былъ человѣкъ, прекрасный былъ человѣкъ, честный былъ человѣкъ, передовой человѣкъ, идолъ всей Москвы — твердить о Чаадаевѣ г. Жихаревъ, и въ то-же время нисколько не выясняетъ, благодаря чему Чаадаевъ приобрѣлъ такой авторитетъ. Мало этого; съ своими отзывами о честности и добродѣтеляхъ Чаадаева г. Жихаревъ нисколько не примиряетъ приводимыхъ имъ фактовъ, указывающихъ на крупныя недостатки этой личности. Чаадаевъ, посланный въ Тропау съ донесеніемъ о такъ пазывасомъ „бунтѣ“ семеновскаго полка, представилъ государю это дѣло не въ настоящемъ свѣтѣ, а такъ, какъ угодно было генералу Васильчикову. Это сильно повредило ему во мнѣніи всѣхъ порядочныхъ людей; чтобы снова приобрести ихъ уваженіе, Чаадаевъ отказывается отъ флигель-адъютантства, выходитъ, вопреки желанію государя, въ отставку, не получаетъ вслѣдствіе того полковничьяго чина, и вплоть до смерти не перестаетъ жалѣть объ этомъ, „утверждая, что очень хорошо быть полковникомъ, потому, дескать, что полковникъ — *un grade fort voyage*“ (№ 7, стр. 199—208). Будучи вполне русскимъ баринкомъ и большимъ мотомъ, Чаадаевъ „постоянно прибѣгалъ къ двумъ неблаговиднымъ выходкамъ: во-первыхъ онъ обвинялъ въ своей провинности все остальное человѣчество, кромѣ самого себя, при чемъ позволялъ себѣ даже клеветы; а во-вторыхъ посягалъ на чужую собственность въ томъ отношеніи, что чуть не насильно занималъ деньги, и никогда безъ неудовольствій, сороръ и жалобъ не возвращалъ ихъ“ (№ 9, стр. 9—10). Навѣрный Жихаревъ говорить, что его „непомѣрный и почти чудовищный эгоизмъ“ былъ его единственнымъ недостаткомъ или порокомъ“, но не даетъ не только понять, но и чувствовать, что могло-бы остаться изъ личности Чаадаева, если-бы отнять отъ него этотъ „чудовищный эгоизмъ“,

«Дѣло», № 11.

доводившій его и до ложныхъ доносовъ, и до клеветъ на близкихъ ему людей, и до такихъ грязныхъ поступковъ, какъ присвоеніе чужихъ денегъ! Что Чаадаевъ избавилъ отъ бѣды своего пріятеля Пушкина, что онъ со всѣми былъ свѣтски-любезенъ — это еще не великій гражданскій подвигъ. Что Чаадаевъ былъ человекомъ умный, образованный, съ оригинальными воззрѣніями — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какимъ образомъ, этотъ человекъ — „чудовищный эгоистъ“, замѣтите, — могъ нравиться *всѣмъ* умнымъ людямъ и внушать любовь къ себѣ, какъ онъ могъ быть другомъ и съ Герценомъ, и съ славянофилами, и съ мигрополигомъ Физретою, и съ декабристами, и съ Блудовымъ — это до сихъ поръ остается тайною, которую г. Жихаревъ пытается объяснить то „свойствомъ магнетическаго пригнѣнія людей“, то какою-то „религіей дружбы“ (№ 7, стр. 179, 193). Намъ кажется, что Чаадаевъ могъ привлекать къ себѣ людей не своимъ сердцемъ, а своимъ блестящимъ умомъ и даромъ слова, доходившимъ подчасъ до напыщеннаго фразерства, которое въ то время особенно нравилось, какъ стихи Бенедиктова, картины Брюлова и трагическія завыванія Каратыгина. Западничество Чаадаева, соединенное съ самымъ смѣлымъ отрицаніемъ, его склонность къ романтизму, его благоговѣніе передъ европейскою цивилизаціей, — все это вполне гармонировало съ начинавшимся тогда умственнымъ движѣніемъ передоваго русскаго общества, однимъ словомъ, это былъ Печоринъ, одѣтый въ костюмъ Евгенія Онѣгина. Что-же касается массы москвичей, благоговѣвшихъ передъ Чаадаевымъ, какъ передъ пророкомъ, то г. Жихаревъ очень основательно объясняетъ это тѣмъ, что Москва не можетъ жить безъ авторитета. „Безъ авторитетовъ Москва никогда не жила и она жловала въ нихъ, съ невѣроятной прихотливостію, иногда самыхъ замѣтныхъ и видныхъ людей въ Россіи, иногда самыхъ пустыхъ, ничтожныхъ и даже никуда негодныхъ; случалось, и даже часто случалось, что и глупорожденныхъ, блаженныхъ, полусумасшедшихъ или плутоватыхъ юродивыхъ, полубѣшенныхъ дураковъ и дурь“ (№ 9, стр. 16). Но подобныхъ мѣткихъ замѣчаній у г. Жихарева не много; за то довольно забавныхъ разказовъ въ родѣ слѣдующаго. У Чаадаева не было любовницъ, и поэтому „онъ стяжалъ репутацію безсилія“. И вотъ Жихаревъ счелъ своею обязанностію изслѣдовать это обстоятельство. Онъ разспрашивалъ Чаадаева сначала намеками, потомъ „очень серьезно“ присталъ къ нему и потребовалъ категорическаго от-

вѣта: справедливъ или нѣтъ этотъ слухъ, собиралъ свѣденія и при его жизни и послѣ его смерти, разспрашивалъ его сослуживцевъ и родственниковъ; „*желая еще болѣе углубиться въ этотъ предметъ*“, подвергалъ ихъ передопросамъ, но въ своему величайшему сожалѣнію, все-таки не узналъ, „*правда или нѣтъ*“, что.... (№ 7, стр. 185).

Да, читатель, забавно, очень забавно пишутъ иногда въ „Вѣстникъ Европы“, въ отдѣлѣ, предназначенномъ для старческаго развлечения. За то въ другомъ отдѣлѣ, составляемомъ для живыхъ людей, встрѣчаются подчасъ интересныя вещи, таковы, напр., статьи о реальномъ образованіи заграницей, „Школа и Народное образованіе въ Америкѣ“ Циммермана (№ 9), „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“ г. Пыпина (№ 5 и 9) и др.

Американцы такъ гордятся своимъ народнымъ образованіемъ, что для человѣка некомпетентнаго похвалбы ихъ могутъ показаться похожими на китайское самохвальство. Но „стоитъ только побывать въ Соединенныхъ Штатахъ, пожить нѣкоторое время въ городѣ, находящемся хотя-бы въ какомъ-нибудь удаленномъ заголустѣ, и убѣдиться на самомъ дѣлѣ, что общій уровень образованности жителей много выше того, какой встрѣчаемъ въ любомъ изъ городовъ Европы съ равнымъ по числу населеніемъ“ (стр. 126). Въ Соединенныхъ Штатахъ расходы на народное образованіе огромны. Въ 1870 году, кромѣ денежныхъ суммъ, существовалъ еще капиталъ изъ пожертвованныхъ правительствомъ земель въ 130,000,000 руб. сер. Частныя суммы, расходующіяся на народное образованіе, почти равняются казеннымъ. Неудивительно послѣ этого, что на каждые 200 человѣкъ всѣхъ жителей приходится 1 школа (стр. 137); въ каждомъ городѣ средней величины есть университетъ или высшая коллегія, кромѣ 51 медицинской и 22 юридическихъ коллегій, существовавшихъ въ штатахъ въ 1867 г. (стр. 165).

Въ 1867 г. въ 19 сѣверныхъ штатахъ было:

жителей	23,00,0000
общественныхъ учебныхъ заведеній	108,000
наставниковъ	52,000
наставницъ	104,000
учениковъ обоого пола	5.300,000

Въ томъ-же году въ штатѣ Мичиганъ было:

жителей	900,000
общественныхъ школъ	4,744
наставниковъ	2,007
наставницъ	7,377
учащихся	243,161
годовой расходъ на школы	2,310.000 д. (стр. 137).

Главная общеобразовательная сила американской школы заключается въ физико-математическихъ и естественныхъ наукахъ (стр. 161—164). Отношенія учителей и начальниковъ къ воспитанникамъ нисколько не напоминаютъ собою школьныхъ порядковъ Европы. Въ американской школѣ вы не услышите даже раздраженнаго учительскаго голоса, а не то что брани. Однажды въ Сан-Франциско учитель ударилъ по щекѣ четырнадцатилѣтняго ученика. Газеты подняли объ этомъ шумъ на всѣ штаты. Городовой судъ присудилъ учителя въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ (стр. 145).

„Предоставляя учащимся полную свободу въ отношеніи приемовъ и обращенія между собой, лишь-бы не нарушался ходъ ученія; избѣгая всякихъ мелочныхъ, докучливыхъ требованій и безцѣльной начальнической придирчивости въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, наставники, безъ особенныхъ трудностей, исполняютъ должность излишнихъ надзирателей, не находя нужнымъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ наказаній. Если и случается примѣнять послѣднія, они никогда не носятъ на себѣ характера кары, а скорѣе предписываются какъ-бы самимъ свойствомъ проступка. Въ такомъ смыслѣ выразился также одинъ изъ инспекторовъ въ своей рѣчи, гдѣ онъ говоритъ между прочимъ: „Средства, предписываемыя учебнымъ совѣтомъ для устранения всякихъ унижительныхъ наказаній, болѣе всего способствуютъ развитію того истиннаго нравственнаго образованія, которое достигается именно тѣмъ, что ученики по возможности ранѣе приучаются къ самообладанію. Поддерживать строгій порядокъ кроткими мѣрами есть долгъ наставника, задача — достойная его званія“ (стр. 144—145).

При господствующей въ штатахъ полной свободѣ совѣсти, религіозное обученіе не входитъ въ школьную программу и во многія школы запрещенъ даже входъ духовнымъ лицамъ какихъ-бы то ни было исповѣданій.

Статьи г. Пыпина служатъ продолженіемъ его интересныхъ „Очерковъ Общественнаго Движенія при Александрѣ I“ (Вѣст-

никъ Европы 1870 и 1871 гг., № 2). Возникшая во вторую половину александровскаго царствованія реакція европейскому образованію и реформамъ въ европейскомъ духѣ опиралась главнымъ образомъ на идею народности, на то славянофильское ученіе, котораго держались Шипковъ, Растопчинъ, Магницкій и которое въ наши дни эксплуатируютъ писаки „Москов. Вѣдом.“, „Заря“ и всѣ явные и тайные враги реформъ. Собственно въ литературной славянофильской партіи это ученіе отличалось всегда наивною искренностью и крайнею неопредѣленностью понятій и находило для себя твердую почву въ той невѣжественной массѣ, которая въ новой и прогрессивной мысли всегда расположена видѣть нарушение національной святости. Въ официальныхъ же сферахъ понятіе народности носило очень опредѣленный характеръ. „Подъ народностью понимали *statu quo*, который и хотѣли сдѣлать единственной существующей и допускаемой формой народной жизни. Эта форма была подробно опредѣлена и въ ея не допускались никакія помышленія и никакія иныя проявленія общественной жизни“ (№ 5, стр. 253). Впослѣдствіи этотъ принципъ *народности* былъ положенъ въ основаніе всей правительственной системы и началъ проводиться въ жизнь съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, какія вовсе не были извѣстны при Александрѣ I. Энергичности дѣйствій въ этомъ направленіи много содѣйствовала тогдашняя европейская реакція, охватившая всѣ государства послѣ разорительныхъ войнъ, необыкновенной и напряженной „дѣятельности Франціи и реставраціи стараго порядка вещей“. Само собою разумѣется, что эта реакція прежде всего отразилась на образованіи.

Дѣло народнаго образованія шло въ сущности въ тѣхъ-же формахъ, какія были даны ему въ царствованіе Александра... Положеніе науки въ обществѣ оставалось и теперь столь-же непрочно, какъ прежде... Народное образованіе по-прежнему ограничивалось только верхними свободными сословіями, въ очень небольшой степени существовало для низшаго городского населенія и вовсе не существовало для крестьянъ, т. е. именно для *народа*, для основы націи. Крѣпостное право продолжало дѣлать образованіе недоступнымъ для крѣпостного сословія. Оно было недоступно и для цѣлой народной массы, — не только по матеріальному положенію этой массы, но и по принципу, который находилъ образованіе бесполезнымъ и даже вреднымъ для низшихъ классовъ и который

втеченіи всего описываемаго періода съ упорствомъ старался подавлять „необузданное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемящему ихъ изъ перво-бытнаго состоянія безъ пользы для государства“. Этотъ принципъ дѣйствовалъ вполне успѣшно. Положеніе университетовъ нѣсколько поправилось, сравнительно съ послѣдними годами александровскаго царствованія, когда министромъ былъ сдѣланъ челоѣкъ образованный — Уваровъ...

„Литература, взятая въ цѣломъ, не говоритъ о самыхъ капитальныхъ, насущныхъ вопросахъ жизни, о которыхъ уже говорило во времена импер. Александра не только общественное мнѣніе образованнѣйшихъ круговъ, но отчасти даже и печать, какъ ни была она тогда непривычна къ подобнымъ предметамъ. Такъ литература ни словомъ не заикалась о политическихъ предметахъ, о внутреннихъ дѣлахъ, о необходимости реформъ въ учрежденіяхъ административныхъ и судебныхъ, о крестьянскомъ вопросѣ, однимъ словомъ, обо всемъ, что касалось государства и управленія. Литература какъ-будто не подозрѣваетъ этихъ вопросовъ, не можетъ заявить, что желала-бы ими заниматься. Въ своихъ лучшихъ представителяхъ она вся ушла въ чистую художественность, стремилась къ отвлеченной философіи, ставила общіе нравственные вопросы. Публицистика, можно сказать, совершенно не существовала. Однакожь, несмотря на то, что такимъ образомъ литература стояла внѣ собственно политическихъ и общественныхъ вопросовъ, въ ея философскомъ, историческомъ, поэтическомъ содержаніи сказывалась очень ясная общественная тенденція: ея отношеніе къ господствующимъ понятіямъ и порядкамъ было существенно отрицательное. Ея отвлеченныя представленія, ея идеалы слишкомъ мало вязались съ той дѣйствительностью, какую представляла русская жизнь. Благодаря теоретическимъ изученіямъ и внутреннимъ инстинктамъ, для этой литературы открывались инныя перспективы, которымъ она не могла не отдать предпочтенія: въ исторіи она начинала открывать народные элементы, которыхъ не видѣла и не признавала система, и которымъ очевидно должна была предстоять своя будущность. Не примиряясь съ теоретическимъ смысломъ системы, эта литература еще меньше могла признать нормальность и цѣлесообразность ея практическихъ примѣненій. Разъ получивши интересъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ, познакомившись болѣе серьезно, чѣмъ то бывало прежде, съ содержаніемъ и исторіей евро-

пейскаго просвѣщенія, эта литература не могла не взглянуть съ болѣе широкой точки зрѣнія и болѣе искренно на явленія русской дѣйствительности. Ставя уже теперь вопросъ о народномъ благѣ и развитіи своимъ основнымъ интересомъ, литература, изъ своего теоретическаго удаленія, больше и больше подходила къ народной жизни, которая и стала исходнымъ пунктомъ ея стремленій: одни идеально возвеличивали народъ, думая въ этой философской, исторической и поэтической идеализаціи его открыть пути его возрожденія; другіе искали тѣхъ-же самыхъ путей въ критическомъ анализѣ дѣйствительности, въ сознаніи слабыхъ сторонъ народа въ его прошедшемъ и настоящемъ, находя въ этомъ сознаніи первый шагъ его дѣйствительнаго совершенствленія (стр. 350).

„Романтическая напыщенность, вѣшній блескъ и отсутствіе содержанія, непониманіе дѣйствительности, отличающія романтическую школу, любопытнымъ образомъ отражаются и въ тогдашнемъ искусствѣ, особенно въ томъ, которое болѣе замѣтнымъ образомъ было связано съ тенденціями времени и хотѣло въ своей сферѣ служить имъ. Прославленные тогда картины Брюлова представляютъ много общаго съ романтическимъ „размахомъ“ Кукольника. Въ то время поставлено было нѣсколько памятниковъ знаменитымъ русскимъ людямъ, и эти памятники отличаются замѣчательной неестественностью и отсутствіемъ сознанія мѣста, времени и народа: таковъ Ломоносовъ, поставленный подъ полярнымъ кругомъ въ античной наготѣ, едва прикрываемый какой-то мантией; такова фигура Клю, поставленная въ губернскомъ городѣ для изображенія Карамзина. Натянута торжественность и фальшивость этихъ произведеній бросалась въ глаза даже иностранцамъ ¹⁾“ (стр. 343).

Въ настоящее время „Вѣстникъ Европы“ съ особеннымъ вниманіемъ занимается разработкой реального образованія, хотя этотъ вопросъ нисколько не вяжется съ общимъ характеромъ журнала, почти игнорирующаго положительное знаніе нашего времени и двѣ трети своего состава посвящающаго старичкамъ. И это такая-же случайность, какъ и все въ этомъ журналѣ, гдѣ рядомъ съ безцвѣтной и пустѣйшей статьёй какого-нибудь г. Стороженки, вдругъ, ни съ того, ни съ сего печатается живая и яркая статья какого-нибудь анонимнаго автора; гдѣ можно встрѣтить такіа критическія

¹⁾ См., напримѣръ, нѣсколько отзывовъ объ этихъ и подобныхъ произведеніяхъ у Кюстина, Диксона, и проч.

рецензіи, которыя противорѣчатъ всему, что говорилось прежде и, что говорится въ той-же книжкѣ журнала. А между тѣмъ, и этотъ старчески-юношескій органъ не избѣгалъ наѣздническихъ набѣговъ г. Каткова. Для московскаго Булгарина нѣтъ никакого дѣла до того, какъ примется его инсинуація мыслящей частью общества, но ему нужно дать своей инсинуаціи тотъ или другой практической исходъ. Эта спекуляція въ инсинуаціи сдѣлалась такимъ обыкновеннымъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ, что не знаешь, гдѣ лежитъ граница между свистомъ какого-нибудь воскреснаго гаера, въ родѣ Незнакомца, и журнальнымъ фискальствомъ какого-нибудь Стебницкаго. Все смѣшалось, все перепуталось въ этомъ хаосѣ бездарности, наемнаго сочинительства и жидовствующаго барышничества.

Въ заключеніе мы укажемъ на одну черту, которой мы вполне симпатизируемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и которая дѣлаетъ ему честь, при настоящемъ упадкѣ литературной совѣсти. Это безпристрастіе его критическихъ отзывовъ, это отсутствіе той мѣщанской *conscience de métier*, которая такъ процвѣтаетъ въ лоскутныхъ рядахъ нашего литературнаго рынка. Въ то время какъ „Отечественныя Записки“ часто умалчиваютъ въ своемъ критическомъ отдѣлѣ о появленіи книгъ, заслуживающихъ полнаго вниманія публики, придерживаясь въ этомъ случаѣ извѣстной теоріи Карповича, что чѣмъ хуже моему сосѣду, тѣмъ лучше моей лавочкѣ,— „Вѣстникъ Европы“ не оставляетъ безъ отзыва мало-мальски выдающееся явленіе, хотя-бы оно и расходилось съ интересами его редакціи. Умѣть становиться выше личныхъ мелкихъ расчетовъ въ сферѣ общественной дѣятельности—это значитъ понимать истинное назначеніе печатнаго слова. Духъ партіи, низводимый до мелкихъ интересовъ эгоистическаго кружка, уже не духъ партіи, а грубое отстаиваніе своихъ личныхъ цѣлей или кумовство. Публицистъ только тогда и имѣетъ право на наше вниманіе и уваженіе, когда онъ постоянно видитъ передъ собой общее дѣло, и въ пользу его жертвуетъ всѣми своими индивидуальными симпатіями и антипатіями. „Отечественныя Записки“ ни однимъ словомъ не обмолвились, — на-примѣръ, о прекрасной книгѣ г. Пыпина: „Общественное движеніе при Александрѣ I“, и ужь, конечно, промолчали о ней не потому, чтобы имъ мѣшало что-нибудь разобрать ее, а потому, что г. Пыпинъ, работавшій нѣкогда съ гг. Щедринымъ и Елисеѣвымъ, теперь не съ ними... Это мелочное чувство *моихъ и твоихъ*, эта

умственная ограниченность, это жалкое непониманіе закона солидарности, разъединяя нашу журналистику, обезсиливаетъ ее окончательно и изъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлаетъ что-то въ родѣ домашней стирки бѣлья. И это особенно грустно въ то время, когда честная мысль и честный дѣятель тонуть въ общемъ болотѣ инсинуаций, клеветы и невѣжества. Мы съ презрѣніемъ относимся къ какой-нибудь „Зарѣ“ за ея литературныя напештыванія и подглядыванія, но развѣ можно уважать того публициста, который игнорируетъ или унижаетъ репутацію дѣятеля, полезнаго прогрессивной идеѣ своего поколѣнія? Въ тѣхъ-же „Отечественныхъ Запискахъ“ недавно былъ напечатанъ маленький библиографическій отзывъ, о „Сочиненіяхъ“ г. Шелгунова и предложенъ вопросъ: полезны-ли онѣ нашему обществу? Ужъ, конечно, дѣятельность Краевскаго гораздо полезнѣе, чѣмъ Шелгунова и такія статьи какъ „Дарвинъ или Оффенбахъ“, Михайловскій или Марцинкевичъ, въ тысячу разъ болѣе необходимы намъ, чѣмъ статьи Шелгунова. Но по отношенію къ г. Шелгунову, эта фарисействующая тактика еще понятна, потому-что онъ работалъ въ одномъ журналѣ съ Писаревымъ, о которомъ какой-то блаженный тѣхъ-же „Отечественныхъ Записокъ“ отозвался, какъ о легкомысленномъ мальчишкѣ, но для насъ непонятно, какимъ образомъ „Отечественныя Записки“, не насилуя своей совѣсти, могли отозваться о литературной дѣятельности г. Ю. Жуковскаго, не только какъ о бесполезной и легкомысленной, но и вредной. (См. „Отечеств. Записки“, № 4, Лит. дѣят. Ю. Г. Жуковскаго, стр. 248). Вѣдь г. Жуковскій работалъ съ тѣми-же лицами, которыя теперь лицедействуютъ противъ него въ „Отечественныхъ Запискахъ“; мы знаемъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ сотрудниковъ г. Некрасова и наполнялъ своими статьями чуть-ли не четвертую часть каждой книжки его журнала. Почему-же онъ тогда былъ не легкомысленъ и безвреденъ, а теперь канкапирующий философъ „Отечественныхъ Записокъ“, г. Михайловскій, подводитъ всю его дѣятельность къ итогу чистаго нуля? И это продѣлывается съ такимъ умиленіемъ въ искренности, съ такимъ христіанскимъ возведеніемъ очей горѣ, что краснокожій, съѣдающій своего врага изъ другого племени, отвернулся-бы отъ этого зрѣлища. „Вѣстникъ Европы“ обходитъ всѣ эти дразги, всю эту такъ называемую кружковую грязь, и за это можно простить ему многое множество его старческихъ немощей и грѣховъ.

Переходимъ къ журналамъ, просвѣщавшимъ насъ за 1871 г.

Было время, когда определенное направленіе періодическаго изданія считалось первымъ условіемъ его жизни и вліянія на читающую публику. Такъ и дѣйствовали всѣ лучшіе наши органы; у нихъ было то или другое міросозерцаніе, котораго они строго держались и на высоту котораго ставили своихъ читателей. Это особенно важно у насъ, гдѣ сбивчивость понятій и кое-какія отрывочныя и непереработанныя знанія доходятъ до настоящаго вавилонскаго столпотворенія; ежедневно приходится слышать мнѣнія, произносимыя однимъ и тѣмъ-же лицомъ, у котораго на плечахъ одинъ и тотъ-же мыслительный аппаратъ, но мнѣнія до того противоположны, что какъ-будто ихъ выражаютъ люди діаметрально-различныхъ партій и міровоззрѣній. Нашъ либераль обыкновенно начинается прогрессивными идеями и оканчиваетъ ретроградными; какъ птица, онъ поетъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ тонѣ и вдругъ, оставляя этотъ тонъ, переходитъ въ другой и также развязно и свободно продолжаетъ каркать чернымъ грачомъ, какъ онъ распѣвалъ прежде щегломъ или коноплянкой. Ко всѣмъ мнѣніямъ онъ пристраивается съ одинаковой легкостію и въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ ориентуется, какъ свой человѣкъ. Этимъ между прочимъ объясняется необыкновенная его способность уживаться со всевозможными понятіями, взглядами и убѣжденіями,—способность переходить изъ одного лагеря въ другой и говорить одно, а дѣлать другое. То-же самое происходитъ и въ журналистикѣ, особенно въ нашихъ безцвѣтныхъ и бессодержательныхъ газетахъ, гдѣ квартеты Крылова каждый день раздраютъ намъ уши, гдѣ верхніе столбцы постоянно противорѣчатъ нижнимъ и разный сбродъ мыслишекъ выдается за цѣльную и строго-выдержанную идею. Въ этомъ отношеніи одинъ г. Краевскій могъ-бы представить цѣлый списокъ направленій, которыхъ онъ держался по понедельникамъ и оставлялъ ихъ по четвергамъ; то реалистъ, то классикъ, то западникъ, то славянофилъ, то сепаратистъ, то централизаторъ, этотъ журнальный эквилибристъ перепробовалъ всѣ направленія и всѣмъ одинаково измѣнилъ. Что-же это доказываетъ? Доказываетъ отсутствіе всякихъ убѣжденій и смутность понятій того общества, которое весь этотъ сумбуръ принимаетъ за выраженіе идей и чувствъ своего времени. При такомъ хаосѣ мнѣній, обращающихся въ публикѣ, и хамелеонствѣ журнальныхъ строчилъ, главнымъ достоинствомъ періодическаго изданія должна быть

цѣльность его міровоззрѣнія и строго-выдержанный тонъ. Когда одна руководящая идея связываетъ всѣ отдѣльныя части, разнообразныя факты и взгляды, тогда читатель легко становится на известную точку зрѣнія и выработываетъ себѣ тотъ или другой ясно-очерченный и сознательный образъ мыслей и чувствъ. Это уже не пузырь, надуваемый разными вѣтрами, а человекъ мыслящій и убѣжденный. Въ какой-бы сферѣ общественной дѣятельности онъ ни вращался, его идеи и поступки будутъ имѣть опредѣленный характеръ, его стремленія ясны и онъ не станетъ говорить *да тамъ*, гдѣ нужно сказать *нѣтъ*. Вы всегда знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло, а это едва-ли не самое высшее достоинство общественнаго дѣятеля.

Наше время — время сумбурной, переметной журналистики. Этимъ подхалюзинскимъ качествомъ отличаются даже ученые органы, гдѣ холодное и всегда безпристрастное филистерство, казалось-бы, могло спасти ихъ отъ общаго интеллектуальнаго упадка. Вотъ передъ нами журналъ „Знаніе“, журналъ научный и критико-библиографическій, издаваемый профессоромъ и трактующій все о матеріяхъ высокихъ. Задача этого журнала состоитъ въ томъ, чтобы распространять въ обществѣ положительныя научныя знанія — задача заслуживающая полнаго нашего сочувствія. Никто, конечно, не нуждается больше насъ въ знаніи, какъ дѣйствительной общественной силѣ, и нигдѣ эта сила не можетъ найти себѣ такого широкаго и полезнаго примѣненія, какъ у насъ, гдѣ традиція и рутина господствуютъ во всей своей прелести. И если-бы „Знаніе“ понимало свою задачу и умѣло пользоваться богатыми матеріалами европейской науки для выполненія своей программы, то оно могло-бы быть интереснымъ и строго-выдержаннымъ органомъ. Безцензурный выходъ его даетъ ему возможность располагать сеюими матеріалами болѣе свободно, чѣмъ это доступно подцензурному журналу; ничтожный объемъ его отъ 10—12 листовъ небольшого формата, сравнительно съ нашими толстыми журналами, — ставитъ редакцію въ самое выгодное положеніе: работа ея значительно этимъ облегчается, особенно въ журналѣ, котораго двѣ трети наполнены только переводами. Наконецъ, за эти 10 и 12 листовъ, составляющихъ каждый №, редація беретъ съ своихъ годовыхъ подписчиковъ 8 р. с., что по отношенію, на примѣръ, къ „Отечественнымъ Запискамъ“ составить почти вдвое дороже. При всѣхъ этихъ условіяхъ, ка-

жется, „Знаніе“ могло-бы сдѣлаться журналомъ не только общедоступнымъ, но и дѣйствительно серьезнымъ и въ то-же время живымъ и развивающимъ. Но что-же это такое на самомъ дѣлѣ? Это самый жалкій сборникъ разныхъ объѣдковъ, падающихъ отъ трапезы европейскаго ума, что-то въ родѣ миниатюрнаго лукошка, въ которое складывается всякій что ему угодно, не спрашивая редактора, такъ-что онъ самъ иногда не знаетъ, что лежитъ и что творится въ его ученомъ лукошкѣ. Такъ, напримѣръ, на обложкѣ августовской книжки „Знанія“ онъ заявляетъ,—что „первая часть и главы второй части сочиненія Дарвина“ (Происхожденіе человѣка), напечатаннаго въ его журналѣ, „переведены вполне“. Это онъ заявлялъ въ августѣ, а въ сентябрѣ уже оказывается, что та-же первая часть и главы второй — „переведены почти буквально“. Но и это не то. Въ предисловіи къ самому изданію покупатель хлѣбниковскаго Дарвина уже оповѣщается, что только съ IV главы первой части начинается переводъ буквальный. Чему-же вѣрить? Тому-ли, что первая часть Дарвина переведена вполне, или почти буквально, или только съ IV главы переводъ идетъ буквальный? А вотъ дескать — купите и провѣрьте сами; но, сколько намъ помнится, такихъ не любо-не-слушай, не печаталъ самъ Качъ о своихъ мельхиорахъ. Такимъ образомъ, остается предположить одно изъ двухъ: или г. Хлѣбниковъ хотѣлъ выдать своего обдерганнаго Дарвина за полный переводъ, или въ своей неподражаемой наивности онъ дѣйствительно не вѣдаетъ, что творится въ его „Знаніи“.

Въ томъ-же журналѣ, гдѣ печатался переводъ Дарвина, мы встрѣчаемъ статью: „Реальныя основы мистическихъ явленій“ — статью, озадачивающую читателя не столько своимъ заглавіемъ, сколько содержаніемъ. Авторъ ищетъ *реальныхъ* основъ въ области мистическихъ вѣрованій, т. е. тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и не можетъ быть. Реализмъ и мистицизмъ, какъ два діаметрально-противоположныя начала, взаимно исключаютъ другъ друга, и мистицизмъ мыслимъ только до тѣхъ поръ, пока не прикоснулось къ нему реальное знаніе. Но такъ-какъ авторъ считаетъ египетскихъ жрецовъ „высокими научными авторитетами“ (февраль, стр. 134), то не менѣе высокими учеными авторитетами ему слѣдуетъ признать маговъ, колдуновъ, всякаго рода фокусниковъ, и всѣхъ ихъ причислить къ категоріи реалистовъ. Поэтому г. Сумароковъ, авторъ недавно разобранный нами книжки („Дѣло“, № 10): „Что такое

спиритизмъ и его явленія?“ имѣлъ полное право сослаться на журналъ „Знаніе“ вмѣстѣ съ извѣстными спиритами нашего времени и такими юродивыми, какъ г. Мильчевскій. Но г. Сумароковъ искренно оплакиваетъ заблужденія нашего вѣка, который допустилъ науку сдѣлаться *слишкомъ реальною*, а журналъ „Знаніе“, напротивъ, ищетъ реальныхъ основъ въ верченіи столовъ, чревоущавіи, въ вызываніи духовъ, загробныхъ тѣней и т. п. Впрочемъ такъ думаетъ не только „Знаніе“, но и проповѣдникъ спиритизма въ Лейпцигѣ гр. Пронинскій, который „логиченъ не только въ своемъ, но и въ нашемъ смыслѣ, — какъ рекомендуетъ его „Знаніе“, — когда онъ требуетъ, чтобы спиритизмъ перестали называть мистицизмомъ“ (стр. 146). И далѣе объясняется, почему оный Пронинскій логиченъ. „Дѣйствительно, продолжаетъ философствовать „Знаніе“, ученіе о *физическомъ проявленіи духовъ* представляется совершенно несомнѣннымъ, *фактически* доказаннымъ (вотъ тутъ-то и начинаются реальные основы!) предметомъ глубочайшаго убѣжденія; слѣдовательно, оно съ начала до конца лишено для него всего темнаго и неяснаго, вполне создано имъ и нисколько не носитъ въ себѣ таинственнаго, мистическаго характера“ (ibid.). Что такое физическое проявленіе духовъ — это можно объяснить только великій спиритъ Пронинскій и не менѣе великій авторъ „Реальныхъ основъ мистицизма“; что-же касается яснаго сознанія того, что не подлежитъ никакому сознанію, а есть дѣло или ловкаго шарлатанства, или наивнаго довѣрія къ нему, то мы думаемъ, что и Ивашъ Курейша, поплеывая въ батистовые платки московскихъ барынь и увѣряя ихъ, что онѣ уносятъ отъ него съ этими платками чудотворное средство противъ всякихъ болѣзней, также выдавалъ свои фокусы за глубочайшее убѣжденіе въ ихъ реальности.

Къ какимъ плачевнымъ результатамъ иногда доводитъ спиритизмъ „Знанія“ писателей его — это можно видѣть изъ двухъ статей г. Хлѣбникова: „Ученіе объ энергіи“. Въ этихъ статьяхъ г. Хлѣбниковъ додумался своимъ умомъ до самыхъ энергическихъ совѣтовъ относительно рабочихъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію редактора „Знанія“, рабочимъ, таскающимъ 10 часовъ въ день кули изъ авбаровъ на суда, не слѣдуетъ платить никакой задѣльной платы, потому-что этого требуетъ наука, — да, читатель, наука г. Хлѣбникова. Это обстоятельство до такой степени любопытно, что мы позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей съ познаніями про-

фессора физики г. Хлѣбникова. Говоря о механической работѣ, онъ опредѣляетъ ее соединеніемъ двухъ факторовъ, сопротивленія и *высоты*, такъ-что *высота* составляетъ непрѣмное условіе того, чтобы считать работу механической, а такъ-какъ, по мнѣнію г. Хлѣбникова, только такая работа имѣетъ право на вознагражденіе, то всякій механической трудъ, совершаемый по горизонтальной плоскости, не долженъ оплачиваться. Если мужикъ пахетъ землю, то хотя онъ и преодолеваетъ при этомъ сопротивленіе въ сѣпленіи частицъ земли, но онъ движется по горизонтальной плоскости, стало быть не производитъ механической работы, а потому — какъ это пріятно слышать такому политико-эконому, какъ стихотворецъ Фетъ! — наука повелѣваетъ оставить его, не поэта Фета, а мужика безъ всякаго вознагражденія. Вотъ если-бы онъ сталъ пахать землю снизу вверхъ, въ родѣ горы Мон-Блана или Жигулевскихъ горъ, то можно и вознаградить его. Открытіе этого новаго экономическаго закона для опредѣленія труда и задѣльной платы, превосходящее все, что только могли открыть Мальтусъ и Рикардо, измѣняетъ радикально весь социальный строй современныхъ обществъ. Такъ-какъ большая часть земледѣльческаго населенія работаетъ на горизонтальной плоскости, а также по той-же плоскости таскаютъ разныя тяжести миллионы поденщиковъ, то ихъ можно предоставить голодной смерти, не давая имъ ни одной копейки за ихъ трудъ, непризнаваемый трудомъ г. Хлѣбниковымъ. Но, позвольте, нужно-ли вознаградить профессора, стоящаго на горизонтальной плоскости, т. е. на кафедрѣ, и испускающаго звуки по горизонтальному направленію? По теоріи г. Хлѣбникова — не нужно. Но вѣдь это ужасно! Представьте, что военный министръ пожелаетъ примѣнить эту теорію на практикѣ и профессорамъ медицинской академіи прикажетъ не выдавать больше жалованья на томъ законномъ основаніи, что они на лекціяхъ испускаютъ звуки не *вверхъ*, а *по горизонтальной плоскости*. Да, это ужасно, но г. Хлѣбниковъ, изъ уваженія къ своей наукѣ, долженъ согласиться, что это будетъ совершенно справедливо. Точно также будетъ справедливо вознаградить механическую работу каждаго, кто полѣзъ-бы на колокольню, чтобы полюбоваться окрестными видами, потому-что это дѣйствительный трудъ по опредѣленію профессора физики.

Впрочемъ дѣло объясняется очень просто. Если-бы г. Хлѣбниковъ потрудился познакомиться хоть, напримѣръ, съ механикой

Вейсбаха, о существованіи которой ему, какъ видно, неизвѣстно, то въ головѣ редактора „Знанія“ все было-бы благополучно и никакой новой соціальной реформы онъ не предложилъ-бы читателямъ своего ученаго журнала. У Вейсбаха на стр. 152, т. I г. Хлѣбниковъ прочиталъ-бы, что „механическая работа выражается произведеніемъ не „сопротивленія на *высоту*“ (это ваше собственное измышленіе), а „сопротивленія или силы на путь, пройденный по направленію этой силы“. Слѣдовательно и профессоръ, испускающій звуки по горизонтальному направленію, хотя-бы въ этихъ звукахъ не было ничего, кромѣ бурчанія, имѣетъ полное право на вознагражденіе. И это второй экономическій законъ, открытый г. Хлѣбниковымъ. Онъ думаетъ, что количество задѣльной платы должно сообразоваться съ количествомъ механической работы. Это новое открытіе не менѣе важно, какъ и первое. До сихъ поръ экономическая наука принимала за критерій оцѣнки труда его относительную *полезность*, и, сообразно этой порѣ, если не на практикѣ, то въ теоріи опредѣляла задѣльную плату. Но, очевидно, критерій этотъ никуда не годится, потому-что г. Хлѣбниковъ не согласенъ съ нимъ. Гораздо лучше принять за норму опредѣленія задѣльной платы *количество* механической работы; тогда всѣ будутъ довольны и справедливость на землѣ восторжествуетъ. Танцоръ, натирающій балетную сцену въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ, долженъ получить гораздо большее вознагражденіе, чѣмъ Дарвинъ, простоявшій только два часа надъ микроскопомъ, при изслѣдованіи какого-нибудь научнаго вопроса. Точно также носильщикъ, протащившій на своихъ плечахъ какой-нибудь тяжелый грузъ изъ пятого этажа внизъ, долженъ быть вознагражденъ гораздо хуже, чѣмъ модная барыня, сдѣлавшая въ день пятьдесятъ визитовъ. Но что-же дѣлать! Вѣдь этого требуетъ ученое „Знаніе“.

Вообще наука для „Знанія“ — это всенѣльзящій талисманъ, что-то въ родѣ жизненнаго эликсира средневѣковой магіи. Въ ст. „Русское естествознаніе и русская жизнь“ редакція „Знанія“ высказываетъ свою *profession de foi* и всѣ надежды въ переустройство нашей жизни возлагаетъ на науку. И хоть-бы тысячи лѣтъ потребовались для того, чтобы наука вступила на этотъ реформирующій путь, — безъ нея, по мнѣнію „Знанія“, нечего и думать объ улучшеніи настоящаго нашего положенія. Но когда она придетъ, мы вдругъ перейдемъ въ обѣтованную землю, гдѣ поте-

кутъ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ; тогда не будетъ ни голода, ни болѣзней, ни интригъ и обмана, однимъ словомъ, наступитъ золотой вѣкъ для человѣчества. И все это совершится только потому, что всѣ мы будемъ также учены, какъ г. Хлѣбниковъ, всѣ превратимся въ академикомъ, профессоромъ, сочинителей, подобныхъ автору „Реальныхъ основъ“ и т. д. Но чтобы приблизить эту благословенную эпоху, мы рекомендовали-бы редакціи „Знанія“ издавать болѣе осмысленный журналъ и не брать за него такъ дорого. Вѣдь 8 р. за какой-то сборникъ полу-переводныхъ, полу-компилятивныхъ и, что хуже всего, самостоятельныхъ статей г. Хлѣбникова—безбожная цѣна. А главное—она несогласна съ собственной теоріей его, потому-что „Знаніе“ не отличается ни *высотой*, ни *количествомъ* механическаго труда; такими тощенькими и жиденькими книжками можно было-бы двигать науку впередъ много-много рубля за три.

Вѣроятно, намъ еще придется поговорить о „Знаніи“ болѣе обстоятельно, если оно не уморитъ со скуки своихъ читателей и само не умретъ съ ними; но теперь мы должны ограничиться только бѣглымъ очеркомъ. Все, что выработало русское филистерство за послѣднее время, сносится въ „Знаніе“. Холодомъ и бездушіемъ такъ и вѣетъ отъ него; самый тонъ изложенія, докторальный, сухой и часто туманный, отталкиваетъ отъ этой профессорской говорильни. Есть хорошія переводныя статьи, на обложкѣ стоятъ почтенныя имена, но все это не связывается ничѣмъ общимъ и хорошее исчезаетъ среди никуда негоднаго хлама. Болѣе сообразительная и опытная редакція могла-бы и изъ этого матеріала составить порядочный журналъ, но редакціи въ „Знаніи“ нѣтъ никакой. Иначе, переводъ Дарвина не вышелъ-бы въ такомъ жалкомъ и извращенномъ видѣ. Какъ мы замѣтили выше, редакціи даже не было извѣстно, переводится-ли Дарвинъ *вполнѣ* и *буквально* или передается своими словами и въ сокращеніи. Наконецъ, если-бы г. Хлѣбниковъ занялся составленіемъ фельетоновъ, вмѣсто ученыхъ статей, а какой-то К., лепечущій о, соціологіи, посвятилъ-бы свой талантъ хоть теоріи танцевъ, вмѣсто такихъ экономическихъ статей, какъ „Школа Керри“, то „Знаніе“ приобрѣло-бы хоть нѣкоторую занимательность, ничего не проигравъ отъ этого въ своей основательности...

Серафими.

ОБЪЯСНЕНІЯ СЪ РЕДАКЦІЕЙ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“.

по поводу Дарвина.

Въ сентябрьской книжкѣ журнала „Дѣло“ былъ помѣщенъ коротенькій библиографическій отзывъ о переводѣ послѣдняго сочиненія Дарвина, изданномъ редакціей журнала „Знаніе“. Резюме этого отзыва было то, что редакция „Знанія“, допустивъ произвольныя сокращенія англійскаго подлинника, искажила его смыслъ и, преисполнивъ свой переводъ всевозможными грамматическими, логическими и техническими ошибками, предложила своимъ читателямъ не Дарвина, а что-то похожее на него — Дарвина *наизнанку*. Въмѣсто фактическаго опроверженія этого отзыва, редакция „Знанія“ направила свои перуны противъ перевода того-же Дарвина, вышедшаго подъ моею редакціей. Любопытна самая тактика полемическихъ пріемовъ г. Хлѣбникова *), избрѣтенная, впрочемъ, не ученымъ журналомъ „Знаніе“, а рыночными рекламами Кача. Чтобы уронить чужое изданіе, и насчетъ его возвысить свое, онъ помѣстилъ отвѣтъ на рецензію „Дѣла“ не въ своемъ журналѣ, почти никому неизвѣстномъ, а отправился съ нимъ въ довольно распространенную чужую газету, въ ту самую, которая гораздо раньше „Дѣла“ отозвалась объ его переводѣ, какъ объ искаженіи сочиненія Дарвина. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, тронутыя мольбами г. Хлѣбникова, охотно по-

*) Въ отзывѣ журнала «Дѣло» — № 9-й упоминалось имя г. Хлѣбникова рядомъ съ именемъ г. Бородина. Такъ какъ г. Бородинъ не участвуетъ больше въ журналѣ «Знаніе» и, можетъ быть, не участвовалъ уже въ то время, когда писался отзывъ, то редакция «Дѣла» уполномочила меня извиниться передъ г. Бородинымъ за то, что она смѣшивала его въ своемъ отзывѣ съ г. Хлѣбниковымъ.

мѣстили его статью въ № 304 и поддержали ее во всё трюмбонныхъ праздничныхъ и будничныхъ фельетонныхъ писахъ. Воображаемъ, какъ пріятно этотъ ослиный крикъ отозвался въ сердца г. Хлѣбникова. Но надолго-ли?

Что редакція „Знанія“ осталась недовольна отзывомъ „Дѣла“ — это совершенно понятно; но мнѣ непонятенъ тотъ докторальный тонъ, съ которымъ обращается редакція „Знанія“, въ своемъ наивномъ воззваніи къ общественному суду и, послѣ своего неприличнаго изданія Дарвина, рѣшается поучать другихъ „литературнымъ и научнымъ приличіямъ“. Этого мало; она считаетъ журнальный отзывъ не просто оскорбленіемъ смысла г. Хлѣбникова, подъ редакціей котораго вышелъ его *Дарвинъ-на-изнанку*, а всей публики, давая тѣмъ чувствовать, что г. Хлѣбниковъ есть нечто иное, какъ олицетвореніе всего общественнаго смысла. Но и это-бы еще ничего; никто, конечно, не станетъ смѣнивать здраваго смысла публики съ убогимъ смысломъ г. Хлѣбникова и всякій пойметъ, что его воззваніе къ отечеству есть не болѣе, какъ декламаторскій жестъ выборгскаго Юпитера. Но вотъ что хуже всего: г. Хлѣбниковъ, воспользовавшись коротенькимъ отзывомъ, въ которомъ было указано едва-ли и на сотую долю ошибокъ и искаженій, допущенныхъ имъ, вывелъ изъ этого очень лестное мнѣніе о своемъ переводѣ Дарвина, и поспѣшилъ подѣлиться этимъ мнѣніемъ съ читателями академической газеты. Успокоивъ, такимъ образомъ, себя и другихъ, онъ говоритъ: „Мы кончили съ рецензіей журнала „Дѣло“ — больше въ ней ничего нѣтъ. И на этомъ-то основаніи мы обвиняемся въ безграмотности, въ совершенномъ искаженіи подлинника“ и пр. („С.-Петербург. Вѣдом.“ № 304).

Ободренный такимъ самомнѣніемъ, онъ очень развязно пристраивается къ авторитету г. Сѣченова, редактировавшаго другое изданіе того-же сочиненія Дарвина, и проситъ сравнить свой переводъ съ переводомъ г. Сѣченова, увѣренный или лучше, желая увѣрить другихъ, что читатель выведетъ изъ этого сравненія самое благопріятное заключеніе какъ лично о г. Хлѣбниковѣ, такъ и объ его изданіи. Вотъ ужъ недлинно — храбрость города беретъ! Мы не знаемъ, что подумаетъ читатель о г. Хлѣбниковѣ, если только серьезно займется этимъ сравненіемъ, — не знаемъ, на сколько обрадуется и самъ г. Сѣченовъ

такому сопоставленію, но положительно утверждаемъ, что редакція „Дѣла“ поступила съ г. Хлѣбниковымъ или опрометчиво или коварно. Если-бы она выставила ему на видъ не *нѣскольکو*, а всѣ тысячи тысячъ его ошибокъ и искаженій, подтвердила-бы сотнями цитатъ и выписокъ прискорбное состояніе мыслительныхъ способностей г. Хлѣбникова, его незнаніе элементарныхъ правилъ русскаго и англійскаго языковъ, то онъ навѣрное замолчалъ-бы и не сталъ-бы вводить въ заблужденіе ни себя, ни другихъ. Конечно, всякій сообразитъ, что если г. Хлѣбниковъ вмѣсто *Южной Бразиліи* (S. Brasil) переводитъ *Сэнъ-Бразиль*, *вм. лифляндскихъ евреевъ* (Jews of Livonia) — *евреи изъ Ливаніи*, то чего же можно вообще ожидать отъ такого переводчика? Но одинъ извѣстный европейскій геологъ, какъ удачно замѣчаетъ г. Хлѣбниковъ, еще недавно помѣстилъ *Ливійскія горы* въ Азіи вмѣсто Африки, слѣдовательно, отчего-же русскому, *не менѣе извѣстному* профессору, не превратить Лифляндію въ Ливанію и Южную Бразилію въ какого-то святаго Бразилія. Совершенно резонно!

Но напрасно думаетъ г. Хлѣбниковъ, что его спасетъ извѣстный европейскій геологъ; еще менѣе можетъ спасти его самоувѣренность въ своемъ ученюмъ авторитетѣ и сопоставленіе своего перевода съ переводомъ г. Стѣчнова. Кто имѣлъ неосторожность пріобрѣсти изданіе Дарвина г. Хлѣбникова, тотъ, конечно, уже убѣдился, что это за переводъ, и согласится, что редакція „Дѣла“ была совершенно права. Что-же касается меня, котораго г. Хлѣбниковъ импонируетъ своимъ ученымъ авторитетомъ, то я предпринялъ довольно неблагодарный трудъ сравнить переводъ г. Хлѣбникова съ англійскимъ подлинникомъ — изъ строки въ строку нѣсколько главъ — и нахожу, что редакція „Дѣла“ была крайне снисходительна къ г. Хлѣбникову; я утверждаю въ виду того-же общественнаго мнѣнія, въ которому аппелируетъ г. Хлѣбниковъ, что онъ издалъ не Дарвина, а сборникъ грамматическихъ, логическихъ и техническихъ ошибокъ и искаженій и продаетъ ихъ публикѣ за 2 р. 50 к.; что за весь 1871 годъ не выходило у насъ болѣе курьзнаго перевода, какъ изданіе Дарвина г. Хлѣбникова.

Начнемъ съ предисловія англійскаго подлинника, которое въ изданіи редакціи „Знанія“ озаглавлено: „Отъ автора“, т. е. отъ Дарвина. Читатель, конечно, думаетъ, что это говорить

именно Дарвинъ; иначе и думать нельзя. Но что-же выходитъ на самомъ дѣлѣ? Выходитъ, что г. Хлѣбниковъ сочинилъ „Отъ автора“ самъ, въ томъ, конечно, несомнѣнномъ убѣжденіи, что говорить-ли Дарвинъ или г. Хлѣбниковъ—это все равно. Такъ какъ мнѣ приходится имѣть дѣло съ такимъ ученымъ, который, вивая съ Ивана на Петра, то прячется за спину какого-то европейскаго геолога, то сваливаетъ свое невѣжество на корректора, то примазывается къ авторитету г. Сѣченова, то я, рискуя наскучить читателямъ „Дѣла“, по необходимости долженъ не скупиться на выписки. Поэтому привожу здѣсь начало введенія къ сочиненію Дарвина въ переводѣ редакціи г. Сѣченова, моего перевода и собственнаго сочиненія г. Хлѣбникова, чтобы читатель могъ судить, что говорить Дарвинъ и что за него сочиняетъ г. Хлѣбниковъ, утверждая, что это „отъ автора“, т. е. отъ Дарвина.

Переводъ г. Сѣченова.

Переводъ мой.

Сочиненіе г. Хлѣбникова.

Введеніе.

Введеніе.

Отъ автора.

Характеръ предлагаемаго сочиненія можетъ быть всего вѣрнѣе понятъ изъ краткаго отчета о томъ, какъ оно было написано. Впродолженіе многихъ лѣтъ я собиралъ замѣтки о происхожденіи человѣка безъ всякаго намѣренія печатать что-либо объ этомъ предметѣ, — скорѣе съ положительнымъ намѣреніемъ не выпускать моихъ замѣтокъ въ свѣтъ, такъ какъ я полагалъ, что онѣ могли-бы только усилить предубѣжденія, существовавшія противъ моихъ взглядовъ. Мнѣ казалось достаточнымъ указать въ первомъ изданіи моего сочиненія «О происхожденіи видовъ», что эта книга можетъ бросить свѣтъ на происхожденіе человѣка и его исторію. Этимъ было уже сказано, что при

Характеръ настоящаго моего сочиненія лучше всего можетъ быть объясненъ нѣсколькими словами о томъ, какъ оно было написано. Впродолженіе многихъ лѣтъ я собиралъ замѣтки о происхожденіи или возникновеніи человѣка, безъ всякаго намѣренія издать ихъ когда-нибудь въ свѣтъ; скорѣе я думалъ никогда не печатать ихъ, убѣжденный въ томъ, что онѣ только увеличатъ предубѣжденія противъ моихъ взглядовъ. Для меня казалось достаточнымъ оговориться въ первомъ изданіи моей книги: „О происхожденіи видовъ“, что трудъ этотъ проливаетъ свѣтъ и на происхожденіе человѣка и его исторію. Это значило, что человѣкъ, относительно возникнове-

Настоящее сочиненіе имѣетъ предметомъ, выясненіе во-первыхъ, вопроса о томъ, происходитъ ли человѣкъ, также какъ и всѣ другіе виды, отъ нѣкоторой предшествовавшей формы; во-вторыхъ, способа развитія его, и въ-третьихъ, значенія различій между, такъ называемыми человѣческими расами. Отдаленная древность человѣка была доказана въ послѣднее время изслѣдованіями многихъ замѣчательныхъ ученыхъ, начиная съ Буше-де-Перта, и должна послужить необходимымъ основаніемъ для объясненія происхожденія человѣка. Заключение этихъ ученыхъ можно принять уже за окончательно установленныя, и для изученія ихъ (кого? ученыхъ или заключеній?) читатели мо-

всякомъ общемъ выводѣ, касающемся способа появленія на землѣ, чело-вѣка необходимо разби-рать на ряду съ другими органическими существами. Теперь я теперь вопросъ при-нялъ совершенно другой видъ. Если такой естество-испытатель, какъ Карль Фогтъ, рѣшается сказать въ своей рѣчи, въ ка-чествѣ президента Націо-нальнаго Института въ Женевѣ (1869 г.): «*reg-sonne, en Europe au moins, n'ose plus sou-tenir la creation indé-pendante de toutes-pièces, des espèces,*—то ясно, что по крайней мѣрѣ значительное чис-ло натуралистовъ должно уже признавать въ су-ществующихъ видахъ ви-доизмѣненныхъ потомковъ другихъ видовъ, и что въ этомъ числѣ должны на-ходиться по преимуществу молодые, развивающіе-ся естествоиспытатели. Большинство признаетъ вліяніе естественнаго под-бора, хотя многіе дума-ютъ — справедливо или нѣтъ — рѣшить буду-щее, — что я слишкомъ преувеличиваю его зна-ченіе. Между болѣе старыми изъ уважаемыхъ авторитетовъ науки, мно-гіе, къ сожалѣнію, про-должаютъ быть против-никами всякаго развитія и усовершенствованія ви-довъ.

Изд. кв. магазина Чер-кесова.

Подъ редакц. Съченова.
(Стр. VII—VIII)

нія его на землѣ, дол-женъ быть поставленъ въ общую категорію съ другими органическими существами. Теперь я убѣдился въ совершен-но противномъ. Если та-кой натуралистъ, какъ Карль Фогтъ, рѣшился сказать въ своей рѣчи, въ качествѣ президента Національной Женевской академіи (1869 года): „Никто, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ не осмѣли-вается болѣе поддержи-вать независимаго и цѣль-наго во всѣхъ своихъ частяхъ творчества ви-довъ“, то ясно, что, по крайней мѣрѣ, большин-ство натуралистовъ сто-итъ на сторонѣ моей теоріи о происхожденіи видовъ; это въ особен-ности надо сказать о молодыхъ и подрастаю-щихъ естествоиспытате-ляхъ. Большинство ихъ допускаетъ дѣйствіе есте-ственного подбора, хотя нѣкоторые продолжаютъ настаивать—справедливо или нѣтъ — это рѣшить будущее, — что я слиш-комъ преувеличилъ зна-ченіе этого дѣятеля. Къ сожалѣнію, многіе изъ старѣйшихъ и почтенныхъ представителей естество-знанія до сихъ поръ не хотятъ допустить посте-пеннаго развитія въ ка-кой бы то ни было формѣ.

Изд. редакціи журнала «Дѣло».

Подъ редакц. Благо-свѣтлова.

(Стр. V—VI)

гутъ обратиться къ зна-менитымъ сочиненіямъ Ч. Ляйэля, Дж. Леббока и др. и т. д. и т. д.

Изданіе редакціи жур-нала «Знаніе».

(Стр. I).

Сравнивая эти три перевода, читатель естественно останавливается въ недоумѣніи передъ переводомъ г. Хлѣбникова: что-же это такое — переводъ другой книги Дарвина или передѣлка, или, наконецъ, плодъ собственнаго творчества г. Хлѣбникова. А между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, г. Хлѣбниковъ увѣряетъ читателя на обложкѣ своего журнала, что это переводъ *полный* и безъ всякихъ сокращеній. Но, во-первыхъ, кто знаетъ, какъ пишетъ Дарвинъ, легко догадается, что онъ никогда не писалъ такимъ безграмотнымъ и неуклюжимъ языкомъ; во-вторыхъ, всякій вправѣ спросить: какое-же право имѣетъ г. Хлѣбниковъ выдавать „Отъ автора“ то, что онъ передѣлалъ по-своему? Навязывать Дарвину такое введеніе, котораго онъ не составлялъ? Что-же это значитъ, какъ не продавать оловянную ложку за серебряную, особенно, если принять въ соображеніе ту неизмѣримую величину разстоянія, которая отдѣляетъ человѣка ограниченнаго отъ геніальнаго.

Далѣе, въ объявленіи, напечатанномъ на оберткѣ журнала „Знаніе“ (іюль и августъ), мы читаемъ: „Надняхъ поступитъ въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ, печатаемое въ журналѣ „Знаніе“, сочиненіе Ч. Дарвина „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“. Изданіе это, въ главныхъ частяхъ, есть переводъ сочиненія Дарвина. *Часть первая* (Происхожденіе человѣка) *и главы второй части*, касающіяся дѣйствія полового подбора на человѣка, *переведены вполне*“ (см. журналъ „Знаніе“, іюль и августъ). Такъ всѣ и поняли, что первая и самая важная часть Дарвина переведена г. Хлѣбниковымъ *вполнѣ*. Но что-же оказывается при сравненіи перевода съ подлинникомъ? Не только ни одна часть сочиненія Дарвина, но ни одна глава не переведены *вполнѣ*. Изъ первой части выброшено г. Хлѣбниковымъ, по его усмотрѣнію, часто ничѣмъ необъяснимому, около *семи* печатныхъ листовъ англійскаго оригинала, а изъ остальныхъ главъ болѣе *десяти* листовъ, такъ-что всѣ сокращенія равняются приблизительно 18 листамъ сочиненія Дарвина. И это называется у г. Хлѣбникова „перевести *вполнѣ*“. Это говорилось въ іюль и августъ, а въ сентябрѣ, въ предисловіи „Отъ издателей“ онъ уже не утверждаетъ, что первая часть переведена *вполнѣ*, — впрочемъ и не опровергаетъ своихъ прежнихъ рекламъ; изъ дальнѣйшихъ объясненій г. Хлѣбникова мы видимъ, что изъ

первой части только глава V передана *безъ всякихъ сокращеній* и VII глава *переведена вполнѣ*. („Отъ издателей“, Дарвинъ, изд. редакціи „Знаніе“). Такимъ образомъ въ сентябрѣ оказывается совсѣмъ не то, что говорилось ученымъ профессоромъ въ іюлѣ и августѣ; теперь оказалось, что изъ первой части только двѣ главы (V и VII) переведены вполнѣ. Сравниваемъ и убѣждаемся, что изъ V главы выброшено болѣе 50 строкъ англійскаго текста и 34 примѣчанія, которыя у Дарвина иногда не менѣе важны, чѣмъ самый текстъ; изъ VII главы урѣзаны 53 примѣчанія и около 30 строкъ текста. Все это я говорю на основаніи самой точной провѣрки и сличенія. Точно также распорядился г. Хлѣбниковъ и съ рисунками, приложенными къ тексту Дарвина. Такъ изъ главы IX выпущены всѣ рисунки; изъ главы X—двадцать девять; изъ главы XII—семнадцать; изъ главы XIII—шестнадцать и т. д. Какими *учеными* соображеніями руководствовался г. Хлѣбниковъ въ этихъ пропускахъ—догадаться не трудно, взглянувъ на самые рисунки Дарвина. Всѣ болѣе сложные и слѣдовательно болѣе дорогіе онъ сократилъ въ своемъ изданіи, не обращая вниманія на то, насколько они важны для поясненія самого текста. На рынкѣ „Виржевыхъ Вѣдомостей“, гдѣ достоинство предметовъ оцѣнивается не по *качеству*, а только по *количеству* ихъ, найдемъ этотъ способъ издавать такихъ писателей, какъ Дарвинъ, очень хорошимъ и достойнымъ всякаго поощренія. (См. „Виржев. Вѣдом.“, № 294 Библиогр.)

Что-же касается сокращеній самого текста, то г. Хлѣбниковъ называетъ ихъ „*незначительными* отступленіями отъ подлинника“ или „сокращеніями *немногихъ анатомическихъ* подробностей, касающихся такихъ видовъ животныхъ, которыя по большей части неизвѣстны читателю, незнакому специально съ зоологіей“. И это ложь, такая беззастѣнчивая ложь, къ которой, на нашей памяти, не прибѣгалъ еще ни одинъ издатель, даже изъ послѣднихъ рядовъ издательскаго базара. Провѣряемъ и находимъ, что во II, III, IV, V, VI и VII главахъ нѣтъ никакихъ анатомическихъ подробностей, а главы эти сокращены почти на третью часть. Вникая въ дѣло поглубже, мы убѣждаемся, что г. Хлѣбниковъ часто выбрасывалъ изъ своего перевода не болѣе *спеціальныя*, какъ онъ утверждаетъ,

а болѣе трудныя мѣста, чтобы облегчить себѣ работу и, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи, „прежде всѣхъ другихъ издателей познакомить русскихъ читателей съ новымъ твореніемъ величайшаго изъ современныхъ ученыхъ“. Неизвѣстно, сколько такихъ довѣрчивыхъ читателей попало на эту удочку, но воображаю, какъ они познакомились изъ такого перевода съ Дарвиномъ. Что г. Хлѣбниковъ сокращалъ именно трудныя мѣста англійскаго подлинника, въ этомъ убѣждаютъ насъ многія страницы его перевода. Такъ, напримѣръ, въ концѣ IX главы онъ выбросилъ все объ органахъ трещанія пауковъ, а между тѣмъ Дарвинъ даетъ имъ очень важное значеніе. „Это первый извѣстный мнѣ случай, — говоритъ онъ, — въ восходящей лѣстницѣ животнаго царства, когда звуки издаются именно съ этою цѣлю“, т. е. для призыва и возбужденія самки (140 стр., вып. II, изд. „Дѣла“). Очевидно, это очень интересный фактъ для Дарвина, но г. Хлѣбниковъ находитъ его нестоящимъ своего вниманія и выбрасываетъ вонъ. И такихъ случаевъ можно указать нѣсколько почти въ каждой главѣ, и я надѣюсь это сдѣлать, если г. Хлѣбниковъ вызоветъ меня еще на объясненіе. Такимъ образомъ, провѣряя главу за главою, мы приходимъ къ тому несомнѣнному заключенію, что единственная система, руководившая г. Хлѣбниковымъ въ его сокращеніяхъ, состояла въ томъ, чтобы выбрасывать все, что было трудно перевести или что казалось на взглядъ *ученаго* редактора недостойнымъ его вниманія. Иногда эти такъ называемыя сокращенія поражаютъ своимъ патологическимъ характеромъ. Вдругъ ни съ того, ни съ сего, выдергивается фраза черезъ нѣсколько страницъ впереди, вставляется въ другое мѣсто нѣсколькими страницами назадъ, и переводъ или, правильнѣе, передѣлка продолжается дальше. Нерѣдко изъ цитаты, приводимой Дарвиномъ, выхватываются нѣсколько словъ, самая цитата выдается за собственныя слова Дарвина, конецъ ея сокращается и смыслъ совершенно переиначивается. (См. особенно IX, X и XI главы, изобилующія всѣми этими курьезами). Но гораздо чаще г. Хлѣбниковъ самъ сочиняетъ за Дарвина, и сочиняетъ такъ, что иногда диву даешься — неужели такъ плохо пишетъ Дарвинъ. Говоря, напр., на стр. 204 о цикадахъ Соединенныхъ Штатовъ, г. Хлѣбниковъ пишетъ: „Я замѣчалъ (это говоритъ д-ръ Гартманъ), что самки, сидя цѣлыми кучами на густыхъ каштановыхъ вѣтвяхъ на

высотъ моей головы, собираются кругомъ поющихъ самцовъ“. Что такое значить *на высотъ моей головы?*—Сидѣли-ли коблѣки на головѣ д-ра Гартмана и притомъ цѣлыми кучами, или каштановыя вѣтви лежали на его головѣ? Притомъ о какихъ это *поющихъ* цикадахъ можетъ говорить Дарвинъ? Но онъ этого и не говоритъ и не думалъ говорить, а сочиняетъ за него г. Хлѣбниковъ. У Дарвина такъ: „Стоя въ густыхъ побѣгахъ каштана, вышиною въ мой ростъ, гдѣ окружали меня цѣлыя сотни ихъ (самцовъ цикады), я замѣтилъ, что самки собирались вокругъ *звѣнящихъ* самцовъ“. (Дарв., изд. „Дѣла“, стр. 182). Да, теперь это ясно. На стр. 17 г. Хлѣбниковъ переводитъ: „Бремя упоминаетъ объ одной самкѣ павіана, которая имѣла такъ много *наклонности къ исполненію материнскихъ обязанностей*, что не довольствуясь усыновленіемъ обезьянъ другихъ видовъ, *воровала котятъ и щенятъ*“. У Дарвина нѣтъ ничего о наклонности къ материнскимъ обязанностямъ, которыя за Дарвина сочинилъ самъ г. Хлѣбниковъ. Вотъ какъ это мѣсто передано г. Сѣченовымъ. „Одна самка павіана отличалась такимъ любвеобильнымъ сердцемъ, что не только брала на попеченіе молодыхъ обезьянъ другихъ видовъ, но крада котятъ и щенковъ и постоянно носила ихъ на рукахъ“ (стр. 39). Собратьевъ, по своему усмотрѣнію, послѣднія слова фразы, г. Хлѣбниковъ придалъ совершенно прерватный смыслъ идеѣ Дарвина, заставляя читателя думать, что какъ будто кража котятъ и щенковъ относится къ числу материнскихъ обязанностей. И это у него называется переводить Дарвина буквально. Далѣе, у Дарвина говорится *разнообразіе*, а г. Хлѣбниковъ переводитъ *различіе* (стр. 205); у Дарвина—*ребенчатые*, а у г. Хлѣбникова—*пестрые* (стр. 199); у Дарвина—*пузырь*, а у г. Хлѣбникова—*мѣшокъ* (стр. 205); у Дарвина—*съ однимъ исключеніемъ*, а у г. Хлѣбникова—*безъ всякаго исключенія*. Дарвинъ, говоря объ умственныхъ способностяхъ раковъ, прибавляетъ, что *они смѣтливы и осторожны*, а г. Хлѣбниковъ витійствуетъ—*они смѣлы и бодры на видъ* (стр. 196). Но вѣдь тутъ говорится не о храбрости раковъ, а объ умѣ ихъ—поймите вы это. Тамъ, гдѣ говорится у Дарвина о *ткани волосъ*, у г. Хлѣбникова переводится—*строеніе волосъ* (стр. 156); гдѣ нужно сказать *превосходный наблюдатель*, г. Хлѣбниковъ переводитъ—*неизвѣстный авторъ* (стр.

156); гдѣ нужно сказать *спроравато-бурый*, г. Хлѣбниковъ переводитъ—*зеленовато-бурый* (стр. 187); Дарвинъ, говоря объ инстинктахъ, пишетъ, что онъ не отрицаетъ, что инстинктивные движенія могутъ терять свой строго-опредѣленный, произвольный характеръ, и переходить въ движенія произвольныя, а г. Хлѣбниковъ переводитъ: „инстинктивные дѣйствія могутъ терять свой характеръ *неподвижности* и *незаученности*“ и т. д. (стр. 15). Въ чьей-же это головѣ можетъ уложиться — *неподвижное дѣйствіе*? Профессору физики, казалось-бы, должно быть извѣстно, что какъ нѣтъ стоячихъ хожденій, такъ не можетъ быть и неподвижныхъ дѣйствій. Но если-бы я сталъ выписывать всѣ курьезы, разсыпанные по всему изданію г. Хлѣбникова, то это составило-бы порядочный томикъ. А чтобы не обаявать читателя вѣрить мнѣ на слово, пусть онъ просмотритъ только II, IX и X главы, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ. Только при бѣгломъ просмотрѣ этихъ главъ я помѣтилъ около 300 такихъ красотъ, за которыя ученикъ уѣзднаго училища навѣрное остался-бы безъ обѣда.

Не менѣе любопытно узнать, что называетъ г. Хлѣбниковъ *незначительными отступленіями* отъ подлинника. Онъ даже приложилъ въ концѣ своего изданія списокъ, состоящій изъ 150 отступленій. Кто страдаетъ меланхоліей, тому я рекомендую пробѣжать этотъ списокъ для развлеченія. Тутъ ужъ невозможно не расхохотаться при самомъ мрачномъ настроеніи. Изъ этого списка *незначительныхъ отступленій* мы узнаемъ, что сказать вмѣсто *олений* — *барановъ*, вм. *дикой утки* — *дикаго уся*, вмѣсто *млекопитающія*—*нисшій животныя*, какъ переводитъ г. Хлѣбниковъ, — это значитъ, по его мнѣнію, *незначительно* отступить отъ подлинника. Но что же у г. Хлѣбникова называется *значительнымъ* отступленіемъ? Если кто-нибудь переведетъ вмѣсто *корова*—*соловей*, вм. *огурецъ*—*домъ*—будетъ ли это *незначительнымъ* или *значительнымъ* отступленіемъ? Притомъ я не вижу въ этомъ списокѣ ни Сэнъ-Бразилъ, ни Ливаніи, ни многого множества другихъ нелѣпостей, и думаю, что въ этомъ списокѣ нѣтъ и четвертой доли подобныхъ отступленій.

Относительно безграмотности перевода, за которую особенно разсердился на меня г. Хлѣбниковъ, я одно могу сказать: красота этого рода въ его изданіи — что твоихъ звѣздъ на небѣ!

Я уже не говорю объ общемъ тонѣ перевода, о неумѣннн согласить подлежащее съ сказуемымъ, правильно разставить слова, о такихъ ошибкахъ, какъ вмѣсто *родитель—родственникъ*, вм. *сновидѣнія—сны*, вм. *жгучее солнце—жгучій климатъ* и т. п., но я говорю о такомъ элементарномъ незнаніи языка, котораго постыдился-бы любой гимназистъ. Если логически нельзя сказать—*неподвижное дѣйствіе* или *кажется уху* (стр. 204) (а можно-ли перевести—слышится глазу?), то грамматически нельзя сказать *въ Цейлонъ* (стр. 249), какъ нельзя сказать: я живу *въ Вас. островѣ*. Города Цейлона нѣтъ, а есть островъ,—островъ, а не городъ, г. профессоръ! Нельзя сказать грамматически *переходящая измѣняемость* (стр. 60) или *послѣдованіе подобнымъ привычкамъ* или *окрашиваніе* вм. *краска, окраска*, или *поплавокъ рыбацкей* удочки (бываютъ, конечно, и издательскія удочки, но этотъ терминъ еще не вошелъ въ академическій словарь) или выразиться на литературномъ языкѣ такъ, какъ выражается г. Хлѣбниковъ на стр. 157: „Такія измѣненія относятся къ временному классу, о которомъ мы упоминали въ четвертой главѣ, такъ называемыхъ за неимѣніемъ лучшаго термина произвольныхъ измѣненій“. Что же пойметъ, о чемъ тутъ говорится?—А между тѣмъ у Дарвина, всегда яснаго и точнаго, какъ его сильная и свѣтлая мысль, говорится такъ: „Всѣ эти видоизмѣненія, за неимѣніемъ болѣе точнаго термина, названы мной въ 4-й главѣ самопроизвольными“ (стр. 365). Это переводъ моей редакціи, а вотъ г. Сѣченова: „Такія видоизмѣненія принадлежатъ къ категоріи провизорныхъ случаевъ, о которыхъ мы упоминали въ четвертой главѣ, и за недостаткомъ лучшаго имени, назвали самопроизвольными видоизмѣненіями“ (стр. 285). Или какъ покажется слѣдующая фраза: „разсматривая всю организацію ихъ (человѣческихъ расъ) вообще, сходство между ними проявляется также во многихъ отношеніяхъ“ (стр. 143—144). Что-же это выходитъ по-русски? Выходитъ, что *сходство разсматриваетъ всю организацію ихъ*. Позволяю себѣ спросить: какой эпитетъ г. Хлѣбниковъ отпустилъ-бы тому студенту, который сталь-бы отвѣчать ему на экзаменѣ такимъ языкомъ, какимъ онъ перевелъ Дарвина? И послѣ всего этого г. Хлѣбниковъ, выражаясь его собственнымъ стилемъ, живущій не *въ Цейлонъ*, не *въ Сэнъ-Бразилъ* и не изъ евреевъ *Ливаніи*, а русскій профессоръ, поучающій юноше-

ство *из* выборгской сторонѣ, рѣшается дѣлать намеки, будто въ VII и VIII гл. нашего перевода Дарвина сдѣланы заимствованія изъ его перевода и что будто-бы эти главы только потому и переведены лучше, что образцомъ для нихъ послужило изданіе журнала „Знаніе“. Да гдѣ-же совѣсть-то у васъ, г. Хлѣбниковъ?!

Но, какъ мы могли убѣдиться изъ вышеприведенныхъ рекламъ г. Хлѣбникова объ его переводѣ, становится съ нимъ на эту точку зрѣнія не совсѣмъ удобно. Поэтому мы вынуждены и на этотъ разъ опереться на такія данныя, которыя-бы разъясняли дѣло вполне. Ученый профессор основалъ свою догадку въ подражаніи нашему его переводу на двухъ (приведенныхъ имъ мѣстахъ, въ которыхъ встрѣчается сходство въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ. Но во-первыхъ это неизбежно при всякомъ переводѣ, потому-что есть много англійскихъ словъ, которыя и вы, и я, и всякій другой переводчикъ должны передать одинаковыми русскими словами. Перечитывая, напр., Введеніе къ Дарвину въ переводахъ, редактированныхъ г. Сѣченовымъ и мною, мы находимъ, что въ нихъ есть и сходныя отдѣльныя слова, и цѣлыя фразы. И такъ-какъ изданіе Дарвина редакціи журнала „Дѣло“ вышло раньше Сѣченовскаго, то неужели было-бы совѣстливо съ нашей стороны намекать на заимствованія этихъ фразъ? И ужь совершенно было-бы безсовѣстно ставить образцомъ для другихъ такой переводъ, какъ г. Хлѣбникова, потому-что рѣшиться пользоваться такимъ переводомъ могъ только тотъ, кто еще ниже г. Хлѣбникова стоитъ въ умственномъ отношеніи,—а это было-бы самой смѣлой *ученой* гипотезой. Во-вторыхъ самъ-же г. Хлѣбниковъ обличаетъ себя въ недобросовѣстности своего намека. Ставя образцомъ свой переводъ для другихъ, онъ тутъ-же, т. е., въ той самой фразѣ, которую самъ выписываетъ, переводитъ *клевши—когтями*. У Дарвина говорится, что собранныя въ различныхъ странахъ и отъ различныхъ человѣческихъ расъ *pediculi* (вши) различаются строеніемъ своихъ *когтей* и членовъ—по переводу редакціи „Знанія“, а по нашему — строеніемъ своихъ *клевшей* и членовъ, по переводу г. Сѣченова—*челюстей* и ногъ. Въ оригиналѣ стоитъ „claws“ and „limbs“, слѣдов., г. Сѣченовъ переводитъ неправильно, а г. Хлѣбниковъ, по обыкновенію, сочиняетъ отъ себя, потому-что сказать *когти* у *pediculus* будетъ равносильно выраженію: ногти у лошади. Точно также въ

одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ у г. Хлѣбникова (стр. 234) гибкія *щупальцы* на лбу одной изъ рыбъ Южной Америки. Какъ же это, г. профессоръ, щупальца-то могли очутиться на лбу, да еще у рыбы? Положимъ, что у вшей бываютъ *когти*, какъ вы думаете,—но за что же вы щупальца или усики помещаете на лбу рыбы?

Но г. Хлѣбниковъ такъ влюбленъ въ свою *ученую* персону и въ свой авторитетъ, что, не замѣчая у себя бревна въ глазу, указываетъ другимъ и на соломенку. Не умѣя правильно перевести слова: *Южная Бразилія*, перевирая Дарвина на каждомъ шагу, не имѣя понятія ни о грамматической, ни о логической правильности своего родного языка, онъ однакожъ не стыдится поучать меня произношенію англійскихъ собственныхъ именъ. Онъ находитъ, что я неправильно перевожу *Дэнисъ* вм. *Дэнсъ*, *Валласъ*—вм. *Уоллэсъ*, потому-что г. Сѣченовъ произноситъ *Дэнсъ* и *Уоллэсъ*. Да неужели, г. Хлѣбниковъ, вы не можете обойтись безъ г. Сѣченова даже въ этомъ случаѣ? Г. Сѣченовъ произноситъ *Дѣглэсъ* (Douglas—стр. 400); неужели и мнѣ произносить точно такъ-же? Думаю, что тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ того, что надо произнести *Дугласъ*, а не *Дѣглэсъ*. У г. Сѣченова произносится М-г. Gwyn Jeffreys — *Гвинъ* Джеффрейсъ (стр. 372); а вы переводите — *Гвинъ* Джефресь, и на этотъ разъ вы правы; но никто не произнесетъ Gould, какъ вы произносите—*Гоульдъ*. Вы произносите *Уэстринъ* (Westring), а г. Сѣченовъ—*Вестринъ* (стр. 389). Кто же изъ васъ правъ? И г. Сѣченовъ, и вы; но мнѣ нужно объяснить вамъ это. Вы, конечно, хоть по наслышкѣ, знаете, что произношеніе англійскихъ собственныхъ именъ такъ своеобразно и произвольно у самихъ англичанъ, что тутъ нѣтъ никакихъ строго установленныхъ правилъ; можетъ быть, вы также слышали, что буква „W“ совершенно срадывается въ произношеніи англійскаго языка, или переходитъ въ такой звукъ, который на нашемъ языкѣ передать трудно. Поэтому-то одни произносятъ *Уашиинтонъ*, другіе — *Вашиинтонъ*, но ни то, ни другое произношеніе вполнѣ не выражаетъ англійскаго глухого звука, хотя и то, и другое будетъ для насъ правильно. Но такъ какъ въ произношеніи собственныхъ именъ привычка имѣетъ свое значеніе, то я и предпочитаю произносить *Вестъ*-Индія вм. *Уэстъ*-Индія, *Валлисъ* вм. *Уэлъсъ* и *Валласъ* вм. *Уоллэсъ*. Что же

касается *Дэнисъ* ви. *Дэнсъ*, то тутъ я ужъ отъазываюсь растолковать вамъ, что мое произношеніе вполнѣ вѣрно; поясню однакожь примѣромъ: если-бы англичанинъ сказалъ по-русски *Даниилъ* или *Михаилъ*, а я сталъ бы уличать его въ невѣжество, — почему онъ не произноситъ *Данило* или *Михайло*, — то я только показалъ бы свое собственное невѣжество. Такъ именно и поступили вы въ отношеніи меня. Затѣмъ вы выплясываете свою побѣду надо мной, говоря, что я не умѣлъ перевести слова „rudimentary“, передавъ его словомъ *основной*, а не *зачаточный*, какъ перевели вы, — несомнѣнный ученый авторитетъ. Это опять доказываетъ только вашу безнадежную ограниченность. *Зачаточный* предполагаетъ дальнѣйшее развитіе, а рудиментарный органъ имѣетъ совершенно противоположное этому значеніе. Онъ не только не развивается, но, большею частію, постепенно исчезаетъ, какъ утратившій свое первоначальное назначеніе. Слѣдовательно, согласно съ духомъ и логикой русскаго языка, слово „rudimentary“ нельзя перевести словомъ *зачаточный*: поэтому я и употребилъ слово *основной*, т. е. таковой органъ, который остался только въ основѣ прежде дѣйствовавшаго и живаго органа. Но я знаю, что и это слово не выражаетъ вполнѣ понятія *рудиментарный*, и потому я не безъ цѣли употребилъ его два или три раза въ видѣ опыта, замѣнивъ въ другихъ мѣстахъ иностраннымъ словомъ *рудиментарный*. Но почему я допустилъ слово *Бабуинъ* ви. *Павіанъ*, то этого и объяснить вамъ не стану, надѣясь, что какой-нибудь умный студентъ вашей аудиторіи растолкуетъ вамъ, что тутъ нѣтъ никакой ошибки и только напрасно потраченъ вашъ порошокъ противъ меня. Но не подумайте, *Сэнз-бразильскій* профессоръ, чтобы я рѣшился считать свой переводъ непогрѣшимымъ. У меня есть промахи и ошибки и, вѣроятно ихъ больше, чѣмъ вы сумѣли указать мнѣ. Принимайте-ли это вы моему незнанію или недосмотру — это рѣшительно для меня все-равно, — но я не стану прятаться за фалды еврейскаго геолога, если я ошибся. Но изъ всѣхъ вашихъ замѣчаній я только одного не могъ-бы оспорить у васъ, если-бы это было необходимо; а именно я допустилъ слово *жищечная* дуга уха вмѣсто *жаберная*. Это дѣйствительно ошибка, которую я вполнѣ и принимаю на себя. Но когда вамъ нужно было перевести это слово, то вы совѣмъ пропустили его, что, конечно, гораздо легче,

чѣмъ хоть неправильно, но перевести. Г. Сѣченовъ передасть его терминомъ подлинника—*висцеральная дура*, что было-бы нетрудно сдѣлать и мнѣ. Какъ-бы то ни-было, но вы, имѣя за собой на каждую мою ошибку цѣлыя сотни неслыханныхъ нелѣпостей, должны были нѣсколько осторожнѣе подавлять меня своимъ авторитетомъ. Напрасно вы думаете, что не найдется между вашими же слушателями такого любопытнаго студента, который, зная англійскій языкъ, свѣрить вашъ переводъ съ подлинникомъ и потомъ съ моимъ переводомъ. А если онъ это сдѣлаетъ, то откуда вы возьмете храбрости раскрыть ротъ на кафедрѣ въ присутствіи его?

Наконецъ г. Хлѣбниковъ ставитъ мнѣ въ вину, что я, не будучи естественнымъ испытателемъ, рѣшился редактировать такое специальное сочиненіе, какъ—Дарвина. Но неужели я лучше поступилъ бы, если-бы обратился къ редакціи такого специалиста, какъ г. Хлѣбниковъ? А вѣдь онъ въ своемъ полѣ—не одинъ—это мнѣ болѣе чѣмъ извѣстно... Я, дѣйствительно, не специалистъ, и, помнится, только одинъ годъ пробывъ въ медицинской академіи, убѣжавъ отсюда въ университетъ отъ такихъ профессоровъ, какъ г. Хлѣбниковъ,—на профессорскую кафедру я никогда не претендовалъ, но думаю, что у меня достало-бы мужества отказаться отъ нея послѣ такой кучи сору, какую г. Хлѣбниковъ предложилъ русской публикѣ подъ заглавіемъ: Ч. Дарвинъ.—Ошибки неизбѣжны въ такомъ трудѣ, какъ переводъ Дарвина на русскій языкъ, гдѣ нѣтъ ни строго-выработанной научной терминологіи, ни техническихъ хорошихъ словарей, гдѣ ученые профессора не умѣютъ писать грамматически; но не въ ошибкахъ дѣло, а въ добросовѣстномъ отношеніи къ такому труду, какъ переводъ Дарвина для нашей публики. Г. Хлѣбниковъ импонируетъ меня авторитетомъ г. Сѣченова; но во-первыхъ, я не ставлю для себя авторитетомъ г. Сѣченова ни въ произношеніи англійскихъ словъ, ни въ уваженіи къ тому дѣлу, за которое я берусь. И у г. Сѣченова есть промахи, ошибки и недосмотры. Вотъ, напр., на стр. 57 я нахожу пропускъ 10 строкъ англійскаго оригинала; на стр. 383 я читаю: „когда Фрицъ Мюллеръ сажалъ нѣсколькихъ самцовъ бразиліанскаго вида *Gelasimus*, вооруженнаго огромными клешнями, съ стаканъ съ водою, они уродовали и убивали другъ друга“.

Ужь, конечно, нельзя посадить большихъ раковъ, да еще нѣ-

сколькихъ въ стаканъ съ водою, который у Дарвина названъ просто сосудомъ; на стр. 15: „Эта мышца встрѣчается съ частотой 3-хъ процентовъ на болѣе чѣмъ 600 трупахъ“. Это не по-русски. Точно также нельзя сказать *трескъ* самцовъ вм. *трещаніе* (стр. 369). На стр. IX въ предисловіи невѣрно переведена слѣд. фраза: „Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ терять изъ виду могучей поддержки, которую можно было-бы найти въ первыхъ изъ перечисленныхъ нами данныхъ“. Я позволю себѣ исправить это мѣсто своимъ переводомъ: „Впрочемъ сила доказательствъ, почерпнутая и изъ другихъ источниковъ, всегда должна быть принята въ соображеніе“ (стр. 171). На стр. 9 неправильно переведено—the young human being словами: *человѣчскій зародышъ*; на стр. 400 вмѣсто *экзотическій* переведено *тропическій*. И такихъ промаховъ у г. Сѣченова много; кромя того онъ слишкомъ любитъ употреблять иностранныя слова безъ всякой надобности въ нихъ; такъ, попадаютъ у него—*артикулированная рѣчь, гетерогенная помѣсь, провизорный, координація* и т. п. Многія латинскія слова, нѣкоторыя французскія и латинскія цитаты онъ оставилъ совсѣмъ безъ перевода, что я находилъ неудобнымъ для нашей публики. И за всѣмъ тѣмъ, никто не откажетъ переводу г. Сѣченова въ умѣнны обращать съ гениальнымъ писателемъ; мы видимъ у г. Сѣченова такое добросовѣстное отношеніе къ Дарвину, которое ставитъ его переводъ на-столько-же выше перевода г. Хлѣбникова, на-сколько у г. Сѣченова больше ума и знаній, чѣмъ у сѣнь-бразильскаго искажителя Дарвина.

Г. Влагосвѣтловъ.

НОВАЯ КНИГА.

**Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до
восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей Е. Водовозовой, Слб. 1871.**

Въ послѣдней книжкѣ «Дѣла», было высказано по поводу издавій «Дѣтской Библіотеки» нѣсколько общихъ замѣчаній о ничтожности практическихъ результатовъ педагогій, какъ науки воспитанія. Теперь намъ приходится подтвердить эти замѣчанія книгой г-жи Водовозовой. Это одна изъ тѣхъ безчисленныхъ попытокъ повторить передъ читателемъ давно уже извѣстныя педагогическія теоріи и системы, которыя со времени Песталоцци повторяются всѣми и всякимъ. Но отчего же наука о воспитаніи не подвигается впередъ? Отчего она такъ бѣдна практическими результатами? Одно изъ двухъ—или она стоитъ на ложномъ психологическомъ принципѣ, или примѣненіе ея къ дѣйствительной жизни оказывается крайне несостоятельнымъ. На эти сомнѣнія отчасти наводитъ книга г-жи Водовозовой.

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей: теоретической и практической. Первая обнимаетъ собой общіе педагогическіе вопросы и трактуетъ о воспитаніи въ младенческомъ возрастѣ, о нравственномъ и умственномъ развитіи болѣе взрослыхъ дѣтей и о значеніи системы Фребеля. Вторая часть учитъ практическимъ приложеніямъ системы Фребеля и содержитъ также образцы для дѣтскихъ пѣсенъ и подвижныхъ игръ съ народными мелодіями. Она вообще не представляетъ ничего замѣчательнаго и оригинальнаго; кой-какіе недостатки, какъ, напр., не совсѣмъ удачный подборъ пѣсенъ, особенно для дѣтей ниже че-
«Дѣло», № 11.

тырехлѣтняго возраста, легко могутъ быть исправлены самими воспитателями. Гораздо важнѣе для насъ общая, теоретическая часть, и на ней-то мы остановимъ вниманіе читателей.

Г-жа Водовозова начинаетъ свое изложеніе справедливыми, но ужь слишкомъ избытыми сѣтованіями на то, что воспитаніе дѣтей начинается у насъ съ восьми или девятилѣтняго возраста, когда родители рѣшаются насильно отрывать ихъ отъ семейнаго очага, чтобы сразу окунуть въ непривычную для нихъ атмосферу школы. Понятно, что школа не можетъ наверстать въ развитіи ребенка всего того, что упущено въ теченіи лучшей поры отрочества, которому такъ легко было-бы дать разумное содержаніе. Еще Песталоцци сказалъ, что воспитаніе должно начинаться съ колыбели и въ настоящее время нѣтъ, конечно, того педагога, который-бы не зналъ или не слыхалъ этой истины. Но въ чемъ должно заключаться воспитаніе младенца до перваго или даже до втораго года? — Это рѣшить довольно трудно и на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. По нашему мнѣнію, воспитаніе это должно сосредоточиться главнымъ образомъ на фізіологическомъ уходѣ за ребенкомъ, да этимъ, пожалуй, и окончится, такъ-какъ психическая натура дитяти для насъ непроглядныя потемки. Важность фізіологическаго ухода признаетъ и г-жа Водовозова, но она не говоритъ о немъ ни одного слова на томъ основаніи, что по этому вопросу было много дѣльныхъ статей и кромѣ того существуетъ спеціальныи трактатъ Комба. Но вѣдь объ умственномъ воспитаніи дѣтей написано еще больше *дѣльныхъ* статей и трактатовъ, однакожь это не остановило г-жу Водовозову составить еще книгу съ цѣлію пересказать да еще съ своими комментаріями содержаніе всѣхъ этихъ статей и трактатовъ. Мы увѣрены, что не одинъ изъ воспитателей, для которыхъ назначено сочиненіе г-жи Водовозовой, поблагодарилъ-бы ее, если-бъ она умолчала о своихъ педагогическихъ возрѣніяхъ и сообщила-бы все, что извѣстно до сихъ поръ по исторіи фізіологическаго развитія ребенка. Но г-жа Водовозова ограничивается лишь указаніемъ на вредъ пеленанія, да еще бросаетъ какъ-то вскользь совершенно несправедливое, и даже вредное замѣчаніе о томъ, чтобы вообще *не стѣснять движеній ребенка*, т. е. позволять ему ползать, ходить на четверенькахъ, кувыркаться и т. п. Никто не станетъ спорить, что пеленаніе—вещь вредная во всѣхъ отношеніяхъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что вредно и всякое разумное вмѣшательство и ограниченіе произвольныхъ движеній ребенка. Утверждая это, г-жа Водовозова противорѣчитъ основному принципу современной педагогики, по которому ребенка ни въ какомъ

случаѣ нельзя предоставлять его собственной природѣ. Принципъ этотъ раздѣляетъ и сама г-жа Водовозова, хотя она недостаточно ясно понимаетъ его значеніе, какъ это мы увидимъ ниже. Какой-же смыслъ послѣ этого придаетъ г-жа Водовозова своимъ играмъ, гимнастическимъ и физическимъ упражненіямъ? Вѣдь все дѣло тутъ въ томъ, чтобы приучить ребенка къ цѣлесообразнымъ и осмысленнымъ движеніямъ. Всѣ лучшіе психологи признаютъ въ настоящее время, что эти начальныя движенія служатъ закладкой умственного развитія дитяти, *особенно его воли*, стало быть всякая беспорядочность въ этихъ движеніяхъ должна впоследствии отразиться на интеллектѣ и исказить волю. Движенія въ младенческихъ годахъ составляютъ почти единственное средство для умственного развитія ребенка и потому-то надо пользоваться ими и съ величайшей осмотрительностью охранять ихъ отъ уклоненій, наносящихъ прямой вредъ организму. Отъ умѣнья нашего воспользоваться этими движеніями, зависитъ, безъ преувеличенія, вся будущая судьба ребенка, и потому всѣ усилія наши должны быть направлены къ тому, чтобы дать разумное направленіе дѣтской волѣ, путемъ жизненнаго навыка положить хорошую основу его умственному развитію. Иначе, ради свободы движеній, ребенку придется позволить влѣзть на крышу дома и оттуда прыгать на землю. Г-жа Водовозова убѣждена, что не только полезно, но даже «совершенно необходимо», чтобы цѣль разумныхъ дѣйствій ребенка прерывалась по временамъ какой-нибудь глупостью или бессмысленной продѣлкой, а то, думаетъ она, и самая жизнь не въ жизнь ребенку. Мы охотно признаемъ оригинальность за міровозрѣніемъ, которое предпочитаетъ разумной системѣ глупый беспорядокъ, но, къ сожалѣнію, оно оригинально лишь потому, что противорѣчитъ здравому смыслу. Мы вовсе не думаемъ защищать педантичной монотонности и скучнаго однообразія въ дѣтскихъ играхъ, напротивъ, мы считаемъ положительно необходимой постоянную смѣну игръ и оживленіе ихъ разнообразными, но только правильными движеніями. Воплнѣ понятна была-бы мысль, что трудно и, пожалуй, невозможно придумать такую воспитательную систему, которая наполнила-бы собой всю жизнь ребенка и постоянно стояла-бы на стражѣ раціональности его дѣйствій. Если-бъ г-жа Водовозова сказала, напр., что ребенокъ, какъ-бы ни было правильно его воспитаніе, нѣтъ—нѣтъ, да и прорвется по извинительному недосмотру и оплошности воспитателя, тогда всякій согласился-бы съ ней, но возводить въ принципъ случайную погрѣшность воспитанія; говорить, что беспорядочныя движенія «совершенно необходимы» и служить «къ развитію мускуловъ и воляѣ здоровой организаціи» зна-

читать не имѣть предъ собою никакой педагогической цѣли. По себѣ мы не можемъ судить о дѣлахъ. Замѣчательно, что г-жа Водовозова, столь слабая по части логики, рассуждаетъ о самыхъ темныхъ предметахъ педагогики свысока, докторальнымъ тономъ. Она выдаетъ результаты своихъ сомнительныхъ наблюдений за несомысленные выводы науки и строго предписываетъ воспитателямъ слѣдовать имъ. Такъ, она совѣтуетъ, напр., пускать дѣтей ползать по полу и находить, что это прекрасное средство для «свободнаго развитія мускуловъ ребенка», отчего «крѣпнеть его организмъ и онъ становится смѣлымъ, самостоятельнымъ». Почему это—прекрасное средство, г-жа Водовозова не объясняетъ, тогда какъ очевидно, прежде чѣмъ рекомендовать его, настояла необходимость разубѣдить насъ въ томъ, что ползаніе самый неестественный способъ упражненія мышцъ, такъ какъ при этомъ туловище и особенно ноги принимаютъ неправильное положеніе, что ползаніе—стоитъ лишь представить себѣ въ умѣ этотъ процессъ—развиваетъ мышечную силу рукъ насчетъ ногъ, что, наконецъ, оно бываетъ причиной многихъ кожныхъ болѣзней у дѣтей, вслѣдствіе соприкосновенія ихъ тѣла съ различными нечистотами, зародышами мелкихъ паразитовъ и т. д.

Въ главѣ о нравственномъ воспитаніи дѣтей г-жа Водовозова высказала все то, что обыкновенно высказывается банальными моралистами. Для того, чтобы поставить себѣ опредѣленную цѣль нравственнаго воспитанія, нужно прежде всего, конечно, рѣшить вопросъ; что такое нравственность и что нужно понимать подъ именемъ нравственнаго человѣка. Г-жа Водовозова изучаетъ на этотъ счетъ своихъ воспитателей такимъ образомъ: «По нашему мнѣнію, говоритъ она, нравственнымъ можно назвать во-первыхъ человѣка, котораго горе, лишенія, житейскія дрязги и неудачи не надламываютъ, даже мегнуть въ разныя стороны. Лишенія *только* (?) обогащаютъ его житейскимъ опытомъ, а неудачи заставляютъ много обдумывать и соображать и пробуждаютъ въ немъ тонкій анализъ въ отношеніи къ окружающему и прежде всего къ самому себѣ» (стр. 11). Эта краснорѣчивая сентенція ничего, однако, не объясняетъ, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію г-жи Водовозовой, это вовсе не идеалъ нравственной личности: такимъ можетъ и долженъ быть каждый. Но кто-же представить себѣ такого человѣка, котораго не надламываютъ горе и лишенія и что это за «тонкій анализъ въ отношеніи къ окружающему и прежде всего въ отношеніи къ самому себѣ»? Какого характера этотъ анализъ «въ отношеніи къ самому себѣ» и какия его цѣли? Будетъ-ли это—изысканіе средствъ для отчаянной самозащиты отъ ударовъ

суровой дѣйствительности, борьба на жизнь и смерть за свое прозябаніе, или наконецъ глубоко-смиренная покорность? Объясните это, г-жа Водовозова, ибо здѣсь кроется сущность вопроса о чело-вѣческой нравственности; объясните намъ, какъ это «нравствен-ный чело-вѣкъ всегда остается тѣмъ-же при всякомъ общественномъ и матеріальномъ положеніи», сводите насъ всѣхъ, не только дѣтей, но и взрослыхъ, въ ту школу, пройдя которую, чело-вѣкъ, какія-бы ли-шенія ни потерпѣлъ онъ, «былъ-бы одинаково веселъ, бодръ, спосо-бенъ къ труду», чтобы этотъ чело-вѣкъ, «скрезъ онъ или нищій, сохранилъ свои убѣжденія до самыхъ мелочныхъ отгѣнковъ». Мы не оспариваемъ этого идеала, мы не меньше г-жи Водовозовой желали-бы осуществленія его, но мы помнимъ, что такіе герои рѣдки, что большинство людей выработывается изъ самой простой глины и мѣ-няетъ свои убѣжденія сообразно внѣшнимъ толчкамъ житейскаго опы-та. Впрочемъ возвышенный идеалъ г-жи Водовозовой самъ собою испаряется. Чело-вѣка, который принужденъ выносить всѣ случайности жизни, какъ-бы ни были онъ печальны, г-жа Водовозова сравниваетъ съ деревомъ, «которое обжигаютъ». «Правда, говоритъ она, такое дерево никогда не сгніетъ, но никогда не принесетъ оно ни сочныхъ плодовъ, ни освѣжительной зелени». Это—чело-вѣкъ «обтерпѣвшійся». «Едва-ли только онъ будетъ очень чувствителенъ къ страданію ближ-няго» (стр. 25). Видите-ли, г-жа Водовозова, къ какимъ противорѣчіймъ ведетъ ваша логика. Вѣдь это—чело-вѣкъ, нравственность ко-торого пошатнулась, значить все, что вы говорили выше—чистѣйшая иллюзія, разбивающаяся при первомъ столкновеніи съ дѣйствительной жизнью; а ставить нравственный принципъ внѣ житейской сферы—это значить сулить журавля въ небѣ и давать синицу въ руки.

Въ ряду вопросовъ общей педагогикки вопросъ о такъ-называемомъ естественномъ воспитаніи безъ сомнѣнія самый любопытный и важ-ный въ практическомъ отношеніи. Онъ возбуждаетъ еще особый ин-тересъ потому, что въ недавнее время на защиту естественнаго вос-питанія, какъ его понималъ Ж. Жакъ Руссо, выступилъ и Спен-серъ. Г-жа Водовозова удѣляетъ, однако, этому вопросу такую ни-чтожную долю вниманія, что можно сомнѣваться, сознаетъ-ли она все глубокое значеніе его для воспитателей, которыхъ она беретъ по-учать. Она отвергаетъ теорію естественнаго воспитанія, но почему, какіе недостатки находитъ она въ ней — мы не знаемъ. Она гово-ритъ, напри-мѣръ, что Руссо требуетъ, чтобы дѣти воспитывались вдали отъ чело-вѣческаго общества, и этого для нея достаточно, что-бы признать его теорію нелѣпой. Однако, позвольте, г-жа Водово-

зова, вы обращаете вниманіе лишь на общую, ходячую формулу возрѣвній Руссо и упускаете ихъ смыслъ, воплѣтъ оправдываемый разумной педагогикой и даже научными данными. Основной характеръ воспитательныхъ теорій Руссо глубоко справедливъ; какъ извѣстно, эти теоріи требуютъ, чтобы та внѣшняя среда, въ которой живутъ дѣти, была также элементарна, проста и незамысловата, какъ и сама натура дитяти. Облегчить ребенку до возможной степени самостоятельное приспособленіе къ окружающему міру — вотъ цѣль Руссо. Поэтому—то онъ совѣтовалъ заслонять на первый разъ отъ слабыхъ глазъ дѣтей ослѣпительный блескъ нашей цивилизаціи и начинать ихъ воспитаніе гдѣ-нибудь въ деревнѣ, среди безыскусственной природы и вдали отъ сложно-организованной жизни городовъ и социальноекономическихъ комбинацій, связывающихъ человѣческія общества и недоступныхъ дѣтскому пониманію. Мысль эта, конечно, воплѣтъ справедлива, и ее принимаетъ большинство современныхъ педагоговъ. Но дальнѣйшее, частное развитіе теоріи естественнаго метода привело какъ Руссо, такъ и Спенсера къ ошибкамъ, довольно опаснымъ для дѣла воспитанія. Теорія Спенсера требуетъ, чтобы дѣтей предоставляли на произволъ всѣхъ случайностей окружающей ихъ дѣйствительности, вмѣщающей какъ-бы безчисленное множество объектовъ для ихъ самостоятельныхъ опытовъ, результаты которыхъ и должны поставить дѣтей въ правильныя отношенія къ природѣ. Дѣти должны слѣдовать только своимъ естественнымъ влеченіямъ и инстинктамъ, и воспитатель не долженъ бороться противъ этихъ влеченій и давать имъ искусственное направленіе своими педагогическими приѣмами. Г-жа Водовозова пытается опровергнуть эти совершенно произвольныя положенія двумя-тремя словами; но ей, однако, это не удается и тотъ, кто увѣровалъ въ Спенсера, нисколько не усумнится, послѣ ея замѣчаній, въ законности его воспитательной системы. Но опровергнуть теорію Спенсера, очевидно, въ высшей степени полезно и положительно необходимо для дѣла рациональной педагогикѣ, потому-что эта теорія можетъ сопровождаться вредными практическими результатами, особенно въ виду громаднаго авторитета, какимъ пользуется у насъ этотъ писатель. Г. Мечниковъ первый сдѣлалъ серьезную попытку обнаружить заблужденіе Спенсера и показать неосновательность его теоріи, неизмѣющей за собою никакихъ научныхъ данныхъ, а подчасъ и логики фактовъ. Дѣло въ томъ, что ребенокъ самъ по себѣ, безъ искусственныхъ приспособленій, не можетъ встать въ правильныя отношенія къ природѣ, потому-что очень часто его естественныя наклонности и нервная система не соотвѣтствуютъ послѣдней. «Ребе-

нокъ, говорить г. Мечниковъ, ѣсть все, что ему ни попадется и въ такомъ количествѣ, какое только можетъ въ него войти. Какимъ образомъ можетъ онъ понять, что въ томъ кускѣ, который онъ ѣсть, поднявши его съ пола, находятся яйца паразитовъ, могущія произвести очень серьезную болѣзнь? Или, что тѣ плоды, которые онъ гдѣ-нибудь сорвалъ, могутъ быть ему вредны или даже опасны? Если философы-теоретики говорятъ, что нормальный, неиспорченный воспитаніемъ ребенокъ руководится пищеизбирательнымъ инстинктомъ, который отталкиваетъ отъ него всѣ вредныя яства, то какъ-же послѣ этого объяснить, что животныя, какъ домашнія (неиспорченныя человѣкомъ, по мнѣнію этихъ философовъ), такъ и дикія наѣдаются паразитовъ, которые нерѣдко производятъ смертельныя болѣзни? Или, какъ объяснить, что обезьяны въ Индіи до того опиваются наркотическими наитками, что человѣкъ съ помощью этого ловить ихъ и порабощаетъ? («Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія». «Вѣстникъ Европы», № 1, 1871 г.). Вотъ почему нельзя ребенка предоставлять его собственной наблюдательности и опытамъ; напротивъ, мы должны окружить его такими предупредительными мѣрами, которыя-бы сдѣлали для него ненужными всѣ эти опыты, могущіе причинить ему матеріальный вредъ. «Если ребенокъ, говоритъ Спенсеръ, падаетъ или бьется головою объ столъ, онъ ощущаетъ боль, воспоминаніе о которой заставитъ его быть болѣе осторожнымъ. Если онъ дотронется до рѣшетки камня, сунетъ руку въ пламя свѣчи, прольетъ кипятокъ на какую-нибудь часть тѣла, обварка или обжогъ, происходящіе отъ этого, будутъ для него урокомъ, который онъ не скоро забудетъ. Впечатлѣніе, произведенное однимъ или двумя происшествіями такого рода, такъ глубоко, что никто не уговоритъ потомъ ребенка пренебрегать законами своего организма». Такое заключеніе, быть можетъ, совершенно справедливо; но чего, однако, стоятъ такіе опыты, такое варварское упражненіе памяти? Г-жа Воловозова пытается опровергнуть этотъ выводъ Спенсера замѣчаніемъ, что эти опыты очень часто совсѣмъ отшибаютъ память. «Однажды, говоритъ она, знакомый намъ шестилѣтній ребенокъ хотѣлъ ближе подвинуть къ себѣ новый самоваръ, чтобы разсмотрѣть устройство еще невиданнаго имъ крана. Самоваръ упалъ на ребенка, обжогъ и обварилъ его съ головы до ногъ. Ребенка подняли безъ чувствъ. Черезъ нѣсколько минутъ у него сдѣлался бредъ и открылась нервная горячка. Когда черезъ два мѣсяца, еще увязаннаго и укутаннаго, его въ первый разъ послѣ болѣзни посадили съ братьями и сестрами за чайный столъ,—онъ съ удивленіемъ вскричалъ: «ахъ

у насъ новый самоваръ, какой странный кранъ, покажите-ка мнѣ его скорѣе! Но, г-жа Водозова, дѣло-то не въ томъ, что такіе исключительные случаи, какъ вамъ, совершенно отбиваютъ у ребенка память, мало-ли, что можетъ быть причиной первой горячки, послѣ которой ребенокъ теряетъ память. Въ большинствѣ-же случаевъ бываетъ наоборотъ, и это хуже всего. Ребенокъ обыкновенно связываетъ болѣзненное ощущеніе съ предметами, которые были причиной этого ощущенія, и если оно было сильно, то воспоминаніе о немъ, дѣйствительно, такъ глубоко, что въ концѣ концовъ ребенокъ всегда будетъ бояться подойти къ камню или къ столу и дотронуться до нихъ. «Извѣстная пословица: «у страха глаза велики» показываетъ, говоритъ г. Мечниковъ, — что умъ склоненъ слишкомъ широко обобщать связь болѣзненныхъ ощущеній съ вызвавшими ихъ предметами. Вслѣдствіе такого, чересчуръ широкаго, обобщенія, собака, битая нѣсколько разъ палкой, начинаетъ бояться всякой палки, всякаго другого предмета, пожара на палку. То-же самое мы видимъ на дѣтахъ». Наконецъ, естественное воспитаніе не можетъ быть допущено и по причинамъ, зависящимъ отъ физиологическихъ особенностей дѣтскаго организма. Если-бъ мы захотѣли воспитывать ребенка соответственно его естественнымъ наклонностямъ и влеченіямъ, вытекающимъ изъ законовъ его организма, мы совершенно некалѣчили-бы его природу. Въ жизни можно много встрѣтить такихъ болѣзненныхъ, нервныхъ натуръ, физическіе и нравственные недостатки которыхъ составляютъ прямой продуктъ естественнаго воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, у ребенка нервная система значительно отличается отъ взрослого человѣка. При слабомъ, зачаточномъ состояніи головного мозга, органа воли и сознанія, — тѣло ребенка чрезвычайно обильно нервами, потому-что при ничтожной сравнительно поверхности туловища и кожи, мы найдемъ у него то-же количество нервовъ, что у взрослого человѣка. Все нервы, которые развиты у взрослого по всему его громадному туловищу, вытянутому въ длину и ширину, у ребенка должны сосредоточиться на крошечномъ пространствѣ. Оттого-то тѣло ребенка, особенно новорожденнаго, крайне чувствительно ко всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя раздражаютъ наружную поверхность его кожи. Это обстоятельство чрезвычайно важно для всякаго воспитателя. Легко представить себѣ, какое множество впечатлѣній, переходящихъ по нервамъ, толпится въ головномъ мозгу ребенка; впечатлѣнія эти сами по себѣ составляютъ чрезвычайно полезный матеріалъ для ума, если онъ можетъ съ ними справиться, они вырабатываютъ мысль и особенно волю, словомъ, для

взраслага челоуѣка эти впечатлѣнія драгоценны. Но для слабаго и неразвитаго мозга дѣтати они положительно вредны, онъ ничего не можетъ съ ними сдѣлать, они не идутъ дальше смутныхъ ощущеній и страсти. У взраслага челоуѣка на всякое ощущеніе и страсть является реакція идеи и воли, ребенокъ-же — рабъ ощущенія и страстей, которыхъ у него къ тому-же больше, чѣмъ у взраслага челоуѣка. Отсюда понятна живость дѣтскаго характера и преобладаніе страстности надъ умомъ. Задача разумнаго воспитателя и должна состоять въ томъ, чтобы ослаблять и уничтожать это *физиологическое* несоотвѣтствіе между нервами ребенка и его головнымъ мозгомъ. Было-бы въ высшей степени опасно позволить вышней оредѣ всецѣло дѣйствовать на впечатлительную натуру дѣтати, напротивъ, мы должны искусственно, педагогически ограничивать количество и контролировать качества наружныхъ вліаній на ребенка, мы должны пріикнуть до глубины его природы и не давать ей плыть по ея естественному теченію. Намъ не должно обманывать согласіе стремленій и влеченій ребенка съ устройствомъ его организма, это согласіе ничего не объясняетъ. Понятно, что ребенокъ не проявлялъ-бы никакихъ инстинктовъ, никакихъ влеченій, если-бъ въ его организмѣ не было къ тому причинъ, но отсюда, однако, еще вовсе не слѣдуетъ, что эти естественныя влеченія разумны и полезны. Нужно остерегаться смѣшенія понятій естественности съ полезности, иначе мы придемъ къ весьма плачевнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, у ребенка, напримѣръ, правильное и нормальное устройство половыхъ органовъ можетъ быть, однако, причиной онанизма. По причинамъ, о которыхъ мы уже говорили, наружныя части дѣтероднаго члена ребенка будутъ вполне чувствительны къ вышнимъ раздраженіямъ, онѣ совершенно сформированы для половыхъ отпращленій, между тѣмъ, какъ всѣ остальные части находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Здѣсь мы видимъ те-же физиологическое несоотвѣтствіе въ развитіи органовъ тѣла, и если мы не обратимъ вниманія на это несоотвѣтствіе, то оно будетъ причиною гибели ребенка! Нужно тщательно оберегать наружную оболочку полового члена ребенка отъ вышнихъ раздраженій, и въ особенности слѣдить за мамками, которыя очень часто прибѣгаютъ къ щекотанію этой оболочки съ цѣлью доставить ребенку удовольствіе и унять такимъ образомъ его плачь или крикъ.

Въ заключеніе считаемъ полезнымъ обратить вниманіе читателей на то, что физиологическія особенности дѣтскаго организма требуютъ, чтобы воспитаніе ребенка, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ его

развитія, совершалось среди простѣйшей обстановки, какъ того желалъ Руссо, въ противоположность г-жи Водовозовой. Организмъ ребенка рѣзко отличается отъ организма взрослога, а между тѣмъ, у дѣтей есть положительная склонность подражать старшимъ, съ которыми имъ приходится жить, перенимать ихъ привычки и примѣняться къ ихъ сложной обстановкѣ. Но между мальчикомъ и взрослымъ человѣкомъ существуетъ громадное различіе, и подражаніе со стороны перваго будетъ опаснымъ насилуваніемъ своей природы. Иное дѣло животныя—тутъ подражаніе возможно, потому-что разница между малолѣтнимъ и взрослымъ животнымъ ничтожна. Молодое животное рождается на свѣтъ гораздо болѣе развитымъ и похожимъ на своихъ родителей, чѣмъ ребенокъ, часто тотчасъ послѣ рожденія оно можетъ уже слѣдовать за своими родителями и подражать имъ въ добываніи пищи, устройствѣ своихъ жилищъ и т. д. Дѣти народовъ дикихъ также воспитываются при посредствѣ подражанія. Но «не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ г. Мечниковъ,—что подражаніе молодыхъ индивидуумовъ своимъ родителямъ всего менѣе можетъ быть полезно въ тѣхъ случаяхъ, когда между молодыми и взрослыми индивидуумами существуетъ наибольшее физическое и психическое различіе. Подобнымъ условіямъ соответствуютъ всего болѣе дѣти цивилизованныхъ народовъ». Само собой разумѣется, что между маленькимъ ребенкомъ и взрослымъ отцомъ, членомъ цивилизованнаго общества, будетъ гораздо болѣе разницы, чѣмъ между мальчикомъ дикаремъ и его неразвитымъ отцомъ, заботящимся лишь о добываніи пищи и жилищѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мальчикъ рано можетъ начать пріучаться къ образу жизни взрослога и слѣдовать за своимъ отцомъ, во всемъ ему подражая. Онъ легко выучится тѣмъ приемамъ, которые необходимы при ловлѣ дикихъ звѣрей, при отыскиваніи растаній и т. д., онъ можетъ смѣло подражать отцу во многихъ привычкахъ обыденной жизни; онъ, конечно, скорѣе научится ѣсть руками, чѣмъ ребенокъ цивилизованнаго отца вилкой, ножомъ и ложкой. Простая обстановка дикаго человѣка, разумѣется, болѣе подходит къ особенностямъ ребенка, чѣмъ сложная обстановка цивилизованныхъ людей. Вообще среда, въ которой живетъ взрослый человѣкъ, крайне непригодна для дѣтскаго организма и потому подражаніе или желаніе ребенка приноровиться къ этой средѣ часто бываетъ вредно. Среда взрослога требуетъ знанія, у ребенка его нѣтъ; она требуетъ осторожности и воздержанія, а у него это замѣняется однимъ неудержимымъ, страстнымъ желаніемъ. Задача воспитателя тутъ усложняется до чрезвычайной степени, да въ большинствѣ случаевъ его

вмѣшательство при несоотвѣтствіи обстановки съ развитіемъ ребенка приноситъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Какъ вы ни убѣждаете ребенка, что курить для него вредно, онъ, въ большинствѣ случаевъ, не послушаетъ васъ, потому-что для него существуетъ только одинъ законъ, его личное желаніе, *прихоть*, если хотите, основательная съ точки зрѣнія естественности его психическихъ процессовъ. Вамъ придется прибѣгнуть къ насилію, т. е. отнять отъ ребенка папиросу, или какіе-нибудь красивыя ядовитыя ягоды. А разъ вы прибѣгаете къ насилію, вы должны бросить всю свою педагогику, ибо вы будете только вызывать раздражительность въ ребенкѣ, и безъ того нервномъ по своей природѣ, или-же разовьете въ немъ своимъ насиліемъ безотчетное, апатическое повиновеніе. Такимъ образомъ, понятно, какъ важно выбрать для ребенка обстановку, гармонирующую съ его развитіемъ. Несоотвѣтствіе этой обстановки съ физиологической и психической стороной дѣтскаго существа ведетъ къ глубокой порчѣ характера, и вотъ почему Руссо тысячу разъ былъ правъ, придавая громадное значеніе для воспитанія выбору обстановки.

Исторія кусочка угля. Эдгара Эманъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1871.

Исторія солнечнаго луча. Общепонятное изложеніе ученія о свѣтѣ. Переводъ съ франц. Спб. 1871.

Ни одна европейская литература не оказала такихъ важныхъ услугъ популяризаціи человѣческихъ знаній, какъ французская. Благодаря своему ясному, точному и общераспространенному языку, съ конца прошлаго вѣка она постоянно работала въ этомъ направленіи и разнесла свои идеи по всему міру. Но послѣднія двадцать лѣтъ были потеряны для Франціи въ интеллектуальномъ отношеніи; политическая реакція, созданная *сoup d'état*, повлекла за собою и реакцію умственную, которая окончилась полнѣйшимъ упадкомъ всѣхъ отраслей знанія. Реальное направленіе, которому дала Франція первый великій толчекъ, потонуло въ этомъ общемъ омутѣ католически-буржуазнаго мрака и ступенія одной изъ гениальныхъ націй. Война и ужасные удары ея открыли глаза французскому народу; теперь стало ясно, что прежній порядокъ вещей ведетъ къ неизбѣжному истощенію и ги-

бели и что нуженъ другой путь, другая форма общественнаго и политическаго устройства. Реальное направленіе—этотъ непрежтннй спутникъ всякаго прогрессивнаго движенія—опять выступаетъ на первый планъ и переноситъ борьбу съ католическимъ обскурантизмомъ на мирную почву науки. Нельзя не порадоваться, что за просвѣтленіе народнаго сознанія во Франціи берутся дѣятели, большею частію, люди свособные и честные; между ними мы не встрѣтимъ свѣтилъ или глубокихъ спеціалистовъ, но за то—нужно отдать имъ справедливость—французскіе популяризаторы легко читаются массою, благодаря своему живому, увлекательному слову и необыкновенной ясности изложенія. Наши читатели, вѣроятно, помнятъ изданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ книгу Массе: «Слуги желудка» или: «Исторію кусочка хлѣба». Къ числу такихъ удачныхъ популярныхъ очерковъ относится и «Исторія кусочка угля» Эдгара Эмана. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ авторъ «Исторіи кусочка угля», какъ популяризаторъ, превосходитъ Массе; онъ болѣе ясенъ и точенъ и никогда не жертвуетъ научной истиной ради вишняго эффекта и блестящаго изложенія, словомъ, въ области популярнаго естествознанія у насъ давно не являлось столь полезной, занимательной и ученой книги, какъ «Исторія кусочка угля» и мы съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ обращеніе ея среди русскихъ читателей.

Авторъ «Исторіи кусочка угля» поставилъ себѣ цѣлью объяснять въ формѣ общедоступнаго разсказа ту сложную роль, какую играетъ уголь въ экономіи живой и мертвой природы. Сколько мы помнимъ, задача эта въ первый разъ является предметомъ популярнаго трактата, но авторъ выполнилъ ее блистательно и искусно обошелъ все трудности, которыя неизбѣжно встрѣтитъ при всякомъ новомъ дѣлѣ, особенно такомъ обширномъ и запутанномъ, какъ исторія угля. Въ самомъ дѣлѣ, уголь—самое распространенное тѣло въ природѣ; въ царствѣ животнаго, растительномъ и минеральномъ онъ играетъ роль очень важнаго фактора, въ искусствѣ и промышленности онъ нашелъ себѣ широкое примѣненіе, его значеніе въ современной цивилизаціи и соціальной жизни человѣчества громадно. Уголь оказываетъ человѣку самыя разнообразныя услуги, являясь въ видѣ каменнаго, животнаго (костяного) и древеснаго угля, въ видѣ торфа, кокса, антрацита, сажи, алмаза. Уголь служитъ тоже средствомъ къ распространенію знаній: графитъ, изъ котораго дѣлаютъ карандаши, есть почти чистый уголь. Безъ угля не обошелся и печатный станокъ, ибо типографскія чернила главнымъ образомъ состоятъ изъ угля. Уголь питаетъ растенія, которыя, вбирая въ себя углекислоту (соединеніе угля съ ки-

слородомъ воздуха), оставляютъ внутри себя уголь и выдѣлываютъ кислородъ, растенія передаютъ свой уголь животнымъ, а человекъ въ свою очередь съѣдаетъ этихъ животныхъ и подобно имъ собираетъ въ своемъ тѣлѣ уголь и снова возвращаетъ его печѣ. Наконецъ, уголь, сгорая, развиваетъ огромную двигательную силу паровозовъ и желѣзныхъ дорогъ и приводитъ въ движеніе большую часть машинъ и станковъ. «Повсюду, гдѣ уголь, тамъ и жизнь, говоритъ Эманъ. Безъ него нѣтъ жизни. Въ настоящее время онъ есть всеобщій двигатель, главное основаніе социальнаго механизма. Онъ упрочиваетъ и передаетъ нашу мысль, дѣлаетъ неизгнѣяемыми фотографическіе портреты, онъ доставляетъ тепло и свѣтъ, средства для войны (порохъ) и мира, для жизни и смерти. Итакъ, если нужно точно охарактеризовать нашу эпоху, ее справедливо можно назвать угольнымъ вѣкомъ». Авторъ коснулся въ своемъ очеркѣ и геологій, которая объясняла происхожденіе и способъ образованія каменнаго угля, и физиологій, насколько уголь участвуетъ въ процессѣ дыханія, и физики, и, наконецъ, статистики и исторіи. Говоря о происхожденіи каменнаго угля, авторъ переноситъ насъ въ ту отдаленную эпоху существованія земли, когда на ней не могъ еще жить человекъ, потому что составъ атмосферы былъ въ то время совершенно иной, чѣмъ теперь, она содержала тогда очень мало кислорода и очень много углекислоты, негодной для дыханія. Земля была тогда чрезвычайно бѣдна высшими животными, но изобиловала огромнымъ множествомъ гигантскихъ растеній. Эти-то растенія и содержали въ себѣ матеріалъ для образованія будущихъ залежей каменнаго угля. Во всякомъ растеніи, во всякомъ органѣ его, мы непремѣнно найдемъ, кромѣ различныхъ веществъ, соединеніе углерода съ кислородомъ (углекислоту). Это соединеніе входитъ въ растенія изъ воздуха, разлагается въ нихъ подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта на уголь, остающійся въ растеніи, и кислородъ, обратно переходящій въ воздухъ. Когда растенія подвергаются гніенію или разложенію, то отъ нихъ отдѣляются все химическія соединенія, а остается только одинъ уголь. Растенія каменноугольной эпохи подвергались именно такому разложенію; они потеряли кислородъ, водородъ и азотъ, но сохранили уголь. Процессъ образованія каменнаго угля продолжается еще и теперь, отъ растеній безпрестанно падаютъ на землю листья, сучья и т. д. и подвергаются разложенію подъ вліяніемъ влажной почвы и солнечной теплоты, но только этотъ процессъ происходитъ несравненно слабѣе, чѣмъ въ каменноугольную эпоху, когда почва состояла исключительно изъ болотъ и морей и самыя растенія достигали размѣровъ, о которыхъ

намъ можетъ дать самое слабое понятіе наша величественная тропическая флора. Одно изъ главныхъ свойствъ угля заключается, какъ извѣстно, въ способности его развивать теплоту. Но откуда, спрашивается, явилось это свойство, гдѣ источникъ теплоты, распространяющейся по комнатамъ въ то время, напр., когда топится каминъ, какая сила приводитъ въ движеніе локомотивъ? Не въ углѣ заключается этотъ источникъ и эта сила, а—какъ ни странно это—въ солнечной теплотѣ, и притомъ, теплотѣ, позаимствованной углемъ отъ солнца нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ, во время образованія каменноугольныхъ пластовъ. На первый разъ читателю покажется страннымъ, что каминъ, наполненный углемъ, грѣетъ насъ солнцемъ, но стоитъ только подумать, чтобы убѣдиться, что это действительно такъ. Вспомнимъ, что этотъ уголь сначала былъ въ воздухѣ, въ соединеніи съ кислородомъ въ видѣ углекислоты, но уголь, какъ извѣстно, соединяясь съ кислородомъ (подвергаясь горѣнію) непремѣнно выдѣляетъ теплоту. Это фактъ общеизвѣстный: при всякомъ химическомъ соединеніи выдѣляется теплота, которую соединяющіеся элементы могли получить лишь отъ солнца—единственнаго источника теплоты на землѣ. При разложеніи же соединенія на его составные элементы происходитъ обратное явленіе: пониженіе температуры. Эти элементы не выдѣляютъ, какъ прежде, теплоту, а, напротивъ, поглощаютъ ее въ томъ-же количествѣ, въ какомъ прежде выдѣляли ее и опять таки изъ того же источника,—солнца. «Точно также, поясняетъ г. Эманъ, если васъ по условію приглашаютъ на какую-нибудь должность и въ обезпеченіе берутъ извѣстную сумму, то, въ случаѣ лишенія мѣста, справедливость требуетъ, чтобы вы получили обратно внесенныя вами деньги. То-же самое явленіе обмѣна, которое происходитъ здѣсь въ сферѣ нравственной, имѣетъ мѣсто и въ сферѣ физической, между кислородомъ и углеродомъ; чтобы расторгнуть соединеніе, чтобы разрушить то, что было сдѣлано, необходимо возвратитъ каждому элементу утраченную имъ первоначальную теплоту» (стр. 72). Растенія вбираютъ въ себя изъ воздуха углекислоту, которую разлагаютъ на уголь и кислородъ, вотъ при этомъ-то разложеніи уголь и долженъ поглощать въ себя теплоту солнца. Такъ бываетъ на самой дѣлѣ. Дыханіе растений, т. е. разложеніе углекислоты на уголь и кислородъ происходитъ только днемъ, т. е. при солнечномъ свѣтѣ, отъ котораго уголь и запасается тепломъ. Теперь намъ понятно уже, отчего каменный уголь содержитъ въ себѣ теплоту солнца. Какъ въ настоящее время, такъ и въ эпоху образованія каменнаго угля, растенія разлагали угольную кислоту воздуха

только при дѣйствіи солнечныхъ лучей; слѣдовательно, нашъ уголь, добываемый теперь въ каменноугольныхъ копяхъ, уже тогда, нѣсколь-ко милліоновъ лѣтъ тому назадъ, запасся тепломъ, которое онъ и освобождаетъ снова при соединеніи съ кислородомъ, т. е. при горѣніи во время топки камня. Понятно, значить, что наши пароходы и паровыя машины двигаетъ не уголь, а солнце. Изложивъ эту остроумную теорію образованія каменнаго угля, авторъ перешелъ къ описанію мѣстохранища его—каменноугольныхъ копей. Онъ очень толково рассказываетъ объ ихъ устройствѣ и живо изображаетъ предъ нами безчисленныя опасности, которымъ подвергаются рудокопы въ своихъ мрачныхъ катакомбахъ, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ дневнаго свѣта, ни одной струи свѣжаго воздуха, гдѣ за малѣйшій неосторожный шагъ человѣкъ расплачивается ужасной смертью, а иногда погибаетъ отъ причинъ, предотвратить которыхъ не въ силахъ человѣческая предусмотрительность, какъ напр., отъ наводненія. Газеты очень часто сообщаютъ о несчастныхъ случаяхъ въ каменноугольныхъ копяхъ, когда рабочіе были жертвами подобныхъ, непредвидимыхъ несчастій, но еще чаще приходится слышать о печальныхъ результатахъ небрежности и алчности хозяевъ, которые нерѣдко оцѣнивали жизнь рабочихъ дешевле какихъ-нибудь ничтожныхъ издержекъ на предохранительныя мѣры. Но рудокопы мало-по-малу свыкаются съ своей горькой долей. «Эти мужественные и сильные работники, говоритъ Эманъ, проводятъ половину жизни подъ землею, на громадныхъ глубинахъ, при слабомъ свѣтѣ своей мерцающей лампы, безъ усталы раскапывая богатые земныя нѣдра. Въ подземельяхъ, искусственно-вентилированныхъ и часто до того узкихъ, что приходится ползать на корточкахъ, гдѣ густой и теплый воздухъ стѣсняетъ дыханіе, они работаютъ одинокіе, голые, или почти голые, въ поту, покрытые черной лоснящейся золой. Постоянно угрожаемые обвалами, внезапными разливами водъ, взрывами рудниковаго газа, они тѣмъ не менѣе остаются непоколебимыми, привязываются къ землѣ, которая кормитъ ихъ, и многіе изъ нихъ предпочитаютъ подземную тьму солнечному свѣту» (стр. 34). Не знаемъ, насколько справедливо последнее обстоятельство, но если дѣйствительно находятся такіе несчастные рудокопы, которые предпочитаютъ «подземную тьму солнечному свѣту», легко представить себѣ, какъ переродился ихъ организмъ. Значить, есть еще нѣчто болѣе страшное и мучительное, чѣмъ всѣ эти подземныя ужасы. Это нѣчто голодъ, отъ котораго люди охотно скрываются въ преждевременныхъ могилахъ. Опасности, которымъ подвергаются рудокопы, довольно многочисленны, но изъ

нихъ самыя обыкновенныя происходятъ при взрывахъ рудничковаго газа или соединенія углерода съ водородомъ. Газъ этотъ моментно образуется между сырыми пластами каменнаго угля и по своей легкости поднимается наверхъ и сѣшивается съ воздухомъ. Образуется такъ-называемый углеродистый водородъ, который постоянно носится подъ сводомъ копи и отъ прикосновенія съ пламенемъ, загорается, производя сильныя взрывы и обвалы. Въ 1812—1814 года взрывы эти происходили такъ часто въ англійскихъ копяхъ, что инженеры обратились за совѣтомъ къ знаменитому физику сэру Гумфри Дэви, прося его помочь бѣдѣ. Дэви принялся за свои изслѣдованія и послѣ многочисленныхъ опытовъ онъ изобрѣлъ весьма простой, но гениальный, по справедливому выраженію Эманъ, свирядъ, состоящій изъ густой металлической сѣтки, которая окружаетъ собой, въ видѣ цилиндра, обыкновенную лампу. Эта металлическая сѣтка пропускаетъ чрезъ свои промежутки рудничковъ газъ, который отъ прикосновенія съ пламенемъ лампы всыхиваетъ, не дѣла въ томъ, что это пламя настолько охлаждается металломъ сѣтки, что оно не выходитъ изъ нея, а гаснетъ внутри ея. Такимъ образомъ рудничковъ газъ безъ вреда производитъ легкія всыхивки въ цилиндрической сѣткѣ, не соприкасаясь съ рудничковъ газомъ, носящимся подъ сводомъ. Но горе рудокопу, если онъ сниметъ сѣтку Дэви для того, напр., чтобы закурить трубку или пропустить больше свѣта въ свою рабочую галлерей. Большая часть взрывовъ рудничковаго газа происходитъ въ настоящее время именно вслѣдствіе такого рода неосторожностей. Довольно опасны также обвалы отъ натиска земли на стѣны каменноугольной копи; они особенно часто случаются тогда, если козьяннъ копи не сочтетъ нужнымъ возобновить или укрѣпить обшивку стѣнъ и пожалѣетъ для этого нѣсколько лишнихъ бревенъ или возовъ камня. Обвалы иногда губятъ на мѣстѣ несчастныхъ рудокоповъ, или же на всю жизнь обезображиваютъ ихъ туловища. Наводненіе въ копи случается также нерѣдко. Вода напдааетъ въ рабочія галлерей обыкновенно изъ старыхъ заброшенныхъ копей; постепенно просачиваясь, она скопляется, наконецъ, въ большихъ массахъ. Иногда вода вливается въ копь послѣ сильныхъ, проливныхъ дождей и затопляетъ галлерей; при этомъ «она уноситъ, рассказываетъ Эманъ, людей и лошадей, ломаетъ стѣны и вагоны и вообще опустошаетъ и разрушаетъ копь». «Какой раздирающій сердце видъ, продолжаетъ Эманъ, представляетъ послѣ катастрофы эта копь, которая такъ недавно была всюду оживлена жизнью и дѣятельностью! При свѣтѣ факеловъ, на черной водѣ видны зеленоватыя лица утопленниковъ, раздроблен-

ныя въ щепки бревна, изуродованные трупы. Мертвое молчаніе царствуетъ во всѣхъ галлереяхъ...» Самая пылкая фантазія не создастъ, вѣроятно, болѣе потрясающей картины ужасовъ и несчастій, на которые обречена огромная масса людей, и если-бъ каменноугольная промышленность разрабатывалась во времена Данте, великій поэтъ легко могъ-бы нарисовать свой «Адъ» по каменноугольнымъ копьямъ; онъ могъ-бы сойти въ любое подземелье, гдѣ копошатся тысячи истощенныхъ и черныхъ лицъ, и понять, что дѣйствительный адъ не въ фантазіи поэта, а въ живомъ людскомъ мірѣ... Замѣчательно, что за этотъ каторжный трудъ англійскіе рудокопы получаютъ 12—13 шилл. въ недѣлю (около 70 к. въ сутки), а Шнейдеръ, президентъ законодательнаго корпуса, въ предсмертные годы второй имперіи, платилъ своимъ рабочимъ на каменноугольныхъ копяхъ въ Крезо 1½—2 франковъ въ день.

Одно изъ драгоцѣннѣйшихъ употребленій, къ какому способенъ уголь, заключается въ возможности добывать изъ него свѣтильный газъ. Каменный уголь, кромѣ чистаго угля, содержитъ множество постороннихъ примѣсей, которыя отъ нагрѣванія улетучиваются въ видѣ газовъ. Между этими-то газами находится и свѣтильный газъ, тотъ самый, которымъ освѣщены наши улицы. Геніальная мысль добыванія изъ каменнаго угля свѣтильнаго газа впервые пришла на умъ французу Филиппу Лебону, въ концѣ прошлаго столѣтія. «До 1500 г., рассказываетъ Эманъ, обязательное освѣщеніе улицъ было неизвѣстно какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи; темнота благопріятствовала столь частымъ въ эту эпоху преступленіямъ. Затѣмъ, для обезпеченія безопасности, королевскимъ повелѣніемъ было предписано всѣмъ жителямъ выставлять на ихъ окошкахъ свѣчи, которыя въ 1662 г. были замѣнены фонарями. Наконецъ, въ 1759 г. былъ объявленъ конкурсъ на освѣщеніе масломъ всего Парижа» (стр. 119). Но скоро этотъ способъ освѣщенія оказался крайне неудобнымъ, и тогда-то, въ 1798 году, Лебонъ получилъ привилегію на газовое освѣщеніе. Но съ нимъ повторилась одна изъ тысячи исторій, которыми запятнаны лѣтописи всѣхъ почти великихъ изобрѣтеній и открытій. Смѣлая мысль Лебона не ужилась съ обскурантами, они сочли ее нелѣпой, симптомомъ сумасшествія. Замѣчательно, что проектъ Лебона, представленный имъ въ академію наукъ, и тамъ принятъ былъ недружелюбно, холодно, хотя этотъ проектъ развитъ былъ съ поразительною ясностью и заключалъ въ себѣ описаніе рѣшительно всѣхъ способовъ перегонки каменнаго угля для добыванія свѣтильнаго газа, которые приняты въ настоящее время повсемѣстно. Лебонъ «Дѣло», № 11.

имѣлъ множество враговъ, препятствовавшихъ осуществленію его предпріятія частью по зависти, частью же по невѣжеству. Въ 1804 году, во время коронаціи Наполеона I, онъ убитъ былъ однимъ изъ своихъ соперниковъ въ Елисейскихъ Поляхъ. «Какъ и всѣ нововодители, говорить Эманъ, онъ имѣлъ свою длинную и несчастную одиссею. Имя это должно быть занесено въ печальный списокъ гѣніальныхъ мучениковъ, которые, упреждая свое время, не могутъ заставить современниковъ усвоить открытія ими истины».

Въ настоящее время потребленіе каменнаго угля достигло громадныхъ размѣровъ во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ и теперь смѣло можно измѣрять степень матеріальнаго прогресса націи пудами сжигаемаго ею угля. Англія занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, за ней слѣдуютъ Пруссія и Франція. Россія осталась позади всѣхъ, вмѣстѣ съ Испаніей. Но потребленіе каменнаго угля идетъ постоянно въ возрастающей прогрессіи, и есть основанія опасаться, что недалеко уже то время, когда, наконецъ, изсякнутъ всѣ источники этого благодѣтельнаго матеріала. Вычислено, напр., что расходъ каменнаго угля удвоивается чрезъ каждые 15 лѣтъ, такъ-что, по этому расчету, въ Англіи, напр., каменный уголь истощится черезъ 100 лѣтъ. Въ другихъ странахъ періодъ этотъ еще короче. Такимъ образомъ невольно навязывается тревожный вопросъ, что будетъ дѣлать наше потомство безъ угля, чѣмъ станетъ оно двигать свои паровозы и машины? Вопросъ этотъ, не такъ давно, возбужденъ былъ въ Англіи, и обсуждался, хотя безуспѣшно, въ палатѣ общинъ. Собственно говоря, положеніе, которое угрожаетъ будущимъ поколѣніямъ, совершенно безвыходно. Остается только малоутѣшительная надежда, какъ замѣчаетъ Эманъ, на могущество человѣческаго ума, который, можетъ быть, откроетъ новое горючее вещество, если его только можно найти въ нѣдрахъ земнаго шара. А если нѣтъ? Дѣла, конечно, примутъ тогда печальный оборотъ. Впрочемъ, на нашъ вѣкъ хватитъ угля, котораго у насъ, въ Россіи, громадныя, совсѣмъ непочатыя залежи, и наши внуки, вѣроятно, возблагодарятъ своихъ отцовъ за ихъ изумительное самоотреченіе на пользу потомства. Иное дѣло — въ другихъ государствахъ, во Франціи, напр., эксплуатація каменнаго угля должна прекратиться черезъ 50 лѣтъ; безвыходность такого положенія поневолѣ заставитъ современную Францію руководиться изреченіемъ «après nous le deluge». Такими мыслями, не совсѣмъ веселаго свойства, заключаетъ Эманъ свой прекрасный очеркъ. Мы прочитали его съ истиннымъ наслажде-

ніемъ и совѣтуемъ воспользоваться вообще рѣдкимъ у насъ случаемъ здороваго и во всѣхъ отношеніяхъ полезнаго чтенія.

Не то, къ сожалѣнію, должны мы сказать объ «Исторіи солнечнаго луча» какого-то анонимнаго автора. Книга эта—также переводъ съ французскаго, съ комической претензіей на общедоступность изложенія. Она трактуеть о свѣтѣ, его явленіяхъ и законахъ, не выходя изъ предѣловъ гимназическаго курса и даже школьной терминологіи. Съ первыхъ уже страницъ авторъ намѣревается ошеломить читателя цѣлой массой непонятныхъ для него названій и словъ безъ всякаго объясненія ихъ смысла. Такъ, на стр. 8 и 9 встрѣчается, напр., выраженіе: «напряженіе свѣта *прямо пропорціонально косинусу угла*», или: «зимнее и лѣтнее солнцестояніе». Далѣе, на стр. 12 авторъ говоритъ: «*лучи падающій и отраженный и нормальная линія находятся въ одной плоскости*», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣтчатая оболочка глаза названа «ретиной» и пр. Въ любомъ спеціальному учебникѣ эти названія и термины сопровождаются объясненіями, авторъ же отбросилъ ихъ въ популярной книгѣ, полагая, что все это должно быть извѣстно читателямъ. Но для человѣка, обладающаго этими свѣденіями, не закрытъ доступъ къ спеціальнымъ сочиненіямъ по физикѣ, а выборъ ихъ такъ богатъ, что никому, разумѣется, не придетъ въ голову обращаться къ «Исторіи солнечнаго луча». Почему авторъ присвоилъ своему неуклюжему произведенію названіе «общедоступнаго изложенія ученія о свѣтѣ» — трудно рѣшить. Остается развѣ думать, что онъ пребываетъ въ наивномъ убѣжденіи, что стоитъ внести въ книгу нѣсколько анекдотовъ и рассказовъ, чтобы имѣть право назвать ее популярной. Но оставимъ автора самого размышлять о цѣли своего труда и пожелаемъ, чтобы читатели не стали жертвами его оригинальнаго пониманія общедоступности изложенія.

Путешествіе по сѣверовосточной Африкѣ или по странамъ подвластнымъ Египту: Судану, Нубіи, Сеннару, Россересу и Кордофану, д-ра Эдмунда Брэма, члена леопольдино-каролинской Академіи и д-ра уч. обществъ. Со второго изданія. Части I-я и II-я. Изданіе В. О. Ковалевскаго. Спб. 1869—71.

Загадочный міръ восточной Африки, расположенный по теченію Нила, всегда привлекалъ къ себѣ многочисленныхъ путешественниковъ. Разнообразная фауна этихъ странъ издавна сдѣлала ихъ театромъ ученыхъ экскурсій естествоиспытателей, обогатившихъ сокровищницу зоологіи и ботаники коллекціями рѣдкихъ животныхъ и растеній. Географы, искавшіе открытія источниковъ Нила, послѣ неудачныхъ попытокъ, возвращались всякъ и расходовали сбереженное время и энергію на изученіе восточной Африки, нѣ желая показаться на родину съ пустыми листами записной книжки. Здѣсь находилъ себѣ нищу диллетантизмъ туристовъ, навязывавшихъ потомъ Европѣ свои впечатлѣнія и забавлявшихъ ее болтовней «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Сюда стекались, наконецъ, любители сильныхъ ощущеній и эстетическихъ сюжетовъ для поэтического вдохновенія; они стекались сюда созерцать хаотическое смятеніе африканской природы, какъ будто сохранившей еще слѣды первыхъ дней творенья, любоваться дикою прелестью безбрежной песчаной пустыни или издавать восторженные восклицанія предъ колоссальными пирамидами и величавыми развалинами древнихъ храмовъ. Казалось-бы, что теперь страны Нила должны, наконецъ, превратиться въ пустыне колодцы, изъ которыхъ едва-ли можно ухитриться почерпнуть что-нибудь диковинное или любопытное. Отчасти, конечно, это справедливо, и если путешественникъ предпринимаетъ поѣздку въ Египетъ съ одной изъ указанныхъ цѣлей, то онъ почти навѣрное рискуетъ усыпить читателя своимъ разсказомъ. Но страны эти представляютъ, одну, почти неизвѣданную сторону, чрезвычайно живую и важную. Мы говоримъ объ этнографіи береговъ Нила. Путешествіе Брэма въ этомъ отношеніи представляетъ для насъ большой интересъ, хотя оно начато было довольно давно (въ 1847 г.) и окончилось въ 1852 году, когда африканскія экспедиціи и ученые путешествія были въ полномъ разгарѣ и къ Нилу устремлялись цѣлыя толпы географовъ, мечтавшихъ обезсмертить свое имя находкой того ничтожнаго ручейка, изъ котораго постепенно вырастаетъ мощный гигантъ, снабжающій жизненными нервами страны Египта. Но эти экспедиціи и путешествія, по большей

части, исключали изъ своей программы этнографію и лишь вскользь обращали вниманіе на населеніе странъ, стоявшихъ на пути къ ихъ цѣли. Брэмъ (сынъ знаменитаго орнитолога) также не ставитъ себѣ исключительной задачей изученіе племенъ восточной Африки, но въ его книгѣ, вообще чуждой претензіи на ученость, этнографическая сторона все-таки преобладаетъ. Въ простыхъ, безыскусственныхъ разсказахъ передаетъ онъ, рядомъ съ своими личными впечатлѣніями, нравы, образъ жизни и бытовую культуру негрскихъ и арабскихъ племенъ, но всегда въ связи съ окружающей ихъ природой, съ ихъ знойнымъ небомъ и палящимъ солнцемъ, съ ихъ измѣнчивой почвой и тропически-разнообразной фауной. Авторъ провелъ въ путешествіи 5 лѣтъ и пробѣжалъ сравнительно незначительное пространство, оттого разсказы его не носятъ характера туманныхъ картинъ. Это—не воспоминанія о мимолетныхъ впечатлѣніяхъ минуты, но результатъ добросовѣстнаго изученія и обстоятельныхъ наблюденій. Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно времени, чтобы сжиться съ описываемымъ народомъ, заглянуть во всѣ уголки его нравственнаго и матеріальнаго обихода и такимъ образомъ изобразить его съ возможно-большой полнотой. Духовное міросозерцаніе негра или араба незамысловато, разумѣется, въ сравненіи съ сложной цивилизаціей европейца, но оно отлѣнено своеобразнымъ колоритомъ, къ которому нужно внимательно приглядѣться, иначе описаніе будетъ страдать односторонностью; вмѣсто негра, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, предъ нами будетъ стоять порода заморскаго звѣря или жалкій идиотъ, отлѣненный отъ европейца непроходимой бездной. Брэмъ избѣгъ этого недостатка. Не скрывая дурныхъ сторонъ и пороковъ, замѣченныхъ имъ въ обитателяхъ сѣверовосточной Африки, онъ находилъ въ нихъ и достоинства и одѣнывалъ ихъ, не стѣсняясь расовыми предрасудками.

Сочиненіе Брэма разбито на двѣ части, но какъ въ той, такъ и въ другой авторъ описываетъ однѣ и тѣ-же страны съ различныхъ однако сторонъ, такъ-что мы рѣшительно не замѣтили, чтобы онъ гдѣ-либо впадалъ въ повтореніе. Въ первой части разсказаны въ общихъ чертахъ особенности сѣверовосточной Африки и ея обитателей; тутъ авторъ обращалъ вниманіе преимущественно на провинціальную, степную жизнь негрскихъ племенъ и только мимоходомъ сообщалъ, или, лучше сказать, перечислялъ города, которые попадались ему во время плаванія по Нилу. Вторая часть посвящена жизни городской и болѣе цивилизованному населенію; особенно подробно описываетъ авторъ Каиръ, Александрію и Хартумъ (гл. г. Судана). Сюда включе-

ны также довольно пространные и чрезвычайно занимательные рассказы о болѣе замѣчательныхъ видахъ животныхъ, свойственныхъ странамъ Нила.

Сочиненіе Брэмъ, какъ мы уже замѣтили, рисуетъ намъ далеко не современный бытъ обитателей сѣверовосточной Африки. Оно есть плодъ наблюденій, сдѣланныхъ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ и потому естественно предположить, что путешественникъ, который вздумалъ-бы теперь отправиться по стопамъ Брэмъ, нашелъ-бы его книгу несомнѣнно согласной съ дѣйствительностью. Разумѣется, это легко можетъ случиться, но лишь до нѣкоторой степени. 20 лѣтъ и для нашей прыткой цивилизаціи не Богъ вѣсть сколько приесли съ собою перемѣнъ и улучшеній; разумѣется, въ это время мы успѣли тысячу разъ перекроить свои сюртуки и пережили много модъ. Такія-то перемѣны найдутся конечно и между нашей черной братьей, но это не мѣшаетъ ей все-таки оставаться такою-же жалкой, прижатой, стонущей подъ игомъ турецкаго рабства массой, какою видѣлъ и описалъ ее Брэмъ. Въ 20 лѣтъ ни арабъ, ни негръ не только не воспользовались цивилизующими началами Европы, но, по всей вѣроятности, успѣли растерять и послѣдніе остатки своего человѣческаго образа, благодаря той эксплуатирующей массѣ европейцевъ, которые постоянно соприкасаются съ этимъ простымъ и полудикимъ населеніемъ и которые съ каждымъ годомъ прибываютъ въ Египетъ въ возрастающей пропорціи. Городское населеніе черныхъ несравненно ниже въ нравственномъ отношеніи сельскихъ и степныхъ обитателей—это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Но извѣстно также, что надъ этимъ пониженіемъ нравственности издавна трудятся христіане, особенно тѣ изъ нихъ, которые, покидая Европу, навсегда остаются въ городахъ Египта и подвластныхъ ему областей. Этотъ замѣчательный фактъ развращающаго вліянія европейскихъ цивилизаторовъ и колонистовъ повторяется какъ строгій, неизмѣнный законъ рѣшительно вездѣ, куда только проникала купеческая алчность и католическое лицемеріе, прикрывающее корыстныя цѣли любовью къ ближнему. Брэмъ приводитъ съ своей стороны множество фактовъ, бросающихъ самую мрачную тѣнь на отношенія европейцевъ и христіанъ къ черному населенію Египта. Вообще онъ клеймитъ ихъ глубочайшимъ презрѣніемъ и не стѣсняется въ подборѣ словъ для выраженія своей ненависти къ нимъ, забывая, впрочемъ, что отдѣльныя лица тутъ нисколько не повинны. О европейцахъ города Хартума Брэмъ говоритъ, напр., что ихъ колонія состояла «почти безъ исключенія изъ негодаевъ, плутовъ, мошенниковъ, убійцъ»

(Часть I-ая, стр. 192). И за тѣмъ онъ начинаетъ въ частности высчитывать добродѣтели лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Одинъ, напр., избралъ своей профессіей приготовление ядовъ и ежегодно отправлялъ на тотъ свѣтъ известное число своихъ и чужихъ—за незначительную плату—враговъ. Другой мошенничаетъ, воруетъ и открыто совершаетъ грабежи. Третій родную дочь свою держитъ въ гаремѣ и насилуетъ ее, четвертый охотится за невольниками и т. д. Въ другомъ мѣстѣ авторъ, рассказывая о невольникахъ, говоритъ: «Счастье для нихъ (мальчиковъ-невольниковъ), если они попадутъ въ руки кроткаго египтянина или турка; но горе, если злая доля броситъ ихъ въ руки нубійца, кардофанца или *европейца*. Хлысть изъ бегемотовой кости изранитъ имъ спину прежде, чѣмъ они достигнутъ юношескаго возраста» (Часть I-ая, стр. 219). Европейцы отличались всегда крайней жестокостью и безчеловѣчьемъ въ обращеніи съ невольниками. Ихъ нельзя сравнить въ этомъ отношеніи съ турками и вообще съ магометанами. Иной турокъ простираетъ, напр., свою гуманность до того, что негръ, попавшійся въ рабство ребенкомъ, становится впоследствии членомъ его семьи, воспитывается наравнѣ съ его дѣтьми, ѣсть и пьетъ за общимъ столомъ и избавляется отъ принудительныхъ работъ. Европейцы же, купивъ невольниковъ вмѣстѣ съ дѣтьми, тотчасъ продаютъ послѣднихъ, подавляя плачъ и вопли матерей ударами кнута. По поводу христіанъ Суэца Брэмъ говоритъ въ томъ-же томѣ: «Живущихъ здѣсь христіанъ мало. Они, подобно большей части нашихъ единовѣрцевъ, живущихъ на Востокѣ, лукавы, вѣроломны, лицемерны и плутоваты. Первымъ въ этомъ отношеніи стоитъ консульскій агентъ Коста» (Часть II-ая стр. 483). Въ настоящее время европейскіе консулы и турецкое правительство начинаютъ обуздывать распущенность европейцевъ; недавно къ нимъ стали даже примѣнять суровые туземные законы. Но если дѣло уже доходитъ до этого, то понятно, что отъ Европы нечего ждать уже благотворнаго вліянія на негрскую расу. Европеецъ внесетъ, пожалуй, ничтожныя улучшенія въ матеріальный бытъ негра, распространитъ между ними полезныя знанія, но едва-ли только онъ окупитъ этимъ въ глазахъ негра и лучшей части Европы ущербъ, наносимый нравственности черныхъ.

Въ заключеніе своей рецензіи не можемъ не указать на непріятный контрастъ между любопытнымъ содержаніемъ книги Брэма и неуклюжимъ переводомъ ея на русскій языкъ. Только мѣстами и въ началѣ переводъ сносенъ; большею же частью онъ носитъ слѣды нѣмецкой рѣчи и крайне тяжелъ, что составляетъ, конечно, важный

недостатокъ во всякомъ описательномъ сочиненіи подобнаго рода, превращая этотъ легкій родъ литературы во что-то тяжеловѣсное и неудобочитаемое. Не смѣшало-бы также издателямъ, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ книгу, разставить въ ней знаки препинанія и освободить ее хоть на половину отъ опечатокъ, коичность которыхъ подь часъ совершенно некстати отвлекаетъ вниманіе читателя.

Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Выпускъ третій. Москва. 1871.

Еще не успѣлъ я раскрыть этой книги, какъ на меня повѣло отъ нея запахомъ келейнаго ладона и елея, въ ушахъ зазвонилъ знаменитый московско-пражскій колоколъ и загалдѣли братья славяне на всѣхъ своихъ безчисленныхъ языкахъ, нарѣчійхъ и подь-нарѣчійхъ. Это *они, они*, подумалъ я, и тутъ-же, несмотря на оглавление «Бесѣды», сталъ отгадывать имена русско-славянскихъ мужей, ее наполняющихъ: прежде всего, думалъ я, въ ней ужь вѣрно находится, собесѣдуетъ маститый нашъ историкъ, нашъ журналистъ, публицистъ, экономистъ, романистъ, путешественникъ, общественный дѣятель, нашъ «все что угодно», нашъ знаменитый, излюбленный Михаилъ Петровичъ... «Старца великаго тѣвъ чую смущенной душой»; вѣстѣтъ съ нимъ, конечно, собесѣдуетъ и другой, хоть и юный сравнительно съ Михаиломъ Петровичемъ, но не менѣе его знаменитый историкъ-же П. К. Щербальскій; затѣмъ меня поразило предчувствіе московскаго поэта Ф. Миллера. Конечно, угадавъ двѣ такія звѣзды, какъ наши историки, незачѣмъ было-бы открывать книгу, но лукавый дернулъ меня полюбопытствовать, и теперъ я, волей неволей, испросивъ предварительно у читателей извиненія, введу ихъ въ «Бесѣду Общества Любителей Россійской Словесности».

У самыхъ такъ сказать вратъ «Бесѣды» насъ дѣйствительно встрѣчаетъ Михаилъ Петровичъ съ четырьмя письмами государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева и такимъ предисловіемъ: — «графъ Румянцевъ обратилъ на меня свое вниманіе, прочитавъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1823 г. переводъ мой о Козарахъ изъ Тунмана и обратился къ главному своему довѣренному лицу въ Москвѣ А. Ф. Малиновскому, съ вопросомъ, чѣмъ онъ можетъ быть мнѣ полезенъ. Я отвѣ-

чать, что жемаль-бы принять на себя переводъ съ латинскаго славянской грамматики Добровскаго, только-что тогда вышедшей. Графъ Румянцевъ возражалъ, что такой трудъ не подь-блуду молодому чело-вѣку, а развѣ академія (ого!), но что если я самъ по себѣ, безъ его порученій, переведу грамматику, то получу отъ него *значительный подарокъ*.» Доброє, старое время, Михайлъ Петровичъ, когда уче-ными литераторамъ такъ и сыпалось изъ бароквихъ рукъ разныя по-дачки, гдѣ оно? Читатели увидятъ изъ этихъ писемъ, продолжаетъ Михайлъ Петровичъ, что графъ Румянцевъ былъ не только любитель русской исторіи, но и знатокъ въ ней». Все содержаніе этихъ пи-семъ заключается въ томъ, что графъ Румянцевъ посылаетъ Пого-дину выпиcки изъ Баландистовъ, а Погодинъ въ свою очередь пре-подноситъ графу свои изслѣдованія, диссертацию и проч.; самое глав-ное, самая суть этихъ писемъ состоитъ въ томъ, что его сіятель-ство пишетъ въ нихъ очень много лестнаго для Михайла Петровича напр. называетъ его... но объ этомъ мы умолчимъ, щадя опромность нашего застѣчиваго ученаго; рѣшившагося похвалиться графскими комплиментами, только въ своей московской, такъ сказать друже-ственной бесѣдѣ, да и то подь предлогомъ «русской исторіи», о ко-торой въ письмахъ Румянцева нѣтъ ни одного слова. Къ чему та-кая излишняя скромность, Михайло Петровичъ, — держайте!

Вторая статья Михайла Петровича, нѣчто въ родѣ біографіи на-шего синолога, отца Іакинфа Бичурина—я говорю, нѣчто въ родѣ біо-графіи, потому-что совершенно не знаю, какъ назвать этотъ, препод-несенный «Бесѣдой» своимъ читателямъ, винигреть изъ послужнаго списка отца Іакинфа, свѣденій о его занятіяхъ въ Китаѣ и перечня его трудовъ до 1846 г. Совершенно не понимаемъ, зачѣмъ понадо-билось Михайлу Петровичу сообщать эти свѣденія г-дамъ любителямъ російской словесности: комплиментовъ въ нихъ Михайлу Петровичу никто не говоритъ, «значительнаго подарка» никто не обѣщаетъ, но впрочемъ, кто-же можетъ объяснить, для чего вообще пишетъ и пе-чатаетъ свои измышленія Михайлъ Петровичъ. Для чего, напр., изда-валъ онъ «Русскаго»? Между тѣмъ личность самого о. Іакинфа да-леко не безъинтересна, даже и помимо его ученыхъ занятій. Намъ приходилось слышать отъ людей, лично знавшихъ нашего синолога, что съ нимъ, въ Китаѣ, случилось довольно странное явленіе: быв-шій воспитанникъ русской семинаріи, православный архимандритъ, че-ловѣкъ не безъ образованія, проживая въ Китаѣ, совершенно окита-ился, отдавалъ преимущество китайской жизни, китайской цивилиза-ціи, скучалъ по Китаѣ, даже самая фізіономія его, говорятъ, измѣ-

нилась, получила китайскій типъ. Ничего этого не замѣтилъ Михайла Петровичъ, навязавшійся въ біографы отца Іакинфа и теперь, подъ именемъ его біографіи, дающій какой-то хламъ, къ которому даже не потрудился придѣлать конца, о трудахъ и жизни отца Іакинфа съ 1846 г. Весьма жаль, что за біографію о. Іакинфа взялся Михайлъ Петровичъ, а не кто-нибудь другой, болѣе серьезно относящійся къ своему дѣлу; теперь это дѣло непоправимое, потому—что не только Погодинъ, но даже, подъ конецъ жизни, и самъ о. Іакинфъ забылъ свою біографію и спрашиваетъ о ней Погодина. «Обо мнѣ требуютъ, пишетъ о. Іакинфъ къ Погодину, —официально разныхъ свѣденій, а я все перезабылъ: увѣдомьте меня, справясь съ посланною къ вамъ прежде біографіею, когда я родился, гдѣ учился, служилъ и проч..» Теперь для насъ стало понятно, для чего Михайлъ Петровичъ такъ усердно сообщаетъ публикѣ о всѣхъ подачкахъ, какія онъ когда-либо получалъ отъ знатныхъ персонъ, о всѣхъ комплиментахъ, какіе ему случалось слышать—онъ вѣроятно надѣется, подобно о. Іакинфу, тоже все перезабыть. — Не бойтесь, Михайло Петровичъ; Русь знаетъ васъ, она очень хорошо помнитъ всѣ ваши ученые, публицистическіе и въ особенности издательскіе подвиги.

Г. Щебальскій помѣстилъ въ этомъ Ж. Бесѣды «Матеріалы для русской цензуры 1803—1825 г.». Весь интересъ этихъ матерьяловъ заключается собственно въ ихъ курьезности, такъ-что читая ихъ, думаешь, что держишь въ рукахъ не солидную археолого-историкославяно-поэтическую Бесѣду, а какую-нибудь «Искру», посвистывающую на цензуру. Вообще трудно понять, зачѣмъ это г. Щебальскій, именно Щебальскій помѣстилъ здѣсь этотъ сборникъ цензурныхъ анекдотовъ въ родѣ извѣстнаго «вольнаго духа» и проч.—анекдотовъ уже нѣсколько опошлившихся. Конечно, помѣсти эти-же самые анекдоты какой-нибудь другой журналъ, неимѣющій ни консервативнаго, ни особенно славяно-русскаго направленія, и я увѣренъ, что тотъ-же самый г. Щебальскій, въ качествѣ будто-бы консерватора, не замедлилъ-бы узрѣть въ этомъ памфлетъ или что-нибудь подобное, вообще отличающееся тѣмъ запахомъ, на который такъ падки ищейки нѣкоторыхъ московскихъ періодическихъ изданій. Въ настоящемъ случаѣ, ограждаясь отъ всякихъ 'нападковъ и придирокъ именемъ будто-бы консерватора, г. Щебальскаго, мы беремъ смѣлость сообщить здѣсь исторію одного многострадальнаго періодическаго изданія прежняго времени. Еще до выхода своего въ свѣтъ «Духъ Журналовъ», — такъ называлось это изданіе, —однимъ объявленіемъ своимъ объ изданіи, поднялъ тревогу между тогдашними охранителями покоя и общественной

безопасности. Къ величайшему ужасу ихъ, этотъ журналъ изъясилъ намѣреніе заниматься такими яacobинскими вещами, какъ, напр., замѣчанія о внутреннемъ состояніи Россіи, «величіе ея, способы и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія и проч.». Вязьмитиновъ, министръ полиціи, усмотря такіе ужасы, бросился къ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому, — Разумовскій принялся за цензурный комитетъ, — комитетъ за цензора, но дѣло кое-какъ уладилось и «Духъ Журналовъ» началъ выходить, исключивъ изъ своей программы дерзостныя «замѣчанія о внутреннемъ состояніи Россіи». Вязьмитиновъ однако не дремалъ и въ 1815 г. опять-таки подловилъ злонамѣренный «Духъ Журналовъ»: въ 16 его книжкѣ была помѣщена статья «о стараніи императрицы Екатерины II о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей», по мнѣнію Вязьмитинова, «статья наполненная разсужденіями не только самыми глупыми, бессмысленными, но и непозволительными, дерзкими, могущими имѣть вліяніе вредное на мнѣніе народа». Далѣе въ томъ-же письмѣ къ гр. Разумовскому, онъ находитъ въ этой злополучной статьѣ «и дерзкое заключеніе сравненію временъ: «тогда не то было». — Сіе выраженіе одною только глупостію извиниться можетъ, ибо въ противномъ случаѣ было-бы преступленіе, и преступленіе самое тяжкое». И опять пошли нахлобучки цензорамъ, изъ которыхъ одинъ, Яценковъ, былъ самъ негласнымъ участникомъ въ изданіи «Духа Журналовъ». Въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года «Духъ Журналовъ» опять про штрафился, напечатавъ выдержки изъ Бентама съ своими примѣчаніями «о запрещеніи мануфактуръ» и затѣмъ онъ послѣдовательно былъ уличаемъ: объ обращеніи въ шутку кончины міра, въ неприличныхъ замѣткахъ объ американскомъ правительствѣ, въ томъ что «Бадайозскій Деканъ» «такъ-то что и понять нельзя, что такое онъ значить», въ толкахъ объ учрежденіи приема писемъ въ полицейскихъ будкахъ, «въ разсужденіи о вольности и рабствѣ крестьянъ» и пр. И ужъ чего, чего ни дѣлали съ этимъ злоковарнымъ журналомъ, и какъ онъ умѣлъ вывертываться изъ каждаго казуснаго случая: отдадутъ, напр., его подъ самую строгую цензуру, цензору Тимковскому, а онъ возьметъ да и выйдетъ вовсе безъ всякой цензуры; но наконецъ таки, въ 1821 г. министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, прихлопнулъ его при слѣдующемъ между прочимъ замѣчаніи: «Журналъ сей нарушалъ правила устава и самаго благоприличія даже и въ томъ, что осмѣливался судить и хулить разсужденія и соображенія лицъ самыхъ почтенныхъ, именуя ихъ въ своихъ замѣчаніяхъ». Изъ всей этой исторіи, по истинѣ достойно удивленія то, что какимъ образомъ въ то

тяжелое реакціонное время, цѣлыхъ восемь лѣтъ могъ держаться журналъ, получившій столько выговоровъ, замѣчаній, предостереженій и не лопнулъ: видно въ старину и журналы, какъ люди, были крѣоче нынѣшнихъ. Остальныя цензурныя диковины приводить здѣсь мы не рѣшаемся, хотя мы и узнали ихъ въ самой благонамѣренной «Бесѣдѣ» и отъ самаго господина Щебальскаго.

Бросивъ такіе щекотливые вопросы, перейдемъ лучше вмѣстѣ съ г. Няломъ Поповымъ къ братьямъ славянамъ, благо доступъ къ нимъ нынѣшнее время разрѣшенъ всѣмъ безпрепятственный и поле дѣятельности обширное: гуляя сколько хочешь и мило и патриотично, да и г. Щебальскій ни слова не скажетъ.

Изъ статьи г. Попова, его почтенные собесѣдники, да и всѣ, кто только захочетъ прочитатъ его, узнаютъ, что въ австрійской имперіи, въ Венгріи, подъ Бескидомъ, въ селеніи Тополѣ, Земплинской станицы живетъ Петръ Ивановичъ Добчинскій... Ахъ! виноватъ, немного ошибся—жилъ униатскій священникъ Александръ Васильевичъ Духновичъ, бывшій потомъ протоіереемъ въ прашевскомъ соборѣ. Священникъ этотъ, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, занимался еще и литературой, издалъ: «Букварь», «Молитвенникъ», «Хлѣбъ Души», какой-то «Короткій Землеписъ», «Литургическій Катехизисъ», написалъ драму «Добродѣтель превъшаетъ богатство», книгу «Народная Педагогія» и т. д. и вмѣстѣ съ этимъ конечно былъ большой славяно-русинскій патриотъ;—все это очень хорошо, даже можно сказать похвально: мало-ли священниковъ и русинскихъ, и просто русскихъ, и польскихъ, и лютеранскихъ, и всякихъ другихъ пишутъ въ газетахъ и издають книги, такъ почему-же и отцу Духновичу не дѣлать того же самого; патриотизмъ, хоть и карпато-русинскій, тоже ничего, дѣло хорошее—однимъ словомъ мы очень и очень благодарны г. Попову за такое, можно сказать, пріятное знакомство съ отцемъ Духновичемъ; но только знакомя насъ съ нимъ, онъ уже нѣсколько переселилъ; дѣло вотъ видите-ли въ чемъ: у о. Духновича была страстишка писать стихи и стихи плохіе, страстишка, согласитесь сами, довольно безвредная, но г. Поповъ, знакомя насъ съ о. Духновичемъ, предупредилъ и объ этомъ и даже, вѣроятно для примѣра, что стихи дѣйствительно плохи, привелъ нѣсколько образцовъ. Эхъ! г. Поповъ, не хорошо такъ поступать съ пріятелями!...

Засимъ нѣкоторые изъ собесѣдниковъ любителей, не находя, видно, никакого матерьяла для бесѣды ни въ своемъ отечествѣ, ни у братьевъ славянъ, ринулись за пойсками въ гнилой Западъ, и одинъ изъ нихъ,

г. Юрьевъ, вытащилъ оттуда римско-католическаго драматурга Кальдерона съ его трагедіей «За тайное оскорбленіе — тайное мщеніе». Трудно понять вообще, чѣмъ руководился г. Юрьевъ, привлекая въ «Бесѣду» этого испанскаго ихтіозавра: хотѣлъ-ли онъ поддѣлаться подъ общій архивный духъ «Бесѣды» или не зналъ, куда дѣваться съ своими ученическими тетрадками испанскаго языка, но все-же видно, что онъ еще человѣкъ несовсѣмъ заскоруждой, видно, что онъ еще нѣсколько церемонится съ публикой, потому что, переводя Кальдерона, нѣсколько стѣснился и, вѣроятно, въ видѣ оправданія, счелъ долгомъ предпослать небольшой панегирикъ переводимому имъ писателю: «Онъ (т. е. Кальдеронъ) является проницательнымъ психологомъ, трезвымъ свободно-мыслящимъ умомъ, сильнымъ обличителемъ и карателемъ сословныхъ и другихъ предрассудковъ, живущихъ и дѣйствующихъ и въ наше время, могучимъ борцемъ за права человѣка и неприкосновенность его личности», и сканчиваетъ этотъ панегирикъ тѣмъ, что будто-бы переведенная имъ драма, «принадлежитъ къ числу гениальнѣйшихъ созданій европейской поэзіи и можетъ стать наряду съ лучшими трагедіями Шекспира». Рѣшительно трудно понять, что особенно реальнаго, современнаго нашолъ г. Юрьевъ въ переведенной имъ трагедіи, все содержаніе которой основано на охраненіи чести, но исключительно только супружеской и родовой: герой донъ Лопе д'Альмейда, только и дѣлаетъ, что толкуетъ о чести и когда, наконецъ, узнаетъ о невѣрности жены, то жену сжигаетъ, а ея возлюбленнаго топить, да притомъ еще самымъ подлымъ образомъ, обманомъ, и затѣмъ преспокойно отправляется въ Африку, умирать за вѣру. Помилосердствуйте, г. Юрьевъ, какая тутъ борьба за права человѣка, и въ чемъ-же тутъ выразился реализмъ? Замѣтно, что гг. сотрудники «Бесѣды» много говорить не любятъ, сболтнуть два-три слова изъ общихъ мѣстъ и вѣрь имъ, какъ евангелію; вотъ и въ настоящемъ случаѣ, чего-чего не наказыль г. Юрьевъ о Кальдеронѣ и переведенной имъ трагедіи, которая въ дѣйствительности оказалась прескучной мелодрамой. Не лучше-ли было-бы, г. Юрьевъ, для Россійской словесности, къ которой вы прикомандировались въ качествѣ любителя, если-бы вмѣсто пустыхъ разглагольствій и плохого перевода, вы написали-бы критическій этюдъ о сочиненіяхъ Кальдерона и его значеніи въ испанской литературѣ, тогда все-таки хоть-бы что-нибудь да прибавилось къ вашей любимицѣ, словесности, а теперь вы дали никуда негодный литературный балластъ. Относительно достоинства перевода, читатель можетъ судить по слѣдующей выпискѣ изъ монолога дона Лопе, который узнаетъ, что его безче-

стіе, т. е. извѣтна жены, извѣтна королю. «Всемогущій не губи меня!... Вотъ черезъ что еще должно пройти моему чувству!... Душа моя, слышала-ли ты, что онъ сказалъ? Глаза мои, видѣли-ль вы, какъ онъ смотрѣлъ?» и такъ далѣе, въ томъ-же родѣ на цѣлой страницѣ; мнѣ кажется, это что-то далеко непохожее на Шекспира: такой напыщенной сухой риторики не встрѣтимъ ни у него, ни у его хорошихъ переводчиковъ.

Какъ будто для доказательства того, что «собесѣдники» не все-же живутъ чужимъ умомъ, а могутъ иногда и сами при случаѣ что-нибудь сочинить, помѣщена въ «Бесѣдѣ» единственная самостоятельная статья «О сравнительномъ методѣ автора «Происхожденія русскихъ былинъ», т. е. г. Стасова, который, доказывая ихъ финско-монголо-татарское происхожденіе, вооружилъ противъ себя не только коренныхъ ученыхъ русаковъ, но даже и нѣмцевъ; особенно противъ него почему-то вооружаются Миллеры, вотъ и здѣсь явился еще новый г. Миллеръ. Судя по распространенію этой фамиліи между нѣмцами, терзанія изслѣдованія г. Стасова грозятъ сдѣлаться безконечными. Самого этого стасово-миллеровскаго спора мы здѣсь касаться не будемъ, но только отмѣтимъ одно, нѣсколько странное обстоятельство: не смотря на цѣлый ученый арсеналь, выдвинутый противъ г. Стасова нашими учеными специалистами, который-бы, кажется, долженъ былъ окончательно убить, уничтожить изслѣдованіе г. Стасова, такъ чтобъ о немъ и помину не было въ нашей литературѣ, его гипотетичное изслѣдованіе, напечатанное въ 1868 году, до сихъ поръ еще вызываетъ все новыхъ и новыхъ сокрушителей. Видно импральезы нашихъ ученыхъ плохо попадаютъ въ цѣль.

Среди всего этого отжившаго, архивнаго хлама, среди этого уместеннаго убожества, читателя пріятно поражаетъ одна статья, въ которой затрогивается современный, жизненный, даже научный вопросъ;—языкъ этой статья сильный, энергическій, слегка отгѣвенный ироніей, просто увлекаетъ читателя... Но гг. сотрудники «Бесѣды», не тревожьтесь, не принимайте этого на свой счетъ: статья эта принадлежитъ Михайлу Васильевичу Ломоносову, который среди васъ, не смотря на то, что покойникъ,—единственный живой чело-вѣкъ. Очень благодарны г. Тихонравову за помѣщеніе этого письма. Въ немъ Ломоносовъ пишетъ Ивану Ивановичу Шувалову, что онъ нашелъ «старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы». Одну изъ такихъ записокъ «О размноженіи и сохраненіи російскаго народа» онъ и представляетъ Шувалову. «Много есть, говоритъ онъ, чело-вѣкоубивства и еще самоубивства,

народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ, подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно». Причины, задерживающія размноженіе населенія, имъ приведены слѣдующія: слишкомъ ранніе или слишкомъ поздніе браки и неравенство лѣтъ супруговъ, непозволеніе жениться болѣе трехъ разъ, постриженіе молодыхъ людей въ монахи, дѣтскія и женскія болѣзни при недостаткѣ медиковъ и акушеровъ, суевѣрія, плохая пища при соблюденіи постовъ и розговѣнье, эпидеміи, происходящія отъ дурныхъ гигиеническихъ условій, разбои и убійства въ дракѣ и, наконецъ, побѣги за границу отъ религіозныхъ преслѣдованій, солдатчины и проч. Многія изъ этихъ неблагопріятныхъ условій существуютъ и въ настоящее время, и поэтому мнѣніе о нихъ Ломоносова не лишено нѣкотораго современнаго значенія, особенно при ломоносовскомъ талантѣ — писать, когда захочетъ, живо и увлекательно. Вотъ, напр., какъ описываетъ онъ розговѣнье на Пасхѣ: «какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри, — рвутъ, ломаютъ, валятъ, опровергають, терзають: тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитыя напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. О! истинное христіанское пощеніе и празднество! Не на такихъ-ли Богъ негодуетъ у пророка: *«праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною»*. Между тѣмъ, бѣдный желудокъ, привынувъ долгое время къ пицамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы и, не имѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаетъ: онѣ спираются, пересѣкается теченіе крови и душа въ отворенныя тогда райскія двери, изъ тѣсноты тѣла прямо, какъ думаютъ, улетаетъ». Плохую шутку, гг. собесѣдники, сыгралъ съ вами г. Тихоновъ, помѣстивъ письмо геніальнаго ученаго; хотя и говорятъ, что «не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто», но въ этомъ случаѣ даже самъ Ломоносовъ не скрасилъ вашей «Бесѣды», а только указалъ истинную разницу между человѣкомъ дѣла и людьми, или отжившими, или пустыми и неспособными, которые ищутъ прикрыть свою отсталость и неспособность личиною затхлоу ученому и напускнымъ убѣжденіемъ, хотя-бы въ родѣ особенной любви къ какой-то «Россійской словесности».

Теперь подведемъ итогъ, чѣмъ подарили свою возлюбленную «россійскую словесность» ея восторженные поклонники: четверо изъ нихъ крохоборничали по архивамъ, вырывая лакомые кусочки изъ рта у гг. Семейскаго и Бартенева, одинъ представилъ о. Духовича, вовсе ненужнаго россійской словесности, двое преподнесли двѣ идостранныя пьесы — «Донъ Жуана» Мольера, годнаго, пожалуй, для сцены и ровно никуда непригодную трагедію Кальдерона, дрянныя переводныя стихотворенія Ѡ. Миллера изъ славянскихъ поэтовъ и вялый переводъ двухъ сонетовъ Мицкевича и, наконецъ, статья Всеv. Миллера и письмо Ломоносова составляютъ весь букетъ, преподнесенный любителями. Стыдно господа, дарить такую дрянью свою любимицу, стыдно, вѣроятно, и ей имѣть такихъ несостоятельныхъ поклонниковъ, компрометирующихъ ее своей любовью.

Въ настоящее время въ Россіи печатаются книги, издаются журналы, вырисовываются понемногу литературныя партіи, идетъ борьба, готовятся новыя законы о печати; а «любители словесности» въ своихъ бесѣдахъ вяло, сонно толкуютъ себѣ о старинкѣ, да почитываютъ, ради размеченія, Мольера... Ну, и Богъ съ ними, все это, конечно, вещи очень хорошія. Гг. любители, можете себѣ и любить, и читать, и бесѣдовать и, пожалуй, даже издавать свои «Бесѣды» — только зачѣмъ-же ужь очень обижать нашего милѣйшаго архивариуса М. И. Семейскаго. Сдѣй упрекъ, впрочемъ, относится только къ вамъ, г. Щебальскій: вы и любитель, и историкъ, и.... *консерваторъ*. Тамъ чего-жъ вамъ еще? Михаилу-же Петровичу, по старости лѣтъ, все прощается, ибо мертвые срама не имутъ...

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

I.

Въ Александринскомъ театрѣ, съ перваго-же представленія унала комедія Островскаго „Лѣсъ“. Подышала она еще три-четыре спектакля и теперь врядъ-ли будетъ давать какіе-нибудь сборы.

Такая судьба большого пятиактнаго произведенія нашего крупнѣйшаго драматурга не вызвала почти никакого недоумѣнія ни въ публикѣ, ни въ прессѣ. Новый неуспѣхъ Островскаго является въ дополненіе къ цѣлому ряду полууспѣховъ и неуспѣховъ, испытанныхъ имъ. втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ. Здѣсь-же мы затруднились-бы указать, послѣ „Грозы“, хоть на одну пьесу Островскаго, имѣвшую успѣхъ, какой обыкновенно сопровождаетъ произведеніе, говорящее новое слово. Въ сущности, только одни рецензенты ожидаютъ, каждый разъ, что представленіе пьесы Островскаго будетъ бенефиснымъ событіемъ. Но событія никакого не происходитъ и тѣ-же самые рецензенты должны оговариваться, что ихъ ожиданія не сбылись. Своими преждевременными стереотипными фразами они еще больше вредятъ драматургу, а сами поступаютъ весьма наивно. Обыкновенно пьесы Островскаго въ печати появляются раньше, чѣмъ на сценѣ. Судить вполнѣ о достоинствѣ пьесы надо конечно въ театральной залѣ; но видѣть приблизительно, какой успѣхъ она будетъ имѣть на сценѣ, можно и въ чтеніи; а людямъ, занимающимся театральной критикой — и должно.

Мы подтверждаемъ тотъ фактъ, что неупѣхъ пьесъ Островскаго пересталъ уже удивлять. Публика ничего новаго отъ нихъ не ждетъ, и если на сценѣ пьеса понравится больше, то это относить уже прямо къ игрѣ актеровъ, тамъ, гдѣ они лучше, т. е. въ Москвѣ. Но считаетъ-ли самъ драматургъ свой авторскій путь поконченнымъ? Врядъ-ли. Онъ пишетъ и продолжаетъ много писать. Въ послѣдніе годы онъ началъ какъ-бы метаться въ разныя стороны, пробуя себя во всякихъ родахъ, являясь даже переводчикомъ посредственныхъ вещей. Очевидно, что онъ потерялъ прежнее равновѣсіе; другими словами почувствовалъ, что первый періодъ его авторской дѣятельности кончился и надо во что-бы то ни стало искать матеріаловъ и въѣ того бытового міра, который питалъ до сихъ поръ его драматургію.

II.

Скоро наступитъ двадцатипятилѣтняя годовщина дѣятельности Островскаго. Какъ нельзя болѣе кстати подвести итогъ всему его авторскому дѣлу. Такая критика должна распасться на двѣ части: на обще-литературную и чисто-сценическую. Первая можетъ быть выполнена только въ большомъ изслѣдованіи. Значеніе Островскаго, какъ писателя вообще, настолько крупно, что для полной его характеристики надо анализировать множество такихъ сторонъ жизни и художественнаго творчества, какія вовсе не вошли въ программу критика „Темнаго Царства“. Какъ-бы кто ни взглянулъ на Островскаго, но довольствоваться только тѣмъ, что сказалъ про него Добролюбовъ, въ настоящее время невозможно. Вѣроятно, по поводу двадцатипятилѣтней годовщины и явится нѣсколько критическихъ этюдовъ объ Островскомъ, какъ о писателѣ вообще. Этимъ мы здѣсь заниматься не будемъ. Мы выскажемъ только въ самыхъ крупныхъ чертахъ наши мыслительные итоги объ Островскомъ, какъ писателѣ для сцены. Эта сторона вопроса, какъ оно ни странно кажется, до сихъ поръ ни кѣмъ не обсуждалась радикально.

Мы скажемъ безъ обиняковъ, рискуя заслужить упрекъ въ nepозвопительной парадоксальности, что Островскій попалъ въ сценическіе писатели по колоссальному недоразумѣнію. Природа

и окружающая среда дала ему самый эпическій складъ творческаго организма, какой только можно себя представить. Если-бы была мода вводить по прежнему музу въ исторію развитія писателей, то конечно можно было-бы рассказать, что муза, при рожденіи ребенка, который впоследствии сдѣлался русскимъ драматургомъ, захотѣла подшутить надъ нимъ и давши ему натуру богато-одаренную для того, чтобы складывать рапсодіи, привязала ему къ ногамъ котурнь, а лицо покрыла трагической маской. Дитя росло въ чисто-эпической обстановкѣ и прислушивалось къ внутреннему голосу той природы, какую дала ему шаловливая муза. Ребенокъ сталъ рано наблюдать мельчайшія подробности быта и началъ съ тѣхъ синтетическихъ знаковъ собирательной психологіи, какіе называются языкомъ. Бытовой языкъ находилъ въ немъ особые резервуары памяти, особую чуткость и воспримчивость. Языкъ этотъ сдѣлался для него источникомъ всякаго рода творческихъ откровеній. Чудныя формы бытового жаргона посвящали его въ тайники душевной жизни того люда, который съ младенчества возбуждалъ его специальную наблюдательность. Языкъ повелъ прямымъ путемъ къ цѣльному-пониманію типовъ того-же бытового стана. Пониманіе это давалось ему безъ всякой изнурительной мозговой работы. Лица и характеры сливались всецѣло съ общей картиной быта. Эпическій строй воспринимался имъ, какъ нѣчто стихійное. И вотъ, когда будущій писатель былъ уже преисполненъ огромнаго матеріала для того, чтобы начать свои эпическія рапсодіи, шаловливая муза напомнила ему, что она снабдила его при рожденіи котурномъ и маской. Эпикъ потянулъ ляжку драматурга.

III.

Другими словами, не прибѣгая къ вмѣшательству шаловливой музы, случилось это такимъ образомъ. „Творческий процессъ начался усвоеніемъ себя бытового языка. Черезъ него пришло знаніе отдѣльныхъ типовъ и всего склада жизни. Естественно, всякій замыселъ долженъ былъ являться въ видѣ разговоровъ,—отсюда необходимость прибѣгнуть къ формѣ сцены. Эта необходимость и показала драматургическимъ призваніемъ. Въ не-то

и вложила муза насмѣшку надъ своимъ избранникомъ. Въ запасѣ оказалось только умѣнье посредствомъ разговоровъ живописать лица и характеризовать цѣлый бытъ. Смѣшать форму съ сущностью было очень легко. Форма принадлежала драматургіи; сущность была глубоко эпическая. Языкъ, привлекшій особенное вниманіе своей художественностью, съ первыхъ-же шаговъ началъ все больше и больше удалять бытового писателя отъ самыхъ первыхъ приемовъ театрального дѣйствія. Когда въ языкѣ заключается вся суть творчества, то разумѣется ему будетъ все пожертвовано. Діалоги будутъ ведены не за тѣмъ, чтобы служить исключительно ходу драмы, а за тѣмъ, чтобы дополнять картину быта или дѣлать выпуклѣе эпическіе типы. Весь складъ сценъ, раздѣленныхъ на діалоги, долженъ будетъ, по необходимости, слѣдовать потребностямъ эпическаго творчества. Даже замыслы душевной борьбы и сильныхъ психологическихъ бурь войдутъ въ то-же русло. Отступленія и эпизоды должны будутъ выдвинуты на первый планъ. Драма-же, въ тѣсномъ смыслѣ, ея остовъ и развѣтвленія превратятся въ какіе-то тиски, гдѣ эпическому ходу творчества придется поневолѣ спотыкаться.

IV.

Такова, по нашему разумѣнію, и была исторія развитія творческихъ дарованій Островскаго. Языкъ привелъ его къ діалогической формѣ. Діалогическая форма увѣрила въ томъ, что онъ драматическій писатель. Остальное додѣляли: литературный успѣхъ и полнѣйшее безлюдье по части драматургическихъ дѣятелей. Чистота эпическаго склада въ первоначальномъ творествѣ Островскаго по истинѣ изумительна. Изъ двухъ главнѣйшихъ элементовъ драмы, лирика играетъ первенствующую роль. И какъ-разъ этотъ-то главный элементъ и отсутствовалъ съ первыхъ шаговъ въ творческомъ организмѣ нашего писателя. Рекомендуемъ тѣмъ, кого этотъ вопросъ можетъ занять, прослѣдить развитіе таланта въ Островскомъ, не упуская нашей точки зрѣнія. Въ первомъ и до сихъ поръ самомъ крупномъ произведеніи, названномъ комедіей, въ „Банкрутъ“, отсутствіе сценическаго замысла грубо бьетъ въ глаза. Намъ показываютъ въ формѣ діалоговъ цѣлую галерею

типовъ, которые группируются около опыта экспериментальной психологии замоскворѣцкаго пройдохи. Кто самъ участвовалъ въ исполненіи этой пьесы, знаетъ, какъ она вся распадается на діалоги и какъ наивно-тождественны въ ней второй и четвертый акты. Въ слѣдующемъ крупномъ произведеніи, въ „Бѣдной невѣстѣ“, гдѣ замыселъ гораздо шире, а выполненіе не держится въ такой-же мѣрѣ за особенности языка, также ясенъ повѣствовательный строй. Хотя положеніе героини и не лишено драматизма, но пьеса выходитъ все-таки не драматическая. Надѣемся, что съ этимъ никто спорить не станетъ. Въ какомъ угодно исполненіи, „Бѣдная невѣста“ является повѣстью, переложенною въ діалоги, съ чисто-повѣствовательными эпизодами. Въ ней характеры отдѣланы, чѣмъ въ какомъ-либо изъ произведеній Островскаго; но на эту отдѣлку пошло все дарованіе, которому-бы слѣдовало сосредоточиться на дѣйствіи и на сценическомъ развитіи характеровъ, т. е. на такомъ, въ которомъ особенности лица выступаютъ только въ дѣйствіи. Первый по счету герой Островскаго, употребляя это слово въ положительномъ смыслѣ, Любимъ Торцовъ, опять-таки эпическая личность. Назовите мнѣ писателя съ дарованіемъ, въ какомъ угодно театрѣ, который-бы заставилъ главное дѣйствующее лицо появляться передъ зрителями съ такимъ анти-драматическимъ разговоромъ о своей личности. Разговоръ этотъ производитъ впечатлѣніе своими общими литературными достоинствами; но въ немъ нѣтъ ничего похожего на сценической монологъ. Онъ дышетъ шириной бытового склада жизни; ему тѣсно въ сценическихъ рамкахъ и все предыдущее и послѣдующее пьесы служитъ какой-то бытовой иллюстраціей одному портрету, который самъ себя расписываетъ передъ зрителемъ. Дальнѣйшее участіе Торцова въ пьесѣ много-много что достигаетъ отрывочныхъ проявленій бытового лиризма.

V.

Драма „Не такъ живи, какъ хочется“ повидимому противорѣчитъ нашему мнѣнію. Она, повидимому, написана на чисто-драматическій сюжетъ. Въ послѣднее время, по поводу поста-

новки оперы Сѣрова „Вражья сила“, которой она послужила либретомъ, замѣчали съ разныхъ сторонъ, что въ ней композиторъ нашелъ богатый драматизмомъ сюжетъ. Тѣмъ парадоксальнѣе можетъ показаться наше мнѣніе: мы-же находимъ, что эта драма совершенно эпическая. Это цѣликомъ переложенная былина, куда вошли всѣ существенные элементы эпоса. Драма предполагаетъ гораздо большее развитіе нравственныхъ личностей даже и тогда, когда они находятся подъ непосредственнымъ давленіемъ вѣрованій и предрасудковъ, какъ мы это видимъ въ испанской драмѣ. Въ пьесѣ-же Островскаго герой дѣйствуетъ, какъ чисто-бытовой человѣкъ, находящійся въ кровной связи съ такимъ міросозерцаніемъ, которое дѣлаетъ каждое его душевное движеніе объективнымъ признакомъ цѣлаго эпического міра. Мы видимъ даже, что авторъ вводитъ духа тьмы, родъ Мефистофеля, который представляетъ собою ничто иное, какъ образъ народной мифологіи. Словомъ, за что ни возьмитесь, вездѣ вы видите эпическій складъ замысла и подробностей.

Немного большее развитіе далъ Островскій лирическому элементу въ своей „Грозѣ“. Она считается самой сценической изъ его пьесъ и вошла болѣе другихъ въ обиходъ русскаго театра. Врядъ-ли кто, глядя на нее съ желаніемъ опредѣлить ея чисто-сценическія достоинства, не будетъ пораженъ ходомъ пьесы, особливо въ первомъ актѣ, гдѣ завязываются всѣ ея узлы. Это—нѣчто поразительное по анти-драматическому строю. Въ этомъ отношеніи трудно привести въ образецъ болѣе первобытное зрѣлище. Точно будто авторъ нарочно плодитъ эпическіе разговоры для того, чтобъ показать полную бесполезность дѣйствія въ драматическомъ произведеніи. То-же, что считается драмой въ „Грозѣ“, т. е. четвертый актъ, есть ничто иное, какъ проявленіе того самаго эпического мистицизма, который ведетъ на край проруби героя драмы „Не такъ живи, какъ хочется“. А въ пятомъ дѣйствіи Катерина и о самоубійствѣ своемъ докладываетъ зрителямъ въ духѣ религиозно-эпического міровоззрѣнія, а вовсе не въ формахъ душевной коллизіи.

VI.

Таланты сценическаго писателя могли-бы объявиться у Островскаго въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ широкія рамки позволяютъ вводить на сцену все, что только можетъ усилить эффектъ и занимательность. Онъ написалъ двѣ большія вещи въ такомъ вкусѣ: „Минина“ и „Воеводу“. И та и другая показали, какъ онъ мало способенъ вызывать къ жизни давно минувшія эпохи въ видѣ стройнаго и привлекательнаго драматическаго дѣйствія. Полюбіишій неуспѣхъ „Воеводы“ на обѣихъ нашихъ столичныхъ сценахъ доказалъ, что Островскій не умѣетъ даже сдѣлать зрѣлища съ помощію тѣхъ аксессуаровъ, какіе онъ ввелъ въ эту бытовую исторію; а до постановки „Воеводы“, на русскую пьесу не было еще никогда потрачено столько денегъ. И все-таки эффектъ вышелъ самый плачевный. Тѣ изъ критиковъ, которые говорили о „Воеводѣ“, какъ о прекрасномъ произведеніи, исключительно напирали на его эпическія достоинства. Припомнимъ, напримѣръ, разборъ г. Анценкова. И со стороны г. Анценкова это не было однимъ лишь ловкимъ приемомъ, пущеннымъ въ ходъ для того, чтобы заставить забыть несценичность произведенія. Ни о чемъ другомъ критику и не оставалось говорить, какъ объ эпическихъ красотахъ „Воеводы“.

Шекспировская форма хроники, представляющая собою первобытную форму британскаго театра, соблазнила и Островскаго. И онъ, вмѣстѣ съ другими недраматическими писателями и поэтами, взявши ее за образецъ, показалъ этимъ самымъ, что въ немъ теоретическое пониманіе вовсе не выше практическаго умѣнья. Подражать шекспировской хроникѣ давнымъ-давно не слѣдуетъ, о чемъ мы имѣли поводъ говорить. Не слѣдуетъ ей подражать и тогда, когда есть подъ рукою сильно-драматическій матеріалъ, похожій, по яркости дѣйствія и густотѣ красокъ, на эпизоды англійской государственной борьбы. Когда-же подъ рукою имѣется, лишенный драматической рельефности, ходъ русскаго бытописанія, такое подражаніе дѣлается еще неудачнѣе. Но неспособность Островскаго къ драматическимъ замысламъ объявилась сильнѣе всего въ героѣ его первой хроники, въ лицѣ Минина. Врядъ-ли кто будетъ это оспаривать. И опять,

широкая рамка не помогла нисколько автору увеличить занимательность народной исторической драмы, сдѣлать изъ нея, по крайней мѣрѣ, эффектное зрѣлище.

Дальнѣйшіе опыты историческаго драматизма также мало удались Островскому; а „Василиса Мелентьева“ есть ничто иное, какъ смѣсь повѣствовательной характеристики съ канвой опернаго либрето, на почвѣ, чуждой натурѣ автора, мелодраматичности. Ни одно изъ этихъ произведеній не прибавило ни единой капли къ репутаціи Островскаго, какъ сценическаго писателя, хотя въ нихъ-то онъ и долженъ былъ развернуть всѣ свои театральныя дарованія, потому-что отъ такихъ вещей не требуютъ обыкновенно ни новыхъ идей, ни особой полноты обще-художественной характеристики.

VII.

Остаются еще три категоріи пьесъ Островскаго: вещи съ сильными задачами, въ сферѣ психологической борьбы, вещи съ направленіемъ и бытовне комико-сатирическіе анекдоты. Изъ уваженія къ оригинальному творчеству Островскаго, мы не станемъ говорить о переводахъ и передѣлкахъ его, не потому, чтобъ они были плохи, а потому, что они показываютъ печальную необходимость, въ какую поставленъ авторъ: чѣмъ-нибудь поддерживать свою производительность.

Самая сильная психическая задача является въ драмѣ: „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“. Дѣлать разборъ ея въ общемъ смыслѣ мы здѣсь не будемъ. Задача эта, безспорно, выбрана съ драматическою цѣлью, или лучше сказать, она предвосхищена изъ шекспировской кладовой характеровъ и положеній. Левъ Красновъ—сведенный на бытовое лицо, трагическій замыселъ иностраннаго происхожденія. Несостоятельность драматурга сказывается въ дисгармоніи, существующей между общей картиной быта, изображенною въ пьесѣ, и рѣзкостью катастрофы, завершающей ее. И все-таки надо замѣтить, что эта драма самая лучшая изъ того, что написалъ Островскій, по своимъ сценическимъ свойствамъ.

Какъ только Островскій почувствовалъ впервые трудность дер-

жаться исключительно пьесъ изъ купеческаго быта, для него настала необходимость проводить извѣстныя идеи въ произведеніяхъ, гдѣ характерныя стороны быта и языкъ начали играть второстепенную роль. Пьеса, гдѣ эта необходимость связывается всего рѣзче, — „Доходное мѣсто“.

Комедія эта раздѣляется, какъ извѣстно, на двѣ половины: на половину тенденціозно-драматическую и на половину эпическо-бытовую. Кто-же не согласится съ тѣмъ, что вторая половина и составляетъ только фондъ пьесы. Въ ней только и сказывается крупное творчество автора. Даже сцена Жадова съ женой, въ четвертомъ актѣ, задуманная драматически, разведена чувствительно резонерской водой, а катастрофа пятаго акта — грубый приемъ, недостойный настоящаго сценическаго писателя.

Пьесы анекдотическаго характера изъ бытовой жизни — гораздо болѣе удачныя по сценической своей отдѣлкѣ, — удовлетворяютъ идеѣ и требованіямъ театральнаго представленія. Онѣ задуманы на небольшой масштабъ и многія изъ нихъ названы просто сценами. Эпизодичность и эпическій строй сказываются и въ нихъ; но тутъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ нѣкоторое развитіе комическихъ положеній, что въ особенности относится къ трилогіи Бальзаминава. Островскому, по поводу этихъ пьесокъ, ставили часто въ упрекъ ихъ анекдотичность. Вышла она опять-таки изъ отсутствія въ авторѣ способности къ сценическимъ замысламъ. Даже въ такихъ небольшихъ вещахъ Островскаго, фабула составлена наивно, отзывается чисто водевильнымъ сочиненіемъ, достаточно не связываетъ между собою отдѣльныхъ частей пьесы. Видно, что и для подобныхъ сценическихъ этюдовъ у автора не достаетъ творческаго почина.

Отнимите вы даровитую характеристику лицъ и юморъ языка — останется растянутый анекдотъ, въ который вставлено нѣсколько комическихъ положеній. Исторія Бальзаминава — опять-таки эпическая фантазія и виѣсть съ тѣмъ опытъ особой психологіи, выработанной въ какомъ-то полусказочномъ быту. Комическое дарованіе Островскаго нигдѣ сильнѣе не проявляется, но вовсе не поднимаетъ въ трилогіи Бальзаминава достоинствъ театральнаго дѣйствія.

Самое большее умѣнье выказалъ, по нашему мнѣнію, Островскій, какъ сценическій писатель, въ своей „Воспитанницѣ“. Но онъ

не рѣшился назвать это произведеніе комедіей и хорошо сдѣлалъ. Это все-таки ничто иное, какъ драматизированные эпизоды. Дѣйствіе прорывается какими-то вспышками, а въ большіе промежутки помѣщены эпические діалоги и характеристики.

VIII.

Словомъ, если прослѣдить шагъ за шагомъ всю сценическую карьеру Островскаго, поставивши главнымъ вопросомъ: что этотъ писатель внесъ новаго въ постройку пьесы, какіе приемы, какое развитіе замысла,—то необходимо будетъ придти къ заключенію, что онъ не только не внесъ новаго сравнительно съ его сверстниками, иностранными драматургами; но и на своемъ-то собственномъ пути двигался чрезвычайно медленно и то и дѣло отступалъ назадъ, вдаваясь въ безпрестанныя повторенія. И когда настала для него печальный моментъ изготавлять пьесы во что-бы то ни было, когда онъ началъ брать сюжеты изъ всякихъ сферъ русской жизни, мѣшая тенденціозность съ художественной работой, еще сильнѣе сказался въ немъ коренной недостатокъ натуры, объявилась шутка, сыгранная съ нимъ музой, привязавшей къ его ногамъ театральнй котурнъ. Послѣднія пьесы одна за другою все болѣе и болѣе удивляли читателей и слушателей Островскаго. Исчезло обаяніе бытового языка, творчество характеровъ сдѣлалось гораздо жиже, а недостатки сценическіе выдвинулись на первый планъ и стали бросаться всѣмъ въ глаза. Одинъ неуспѣхъ слѣдовалъ за другимъ и нападки рецензентовъ устремились главнымъ образомъ на слабость драматическихъ замысловъ, то-есть другими словами, на малую способность писателя, исключительно дѣйствующаго на сценѣ, къ чисто-театральному творчеству. Такія произведенія, какъ напримѣръ „Бѣшенныя деньги“, показали прямо, что внѣ извѣстнаго быта Островскій теряетъ всякое обаяніе оригинальности и сценической силы и никакъ не можетъ подняться выше довольно нескладнаго смазыванья сценъ, задуманныхъ водевилно.

Наконецъ, переводческія и передѣлочныя упражненія Островскаго явились еще новымъ доказательствомъ того, что чисто-сценическая способность его израсходовалась прежде времени.

Кто рожденъ драматургомъ, тотъ весь свой вѣкъ будетъ ставить пьесы съ бойкими замыслами даже и тогда, когда творчество характеровъ и литературная отдѣлка потеряютъ прежнее достоинство. Такихъ драматургамъ нечего прибѣгать къ чужимъ сюжетамъ и заимствованіямъ. Если-же они къ нимъ и прибѣгнутъ, то сдѣлаютъ это творчески, такъ, какъ дѣлали Мольеръ и Шекспиръ.

IX.

Теперь читатель не будетъ удивляться, если сужденіе наше о послѣдней комедіи Островскаго „Лѣса“ окажется чуждымъ всякихъ оговорокъ и смягченій. Что-жъ тутъ смягчать и въ чемъ оговариваться, когда полный неуспѣхъ „Лѣса“ есть естественное продолженіе всѣхъ предъидущихъ неуспѣховъ. Объ этой комедіи мы поговоримъ сколько слѣдуетъ и въ обще-литературномъ смыслѣ, при чемъ, конечно, мы не станемъ вдаваться ни въ какіе взгляды на совокупность предъидущей дѣятельности Островскаго.

Чтобы быть вполне объективнымъ, всего лучше взять какой-нибудь фактъ обывденной публичной жизни, показывающей степень авторитета разбираемаго писателя. Въ этомъ случаѣ, всего лучше взять первый попавшійся органъ маленькой прессы, такой прессы, которая не можетъ позволять себѣ слишкомъ смѣлаго отношенія къ крупному писателю.

И вотъ мы читаемъ въ такомъ органѣ мелкой прессы, а именно въ „Петербургскомъ Листкѣ“, отчетъ о первомъ представленіи „Лѣса“. Что насъ больше поражаетъ—это совершенно-спокойный тонъ разбора, написаннаго какимъ-то „Театральнымъ Нигилистомъ“. Рецензентъ хотя и называетъ себя нигилистомъ, стало быть намекаетъ на то, что ему все ни по чемъ, но въ его отношеніи къ комедіи Островскаго не оказывается никакого нигилизма, а простое и обстоятельное обследованіе того, что авторъ далъ новаго въ главномъ лицѣ пьесы, которое одно и могло придать ей нѣкоторую свѣжесть.

Вотъ что говоритъ „Театральный Нигилистъ“, полемизируя съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ печати, будто Несчастливцевъ совмѣщаетъ въ себѣ и Любима Торцова, и Гамлета.

„Мы сказали, что въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, которое одно и интересно въ новомъ произведеніи г. Островскаго, критики отыскали Любима Торцова и Гамлета, и сказали, что такія лица въ одномъ лицѣ несовмѣстны и что или критики его не угадали, или авторъ не выяснилъ его. Все дѣло въ новости быта, который мало извѣстенъ Островскому и почти совершенно неизвѣстенъ его критикамъ. Г. Островскій вывелъ трагика Несчастливцева богъ вѣсть для чего, богъ вѣсть зачѣмъ. Типа онъ не создалъ, и его Несчастливцевъ просто пьяница; и назови онъ его капитаномъ, мѣщаниномъ, неслужащимъ дворяниномъ, онъ вездѣ останется пьяницею.“

Какъ видите, „Театральный Нигилистъ“ высказываетъ свое мнѣніе очень опредѣленно и также опредѣленно его защищаетъ:

„Актерской печати на немъ нѣтъ положительно, актерскаго міросозерцанія, — міросозерцанія совершенно особаго свойства, онъ не имѣетъ ни на волосъ. Вся его принадлежность къ этой расѣ ограничивается тѣмъ, что онъ самъ себя называетъ актеромъ, рассказываетъ кое-что объ актерахъ, даже упоминаетъ о Николаѣ Хрисанфовичѣ Рыбаковѣ; но здѣсь только и есть суть принадлежности его къ актерскому міру. Болѣе нѣтъ ничего. Что касается Счастливецва, то это уже какъ человѣкъ, принадлежащій къ актерскому провинціальному міру, есть положительно образъ безъ лица. Критики, назвавшіе его типомъ, пусть найдутъ намъ хотя-бы одну черту, говорящую о томъ, что личность эта принадлежитъ къ закулискому театральному міру, между тѣмъ эти-же критики толкуютъ объ этомъ мірѣ, — говорятъ, что это совершенно *особенный мірокъ*. Чѣмъ-же онъ особенный?.. Какія существенныя черты обособляютъ его отъ мѣщанскаго, крестьянскаго, купеческаго, дворянскаго и аристократическаго общества? Пусть укажутъ эти черты наши критики и пусть подведутъ подъ эту мѣрку Счастливецва и Несчастливцева, — они тогда ясно увидятъ, что личностямъ этимъ просто навязанъ ярлыкъ провинціальныхъ актеровъ; а безъ этого ярлыка никакъ и никто не скажетъ, что это провинціальныя актеры.“

„Начать съ того, что истинный актеръ, т. е. типическій, принявшійся и пустившій корни въ „театральныхъ болотахъ“, никогда не позволитъ себѣ отречься отъ своего званія. Несчастливцевъ-же съ Счастливецвнымъ отрекаются, и первый является

въ деревню къ теткѣ подѣ именемъ какого-то отставного полковника, а второй подѣ именемъ его слуги. Нѣтъ ничего артистическаго въ томъ, что Несчастливцевъ запугиваетъ Счастливецъ, несоглашающагося на званіе лакея, тѣмъ, что онъ заявитъ, яко-бы тотъ безпаспортный. Боже, какая глубокая ложь! Да во-первыхъ кому-же онъ заявитъ? Они встрѣтились въ лѣсу, на большой дорогѣ. Оба оборваны, нищи, наги. Испугавшійся Счастливецъ здѣсь немислимъ, немислимъ потому, что онъ хорошо знаетъ, что Несчастливцевъ никогда не рискнетъ на такое *преступленіе*; во-вторыхъ потому, что доносить въ лѣсу некому, а въ-третьихъ еще и потому, что Счастливецъ своей безпаспортности вовсе не боится. Такого травленнаго волка въ каждомъ городѣ, гдѣ есть театръ, тотчасъ-же вручать товарищи. Это уже особое условіе этого быта. По Россіи странствуютъ цѣлыя безпаспортныя труппы и не думаютъ о томъ, что онъ имъ когда-нибудь понадобится. Здѣсь паспортъ не играетъ, или, по крайней-мѣрѣ, не игралъ особенной роли.

„И такъ, наше мнѣніе заключается въ томъ, что главное дѣйствующее лицо лишено всякой жизненности. Это просто какой-то пьяный бродяга, читающій, однако, мораль и поученія.“

Х.

Затѣмъ „Театральный Нигилистъ“ доказываетъ (и совершенно напрасно), что Несчастливцевъ не похожъ ни на Торцова, ни на Гамлета и заканчиваетъ такъ:

„Что-же такое Несчастливцевъ?..“

„Болѣзненное явленіе, достойное изученія психіатра, а не драматурга. Г. Островскому, вѣроятно, кто-нибудь рассказывалъ, что актеры иногда въ жизнь вносятъ характеры, принадлежащіе не имъ, а тѣмъ лицамъ, которыхъ они изображали. Иной упрямится, какъ осель, только потому, что онъ игралъ упрянца—Лира; иной вообразить себя Провономъ Ляпуновымъ, и корчитъ героя; иной согнется и все глупо язвитъ, потому-что ему пришлось играть Людовика XI, который ходитъ согнувшись и все язвитъ, язвитъ и язвитъ.“

„Это явленіе болѣзненное и присуще тремъ-четыремъ лицамъ,

принадлежащихъ къ актерскому обширному кругу, это мономахи, и ими заниматься должны психіатры, а не драматурги.“

Не забывайте читатель, что все это говоритъ рецензентъ „Петербургскаго Листка“, занимающагося сообщеніемъ новостей и угощеніемъ своихъ читателей самой легкой литературной пищей. Авторъ можетъ пренебрежительно отнестись къ рецензіямъ такого листка; но для насъ цитированная нами статья „Театральнаго Нигилиста“ весьма знаменательна. Въ ней безъ всякаго зубоскальства, трезво, по просту указываютъ на то, что единственное лицо въ комедіи, возбудившее нѣкоторый интересъ—никуда не годится, что авторъ, взявшись изобразить провинціального трагика, не знаетъ даже хорошенько быта актеровъ и что такое лицо, какъ Несчастливцевъ, если-бъ даже его. созданіе и удалось лучше Островскому, вовсе не объектъ творчества драматурга. Такой приговоръ, какъ вы ни умничайте—придется вамъ подписать, ели вы не хотите изъ-за постороннихъ соображеній уклониться отъ признанія очевидности. Стало бытъ единственнаго предполагаемаго достоинства комедіи: новой бытовой характеристики—не существуетъ; а это показываетъ, что Островскій даже и тогда, когда желаетъ взять оригинальностью, не можетъ этого сдѣлать, потому что, кромѣ купеческаго быта, никакого другого и не изображалъ въ новыхъ, невиданныхъ до него типахъ.

Когда о большой комедіи крупнаго писателя начинаютъ такъ говорить въ мелкой прессѣ, это, какъ выражаются русскіе люди, „последнее дѣло“. Вы и рады были-бы дать отъ себя отзывъ, который уничтожилъ-бы заносчивую или невѣжественную болтовню мелкаго хроникера; но не можете этого сдѣлать. Заносчивой и невѣжественной болтовни не оказывается; а говорятъ о комедіи Островскаго по просту, безъ всякихъ оговорокъ, точно будто рѣчь идетъ о такой пьесѣ Дьяченко, о которой стоитъ сколько-нибудь серьезно разсуждать.

„Театральнй Нигилистъ“ и всякій другой рецензентъ, заявившійся преимущественно лицомъ Несчастливцева, поступаютъ съ авторомъ чрезвычайно великодушно. Если распространиться объ общемъ достоинствѣ пьесы, то придется сказать: какой-бы ни былъ Несчастливцевъ, онъ все-таки нѣсколько занимательнѣе остальнаго міра, введеннаго авторомъ. Въ сущности, Несчастливцевъ—одно густо намазанное пятно на фонѣ, долженствующемъ

представлять собою цѣлую среду. Выкиньте изъ пьесы Несчастливцева, останется картина помѣщицкаго быта, со множествомъ лицъ, діалоговъ и эпизодовъ. И вотъ въ этой-то картинѣ и объявится намъ, какъ авторъ сталъ слабъ на замыслы, какъ онъ повторяется въ созданіи лицъ и какъ неудачно у него все то, что мало-мальски выходитъ изъ прежнихъ шаблоновъ. Въ „Лѣсѣ“ противъ, напримѣръ, „Воспитанницы“, нѣтъ ни одинаго новаго слова, ни одинаго штриха, если взять эту комедію какъ картину быта. А какъ сюжетъ, какъ поучительный или интеллигентный замыселъ, объ этой комедіи смѣшно и толковать. Отрѣштесь отъ всякихъ предразсудковъ и сравните ее по содержанію хоть съ „Гувернеромъ“ Дьяченко. Вѣдь „Гувернеръ“ окажется до такой степени выше по замыслу и складнѣе по дѣйствію, что Островскаго придется тотчасъ-же устранить изъ этого сопоставленія, по крайней-мѣрѣ тому, кто привыкъ смотрѣть на него какъ на крупнаго писателя.

Рѣшительно недоумѣваю, какъ могли нѣкоторые рецензенты найти въ „Лѣсѣ“ элементы успѣха. Мало того, что и замыселъ этой комедіи безвкусенъ, лица украдены авторомъ въ прежнихъ его произведеніяхъ, и языкъ нѣкоторыхъ персонажей, напримѣръ, молодой дѣвушки, смѣшонъ по своей книжности и вычурности, — непосредственное впечатлѣніе отдѣльныхъ сценъ до такой степени невыгодно для автора, что мы затрудняемся даже подобрать подходящій эпитетъ. Врядъ-ли многіе изъ сколько-нибудь развитыхъ зрителей могутъ досидѣть до конца на представленіи „Лѣса“; но возьмите вы, напримѣръ, третій актъ, представляющій собою центръ тяжести всего зрѣлища. Съ какимъ довѣріемъ, съ какимъ уваженіемъ ни относитесь вы къ автору, вы все-таки испытаете кромѣ скуки и ощущеніе пошлости, которою проникнуть эпизодъ, гдѣ Несчастливцевъ театральствуетъ и выказываетъ потомъ свое благородство.

„Что это такое? спрашиваете вы себя: для какихъ зрителей это назначено, написано-ли это просто какъ балаганъ, или по нѣкоторому quasi глубокомысленному замыслу?“ Отвѣта вы врядъ-ли добьетесь у самихъ себя. Вы только страдаете въ теченіи цѣлаго получаса, страдаете за себя и за писателя. Ничего вы не найдете кромѣ авторскаго ослѣпленія, которое помѣшало

человѣку съ дарованіемъ увидать бесполезность, банальность, безвкусіе подобныхъ зрѣлищъ.

ХІ.

Все, что мы говорили объ Островскомъ, какъ о чисто-сценическомъ писателѣ, ни мало не опровергается „Лѣсомъ“, а напротивъ, подкрѣпляется имъ. Давно уже Островскій не позволялъ себѣ такого безцеремоннаго обращенія съ театральными подмостками. Вся комедія состоитъ изъ отдѣльныхъ діалоговъ. Авторъ выпускаетъ попарно дѣйствующія лица и по нѣскольку разъ въ одномъ актѣ оставляетъ сцену пустою. Такой скуки (и говоримъ это безъ всякой натяжки) мы не испытывали даже въ стѣнахъ Александринскаго театра. Есть различнаго сорта скука. Самый обыкновенный и болѣе пріятный видъ ея, когда пьеса усыпляетъ васъ постепенно своей монотонностью или незанимательностью, не вызывая въ васъ никакого раздраженія. Но скука, наводимая комедіей „Лѣсъ“ — самая несносная и раздражающая.

Мы не отрицаемъ того, что въ ней участвуетъ и игра актеровъ. Скажемъ, однакожь, разъ навсегда, что сваливать неуспѣхъ пьесъ Островскаго на одно исполненіе, какъ дѣлаютъ его восторженные поклонники — приемъ лживый. Въ Петербургѣ труппа плохая, это каждому извѣстно; но она играетъ и Островскаго, и Потѣхина, и Дьяченко, и всѣхъ остальныхъ драматурговъ. Многія вещи имѣли успѣхъ и можно прямо сказать, что комедіи Островскаго, удержавшіяся на репертуарѣ, обязаны этимъ своимъ достоинствамъ, а не исполненію. А въ послѣднее время и въ Москвѣ, съ лучшимъ исполненіемъ, Островскій сталъ все больше и больше падать.

О представленіи „Лѣса“ мы имѣли весьма характерный разговоръ съ однимъ изъ исполнителей, считающимся самымъ преданнымъ поклонникомъ Островскаго.

— „Такъ нельзя играть, повторялъ онъ. Для такой вещи ноту нужно взять, пѣніе нужно; а то ничего не выйдетъ.“

Такое актерское опредѣленіе какъ нельзя болѣе вѣрно; но въ немъ-то и заключается смертный приговоръ всѣмъ произведеніямъ Островскаго, какъ театральнымъ вещамъ. Переведа на про-

стой языкъ, это значить: діалогъ Островскаго надо произносить со всѣми тонкостями бытовой диѳіци и замаскировывать этимъ всѣ существенные недостатки пьесы. И тамъ, гдѣ этой ноты не знаютъ, гдѣ этому пѣнію не обучены, тамъ и пропадаетъ весь или почти весь интересъ. Судьба пьесъ Островскаго на московскомъ театрѣ служить тому лучшимъ доказательствомъ. До тѣхъ поръ, пока онъ разрабатывалъ замоскворѣцкій бытъ, все шло прекрасно, потому-что актеры умѣли „пѣть“ его діалоги, а какъ только онъ исчерпалъ весь свой бытовой запасъ и прекратилось пѣніе, исчезло и обаяніе его, какъ сценическаго писателя.

ХІІ.

Какъ-бы странно ни показались наши сужденія о первомъ русскомъ драматургѣ, ихъ не могутъ принять за мелкую полемическую выходку или за легкомысленное зубоскальство. Умалять значеніе Островскаго, какъ писателя вообще, мы ни коимъ образомъ не хотѣли и не вдавались въ разборъ всей его творческой дѣятельности. Намъ занималъ спеціальнй вопросъ его сценическихъ дарованій. Вопросомъ этимъ мы занимались, и то, что высказано нами на нѣсколькихъ страничкахъ, то мы въ другомъ мѣстѣ разовьемъ подробно, но не откажемся отъ своихъ словъ. Недовольство Островскимъ, какъ сценическимъ писателемъ, не разъ было уже заявляемо; намъ принадлежитъ только группировка его произведеній по характеру ихъ несценичности и безповоротная формула, по которой Островскій является эпикомъ, рапсодомъ, принявшимъ діалогическую форму своихъ писаній за самую суть драмы. Естественно, человекъ съ такимъ сильнымъ литературнымъ талантомъ не могъ не выработать въ себѣ умѣнья составлять пьесы, не могъ не достичь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ кой-какихъ театральныхъ эффектовъ; но его коренная писательская физиономія была, есть и будетъ — глубоко-эпическая. Его карьера послужить, въ исторіи нашей литературы, нагляднымъ приѣромъ того, какъ бѣдность сцены, отсутствіе опасной конкуренціи могутъ сдѣлать изъ писателя, лишеннаго сценической жилки—перваго поставщика театральныхъ пьесъ, въ

«Дѣло», № 11.

теченіе двадцати слишко́мъ лѣтъ. Если-бы Островскій попробовалъ написать романъ, повѣсть или народное сказаніе въ первые годы своего авторства, онъ конечно-бы не сдѣлалъ изъ театра исключительной арены своей дѣятельности. Не сдѣлался-бы онъ драматургомъ и тогда, если-бы первыя его пьесы не дали ему такого виднаго мѣста, за ихъ общія литературныя достоинства. Не нужно забывать, что Островскій составилъ себѣ имя первой своей комедіей, которая болѣе десяти лѣтъ не давалась. Сценическіе его успѣхи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ были московскіе, связанные съ совершенствомъ мѣстнаго исполненія. Толковать его на сценѣ являлись въ Петербургъ московскіе-же актеры, главнымъ образомъ Садовскій. Всѣ эти обстоятельства объясняютъ до извѣстной степени, почему Островскій—драматургъ, но вовсе не доказываютъ его природенныхъ сценическихъ дарованій.

Критика занималась имъ всегда, какъ писателемъ вообще. Добролюбову обязанъ Островскій популярностью въ интеллигентномъ мірѣ. Добролюбову повѣрила на слово вся молодежь, забывшая всѣ тѣ непослѣдовательности, недодуманности и обмолвки, которыми преисполнены сочиненія Островскаго, если на нихъ взглянуть съ философско-соціальной точки зрѣнія. Критика Добролюбова двинула Островскаго по изболительному пути, то есть попортила его въ художественномъ отношеніи, но за то избавила его на долгое время отъ щекотливаго разбирательства его сценическихъ достоинствъ. Добролюбовъ сказалъ, что къ нему не слѣдуетъ относиться съ обыкновенными театральными требованіями, что его пьесы изображаютъ „драму жизни“,—ну и другіе стали повторять то-же или почти то-же самое. Снисходительность Добролюбова объясняется очень просто: онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ театромъ, какъ спеціальнѣй критикъ. Его занимали общіе мыслительно-литературные вопросы. На все остальное онъ смотрѣлъ сверху въ низъ. Втеченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ театральные рецензенты были подъ вліяніемъ обще-литературной критики. О театрѣ у насъ пишетъ кто попало; замѣчалія бывають всегда отрывочныя, слѣшныя, и если вы просмотрите всю массу рецензій пьесъ Островскаго, вы не въ состояніи будете вывести что-нибудь строго опредѣленное о первомъ русскомъ драматургѣ по вопросу о томъ: въ какой степени онъ одаренъ сценичностью

и что онъ внесъ на русскіе подмостки своеобразнаго и новаго въ дѣлѣ театральнаго мастерства?

Но пора выйти изъ подобной крупной недомолвки. Какъ-бы ни великъ былъ авторитетъ извѣстнаго писателя, если этотъ авторитетъ держится на недоразумѣніи или недостаткомъ многостороннихъ обсужденій, слѣдуетъ подойти къ нему поближе и показать настоящую его природу, и затѣмъ уже не стѣсняться въ выводахъ.

XIII.

Вопросъ сценичности заключимъ мы въ этомъ этюдѣ указаніемъ на послѣднюю бенефисную пьесу. Это—комедія г-на Виктора Александрова „По духовному завѣщанію“.

Г-нъ Викторъ Александровъ уже около десяти лѣтъ сочиняетъ, переводитъ и передѣлываетъ всякаго рода театральныя представленія. Въ послѣднія пять, шесть лѣтъ онъ сдѣлался самымъ усерднымъ поставщикомъ нашихъ столичныхъ сценъ. Популяризація Оффенбаха есть также дѣло г-на Виктора Александрова. Переводы оперетокъ Оффенбаха дали ему самую большую извѣстность и вѣроятно самый большій денежный доходъ. Но кромѣ переводныхъ оффенбахіадъ, г-нъ Александровъ произвелъ на свѣтѣ не мало нѣсезъ, которыя онъ выдавалъ за оригинальныя. Даже наши рецензенты, неотличающіеся эрудиціей, декламировали ему почти всегда, изъ какой иностранной пьесы передѣлалъ онъ свое *оригинальное* произведеніе. Не осмарили только оригинальности его драмы „Противъ теченія“, но она была такъ плоха, такъ плебнулась, что объ этомъ дѣтищѣ г-на Александрова мы великодушно умолчимъ. Г-нъ Александровъ долженъ быть названъ лондонскимъ драматургомъ, потому что онъ слѣдуетъ системѣ тамошнихъ театральныхъ поставщиковъ. Въ Лондонѣ только тѣмъ и занимаются, что берутъ цѣликомъ или въ извлеченіи французскія пьесы, придѣлываютъ лицамъ англійскимъ преувѣща и ставятъ свои сценическія печальи, называя ихъ, это посмѣясь, „оригинальными драмами или комедіями“, а у него совѣсть пощекотливѣе,—примѣненіями „adaptation“. Г-нъ Александровъ и есть въ полномъ смыслѣ такой *приштытель*

въ лондонскомъ вкусѣ, но болѣе смѣлѣй, потому-что онъ называетъ свои adaptations оригинальными пьесами.

Говорить о г-нѣ Александровѣ, какъ о писателѣ, мы не считаемъ нужнымъ. Онъ много пишетъ, но у него нѣтъ никакой писательской фizioноміи. Его даже нельзя причислить ни къ какой группѣ журнальныхъ сотрудниковъ. Участіе или неучастіе г-на Александра въ какомъ нибудь изданіи было-бы фактомъ совершенно безвкуснымъ. Фizioномію онъ имѣетъ исключительно какъ поставщикъ театральныхъ пьесъ и только какъ о поставщикѣ мы о немъ и говоримъ здѣсь. Въ послѣднихъ его *адаптированныхъ* вещахъ стало сказываться сценическое умѣнье. Онъ началъ лучше распоряжаться своимъ матеріаломъ, составлять занимательныя и бойкія пьесы, гдѣ, конечно, не слѣдуетъ искать ни крупной идеи, ни творчества характеровъ. Точно такъ-же нужно относиться и къ его комедіи „По духовному завѣщанію“, которую тоже заподозрили въ незаконномъ происхожденіи. Г-нъ Александровъ силится выставить себя неповиннымъ ни въ какомъ заимствованіи, и, по моему мнѣнію, напрасно такъ поступаетъ. Сарду, конечно, будетъ повыше его талантами, а онъ безъ церемоніи беретъ сюжеты повѣстей и передѣлываетъ ихъ въ комедіи. Можетъ быть, впрочемъ, у г-на Александра потому не достаётъ смѣлости признаваться въ адаптиврованіи, что онъ беретъ не повѣсти, а цѣлыя пьесы.

Мы и не будемъ трогать его оригинальныхъ творческихъ способностей, довольно и того, что на безлюдьи онъ выдвигается впередъ, какъ составитель пьесъ. Последняя его комедія не только ведена связно и живо (кромѣ, однакожъ, первой половины перваго акта), но и задумана искусно. Дѣло совѣсти г-на Александра выдавать этотъ замыселъ за свой собственный. Охотно ему вѣримъ и продолжаемъ называть замыселъ весьма удачнымъ, разумѣется, въ чисто-театральномъ смыслѣ, потому-что мораль пьесы самая ничтожная. Авторъ заставляетъ отрицательныя личности своей комедіи впутываться въ дѣло, сулящее имъ большую наживу и доводитъ ихъ до той минуты, когда оказывается, что крупное имѣніе, которое они собирались опекалъ по своему, превращается въ одинъ минусъ. Онъ дѣлаетъ это такъ, что и зрители поддаются обману. Такой ходъ интриги рекомендуетъ автора, какъ составителя пьесъ. Въ немъ и заклю-

чается главное достоинство его послѣдней комедіи, а вовсе не въ роли, которую онъ заставляетъ играть пройдоху, надувающего корыстолюбивыхъ пошляковъ, собравшихся опекать свою племянницу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что пьесы г-на Александрова держатся на репертуарѣ. Это показываетъ только, въ какой степени театръ, какъ самостоятельный организмъ, нуждается въ собственной пригодной ему пищѣ. Писатели съ такимъ именемъ, какое пріобрѣлъ Островскій, могутъ извлечь изъ этого поучительный урокъ. Вовсе не паденіе вкуса публики объясняетъ успѣхъ адаптированныхъ комедій Александрова и неуспѣхъ несомнѣнно оригинальныхъ произведеній Островскаго. Театральную залу нельзя кормить эпическими рапсодіями, выдавая ихъ за зрѣлища. Надо писать театральныя пьесы, вкладывая въ нихъ и интеллигентное содержаніе, и художественное творчество. Тогда публика отведетъ господамъ Александровымъ надлежащее мѣсто. Тогда только и будетъ складываться настоящая репутація драматурга. Тогда не повторятся шутки музы въ родѣ той, какую мы видѣли въ судьбѣ нашего перваго драматическаго писателя. А пока, и Дьяченки и Александровы будутъ стяжать дешевые лавры, а мы продолжать нашу скорбную сценическую лѣтопись.

Петръ Воборыкинъ.

НЕВИННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Сближеніе петербургскихъ пессимистовъ съ провинціальными оптимистами. — Мечты о славномъ будущемъ. — Общественный раздоръ, возбуждаемый катковскими органами. — Семейное происхождение двухъ новыхъ романовъ «Русскаго Вѣстника» и новый приѣмъ, съ которымъ нужно читать ихъ. — Набѣги и «сарынь на кичку!» «Московскихъ Вѣдомостей». — Опыты преслѣдованія Шекспира за нигилизмъ, а А. Фета за пасквиль. — Наши Маниловы и ихъ гоньба за «свѣтлыми явленіями». — Примирительное слово современнаго оптимиста. — Статистика Японіи и выводы одного московскаго чудака. — Нѣчто о «незнакомцахъ» русской печати. — Мы открываемъ новую Америку!.. — Возведеніе въ культъ древнихъ обычаевъ московскими публицистами и адвокатами. — Отрывокъ изъ русской «Иліады». — Кто лучше: наши драматурги или артисты петербургскаго театра?

I.

„Что дѣлается въ Петербургѣ“? Мы помнимъ то не очень далекое прошлое, когда этотъ вопросъ сильно занималъ нашихъ провинціаловъ, ловившихъ съ нервическимъ любопытствомъ всякое извѣстіе съ невскаго берега и въ книжѣ вновъ полученнаго журнала прежде всего разрѣзывавшихъ „очерки петербургской жизни“ Новаго поэта. Громадныя сугробныя пространства, раздѣлявшія невскую столицу отъ дальнихъ губерній Россіи, и отсутствіе быстрыхъ сообщеній сильно помогали тому обаянію, съ которымъ обитатели разныхъ „медвѣжьихъ угловъ“ смотрѣли изъ своего прекраснаго далека на „сѣвернаго колосса“, поднимавшагося гдѣ-то въ туманѣ, подъ финскимъ небосклономъ.

Времена перемѣнились. При помощи желѣзныхъ рельсовъ между Петербургомъ и провинціями разстояніе значительно сократилось или, выражаясь языкомъ одного ученаго изданія, въ средѣ главныхъ русскихъ городовъ совершилось „неподвижное движеніе“.

Свистъ локомотива сталъ раздаваться въ такихъ захоlustьяхъ, куда прежде воронъ костей не заносилъ, и откуда, въ свою очередь, провинціальныя нетопыри, какъ устрицы, прилипшія къ раковинѣ, не рисковали удалиться дальше пригородной деревни или уѣздной ярмарки.

Петербургъ сталъ доступенъ и его таинственная прелесть исчезла. Провинціалы смекнули, что отъ какого-нибудь малороссійскаго хутора или уральскаго хребта до гостинницы Демута — рукой подать: стоитъ только сѣсть на пароходъ, или въ вагонъ и черезъ недѣлю они могутъ гулять по Невскому проспекту, получать прямо съ типографскаго станка академическую газету въ видѣ сырыхъ скатертей и услаждать свой слухъ вчерашними сплетнями шумной столицы. Толпы провинціальныхъ гостей ринулись къ намъ на побывку, не смотря на опасности скороспѣлыхъ дорогъ, и иллюзія пропала.

Даже тѣ провинціальныя лежебоки, которые не повидаютъ своихъ логовищъ для увеселительно-опасныхъ прогулокъ въ Петербургъ, даже они, при помощи различныхъ газетныхъ вѣщунговъ и репортеровъ, очень скоро узнаютъ обо всемъ, что творится у насъ подъ ревнивой эгидой неvsкаго тумана. Гдѣ-нибудь въ Ростовѣ или въ Красномъ Яру мирные граждане чрезвычайно быстро посвящаются во всѣ мелочи петербургской жизни, толкуютъ о насморкѣ Патти, о предсмертной вкоть кашпиревской „Зари“, о затрапезномъ ораторствѣ Теодора Ливанова въ Москвѣ, даже о новыхъ сапогахъ, въ которыхъ являлся г. Нильскій на сценѣ послѣдняго бенефиса.

Итакъ, если Петербургъ не приблизился къ Европѣ, за то онъ сталъ гораздо ближе къ своимъ родственнымъ провинціальнымъ городамъ, что должно радовать всѣхъ охотниковъ до всевозможныхъ сближеній и братавій. Во всякомъ случаѣ, новое „передвиженіе народовъ“ въ миниатюрѣ изъ провинцій на Неву и обратно— есть зрѣлище весьма утѣшительное, отъ котораго, если не теперь, то въ близкомъ будущемъ, мы должны ждать нѣкотораго обновленія. Крайности сходятся, и мы заранѣе предвкушаемъ сладость того плода, который долженъ возродиться отъ любовной связи петербургскаго пессимизма съ провинціальнымъ оптимизмомъ.

Повидимому, между этими двумя началами идетъ еще пока упорная борьба и будущіе друзья смотрятъ врагамъ, но это только *повидимому*, но это только временное и случайное недоразумѣніе. Хорошо-ли это, дурно-ли, но, проникаясь духомъ времени, мы должны прозрѣть, что близко то время, когда тощая фараонская корова проглотитъ жирную, русскіе оптимисты возьмутъ

верхъ надъ своими противниками и начнется во всей матушкѣ-Россіи веселіе и ликование. Приближается, говоримъ мы, это время, эта мѣщански-усладительная драма, которой прологъ уже разыгрывается передъ нашими глазами. Если это истина не веселая, то все-же за нею есть преимущество истины, а намъ... „тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже лжи, возвышающей обманъ“.

II.

Но не станемъ заглядывать въ будущее и посмотримъ на настоящее. Въ настоящее время намъ не трудно замѣтить, какъ по настроенію общества, такъ и по характеру текущей (вспять?) журналистики, что борьба двухъ началъ „отрицательнаго“ и „примирительнаго“ поддерживается какъ-то искусственно, идетъ вяло и обѣ стороны не прочь отъ мировой сдѣлки, лишь-бы сохранить при этомъ нѣкоторую „осанку благородства“. Ликующіе примирители, сильные если не качествомъ, то количествомъ, берутъ верхъ, потому-что оптимизмъ приходится больше по вкусу большинству русскаго общества. Если оно и заявляетъ иногда свой скептицизмъ, то самаго невиннаго, безвреднаго свойства въ видѣ безобиднаго зубоскальства и хихиканья гамена, строящаго изъ-за угла свои комическія гримасы. Нашъ общественный скептицизмъ напоминаетъ недозрѣлаго и балованнаго барчука, который, притворяясь взрослымъ, чуть не плача, приправляетъ свой обѣдъ кайенскимъ перцемъ, корчитъ изъ себя отпѣтаго атеиста и въ то-же время боится остаться въ темной комнатѣ, гдѣ ему чудятся привидѣнія или замогильная тѣнь его покойной бабушки.

Мирное настроеніе русскаго общества очень хорошо извѣстно представителямъ русской печати, но у нихъ есть свой расчетъ держать это общество въ нѣкоторомъ страхѣ, дразнить его разными пугалами и постоянно чѣмъ-нибудь возбуждать его нервное вниманіе и недоверіе. Такіе журналисты поняли очень хорошо, что прекрати они свое подускиванье и печатную травлю явныхъ и тайныхъ враговъ общественного спокойствія, то ихъ органамъ пришлось-бы очень плохо. У г. Каткова, напр., въ распоряженіи цѣлыхъ три изданія и не застрачивай, не возбуждай онъ своихъ читателей ежедневно, еженедѣльно и ежемѣсячно „Московскими Вѣдомостями“, „Современной Лѣтописью“ и „Русскимъ Вѣстникомъ“, то этого трехглаваго журнальнаго чудовища постигла-бы участь каковой-нибудь томной безподписностью „Дѣятельности“ или „Зари“. И вотъ три органа М. Н. Каткова, какъ тройственный ал-

коранъ высшей мудрости, стали постоянно являться передъ публикой, то въ видѣ растрепанной немезиды, то громовержца изъ сорной кучи.

Разумѣется, всякая ложь, преднамѣренно выдаваемая за несомнѣнную истину, должна возмущать насъ; но при всемъ этомъ мы должны отдать полную справедливость катковскому триумvirату въ томъ, что его фальшь всегда разыгрывается съ художественною стройностью и послѣдовательностью, что его разношерстный оркестръ, управляемый опытнымъ капельмейстеромъ, отличается самою артистическою цѣлостью и согласіемъ. Даже самые беллетристы, воспитанные по программѣ „Русскаго Вѣстника“, свое свободное творчество отдали въ полнѣйшее распоряженіе ловкаго московскаго пристанодержателя и въ запуски пишутъ, словно для конкурса, на заданныя темы многотомные романы и всякія повѣсти.

Кто-бы могъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ искать какой-нибудь родственной связи между произведеніями автора „Мертваго дома“ и издѣліями творца романа „Некуда!“? Трудно было не только заподозривать ихъ въ солидарности, но болѣе чѣмъ невѣроятно было-бы встрѣтить ихъ имена на страницахъ одного и того-же журнала. Но тѣ времена прошли: наступили дни вавилонскаго смѣшенія принциповъ, людей, понятій, цинической откровенности и открытаго ренегатства въ ту или другую сторону. Наѣзники, явившіеся нѣкогда подъ прикрытіемъ псевдонимовъ Никитъ Безрыловыхъ, Стебницкихъ, П. Нескажусь и Незнакомцевъ, перестали стѣсняться и сбросили свои псевдонимныя маски. Для чего стѣсняться? Передъ кѣмъ? Что за китайскія церемоніи?

И, дѣйствительно, всѣ перестали церемониться. Люди, привыкающіе ко всему на свѣтѣ, привыкли мало-по-малу и къ литературной кадрили „Русскаго Вѣстника“, — кадрили, состоящей изъ гг. Ключникова и Писемскаго, Достоевскаго и Лѣскова. Два послѣдніе романиста до такой степени *окатковились*, что въ новѣйшихъ своихъ романахъ „Бѣсы“ и „На ножахъ“ слились въ какой-то единый типъ, въ гомункула, родившагося въ знаменитой чернилицѣ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“... Каждый изъ этихъ романистовъ, сбросивъ шкуру своей индивидуальности, „озлобленный на новый вѣкъ и нравы“, и отъ обскурантной злобы зеленѣя на подобіе обертки „Русскаго Вѣстника“, обзавелся охотничьей трещоткой для запугиванья краснаго звѣря, т. е. публики, разными красными призраками. Такая облава въ беллетристической формѣ, такая художественная травля двухъ романистовъ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

III.

Несомнѣнно, что „Бѣсы“ и „На ножахъ“ прочитаны многими читателями, но также несомнѣнно, что большинству читателей неизвѣстенъ приемъ или ключъ къ этому назидательному чтенію. „Каждую книгу надо умѣть читать“, говоритъ Паскаль, и эта, чрезвычайно простая истина не всѣмъ легко дается, какъ важется по первому взгляду. Одного автора нужно читать черезъ строчку, другого между строкъ, третьяго, какъ, напримѣръ, г. Фетъ, удобнѣе читать снизу вверхъ и т. д. Приемы различны и разнообразны.

Съ особымъ ключомъ нужно подходить и къ новому роману г. Лѣскова-Достоевскаго-Стебническаго. Мы говоримъ къ роману, потому что въ сущности „Бѣсы“ и „На ножахъ“ есть одно цѣльное произведеніе, хоть и писанное разными авторами, но авторами сросшимися и слившимся нераздѣльно въ оркестръ г. Каткова. Рецептъ для поглощенія этого романа слѣдующій. Такъ-какъ „Бѣсы—на ножахъ“ есть ничто иное, какъ иллюстрація въ передовымъ статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, переданнымъ въ формѣ діалоговъ и приправленнымъ нервно-болѣзненнымъ анализомъ Ф. Достоевскаго и видоизмѣненною провозительностью автора „Некуда“, то ихъ нужно принимать въ себя, какъ лекарство, черезъ часъ по ложкѣ, попеременно то того, то другого, то третьяго. Итакъ, читатель, проглоти сперва столбецъ „Московскихъ Вѣдомостей“, закуси его главой изъ „Бѣсовъ“ и стрызи въ заключеніе нѣсколько страницъ „На ножахъ“. Совершая постепенно такую умственную трапезу, твой умъ просвѣтлѣетъ и двуклїй воспитанникъ журнальнаго катковскаго лицея г. Лѣсковъ-Достоевскій-Стебницкїй явится передъ твоими внутренними очами въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

„Бойся и оглядывайся!“ кричатъ читателямъ каждая страница романа „Бѣсы—на ножахъ“, и его герои, какъ воспроизведеніе живыхъ современныхъ типовъ, выступаютъ передъ робкими зрителями въ качествѣ ехидныхъ злодѣевъ, умопотрясателей и изверговъ „новой идеи“, порожденныхъ будто-бы сокрушительнымъ духомъ времени.

Герои „Бѣсовъ“ и „На ножахъ“, если вѣрить въ ихъ художественную правду, если вѣрить, что они живьемъ взяты изъ русской жизни, дѣйствительно, могутъ запугать воображеніе доверчивыхъ замосковскихъ подвисчиковъ „Русскаго Вѣстника“. Они,

пожалуй, готовы думать, что авторы съ натуры „свои портреты пишутъ“ и невольно содрагаются. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что за герои у г. Достоевскаго-Лѣскова! Одинъ возводитъ самоубійство въ принципъ, другой („новый человекъ“, замѣтите!) съ апломбомъ воруетъ деньги, третій отравляетъ богатаго наслѣдника, четвертый состоитъ въ одно и то-же время въ амбула радикальнаго писателя, ростовщика, поджигателя и шпіона... Что за ядовитость! Каждая глава романа есть новая мерзость, новый ужасъ, идущіе crescendo; къ счастью для читателей, эти ужасы отличаются такимъ пересоломъ, такимъ уродованіемъ дѣйствительности, что подъ конецъ становятся смѣшны по своей каррикатурности. Усердствуя въ исполненіи катковской программы, изображая какихъ-то невозможныхъ монстровъ, художники, по заказу шивакишіе свои романы, достигаютъ совсѣмъ не той цѣли, которой они добивались.

— Усердіе вещь хорошая, думаетъ читатель, но только въ извѣстныхъ границахъ. Не совсѣмъ-то практично,

За тѣмъ, чтобы смѣшить народъ,

Усердно жертвовать затылкомъ.

а, у такихъ дѣятелей, какъ г. Стебняцкій-Достоевскій, усердіе все превозмогаетъ, даже... здравый смыслъ.

IV.

Черезчуръ усердные исполнители катковской „системы запугиванья“ уронили ей кредитъ до того, что даже самые мнительные люди перестали ей вѣрить, сомнительно покачивая головой и думая: „Нѣтъ, тутъ что-то не ладно! Пересаливаете очень, други любезные“! Но авторъ этой „системы устрашенія“ еще не владетъ оружія. Назадъ отступать невозможно, корабли сожжены и волея-неволей приходится играть на той-же самой дудочкѣ. Дудочка поэтому и продолжаетъ дѣйствовать съ храбростью отчаянія, которому нѣтъ выхода. „Московскія Вѣдомости“, не такъ давно разгромившія петербургскихъ адвокатовъ, заподозривъ ихъ чуть-чуть не въ государственномъ преступленіи, снова принялся за своего постоянного врага — за реальное образованіе.

Загляните въ № 220 этого изданія, гдѣ опять раздаются стоны и скрежетъ зубовъ въ виду того самума растлѣвающего реального образованія, который будто-бы носится надъ нашими русскими степями. Читайте и вы узнаете, что имъ „портится и оду-

рется наша молодежь“, что „слабоуміе и нигилизмъ, это оригинальное порожденіе нашего образованія, продолжаютъ царствовать и усиливаться въ нашихъ интеллигентныхъ сферахъ, овлаждая дѣлами и мнѣніями страны“, что „беззащитная (?) Россія предана дѣйствию всякаго обмана и софизма“ и, наконецъ, вы узнаете, какъ вредны для насъ „училища въ томъ смыслѣ реальныя, чтобъ изъ нихъ выходили реальныя бездѣльники (сильно сказано!) для пополненія нашихъ университетовъ“. Затѣмъ, „Московскія Вѣдомости“, впадая въ тонъ апокалипсиса и для большого внушенія прибѣгая къ темнымъ иносказаніямъ, устрашаютъ насъ какимъ-то „плутомъ верхомъ на дуракѣ“, а „плутъ и дуракъ, по мнѣнію этой газеты, имѣютъ серьезное значеніе, какъ орудіе въ рукахъ умныхъ людей, издавѣка подготовляющихъ нужныя имъ событія..“

Московская Пифія сильно рассчитываетъ на полунеясность своихъ намековъ и темныхъ предостереженій. Пусть, дескать, каждый толкуетъ по своему, а наше дѣло только предупредить, что „беззащитной Россіи грозитъ — плутъ, сидящій верхомъ на дуракѣ“.

Какъ все это ни страшно, но успокоимся, однако, успокоимъ самого г. Каткова и отроемъ поголовную обязательную подписку на латинскіе лексиконы г. Леонтьева. Беззащитна-ли Россія, когда ее охраняютъ три органа Михаила Никифоровича, которые опаснѣй для враговъ отечества милліона штыковъ, „стальною щетиною сверкающихъ“? Страшна-ли Россіи „плутъ, сидящій верхомъ на дуракѣ“, когда г. Катковъ такъ крѣпко сидитъ на своемъ конькѣ, такъ неуклонно оберегаетъ насъ отъ „бездѣльниковъ реализма“ и отъ всякой заморской скверны? Успокоимся и станемъ мирно наслаждаться жизнью подъ своею смоковницей.

V.

Но М. Н. Катковъ не дремлетъ и не даетъ намъ времени передохнуть и успокоиться. Еще изъ нашего запуганнаго воображенія не успѣлъ улетучиться образъ „плута, сидящаго на дуракѣ“, какъ „Современная Лѣтопись“, другой органъ г. Каткова, бомбардируетъ насъ другимъ предостереженіемъ, указывая на петербургскую сцену, гдѣ была недавно поставлена новая пьеса г. Штеллера „Приданое современной дѣвушки“.

Если, по извѣстному выраженію, „за каждое слово можно отдать подъ судъ“, то и во всякой невинной пьесѣ, даже въ водевилѣ П. С. Федорова (вѣдь, кажется, что человѣкъ благонадеж-

ный!) можно отыскать какую-нибудь злокачественность. Въ Москвѣ, въ началѣ нынѣшняго сезона, освистали-же одну изъ драмъ Шекспира за ея *несовременность* (?!). Можно идти и дальше: можно заочно подвергнуть Шекспира судебному преслѣдованію и привлечь тѣмъ англійскаго драматурга на скамью подсудимыхъ. Разверните для пробы хоть его „Гамлета“ и вы увидите, что, съ точки зрѣнія московскихъ бранд-мейстеровъ русской печати, это есть произведеніе вредное и безнравственное. Если хватить смѣлости (а развѣ ея у насъ мало?), то эту мысль можно развивать и доказывать очень серьезно. Мы даже удивляемся, какъ этого до сихъ поръ не случилось, какъ до сихъ поръ никто не заподозрилъ Шекспира въ самомъ лютомъ нигилизмѣ при созданіи хоть того-же самаго „Гамлета“. Хотите, мы сами станемъ вамъ доказывать, что Гамлетъ тотъ-же Базаровъ въ плащѣ датскаго принца, тотъ-же Раскольниковъ въ бархатномъ беретѣ. Гамлетъ, какъ принцъ, оскорбляетъ слухъ своими демагогическими выходками, фамильярностью съ придворными и странствующими комедіантами; какъ сынъ, возмущаетъ своими грубостями, расточаемыми передъ королевой-матерью; какъ молодой человѣкъ, поражаетъ въ отношеніи Офеліи своимъ нигилизмомъ и двусмысленными намеками (вспомните сцену въ придворномъ театрѣ). Гамлетъ оскорбляетъ власть въ лицѣ своего короля-дяди, котораго онъ въ глаза называетъ „мамашей“, а за глаза клеймитъ позорными именами шута и убійцы. Мы можемъ привести цѣлыя столбцы выписокъ изъ монологовъ и рѣчей датскаго принца, въ которыхъ „базаровщины“ больше, чѣмъ у самого Базарова, и отдадимъ Шекспира на жертву г. Каткову, который самъ перевелъ нѣкогда „Ромео и Юлію“, а потому, вѣроятно, только по забывчивости и оплошности не привлекъ автора этой трагедіи за нигилизмъ къ „суду русскаго общественнаго мнѣнія...“

Впрочемъ, привлечь къ отвѣтственности Шекспира не совсѣмъ-таки удобно, хоть ужъ потому, что онъ не состоитъ на русской службѣ, и если-бы даже нашъ московскій Юмъ и ухитрился вызвать изъ Валгаллы его призракъ, то еще, пожалуй, англійскій посланникъ въ обиду вломится, а тамъ... однимъ словомъ, дѣло неподходящее. Гораздо легче справиться съ своимъ, россійскимъ драматургомъ, и, будь онъ хоть невиннѣе агнца, навязать ему такія мысли, которыя и во снѣ ему даже не снились. Такимъ-то драматическимъ агнцемъ и явился для г. Каткова авторъ комедіи „Приданое современной дѣвушкѣ“.

Прежде всего нужно замѣтить, что г. Штеллеръ драматургъ начинающій и, какъ многіе думаютъ, „подающій надежды“. Что бу-

дѣтъ дальше, намъ неизвѣстно, но его новая (по счету вторая) пьеса имѣетъ достоинство „скучно-благонамѣреннаго“ произведенія, написаннаго по готовому рецепту. Какъ по замыслу, такъ и по исполненію, она столь невинно-дидактична, отличается такимъ кадетскимъ міросозерцаніемъ, что къ ней можно относиться съ тѣмъ снисхожденіемъ, съ какимъ приступаютъ къ „сочиненію на заданную тему“, написанному юнкеромъ къ выпускному экзамену. Вся суть комедіи въ томъ, что русской дѣвушкѣ стоитъ только открыть модный магазинъ и тогда для нея вполне обезпечены свобода, покой, счастье и честность, что открытіе такого магазина спасетъ ее отъ всѣхъ случайностей и темныхъ сторонъ дѣйствительности. Словомъ, та-же простая исторія, какъ въ крыловской баснѣ: какъ мыртышка, почти потерявъ зрѣніе, была увѣрена,

Что это зло еще не такъ большой руинъ:
Лишь стоитъ завести очка,

такъ, оказывается, что и судьба русской женщины зависить отъ открытія моднаго магазина.

Что можетъ быть благодущіе и безвредіе такой фавулы комедіи съ аркадскими нравами? Но не такъ думаетъ „Современны Лѣтопись“, эта сводная сестра „Московскихъ Вѣдомостей“, которая изъ „замысловъ какихъ-то непонятныхъ“ (для многихъ, впрочемъ, они понятны) съ остервенѣніемъ набросилась на комедію г. Штеллера и не только пожаловалась на него обществу, но даже ближайшему начальству г. Штеллера поставила на видъ „вредное направленіе“ молодого драматурга, который пишетъ комедію съ тенденціей и... носить мундиръ!!!

Если-бы подобныя жалобы, причитанія и обвиненія были искренны и наивны, какъ всякая манія, то разбирать ихъ причину нужно-бы опытнымъ психіатрамъ, но выходы и подразниванія катковскихъ органовъ слишкомъ предвзяты и намѣренно-вымучены, чтобы ихъ заподозрить въ наивности. Тутъ „нѣчто“ другое. До чего дойдетъ это „нѣчто“, мы угадывать не рѣшаемся, но думаемъ вотъ что: когда ужъ безхитростная, благодущная пьеса г. Штеллера смущаетъ сонъ и явь издателя трехъ московскихъ журналовъ, то ему не трудно будетъ придти къ обвиненію А. Фета въ томъ, что послѣдній въ своей знаменитой бѣлгородской мелодіи: „Шопоть, робкое дыханіе“ иносказательно осмѣялъ, хоть и заднимъ числомъ, катковскій классическій лицей и одного изъ учредителей его, т. е. самого М. Н. Каткова. Доказывая всевозможныя нелѣпости, и дѣлая невозможныя натяжки, не трудно и въ послѣднемъ случаѣ обвинить въ пасквили нашего безпредмет-

по-щебетавшаго лприка. Попробуемъ, ради курьеза, впасть въ тонъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и разберемъ извѣстное всѣмъ стихотвореніе, подражая манерѣ катковскихъ слѣдователей:

Шопоть, робкое дыханье,
Трели соловья...

т. е. педагогическія трели Михайла Никифоровича передъ перепуганными, затанувшими дыханіе лицеистами.

Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Т. е. высокая денежная плата за ученье въ лицеѣ и волненіе соннаго ручья (метафора) или дремлющей Россіи, отдающей своихъ сыновъ подъ ферулу г. Каткова.

Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,

или мракъ нигилизма, разливающейся по стогнамъ и градамъ нашего обширнаго отечества и т. д.

И заря, заря...

т. е. „Заря“ г. Кашпирева, разумѣется, которая погребается вмѣстѣ съ своимъ фискальствомъ. Въ цѣломъ-же изъ всего этого выходитъ — пасквиль. Выводъ неотразимый, неправда ли?

Какъ ни бессмысленно подобное обвиненіе, но всѣмъ поклонникамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, оно должно показаться убѣдительнымъ по своей аргументаціи, иначе гдѣ-же ихъ послѣдовательность?

VI.

Но мрачный московскій публицистъ очень скоро можетъ нагнать на насъ уныніе. Мрачные люди, кто-бы они ни были, тѣ-ли, которые мутятъ водой, или тѣ, которые ловятъ въ ней рыбу — производятъ одинаковое тяжелое впечатлѣніе. Оставимъ-же въ покоѣ этихъ безпокойныхъ дѣятелей, а это намъ сдѣлать болѣе чѣмъ удобно въ эпоху повальнаго оптимизма, стремищагося во всемъ и вездѣ отыскивать „свѣтлыя явленія“ и отградныя стороны жизни. Будущій историкъ рѣшитъ, на сколько правы оптимисты нашего времени; мы-же, ихъ современники, отдаемъ имъ полное преимущество въ сравненіи съ разными мрачными гробкопатателями и зловѣщими филпами, какъ въ печати, такъ и въ самой дѣйствительности.

Современные наши русскіе оптимисты дѣйствуютъ на нашу душу, какъ умиротворители, успокаиваютъ, забавляютъ насъ, и ихъ розовые очки все-же лучше багровыхъ стеколъ, сквозь которыя смотрятъ на міръ Божій граждане катковскаго пошиба. Чаше и чаще встрѣчаясь съ распространившимся типомъ нашихъ „примирителей“, вы невольно начинаете поддаваться ихъ благодушію, ихъ идиллически-свѣтлому взгляду на всѣ мимообѣгушія явленія и „бѣсъ отрпцанія, бѣсъ сомнѣнія“ не такъ уже часто тревожитъ вашу безпокойную, пытливую мысль и нервы. Подчасъ, можетъ быть, крайне-смѣшными кажутся вамъ эти вѣчно ликующіе „примирители“, эти Маниловы науки, искусствъ и общественной дѣятельности, но съ ними все-же легче живется, чѣмъ съ Собакевичами „Московскихъ Вѣдомостей“ и петербургскихъ канцелярій. Маниловы позднѣйшихъ дней, по своему благодушію, такъ ужъ воспитали свои мозги, что даже въ самыхъ темныхъ сторонахъ жизни ухитряются, послѣ долгаго скобленія, откапывать свѣтлые штрихи, отрадные факты, приводящіе къ успокоительнымъ и умиляющимъ выводамъ. Просто даже завидно смотрѣть на этихъ людей, которые отъ всего приходятъ въ восторгъ, вѣчно счастливы за себя и за другихъ —

Всегда довольные собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

Откуда-же взялось у людей такое довольство всѣмъ окружающимъ, такая способность окрашивать даже мрачное въ свѣтлыя, яркія краски? Одинъ изъ героевъ новаго романа г. Достоевскаго очень смѣло, хоть и весьма курьезно, рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. „Человѣкъ несчастливъ, говоритъ онъ, — потому-что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту. Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Если-бъ они знали, что имъ хорошо, то имъ было-бы хорошо, но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ нехорошо. Вотъ вся мысль, вся, больше никакой...“ („Бѣсы“, стр. 101).

Наши оптимисты-Маниловы придерживаются, кажется, этой самой мысли: «всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо». Они разъ задались рѣшеніемъ, что въ свѣтѣ «все обстоитъ благополучно», а всякая ложь, усвоенная людьми, какъ правда, такъ и останется для нихъ, до поры, до времени, непровержимой истиной.

Тотъ-же герой въ «Бѣсахъ» г. Достоевскаго восклицаетъ: «Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ ему за

то, что онъ ползаетъ». Не то-же-ли самое дѣлаютъ наши „примирители“? Они всѣмъ довольны, что-бы вдругъ ихъ ни дѣлалось, а съ такимъ неизсякаемымъ источникомъ благодарности очень легко и приятно живетъ на свѣтѣ. Для опыта, попробуйте, хоть искусственно, задаться той мыслью, что „всѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо“ и прикладывайте эту мысль къ явленіямъ текущей дѣйствительности. Попривыкнувъ къ подобнымъ умственнымъ экспериментамъ, пожалуй, очень скоро придешь къ тому, что станешь съ чувствомъ глубочайшей признательности благодарить паука за то, что онъ ползаетъ передъ нами на стѣнѣ.

Русскій человѣкъ, способный доводить до крайности, какъ свой мрачный, хищный взглядъ на жизнь, такъ и благодушное „примиреніе“, въ послѣднемъ случаѣ умѣетъ приходиться къ самымъ изумительнымъ парадоксамъ.

Мы знаемъ одного такого типичнаго оптимиста, который вѣчно чѣмъ-нибудь восхищается, вѣчно празднуетъ какое-нибудь „свѣтлое явленіе“ и у него въ году не менѣе трехсотъ шестидесяти пяти праздниковъ. Всякій слухъ, каждая новость и газетное извѣстіе даютъ ему обильную пищу для праздничныхъ разглагольствованій. Онъ попяль, что „все хорошо“, а потому и нѣтъ конца торжеству его.

Этого маленькаго человѣчка, съ маленькимъ брюшкомъ, съ маленькими, веселыми глазками, съ пошловатымъ выраженіемъ маленькаго личика мы рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей, потому-что онъ въ лицѣ своемъ до нѣкоторой степени совмѣстилъ всѣ наши „инстинкты примиренія“ и тотъ духъ всепоглощающаго оптимизма, который эпидемически разливается въ воздухъ нашей эпохи.

Миссія Манилова начала семидесятыхъ годовъ не легкая, хоть онъ и принялъ ее добровольно. Онъ создалъ для себя службу, должность „розыскателя свѣтлыхъ явленій“ и трудится въ потѣ лица своего, никѣмъ непрошенный, никому собственно ненужный и часто всѣмъ недоѣдающій. Ничего въ сущности не дѣлая, онъ дѣятеленъ до истощенія силъ. Онъ за всѣмъ слѣдитъ, все знаетъ и все читаетъ; онъ, какъ водолазъ моря житейскаго, спускается въ самую глубину его для отысканія жемчужинъ россійскаго прогресса и носитъ потомъ съ ними, какъ съ милыми дѣтищами. Онъ свято вѣритъ въ Ормузда, т. е. въ доброе начало и вѣчный припѣвъ: все къ лучшему!

Если-бы кто вздумалъ, зная его слабую сторону, ради потѣхи, скептически отнестись къ жемчужинамъ современнаго прогресса,

то прекраснѣдушный оптимистъ забросаетъ его восторженными дифирамбами въ честь „свѣтлыхъ явленій“, дѣлая самыя комическія сближенія, сближая самыя несближаемые факты.

— Чего вамъ еще нужно? кричитъ маленькій „примиритель“, безпрестанно махая руками, какъ крыльями вѣтряной мельницы. Мы быстро прогрессируемъ во всемъ; мы становимся самобытны въ наукѣ, въ искусствѣ, въ нашихъ предпріятіяхъ; даже въ нашихъ уголовныхъ преступленіяхъ: иной преступникъ просто гений, только зловредный гений, направленный въ дурную сторону. Мы имѣемъ Каткова и фуфайки изъ сосновой шерсти, земскую самодѣятельность и химика Шишко, образчики асфальтовой мостовой и драматическую труппу. Мы строимъ быстро, какъ американцы, свои желѣзныя дороги и по американски ломаемъ на нихъ свои черепа и ребра. Мы всѣ—Европа въ лицахъ: наши нравы—французскіе, булочники—нѣмецкіе, пѣвцы—итальянскіе, роскошь, табакъ и цивилизація—турецкіе, фарфоръ и стойкость въ убѣжденіяхъ—китайскіе. Развѣ мало вамъ этого? Вы жалуетесь на дороговизну дровъ и квартиръ, не замѣчая, что въ этой дороговизнѣ есть признакъ благосостоянія: дикари, живущіе въ землянкахъ и юртахъ, имѣютъ самыя дешевыя пріюты, а имъ вы не позавидуете. Притомъ же, дороговизна во всей Европѣ, а ужъ про Америку я не говорю: тамъ и „время — деньги“. Читайте, вотъ что пишутъ о квартирахъ изъ Берлина (онъ вытаскиваетъ изъ кармановъ цѣлую кипу всякихъ газетъ), читайте далѣе, что дѣлается въ Магдебургѣ. „Въ Магдебургѣ, извѣщаютъ изъ Саксоніи — собралась 11-го октября народная сходка изъ трехъ тысячъ человѣкъ по поводу нынѣшней дороговизны на квартиры. На сходкѣ этой рѣшено просить магистратъ принять мѣры къ устраненію такого неудобства“. Видите, вездѣ одно и то-же...“ И все это говоритъ онъ съ развязностію новѣйшаго Хлестакова, ни надъ чѣмъ не задумываясь, ничѣмъ не смущаясь. Обладая способностію Чичикова пристроиться къ каждому вопросу съ чужого голоса, онъ обладаетъ несомнѣнными сокровищами образованія капитана Копейкина. Но по Сенькѣ — шапка! И либеральный Подхалюзинъ идетъ за дѣйствительнаго либерала.

VI.

Не веселѣе-ли намъ всѣмъ будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ, если мы станемъ смотрѣть на него сквозь успокоительную призму маленькаго человѣчка, о которомъ сейчасъ говорили? Какъ кого, а

насъ подчасъ тоже разбираетъ смертная охота проникнуться его умлениемъ и телачимъ восторгомъ. Не лучше-ли, подчасъ —

Въ лѣсъ заходить — такъ волковъ не боятся,
Въ стадѣ овечьемъ овцою казаться?..

Есть-же люди, которые по нѣкоторымъ статистическимъ даннымъ смѣло превозносятъ богатство и культуру такой страны, какъ Японія. Данныя эти, впрочемъ, настолько любопытны, что на нихъ указать не мѣшаетъ. Дѣло въ томъ, что изъ статистики Японіи видно, что по послѣдней народной переписи въ Японіи 34,785,321 жителей, изъ которыхъ 1,872,959 посвятили себя *литературнымъ занятіямъ* и военной службѣ. Цифра изумительная по своей неожиданности. Даже предположивъ (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ), что въ Японіи миллионъ, даже полтора миллиона посвящаютъ себя военной службѣ, все-таки у японцевъ остается еще *триста семидесятъ тысячъ литераторовъ*.

Хотя не только для всей Россіи, но даже для одного Петербурга мы не имѣемъ подобной точной статистики, но все-таки должны сознаться, что въ послѣднемъ случаѣ мы далеко отстали отъ японцевъ. Отъ временъ Смирдина до временъ Кожанчикова мы не успѣли собрать и „ста русскихъ литераторовъ“, а одинъ извѣстный московскій чудакъ даже совершенно отрицаетъ существованіе петербургскихъ писателей. По мнѣнію этого чудака, въ Петербургѣ всего только 47 тысячъ жителей, 60 тысячъ актеровъ, триста тысячъ присяжныхъ кокотокъ и 300-же тысячъ адвокатовъ. Литератора, значить, нѣтъ ни одного. Это, разумѣется, напраслина и никто серьезно не вѣритъ чудаку изъ Москвы, этой литературной Мекки, куда сотрудники угасающей „Зари“, есть слухи, ходятъ на поклоненіе катковской типографіи.

По своей численности жрецы петербургской литературы, разумѣется, не могутъ конкурировать съ трехсотъ-тысячной арміей японскихъ „сочинителей“, но съ московскими они еще потягуются. Теперешній петербургскій „сочинитель“ имѣетъ то неоспоримое достоинство, что онъ мастеръ на всѣ руки. Онъ въ одно и то-же время поспѣваетъ писать корреспонденціи изъ Вѣны, Ричмонда, Сиднея и Абукира (и все это сидя гдѣ-нибудь въ Дегтярной улицѣ), читать публичныя лекціи „о хорошихъ манерахъ“, выпускать романъ за романомъ и, наконецъ, ставить на сцену либеральный водевиль, реакціонную драму и ретроградную комедію. Одинъ нашъ петербургскій Незнакомецъ (честь ему и слава!) заткнетъ за поясъ нѣсколько дюжинъ московско-японскихъ дѣятелей. Этотъ реставрированный Магницкій и Менцель вкупѣ, этотъ Рошфоръ на

выворотъ, поразить всякаго японца своею многосторонностью. Въ сплетняхъ онъ посоперничаетъ съ цѣлою Москвою, въ обскурантизмѣ осилить Внѣ. Аскоченскаго; какъ статистикъ, побѣдить Корба, какъ статистъ и фельетонный клоунъ, пересіяетъ всѣхъ дѣятелей театра-буффъ, хотя самия буффонады преслѣдуетъ во имя нравственности (бѣдная нравственность!) съ лютымъ ожесточеніемъ. Незнакомецъ, наконецъ, бросая перчатку г. Гоппе, принимается за изданіе календаря, на рекламѣ о которомъ выставляетъ свое имя, вѣроятно, предполагая, что это имя возбуждаетъ къ себѣ особенное довѣріе. Послѣ календарей его ожидается еще болѣе полезная дѣятельность—сочинителя сонниковъ, оракуловъ, и т. п.

И развѣ мало у насъ этихъ „незнакомцевъ“? „Незнакомецъ“— имя собирательное, цѣлой стаѣ нашихъ маленькихъ Коцебу принадлежащее, но стаѣ „лавровъ нѣмца Коцебу“ не стоющей. Наши „незнакомцы“, „соображаясь съ обстоятельствами“ и съ общественнымъ настроеніемъ, готовы принимать на себя отѣнки всѣхъ партій и отъ поклоненія фригійскому колпаку, не стѣсняясь, переходятъ къ обожанію прусскаго тесака. Вчера, занимаясь травлей нигилистовъ, они завтра, если переимѣнится вѣтеръ, готовы упрекать первыхъ въ отсталости и умѣренности, и все это изъ-за спекулятивныхъ соображеній лавочниковъ, имѣющихъ единую цѣль—повыгоднѣе сбыть свой гнилой товаръ, залежавшійся въ лавкѣ. Понятно, что всѣ эти „людишки—пишущая тварь“ о славѣ не помышляютъ: лишь-бы только ихъ не очень разславили. Про нихъ не даромъ-же кто-то сказалъ:

Что слава? Яркая заплата

Одеждъ, изорванныхъ въ клочки:

Ихъ соблазняетъ только плата

И *пяточки*, и *пяточки*...

Поэтому для нашихъ „незнакомцевъ“ — „гдѣ пяточки, тамъ и родина“, а такъ-какъ пяточковъ намъ не занимать-стать, то и плодятся, какъ мухи, эти машинные строчмейстеры, при чемъ, почти нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени мы и Японію, вѣроятно, перещеголяемъ. Не даромъ-же, въ самомъ дѣлѣ—ужь видно судьбамъ такъ угодно!—мы начинаемъ сближаться съ этою страной; и можемъ теперь быстро переключаться съ нашими „японскими братьями“. Только надняхъ появилось извѣстіе, что въ Петербургъ пришла изъ Нангасаки первая телеграмма по кабелю, уложенному черезъ Японское море и далѣе отъ Владивостока по телеграфнымъ ливіямъ, пробѣжавъ разстояніе болѣе 11,000 верстъ въ десять часовъ. Мы-ли не преуспѣваемъ?

VIII.

Да, мы преуспѣваемъ и заводимъ связи не съ одними только „японскими братьями“. У насъ есть публицисты, которые печатно называютъ себя „*confrère*-рами“ знаменитаго Гамбетты, у насъ есть г. Михно, который, какъ было заявлено въ газетахъ, переписывается съ Викторомъ Гюго: мы, русскіе, къ стыду нашему, мало или даже совсѣмъ не знаемъ о литературныхъ заслугахъ г. Михно, а вотъ авторъ „*Châtiments*“ знаетъ его и по невѣденію русскаго языка считаетъ его за извѣстнаго нашего писателя. Наконецъ, Бисмаркъ, *самъ* Бисмаркъ входитъ въ письменное соглашеніе съ редакціей нашего дѣтскаго журнала „Нива“ и на просьбу этой редакціи о высылкѣ его портрета и автографа на *русскомъ языкѣ* (!), отвѣчаетъ самымъ любезнымъ письмомъ и благодаритъ „за ласковое слово“ (именно такъ и сказано въ письмѣ его). „Искренно и горячо сочувствую, пишетъ германскій канцлеръ, задатъ вашего далеко распространеннаго (??) журнала и высылаю вамъ свой портретъ и автографъ на *русскомъ языкѣ*“...

И такъ, мы-ли не преуспѣваемъ? Если мы не открыли Америки, то только потому, что она уже открыта (развѣ насъ можно винить за это?) и намъ осталось только побрататься съ нашими „заатлантическими друзьями“. Мы не открыли Америки, но можемъ удивить міръ еще другимъ не менѣ славнымъ открытіемъ. Нѣмцы уже завидуютъ нашему будущему торжеству, но все таки не скрываютъ его и въ аугсбургской газетѣ „*Allgemeine-Zeitung*“ толкуютъ, что въ настоящее время въ Малой Азіи идутъ очень дѣятельныя раскопки въ мѣстности знаменитой Трои и что эти раскопки производятся частнымъ человѣкомъ и именно (ликуйте, братія) *однимъ петербургскимъ купцомъ*... Троя, воспѣтая Гомеромъ и отыскиваемая русскимъ купцомъ первой гильдіи, который столь производительно тратитъ свои милліоны, добытые долгимъ трудомъ и испытаніями! Что за грандіозная тема для патріотическихъ поэтовъ въ родѣ Татаринова, Аполлона Майкова и Ефима Дроздова!.. Фамилія этого разыскателя Трои нѣмецкая—Шлиманъ, но онъ—успокойтесь!—оказывается, по словамъ самихъ-же нѣмцевъ, совершенно русскимъ. Имя никого не должно смущать, потому-что зналъ-же Печоринъ одного нѣмца съ фамиліей Иванова...

IX.

Страсть къ откапыванію древностей у насъ сказывается во многомъ. Мы пугаемся только новизны и всякаго быстрого обновленія, мы симпатизируемъ больше мертвымъ (не исключая и мертвыхъ языковъ), чѣмъ живымъ и страсть къ древностямъ наша слабость, т. е. виноватъ: наша сила. Разумѣется, массы не поймутъ этой силы, не оцѣнятъ археологическихъ наклонностей избраннаго меньшинства: массѣ нужны дешевыя квартиры, а не останки героической Трои, но можно-ли обращать вниманіе на грубые запросы невѣжественной массы?.. Народу нѣтъ дѣла до серегъ, которыя носила прекрасная супруга Менелая, до остатка мѣдной бляхи съ обуви, прикрывавшей нѣкогда роковую пату Ахиллеса. Народу не это нужно:

Печной горшокъ ему дороже,
Онъ пицу въ немъ себѣ варить.

Такъ его-ли удивятъ древности, которыя снова призываются къ жизни и поднимаются изъ праха?

Межъ тѣмъ, какъ петербургскій купецъ въ Малой Азій роетъ яму для отысканія полу-мифическихъ обломковъ, или для погребенія несбывшихся надеждъ своихъ, въ Москвѣ, которая сама есть ничто иное, какъ окаменѣвшее преданіе, тоже идутъ раскопки, только въ другомъ родѣ. Въ Москвѣ откапываютъ не обломки наполеоновскаго пожарища, но древніе покрытые ржавчиной и глѣніемъ предразсудки и отжившіе обычаи, стараясь ихъ, какъ старую, подклеенную посуду, вновь ввести въ домашнее употребленіе. Отысканіемъ такой нравственной утвари усердно занимались два извѣстные дѣятеля, „академикъ и герой“ В. Безобразовъ и славянофилъ Ю. Самаринъ. Явившись передъ лицомъ московскаго земскаго собранія, они оба, съ свойственнымъ имъ краснорѣчіемъ отстаивали „мудрый обычай предковъ“, просто напросто называемый „тѣлеснымъ наказаніемъ“. Ю. Самаринъ, во имя уважаемой имъ „народности“, сильно и упорно стоялъ за розги, хоть и оговаривался весьма странно, «что они безнравственны только въ „извѣстномъ смыслѣ“ (въ какомъ? объ этомъ онъ умолчалъ), что онъ „не поддерживаетъ тѣлесное наказаніе, какъ наказаніе“ (?), т. е. считаетъ его, нужно думать, за особенную милость въ отношеніи меньшого брата.

В. Безобразовъ, отстаивая ту-же самую „милость“, не прибѣгалъ къ самаринскому виланью, но болѣе прямо и глубокомысленно развивалъ свою мысль объ уваженіи къ тѣлесному наказанію, какъ

въ продукту древней жизни, какъ въ народному обычаю, посягать, дескать, на который мы не имѣемъ никакого уважительнаго права. Выходить, словомъ, что „обычай деспотъ межъ людей“ и его, т. е. обычая, нельзя подвергать не только измѣненію или уничтоженію, но нельзя даже относиться къ нему критически. Приемъ такой защиты столь ловокъ и убѣдителенъ, что нужно удивляться, какъ это наши адвокаты не воспользуются имъ для своихъ защитительныхъ рѣчей, оправдывая „обычаемъ“ всякое дѣло, всякое мошенничество. Прячась за „обычай“, можно отстаивать не одно тѣлесное наказаніе, а казнокрадство, ломаніе женамъ скульпъ и реберъ, невѣжество, безграмотность и т. д. Впрочемъ, московскіе адвокаты до нѣкоторой степени уже воспользовались ловкимъ аргументомъ В. Безобразова и въ свою очередь тоже отличились на славу. Ихъ тоже обуяла похвальная любовь къ „народности“ и къ древнимъ „обычаямъ“, а такъ-какъ эти „обычаи“ издревле не признавали еврея за человѣка, то адвокаты создали изъ этого древняго соображенія цѣлый „современный вопросъ“, требующій серьезнаго и всесторонняго обсужденія.

Обсужденіе это состоялось и оно столько характерно, что въ хроникѣ общественнаго движенія должно занять очень видное мѣсто, какъ лучшее и наглядное доказательство живучести старыхъ обычаевъ, предъ которыми почтительно склоняются даже московскіе адвокаты, а вѣдь адвокаты тоже „по обычаю“, считаются людьми „передовыми“. Дѣло происходило такъ. Передъ выборами членовъ совѣта московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, происходили сперва частныя ихъ собранія, гдѣ собиралось до 25-ти человѣкъ. Одно изъ такихъ засѣданій происходило въ квартирѣ адвоката г. Плевако, который...

— Нѣтъ, господа, событіе это такого легендарно-эпическаго свойства, что его нужно передавать не новѣйшей холодной прозой, а древнимъ греческимъ гекзаметромъ на манеръ Иліады, что мы и попробуемъ сдѣлать, призвавъ на помощь всѣхъ музъ и даже самого лучезарнаго Аполлона. И, такъ собравшись съ духомъ, мы начинаемъ:

Нѣкогда,—вѣкъ девятнадцатый шелъ ужъ въ то время къ исходу,—
 Въ дальней, холодной странѣ азиатской богатый былъ городъ,
 Славный, какъ Троя сама и, какъ Троя, пропавшій безслѣдно.
 Съ географическихъ картъ онъ исчезъ въ наше время
 И отъ него намъ осталось лишь нѣсколько смутныхъ преданій,
 Келоволь съ выбитымъ краемъ, обломокъ громадной царь-пушки,
 Да нѣсколько книгъ: писалъ ихъ Михайло Петровичъ Погодинъ,

Сей Гостомысль и великій ученый Дѣвичьяго поля.
 Мало сказаній о прошломъ московскаго гордаго царства
 Внукамъ осталось въ наслѣдство отъ дѣдовъ, но двѣ-три легенды
 Все-же еще сохранилось случайно въ народѣ...

О, музы!

Помощи вашей я жду для созданья старинной былинны
 И осѣнивши чело троекратнымъ крестомъ, начинаю.
 Ночь надъ стѣнами Кремля опустила ревнивый свой пологъ,
 Городъ безмолвный, гдѣ спать всѣ ложатся почти съ пѣтухами,
 Сладко заснулъ на перинахъ и въ окнахъ огней не замѣтно;
 Только лишь въ домѣ одномъ пробивался свѣтъ яркій сквозъ
 стекла,

Гдѣ въ терему на великій совѣтъ собрались адвокаты.
 Тихо сперва, какъ журчащій источникъ, ихъ шло засѣданье:
 Эмеритальную кассу открыть порѣшили всѣ дружно
 Съ библіотекой изъ книгъ юридическихъ... Мирно бесѣда
 Словно по маслу текла, но затишье бываетъ предъ бурей.
 Буря случилась дѣйствительно... Кто-то изъ тѣхъ адвокатовъ,—
 Поднялъ въ собраньи вопросъ социальный: „Возможно-ли, нѣтъ-ли
 Въ нашу среду принимать, россияне, различныхъ евреевъ?
 Жидъ—человѣкъ-ли, скажите“?... Какъ искра, попавшая въ порохъ,
 Дѣлаетъ взрывъ, такъ весь сеймъ москвичей закипѣлъ, разгорѣлся
 И голоса въ перебивку по залѣ пошли раздаваться:

— „Мы не допустимъ евреевъ!“— „Съ жидомъ славянинъ не сой-
 дется!..“

— „Эти евреи лишь „тянутъ другъ друга“ и можно, пожалуй,
 Намъ опасаться, что всѣхъ насъ жиды постепенно подавятъ“. *)
 — „Что вы? стыдитесь!“ воскликнулъ какой-то наивный мечтатель,
 Непостигавшій волненья бывалыхъ московскихъ юристовъ.

„Насъ почти цѣлая сотня, и будемъ мы всѣ хороши-же,
 Если пяти, иль шести адвокатовъ-евреевъ вдругъ струсимъ“...
 Столь неразумное слово гвалтъ вызвало страшный:— „Не надо,
 Прочь ихъ, евреевъ! Молчите! Садитесь!..“ И тутъ-же единый
 Членъ изъ совѣта воспринялъ:— „Друзья, не забудьте о томъ вы,
 Что у французовъ и нѣмцевъ нѣтъ вовсе жидовъ-адвокатовъ!“
 — „Какъ? А Кремье?“ вставилъ слово не кстати все тотъ-же меч-
 татель,

Но адвокат былъ находчивъ и очень резонно отвѣтилъ:

*) Что эта „легенда“ не вымыселъ и не только по общему характеру, но
 даже во всѣхъ мелкихъ деталяхъ вѣрна дѣйствительности, недовѣрчивые чита-
 тели могутъ убѣдиться, заглянувъ въ „Русскія Вѣдомости“ № 212.

— „Сколько, я знаю, Кремье перекрещенецъ, нужно замѣтить,
А потому предъ жидами имѣеть огромные шансы...“

Сильнымъ такимъ аргументомъ поконченъ былъ споръ... Присту-
пили

къ баллотировкѣ вопроса и *двадцать четыре* юриста

Дружно рѣшили: „присяжнымъ повѣреннымъ“ *жидъ* быть не мо-
жетъ!“

И изъ двухъ дюжинъ защитниковъ этихъ гуманныхъ лишь трое,
Только лишь *трое* нашли (Городецкій, Щелканъ и Ласковскій,
Ихъ имена на Руси перейдутъ, вѣроятно, въ потомство),
Что невозможно никакъ согласиться съ рѣшенемъ подобнымъ;
Но семеро будутъ-ли ждать одного?.. Такъ кончилось вѣче
Изгнаньемъ „жидовъ“ ... Вотъ вамъ старина и сказанье. Довольны-ль?

Москва, крѣпкая въ обычаяхъ, во всякомъ случаѣ, должна быть
довольна, видя, что даже ея адвокаты возводятъ въ перлъ созда-
нiя вѣковые предрассудки и совершаютъ подвиги, похожіе на
древнiя легенды.

Х.

Въ заключеніе намъ хочется сказать нѣсколько словъ о петер-
бургскомъ театрѣ.

Пожалуйста, не бойтесь фельетонныхъ „общихъ мѣстъ“ съ жа-
лобами на бѣдность и безталантность нашей драматической труппы,
что давно крайне всѣмъ наскучило. Читатели, какъ и театраль-
ные зрители, давно очень хорошо знаютъ составъ и силы нашей
труппы и ихъ, право, пора избавить отъ „общихъ мѣстъ“ теа-
тральныхъ рецензентовъ, существующихъ на счетъ бездарности
драматическихъ артистовъ. Впрочемъ, наши бѣдные актеры, мо-
жетъ быть, не преслѣдовались-бы съ такимъ упорнымъ ожесточе-
ніемъ присяжными театральными хроникерами, если-бы не одно
довольно странное совпаденіе обстоятельствъ. Случилось какъ-то
такъ, что большая часть этихъ сценическихъ рецензентовъ при-
надлежитъ въ скорбному разряду драматурговъ и поставщиковъ
александринскаго театра. По первому взгляду и по оцѣнкѣ, какъ
тѣхъ, кто пишетъ для сцены, такъ и тѣхъ, кто исполняетъ ихъ
произведенiя, нужно-бы предполагать, что авторы души долж-
ны нечаять въ нашихъ актерахъ: солидарность бездарности
соединяетъ, кажется, ихъ неразрывными узами, ибо минусъ на ми-
нусъ даетъ плюсъ. На дѣлѣ совершается, однако, иначе, потому-
что люди,—ужъ таково ихъ свойство,—любятъ свою собственную

безталантность сваливать или на другихъ людей, или на какія-нибудь обстоятельства и случайности. Современные наши драматурги весь неуспѣхъ своихъ собственныхъ пьеть всегда объясняютъ „плохою игрою“ актеровъ, во всемъ винятъ ихъ, а сами изъ воды сухими выходятъ, выдавая себя даже за жертвъ артистической неумѣлости... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отъ игры актеровъ до вѣкоторой степени зависить сценическій успѣхъ пьесы, но также нѣтъ никакого сомнѣнія, что петербургскіе актеры и драматурги стоятъ другъ друга и должны-бы по настоящему жить душа въ душу. Почти всѣ драматическіе поставщики петербургской сцены не имѣютъ права жаловаться на своихъ исполнителей, потому-что они сами въ драматической литературѣ ни хуже, ни лучше. Скажемъ даже болѣе: даровитые артисты въ родѣ Самойлова 1 или Васильева 2 должны скорѣе шокировать плеяду всѣхъ этихъ Дьяченко и В. Александровыхъ, потому-что первые совершенно затираютъ, подавляютъ ихъ собою и изображаютъ часто на сценѣ типы, которые и не снились самимъ авторамъ. Въ послѣднемъ случаѣ, право, даровитый актеръ обиднѣе самаго неумѣлаго. Къ тому-же плохой актеръ станетъ играть все, чѣмъ вы его ни надѣлите, а даровитый еще, пожалуй, заапризничаетъ и упрется: таланты вѣдь разборчивы. Если-бы, напр., случилось такое чудо, что на всю труппу Александринскаго театра сошли огненные языки гениальности, то что-бы тогда стали дѣлать всѣ эти авторы „Гувернера“, „Паутини“, „Ребенка“, „На хлѣбахъ изъ милости“ и т. д.? Вѣдь чего добраго, послѣднимъ пришлось-бы закрывать свою лавочку, потому-что хорошая и даровитая труппа едва-ли-бы рѣшилась пробавляться теперешнимъ репертуаромъ.

Благодарите-же, гг. драматурги, судьбу, благоволящую къ вамъ и создавшую актеровъ по образу вашему и подобію: вы достойны другъ друга и не должны ссориться.

Намъ случилось быть на представленіи одной новой бенефисной комедіи. Поднялся занавѣсъ и сцена, изображавшая трактиръ, оказалась пустою. Сперва это показалось намъ очень остроумнымъ, какъ дѣйствіе безъ дѣйствующихъ лицъ, но къ сожалѣнію, лица скоро явились. Вошли два актера во фразахъ и бѣлыхъ галстукахъ (понимать надо, что они изображали лакеевъ) и стали разговаривать. Разговаривали долго. Потомъ явился г. Бурдинъ въ качествѣ откупщика (по комедіи время недавнее и вдругъ—откупщикъ!!) и г. Нильскій въ качествѣ бѣднаго, но благороднаго героя. Стали разговаривать и разговаривали тоже долго. Зритель терпѣливъ и все ожидаетъ не разговоровъ однихъ; а начала комедіи. Вотъ, думаетъ, эти двое сейчасъ уйдутъ и *настоящее* дѣй-

ствіе начнется. Но актеры продолжаютъ разговаривать, наконецъ расходятся и вдругъ... занавѣсъ опускается.

— Какъ? что это такое? волнуется зрители. Ужь не случилось-ли чего на сценѣ? Не пожаръ-ли? Не жмутъ-ли г. Нильскому ногъ новые сапоги и онъ упалъ въ обморокъ? Зачѣмъ опустили занавѣсъ?

Но занавѣсъ опустили по той простой причинѣ, что дѣйствіе *кончилось*. Да-съ, кончилось, въ сущности не начинаясь. Двое бесѣдовали въ трактирѣ—вотъ вамъ и первый актъ комедіи. Достоинство перваго акта избавляетъ насъ отъ необходимости говорить объ остальныхъ четырехъ дѣйствіяхъ. Скажемъ только, что есть извѣстіе, что анонимный авторъ этой „*говорильни въ пяти словетолченіяхъ*“ остался недоволенъ игрою артистовъ.

Но довольны-ли артисты авторомъ? Вотъ въ чемъ вопросъ! Жаль, что ажтеры не пишутъ рецензій о тѣхъ произведеніяхъ, которыя они обязаны играть „по службѣ“: хочешь, не хочешь, а играй.

L'homme qui rit.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Мирно-совершившійся государственный переворотъ въ Японіи.—Дайміосы и самуры безъ протеста отказываются отъ своихъ феодальныхъ правъ.—Ненависть китайцевъ къ католическимъ миссіонерамъ.—Президентъ Грантъ рѣшается преслѣдовать мормоновъ подъ предлогомъ существованія у нихъ полигаміи.—Петиція мормонскихъ женщинъ.—Привѣдены признаки разложенія мормонства.—Сіонская церковь.—Ужасные пожары въ Соединенныхъ Штатахъ.—Громадное число жертвъ пожара.—Находчивость и энергическая дѣятельность мэра въ г. Чикаго.—Сравненіе англичанъ и американцевъ относительно способности къ самоуправленію. — Въ Бразиліи болѣе не будутъ рождаться рабы. — Германскій запасный военный капиталъ. — Увольненіе графа Гогенварта.—Назначеніе Коллера богемскимъ губернаторомъ.—Неудовольствіе чеховъ.—Неожиданное увольненіе графа Бейста. — Всеобщее недовольство и запутанность отношеній въ австрійской имперіи.—Процессъ Келли.—Отмена продажи офицерскихъ патентовъ въ Англіи. — Попытка сближенія англійскихъ рабочихъ съ представителями аристократіи. — Мнѣніе Times'a о политикѣ нѣмѣцкаго французскаго правительства.

На дальнемъ Востокѣ, въ Японіи, недавно совершилось событіе, которое должно занять видное мѣсто въ исторіи нашего времени. Оно въ весьма яркомъ свѣтѣ выказало гуманность и разсудительность, какъ японскаго народа, такъ и его правительства. Въ Японіи рушился феодальный порядокъ, существовавшій въ ней многія столѣтія, и этотъ переворотъ не стоилъ ни капли крови и былъ сдѣланъ по инициативѣ микадо, японскаго папы, и нѣкоторыхъ изъ самихъ феодальныхъ владѣтелей. Если мы вспомнимъ, сколько жертвъ и крови, сколько страданій испытала западная Европа, когда ей приходилось шагъ за шагомъ уничтожать у себя феодальную рознь и замѣнять

ее государственной централизацией, — мы не можем не отнестись вполне сочувственно къ благоразумію японскаго народа, счумѣвшаго мирно и спокойно совершить такой важный переворотъ. И совершился онъ въ то время, когда возвратились уже въ Японию многіе изъ молодыхъ японцевъ, присланныхъ въ Европу для изученія послѣднихъ усовершенствованій въ вооруженіи и въ способѣ веденія войнъ, для ознакомленія съ тѣми страшными способами разрушенія, какими владѣетъ Европа... Нельзя не порадоваться, что японцы не поспѣшили испытать на практикѣ пріобрѣтенныя ими познанія въ военномъ дѣлѣ и не увлеклись европейскимъ способомъ производить коренныя реформы въ государственномъ переустройствѣ.

Переворотъ въ Японіи совершился безъ всякихъ потрясеній, однимъ указомъ микадо. Представляемъ текстъ этого указа, заимствуя его изъ газеты «New-York Times».

«Мы живемъ во время реформъ — гласитъ указъ. — Желая служить благу нашего народа и утвердить за нимъ почетное мѣсто въ средѣ другихъ народовъ, мы намѣрены дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы факты и дѣйствительность всегда соответствовали словамъ и теоріямъ. Чтобы имѣть возможность дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и произвести необходимыя для нашего народа реформы, мы должны сосредоточить въ своихъ рукахъ административную власть.

«Нѣсколько времени тому назадъ мы приказали феодальнымъ правителямъ представить намъ обстоятельное донесеніе о положеніи ихъ провинцій. Уже тогда мы были вполне убѣждены, что для блага народа необходимо, чтобы князья обратились въ обыкновенныхъ губернаторовъ, получающихъ отъ насъ точныя инструкціи, которымъ они должны безусловно подчиняться.

«Нѣкоторые изъ князей не хотѣли подчиниться нашимъ повелѣніямъ. Ихъ фамиліи втеченіи многихъ столѣтій пользовались болѣе или менѣе абсолютной властью надъ тѣми провинціями, гдѣ находились ихъ имѣнія, и это обстоятельство побудило сказанныхъ князей составить предположеніе, что мы не имѣемъ никакой власти надъ ними, и считаемся ихъ повелителемъ только по имени.

«Нельзя сомнѣваться, что при подобномъ порядкѣ вещей у насъ отнималась всякая возможность дѣлать благо нашему народу и доставить ему то почетное мѣсто между другими народами, которое ему принадлежитъ по праву.

«Нѣкоторое время мы терпѣливо сносили старый порядокъ, неудобный для народа, но мы всегда заявляли, что надо положить ему

конецъ. Убѣдившись, что теперь настало это время, я отмѣняю навсегда нынѣ существующія и существовавшія феодальныя ограниченія и сосредоточиваю ихъ всё въ моей императорской власти.

«Вы-же, пользующіеся теперь властію, поймите, что теперешній порядокъ непрактиченъ, что онъ замѣняется новымъ, болѣе экономическимъ, что необходимо для общаго блага сократить расходы, оставивъ только самыя необходимыя, и измѣнить законы, ставшіе уже невыгодными и неудобными для народа.»

Этотъ указъ былъ прочитанъ во дворцѣ микадо и въ его присутствіи президентомъ государственнаго совѣта всеѣмъ правителямъ провинцій, собраннымъ для этой цѣли.

Въ силу этого указа японскіе князья должны были передать свою власть и полномочія микадо, который и принялъ ихъ 19 октября. Князья и ихъ родственники и ближайшіе помощники обязались проживать въ Іеддо, какъ простые граждане; правительство будетъ выдавать имъ только десятую часть ихъ прежнихъ доходовъ, получаемыхъ ими въ качествѣ почти независимыхъ правителей областей (правительство при этомъ оставило за собой право въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнить эту десятую часть пожизненнымъ пенсіономъ), а остальные девять десятыхъ будутъ идти центральному правительству на административныя нужды областей. Не позволяя князьямъ жить нигдѣ, кромѣ Іеддо, правительство имѣетъ въ виду легкость надзора за ними и возможность во время предупреждать ихъ замыслы снова овладѣть властію.

На будущее время выборъ правителей областей будетъ вполне зависѣть отъ центральнаго правительства; очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ князей получатъ снова въ управленіе свои прежнія провинціи, но назначенные правительствомъ, они по необходимости должны будутъ слѣдовать его политикѣ и точно исполнять полученные инструкціи. Но такъ-какъ однѣ области слишкомъ обширны, а другія, напротивъ, слишкомъ малы, центральное правительство намѣрено по возможности уравнивать ихъ размѣры; оно объявляетъ, что дѣлаетъ это исключительно для удобства управленія, но, по всей вѣроятности, для того, чтобы и съ этой стороны нанести ударъ феодализму. Съ этой-же цѣлью оно велѣло снести главнѣйшіе замки дайміосовъ, воздвигнутые ими въ провинціяхъ, которыми они управляли. Укрѣпленныя мѣста дайміосовъ уже заняты правительствомъ, на службу котораго вступили войска дайміосовъ; ему также сданы всё военные запасы и корабли. Взамѣнъ этого правительство приняло на себя всё

долги князей, сдѣланные ими отъ имени управляемыхъ ими провинцій. Чтобы новый порядокъ не могъ отразиться неблагопріятно на мѣстной торговлѣ и промышленности, правительство утвердило всѣ контракты на подряды и поставки, заключенные князьями.

Самуры, т. е. провинціальныя дворяне, имѣвшіе право носить по двѣ шпаги и пользовавшіеся феодальными правами, причинили центральному правительству больше заботъ и хлопотъ, чѣмъ сами князья. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, правительство, наконецъ, рѣшило, что они будутъ пользоваться своими правами (собственно въ финансовомъ отношеніи) впродолженіи пяти лѣтъ, если не пожелаютъ взять опредѣленной суммы въ видѣ выкупа за эти права. Имъ дозволено жить, гдѣ хотятъ, они могутъ заниматься торговлей и, если пожелаютъ, поступать въ государственную службу, но все-таки правительству съ ними бездна хлопотъ, такъ-какъ они безпрестанно предъявляютъ тысячи претензій, разбирать которыя нелегко.

Нашимъ читателямъ можетъ показаться страннымъ, что мы говоримъ о дозволеніи дворянамъ заниматься торговлей; въ Европѣ, конечно, не стали-бы и разсуждать объ этомъ, такъ-какъ здѣсь каждый гражданинъ имѣетъ право торговать, если ему вздумается, но Японія—страна кастъ и рабочихъ корпорацій. Самуры, носившіе до сихъ поръ двѣ шпаги—одну для защиты своего князя, другую для защиты своей чести—изъ рода въ родъ жили жалованьемъ и на счетъ работы подвластныхъ имъ вассаловъ и считали для себя безчестнымъ заниматься какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ; теперь-же имъ придется самимъ работать для добыванія средствъ къ жизни, тѣмъ болѣе, что для cadaго японца съ настоящаго времени открытъ доступъ къ высшимъ должностямъ, если онъ выкажетъ способности и обладаетъ извѣстными знаніями. Военная повинность объявлена всеобщей и обязательной и уже въ послѣднюю гражданскую войну были случаи, что простые поселяне дослуживались до офицерскихъ чиновъ. Японская армія обучается теперь пруссаками. Сначала японское посольство приглашало къ себѣ французовъ, но послѣ Седана нашло, что лучше обратиться къ побѣдителямъ, чѣмъ къ побѣжденнымъ. Въ виду совершившагося уравниенія правъ для полученія почетныхъ должностей, самуры должны были просить, какъ милости, чтобы имъ разрѣшили торговать и, такимъ образомъ, въ отношеніи торговли сравнивали-бы ихъ съ низшими классами японскаго населенія.

Нельзя не замѣтить, что совершившійся переворотъ въ Японіи со своими послѣдствіямъ очень похожъ на перевороты въ европейскихъ

государствахъ въ моментъ побѣды ихъ надъ феодализмомъ. Центральная государственная власть и народъ раздѣлили между собой привилегіи даймйосовъ и самуровъ, политическое движеніе нашло сильную поддержку и опору въ социальномъ. Съ одной стороны, рабочимъ и мелкой буржуазіи открытъ доступъ въ государственную службу, при чемъ ихъ не ограничиваютъ въ правахъ и они могутъ достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ; съ другой, мелкое дворянство по необходимости должно будетъ обратиться къ труду и сливаться съ народомъ. Новая японская хартія имѣетъ своимъ девизомъ: всѣ японцы равны передъ закономъ и передъ микадо. Самимъ кожевникамъ и дубильщикамъ кожъ, составлявшимъ до сихъ поръ классъ парій между работниками и неимѣвшимъ права заниматься никакимъ другимъ ремесломъ, кромѣ выдѣлки кожъ и дубленія, — и имъ разрѣшено теперь заниматься, чѣмъ они хотятъ, а ихъ ремесло включено въ число ремеслъ, которыя доступны всѣмъ желающимъ приложить къ нимъ свой трудъ и способности.

Американскія газеты, изъ которыхъ мы заимствуемъ эти интересные факты, къ сожалѣнію, сообщаютъ слишкомъ мало подробностей о томъ способѣ, какимъ совершился этотъ мирный переворотъ.

Сколько можно судить по тѣмъ немногимъ даннымъ, съ которыми мы познакомились изъ этихъ газетъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: четверо самыхъ могущественнѣйшихъ даймйосовъ южной Японіи—Сатсума, Чочу, Чима и Тоза—соединились съ микадо и этимъ самымъ привели дѣло къ счастливому и мирному окончанію. Изъ восемнадцати феодальныхъ властителей, между которыми была раздѣлена Японія, они самые могущественные, самые богатые, менѣе всѣхъ обремененные долгами и отчасти болѣе другихъ развитые. Они-то именно и составляли дѣйствительное правительство Японіи, такъ-какъ министры и главнѣйшіе чиновники почти исключительно избирались изъ ихъ родственниковъ или самыхъ близкихъ къ нимъ людей. Четыре года тому назадъ они свергли тайкуна и отдали всю власть, по крайней мѣрѣ номинальную, микадо, духовному императору. Они первые вошли въ соглашеніе съ микадо и уступили ему свои права почти на тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, которыя они теперь принудили принять прочихъ своихъ товарищей, съ тою, впрочемъ, разницею, что, соединившись раньше съ центральнымъ правительствомъ, они успѣли выговорить для своихъ друзей и родственниковъ всѣ лучшія и почетнѣйшія правительственныя должности, лучше сказать, захватили въ свои руки всю власть, принадлежащую микадо. Японскіи

папа, микадо, по понятіямъ японцевъ, не человѣкъ, а божество, воплощеніе бога въ человѣкѣ; послѣ своей смерти онъ поступаетъ въ число боговъ, и его идолу поклоняются въ храмѣ и приносятъ жертвы. Поэтому микадо, желая удержать за собой божескія качества, по необходимости долженъ какъ можно менѣе явно вмѣшиваться въ государственныя дѣла и, конечно, всегда бываетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ управляющей партіи. Точно также и въ дѣлѣ теперешняго пересозданія государственнаго строя онъ отчасти былъ послушнымъ орудіемъ четырехъ вышепоименованныхъ дайміосовъ.

Такъ-какъ центральная власть обладаетъ теперь значительной, хорошо обученной арміей и государственные финансы находятся въ хорошемъ положеніи, можно безошибочно сказать, что новый порядокъ совершенно мирно утвердится въ Японіи, тѣмъ болѣе, что новая реформа весьма популярна въ народной массѣ, которая слишкомъ очевидно показала, что она не намѣрена поддерживать эгоистическихъ притязаній дайміосовъ. И, разумѣется, безъ этого проявленія народныхъ желаній, едва-ли было-бы возможно совершить такой важный переворотъ. Невозможно, чтобы государство съ двадцати-милліоннымъ населеніемъ, уже много вѣковъ пользовавшееся извѣстной цивилизаціей и извѣстнымъ государственнымъ устройствомъ, могло перенести свой центръ тяжести только ради интриги четырехъ честолюбцевъ. И могъ-ли-бы окончиться мирно этотъ переворотъ, если-бъ за него не высказалось общественное мнѣніе народной массы. Этотъ переворотъ былъ встрѣченъ съ радостью и сочувственно всѣмъ японскимъ народомъ. Дайміосы и самуры разстались съ своими привилегіями безъ протеста и удовольствовались назначенными имъ пенсіями. Конечно, мы не станемъ хулить ихъ за недостатокъ твердости и отсутствіе протеста, напротивъ, мы отнесемъ вполне сочувственно къ ихъ политическому такту. Въ сравненіе съ ними могутъ идти развѣ англійскіе тори, умѣющіе во время уступать, но, разумѣется японскіе князья несравненно выше, въ политическомъ отношеніи и съ точки зрѣнія гуманности, упрямыхъ французскихъ сеньоровъ и буржуа, которые, не желая сдѣлать часто въ сущности ничтожныхъ уступокъ, отдавали страну на жертву междоусобной войны. Сколькихъ-бы бѣдъ избѣжала Франція—и не одна она—если-бъ управляющіи партіи умѣли во время дѣлать уступки!

Поэтому слѣдуетъ отдать должную справедливость мудрости японскихъ дайміосовъ, уступившихъ, когда это было нужно для блага страны, точно также какъ и благоразумію японской націи, съумѣвшей

совершить переворотъ, повертывающій ея исторію на другую колею, не проливъ ни капли крови, не вызвавъ ничьихъ слезъ!

Въ сосѣднемъ съ Японіей, Китаѣ дѣла идутъ нѣсколько иначе и ненависть къ европейцамъ усиливается тамъ съ каждымъ днемъ. Конечно, во времена Пальмерстона и Наполеона III, Эльджина и Бурбулона, нечего-бы долго задумываться надъ такимъ фактомъ; тогда правительства англійское и французское, въ случаяхъ аналогичныхъ теперешнему, подымали крикъ объ оскорбленіи флага цивилизаціи и спокойно послали свои войска, имѣвшія усовершенствованное оружіе, сражаться съ солдатами срединной имперіи, вооруженными чуть не кухонными принадлежностями. Теперь и китайцы имѣютъ у себя хорошіе ружья и хорошую артиллерію. Теперь, наконецъ, другія времена, другіе нравы. Теперь Гладстонъ бросилъ пальмерстоновскую идею превратить Китай въ англійскую ферму, платящую подать англійской Индіи; теперь не европейцы задираютъ китайцевъ, а, наоборотъ, китайцы задѣваютъ европейцевъ; китайцы теперь далеко не такъ боятся «красныхъ дьяволовъ», какъ они боялись ихъ прежде; теперь они уже научились на всякое чрезвычайное событіе, неурядное европейцамъ, отвѣчать: «это ничтожный случай, который правительство не въ состояніи предвидѣть и устранить». Преимущественно передъ другими иностранцами китайцы питаютъ ненависть къ французамъ, Съ американцами, русскими и англичанами китайцы ведутъ довольно значительную торговлю и пользуются ея выгодами; французы же, принимая самое ничтожное участіе въ торговлѣ съ Китаемъ, награждаютъ китайцевъ іезуитами, ведущими пропаганду, разумѣется, въ пользу своего ордена и папы, а кто не знаетъ, что гдѣ дѣло идетъ о служеніи папѣ и іезуитскому ордену, тамъ добра никогда не бываетъ. Китайцы сперва относились совершенно хладнокровно къ іезуитской пропагандѣ, они позволяли іезуитамъ спокойно расхаживать по странѣ и обращать язычниковъ въ католичество; но извѣстно, что католическіе патеры нигдѣ не уживаются, такъ-какъ они, подъ предлогомъ религіозной ревности, желаютъ властвовать и разсеивать смуты. Эти-то качества патеровъ вывели, наконецъ, изъ себя китайцевъ, и они стали мстить патерамъ. Такъ, если въ городѣ или деревнѣ пропадегъ чье-нибудь дитя, населеніе кидается на дома христіанъ, грабитъ ихъ, жжетъ и убиваетъ встрѣчныхъ американцевъ и европейцевъ, нерѣдко принимая всѣхъ бѣлыхъ за французевъ, но также нерѣдко нападаетъ на нихъ,

потому-что вообще не любятъ бѣлыхъ. При этомъ зачинщики подобныхъ грабежей и убійствъ всегда распускаютъ самые дикіе слухи насчетъ католическихъ патеровъ; они, напримѣръ, утверждаютъ, что облатки, употребляемыя католиками при причащеніи, пекутся изъ муки, смѣшанной съ костянымъ порошкомъ, перемолотымъ изъ костей китайскихъ младенцевъ, и тому подобныя нелѣпости. Конечно, сами зачинщики знаютъ, что они распускаютъ нелѣпый слухъ, но они также знаютъ, что слѣпая масса повѣритъ всякому абсурду, какъ бы онъ ни былъ чудовищень, въ особенности если на всякаго европейца масса смотритъ недоумчиво, какъ на челоуѣка, желающаго торговлей опіума или эксплуатаціей невѣжества китайцевъ набрать въ Китаѣ побольше денегъ и удалиться въ свое отечество. Тщетно друзья европейцевъ стараются увѣрять массу, что деньги, собираемыя въ Китаѣ, идутъ на пользу самихъ-же китайцевъ, что европейцы люди честные и хорошіе, что католики не хуже другихъ европейцевъ, — масса не хочетъ ничего слышать и кровавымъ возмездіемъ выражаетъ свою ненависть къ европейцамъ, въ которой, конечно, болѣе всего виноваты католическіе патеры съ ихъ тщеславіемъ и клерикальнымъ эгоизмомъ.

Сами англичане сознали это; они видятъ, что католическая ревность вредитъ ихъ торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ; всѣ англійскія газеты въ послѣднее время въ одинъ голосъ твердятъ, что въ англо-французо-китайскомъ трактатѣ необходимо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, необходимо отдѣлить вопросъ о религіи и церкви отъ вопроса о торговлѣ и купеческой конторѣ, потому-что статьи этого трактата о протестантской и католической религіозной пропагандѣ, тѣсно связанныя съ статьями о торговлѣ, отчасти мѣшаютъ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній. Англичане, какъ извѣстно, выше всего ставятъ торговые интересы, и ихъ миссіонеры умѣютъ очень ловко обходиться съ китайцами, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ ведетъ торговлю; поэтому понятно то раздраженіе, которое произвели въ англійскомъ обществѣ извѣстія о дѣятельности іезуитовъ въ Китаѣ, вызывающей ненависть китайцевъ ко всѣмъ безъ исключенія европейцамъ.

Вопросъ религіозный, впрочемъ усложняемый гражданскимъ вопросомъ, также поставилъ въ затруднительное положеніе мормоновъ и пра-

вительство Соединенныхъ Штатовъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Какъ мы уже замѣтили въ прошлой хроникѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ, кажется, рѣшительно вознамѣрилось уничтожить мормонство; оно послало къ Соленому озеру хорошо вооруженныхъ солдатъ съ цѣлю совѣмъ уничтожить полигамію и ложную религію. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, какъ президентъ штатовъ, такъ и министры показывали видъ, что имъ неизвѣстны особенности устройства общества «святыхъ послѣднихъ дней», а теперь они внезапно прозрѣли и послали солдатъ и судей для искорененія вреднаго ученія, которое не можетъ быть терпимо въ цивилизованномъ государствѣ; они приказали арестовать губернатора территоріи, котораго сами утвердили въ этой должности, — пророка мормоновъ, — обвинивъ его въ томъ, что онъ имѣлъ 16 женъ *); съ цѣлю же еще болѣе привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, они присоединили къ обвиненію въ полигаміи убійство доктора Робинсона и еще трехъ человекъ.

Мы не будемъ приводить здѣсь интересную въ своемъ родѣ исторію мормонства, но не можемъ не замѣтить, что путешествіе мормоновъ чрезъ необозримую пустыню къ берегамъ Соленого озера принадлежитъ къ числу изумительныхъ подвиговъ человѣческаго терпѣнія и твердой рѣшимости достигнуть предназначенной цѣли. Наконецъ, они дошли до озера и убѣдились, что достигли страны необитаемой, съ весьма бѣдной почвой, которая могла производить только послѣ сильнаго удобренія. Эта мѣстность въ то время принадлежала Мехикѣ. Мормоны, однакожь, не испугались уединеннаго и дикаго положенія этой мѣстности, они остановились здѣсь, стали неутомимо работать, и вскорѣ дикая пустыня превратилась въ превосходно воздѣланные поля; на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде собирались исключительно стада дикихъ звѣрей, возникъ обширный городъ.

Какъ извѣстно, большая часть человѣческихъ обществъ, достигнувъ извѣстной степени развитія, вводила у себя полигамію. Когда окончательно устроился мормонскій городъ, пророкъ мормоновъ объявилъ обществу, что онъ получилъ внушеніе, дабы общество «святыхъ послѣдняго дня», по примѣру древнихъ патріарховъ Авраама, Исаака и Иакова, ввело у себя многоженство. Какими поводами руководился пророкъ, вводя новое учрежденіе—явилось-ли это нововведеніе только потому, что онъ желалъ угодить имъ страстямъ своихъ учениковъ, говорятъ одни; или находилъ, что въ чисто-земледѣльческомъ обществѣ полигамія выгодна въ экономическомъ отношеніи, какъ утверж-

*) Жены Юнга имѣли отъ него 49 дѣтей.

даютъ другіе, — рѣшить пока невозможно, но, по всей вѣроятности, судъ получить достаточно фактовъ, чтобы рѣшить, на которой сторонѣ истина.

Въ то время какъ мормоны строили свой городъ и удобряли поля, территорія, ими занимаемая, была отнята отъ Мексики Соединенными Штатами; она вступила въ составъ союза подъ именемъ территоріи Утахъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, признавъ мормонскую колонію отдѣльной территоріей, присоединило ее прямо къ союзу, т. е. допускало, что когда въ Утахъ будетъ извѣстное число жителей, территорія можетъ преобразиться въ штатъ. По конституціи Соединенныхъ Штатовъ территорія не имѣетъ своего конгресса и въ законодательномъ смыслѣ подчинена всему союзу. Поэтому мормоны не могли законодательнымъ порядкомъ ввести у себя многоженство, которое общими законами союза не признавалось; центральное-же правительство союза только ожидало удобнаго момента, чтобы напасть на это учрежденіе въ самой территоріи и уничтожить его, какъ учрежденіе, неимѣвшее законной санкціи.

Уже нѣсколько разъ готова была возгорѣться вооруженная борьба между центральнымъ правительствомъ союза и мормонами, но каждый разъ благоразуміе вашингтонскаго правительства ее предотвращало. Но въ послѣднее время, когда число мормоновъ сильно увеличилось и чрезъ мормонскую территорію прошла желѣзная дорога, соединяющая Тихій океанъ съ Атлантическимъ, центральное правительство союза нашло, что наступило время нанести рѣшительный ударъ мормонству по вопросу о полигаміи.

Но лишь-только было рѣшено начать процессъ Юнга и пророкъ былъ посаженъ въ тюрьму, встрѣтились затрудненія для рѣшенія этого процесса законнымъ порядкомъ. Съ одной стороны, формальности при заключеніи брака, принятія въ Утахъ, имѣютъ слишкомъ мало общаго съ формальностями, признаваемыми необходимыми для законности брака въ союзѣ, такъ-что бракъ, совершенный въ Утахъ, не можетъ считаться законнымъ, а потому въ глазахъ американскихъ юристовъ Юнгъ совсѣмъ не женатъ, слѣдовательно его нельзя судить, или, по крайней мѣрѣ, нельзя его подвергнуть наказанію за полугамію. Съ другой стороны, по понятіямъ мормоновъ, полигамія учрежденіе весьма почтенное и религіозное, по прелюбодѣянію и развратъ признаются ужасными пороками, и виновные въ нихъ должны искупать свою вину строгимъ наказаніемъ. Правительство союза думаетъ воспользоваться этими убѣжденіями и съ ихъ помощью выйти изъ затрудненія: оно думаетъ судить Юнга по мормонскимъ законамъ не

какъ многоженца, а какъ прелюбодѣя. Правительство успѣло уговорить нѣсколькихъ первыхъ женъ патриарховъ и учителей обратиться къ защитѣ центрального правительства союза, жалуюсь на своихъ мужей, вступившихъ въ незаконную связь съ другими женщинами.

Но большинство мормонскихъ женщинъ протестовало противъ того, что ихъ хотятъ употребить какъ орудіе для обвиненія ихъ мужей, что повлечетъ за собой нищету ихъ самихъ и ихъ дѣтей, потому что мормонскій законъ крайне строго наказываетъ прелюбодѣевъ: виновные уплачиваютъ 1,000 долларовъ штрафа и подвергаются тюремному заключенію отъ трехъ до двадцати лѣтъ. 2,500 мормонскихъ женщинъ подписали петицію къ президенту Гранту, въ которой просятъ его оставить ихъ въ покоѣ, не брать ихъ подъ защиту правительства, когда онѣ объ этомъ никого не просили, и объявляютъ ему торжественно, что онѣ уважаютъ полигамію, приносящую имъ счастье и благополучіе.

Другое затрудненіе заключается въ выборѣ присяжныхъ, которыми могутъ быть только граждане, признающіе полигамію преступленіемъ и не состоящіе въ полигамическомъ бракѣ. Но много-ли можно набрать такихъ гражданъ въ странѣ, гдѣ полигамія признана религіознымъ учрежденіемъ. Поэтому большая часть присяжныхъ была отведена судьями: однихъ отводили потому, что они состояли или состоятъ въ полигамическомъ бракѣ; другихъ-же, хотя они и не многоженцы, потому, что они отказывались признать полигамію преступленіемъ, а отъ казаваясь, они тѣмъ самымъ не признавали законовъ, на основаніи которыхъ должно было судить обвиненнаго.

Общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ уже предрѣшило осужденіе мормоновъ. Когда поднялись толки о томъ, что непрерывный отводъ присяжныхъ судомъ въ Утахѣ едва-ли можетъ быть признанъ законнымъ и справедливымъ, большинство гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, не только друзья, но и противники нынѣшняго правительства, пожимая плечами, отвѣчали: «Иначе судъ не можетъ поступать. Мормоновъ необходимо осудить легальнымъ путемъ, потому-что они уже осуждены общественнымъ мнѣніемъ. Мормоны, по большей части иностранцы, а не американскіе граждане, компрометируютъ насъ передъ цѣлымъ міромъ. Они пришли къ намъ изъ Англіи, изъ Германіи, изъ Даніи, изъ Швеціи, изъ Норвегіи. Секретарь пророка шотландецъ; второй по рангу учитель — англичанинъ».

Но, разумѣется, слово «иностранцы» приплетается тутъ ради красоты слога, потому-что американцы хорошо знаютъ, что эти иностранцы только потому и переселились въ Соединенные Штаты, что конституція союза гарантировала имъ абсолютную религіозную свобо-

ду. Дѣло въ томъ, что общественное мнѣніе всего союза рѣшительно высказалось противъ мормонства; самые честные и уважаемые граждане успѣли высказаться въ томъ-же смыслѣ. Никто изъ нихъ не станеть доказывать, что судъ, созданный для осужденія Юнга, дѣйствуетъ строго законно, но также никто изъ нихъ не станеть противорѣчить, что къ такому ненормальному явленію, какъ мормонство, нельзя отнестись иначе, какъ относится судъ, и что противъ этого вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ ученія можно употреблять всякія мѣры, хотя-бы онѣ по наружности и не были строго законны.

Начавъ процессъ противъ Юнга, центральное правительство издало декретъ, которымъ оно заявляетъ, что на будущее время оно запрещаетъ въ Утахѣ многоженство и каждого ослушника этого закона будетъ судить, какъ уголовного преступника. Что-же касается прошлаго, то правительство косвенно его признало, рѣшивъ, что подымать старые грѣхи не совсѣмъ удобно. Въ самомъ дѣлѣ крайне неудобно изъ многихъ семействъ выбросить на мостовую двухъ, трехъ и болѣе женъ съ ихъ дѣтьми. Центральное правительство союза, вѣроятно, припомнило, сколько страданій и бѣдствій причинилъ внезапный переходъ отъ полигаміи къ моногаміи на островахъ Тихаго океана, когда миссіонеры принудили полигамистовъ тотчасъ-же обратиться въ моногамистовъ: каждый оставилъ себѣ молодую и красивую жену, а менѣе красивыхъ и старыхъ выгналъ на произволъ судьбы. И вѣроятно многіе изъ мужей такъ-же радикально разрѣшили вопросъ о моногаміи, какъ одинъ изъ предводителей на островѣ Фиджи. Когда миссіонеръ похвалилъ его за рѣшимость тотчасъ-же отказаться отъ полигаміи и спросилъ: «Кстати, что сдѣлали вы съ вашей второй женой?»—предводитель отвѣтилъ: «Что-же мнѣ было съ ней дѣлать? Я зарѣзалъ ее и съѣлъ».

Но, кажется, центральное правительство попустило-бы вполнѣ благоразумно, если-бъ предоставило мормонство самому себѣ, и оно, въ очень близкомъ будущемъ, вѣроятно, разложилось-бы само. Въ самомъ дѣлѣ, могла-ли-бы въ наше время пустить глубокіе корни религія, допускающая древнюю полигамію? могло-ли-бы удержаться общество, устроенное по образцу древнихъ патріархальныхъ обществъ, когда территорію, занимаемую этимъ обществомъ, перерѣзали желѣзные дороги и на ней стали воздвигаться фабрики, подчиненныя условіямъ новаго быта? Но если существуетъ полная вѣроятность, что подобная религіозная и социальная фантазмогорія не выдержитъ при столкновеніи съ новѣйшими социальными требованіями, то почему-же

ей не дали разложиться вполне самостоятельно без посторонняго вмешательства?

Этотъ вопросъ естествененъ уже и потому, что признаки внутренняго разложенія слишкомъ очевидно обнаружилась въ мормонствѣ. Сыновья бывшаго пророка, Смита, Вильямъ и Давидъ торжественно объявили всему мормонству, что Юнгъ обманщикъ и что ни онъ, ни ихъ отецъ никогда не получали откровенія относительно полигаміи. Вместе съ тѣмъ еще въ прошломъ году отъ «святыхъ послѣдняго дня» отдѣлилась значительная часть сторонниковъ Годба и составила новую «сѣнскую церковь». Прямой причиной этого раскола въ мормонизмѣ былъ споръ за торговлю бакалейными товарами. Брайамъ Юнгъ слышалъ, что вездѣ идутъ толки о кооперативныхъ ассоціаціяхъ и ему захотѣлось сдѣлаться, какъ онъ самъ утверждалъ, социальнымъ реформаторомъ. Какъ ловкій плутъ и спекулянтъ, онъ изъ произведенной реформы прежде всего извлекъ выгоды для себя самого. Онъ составилъ потребительную ассоціацію, въ которую вошли почти всѣ члены его церкви. Дѣлами этой ассоціаціи заправлялъ онъ самъ; ассоціація открыла свои лавки, доходы съ которыхъ шли преимущественно въ карманъ пророка. Ассоціація получила нѣсколько важныхъ привилегій, благодаря которымъ всякая конкуренція съ нею сдѣлалась почти невозможной. Такое нововведеніе не понравилось мистеру Годбу, торговцу бакалейными товарами; доходы его съ каждымъ днемъ уменьшались, дѣла же пророка, наоборотъ, все болѣе и болѣе процвѣтали. Раздраженный Годбъ объявилъ себя врагомъ пророка, обвинилъ его въ ереси и поднялъ знамя свободнаго мышленія и свободной конкуренціи, конечно, въ смыслѣ торговли бакалейными товарами.

Годбъ рассчиталъ вѣрно. Брайамъ Юнгъ, втеченіе пятнадцатилѣтняго владычества своего надъ мормонами, нажилъ себѣ много враговъ, которые обвиняли его въ тираніи и деспотизмѣ. «Мало ему, говорили они, что онъ въ качествѣ пророка и прорицателя, неограниченнаго владыки-первосвященника и официальнаго губернатора, получалъ значительные доходы: ему захотѣлось сдѣлаться фабрикантомъ и торговцемъ бакалейными товарами и подрывать торговлю другихъ». Всѣ эти протестанты охотно пристали къ Годбу и такимъ образомъ составила довольно сильная партія, которая энергически повела борьбу противъ пророка. Борьба велась до того неутомимо, что одию время Юнгъ опасался, что на предстоящихъ выборахъ въ губернаторы онъ не получитъ большинства голосовъ. Однакожъ, онъ не потерялъ присутствія духа и вышелъ съ торжествомъ изъ борьбы. Онъ

издалъ законъ о призваніи за мормонскими женщинами избирательныхъ правъ. Благодарныя женщины подали свои голоса за него и онъ, защитникъ и основатель полигаміи, получилъ подавляющее большинство.

Побѣда Юнга на выборахъ раздражила его противниковъ, и они употребляютъ всё усиліи, чтобы окончательно восторжествовать надъ нимъ. Ихъ дѣйствія увѣнчались успѣхомъ на столько, что фактъ разложенія мормонства несомнѣненъ. Вотъ почему люди дальновидные упрекаютъ президента Гранта и называютъ его плохимъ политикомъ. Его внимательство можетъ только испортить дѣло и на время оживить разлагающійся трупъ. Между тѣмъ, въ соображеніяхъ чисто-практическихъ, было-бы крайне интересно видѣть, къ какому концу, естественнымъ путемъ, привелъ-бы этотъ любопытный опытъ чрезвычайно оригинальнаго социальнаго устройства.

Едва успѣло погаснуть пламя пожара въ Чикаго, какъ новые пожары стали истреблять поля и жилища въ штатѣ Висконсинѣ. Сперва въ Соединенныхъ Штатахъ всё полагали, что происходятъ отдѣльные небольшіе пожары, столь обыкновенные въ лугахъ западныхъ штатовъ. Каждую осень здѣсь довольно часто происходятъ пожары; иногда бываетъ достаточно искры, вылетѣвшей изъ локомотива, чтобы сжечь громаднѣйшій дѣтственный лугъ, по которому еще не проходилъ плугъ земледѣльца. Высушенная палящимъ солнцемъ трава быстро воспламеняется, и пожаръ останавливается только потому, что изсякаетъ матеріалъ для горѣнія. Но на этотъ разъ телеграммы, облетѣвшія весь союзъ, сообщили о пожарахъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ луговыхъ пожаровъ. Сначала пожары смѣнялись одинъ другимъ въ Висконсинѣ, потомъ въ Мичиганѣ, далѣе въ Миннесотѣ и, наконецъ, въ Индианѣ. Горѣли деревни и города, люди и домашній скотъ погибали сотнями, мѣста, на которыхъ росли обширные лѣса, обратились въ обширныя пустыни; въ воздухѣ стояли цѣлые столбы чернаго дыма, и пламя отъ пожаровъ можно было видѣть за десятки верстъ.

«Насъ въ особенности изумила та странная случайность, что пожары разомъ обнаружались въ десяткахъ мѣстъ, пишутъ въ американской газетѣ «Tribune». — Если-бъ можно было предположить, что въ нашей странѣ существуетъ шайка поджигателей, она не могла—

бы дѣйствовать по болѣе опредѣленному плану и едва-ли-бы могла достигнуть болѣе разрушительныхъ результатовъ. По всему теченію Гурона горѣли деревни, пожаръ распространился на протяженіи 300 верстъ. Богатый городъ Голландъ сгорѣлъ почти до тла; Грин-Гевенъ точно также. Города Манитоу, Шебойганъ, Доджъ, Марафонъ и Виннебаго понесли страшныя потери. Цѣлые округи въ Мичиганѣ и Висконсинѣ выгорѣли. Огромные лѣса, славящіеся своими исполинскими деревьями, — лѣса, тянущіеся на десятки миль, обратились въ пепель... Огонь дѣйствовалъ съ ужасающей быстротой и при этомъ, по словамъ свидѣтелей страшнаго несчастія, происходилъ шумъ, который можно уподобить развѣ только реву урагана. Огонь уничтожалъ все на своемъ пути, столѣтнія деревья сгорали съ необыкновенной быстротой, деревни почти моментально обращались въ дымящіеся головни...»

«Подробности страшныхъ несчастій, полученные нами, пишутъ въ американской газетѣ „Herald“, — потрясаютъ душу. Въ Грин-Бэ, гдѣ пространство въ 7 квадратныхъ верстъ было буквально залито огнемъ, волки, медвѣди и лани, изгнанные пожаромъ изъ ихъ убѣжищъ, бѣжали по всеѣмъ направленіямъ, не обращая вниманія на встрѣчавшихся имъ людей и пугая тоже бѣгущихъ по всеѣмъ направленіямъ женщинъ и дѣтей. Огонь шелъ такъ быстро, что несчастные люди непрерывно должны были оставлять мѣста, гдѣ они останавливались, и бѣжать все далѣе и далѣе. Нѣкоторые вздумали было уносить на себѣ жизненные припасы, но должны были все бросить, такъ-какъ эта ноша отнимала у нихъ силы и не позволяла имъ бѣжать настолько быстро, насколько требовала опасность. Многіе изъ нихъ теряли силы, падали и погибали...»

«Невозможно вообразить себѣ быстроту пламени, которое шло быстро, чѣмъ лошадь бѣжитъ въ галопъ, сообщаетъ Джеймсъ Кларкъ изъ Детруа. — Рѣзкій и сильный вѣтеръ способствовалъ усиленію пламени и перекидывалъ его на поля и лѣса. Все вокругъ загоралось мгновенно; огненный ураганъ свирѣпѣлъ съ каждой минутой. Остолбенѣлые отъ ужаса, мы сначала потерялись, но вотъ насъ проняла дрожь до костей, мы услышали странный звукъ. Свѣтъ ослѣпилъ насъ, слезы стали капать изъ глазъ, между-тѣмъ огонь былъ въ разстояніи отъ насъ почти на 10 верстъ. Мы различили какую-то черную движущуюся массу, несущуюся на насъ съ страшной быстротой. Это были стада быковъ и лошадей; они пронеслись мимо насъ съ быстротой бури; животныя имѣли потерянный видъ, глаза ихъ налились кровью, они ржали и мычали; многія изъ нихъ были опа-

лены огнемъ. Сзади этого стада неслась одиночкой лошадь, имѣвшая на спинѣ что-то въ родѣ мѣшка. Намъ удалось остановить ее, и ноша, на ней лежавшая, оказалась полумертвымъ обгорѣлымъ мальчикомъ. Мы сняли его съ лошади. Онъ успѣлъ проговорить только: «Патрикъ Борисъ (его имя). Папа, мама, братья, сестры остались тамъ... Все сгорѣло... всѣ умерли... О! неужели въ аду можетъ быть хуже этого?» Несчастнѣйшій малютка вскорѣ испустилъ духъ... Какъ только явилась возможность, мы отправились въ деревню. На дорогѣ намъ попадались обгорѣлые трупы людей и лошадей... Въ одномъ колодезѣ мы сосчитали 22 трупа. Несчастные бросались туда, надѣясь найти тамъ спасеніе, и задохнулись лежа одинъ на другомъ; видно было, что между ними шла ожесточенная борьба, вѣроятно, за воздухъ...»

«Пожаръ начался въ воскресенье вечеромъ, пишутъ съ того мѣста, гдѣ стоялъ городъ Пештего;—мы шли въ это время въ церковь. Вдругъ до нашего слуха долетѣлъ какой-то продолжительный ревъ. Полагая, что это простой, обыкновенный ураганъ, женщины и дѣти спокойно продолжали свой путь къ церкви, мужчины-же невольно остановились и поднимали головы вверхъ, чтобы изслѣдовать тучи. Немного погодя на горизонтѣ показались огненные столбы съ трехъ различныхъ сторонъ. Пештего окруженъ обширными сосновыми лѣсами. Вся окрестная сторона представлялась океаномъ пламени. Жаръ былъ невыносимый. Пештего загорѣлся съ разныхъ сторонъ. Многіе люди совѣмъ потеряли голову, многіе сошли съ ума; иные, страшась быть изжаренными живьемъ и не видя средствъ къ спасенію, прибѣгли къ самоубійству. Большинство, какъ было въ платьѣ, бросилось въ рѣку, и всѣ шли въ водѣ до тѣхъ поръ, пока нога чувствовала дно, затѣмъ должны были остановиться. Но огонь хваталъ и сюда, онъ жегъ лица, и многіе изъ насъ погибли; всѣ-же получили на лицѣ значительные обжоги... По окончаніи пожара изъ рѣки вытащили 400 труповъ, но полагаютъ, что въ рѣкѣ погибло еще не менѣе 300 человекъ, трупы которыхъ не отысканы. Многія семейства погибли цѣликомъ. Огонь въ такомъ совершенствѣ исполнилъ свое дѣло разрушенія, что въ окрестностяхъ не нашлось достаточно лѣса на гроба для погибшихъ».

Въ одномъ графствѣ Грин-Бэ насчитываютъ около 2,000 жертвъ пожара. „Herald“ утверждаетъ, что во всѣхъ мѣстахъ, подвергавшихся пожару, погибло не менѣе 10,000 человекъ.

Во время и послѣ пожара скопилось такъ много дыма, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣсколько дней стояла непроглядная темень.

Пароходъ днемъ могъ двигаться только съ помощью буссоли... Тяжѣишія головы долго еще переносились съ одного мѣста на другое.

Матеріальныя потери отъ этихъ пожаровъ были громадны и онѣ отразились на всемъ пространствѣ союза. Изъ Нью-Йорка сообщаютъ по телеграфу, что непремѣннымъ слѣдствіемъ этихъ бѣдствій будетъ финансовый кризисъ, который размѣрами своими навѣрно превзойдетъ кризисъ 1857 года.

Потери отъ пожара ужасны, но никто въ Соединенныхъ Штатахъ не сомнѣвается, что въ скоромъ времени сгорѣвшіе города снова обстроятся и въ нихъ закипитъ прежняя дѣятельность. Она уже и началась тотчасъ-же послѣ пожара. Банкиры, которымъ удалось спасти изъ груды горѣвшихъ головней свои толстыя стальные шкафы и сумдуки, наполненные золотыми монетами и банковыми билетами (въ томъ случаѣ, если они не обуглились отъ ужаснаго жара)—эти банкиры тутъ-же, на мѣстѣ пожара, принялись за свои прежнія дѣла, но теперь имъ пришлось работать неутомимо, потому-что желающихъ занять денегъ явилось великое множество.

Эта способность американцевъ находить выходъ изъ всякаго несчастья и съ необыкновенной энергіей приниматься за дѣло, чтобы наверстать потерянное, побудила лучшую изъ англійскихъ еженедѣльныхъ газетъ „Spectator“ провести слѣдующую интересную параллель между родичами-англичанами иамериканцами:

«Замѣчательная сторона учреждений и народнаго характера американцевъ выставилась особенно ярко послѣ пожара въ Чикаго; любопытно прослѣдить, насколько эта хорошая сторона различается отъ хорошей стороны учреждений и народнаго характера англичанъ. И у того, и у другого народа есть одинаковые недостатки и одинаковыя хорошія качества. Но оба народа рѣзко различаются между собой, когда приходится дѣйствовать рѣшительно и выказать всю силу этихъ добрыхъ качествъ. Возьмите, напримѣръ, дѣятельность мэра города Чикаго тотчасъ послѣ пожара, и представьте себѣ, что могъ-бы сдѣлать въ подобномъ-же случаѣ какой-нибудь англійскій мэръ. Мы увѣрены, что послѣдній съ такой-же энергіей и мужествомъ принималъ-бы всѣ мѣры, чтобы остановить пожаръ, какъ мэръ города Чикаго, но мы сомнѣваемся, чтобы онъ такъ-же рѣшительно, какъ мэръ Чикаго, призналъ необходимость принять исключительныя мѣры, хотя и не освященныя закономъ, но единственныя, которыя могли ослабить зло; или, если-бъ онъ даже и призналъ ихъ необходимость, чтобы онъ дѣйствовалъ съ такой-же рѣшимостью.

«Едва окончился пожаръ въ Чикаго, проявились во всей наготѣ

эгоизмъ и жадность спекулянтовъ и безшабашность разныхъ негодяевъ. Грабители и воры, выпущенные изъ тюремъ и прибѣжавшіе изъ сосѣднихъ мѣстностей, бросались грабить въ развалинахъ и даже отнимать послѣднія крохи у несчастныхъ, понесшихъ страшныя матеріальныя потери отъ пожара; торговцы, которымъ удалось спасти отъ пожара сѣстные припасы и строевой лѣсъ, стали продавать ихъ по баснословно-дорогой цѣнѣ; трактирщики утроили свои обычныя цѣны на кушанья. Народъ, основываясь на правѣ самозащиты, сталъ хватать и убивать грабителей и угрожалъ лавочникамъ, такъ-что они нашлись вынужденными закрыть свои лавки. Казалось, что въ несчастномъ городѣ сейчасъ рухнетъ всякій социальный порядокъ и водворится хаосъ... Мы убѣждены, что англійскій мэръ въ подобныхъ обстоятельствахъ поспѣшилъ-бы написать донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ и устроилъ-бы спеціальныя отряды констеблей изъ гражданъ, принесшихъ присягу. Но американскій мэръ, убѣжденный, что онъ всегда найдетъ поддержку въ народѣ, если дастъ доказательство своей энергіи и необходимости приступить къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, поступилъ иначе: онъ объявилъ осадное положеніе (на что онъ имѣлъ права не больше, какъ и послѣдній писецъ въ его канцеляріи), облекъ генерала Шеридана неограниченной властью и разрѣшилъ ему разстрѣливать виновныхъ, осуждая ихъ полевымъ судомъ, безъ соблюденія формъ уголовного процесса. Не прошло и шести часовъ, какъ порядокъ былъ вполнѣ восстановленъ. Мэръ города Чикаго ни на одну секунду не задумался надъ тѣмъ, что его распоряженія вполнѣ незаконны; онъ очень хорошо зналъ, что если-бы кто-нибудь осмѣлился ему противиться, на его сторону сталъ-бы весь вооруженный народъ; а если-бъ кто-нибудь рѣшился начать противъ него процессъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что въ странѣ не найдется ни одного присяжнаго, который-бы осмѣлился его осудить, ни одного судьи, который согласился-бы поддерживать противъ него обвиненіе. Спасеніе города зависѣло отъ его рѣшимости, и онъ не колебался ни секунды.

«Но дальнѣйшія мѣры, имъ принятыя, еще болѣе поражаютъ своею смѣлостью. Осужденіе грабителей, безъ законныхъ формальностей, и, въ Англіи могли-бы оправдать необходимостію; но мы рѣшительно отказываемся представить себѣ такія чрезвычайныя обстоятельства, при которыхъ мэръ въ Англіи могъ-бы позволить себѣ отдать приказъ, чтобы булочники не смѣли продавать хлѣбъ дороже 8 центовъ за фунтъ, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, немедленнаго конфискованія всего товара; а трактирщики установили-

бы у себя снова свой прежній тарифъ, иначе мэръ возьметъ ихъ заведенія въ распоряженіе городской администраціи. Англійскій мэръ вступилъ-бы въ переговоры съ торговцами и общалъ-бы имъ денежное вознагражденіе отъ казны въ томъ случаѣ, если они согласятся понизить цѣны. Американскій мэръ не признаетъ необходимости такого паллятива; онъ видитъ, что народъ страдаетъ и употребляетъ ту мѣру, которая скорѣе всего можетъ избавить народъ отъ страданій. Никто не осмѣлился противиться мэру Чикаго и никто не выказалъ ему неповиновенія. Вотъ эта-то способность американскаго народа въ чрезвычайныхъ случаяхъ отдавать власть въ руки временнаго диктатора и безпрекословно ему повиноваться составляетъ дѣйствительно самую замѣчательную черту американскихъ нравовъ; это способность и помогаетъ имъ съ такой легкостью находить выходъ изъ тяжелаго положенія и быстро возмѣщать убытки, причиненные несчастными событіями».

Французская газета «Constitution», приводя этотъ отрывокъ изъ «Spectator'a», дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Если англійскій публицистъ сомнѣвается въ способности англійскаго мэра проявить такую-же рѣшимость и энергію, какую проявляетъ американскій мэръ въ силу чрезвычайныхъ событій; если, по его предположенію, въ Англии, классической странѣ самоуправленія, чрезвычайное событіе можетъ застать врасплохъ и народъ, и его муниципальныхъ представителей, то что-же должно происходить въ подобныхъ случаяхъ во Франціи, гдѣ долгіе годы административной опеки привели къ тому, что всякая оригинальность въ умственномъ отношеніи считается чуждъ не преступленіемъ, а въ политическомъ всякій проектъ о необходимости реформъ разсматривается, какъ посягательство на общественное спокойствіе? Отвѣтъ нечего дѣлать, онъ слишкомъ ясенъ».

Наконецъ и послѣднее изъ христіанскихъ государствъ отчасти уничтожило у себя возмутительное рабство. Въ Бразиліи палата депутатовъ приняла законъ, устанавливающей, что въ Бразиліи не должно болѣе рождаться рабовъ. Рабство еще не отмѣнено вполне, торговцы неграми по прежнему могутъ еще продавать людей, но, со дня принятія закона, дѣти, рожденные рабынями, уже не будутъ рабами, и можно надѣяться, что черезъ 80 лѣтъ въ Бразиліи не останется ни одного раба. Будемъ, однакожъ, надѣяться, что бразильская палата де-

путатовъ не въ далекомъ будущемъ излаетъ законъ, освобождающій и тѣхъ несчастныхъ, которымъ привелось родиться рабами.

Новое постановленіе вызвало энтузіазмъ въ ріо-жанейрскомъ населеніи; новый законъ получилъ названіе «великой хартіи бразильской свободы». Когда депутатъ Суза Франко вскричалъ: «Отнынѣ рабы не должны рождаться на бразильской землѣ!» присутствующая въ трибунахъ публика отвѣтила ему радостнымъ крикомъ; раздалось восторженное пѣніе и рыданіе въ одно время, и дамы, въ восторженномъ порывѣ, съ верхней галлерей, лили изъ своихъ флаконовъ духи на головы представителей націи.

Конечно, новый бразильскій законъ надолго еще удерживаетъ въ Бразиліи рабство, тѣмъ болѣе, что даже и дѣти рабовъ, рожденныя послѣ изданія указа, только по достиженіи извѣстнаго возраста дѣлаются вполнѣ свободными, до этого-же времени они должны оставаться въ услуженіи владѣльцевъ ихъ магерей. Но пріятно и то, что Бразилія рѣшилась, наконецъ, сдѣлать первый шагъ по тому пути, которымъ давно уже идетъ цивилизованное человѣчество. Но извѣстно, что только первый шагъ очень труденъ, слѣдующіе будутъ несравненно легче.

Переходя изъ Америки въ Европу, послѣдуемъ примѣру японскаго посольства и начнемъ свой обзоръ съ Пруссіи. Побѣдители подъ Садовой и Седаномъ, повидимому, полагаютъ, что имъ придется въ скоромъ времени вести новую войну. Рейхстагъ утвердилъ законъ о 150-милліонномъ запасномъ капиталѣ Германской имперіи, который предназначенъ для военныхъ надобностей, въ случаѣ объявленія войны. Эта мѣра произвела особенно неблагоприятное впечатлѣніе въ Англіи, которая еще недавно была сильно взволнована извѣстною нашимъ читателямъ брошюрою «Битва при Гастингсѣ». Англійскія газетъ «Examiner», сообщая объ учрежденіи въ Пруссіи этого запаснаго военнаго капитала, замѣчаетъ, что «въ Англіи всѣ чрезвычайно встревожены такимъ явнымъ доказательствомъ, что Пруссія вовсе не думаетъ сдавать оружіе въ арсеналы, что она не желаетъ предаться мирнымъ занятіямъ и по прежнему хлопочетъ только о томъ, чтобы центральная власть имѣла возможность во всякое время объявить войну своимъ сосѣдямъ, даже не посоветовавшись съ представителями народа». Далѣе англійская газета напоминаетъ правительству и палатамъ, что Пруссія не любитъ долго раздумывать, что она въ ка-

кой-нибудь мѣсяцъ можетъ собрать миллионную армию и явиться съ нею, напримѣръ, хоть въ Англію, такъ-же внезапно, какъ она явилась въ Силезію и Ганноверъ. Разсчитывать-же на то, что англійскіе дипломатическіе агенты въ Пруссіи сѣмѣютъ разгадать планы г. Бисмарка и во время предупредить свое правительство, какъ показали недавніе примѣры, едва-ли возможно.

Нѣкоторые либералы въ рейхстагѣ предложили сдѣлать небольшія измѣненія въ положеніи о запасномъ военномъ капиталѣ. Они требовали, чтобъ этотъ капиталъ расходовался не иначе, какъ по утвержденіи смѣты расходовъ рейхстагомъ, или, другими словами, чтобы война не объявлялась безъ согласія страны. Но правительство отклонило всякіе другіе запросы, помимо чисто денежныхъ, касавшихся размѣровъ суммы капитала.

Либералы затѣмъ снова выказали свою наивность, требуя поправки въ томъ смыслѣ, чтобы этотъ капиталъ расходовался только на надобности оборонительной войны. Но Бисмаркъ, какъ всегда, ловко отпарировалъ направленный въ него ударъ и удержалъ за правительствомъ право употреблять эти деньги по своему усмотрѣнію, откуда, разумѣется, вытекаетъ прямой выводъ, что запасный капиталъ можно будетъ расходовать на веденіе и такой войны, которая начата противъ желанія страны.

«Принятіе рейхстагомъ закона о запасномъ военномъ капиталѣ безъ предложенныхъ поправокъ, говоритъ англійская газета «Daily-News», — должно внушить серьезныя опасенія въ Европѣ. Если-бы этотъ капиталъ оставался въ распоряженіи рейхстага, можно было-бы еще надѣяться, что его употребятъ только въ видахъ крайней необходимости, для защиты собственной территоріи отъ нападенія чуждой національности. Но переданный въ безотчетное распоряженіе г. Бисмарка, онъ можетъ быть, употребленъ для войны наступательной. Въсѣмъ остальнымъ европейскимъ правительствамъ не мѣшаетъ принять на всякій случай надлежащія мѣры, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ...»

Последнія событія доказываютъ, что нѣмцы, несмотря на постоянныя неудачи, не падаютъ духомъ, и все еще надѣются германизировать Богемію. Уже около пяти столѣтій Германія жаждетъ поглотить чешскую націю, но все напрасно. Нѣмцамъ часто казалось, что чеш-

ская нація уже умираетъ, что для нея наступили предсмертныя судороги, но проходить нѣкоторое время, и придавленная нація снова поднимается на ноги и выказываетъ живучесть и силу, приводящую въ отчаяніе германизаторовъ. Замѣчательно, что въ вопросѣ о германизации Богеміи всѣ нѣмцы согласны между собой; даже тѣ изъ нихъ, которые съ энергіей высказывались противъ присоединенія къ Германіи Шлезвига, Эльзаса и Лотарингіи, — даже эти относительно умѣренные нѣмцы блѣднѣютъ и краснѣютъ отъ гнѣва, если имъ говорятъ, что Богемія имѣетъ полное право на національное существованіе, что она должна пользоваться самой широкой автономіей, которая одна только дастъ ей возможность развить свои національныя силы и идти путемъ дѣйствительнаго прогресса. Даже эти нѣмцы станутъ вамъ доказывать, что безъ германизации Богеміи невозможно прочное объединеніе Германіи, что всѣ выгоды, пріобрѣтенныя Германіей отъ войны съ Франціей, сдѣлаются ничтожными, если славянскій міръ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ эту громаднѣйшую крѣпость, которую зовутъ Богеміей. «Въ видахъ собственной безопасности, мы должны онѣмечить Богемію, говорятъ нѣмцы, — мы должны уничтожить въ ней всѣ зачатки самостоятельнаго существованія, и славянскую крѣпость превратить въ нѣмецкую».

Графъ Гогенвартъ, бывшій министръ-президентъ Цислейтаніи, рассуждалъ иначе, когда, отъ имени императора Франца-Юсіфа, обѣщалъ Богеміи торжественное признаніе ея національныхъ правъ. За то нѣтъ укориженного эпитета, который завзятые нѣмцы не прилагали-бы къ имени графа Гогенварта. Нѣмецкая печать, не только въ Австріи, но и во всей Германіи, яростно напала на него. «Если графъ Гогенвартъ, пишутъ въ *«Preussischen Jahrbücher»*, — опираясь на большинство, которое дали ему выборы, хотѣлъ дать славянамъ преобладающее значеніе въ западной части австрійской имперіи; если на границахъ Пруссіи, Саксоніи и Баваріи онъ полагалъ унижить нѣмцевъ и сдѣлать ихъ покорнѣйшими слугами чеховъ, то странно, какъ ему не пришло на мысль, что германская нація, что наше правительство не станутъ спокойно смотрѣть на этотъ скандалъ, оставаясь нейтральными...»

Что касается вѣнскихъ газетъ, въ родѣ „*Neue Freie Presse*“, „*Neue Wiener Tagsblatt*“ и т. д., съ ними дѣлались просто истерическіе припадки. Не говоря уже о томъ, что вездѣ, въ каждомъ даже незначительномъ фактѣ, онѣ видѣли опасность для нѣмецкой націи, онѣ слетали съи изъ интригъ, клеветъ и преувеличеній,

чтобы доказать, что существует опасность для самого существованія австрійской имперіи и даже лично для царствующаго императора.

Но замѣчая, что на Франца-Иосифа не дѣйствуютъ эти газетныя инсинуаціи, нѣмецкая централистская партія обратилась за содѣйствіемъ къ канцлеру австрійской имперіи, графу Бейсту, и первому министру Венгріи, графу Андросси. Они благосклонно согласились оказать свое содѣйствіе и подали императору меморандумъ. Въ немъ высшіе сановники имперіи докладывали императору, что признаніе за чехами права на самостоятельное существованіе нарушаетъ права и привилегіи Австріи и Венгріи, указанныя конституціей 1867 года. Въ нѣсколькихъ бесѣдахъ съ императоромъ, графы Бейстъ и Андросси старались доказать Францу-Иосифу, что чешская автономія непріятна германскому императору, который, только въ силу этого факта, можетъ вѣнзаться во внутреннія дѣла Австріи, что, наконецъ, Богемія принадлежитъ цѣлой Германіи, а не герцогству австрійскому, что доказывается многочисленными фактами, такъ прекрасно разработанными въ изслѣдованіи авторитетнаго историка Генриха фон-Зибеля, находящагося въ интимныхъ отношеніяхъ съ графомъ Блессмаркомъ. Что-же касается прочитаннаго уже на чешскомъ сеймѣ императорскаго рескрипта, въ которомъ признается право чешскаго народа на автономію, то особенно заботиться объ этомъ нечего, такъ-какъ съ увольненіемъ министерства Гогенварта представляется очень удобный выходъ изъ затрудненія. Графы Бейстъ и Андросси, конечно, выражались нѣсколько иначе, по смыслъ ихъ представленій императору былъ именно таковъ. Францъ-Иосифъ, менѣе всего желающій вѣнзательства германской имперіи въ дѣла австрійской, согласился съ представленными доводами и уволялъ, прямо противъ своего желанія, министерство графа Гогенварта, предоставивъ самому графу объяснить вызванный въ Вѣну чешскимъ депутатамъ, Ригеру и графу Клямъ-Мартиницу, что вслѣдствіе непредвидѣнныхъ событій, намѣренія императора измѣнились и онъ не можетъ уже подписать обѣщанное постановленіе объ автономіи Богеміи.

Извѣстіе объ увольненіи графа Гогенварта и объ измѣненіи намѣреній императора относительно Богеміи наполнило радостью сердца нѣмецкихъ централистовъ и навело чешскую прессу на самыя горькія размышленія. «Съ этого дня между богемскимъ королевствомъ и австрійской имперіей легла непроходимая пропасть! пишутъ въ газетѣ «Народные Листы».—Послѣ того, что случилось теперь, богемская корона никогда болѣе не войдетъ въ соглашеніе съ Германіей».

Другія вліятельныя газеты выражаются въ томъ-же духѣ. «Богемія, по крайней мѣрѣ, сохраняетъ за собою право, на которомъ она вѣчно будетъ настаивать и, если ее къ тому вынудятъ, поддержитъ его силой», говорить «Политика». «Подать—единственная связь, которая еще соединяетъ насъ съ австрійской имперіей», замѣчаютъ «Покрокъ».

Органъ бывшаго министра Шефле, «Австрійская Газета», рѣзко нападаетъ на совѣтниковъ императора, побудившихъ его измѣнить политику, которая клонилась ко благу австрійской имперіи, и заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Благодаря вамъ, нѣмцы и мадьяры, насъ ожидаютъ въ будущемъ многія бѣдствія. Вы желали подавить славянское движеніе, но только повернули его въ сторону совершеннаго разрыва, отъ котораго должно было избавить имперію соглашеніе съ чехами. Благодаря вамъ, въ ближайшемъ будущемъ произойдетъ окончательное разложене австрійской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и полнѣйшее ослабленіе Венгріи».

Бейсть, конечно, постарался замѣстить Гогенварта министромъ изъ централистской партіи. Выборъ его палъ на Келлерсперга. Съ увольненіемъ Гогенварта уволили и графа Хотека, богемскаго намѣстника, слѣдовавшаго политикѣ графа Гогенварта и на мѣсто его назначили графа Коллера. Это назначеніе возбудило неудовольствіе во всей Чехіи.

«Посылайте намъ вашего Коллера, жолчно восклицаютъ «Народные Листы», — присылайте двухъ Коллеровъ. Мы не изъ тѣхъ людей, чтобы стали бояться осаднаго положенія. Пришлите намъ вашего знаменитаго военнаго чловѣка, Богемія настолько стратегическій пунктъ, что ему не мѣшаетъ поучиться здѣсь, такъ-какъ вамъ, можетъ быть, придетъ охота испытать на Богеміи военныя способности вашихъ главнокомандующихъ...

«Имена Коллера и Келлерсперга пользуются самой кровавой извѣстностью въ нашей несчастной странѣ. Ихъ назначеніе наноситъ оскорбленіе нашему святому національному дѣлу, оно равносильно объявленію намъ безпощадной войны...

«Съ назначеніемъ Коллера богемскимъ губернаторомъ снова начнутся осужденія массами, военныя экзекуціи, уничтожится свобода прессы, однимъ словомъ, установится настоящее осадное положеніе со всѣми его строгостями!

«Что касается г. Келлерсперга, то не говоря уже о томъ, что онъ началъ свою политическую карьеру обвиненіемъ честнѣйшихъ гражданъ, онъ въ 1859 году самъ вызвался отвезти въ Туринъ объявленіе войны. Не везетъ-ли онъ теперь объявленіе войны Чехіи?

Если такъ, то мы общаемъ ему въ Богеміи новую Мадженту и новое Сольферино!»

Какъ видите, чехи, которые до сихъ поръ относились къ нѣмцамъ весьма сдержанно, вышли наконецъ изъ терпѣнія и, въ свою очередь, угрожаютъ своимъ противникамъ. Вездѣ, въ цѣлой Чехіи, господствуетъ сильное волненіе умовъ. Агенты, никому неизвѣстные и неизвѣстно кѣмъ посланные, переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню и всюду предсказываютъ близкое наступленіе ужасныхъ событій; они рассказываютъ доверчивымъ поселянамъ, что вскорѣ въ Прагѣ будутъ совершаться убійства и пожары, подобные тѣмъ, какіе совершались въ Парижѣ. Въ самой Прагѣ на улицахъ разбрасывались каррикатуры и сатирическія пѣсни, имѣвшія сюжетомъ послѣднія событія. Драма Сарду «Отечество» заслужила въ Прагѣ такія оваціи, какихъ никогда не удостоивался авторъ въ Парижѣ. На улицахъ, въ кофейняхъ и даже въ театрахъ происходили частыя драки нѣмцевъ съ чехами. Командующій войсками въ Прагѣ, присланный Бейстомъ, разставилъ пушки во дворахъ казармъ, роздалъ солдатамъ боевые патроны, и во дворахъ почти всѣхъ казенныхъ зданій устроилъ батареи изъ картечи.

«Зачѣмъ принимаете вы всѣ эти предосторожности? спросилъ его бывший губернаторъ Хотекъ (въ то время еще несдавшій свою должность).

«Я получилъ спеціальныя о томъ приказанія, отвѣтилъ генералъ:— долженъ-же я приготовиться на всякій случай.»

Впрочемъ, министерство Келлерсперга не составилось и императоръ поручилъ составить новое Ауэрспергу.

Ожидали уже со дня на день, что произойдетъ столкновеніе между нѣмцами и чехами, какъ вдругъ произошла новая перемѣна декорацій. Австрійская имперія съ удивленіемъ узнала, что графъ Бейстъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности министра иностранныхъ дѣлъ всей имперіи.—Австрія—страна неожиданностей!

Сперва никто не хотѣлъ вѣрить этому необыкновенному извѣстію, всѣ приняли его за газетную утку. «Возможно-ли, чтобы графа Бейста уволили тотчасъ-же послѣ того, какъ онъ спасъ отечество и самую династію!» твердили нѣмцы. Но вскорѣ это извѣстіе было напечатано въ официальной газетѣ и поневолѣ пришлось ему повѣрить. Тогда каждый старался отгадать причины, вызвавшія отставку министра, котораго только наканунѣ считали самымъ сильнымъ и самымъ необходимымъ человѣкомъ въ правительствѣ. Одни увѣряли, что графу Бейсту подставилъ ногу его товарищъ и союзникъ, графъ Андрас-

си; другіе указывали на феодаловъ, третьи на клерикаловъ—предположеніямъ не было конца.

Почему-бы ни произошло это увольненіе графа Бейста, но можно безошибочно сказать, что такой фактъ могъ совершиться только въ Австріи, гдѣ все переишло, интересы перепутались, гдѣ происходятъ столкновенія между нѣсколькими различными національностями... Увольняя графа Бейста, императоръ объявилъ, что онъ намѣренъ держаться той-же политики во внѣшнихъ сношеніяхъ, какой, по его желанію, слѣдовалъ графъ Бейстъ. И вслѣдъ затѣмъ, какъ будто забывая, что въ послѣднихъ событіяхъ восторжествовала нѣмецкая централистская партія, императоръ назначаетъ на мѣсто графа Бейста—венгерца графа Андрасси, т. е. министра, слѣдовавшаго политикѣ нѣмецкой по преимуществу, замѣняетъ ярымъ венгерцемъ и предлагаетъ ему слѣдовать той-же политикѣ, какой держался его предшественникъ.

Надо быть великимъ мудрецомъ, чтобы распутать всю эту путаницу отношеній, интересовъ и требованій. Спокойному наблюдателю всѣ эти неожиданности, всѣ эти странныя колебанія покажутся какой-то фантазмагоріей, или, лучше, фарсомъ, разыгрываемымъ въ оперѣ-буффъ. Къ несчастію, въ политикѣ почти всегда комичное внезапно смѣняется страшною трагедіей. Кризисъ въ Вѣнѣ, кризисъ въ Прагѣ, кризисъ въ Пестѣ, въ одномъ мѣстѣ недовольны мадьяры, въ другомъ кричатъ противъ самихъ мадьяровъ, тутъ чехи имѣютъ всѣ причины досадовать на нѣмецкое правительство, тамъ нѣмцы возстаютъ противъ политики австрійскаго императора, которая, впрочемъ, ведется въ направленіи почти исключительно нѣмецкомъ.

Въ Венгріи царствуетъ полнѣйшее неудовольствіе. Мадьяры опасаются, чтобы интересами ихъ не пожертвовали въ пользу нѣмцевъ министры—Андрасси, бывший венгерскій, а теперь общій для всей имперіи, и Лоніай, бывший нѣмецкій, а теперь венгерскій министръ. Партія Деака, до сихъ поръ управлявшая Венгріей, показываетъ всѣ признаки разложенія, и это происходитъ почти наканунѣ общихъ выборовъ и въ то время, когда въ Кroatіи крайне неспокойно и она слишкомъ откровенно выражаетъ свое желаніе отдѣлиться отъ Венгріи.

Въ нѣмецкой Австріи непрерывно составляются протесты, производятся манифестаціи въ честь графа Бейста, ставшаго внезапно героемъ, достойнымъ занять мѣсто въ германской валгаллѣ. Лишь только Бейстъ получилъ увольненіе, городъ Грацъ успѣшилъ выбрать его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

Нѣмцы недовольны назначеніемъ графа Андрасси. «Для насъ, нѣмцевъ», говоритъ газета «Neue Freie Presse», эта переишла лицъ весьма

неприятна. Самое главное изъ нашихъ министерствъ, которое до сихъ поръ находилось подъ управленіемъ нѣмца, передано въ руки не-нѣмецкія. Политическое равновѣсіе, которое до сихъ поръ поддерживалось между Вѣной и Пестомъ, теперь рушилось, и вѣсы склонились на сторону венгерскаго королевства. Мы становимся, такимъ образомъ, данниками иностранца. Нѣмецъ не желалъ подчиниться чеху и настаивалъ на своемъ, но за то отдалъ свои правительственныя возжи мадьяру! Мы вполне выразимъ общественное мнѣніе, если скажемъ, что послѣднія событія привели всѣхъ нѣмцевъ въ отчаяніе и наполнили имъ самыя худшія времена исторіи австрійской монархіи!»

Богемія, съ своей стороны, постоянно твердитъ: «Вѣна оскорбила насъ; Вѣна не сдержала даннаго намъ слова. Между Вѣной и нами съ этого времени можетъ существовать только энергическая борьба, которая должна окончиться лишь съ нашей побѣдой. Мы клянемся святой памятью нашихъ отцовъ, что наша нація сдержитъ свое слово!»

Казалось-бы, что въ наше цивилизованное время давно пора окончить споръ о національностяхъ въ смыслѣ доставленія полнѣйшей возможности каждой развиваться свободно, не мѣшая и не стѣсняя одна другую. Казалось-бы, что за надобность Австріи и Венгрии стѣснять Богемію и Кroatію, когда отъ этого стѣсненія также страдаютъ сами утѣснители. Но уроки исторіи пропадаютъ даромъ, и въ Австріи и Венгрии происходитъ теперь борьба, драма, послѣдній актъ которой, по-видимому, долженъ наступить очень скоро.

Англія, во многомъ далеко опередившая другія націи, и потому во многомъ представляющая примѣръ, достойный подражанія и удивленія,—самая Англія въ вопросѣ о національностяхъ недалеко ушла отъ Венгрии и Австріи; до сихъ поръ еще она относится къ Ирландіи, какъ къ странѣ побѣжденной, и англичане обращаются съ ирландцами, какъ съ самыми злѣйшими своими врагами.

Ирландцы отвѣчаютъ имъ тою-же монетою. Отсюда частыя волненія, заговоры, бунты, вторженіе феніевъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ англійскую Канаду и, наконецъ, въ послѣднее время убійство шпіона Тальбота и оправданіе убійцы присяжными, которое произвело сильное впечатлѣніе, какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи.

Тальботъ, какъ видно изъ судебныхъ преній, былъ шпіономъ на жалованьи англійскаго министерства. Его имя встрѣчается во всѣхъ послѣднихъ заговорахъ и волненіяхъ, гдѣ онъ игралъ роль агента-

подстрекателя. Много людей, доверившихся ему, онъ отправилъ на казнь, въ изгнаніе или въ каторжныя работы. Случалось даже, что онъ доносилъ о несуществующихъ заговорахъ, указывалъ на мнимыхъ заговорщиковъ, и эти несчастные попадали въ тюрьмы, а иногда на скамью подсудимыхъ. Чтобы заслужить довѣріе у ирландцевъ, преданныхъ до фанатизма католичеству, Тальботъ представлялъ изъ себя ревностнаго католика, часто исповѣдывался и во время праздниковъ постоянно посѣщалъ церковь. Не могъ онъ только отдѣлаться отъ своего пристрастія къ водкѣ и его нерѣдко встрѣчали также и въ мѣстахъ продажи спиртныхъ напитковъ и даже въ домахъ терпимости. Тальбота, наконецъ, раскусили въ Ирландіи, и этотъ лицемеръ былъ убитъ феніемъ Келли; пуля попала ему въ животъ; перенесенный въ госпиталь, Тальботъ умеръ въ тотъ-же день.

Гладстонъ не разъ высказывалъ, что онъ не терпитъ шпионовъ на службѣ и потому обходится безъ нихъ. Дѣйствительно, въ Англіи онъ не прибѣгаетъ къ ихъ содѣйствію, но зачѣмъ-же тогда онъ употребляетъ ихъ въ Ирландіи? Все потому-же, что и онъ, подобно австрійскимъ государственнымъ людямъ, никакъ не можетъ примириться съ мыслью о необходимости рациональнаго разрѣшенія вопроса о національностяхъ. И какіе-же получаютъ результаты? Келли, совершившій убійство, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ совершившій неблаговидный поступокъ, вдругъ дѣлается народнымъ героемъ. Когда его арестовали, во всѣхъ ирландскихъ церквяхъ возсылались молитвы о его спасеніи, объявлена была подписка для сбора денегъ, необходимыхъ для веденія его процесса, и эта подписка дала болѣе 13,000 рублей—сумму довольно значительную для ирландскихъ патріотовъ, болшею частію, людей бѣдныхъ. Правительство, опасаясь, что Келли можетъ быть освобожденъ посредствомъ народнаго волненія, отдало приказъ возить его изъ тюрьмы въ судъ въ каретѣ, которая должна конвоироваться тремя эскадронами кавалеріи.

Защитникъ Келли на судѣ опирался главнымъ образомъ на то, что Тальботъ не былъ убитъ на мѣстѣ; онъ не отвергалъ, что подсудимый дѣйствительно выстрѣлилъ въ Тальбота и попалъ ему въ животъ; пуля тамъ застряла, но рана не была смертельна, и если Тальботъ умеръ, то своей смертью онъ обязанъ неискуству хирурговъ, несумѣвшихъ какъ слѣдуетъ вынуть пулю. Въ англійской судебной практикѣ формализмъ играетъ главную роль. Оригинальная защита Келли имѣла успѣхъ, и подсудимый былъ признанъ невиновнымъ.

Узнавъ объ оправданіи Келли, огромная толпа народа, имѣя зажженные факелы въ рукахъ (оправдательный приговоръ вынесенъ ровно

въ полночь), съ пѣснями и радостными восклицаніями, торжественной процессіей прошла по Дублину и, остановившись у дома искуснаго защитника подсудимаго, сдѣлала ему шумную овацію. Въ Коркѣ толпа шла по городу съ музыкой, воздухъ оглашался веселыми пѣснями и ликованіями.

Англійской буржуазіи очень не понравились эти манифестаціи и органъ лондонскаго Сити, «Times», выразился такъ: «На будущее время намъ уже невозможно будетъ вести ни одного политическаго процесса въ Ирландіи». Во время производства самаго процесса эта газета старалась доказать, что, «у ирландцевъ убійство—закоренѣлая традиція, что страсть къ убійству составляетъ принадлежность ирландскаго характера. Поэтому почти невозможно охранять жизнь гражданъ въ этой странѣ, кѣторая стоитъ на самомъ низшемъ уровнѣ развитія и не можетъ идти въ сравненіе ни съ одной изъ европейскихкихъ странъ».

Если Англія захочетъ быть мудрой, она можетъ извлечь драгоценный урокъ изъ процесса Келли. Въ самомъ дѣлѣ, если двѣнадцать присяжныхъ, выбранныхъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ, друзей порядка, закрываютъ глаза передъ очевидностью и отрицаютъ фактъ убійства, хотя въ немъ невозможно было сомнѣваться, то не указываетъ-ли это на то, что существующая система управленія не хороша и что ее необходимо измѣнить. Пусть Англія тщательно анализируетъ этотъ фактъ и измѣнить свои отношенія къ Ирландіи, не говоримъ уже въ дружескія, —на нихъ Англія еще долго будетъ неспособна, —но по крайней мѣрѣ въ такія, которыя будутъ характеризоваться благоразуміемъ и здравымъ смысломъ. Англія должна прежде всего ввести въ Ирландію децентрализацію въ управленіи, она должна согласиться на учрежденіе въ Дублинѣ національнаго парламента, хотя на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ существовалъ 80 лѣтъ тому назадъ. Англія уже допустила въ Ирландіи національное обученіе; она отвѣтила первенствующее значеніе у англиканской церкви въ Ирландіи, но что мѣшаетъ ей, расширивъ въ Ирландіи самоуправленіе, довести начатое дѣло соглашенія до конца.

1 ноября 1871 года останется памятнымъ днемъ въ англійской арміи. Въ этотъ день вошелъ въ законную силу королевскій декретъ, отмѣняющій продажу офицерскихъ дипломовъ. Съ этой поры каждый англичанинъ, обладающій необходимыми знаніями и способностями къ

военному дѣлу, можетъ разсчитывать, что онъ достигнетъ степеней извѣстныхъ, хотя-бы у него не было и гроша за душою. Теперь офицерскій чинъ будетъ полузаться по экзамену, дальнѣйшее-же производство будетъ идти такъ-же, какъ и въ арміяхъ европейскаго континента; нѣкоторые чины, однакожъ, будутъ даваться тоже по выдержаніи установленнаго экзамена.

Объ этой реформѣ давно уже поговаривали въ Англіи и общественное мнѣніе не разъ высказывалось за безотлагательную необходимость скорѣйшаго осуществленія этой реформы; но аристократія и богатая буржуазія долго ей противились, такъ-какъ при прежнемъ способѣ производства въ чины, армія находилась въ ихъ рукахъ. Но блестящія победы Пруссіи, но дѣйствіе, произведенное на англійскую публику брошюрой «Битва при Доркингъ», были настолько краснорѣчивыми фактами, что прежняя система была осуждена даже тѣми, кто еще недавно настоятельно требовалъ ея сохраненія. Правда, и теперь еще нашлось нѣсколько старичковъ тори, которые слезно заявляютъ, что послѣ отиѣны продажи офицерскихъ дипломовъ намъ остается только ожидать скорой кончины міра, потому-что, по ихъ мнѣнію, человѣческое безстыдство далѣе идти не можетъ. Они находятъ, что вслѣдъ за этой реформой истинная аристократія должна исчезнуть съ лица земли и уступить свое мѣсто демократіи... Но мы можемъ увѣрить почтенныхъ представителей стариннаго добраго времени, что имъ нечего особенно пугаться; пусть только они внимательно прослѣдятъ составъ образцовой прусской арміи и они убѣдятся, что экзамены открыли доступъ въ армію очень немногимъ демократамъ, и что большая часть офицеровъ прусской арміи вышла изъ нѣдръ юнкерской партіи.

Завзятые консерваторы въ Англіи были не менѣе раздражены слухами о сближеніи рабочихъ нѣсколькихъ союзовъ съ нѣкоторыми партиями изъ партіи тори.

Скоттъ Россель, строитель «Левіафана», человѣкъ предпримчивый, безпрестанно вступающій въ тѣсныя сношенія какъ съ капиталистами, такъ и съ рабочими, анализируя событія послѣдняго времени, пришелъ къ убѣжденію, что главная причина несчастій Франціи лежитъ въ томъ, что она никакъ не умѣла разрѣшить вопросъ социальный; и это-же самое несчастіе рано или поздно можетъ выпасть на

долю Англии. Убѣжденный также, что социальные вопросы идутъ туго къ своему разрѣшенію отчасти потому, что они мало извѣстны или неправильно толкуются въ вліятельныхъ кругахъ, онъ рѣшился обсудить эти вопросы вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями аристократической партіи и парламентаризма. Сперва онъ обратился къ друзьямъ Гладстона, но они, рассчитывая, вѣроятно, что положеніе ихъ достаточно упрочено, отказались войти въ переговоры. Тори были уступчивѣе; они давно уже жаждаютъ повалить виговъ; имъ не нравятся соперничество богатыхъ буржуа; и они въ сближеніи съ рабочими увидѣли средство достигнуть своей цѣли. Они охотно стали переговариваться съ Росселемъ.

Рабочіе, давшіе полномочіе Росселю, принадлежали преимущественно къ тѣмъ рабочимъ союзамъ, которые уже имѣютъ у себя капиталы и вообще пользуются лучшимъ положеніемъ, чѣмъ ихъ товарищи, принадлежащіе къ «Международному обществу». Переговоры длились девять мѣсяцевъ; Россель былъ единственнымъ посредникомъ между обѣими договаривавшимися сторонами, которыя ни разу не сходились вмѣстѣ для общихъ переговоровъ. Обѣ стороны обязались честнымъ словомъ до времени сохранять въ строгой тайнѣ свои переговоры.

Послѣ девятимѣсячныхъ переговоровъ былъ составленъ въ общихъ чертахъ слѣдующій проектъ закона, который слѣдовало внести въ парламентъ въ ближайшую сессію: 1) Законодательство должно обязать фабрикантовъ давать хорошія, здоровыя и удобныя помѣщенія для рабочихъ, основывая ихъ преимущественно въ городскихъ предмѣстьяхъ; 2) Рабочіе союзы должны быть признаны закономъ, какъ всякія промышленныя товарищества, и будутъ имѣть право петицій въ парламентъ; 3) Рабочій день опредѣляется въ восемь часовъ работы; 4) Правительство обязается на свой счетъ устроить и содержать ремесленныя и техническія школы въ мѣстахъ, гдѣ рабочіе живутъ массами. Это главные пункты предполагавшейся реформы, затѣмъ по настоянію рабочихъ, были добавлены нѣсколькими второстепенными, относительно торговли съѣстными припасами, городскихъ базаровъ, парковъ, способа вознагражденія за трудъ и пр. Рабочіе также настаивали и на томъ, чтобы всѣ желѣзныя дороги были выкуплены правительствомъ и сдѣланы, такимъ образомъ, національной собственностью.

Еще ничего не было рѣшено окончательно, какъ вдругъ въ печати явились толки объ этихъ переговорахъ. Утверждаютъ, что виновникомъ раскрытія тайны былъ старый маркизъ Салисбери, подозрѣвавшій, что всѣ эти переговоры ничто иное, какъ интрига его соперника Дизраэли. Обѣ стороны успѣшили объявить, что никакихъ серьез-

ныхъ переговоровъ не происходило и «новый социальный союзъ» (его уже окрестили этимъ именемъ) умеръ еще до своего рожденія въ свѣтъ.

«Англійскіе пэры, предводители консервативной партіи—пишутъ въ газетѣ «Daily-News»,—пытались заключить союзъ съ рабочими. Ихъ попытки имѣютъ большое сходство съ политикой г. Бисмарка въ то время, когда онъ, предводитель консервативной партіи, воспользовался содѣйствіемъ социалиста Лассала и его друзей для побѣды надъ либералами.... Наши крупные поземельные собственники, повидимому, живо интересуются положеніемъ рабочихъ на фабрикахъ. Но какими глазами смотрятъ они на положеніе своихъ земледѣльческихъ рабочихъ, самое бѣдственное въ цѣломъ свѣтѣ? Если городской рабочій, получающій около двухъ фунтовъ въ недѣлю, имѣетъ право жаловаться на свою участь, то какъ много печальнѣе участь земледѣльческаго рабочаго, зарабатывающаго не болѣе полуфунта въ недѣлю.... Какъ ни смѣшонъ этотъ новый социальный союзъ, но онъ бросаетъ нѣсколько свѣта на счетъ будущихъ контингентовъ въ политикѣ и доказываетъ намъ, что великіе вопросы будущаго будутъ глубоко пронитаны социальнымъ элементомъ.»

Мы привели эту выписку потому, что она выражаетъ собою взглядъ партіи виговъ, которые никакъ не могутъ простить рабочимъ, что тѣ обратились къ содѣйствію консервативной партіи.

«Одной изъ самыхъ характеристическихъ чертъ настоящей политики Франціи, пишетъ «Times»,—представляется направленіе не только анти-республиканское, но даже анти-либеральное ея новыхъ законовъ, изданныхъ въ послѣднее время, и ни правительство, ни сама нація, повидимому, не замѣчаютъ, что они свернули на этотъ путь.

«Вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе отмѣнить всѣ законы второй имперіи, посягающіе на свободу народа, законодательное собраніе, засѣдавшее семь мѣсяцевъ кряду, заботилось только о томъ, чтобы тщательно сохранить эти законы и вообще удержатъ Францію въ томъ положеніи, въ какомъ оставила ее вторая имперія...

«Отъ этой нелогичности, конечно, должна сильно пострадать страна. Очевидно для всякаго, что президенту французской республики невозможно будетъ управлять страной, если всѣ ея учрежденія соотвѣтствуютъ тому порядку, какой представляла собою вторая импе-

рія. Павшій императоръ Наполеонъ III былъ несравненно логичнѣе: захвативъ власть въ свои руки, онъ тотчасъ-же успѣшилъ отдѣлаться отъ учреждений, возникшихъ при республикѣ 1848 года и исполнѣ соответствовавшихъ тому порядку, какой представляла собой эта республика.

«Если законодательное собраніе и правительство желаютъ серьезно пресѣчь всѣ пути къ возстановленію порядка второй имперіи, они должны отмѣнить всѣ бонапартистскіе законы, несовѣстимые съ тѣмъ порядкомъ, какой создало настоящее положеніе Франціи. Для этого даже нѣтъ надобности созывать учредительное собраніе; нужно только продолжать идти по тому направленію, которое намѣчено въ принятомъ нынѣшней палатою законѣ о децентрализаціи. Но съ 4-го сентября 1870 года рѣшительно ничего не сдѣлано для разрушенія заданія, воздвигнутаго второй имперіей. Если-бъ Бонапартъ возвратился завтра во Францію, онъ напелъ-бы, что не тронуть ни одинъ винтъ въ его обширной машинѣ... Если-бъ дѣятели 4-го сентября дѣйствительно задали себѣ задачу строго держаться того порядка, который они сами низвергли, то они не могли-бы лучше выполнять свою программу, какъ они выполняли ее, дѣйствуя, по ихъ словамъ, въ противоположномъ направленіи.

«Въ февралѣ составилось новое правительство, смѣнившее дѣятелей 4-го сентября, но и оно съ такимъ-же рвеніемъ берегаетъ самый ничтожный винтикъ бонапартовской машины. Но если-бъ оно рѣшительно уничтожило всѣ законы, которые дѣлаютъ возможнымъ возстановленіе во Франціи бонапартизма, оно-бы не дрожало теперь передъ всякой, даже самой ничтожной манифестаціей въ пользу бонапартизма...

«Попытка нынѣшняго правительства примирить законы второй имперіи съ республиканскимъ порядкомъ можетъ окончиться весьма плачевно.

«Мы принуждены придти къ такимъ заключеніямъ, прочитавъ во французской официальной газетѣ непрерывныя отмѣны постановленій генеральныхъ совѣтовъ, весьма логично вытекавшихъ изъ настоящаго положенія Франціи.»

Этой выпиской изъ газеты «Times» мы закончимъ наше обозрѣніе.

СОДЕРЖАНИЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИГИ:

Лѣсъ рубяць—щепки летяць. Романъ. Часть четвертая и послѣдняя. (Гл. I—IV).	<i>А. Михайлова.</i>
Податной вопросъ. (Окончаніе)	<i>Н. В. Шемурова.</i>
Къ себѣ. Стихотвореніе Липранди	<i>Л. П. Граве.</i>
Японія и японцы	<i>С. П.</i>
Бриллиантовое ожерелье. Романъ. (Гл. IV—XI).	<i>Антони Троллопа.</i>
Неудавшійся дѣлежъ. Стихотвореніе	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Эмиграція въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	<i>В. П. Онуфрскога.</i>
Живая сила. Романъ въ трехъ книгахъ. (Гл. XXVII—XXX)	<i>Фр. Геритеккера.</i>
Дары весны. Стихотвореніе.	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Новости женскаго дѣла.	<i>С. С. Шашкова.</i>
На пожарищѣ. Стихотвореніе.	<i>Д. М.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Журнальное обозрѣніе	<i>Серафими.</i>
Объясненіе съ редакціей журнала «Знаніе» по поводу Дарвина	<i>Г. Благовѣтлова.</i>
Новыя книги	
Русскій театръ	<i>П. Д. Боборыкина.</i>
Невинныя замѣтки	<i>L'hôte qui rit.</i>
Политическая и общественная хроника	

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЕ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому пер., д. Гаоо № 13.)

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ 2-й ВЫПУСКЪ СОЧИНЕНІЯ

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Третій и послѣдній выпускъ выйдетъ въ половинѣ будущаго декабря, съ приложеніемъ статьи Т. Гексли: КРИТИКИ ДАРВИНА. Всѣ три выпуска составятъ болѣе 80-ти печатн. листовъ, съ 115-тью рисунками, рѣзанными на деревѣ.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р. съ перес.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Редакц. журнала „Дѣло“:

Уроки элементарной физиологій, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц. 1 р. безъ перес. Съ перес. 1 р. 20 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Дра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Ц. тремъ выпускамъ безъ перес. 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

торомъ. — Неудовольствіе чеховъ. — Неожиданное увольненіе графа Бейста. — Всеобщее недовольство и зачѣтанность отношеній въ австрійской имперіи. — Процессъ Келли. — Отмѣна продажи офицерскихъ патентовъ въ Англии. — Попытка сближенія англійскихъ рабочихъ съ представителями аристократіи. — Мнѣніе «Times'a» о политикѣ нынѣшняго французскаго правительства.

Въ слѣдующей книжкѣ начнется печатаніе новаго романа Джоржа Элліота.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасе, № 13)

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Перев. съ англійскаго подъ редакцію Благосвѣтлова. Цѣна 2-му выпуску 1 р. 50 к.

Третій и послѣдній выпускъ выйдетъ въ половинѣ будущаго декабря, съ приложеніемъ статьи Т. Гексли: «КРИТИКИ ДАРВИНА».

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ болѣе 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, рѣзанными на деревѣ, 5 р. съ перес.

При этой книжкѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала Дѣло въ 1871 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала Дѣло; 3) о сатирическомъ журналѣ Исра; 4) о газетѣ Сынъ Отечества; 5) о журналѣ Бесѣда; 6) объ Иллюстрированной Газетѣ; 7) о Петербургской Газетѣ; 8) о журналѣ Ваза; 9) о журналѣ Всемирный Путешественникъ; 10) о журналѣ Модный Свѣтъ; 11) о журналѣ Всемирная Иллюстрація; 12) о журналѣ Переводы Отдѣльныхъ Романовъ; 13) о Собраніи Иностранныхъ Романовъ, Повѣстей и Разсказовъ; 14) о дѣтскихъ книгахъ; 15) о журналѣ Модный Магазинъ; 16) о сатирическомъ журналѣ Будильникъ; 17) о журналѣ Библіотекъ; 18) о Горномъ журналѣ; 19) о книгѣ М. А. Филипова: Судебная реформа въ Россіи; 20) о сочиненіяхъ А. Н. Михайлова; 21) о книгѣ Густава Лебона: Физиологія размноженія человѣка и животныхъ; 22) о выходѣ въ скоромъ времени въ свѣтъ книги: Красота и здоровье женщины, К. Реклама и 23) отъ книгопродавца Д. Е. Ножанчикова.

При этомъ № прилагаются объявленія: отъ редакціи Русской Старины, отъ книжнаго магазина Шигина и отъ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1872 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переулкѣ,
домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ для иногороднихъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Думы, № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Селовьева, бывш. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала «ДЪЛО»:

Безъ пересылки и доставки 14 р.
Съ пересылкою иногородн. 15 » 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ 15 »

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—
19 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 21 р.; Швейцарія — 22 р.; Италія — 23 рубля.

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ-издатель Н. Шульгинъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~AUG 21 1964 H~~

~~342.521~~

Widener Library

3 2044 079 301 842